

Т.Н. ПОПОВА

**ИСТОРИОГРАФИЯ
БИОИСТОРИОПИСАНИЕ
БИЦИЛЛИЕВЕДЕНИЕ**

*Теория
Методология
Практика*

Т.Н. ПОПОВА

**ИСТОРИОГРАФИЯ
БИОИСТОРИОПИСАНИЕ
БИЦИЛЛИЕВЕДЕНИЕ**

*Теория
Методология
Практика*

**Одесса
2022**

УДК 929:930.2(477.74-25)ОНУ"1865/1920"(092)

П 58

Рецензенты

С.В. Кульчицкий – доктор исторических наук, профессор
(Институт истории Украины Национальной Академии наук Украины)

И.И. Колесник – доктор исторических наук, профессор
(Институт истории Украины Национальной Академии наук Украины)

А.В. Ясь – доктор исторических наук,
член-корреспондент Национальной Академии наук Украины
(Институт истории Украины Национальной Академии наук Украины)

Попова Татьяна Николаевна

П 58   Историография, биоисториописание, бициллиеведение: теория, методология, практика / Т.Н. Попова. – Одесса: Бондаренко М.А., 2022. – 472 с.

ISBN 978-617-8005-47-4

Книга посвящена проблемам ведущих направлений научных интересов Т.Н. Поповой, профессора Одесского национального университета имени И.И. Мечникова; в трех разделах в форме отдельных статей представлены наиболее значимые итоги исследований за 1990-е – 2000-е годы по историографии, биоисториописанию и бициллиеведению; тексты включают теоретическую аналитику, методологические модели и портретную галерею – био-этюды А.Г. Брикнера, А.И. Маркевича, В.Э. Крусмана, Е.П. Трифилева, П.М. Бицилли, П.И. Вейнберга, а также просопографический эскиз кафедральной корпорации русистов в Новороссийском (Одесском) университете (1865-1920); в приложении – избранная биобиблиография; в дополнении – рецензии на монографии автора.

УДК 929:930.2(477.74-25)ОНУ"1865/1920"(092)

Книга рассчитана на всех, кто интересуется вопросами историографии, биографистики и бициллиеведения, а также историей Одесского (Новороссийского) университета.

ISBN 978-617-8005-47-4

© Т.Н. Попова, 2022

Содержание

Предварение: самокомментарии (5)

*Публикации:
статьи и фрагменты монографий (9)*

I. Историография (10)

Имена и лики (10)

Дисциплинарный формат изучения (35)

Дисциплинарная история (48)

Дисциплинарный образ историографии (65)

*Историография наук:
о названиях и значениях (84)*

*Историографический процесс:
понятие и модели (101)*

Заметки на полях: о перспективах (108)

II. Биоисториописание (113)

1. Вопросы теории и методологии (113)

Биографизм в гуманитарном поле (113)

*В поисках азимута, или новые
траектории «старого» биографизма (127)*

*Модель биоисториографического
анализа (166)*

2. Биоисториографические этюды (175)

А.Т. Брикнер (175)

А.М. Маркевич (195)

В.Э. Крусман (222)

Е.П. Прифильев (261)

3. Кафедральная корпорация: эскиз (290)

III. Бициллиеведение (315)

Имена и смыслы (315)

К истории рода: версия (326)

Из семейной истории: П.М. Вейнберг (345)

Идея «влияний»

в творчестве П.М. Бицилли (358)

Историографическое плато

на «территории историка» (378)

Портрет: силуэт (400)

Завершение (413)

Приложение (417)

Из биобиблиографии: избранное (418)

Дополнение (429)

Рецензии и отзывы (430)

Предварение: самокомментарии

... комментарий ... должен высказать
впервые то, что уже было сказано,
и неустанно повторять то, что,
однако, никогда еще сказано не было.

Мишель Фуко

Андрей Белый, поэт и мыслитель, был убежден в том, что «всякая ясность – ясность конца...», поэтому «ясно мыслить – значит прекрасно сознавать, где кончается применение сферы *ясного* понятия» и «где наступает *не ясное* для этих понятий...». Любая работа, если ей не свойственна одномерная прозрачность, может быть лишь относительно *ясной*, или что то же в данном контексте – относительно *завершенной*. Вряд ли найдется исследователь, который, изучая достаточно сложную проблему, не признается (пусть только себе) в том, что его решение данной проблемы – лишь «передышка в смятении»¹, а его объяснительная схема всегда будет страдать «синдромом умолчания».

«Незавершенность», «передышка в смятении» и «синдром умолчания» – метафоры, символизирующие законы творчества и проявляющиеся практически всегда (в разной степени и форме) в исследовательской практике. Поэтому основные знаки препинания в науке – *вопрос* и *многоточие*.

«Завершив» пять книг² и создав своеобразный *авторский пентакл*, четко осознаю, что многое из считавшего до сих пор *ясным*, приобретает очередные «глубокие затруднения» (Р. Коллинз) в первую очередь для себя самой.

---

¹ У Андре Моруа «передышка в смятении» означает *счастье*, но ведь и любой человек науки, завершая конкретный труд, испытывает счастье, хотя оно и непродолжительно – «передышка», – за которой начинается новое «смятение» – высвечивается настоящая потребность в *продолжении*: самоосмыслении-углублении-разъяснении-самоопровержении-нахождении и проч. и проч.

² Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. 536 с.; Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М.А., 2017. 456 с.; Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия. Одесса: Бондаренко М.А., 2019. 392 с.; Авто-био-историографические заметки. Одесса: Бондаренко М.А., 2020. 296 с.; Петр Михайлович Бицилли: портрет в манере «сфумато». Одесса: Бондаренко М.А., 2021. 560 с.

Поскольку самовосприятие далеко не всегда тождественно восприятию извне (трюизм!), постольку своеобразные самокомментарии – необходимость уточнения авторской платформы – будут способствовать перманентному возвращению к уже сказанному, возможно, в иных вариациях, но в любом случае подобное «разъяснение» пойдет на пользу диалогу *Автор – Читатель* и для меня лично станет средством «интеллектуального заряда» для осмысления уже осмысленного. В связи с этим данная книга – в определенном роде – самокомментарии. Но для того чтобы не повторять всего, что было опубликовано, книга представлена в форме своеобразного *дайджеста* – концентрированного изложения в 21 главах-статьях основных мыслей и фактов – совокупного результата моей работы за многие годы (в авторском восприятии).

Структура книги отражает триаду ведущих направлений научных интересов – *историографического, биографического и бициллиеведческого*.

Замысел книги связан не только с желанием в определенной мере подвести итоги научной работы, но и обусловлен тем, что, по мнению многих читателей-коллег, мои книги трудно «осилить», учитывая «многообразие» внутри главной темы, обилие специальной терминологии из общего фонда гуманитаристики и других областей знания, достаточно «плотный» информационный и текстуальный формат – все это затрудняет «быстрое» прочтение довольно объемных фолиантов.

Каждая из книг сфокусирована на конкретной проблематике и воспринимается как самодостаточный исследовательский продукт. Однако все мои книги взаимосвязаны: одним триадным тематическим коридором, индивидуальной стилистикой и архитектоникой текстов, манерой *повторов* наиболее значимых для автора идей и постулатов ученых и мыслителей, «сквозным» самоцитированием и т.п.

Структурная последовательность этой книги отражает степень значимости каждой из *тем* и одновременно логику их взаимосвязи.

Историография – стержневая тема с акцентом на дисциплинарный формат изучения истории исторической науки. Поэтому в данном, первом, разделе предложена не только авторская модель историографии как научной дисциплины, но и дано обоснование «дисциплинарности» как универсального явления, пронизываю-

щего все сферы социума, включая науку. Положения этого раздела спроецированы на материал второго и третьего разделов, в связи с чем многие вопросы институционально-дисциплинарного характера, органично вписывающиеся в проблемы биоисториописания и бициллиеведения, не имеют повторно-объяснительного рисунка.

Биоисториописание – второй раздел, в котором акцент сделан на относительно автономную составляющую историографических исследований – *биоисториографию*. Вопросы истории, теории, методологии и практики (био-этюды и просопографический эскиз) био-письма – тематический круг этого раздела, подводящего читателя к третьему – персонологическому.

Бициллиеведение включает не только теоретические размышления автора о новой сфере гуманитаристики, но и биоисториографические разведки – фрагменты из семейной истории П.М. Бицилли, а также авторскую концепцию личности и творчества ученого.

* * *

Книга состоит из трех частей. Первая часть – основная – из трех разделов. Это – тексты, основанные на опубликованных статьях и фрагментах из монографий. Все тексты по сравнению с их оригиналами откорректированы (внесены исправления, уточнения, дополнения, изменена графика) и наиболее четко отражают диапазон исследовательских интересов, методологических и концептуальных позиций автора.

Вторая часть «Приложение» включает – «Из биобиблиографии: избранное». Это данные о наиболее значимых оригинальных публикациях автора¹, которые легли в основу глав-статей книги, в связи с этим сноски и ссылки на источники в текстах приводятся частично (с указанием соответствующей работы); фразы в кавычках – цитаты из источников или метафорические образы. Хронология публикаций в биобиблиографии отражает процесс освоения конкретной проблематики.

Третья часть «Дополнение» – это «Рецензии и отзывы» на книги автора.

---

¹ Вся биобиблиография автора к 2022 г. состоит из 263 позиций. Первый вариант биобиблиографии см.: *Попова Т.Н.* Авто-био-историографические заметки. Одесса: Бондаренко М.А., 2020. С.187-272.

* * *

Квинтэссенция авторской индивидуальной позиции, сформулированной еще в первой монографии (2007), не изменилась: «Автор далек от конструирования синтетических полотен, прямых обобщений и утвердительной категоричности, от хрестоматийной “объяснительности” и квазинаучной назидательности. Эта “версия” – одна из возможных траекторий нашего взгляда “назад” и в “себя”».

* * *

Искренне благодарна своим Учителям и Наставникам, Коллегам, Другам и Ученикам, Родным и Близким, без помощи которых моя работа не смогла бы состояться.

Публикации:

*статьи
и фрагменты
монографий*

I. Историография

... без историографии историк не историк.
Е.А. Косминский

*...сегодня утром, когда я встала, я это была
или не я? Кажется, уже не совсем я!
Кто же я такая в таком случае?*
Льюис Кэрролл

ИМЕНА И ЛИКИ

*Ученый отличается от литератора тем,
что «...цитирует различные мнения
по спорным проблемам,
прежде чем высказать собственное суждение...».*
Ян Парандовский

Историография как История истории в качестве важнейшего раздела исторического знания представляет сегодня самостоятельное научное поле в мировой науке. Однако существуют различные версии ее восприятия, самоназвания и многообразные стратегии ее развития. Безусловно, проблемы *истории истории* нельзя рассматривать без учета новаций в научном мире, среди которых:

- формирование новой модели науки
- трансформация дисциплинарного поля
- столкновение и взаимопроникновение дисциплинарных традиций евроатлантического и восточноевропейского научных ареалов, запада и востока
- вступление истории в «историографический этап» своего существования¹
- переключение «дисциплинарного типа» мышления на

---

¹ Это понятие созвучно понятию П. Нора «историографический возраст» – оно отражает тенденцию в современной историографии, в соответствии с которой «фактологические описания» сменяются «историографическим подходом», проблемно ориентированным критическим анализом источников и концептуальных построений, – но без негативной коннотации, характерной для оценки известным ученым историографической эволюции.

«рефлексивный», «монодисциплинарного» – на «междисциплинарный»

- акцент на ретроспекцию дисциплинарной генеалогии и др.

Историография как *история истории* входит в рефлексивный блок исторического знания и составляет его историко-научную компоненту. «Расцвет и экспансия» *истории истории* во всем пространстве исторических знаний за последние десятилетия способствовали развитию более четкого самосознания историков, пониманию смысла историографической практики, объединению актуальных исторических проектов «западной», в частности, науки, созданию общей «карты» дисциплины истории в XX веке¹.

Тем не менее – *историография* сегодня переживает своеобразный период в своем развитии. На фоне «историографического бума», начавшегося с рубежа 1980-1990-х годов в «постсоветском» пространстве, эта область исторического знания едва не приобрела маргинальную окраску.

Ремарка-уточнение. Синдром маргинальности *истории истории*, по мнению Карлоса Антонио Агирре Рохаса, присущ и западной науке: во многих странах эта важнейшая «область истории», «направление» или «ветвь актуальных исторических исследований» [курсив мой. – Т. П.], цель которой – «повседневная практика исторической саморефлексии», еще играет «второстепенную или маргинальную роль» в иерархии исторических дисциплин.

Научный статус этой области исторического знания имеет разное определение в традициях евроатлантического и восточно-европейского научных ареалов. В «западной» научной традиции в XX веке проблемное поле *истории истории* распределилось среди ряда дисциплин и дисциплинарных областей: интеллектуальной и социальной истории, философии, теории, эпистемологии истории, собственно истории = историографии и проч.; история исторических идей входила в единое исследовательское поле сначала истории идей, затем интеллектуальной истории.

Самонаименование *истории истории* – важнейший показатель ее институционализации. К середине XX века в научной практике в области истории оперировали терминами *historiographie*,

¹ См.: Рохас Карлос Антонио Агирре. Историография в XX веке. История и истории между 1848 и 2025 годами. М.: Кругъ, 2008. С.115-116.

Geschichtsschreibung, historical writing в значении самой научной истории или историописания в целом. Термины *histoire de l'historiographie*, *storia della storiografia*, *history of historical writing*, *Geschichte der Historiographie* обозначали форму исторической рефлексии – *историю историографии*.

Важную роль в институционализации истории историографии сыграл факт создания Комиссии по историографии на XV Международном конгрессе исторических наук (Бухарест, 1980). В 1995 г. Комиссия обрела новое название: Международная комиссия по истории и теории историографии. С 1982 г. Комиссия начала издавать журнал «*Storia della storiografia*», ставший ведущим журналом в области истории историографии. Публикация статей осуществлялась на английском, французском, немецком и итальянском языках, способствуя тем самым распространению новых понятий в широком пространстве научного мира.

В то же время в евроатлантической литературе присутствует лексическое разнообразие. Еще в 1970-е гг. американские ученые соотносили термин «историография» с изучением истории исторических сочинений, с анализом основных интерпретаций тех или иных исторических событий, методов, используемых конкретными историками, историей собственно историописания, а в качестве основных источников историографии определяли труды историков.

Термин «историография» продолжают применять в широком смысле, охватывая все аспекты философии и теории, исследований в области истории и создания исторических трудов. Фокус «новой историографии», получившей свое развитие под влиянием критической философии истории, направлен на изучение «истории историописания», а ее объектом выступает собственно «историографическая традиция» (Ф.Р. Анкерсмит). В многочисленных руководствах по написанию историографических работ, заполнивших современный электронный ресурс, историографию определяют как историю истории – *historiography is the history of history*.

Интенсивный процесс историографических исследований привел в конце XX в. к стабилизации данной области в качестве раздела интеллектуальной истории, «которую иногда называют» – *Intellectual history of history*. Хотя дисциплинарного оформления истории истории в западной науке не произошло¹, достаточно ши-

¹ См.: Ретина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и

рокая исследовательская практика способствовала тому, что данная область обрела свой статус, что нашло отражение в энциклопедических изданиях, в частности в «Новой Британской энциклопедии» («The New Encyclopaedia Britannica», 1994. Volume 20) под самоназванием «*History of Historiography*»¹.

Подъем с конца XX в. интереса к *истории истории* в американской и европейской литературе во многом обусловлен переосмыслением постмодернистского наследия, стремлением к преодолению агностицизма в отношении научного познания истории, к новому прочтению опыта предшествующей историографии.

* * *

Л.П. Репина на примере в основном западной историографии справедливо пришла к выводу о том, что в отношении истории исторической науки = *истории истории* вопрос об изучении ее дисциплинарной истории вообще не ставится, поскольку историография этой древнейшей области знания никогда не ограничивалась «дисциплинарными» рамками, захватывая обширные территории «интеллектуального ландшафта» разных эпох².

В этом плане целесообразно обратить внимание на разные дисциплинарные традиции евроатлантического и восточноевропейского (по крайней мере) научных ареалов.

Ремарка-цитата: «Понятие “источниковедение” и “историография” как ключевые слова в контексте языка интернациональной науки создают значительные трудности. В рамках различных концепций истории и теории науки они предполагают неоднозначный смысл, не имеют адекватного перевода. Немецкое Quellenkunde, как известно, не совпадает с русским пониманием этой дисциплины. Весьма различные значения имеет и термин “историография”. Естественно, что объем по-

---

историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С. 393, 32-33.

¹ См. подробнее: *Попова Т.Н.* Метаморфозы историографии, или история с историей истории // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX – XXI вв. / Отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. М.: ИВИ РАН, 2012. С.198-215.

² См.: *Репина Л.П.* Опыт междисциплинарного взаимодействия и задачи интеллектуальной истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 15. М.: URSS, 2005. С.5-14; История исторического знания: пособие для вузов / Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова. М.: Дрофа, 2004. С.273.

ятий меняется в динамике развития знания и в культурных контекстах. Гораздо важнее поэтому не столько отслеживать функционирование тех или иных понятий, сколько пытаться понять, какую реальность в состоянии исторической науки отражает способ его употребления»¹.

Специфика структуры восточноевропейской исторической науки по сравнению с евроатлантической научно-дисциплинарной традицией проявилась в дисциплинаризации таких рефлексивных областей исторического знания, как историография и источниковедение. Несмотря на первые подходы к осознанию этого феномена², его объяснение еще впереди, однако «...не считаться с ним в современную эпоху нельзя, как и невозможно отказаться от этого научного национального опыта»³.

Каждая научная дисциплина как сложная система обладает специальными механизмами самоорганизации и складывается под воздействием разнообразных факторов интеллектуального и социокультурного характера, в результате чего процесс дисциплинаризации обретает собственную траекторию.

Однако появление во второй половине XIX в. в исторической науке новых, по терминологии современников – *вспомогательных*, дисциплин имело некоторые общие черты:

1) *когнитивно-институциональный аспект* этого явления заключался в том, что к рубежу XIX-XX вв. процесс институционализации исторической науки привел к ее дисциплинарному оформлению, важнейшим показателем которого явилось складывание рефлексивного пространства (т.н. «внешней» рефлексии) исторического знания в форме относительно автономных областей – истории истории, источниковедения, методологии истории со своими предметными полями;

¹ Медушевская О.М. Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. Источниковедение: теория, история, метод / под общ. ред. А.Н. Медушевского. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С.73-74.

² См.: Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. С.187; Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. С. 169-170; Румянцева М.Ф. Источниковедение и историография в структуре исторической науки: опыт сравнительного анализа становления дисциплинарности // Харківський історіографічний збірник. Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2014. Вип. 13. С. 97-107.

³ Алеврас Н.Н. История историографии, интеллектуальная история и историческая когнитивистика: к вопросу о взаимодействии, общности интересов и природе «историографического источника» // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. М.: ИВИ РАН, 2012. С.114.

2) *инфраструктурно-дидактический аспект* нашел свое отражение в том, что дисциплинаризация новых областей исторического знания происходила в формировании единства двух ликов дисциплины – дидактического (учебного) и исследовательского (собственно научного): «университетская наука» XIX в., для которой было характерно то, что «научный лик» выступал в качестве эпифеномена преподавательской деятельности университетской профессуры, строилась по дисциплинарному принципу;

3) *регионально-социокультурный аспект* связан со спецификой университетской системы в Российской империи (в которую входили университеты в украинских землях) по сравнению с западной – с ее более регламентированным подходом к дисциплинарной системе обучения, с единой практикой университетской жизни, общими нормативами; в начале XX в. сложился университетский канон подготовки историков: курсы по источниковедению, историографии, методологии истории, вспомогательным историческим дисциплинам и проч. вошли в повседневную практику «отечественников», «всеобщников» и представителей других разделов науки; исследовательская ипостась рефлексивных дисциплин одновременно получила новый импульс¹.

Нельзя оставить без внимания и следующие моменты.

Во-первых, восприятие историками XIX в. синтеза источниковедческо-историографических компонентов в историческом исследовании² отражало общую тенденцию начальных этапов формирования рефлексивного поля исторического знания – относительную нерасчлененность его составляющих (в едином процессе дифференциации научного знания в классическую эпоху). Лекционные курсы по источниковедению, историографии, методологии истории, неразрывно связанные с исследовательской работой университетской профессуры, имели подвижные контуры, включая подчас одни и те же содержательные блоки. «Процесс вычленения» рефлексивных ветвей «из недр» исторического знания, «разделе-

¹ См.: *Попова Т.Н.* К вопросу о дисциплинарной истории историографии (на материалах Новороссийского университета) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: РИО БГУ, 2010. Вып. 12. С. 174-187; *Кісельова Ю.А.* Становлення та розвиток історіографії в імператорському Харківському університеті. Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2014. 252 с.

² Не исключая библиографию (подчас зарождающееся историографическое направление в исторической науке называли «библиографическим направлением») и методологию.

ние функций» историографии, источниковедения, методологии истории, исторической библиографии – «определенная ступень» в их развитии, приведшая в итоге к формированию самостоятельных научных дисциплин «в полной мере – только в специфическом советском контексте»¹.

Во-вторых, «стимулирование» историографических и источниковедческих курсов в восточноевропейском университетском ареале было связано с отсутствием отечественных учебников практически до конца XIX в. Профессиональный канон – начинать лекционный курс с характеристики источников и литературы по предмету – привел к выделению этих преамбул сначала в пропедевтические («Введение в изучение...», «Обзоры...», «Ознакомление...»), а затем в специальные курсы, которые в своей основе и стали первыми дидактически-исследовательскими изданиями по рефлексивным дисциплинам (работы К.Н. Бестужева-Рюмина, П.Н. Милюкова², В.О. Ключевского, А.С. Лаппо-Данилевского и др.).

В-третьих, авторами университетских курсов по рефлексивным дисциплинам обычно были одни и те же преподаватели. Например, В.Э. Крусман³ в Новороссийском университете читал: «Систематическое источниковедение по новой истории», «Общий очерк вспомогательных наук истории (Курс методологический)», «Главнейшие направления историко-философской мысли в новое время», «Общая теория истории (Курс методологический)», «Вспомогательные науки истории», «Историография нового времени», «Методология истории» и др.

Обращение к историографии, источниковедению, методологии истории в учебной работе являлось выражением научно-

---

¹ Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М.: Наука, 1983. С.207; Источниковедение: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв.ред. М.Ф. Румянцева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 685 с. URL: http://www.hse.ru/pubs/share/direct/demo_document/148655046

² См.: *Трибунский П.А.* П.Н. Милюков как историк русской исторической науки: Дисс. ... канд. ист. наук. Рязань, 2001; *Макушин А.В., Трибунский П.А.* Павел Николаевич Милюков: труды и дни (1859-1904). Рязань, 2001. 439 с.; *Трибунский П.А.* История отечественной историографии в трудах П.Н. Милюкова // *Историографические чтения памяти профессора Виктора Александровича Муравьева. Сб. статей. В двух томах. Том II.* М.: РГГУ, 2013. С.178-223.

³ См. о нем: *Попова Т.Н.* Владимир Эдуардович Крусман: фрагменты персональной истории // *Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов.* Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2017. С.69-91 и др.

педагогической деятельности того круга ученых-историков, для которых в большей степени был характерен научно-критический склад ума, высокий уровень личностной рефлексии, ориентация на новые направления исторических исследований, обусловленная как индивидуальными чертами творческого облика, так и влиянием учителей, научных школ и проч. Вместе с тем никто из первых «историографов» не идентифицировал себя с историографической областью исторических знаний как со своей специальностью.

В-четвертых, в качестве одного из факторов историографизации ¹ учебного процесса можно выделить формирование новых подходов к пониманию задач университетского образования: новые ориентиры связывались не с простой «передачей» определенной суммы знаний, но с приобщением студенчества к самостоятельному научному мышлению, научной культуре. Эта задача могла быть решена, по мнению *передовой* профессуры, благодаря принципиальному изменению методики чтения лекций: вместо традиционного «повествования» преподаватели переходили к «научно-критическому» изложению «отдельной части предмета»². Одновременно своеобразным «противовесом» увлечению фактографическим материалом рассматривались науки, имеющие «общий характер» и стоящие в непосредственной связи с историей – «методология истории, историография, социология и ряд других вспомогательных исторических дисциплин», развитие которых характеризовало «культурную работу конца XIX – начала XX в.»³.

Ремарка-мнение. Уместно в этом контексте вспомнить точное наблюдение *О.М. Медушевской*: источниковедение возникало в качестве альтернативы событийной истории, в границах перехода «от событийной последовательности к выявлению механизмов функционирования целого», рождая при этом новый жанр исследований – «видовое источникове-

---

¹ В данном случае учитывается тот факт, что в лекционных курсах по источниковедению и методологии истории важнейшим компонентом были зарождающиеся *история источниковедения и история методологии*: эволюция источниковедческих приемов и развитие методов исторического исследования рассматривались лекторами в историографическом ключе.

² См.: Отчет о состоянии Императорского Новороссийского университета за 1902 год. Одесса, 1903. С. 2. [Отчет был составлен профессором *И.А. Линниченко*. – Т.П.]

³ См.: *Лаппо И.И.* Современное состояние науки русской истории и задачи ее университетского преподавания // Ученые записки Юрьевского университета. 1906. № 1. Отд. 2. С.11-12.

ведение» (записки иностранцев, жития святых, писцовые книги, посольские книги и проч.) – в противовес «событийному подходу»¹. В процессах дисциплинаризации источниковедения и историографии в российской науке много общего; «объединительным фактом» может быть и факт «ухода» в источниковедческо-историографическую проблематику многих советских ученых, составлявших так называемую «неявную оппозицию» официозу.

В-пятых, институционализация русской истории как научной дисциплины на протяжении XVIII – середины XIX вв. опережало процесс институционализации всеобщей истории. Темпы дисциплинаризации двух ведущих ветвей исторической науки – отечественной истории и всеобщей были неравнозначны: идея всеобщей истории в России по сравнению с отечественной – «довольно позднее приобретение»². В российской науке рефлексивное поле отечественной истории как дисциплины получило более четкую конфигурацию; среди причин – потребности в систематизации собственного источниковедческого массива, в создании собственных процедурных средств³ и проч. Одновременно историография как история истории стала необходимым «приемом» в осмыслении эволюции исследовательских методов и накопленного предшественниками поколениями ученых опыта.

Ремарка-дополнение. Разумеется, это лишь пунктирно обозначенные линии осмысления фрагментарно-ограниченной информации; думаю, что следует обратить внимание и на определенную изолированность отечественников от европейской / мировой науки на протяжении XIX в., и на быстрый «подъем» всеобщников, значительную роль в котором сыграли заграничные стажировки, научные командировки и проч., и на появление «объединяющих» инфраструктурных факто-

¹ См.: Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. С.218, 242.

² Репина Л.П. Пространственные перспективы всеобщей истории // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / Под. ред. Л.П. Репиной. М.: Изд-во ЛКИ, 2011. С.202.

³ См.: Ключевский В.О. Источниковедение. Источники русской истории. Лекция 1 // Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т.УП. М.: Мысль, 1989. С.7. См. подробнее: Попова Т.Н. Из истории Новороссийского университета: памяти А.Г. Брикнера // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: РИО Брянского гос. университета, 2016. Вып.18. С.70-87 и др.

ров – научной печати («Журнал Министерства Народного образования», «Историческое обозрение» и т. п.), Археологических съездов, участия в Международных конгрессах и проч., и на специфику советской науки с ее идеологемой методологического противостояния «буржуазной науке» и т. п.

В последнее тридцатилетие советской науки произошло конституирование *истории истории* как специальной исторической дисциплины под самоназванием **историография**, которое закреплялось в министерских программах и официальной дидактической литературе. Однако ряд известных ученых – С.Л. Пештич, М.А. Барг и др. пользовались понятием «*история историографии*».

Более чем полувековой путь дисциплинарного воплощения историографии в восточноевропейском ареале был далек от линейности и однозначности восприятия¹. Ныне уже никто не сомневается в том, что историография – важнейшая историческая дисциплина, и тем не менее ситуация с историографией не вполне прояснена. Если об «упадке» историографических изысканий говорить на сегодняшний день не приходится, то маркеры институционального кризиса дисциплины историографии сохраняют свою жизнестойкость. Это:

- практика разночтения дисциплинарного наименования – «Историография» / «История историографии» / «История истории» и др.
- многовариантные актуализации предметных составляющих «территории историографии»
- восприятие многообразия различных дисциплинарных «ликов» – науковедческого (сциентистского), культурологического, лингвистического и т.п.
- разрушение «дисциплинарной ментальности»
- «размывание» границ дисциплинарно-официального коммуникативного поля, усиление роли неформальных межличностных контактов между учеными-историографами и проч.

* * *

---

¹ См. подробнее: *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. С.150-191.

Многочисленные «образы» / «лики» историографии, сосуществующие сегодня, свидетельствуют в первую очередь о настойчивом стремлении представителей историографической корпорации выявить оптимальные тенденции ее дисциплинарного обновления, сохранить и упрочить дисциплинарный статус.

Идеи многоликости и «многообразности» историографии, исходя из полисемантической «имени», сложной структурированности объекта и стремительного расширения предмета, заслуживают особого внимания.

Согласно *Георгу Иггерсу*, компаративистски ориентированная глобальная история историографии – приоритетное содержание данной области знания на современном этапе. Подобный проект должен предусматривать комплекс идей, которые для ученого с его коллегами предстают как постулаты исследовательской стратегии:

1/ идея о взаимовлияниях западных и *не* западных миров как гетерогенных феноменов;

2/ идея об историографии – как *объекте истории историографии* – не только как о форме репрезентации прошлого, но и как о форме исторической памяти, которые взаимосвязаны «с другими аспектами жизни общества» и опосредованы спецификой исторической культуры в регионально-темпоральном плане;

3/ идея об осознании пределов исторической науки (шире – историописания в целом) «как основы для создания компаративной, межкультурной истории исторической мысли» с опорой в первую очередь на «исторические тексты» (как элементы культуры) в «широком институциональном, политическом и интеллектуальном контексте», на необходимость перманентной «критики искажений прошлого» в связи с осознанием «границы рационального исследования» и наличия «собственных пристрастий» у историков;

4/ идея о необходимости включения в предмет изучения истории историографии организационной структуры исторической науки и преподавания истории («разработку дисциплин университетского цикла для профессиональных историков»);

5/ идея о связи истории исторического сознания и историописания с процессами глобализации и модернизации;

6/ идея о вестернизации и модернизации историографии «за пределами Запада», не теряющей одновременно «связи с прежними местными традициями»;

7/ идея об изменениях «в процедурах исторического исследования, произошедших во всем мире под влиянием глобализации»;

8/ идея о «картографии современной исторической практики», для которой характерны пять «тенденций»: продолжающиеся «культурные и лингвистические повороты», способствующие подъему т.н. «новой культурной истории»; экспансия феминистской и гендерной истории; новый альянс между историческими и социальными науками в свете постмодернистской критики; вызовы национальной историографии, связанные в значительной степени с изучением постколониализма; подъем всемирной и глобальной истории, а также истории глобализации;

9/ идея отказа от европоцентризма;

10/ идея о защите «процедуры рационального исследования» в противовес постмодернистским литературным теориям, приводящим «к крайнему эпистемологическому релятивизму»¹ и др.

Л.П. Репина определяет разные подходы к изучению истории историографии (истории истории) в зависимости от ее образа. Если рассматривать историографию как *академическую дисциплину* – науку о прошлом, то историю исторической дисциплины – историю исторической науки – можно описать «в трех измерениях, или тремя моделями», которые сосуществуют и постоянно взаимодействуют:

- 1) «модель упорядочения и непрерывной коррекции исторической памяти»;
- 2) «модель дисциплинарности»;
- 3) «модель междисциплинарности».

Если историю историографии представить как *историю исторического знания* – «неотъемлемую составляющую интеллектуальной истории», то формирование ее содержательного пространства будет подчинено задачам:

- 1) выявления исторических изменений фундаментальных принципов, категорий, методов и содержания познания;
- 2) изучения процессов становления и развития исторического сознания и исторической культуры, стиля исторического мышления и историописания, средств и форм научного исследования.

---

¹ См.: Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии / Г. Иггерс, Э. Ван (при участии Суприн Мукерджи); пер. с англ. О. Воробьевой. Науч. ред. Марина Кукарцева. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С.23-38.

Все эти линии должны рассматриваться «в общем контексте духовной культуры, социально-политических, организационных и информационно-идеологических условий конкретной эпохи»¹.

С.И. Посохов, обосновывая идею «многоликой» историографии, выделяет ее образы – «наукоедческий», «литературоведческий», «культурологический», которые, опосредованные собственной стратегией исследования при анализе историографических фактов и историографического процесса в целом, набором собственных принципов, методов и категорий (ограниченных конкретным «радиусом действия», не исключая возможности «обобщений»), выступают в качестве равноправных «ипостасей» историографии².

Данное понимание дисциплины соответствует принципам «многомерной методологии»: полифундаментальности, дополненности и плюрализма. С позиций полифундаменталистского видения объекта речь идет о том, что каждая теория описывает именно целое (отдельную «ипостась»), а не его часть; но поскольку любая теоретическая система вырабатывает собственную модель целого, которая не в состоянии исчерпать всех существенных характеристик объекта, постольку ни одна из альтернативных теорий не может претендовать на конечный результат – истину. С позиций принципа дополненности эти альтернативные теории / модели следует рассматривать не в контексте конфронтационности, но как самодостаточные и взаимодополняющие – в контексте единства («сложная ипостась») – для целостного восприятия многосущностного объекта исследования; при таком типе моделирования в сами модели входят, казалось бы, взаимно несовместимые, «дополнительные образы» изучаемого явления³. Историографию

¹ См.: *Репина Л.П.* Историческая наука в предметном поле интеллектуальной истории // История и историки в прошлом и настоящем / Под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2013. С.5-22.

² См. подробнее: *Посохов С.И.* Многоликая историография: образы историографии как научной и учебной дисциплины // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С.243-245; *Пикалов В.Г., Посохов С.И.* Багатолика історіографія (Образи історіографії як наукової та навчальної дисципліни // Харківський історіографічний збірник. Вип.8. Харків: Вид-во НУА, 2006. С.156-159.

³ См.: *Алтухов В.Л.* Смена парадигм и формирование новой методологии (попытка обзора дискуссии // Общественные науки и современность. 1993. № 1. С.88-100. Нельзя сказать (вопреки воодушевлению начала 90-х), что полифундаменталистское мышление стало *всеобщим* – его утверждение имеет скорее «точный» характер (по закону индивидуальной восприимчивости) и плотно окутано покрывалом декларативности.

сегодня действительно можно воспринимать как «сложно-ипостасное» явление, изучение которого требует сочетания взаимодополняющих моделей-образов¹.

Сегодня в решении проблемы дисциплинарного бытия историографии наметились две тенденции.

Ведущая тенденция нацелена на перспективу дисциплинарной самостоятельности историографии, отражая стремление ученых к укреплению ее дисциплинарного статуса за счет переструктурирования предметного поля и расширения исследовательского инструментария на пути междисциплинарного синтеза. В этом плане «разрушения» дисциплины не происходит: центростремительные силы, сохраняя *свое* и привлекая на своем пути *чужое*, создают иной дисциплинарный мир, радикально обновляя «старую» дисциплину, глобально раздвигая ее дисциплинарные границы: академическая «дисциплина приобретает новый облик», находясь «на подъеме»², – это справедливо в отношении обеих традиций *истории истории* – восточной и западной.

Этой тенденции созвучны взгляды тех западных ученых, которые определяют историю историографии, не фиксируя ее самостоятельный дисциплинарный статус, как:

- «область истории»
- «направление»
- «ветвь актуальных исторических исследований».

Ориентиры в ее развитии в качестве исторической саморефлексии связываются с принципиальным обновлением ее содержательного поля и повышением ее статуса в «историографической вселенной»³.

Вторая тенденция – линия на «раздисциплинирование» историографии, передачу ее функций иным областям, дифференциацию ее дисциплинарного поля и т. п. – имеет в большей мере дискуссионный характер.

¹ С позиций «нового типа методологического сознания», в основе которого идеи «конструктивного альтернативизма», изучение историографии в разных «ипостасях» можно осуществлять «в соответствии с познавательным контекстом». См. подробнее: *Лубский А.В.* Интеллектуальная ситуация в исторической науке после постмодернизма // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX - XXI вв. М.: ИВИ РАН, 2012. С.12-13.

² См.: *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С.401, 388.

³ См.: *Рохас Карлос Антонио Агирре.* Историография в XX веке. История и истории между 1848 и 2025 годами. М.: Кругъ, 2008. С. 10-13.

Ремарка-мнение. Справедливо замечено, что одно из ярких проявлений кардинальной трансформации ландшафта знания к рубежу XX-XXI вв. – появление *субдисциплинарных направлений*, которые множатся с невероятной скоростью. Традиционные проблемы междисциплинарных «стыков», приграничных отраслей социогуманитарного знания быстро уступили место экспансии субдисциплинарных направлений. Субдисциплинарность распространена практически во всех сферах и предметных областях дисциплинарного знания – сегодня невозможно репрезентовать историю науки и научного познания вне междисциплинарных и субдисциплинарных измерений. Это касается и истории историографии, в широком смысле – истории историописания, на территории которых субдисциплинарность представлена десятками разнообразных направлений и их конфигураций. Суть проекта, предложенного украинскими учеными, в том, чтобы посмотреть на историю науки и социогуманитарного знания, историю историописания не в свете «генерализирующей интерналистской палитры» истории науки, а «изнутри», с перспективы создания, конституирования и институционализации субдисциплины в разных академических мирах – интеллектуальной истории, визуальной истории и региональной истории. Таким образом, история науки предстает как субдисциплинарная история, как «экспериментальный формат конструирования и представления истории историописания»¹.

Ведущая линия в осмыслении *истории историографии* / *историографии* – ее восприятие не только как интегративного сегмента исторического знания, но и как стержня истории исторической культуры и исторического сознания. Однако спецификой современной ситуации является факт разновекторной стратегии *истории истории* – ученые связывают будущее дисциплины с определенным тематическим полем:

- компаративистски ориентированной глобальной историей (Г. Иггерс и др.)

---

¹ См.: Нариси з соціокультурної історії українського історієписання: субдисциплінарні напрями: колект. монографія / Удод Олександр, Верменич Ярослава, Ковалевська Ольга, Ясь Олексій; упоряд. текстів й наук. апарату С. Блашук, Н. Пазюра; за загал. ред. В. Смоля; НАН України; Ін-т історії України. Київ: Генеза, 2018. С.3-4.

- интеллектуальной историей в широком культурном контексте¹
- историографическим процессом²
- историографическим бытом³
- коммуникативным полем⁴
- концептуальной историей⁵
- историей исторической памяти, историей «историзации прошлого»⁶
- источниковедением историографии⁷
- субдисциплинарной историей (А.А. Удод и др.) и проч.

Ремарка-заметка. И.И. Колесник, анализируя эволюцию методологических моделей историографии в Украине на протяжении XIX-XXI вв., выделяет «образы-репрезентации» историографии: «традиционная биографическая модель» в виде совокупности биографий, работ историков, далее – «классово-репрессивная модель» как борьба идейных течений в науке, затем – модель интеллектуальных сетей и история понятий⁸.

В этом «разновекторном движении» стоит обратить внимание на мысль Н.Н. Алеврас о том, что предметное поле историографии следует воспринимать как органическое «многослойное целое», в

¹ См.: Репина Л.П. Историческая наука в предметном поле интеллектуальной истории // История и историки в прошлом и настоящем / Под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 5-22.

² См.: Попова Т.Н. Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия. Одесса: Бондаренко М.А., 2019. С. 289-313 и др.

³ См. подробнее: Алеврас Н.Н. Историографическое знание и проблема историографического быта: смысл и происхождение научной категории // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 22 (276). С. 79–85 и др.

⁴ См.: Корзун В.П. Коммуникативное поле исторической науки: новые ракурсы историографического исследования // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сб. статей / под ред. Н.Н. Алеврас и др. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 290–302 и др.

⁵ См.: Колесник І. Українська історіографія: концептуальна історія. Київ: Інститут історії України НАН України., 2013. С. 21-32.

⁶ См.: Антощенко А.В. Зачем изучать историографию? // МАВРОДИНСКИЕ ЧТЕНИЯ 2018: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина / Под ред. д-ра ист. наук А.Ю. Дворниченко. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 560-564 и др.

⁷ Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание. Орехово-Зуево: Изд-во МГОГИ, 2013. 252 с. и др.

⁸ См.: Колесник І. Історія історіографії в Україні: методологічні моделі // Historia historiografii i metodologia historii w Polsce i na Ukrainie. Історія історіографії і методологія історії в Польщі та в Україні / pod redakcja naukowa Jerzego Maternickiego, Joanny Pisulinskiej i Leonida Zaszkilniaka. Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego Rzeszow, 2015. С. 77.

качестве «ядра» которого – «профессиональная историческая культура», вписанная в контекстные «круги» разнообразных процессов жизни социума¹.

«Новый образ историографии», по мнению В.П. Корзун, – диалогичен, «кажущаяся фрагментарность историографического поля это движение вперед, это прорыв за линию обозначенных ранее горизонтов, который позже будет осмыслен в новую дисциплинарную матрицу»².

Экскурс: Из истории историографии

Процесс дисциплинаризации историографии в восточноевропейском научном поле концептуализируют по-разному.

Проблема генезиса историографических знаний, включающая проблему дисциплинаризации *истории истории* – как теоретическая и историко-историографическая – вошла в сферу исследовательских интересов ученых с тех пор, как стала формироваться рефлексивная составляющая самой истории исторической науки.

Истоки обращения к этой проблеме в XIX – начале XX веков наиболее четко обозначились уже у А.Г. Брикнера (Новороссийский / Одесский университет) и А.С. Лаппо-Данилевского (Санкт-Петербургский университет). П.М. Бицилли одним из первых стал читать в Новороссийском университете специальный курс «История историографии», а в «Очерках теории исторической науки» (1925) сформулировал идеи, важные для осмысления сути новой дисциплины.

Н.Л. Рубинштейн, бывший студент Новороссийского (Одесского) университета, ученик П.М. Бицилли, затем один из крупнейших советских ученых – фигура знаковая в процессе институционализации историографии, – своим творчеством привнес в советскую науку лучшие традиции своей *alma mater* и университетской

¹ См.: Алеврас Н.Н. И снова про...предмет историографии (трансформация предметного пространства и категория «историографический быт») // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С.238-240.

² Корзун В.П. Несколько лекций по методике историографического анализа: современные исследовательские практики: учебное пособие / В.П. Корзун, М.А. Мамонтова, Н.А. Коновалова, Ю.П. Денисов. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. С.33-34.

науки предшествующего периода и сумел создать ореол привлекательности историографии для критически-мыслящих советских историков¹. Своими идеями он оказал значительное влияние на концептуальные подходы историографов 1960-1980-х годов.

В советскую эпоху – эпоху конституирования историографии как специальной исторической дисциплины – проблема ее «источков» и особенностей становления получила свое первоначальное концептуальное решение в работах Л.В. Черепнина, М.В. Нечкиной, В.Е. Иллерицкого, А.М. Сахарова (Москва), А.Л. Шапиро, С.Л. Пештича (Ленинград), Ф.П. Шевченко, А.В. Санцевича, В.Г. Сарбея (Киев), В.И. Астахова (Харьков) и др. Учеными были обозначены «истoki историографического знания» (XVIII в.), «начальные рубежи» появления новой области исторического знания (20-40-е годы XIX в.; 1850-е гг.; вторая половина XIX в. и проч.) и предложена соответствующая аргументация собственных научных позиций. Среди факторов, детерминирующих становление историографии (и «показателей» этого процесса):

- утверждение историко-критического метода в исследовательской практике,
- полемика вокруг «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина,
- расширение жанрового многообразия историко-научных трудов,
- начало чтения историографических курсов в университетах,
- кризис исторической науки и проч.

Первые «теоретические онтологии» – предметное исследование проблемы – принадлежат *Р.А. Киреевой* (Москва, рубеж 1970-1980-х гг.) и *И.И. Колесник* (Днепропетровск, рубеж 1980-1990-х гг.), при этом проблема генезиса истории истории оказалась спроецированной на проблему дисциплинаризации, хотя теоретического обоснования концепта «дисциплинарность» в исторической литературе предложено еще не было.

Историографическую концепцию *Р.А. Киреевой* можно условно обозначить как «*дидактическую модель историографии*»: ее стержневая идея сфокусирована на положении о дидактической детерминированности дисциплинарного оформления историографической ветви исторических знаний – появление историографии связано с процессом преподавания, и сама дисциплина приобрета-

---

¹ «Феномен Рубинштейна» по И.И. Колесник.

ла в первую очередь статус «университетской дисциплины».

Вектор движения историографии у Р.А. Киреевой – от учебной дисциплины к научной дисциплине. Субъектом, «носителем» нового историографического знания, выступала университетская профессура – профессиональные ученые; их лекционные курсы становились и первыми историографическими публикациями. К началу XX в. историография приобрела собственное лицо, заняв определенное место в системе исторической науки и исторического образования.

Хронологически процесс дисциплинаризации историографии Р.А. Киреева определяет в границах – середина XIX в. (деятельность С.М. Соловьева) – 1960-1980-е гг. Создание специальных организационных структур, а главное, «внутренний рост» дисциплины – появление «теоретико-методологических обобщений», начало разработки истории историографии – выступают основными критериями завершения процесса дисциплинарности. Официальное утверждение дисциплинарного «имени» – историография, обретение нового статуса – специальной исторической дисциплины – свидетельствовали о получении «прав гражданства». Именно Р.А. Киреевой принадлежит введение в научный оборот новых категориальных формул – *проблемная историография* и *история историографии*¹ как «история в третьей степени», открывшая новое проблемное поле собственно историографической рефлексии.

Ремарка-вывод. Работа Р.А. Киреевой, выполненная в границах традиционного академического историописания, представляет собой глубокое по охвату проблем и их концептуальному решению новаторское исследование, вошедшее в историографическую классику. Однако с позиций современных науковедческих теорий дуэт научная дисциплина / учебная дисциплина («двуликий Янус») едва ли стоит радикально разделять – это две ипостаси научной области, дисциплинарно оформленной. Кроме этого, в XIX в., в эпоху т.н. «университетской науки», научные исследования выступали как эпифеномен учебного процесса – преподавательской деятельности. В связи с этим уместно говорить о факторах, стимулирующих дисциплинарный процесс в конкретный период, и меня-

---

¹ Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М.: Наука, 1983. С. 3, 13.

ющемся соотношении «ликов» в едином поле дисциплины. Тем не менее многие положения историко-историографической концепции Р.А. Киреевой сохраняют актуальность и востребованность в современном научном поиске.

Иная позиция у **И.И. Колесник**, которая, обратившись к междисциплинарному арсеналу, предложила *«рефлексивную модель историографии»* на материалах истории русской исторической мысли¹. И.И. Колесник принадлежит приоритет в применении науковедческого подхода к анализу генезиса истории исторической науки, а также в использовании категории «рефлексия» для объяснения природы историографии и механизмов ее возникновения. Историография, согласно ее модели, – это «рефлексивный компонент процесса исторического познания», который предстает в двух формах – «внутренней» (личностная рефлексия историка и проблемная историография) и «внешней» – дисциплинарной: история науки, методология истории и др. В системе исторической науки все формы рефлексии находятся в состоянии взаимосвязи и взаимодействия.

Впервые в историографической литературе используя категорию «образ науки», И.И. Колесник выстраивает стадийную последовательность «образов историографии» по следующей схеме:

1) с XVIII в. складывается «эмпирический образ» «научной историографии»;

2) с 20-30-х годов XIX в. – «начало» трансформации «эмпирического образа» в «собственно научный»; это – время формирования историографии как «особой области изучения»;

3) с середины XIX в. (с трудов С.М. Соловьева) идет процесс формирования «дисциплинарного образа» историографии:

– в период 1917-1930-х гг. «процесс создания организационно-дисциплинарных структур» историографии был «приостановлен» и «возобновлен» с конца 1930-х – начала 1940-х годов;

– «завершение» приходится на 1950-1980-е годы – критерии:

- рост самосознания исторической науки
- разработка проблем методологии и истории историо-

¹ См.: Колесник И.И. Историографическая мысль в России: от Татищева до Карамзина. Днепропетровськ: Вид-во ДДУ, 1993; Она же. Українська історіографія. XVIII – початок XX століття. Київ: Генеза, 2000. С. 18-26; Она же. Українська історіографія: концептуальна історія. Київ: Інститут історії України НАН України, 2013. С. 120-131.

графических исследований (появление истории историографии как формы историографической рефлексии)

- укрепление организационных основ.

Рефлексивная природа историографии, считает И.И. Колесник, определяет и ее особое место в системе научного знания, и ее функциональное предназначение: именно историография обеспечивает сферу управления, планирования и контроля за познавательной деятельностью историка. Ведущие функции – конструктивная, направленная на получение нового знания, и парадигмальная как «способ поддержания данной системы историописания» – выступают в качестве функций «самопознания науки» и являются «регуляторами системы» исторической науки, вне которых эта система не может функционировать, воспроизводиться и развиваться.

Ремарка-вывод. Рефлексивная модель историографии¹, впервые обоснованная И.И. Колесник в исторической науке, прочно вошла в современную хрестоматию историко-научного знания.

Среди новейших – концептуальная схема, предложенная **М.Ф. Румянцевой** и **С.И. Маловичко**², которую можно условно обозначить как «функциональную модель историографии». «Исходная гипотеза», сформулированная М.Ф. Румянцевой, содержит идею о том, что дисциплинаризация историографии была детерминирована сменой «типов рациональности / моделей науки», в связи с чем «реперные точки» в процессе преобразования моделей исторической науки определяли/ют «моменты трансформации дисциплинарного статуса историографии».

Ремарка-справка. Пользуясь «привычным термином историография», оба автора считают более предпочтительным «нейтральный» и одновременно «всеобъемлющий» термин

¹ Понятия *дидактическая модель* и *рефлексивная модель историографии* впервые были предложены Т.Н. Поповой. См.: *Попова Т.Н.* Проблема формирования историографии как научной дисциплины: традиционные подходы и новые модели // Записки исторического факультета. Вып. 1. Историография и специальные исторические дисциплины. Одесса: ОГУ, 1995. С. 3-45.

² См.: *Румянцева М.Ф.* Источниковедение и историография в структуре исторической науки: опыт сравнительного анализа становления дисциплинарности // Харківський історіографічний збірник. Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2014. Вип. 13. С. 97-107; *Маловичко С.И.* Трансформация функций истории истории в системе исторической науки // Там же. С.74-84.

история истории, поскольку традиционное дисциплинарное наименование в современной «теоретико-познавательной ситуации» (настоятельно требующей дифференцированного подхода к исторической науке и социально ориентированному историописанию и аналогично – к истории исторической науки и истории исторического знания, а также истории историописания) перестало соответствовать объекту исследования.

С.И. Маловичко акцентирует внимание на том факте, что конкретный тип рациональности «актуализировал» определенные функции истории истории, которые в конечном счете формировали отношение исследователей к этой области знаний, придавая ей характерный облик и определяя ее статус.

1. В эпоху классической рациональности история истории выполняла «методическую функцию», превращаясь в «копилку» историографического опыта и ориентируя исследователя на «холистический эмпиризм» и «аннотируемую библиографию». Усиление критической функции с тенденцией к доминированию имело свою специфику в этот период: историография становилась исследованием ошибок предшественников.

2. В эпоху неклассической рациональности «история истории как рефлексия о процессе конструирования истории», оставаясь «критической», все более приобретает «функцию деконструкции». В это же время изменяется статус истории истории: в советской науке историография из вспомогательной становится специальной исторической дисциплиной, появляется новый объект ее исследования – собственная история: начинается конструирование истории историографии – возникает «новая функция саморефлексии».

3. Постнеклассическая модель исторической науки актуализировала новые проблемные поля; произошли радикальные изменения на гносеологическом уровне; в историографических исследованиях утвердились принципы методологического и культурного плюрализма, поли- и междисциплинарные подходы, моделирование форм исторического познания и социокультурная контекстуальность. В итоге предметные поля современного научного исторического знания «преодолевают классическую дисциплинарную модель науки». История истории, считает С.И. Маловичко, по-прежнему выполняет функцию деконструкции, но объектом анализа выступает не столько история исторической науки, сколь-

ко история исторического знания и историческая память, при этом акцентируется методологический прием понимания.

Обращая внимание на тот факт, что прежний подход к определению историографического источника как источника исторического, несущего информацию об историографическом процессе (М.В. Нечкина, Л.Н. Пушкарёв, А.И. Зевелев и др.) соответствует «парадигмам классической науки, исчерпавшей свой эпистемологический потенциал в конце XIX в.», а «историографическая деконструкция», возникшая в эпоху неклассической модели науки, становится в эпоху неоклассической модели науки обязательным условием «осуществления феноменологической редукции», авторы отводят функции системности, этической и экспертной [составлявших ранее «парафию» историографии. – Т. П.] новому предметному полю – *источниковедению историографии*, предложившему «метод источниковедения для изучения истории исторического знания в междисциплинарном пространстве интеллектуальной истории»¹.

Энциклопедические статьи обычно суммируют исследовательский опыт, одновременно авторы акцентируют собственные позиции.

А.В. Ясь, рассматривая дисциплинаризацию украинской историографии, отмечает, что процесс интитуционализации историографии как дисциплины длился в Украине на протяжении XIX – начала XX вв. в интеллектуальном пространстве и социокультурной среде Российской империи и Австрийской империи, отражая общие тенденции формирования этой области знания в данных национально-государственных образованиях. На протяжении 1960-1980-х гг. формирование дисциплинарного статуса историографии в Украине происходило в границах официальной советской доктрины.

Общая схема дисциплинализации включает следующие этапы:

1) 2-я половина XIX в. – становление историографии как учебной дисциплины в университетах Российской империи, выделение из историографически-источниковедческих и историографически-библиографических работ собственно историографических студий; формирование проблемного поля (исторические взгляды

---

¹ См.: *Маловичко С.И., Румянцева М.Ф.* История как строгая наука vs социально ориентированное историописание. Орехово-Зуево: Изд-во МГОГИ, 2013; *Маловичко С.И., Румянцева М.Ф.* Источниковедение историографии // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С.203.

ученых, жизнеописания, обзоры научного наследия и проч.);

2) рубеж XIX-XX вв. – определение содержательного наполнения понятия историография в контексте истории науки, истории идей, истории культуры; постепенное вытеснение из употребления термина «историография» как синонима термина «историческая наука»;

3) 1960-1980-х гг. формирование дисциплинарного статуса историографии с вариациями подходов:

а/ специальная историческая дисциплина с более-менее широким проблемным полем;

б/ специальная область исторической науки;

в/ составная часть общественной мысли.

Общепризнанным считалось разделение историографии на «донаучную» и научного (академического) периода; типология историографии включала: общую (развитие исторических знаний и науки в целом), предметную и проблемную.

Для украинской историографии 1990-2000-х гг. характерно:

1) на протяжении 1990-х гг. развитие происходило под лозунгом возвращения к национальному историографическому наследию;

2) в конце 1990-х – начале 2000-х гг. началась разработка теоретико-методологической проблематики, подготовка дидактических курсов по национальной историографии, освоение европейского и мирового опыта, переориентация на изучение традиционного проблемного поля историографии с перспективы интеллектуальной истории и проч.;

3) ныне украинская историография развивается под возрастающим влиянием интеллектуальной истории, науковедения, философии истории, культурологии и других дисциплин социогуманитарного профиля, что способствует расширению предметной области, обогащению методологического инструментария, формированию нового понятийного аппарата, расширению междисциплинарных подходов; одновременно влиятельными остаются традиционные подходы и концепции.

Дисциплинарный статус историографии, обозначенный в современной литературе:

1) специальная дисциплина или область исторической науки с сугубо утилитарными целями;

2) науковедческая дисциплина, изучающая историю исторической мысли и исторической науки как социального института;

- 3) наука, исследующая историю историографического процесса во всем его разнообразии;
- 4) важная составляющая интеллектуальной истории, неотъемлемая часть культурного мира идей¹.

Ремарка-вывод. «Реперные точки», определяющие рубежи дисциплинарного созревания историографии, более-менее идентичны во всех моделях; главные «эпохальные» периоды дисциплинаризации:

- 1) середина XIX – начало XX вв. с акцентом на «порубежье»;
- 2) 1950 / 1960 – 1980-е гг. – завершение процесса.

Особое мнение высказывают **И.Л. Бельский, Г.Р. Наумова, А.Е. Шикло, М.Ю. Пармонова**. Согласно Г.Р. Наумовой и А.Е. Шикло историография становится самостоятельной дисциплиной с середины XIX в., когда четко определились ее предмет, задачи, значение, принципы изучения, а также классификация и периодизация исторических знаний². В энциклопедической статье авторы определяют историографию как специальную научную дисциплину, трактующую «опыт познания истории», и констатируют: дисциплинарное оформление историографии происходит в границах – от полемики вокруг «Истории...» Н.М. Карамзина до 1890-1910-х гг.³.

---

¹ См.: Ясь О.В. Історіографія, як термін, поняття та дисципліна // Енциклопедія історії України: Т. 3: Е-Й / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. Київ: Інститут історії України НАН України, 2005. С.584-591.

² См.: Наумова Г.Р., Шикло А.Е. Историография истории России: учеб. пособие. М.: Дрофа, 2008. С. 6.

³ См.: Бельский И.Л., Наумова Г.Р., Пармонова М.Ю. Историография // Энциклопедия. 2015-2016 гг. URL: <http://knowledge.su/i/istoriografiya->

ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ФОРМАТ ИЗУЧЕНИЯ

*Дисциплина – это
«Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй»¹*

Проблема дисциплины и дисциплинарности в наукознании (= комплекс наук о науке) как предмет исследовательского интереса за последние десятилетия пережила падения и взлеты. Еще недавно дисциплинарное строение науки считали анахронизмом: на первый план выдвигался проблемный образ науки и проблемно ориентированная организация науки, идея междисциплинарности нивелировала идею дисциплинарности.

Однако приблизительно с 2010-х гг. о себе заявил «дисциплинарный поворот»: были «проблематизированы вопросы об основаниях исторической дисциплины»² – ученые пришли к выводу о том, что «...пророчества о “преждевременной смерти” дисциплинарной организации современной Науки оказались... метафорическими преувеличениями...»³, а «...дисциплинарная матрица обнаружила способность к восстановлению...»⁴; в междисциплинарности выявились собственные проблемы, а институциональные структуры, несмотря на лозунг «раздисциплинирования науки», упорно не желали уступать своих дисциплинарных позиций.

Дисциплинарный поворот (один из многочисленных поворотов в эпистемологических поисках ученых)⁵ – своеобразный «ренессанс дисциплинарного принципа»⁶ – спровоцирован целым спектром разнообразных факторов:

¹ Эпиграф к своей книге «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) А.Н. Радищев заимствовал, перефразировав слова В.К. Тредиаковского («Тилемахида», 1766).

² Историки в поисках новых перспектив. Коллективная монография / Под общей редакцией З.А. Чеканцевой. М.: Аквилон, 2019. С.19.

³ Дисциплінарні виміри української історіографії: Колективна монографія / Відп. ред. та керівник авт. колективу О.А. Удод. К.: НАН України. Ін-т історії України, 2015. С.5.

⁴ Ретина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С. 550.

⁵ О «поворотах» и «вызовах» см. подробнее: Попова Т.Н. Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия. Одесса: Бондаренко М.А., 2019. С. 54-89.

⁶ Науки о человеке: история дисциплин: коллект. моногр. / сост. и отв. ред. А.Н. Дмитриев, И.М. Савельева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С.7-38.

1) интеллектуально-научных:

- кардинальная смена научно-мировоззренческих платформ
- трансформация дисциплинарных полей
- размах междисциплинарных исследований наряду с обозначившимися проблемами собственно междисциплинарности
- углубляющаяся дифференциация научного знания
- вступление в «историографический возраст» научной мысли
- интенсивные поиски новых эпистемологических идеалов, которые чаще всего происходят на позициях «отрицания» предшественного опыта
- «ветшание» классической академической системы знания
- расслоение научных сообществ, теряющих базовые основы профессиональных принципов и т. п.;

2) социокультурных:

- наметившийся кризис либеральной идеи и мультикультурализма
- толерантность «без берегов»
- утверждение «общества потребления»
  - с его фрагментарным типом мышления,
  - с амбициозностью и агрессивностью невежд,
  - с масс-культурой и информационными «фейками», подменной и смещением основополагающих культурных понятий / ценностей,
  - с тенденцией трансформации демократии в охлократию и т. п.;

3) геополитических – «конец знакомого мира» / И. Валлерстайн / озаменовался:

- перманентными гибридными войнами
- разрушением межгосударственной «договорной системы»
- игнорированием международных норм во взаимоотношениях стран и народов
- практическим санкционированием системы «двойных-тройных- и т. п.» стандартов общения
- расцветом политического «закулисья» и проч.

В основе этих «тектонических сдвигов» – разрушение (среди прочих) идеи дисциплинарности – *цивилизационного феномена*, конституционного стержня существования государств, которую пытаются изъять из обихода сообществ, превращая их из собственно *со-обществ*, т.е. структур, объединенных некой общностью

взглядов, норм общежития и правил деятельности, в аморфные, не поддающиеся когнитивной интерпретации, явления.

«Дисциплина» в широком значении этого слова – неотъемлемая форма социального бытия. Пронизывая все сферы социума, устанавливая правила общественных связей и отношений, поддерживая и сохраняя некий «порядок вещей», дисциплина способствует нормальному функционированию и воспроизводству социума.

Институционально-дисциплинарные процессы в науке – как компонента социокультурной системы в целом – имеют относительную автономию, но неразрывно связаны с единым «регламентационным» цивилизационным процессом.

* * *

Институционализация науки – процесс многогранный, обусловленный действием множества факторов социальной жизни (мировоззренческих, политических, экономических и др.), поэтому существуют многочисленные подходы к интерпретации этого понятия. Согласно теории **Рачарда Уитли** (Манчестерский университет) институциональный процесс следует рассматривать в двух взаимосвязанных плоскостях.

Когнитивная институционализация проявляется в формировании когнитивных параметров нового научного направления, отражая процесс установления взаимопонимания между учеными в отношении основных «сегментов» научного знания и способствуя тем самым их объединению на исследовательском уровне.

Социальная институционализация показывает степень интегрированности «интеллектуального движения» в социальных структурах.

Когнитивные и социальные аспекты институционализации взаимосвязаны, однако развитие конкретных социальных и когнитивных компонентов институционального процесса чаще всего неравномерно. «Фактор институционализации» (понятие, введенное Р. Уитли) – это показатель «сцепления» когнитивных и социальных компонентов в единой социокогнитивной системе научного знания.

По мнению большинства исследователей, основные параметры институционализации приобретают свой завершенный образ на дисциплинарной стадии развития науки. Институционализацию как тип

организации науки традиционно соединяют с понятием «научная дисциплина» как формой или уровнем ее организации – дисциплинарность науки характеризует степень ее институционализации, а сама научная дисциплина выступает как «институциональная единица». Именно на дисциплинарной стадии своего развития наука приобретает системную определенность: складывается когнитивная система в неразрывном взаимодействии с организационной системностью научной деятельности. «Фактор институционализации» выражает «степень когерентности» когнитивных и социальных аспектов научной дисциплины как системы знания и социального института.

«Персональный маршрут» П. Бурдые привел его к пониманию тождества между процессами институционализации и формированием научных дисциплин. Последние конституируются, по его мнению, в результате конкурентной борьбы внутри «научного поля» между представителями различных исследовательских областей – направлений за монополию научного авторитета, легитимацию одного из этих направлений, что приводит к определению дисциплинарного корпуса, передаваемого в обучении, созданию специальных организационных структур, т.е. происходит «узаконение» дисциплины с утверждением ее доктринальной части и социально-институциональной организации.

* * *

«Дисциплинарный поворот» в науке – не возвращение назад к дисциплинарному образу эпохи классической науки, а новое видение организации науки как симбиоза дисциплинарного и проблемно ориентированного пространств единого поля научного познания. Это – перемещение фокуса исследовательского интереса от дисциплинарности к междисциплинарности и далее – к восприятию этих форм бытия науки как взаимодополняющих.

Современная структура науки более напоминает **«проблемно-дисциплинарный» тип**. «Передний край» науки всегда организован проблемно и чаще всего исследовательская проблема лежит на «перекрестке» дисциплинарных «территорий», вызывая к жизни междисциплинарные методики и создавая собственное «проблемное поле» (определение направлений *«новой исторической науки»* как «проблемных полей» наглядно отражает данный факт); дисци-

плинарная же организация науки – как арьергард, «жесткое ядро» – выступает в качестве канала, обеспечивающего социализацию достигнутых на когнитивном уровне результатов, превращая их в «культурно-исторические образцы». При этом следует учитывать «двуликий образ» научной дисциплины, которая включает в себя свой «учебный лик» – *учебную дисциплину*, наиболее «консервативный» с точки зрения своей функциональности: его главная цель – сохранение и передача традиций – «дисциплинарной матрицы», воспроизводство научного сообщества в общепринятых для данного этапа развития науки («нормальной» – по Т. Куну) нормах. В связи с этим проблемно-дисциплинарная структура науки имеет три «фазы» функциональной деятельности с точки зрения «движения» знаний и их институционализации.

Первая фаза – проблемно ориентированные исследования, т.н. «передний край» науки, осуществляющий «прорыв» в познании чаще всего на «перекрестке» дисциплинарных традиций и таким образом междисциплинарно нацеленный; здесь возникает «вопрос» и формулируется исследовательская проблема в сообществах единомышленников, которые представляют собой «невидимый колледж», «инновационную группу», «научное движение» и т.п.

Вторая фаза – научная дисциплина как исследовательская сфера дисциплинарной организации: здесь аккумулируются и апробируются новые идеи часто в борьбе с устоявшимися канонами; «пробивает» себя новое научное направление и происходит (или не происходит) его институционализация на уровне дисциплинарности; утверждается парадигмация дисциплинарного знаниевого генофонда.

Третья фаза – учебная дисциплина, «учебный (дидактический) лик» науки, в рамках которого передаются неофитам новые научные нормативы, в первую очередь – «дисциплинарный канон», а также (при креативной системе образования) новации из «переднего края» науки; в итоге происходит «воспроизводство» дисциплинарного научного сообщества.

Эта схема, контурно очерченная, может быть представлена следующим образом: **ПДОН { ПСН & ДСН (НД + УД) – проблемно-дисциплинарная организация науки – это проблемная структура науки + дисциплинарная структура науки, составляющие которой – научная и учебная дисциплины.**

Практика показала, что разнообразные формы «междисциплинарности» вырабатывают собственный механизм регулятивов, создавая, таким образом, новый **«образ дисциплинарности в междисциплинарности»**.

Ремарка-mini-экскурс

Проблемное поле науки (ППН) имеет свою структуру. Проблемно ориентированные исследования, которые чаще всего соотносят с проблемной организацией науки – ее «передним краем», своей исходной ключевой категорией имеют категорию *проблема*. В этом плане «проблема» выступает в роли своеобразного «катализатора», фокусируя исследование на инновационных / междисциплинарных вариантах (и это уже превращается в «клише» - sic!), соотносимых с более прогрессивными по сравнению с внутри-дисциплинарными познавательными практиками.

Научная проблема - результат сложной исследовательской процедуры, включающей выявление антиномий и парадоксов в существующем знании для обозначения нерешенных вопросов в исследуемых объектах (И.Д. Ковальченко). Понятие о проблеме как «концентрированном выражении противоречий пространственно-временного развития» составляют сущность т.н. «проблемного подхода», получившего с последней трети XX века особое признание, что способствовало его актуализации как в исследовательской сфере, так и в системе образования.

Проблемный подход вряд ли стоит элиминировать из дисциплинарного пространства и сопоставлять лишь с «передним краем» науки. Если *предметное поле* – это содержательное пространство предмета дисциплины, то *проблемное поле* состоит из двух пластов:

1) *«жесткое ядро»* (используя терминологию И. Лакатоса) проблемного поля, входящее в предметное поле дисциплины, включает проблемы, постановка и решение которых может осуществляться на основе одной или нескольких парадигм, общепризнанных в качестве образцов исследовательской практики в данной дисциплине в конкретном регионально-темпоральном режиме;

2) *«авангард»* проблемного поля – проблемно организованная сфера науки, «передний край» исследований, «выходящий» за дисциплинарные границы и включающий проблемы, постановка и ре-

шение которых требует инновационных подходов на основе «парадигмальных сдвигов» чаще всего на междисциплинарной основе.

Проблемная ситуация – интеллектуальная ситуация в пространстве предметного / проблемного поля, вызванная эвристическим затруднением, в основе которого – невозможность решения поставленной задачи / проблемы известным набором исследовательского инструментария, что побуждает к поиску новых познавательных средств. При этом возникновение проблемной ситуации возможно в границах *всего* проблемного поля. Однако:

- в границах **ДСН** (дисциплинарной структуры науки) «новые познавательные средства» могут представлять как *новое видение* традиционных, парадигмально-«официальных» составляющих дисциплинарной матрицы;

- в границах **ПСН** (проблемной структуры науки) - «новые познавательные средства» представляют собой действительно инновационные, новаторские, ново-парадигмальные составляющие исследовательской матрицы, которая станет основой принципиально нового проблемного поля / научного движения / научного направления / субдисциплины, наконец, новой дисциплины.

Схема *проблемного поля* может быть условно представлена следующим образом: **ППН** (проблемное поле науки) = **ДПП** (дисциплинарное проблемное поле / «жесткое ядро») в **ДСН** (дисциплинарной структуре науки) & **АПП** (авангард проблемного поля / «передний край» исследований) в **ПСН** (проблемной структуре науки).

«Расширение» предмета / предметного поля дисциплины может происходить в результате «расширения» (качественной трансформации) обоих пластов проблемного поля. Стратегии **НД** (научной дисциплины) по укреплению своего дисциплинарного статуса предполагают «активность» представителей дисциплинарного научного сообщества и с необходимостью включают «перевод» инноваций «переднего края» в дисциплинарную матрицу.

На уровне *учебной дисциплины* (**УД**) инновационные результаты обоих пластов *проблемного поля* могут внедряться в учебные курсы как общие (особенно если используется *проблемный подход* в «изложении» материала), так и в первую очередь – специальные, построенные обычно по проблемному принципу; немаловажную роль играют проблемно ориентированные семинары. При этом

важен фактор соединения научно-исследовательской и научно-педагогической деятельности как академического, так и университетского ученого: использование собственных научных наработок в преподавательской сфере. Неизбежный люфт между научной и учебной дисциплинами следует сокращать до *оптимально-здорово-мыслимого уровня*.

Возникает вопрос: кто, собственно, представляет разнообразные сегменты науки?

Акцентируя (sic!) инновации, мы не должны забывать о том, что наука – это сложно структурированная система, включающая в себя три пласта:

- авангард («передний край»)
- «жесткое ядро» (дисциплина)
- арьергард (хрестоматийно-учебную ипостась).

Эта реальность детерминирует и неоднородность научного сообщества в целом – выделение в нем различных страт со специфической ментальностью и определенным типом мышления.

Дисциплинарное сообщество (ДС) – не монолит, его представители могут обладать разными типами мышления: дисциплинарно-догматическим или дисциплинарно-креативным; междисциплинарно-догматическим или междисциплинарно-креативным и разнообразными модификациями этих вариантов. Наличие их разнообразия – обязательное условие функционирования и развития дисциплины с ее парадигмальностью и одновременно способностью к самообновлению. При этом каждый из уровней междисциплинарности (как и дисциплинарности) имеет свой формат стандартизации и эпитет «креативный» означает способность ученого не только виртуозно владеть нормативно-стандартным аппаратом (что определяет его профессионализм), но и «выходить» за его пределы.

Междисциплинарные сообщества в разных вариантах взаимодействия наук / дисциплин (меж / поли / транс / кросс и т. п.) – это *со-общества*, следовательно, взаимоотношения в подобных группах / коллективах будут строиться (для результативности исследовательской практики) на определенных общепризнанных основаниях – новых нормативно-стандартных системах.

Источник научного творчества, необъяснимое по сей день явление, – не за пределами дисциплинарных структур, как принято тра-

диционно признавать, а за пределами «дисциплинарного типа мышления», которым может обладать любой представитель научного мира, где бы он не находился: «внутри» дисциплины или на «переднем крае» науки. *Дисциплинарность* и *креативность* – два полюса (между которыми множество «смешанных» вариантов), на которых диаметрально противоположные по стилю мышления представители «ученого цеха» создают свое собственное поле деятельности: или научного творчества, или профессиональной ординарности (последнее – не следует рассматривать исключительно в негативном плане). М.К. Петров, признавая, что дисциплинарность «не знает и не приемлет привычного для интерьеров профессиональной деятельности факультативного статуса новаторства, когда новатором можно быть или не быть, оставаясь в любом случае профессионалом», одновременно был убежден в возможности творчества при дисциплинарной организации науки: творчество – существует, но способность к нему формируется в силу случайных неповторимых обстоятельств на уровне *«индивидуальных историй»*.

И тот и другой вид деятельности, и тот и другой тип ученого – «новатора» и «профессионала-неноватора» – для науки необходимы, а исследовательская деятельность в междисциплинарных проектах не гарантирует того, что все его участники будут обладать исключительно креативным типом мышления. Кроме того, междисциплинарные проекты в обязательном порядке предполагают конвенционально формируемые новые – рабочие – стандарты и ограничения, т. е. дисциплинаризирующие механизмы в междисциплинарном исследовательском поле.

В исторической науке и ее истории эмпирическая составляющая имеет фундаментальное значение: без фактографии не может быть ее осмысления и интерпретации, и как бы снисходительно подчас «теоретики» не относились к «эмпирикам», старая позитивистская методика, кумулятивно окрашенная, продолжает свое незаменимое существование. Мало того, в последнее время в социальных и исторических науках усилилась роль эмпирических исследований, а общая тенденция к «историзации» социогуманитаристики в целом с необходимостью заставляет исследователей становится «стихийными эмпириками». Конечно, оптимальный вариант, когда ученый органично совмещает и теоретический и эмпирический потенциал в своей научной деятельности, но – это определенный тип, наряду с другими. И кто сказал, что эмпирик не может быть творческой личностью?..

Разумеется, индивидуальное творчество, ярко выраженная креативность исследователя может входить в конфликт с дисциплинаризирующими механизмами контроля «над производством дискурса» (М. Фуко). В границах официально признанной дисциплины, причем с длительной дисциплинарной традицией, часто играют негативную роль «исследовательского тормоза» научные репутации, приверженность к классическому «дисциплинарному генофонду», стандарты экспертной оценки, личностные взаимоотношения на разных уровнях дисциплинарного сообщества, национальные и схолярные амбиции и проч.

Сегодня можно говорить об определенном «размывании» дисциплинарных сообществ, о большей свободе научного творчества. Дисциплинарное научное сообщество, как и научное сообщество в целом, — иерархизированная структура, вариативная с учетом многообразных научных традиций, социокультурно детерминированная и включающая бесконечное множество психологически разнообразных личностей, между которыми устанавливаются определенные взаимоотношения на основе: формальных правил профессиональной деятельности; «неформально-институциональной» матрицы; личностно-психологических мотиваций и т.п.

* * *

Каждая научная дисциплина как определенный таксон или форма / уровень институционального процесса имеет свой «персональный маршрут»: ее возникновение и развитие — процесс многофакторный и далекий от линейности. В зависимости от культурно-научных традиций одна и та же область знания в конкретных национально-государственных границах (шире — в пределах определенных научных ареалов, например евроатлантического и восточноевропейского) приобретает свой самобытный силуэт. Специфика проявляет себя: в дисциплинарном или *недисциплинарном* статусе; в самонаименовании; в проблемно-предметном поле; в структуре и ментальности научного сообщества; в престижности / неprestижности в иерархии дисциплин и т.п.

На протяжении своего «дисциплинарного движения» конкретный знаниевый мир, взаимодействуя с иными мирами (разного уровня сложности), может трансформироваться в весьма далекое

от своего исходного состояния явление. Следует учитывать и тот факт, что универсальной модели научной дисциплины не существует, поскольку подходы к ее изучению были всегда детерминированы ее образами – онтологическим, гносеологическим, методологическим, организационно-коммуникативным, деятельностным, когнитивно-мировоззренческим и др. На сегодняшний день предложен значительный репертуар дисциплинарных моделей, среди которых с большой долей условности можно выделить три типа: 1) *институционально-дисциплинарные модели*, в которых акцент сделан на институциональных процессах; 2) *популярные модели* с акцентом на характеристику дисциплины в качестве сообщества; 3) *комплексно-параметрические модели*, в которых в той или иной степени объединяются разные параметры дисциплинарности: когнитивные, социальные, инфраструктурные, деятельностные, аксиологические, дискурсивно-стилевые, коммуникативные, дидактические и проч.; к этому типу принадлежит большинство моделей.

В стадийном ракурсе научную дисциплину можно представить как наиболее высокую степень институционализации, уровень, на котором дисциплина предстает как социокогнитивная система, вписанная в определенный социокультурный контекст.

Компоненты системы:

1. Дисциплинарный субъект (в личностном / ученый / и коллективном / научное сообщество / измерениях), который:

- идентифицирует себя со своей дисциплиной и имеет самоназвание, соответствующее наименованию дисциплины;
- придерживается системы общепризнанных канонов, дисциплинарно-научных образцов и идеалов;
- способен вырабатывать стратегии по поддержанию своего профессионального статуса: утверждать «имя» своей дисциплины и ее «гражданский статус» как самостоятельного профессионального образования в научном сообществе в целом, в социокультурном и политическом пространстве.

Ремарка-уточнение. Как член научного сообщества и одновременно как индивидуальность, обладающая неповторимым набором личностных свойств и психофизиологической структуры, ученый-исследователь, находясь в перманентном состоянии «амбивалентности» (Р. Мертон), всегда вынужден делать выбор, балансируя между дисциплинарными стан-

дартами и личностными пристрастиями; его креативно-творческий потенциал проявляется в том, какое место он займет между этими полюсами.

2. Когнитивная система включает:

- исследовательскую проблематику;
- фактуальный блок (дисциплинарный фонд научного знания – «генофонд» дисциплины);
- источниковый блок (дисциплинарный фонд источников – источниковедческая база дисциплины);
- методы, методологии и теории познания;
- категориальный аппарат; концептуальный аппарат.

Ремарка-тезис. Важнейшим показателем завершения дисциплинаризации является формирование рефлексивного уровня дисциплинарного знания, в который наряду с теоретико-методологическим входит блок историографического знания и дисциплинарная история.

3. Инфраструктура – система обеспечения когнитивной системы – включает:

- систему специализированных научных учреждений с самоназваниями, соответствующими наименованию дисциплины;
- систему профессионального образования (с соответствующим дисциплинарным «учебным ликом» и его самоназванием), цель которой – сохранение и передача традиций («дисциплинарной матрицы»), воспроизводство научного сообщества в общепринятых для данного этапа развития науки нормативах;
- систему книго- и архивохранилищ и специализированную информационную систему, включая электронный ресурс;
- систему издательств / издания научной продукции;
- коммуникационную систему — формы научного общения (формальные и неформальные);
- материально-финансовую базу;
- систему вознаграждений и квалификационных нормативов профессиональной деятельности и т. п.

Социокультурная система (социокультурное пространство) – политико-идеологические, социальные, информационные, ментальные структуры, духовная и интеллектуальная культура социума в конкретном регионально-темпоральном режиме; это – условия, в

которых происходит возникновение и функционирование научной дисциплины как социокогнитивной системы.

Если научная дисциплина – это сложившаяся социокогнитивная система, развитие которой происходит уже в дисциплинарном формате, то стадияльно предшествующие институциональные формы могут иметь вариативное разнообразие: «невидимый колледж», «инновационная группа», «научное движение», ветвь, область, отрасль, направление, проблемное (исследовательское) поле / пространство и т.п., которые, как и научная дисциплина, предстают в качестве «институциональных единиц / таксонов» с определенным набором маркеров.

P.S. Институциональный процесс в науке – процесс длящийся, имеющий на каждом темпорально-региональном уровне свой «клик», при этом важно различать степень и формы когнитивной институционализации на разных уровнях социальной интегрированности. Многообразие институциональных таксонов фокусирует внимание как на необходимости их картографии, так и на выработке моделей институционального анализа.

Дисциплинарная завершенность (конституирование) конкретной области знания происходит в общедисциплинарном, шире – в общенаучном и социокультурном пространстве, на пересечении разнообразных когно-социо-культурно-идеологически-политических и прочих линий, непосредственно / опосредованно влияющих на итоговый статус, который обретает эта ветвь научного знания. Активная позиция ученых, их «подвижничество» и «дисциплинарный патриотизм» во многом определяют «дисциплинарное движение», его конечную форму и бытие самой дисциплины¹. Эффективность дисциплинарной формы организации науки – в ее инвариантности и версальности относительно политического, социально-экономического и культурного окружения².

---

¹ См. подробнее: *Попова Т.Н.* Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия. Одесса: Бондаренко М.А., 2019. С. 90-252.

² См.: Дисциплінарні виміри української історіографії: Колективна монографія / Відп. ред. та керівник авт. колективу *О.А. Удод*. К.: НАН України. Ін-т історії України, 2015. С. 5.

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ИСТОРИЯ

*В эпоху потрясений устоев знаний
каждая дисциплина стремится проверить свои основания
с помощью их ретроспективного просмотра.*

Пьер Нора

Дисциплинарная история – одно из измерений исследования истории науки. История отдельной дисциплины, безусловно, входит в общую историю науки и, соответственно, в общую дисциплинарную историю.

Однако если историю науки считают давно конституированной областью наукознания (конвенционально признано, что историю науки следует начинать с конца XIX в., с французской научной традиции), то дисциплинарная история находится в дискутируемой плоскости, хотя только в исторической науке накоплен уже достаточный (в основном – эмпирический) массив историко-дисциплинарных исследований: например, украинская историография за последнюю более чем четверть века представила довольно разноплановую картину подходов к разработке дисциплинарной истории¹.

---

¹ См.: Специальные исторические дисциплины: научный пособник / Авт. кол. М.Ф. Дмитриенко, Т.А. Балабушевич, С.И. Белоконь, И.П. Березовский, Е.А. Боряк и др.; Под ред.: В.А. Замлинского, М.Ф. Дмитриенко. Киев: НМК ВО, 1992; *Онопрієнко В.І.* Історія української науки XIX-XX століття. Київ: Либідь, 1998; Специальні історичні дисципліни. Довідник: Навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів / Редкол.: В.А. Смолій (гол. ред.); І.Н. Войцехівська (кер. авт. кол.), В.В. Томазов, М.Ф. Дмитрієнко та ін. Київ.: Либідь, 2008; *Заремба С.З.* Українське пам'яткознавство: Історія, теорія, сучасність: Автореф. дис. ... докт. іст. наук. Київ, 1996; *Чишко В.С.* Біографістика як галузь історичної науки: історіографія та методологія: Автореф. дис. ... докт. іст. наук. Київ, 1997; *Хмарський В.М.* З історії розвитку археографії на Півдні України: Аполлон Скальковський // Записки історичного факультету. Одеса: ОДУ, 1998; *Колесник І.І.* Українська історіографія. XVIII – початок XX століття. Київ: Генеза, 2000; *Матяш І.* Архівна наука і освіта в Україні 1920-1930-х років. Київ, 2000; *Руда С.П.* Становлення мікробіологічної науки в Україні: гносеологічні та інституціональні аспекти: Автореф. дис. ... докт. іст. наук. Київ, 2001; *Журба О.І.* Становлення української археографії: люди, ідеї, інституції. Дніпропетровськ, 2003; Українська фалеристика: З історії нагородної спадщини. У двох книгах. Книга перша / Редкол.: Б. Є. Патон (голова) та ін. Київ: Либідь, 2004; *Стельмах С.* Історична наука в Україні епохи класичного історизму. XIX – початок XX століття. Київ: ВПЦ «Київський університет», 2005; *Старовойтенко І.* Просопографія: підходи до трактування змісту наукової дисципліни в історіографії // Специальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. Число 13. Ч. 1. Київ, 2006; *Богдашина О.М.* Джерелознавство історії України: теорія, методика, історія: Навч.-методич. посіб. 2-е вид., доп. і переробл. Харків: Тарбут Лаам, 2005; *Калакура Я.* Історичні засади українознавства. Київ: Знання – Прес, 2007; *Верменич Я.В.* Історична регіоналістика: навчальний посібник / Відп. ред. В.А. Смолій. Київ: Інститут історії України НАН України, 2014 и др.

Ремарка-дополнение. Не стоит забывать о том вкладе, который внес А.С. Лаппо-Данилевский и другие ученые в осмысление историко-научных проблем и организацию историко-научных исследований. Сформированный А.С. Лаппо-Данилевским коллектив ученых, задачей которого была подготовка фундаментального труда – сборника «Русская наука», стал по существу первым центром историко-научных исследований. После смерти в 1919 г. А.С. Лаппо-Данилевского обязанности руководителя комиссии по изданию сборника «Русская наука» были возложены на С.Ф. Ольденбурга. Наконец в 1921 г. исследовательский центр в области истории наук получил организационное оформление в Академии наук в виде Комиссии по истории знаний (КИЗ), главным инициатором создания которой был В.И. Вернадский¹.

Ремарка-тезис. Слова Пьера Нора, взятые в качестве эпиграфа, как нельзя точнее определяют современную ситуацию с «дисциплинарным поворотом». Известно, что критическая / рефлексивная составляющая знания усиливается именно во время «кризисов» – так было с *историей истории* в восточно-европейской традиции:

- «первая волна» кризиса / перелома научного знания (рубеж XIX-XX в.) способствовала активной дисциплинаризации историографии как вспомогательной (тогда) исторической дисциплины
- «вторая волна» (к рубежу 1980-1990-х гг.) – кризиса / перелома советской науки привела к завершению конституирования историографии как специальной исторической дисциплины
- «третья волна» (к рубежу XX-XXI вв. и поныне) – «хаос» в дисциплинарном семействе – стимулировала обращение «к истокам» – к дисциплинарной истории.

Историко-научные знания уходят в глубь веков², но основная

¹ См. подробнее: *Илизаров С.С.* Отечественная историография истории науки и техники: Хроника: 1901-2011 гг. М.: Янус-К, 2012. 488 с.

² См.: *Старостин Б.А.* Становление историографии науки (от возникновения до ХУШ в.). М.: Наука, 1990 и др.

проблематика историко-научных исследований была осмыслена только в XIX в., при этом история науки понималась тогда либо как раздел философии, общей истории культуры, либо как особый раздел той или иной научной дисциплины¹, а специфика ее предмета, задач, исследовательских программ, места в дисциплинарном семействе стали предметом дискуссий на долгие годы.

Считается, что профессионализация истории науки сложилась к концу XIX века – критерием выдвигался институциональный параметр: в 1892 г. во Франции была создана первая специальная кафедра по истории науки. Сегодня в мире насчитывается около 100 подобных кафедр, несколько десятков научно-исследовательских институтов и центров, ассоциаций и обществ; расширяется научное сообщество историков науки, увеличивается количество специальных периодических изданий, монографических и статейных публикаций.

В литературе были озвучены предложения и по наименованию этой области знания: понятие *история науки* должно покрывать реальный процесс развития науки, а понятие *историография науки* – отрасль знания, изучающего этот процесс².

Среди наиболее общих подходов и программ историко-научных исследований можно условно наметить следующие направления.

Во-первых, поскольку историю науки рассматривают как особый вид интеллектуально-познавательной деятельности и как социальный феномен, в ее изучении выделяют:

а) «внутреннюю» историю, которая предстает как последовательная смена научных идей, методов, теорий, имеющая определенную направленность и логику,

б) «внешнюю» – историю социальных структур науки (исследовательские институты, университеты и т. п., научные сообщества, биографии ученых, их деятельность в связи с социокультурными процессами и прочими «внешними» по отношению к содержанию науки факторами).

Это «единство в различии» является важнейшей философско-методологической проблемой³.

¹ Дисциплинаризация отдельных отраслей науки с XIX века сопровождалась формированием собственного рефлексивного поля, в которое входили теория и история данной ветви научного знания.

² См.: Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Ин-т философии РАН. Гл. ред. И.Т. Касавин. М.: Изд-во «Канон+», РООИ «Реабилитация». 2009. С. 333-334.

³ См.: Там же. С. 341-342. (Автор: В.Н. Порус).

Во-вторых, констатируют наличие трех «доминирующих», дополняющих друг друга, подходов:

- хронологическая систематизация, «каталогизация» результатов научных разработок: к настоящему времени созданы многотомные обзоры достижений практически всех областей знания; «переизложение» прежних теорий и представлений в свете современного знания – один из возможных путей осознания целей и задач историко-научных исследований;

- описание механизма прогрессивного развития научных идей и проблем, реконструкция основных интеллектуальных традиций в границах отдельных дисциплин, анализ обновления конкретных научных идей, происходящего в ходе полемики с альтернативными подходами и идеями: «История науки – не драма людей, а драма идей» (А. Эйнштейн);

- актуализация проблемы «человеческого элемента» научной деятельности, воссоздание социокультурного и мировоззренческого контекстов творчества ученых, анализ традиций научного сообщества различных эпох и регионов, реконструкция «внешнего окружения», способствующего прогрессу или, напротив, оказывающего тормозящее влияние на развитие научных идей, теорий, подходов, расширение исследовательских методов (психологического и социологического анализа и т. п.)¹.

В-третьих, отмечают², что история науки пишется в разных жанрах и исторически первым жанром называют -

- *дисциплинарную историю науки*, т.е. историю сложившихся, социально оформленных отраслей знания – научных дисциплин (с XVIII в.: «История математики» Ж.Э. Монтюкла (1758), трехтомная «История химии» И.Г. Гмелина (Геттинген, 1798) и др.;

- в XIX в. появляется *всеобщая история естествознания* как самостоятельная область знания, что было связано с позитивизмом, а также получает распространение жанр научных биографий и «страноведческая» история науки в границах гражданской истории;

- в XX в. – складываются *самостоятельные историко-научные области*, формируются история науки античности и т.п.; появ-

¹ См.: Кузнецова Н.И. Статус и проблемы истории науки // Философия и методология науки. URL: http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/kuptsov/0/j27.html

² См.: Печенкин А.А. Философия науки и история науки: проблемы взаимодействия // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки / Под редакцией А.Г. Аллахвердяна, Н.Н. Семеновой, А.В. Юревича. М.: Логос, 2005. С. 59-74.

ляются жанры социальной истории; ситуационные исследования; коллективные биографии; история науки стала использовать методы статистики и наукометрии.

В-четвертых, сторонники моделирования историко-научного процесса называют ряд подходов к построению историко-научных моделей:

- реконструкцию прошлого историк химии Г.В. Быков определил как *историографическую модель*: по его убеждению, историк науки мыслит моделями, и в истории науки можно выделить:

- а) *аддитивно-временные модели* (история науки – в рамках отдельных периодов);
- б) *моделирование фрагментов* истории науки;
- в) *биографические модели*;

- Я.Г. Неуймин предлагает «*реконструктивные*» и «*ретроспективные*» модели истории науки;

- И.Д. Ковальченко – «*отражательно-измерительные*» и «*имитационно-прогностические*» модели;

- И.С. Тимофеев разделяет *историко-научные модели* на:

- а) эпистемологические и когнитивно-социологические концепции развития науки;
- б) модели развития научного сообщества и социального института науки;
- в) модели истории отношений типа «наука-общество», «наука-культура» и т. п.;

- А.Н. Глебова рассматривает исторический процесс становления истории науки в качестве самостоятельной дисциплины как последовательное присоединение к ней четырех областей, что соответствует, по ее мнению, четырем этапам исторического развития науки:

- 1/ этап естествознания – происходит накопление историко-научных знаний, неотделимых от естественнонаучных;
- 2/ этап истории – переход к описанию развития науки на основе идеи хронологии, заимствованной из общей истории;
- 3/ этап философии – начинаются поиски закономерностей развития науки и попытки их объяснения;
- 4/ этап науковедения – курс на обобщение этих закономерностей на основе информационного / системного/ подхода.

Используя для всех типов моделирования общий термин «ре-

конструкция», автор выделяет четыре подхода = модели реконструкции истории науки:

- а) фактологическую
- б) хронологическую
- в) рациональную, или концептуальную
- г) системную, или информационную¹.

В-пятых, Ю.А. Храмов², исходя из структуры науки, суммирует ряд направлений изучения ее истории:

- историю внутренней логики развития науки
- биографистику
- хронологию
- историю научных институтов, лабораторий, академий наук, научных обществ (социальную историю)
- историю научных школ
- историю науки в архивных документах и материалах
- историю идей и историю людей, историю понятий и приборов, историю дат и событий и проч.

Однако оптимальным вариантом истории фундаментальных наук, по его мнению, является *инновационная история науки* – история ключевых, фундаментальных идей и теорий, открытий и изобретений, которую нужно подавать в рамках соответствующей периодизационной схемы: разработка периодизационной схемы развития фундаментальной науки с ключевыми, переломными событиями, лежащими в ее основе, одна из основных задач при построении идейного среза науки; периодизация – «стержень» при реконструкции истории науки или ее отдельных направлений, а знаковые события (топ-факты) – ускорители ее развития.

Ремарка-info. С 1980-х гг. произошло «возвращение события» после многолетнего ostrакизма этого явления / поня-

¹ См. подробнее: *Быков Г.В.* Историографические модели // Вопросы истории естествознания и техники (ВИЕТ). 1980. Вып. 3. С. 45-52; *Неуёмин Я. Г.* Модели в науке и технике. История, теория, практика. Л.: Наука, 1984; *Ковальченко И.Д.* О моделировании исторических явлений и процессов // Вопросы истории. 1978. № 8; *Тимофеев И.С.* Моделирование как метод историко-научных исследований // ВИЕТ. 1986. Вып. 2. С.57-60; *Глебова А.Н.* Принципы построения моделей историко-научного знания // Наука та наукознавство. 2004. № 4. Додаток. Матеріали ІУ Добровської конференції. С. 116-134.

² См.: *Храмов Ю.А.* Физики: Биографический справочник М.: Наука, 1983; *Он же.* История физики. Киев: Феникс, 2006; *Он же.* Новый подход к построению истории фундаментальной науки // Наука и наукознавство. 2017. № 2 (95). С.112-125 и др. О нем см.: *Онопрієнко В.І.* Храмов Юрій Олексійович // Енциклопедія історії України: у 10 т. / редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін.; Інститут історії України НАН України. Київ: Наукова думка, 2013. Т. 10. С. 425.

тия (как и всей «событийной истории») под влиянием школы «Анналов». Сейчас «научно-критическая интерпретация события» основана на соотношении внутреннего содержания и структуры события с «внешним миром», или, точнее, с широко понимаемым историческим контекстом¹. Речь в итоге идет о выяснении того, почему событие становится *Событием*.

В-шестых, историю науки можно рассматривать как институциональную историю, предполагающую анализ пространства, в котором разворачиваются научно-исследовательские, организационные, коммуникативные и иные практики; коллективные, групповые и персональные устремления, трансляция и «навязывание» науке определенных идеологических и политических догматов со стороны «власть имущих» со всеми модификациями конкретных эпох. Разнообразные, подчас контраверсійные, проявления институциональной жизни пронизаны коллективными и персональными коллизиями жизни ученых². В этом плане история науки предстает и как «описание» конфликтующих, дополняющих и сменяющих друг друга дискурсивных практик – как противопоставление детерминистскому линейному изображению прогресса науки от «заблуждения к истине»³.

В-седьмых, история науки / история научных идей входит как составляющая в интеллектуальную историю, которая, имея своим прообразом историю идей (ее доктрина включала установку на изучение идей как автономных абстракций без социального контекста), трансформировалась в евроатлантической традиции через социально-интеллектуальную историю идей 1970-1980-х гг. (с акцентом на социологический и организационный аспекты научной деятельности), затем через постмоденистскую дискурсивную историю идей – «новую интеллектуальную историю» (с элиминацией Автора и концентрацией внимания на феномене нарратива) к современной новой

¹ См.: *Репина Л.П.* Историческое событие и историческая наука XIX – начала XXI века // История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики / Материалы Международной научной конференции/ Под ред. О.В. Воробьевой, О.Б. Леонтьевой, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцевой. М.: Аквилон, 2016. С. 328-331.

² См.: *Смолій Валерій.* Вступне слово // *Ясь О.* «На чолі республіканської науки...» Інститут історії України (1936-1986). Нариси з інституціональної та інтелектуальної історії (До 80-річчя установи) / Вступне слово та наук. ред.. Валерія Смолія. Київ: НАН України, Ін-т історії України, 2016. С.7

³ *Капустин Б.* Междисциплинарность открывает путь к новому состоянию знания // Коммерсант-Наука. 2017. № 5. С. 43-44.

культурно-интеллектуальной истории (с 1990-х гг.), для которой характерно:

- максимально широкое исследовательское пространство
- интенсификация междисциплинарного взаимодействия
- предельный методологический плюрализм
- принципиальная толерантность в отношении конкурирующих парадигм
- проблемно-ориентированный подход к анализу всех интеллектуальных процессов прошлого в конкретно-историческом социокультурном контексте.

При этом социальный контекст интеллектуальной деятельности рассматривается как культурно-историческая ситуация, задающая не только условия, но вызовы и проблемы, требующие своего разрешения, а сама культурно-интеллектуальная история, по сути, превращается в изучение интеллектуальной культуры, преодолевающей дисциплинарные границы и выступающей в форме особого способа понимания прошлого¹.

Ремарка-мнение. Эта программа исследования истории науки как компонента *всеобщей интеллектуальной истории* представляется наиболее оптимальным вариантом, однако сами характеристики этого подхода предусматривают органическое взаимодействие с другими программами историко-научных исследований.

Сегодня история естествознания и техники осознана как дисциплина, принадлежащая не к семейству естественнонаучных и технических наук, а к дисциплинам гуманитарного профиля, это – раздел всеобщей истории и культурологии. Тем не менее историк науки находится на методологическом распутье:

- историю науки можно считать частью гражданской истории, но последняя никогда не изучала когнитивных процессов
- историю естествознания можно считать частью естествознания, но анализ прошлого с точки зрения современного знания ведет к модернизации; мы теряем прошлое, перестаем быть историками
- методология науки смотрит на историю науки как на арсенал движения по критерию их эффективности; для методологии

---

¹ См. подробнее: *Ретина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С.325-366.

история науки – вспомогательная область, откуда берут иллюстративные примеры – это не подлинные события, а прецеденты

- философия науки относится к истории науки более чем уважительно, именно она существенно способствует интенсивному, а не экстенсивному росту историко-научной работы, предлагая модели, которые можно проверить

- социология науки толкает историю науки в другую сторону: социологизация проблематики, преобладающая сегодня в историко-научных исследованиях, не ведет к изучению когнитивных процессов.

Траектория влияния на историю науки иных гуманитарных областей менялась на протяжении всего ее развития.

Как «особая профессия» и «самостоятельная научная дисциплина» история науки претерпела сильнейшую трансформацию во второй половине XX века – два основных вектора определили пути этой трансформации:

во-первых, история науки становилась, все более исторической дисциплиной – происходила *историзация* (усвоение корректных методов и методик исторического исследования, которые давно стали нормой в гражданской истории);

во-вторых, обогащалась за счет влияния философии науки – происходила *философизация* (освоение моделей, построенных к тому времени именно в постпозитивистской философии науки) истории науки¹.

Как форма самопознания и самосознания науки *история науки*, безусловно, близка к философии науки по единой «сверхзадаче»: поиску ответа на вопрос «что есть знание?», однако история науки отвечает на этот вопрос, «выстраивая сюжеты из жизни людей, идей и организаций»².

Последующий «социологический штурм» привел к тому, что

---

¹ См.: Кузнецова Н.И. Философия науки и история науки: эволюция взаимоотношений на фоне XX столетия // Философия науки. Вып. 4. М.: ИФ РАН, 1998. С. 72; Она же. История естествознания в контексте естественнонаучных и гуманитарных дисциплин // Науковедение. 2002. № 4; Она же. Реальная реконструкция в истории науки: возможность и необходимость / Санкт-Петербургское философское общество // Мысль. 2010. Вып. 9. С.7-8. Эти два фактора проявили себя как две траектории развития традиционной истории науки, но никто, по мнению Н.И. Кузнецовой, не обратил внимания на то, что векторы эти некогерентны, не соотнесены между собой.

² См. подробнее: Печенкин А.А. Философия науки и история науки: проблемы взаимодействия // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки / Под редакцией А.Г. Аллахвердяна, Н.Н. Семеновы, А.В. Юревича. М.: Логос, 2005. С. 59-74.

понятийный аппарат и методология социологии науки радикально воздействовала на проблематику истории науки, что проявило себя прежде всего в расширении и дифференциации историко-научных исследований. Социология науки прошла путь от структурно-функциональной до когнитивной парадигмы: когнитивная социология науки сегодня включила в социологический анализ содержание научного знания не только деятельность и взаимоотношения ученых, но и результат этой деятельности – научные знания, – которые поддаются социологической интерпретации. Такая «когнитизация» социологии науки открывает широкие возможности для интеграции традиционных науковедческих исследований с философией и историей науки.

Предметное поле современных историко-научных исследований значительно расширилось.

Среди приоритетных тем:

- эволюция форм общения ученых
- история научных школ
- история коммуникаций, публикаций
- история норм и критериев ценности в научном сообществе
- социальная ответственность ученых и проч.

Среди новых методов:

- наукометрические
- библиометрические
- анализ статистики науки.

Узловые события истории науки связываются с деятельностью внутридисциплинарных структур науки (научных школ, кафедр, институтов, лабораторий, «невидимых колледжей» и т. п.); история науки рассматривается в связи с конкуренцией, полемикой между научными школами, с разработкой конкурирующих концепций и методов, т.е. основная направленность историко-научного исследования – *рассмотрение социального института науки*¹.

Однако от композиционной структуры всей системы науковедческих дисциплин – философии, социологии науки, психологии научного творчества, собственно науковедения и т. п. – зависит не только статус и эвристические возможности истории науки, но и развитие всего когнитологического комплекса: для того чтобы

---

¹ См.: Оноприенко В.И. Науковедение: поиск системных идей. Киев: ГП «Информационно-аналитическое агентство», 2008. С.19-20.

история науки окончательно не «потеряла лица», ей важно осознать себя частью когнитологического комплекса, а «когнитивный поворот» в истории науки является назревшей необходимостью¹.

Ремарка-замечание. Чрезмерная социологизация историко-научного познания в последние годы, несмотря на манифестацию «когнитивной парадигмы», грозит утратой истории идей как таковой: люди, рождая идеи, «уходят», идеи остаются и получают новое развитие в многочисленных интерпретациях и рецепциях, прокладывая свой собственный путь истории мысли. Замечательный историк, профессор Новороссийского (Одесского) университета, *Алексей Иванович Маркевич* пронизательно заметил: «Идеи имеют свою судьбу, как и все другое на свете».

Вопрос о дисциплинарной истории науки не имеет сегодня однозначного решения. Н.И. Кузнецова задает вопрос: «Возможна ли история отдельных научных дисциплин?» и сама же отвечает: «такая история не только возможна, она просто существует, она написана», но этот факт «нуждается в объяснении».

Предметный мир науки – это область переплетения, взаимосвязи и взаимодействия различных дисциплин. Дисциплинарный мир – реальность и фантом одновременно, т.к. сконструирован человеком, который, по сути, осуществил «рекогносцировку» внешнего мира и в целях его познания разбил этот мир на отдельные объекты и явления, ставшие в дальнейшем объектно-предметной зоной различных научных дисциплин. При этом и методы науки / наук, как «вирусы», не признающие дисциплинарных барьеров, свободно кочуют в общем научном пространстве, и новые теории, возникшие в дисциплинарных традициях, становятся образцом для других, формирующихся в ином дисциплинарном поле. Кроме того, один и тот же объект познания / исследования становится «всеобщим» для ряда дисциплин, а их предметные области пересекаются, взаимодействуя друг с другом. Поэтому «строго дисциплинарная история науки» часто приводит к искажениям, поскольку исследователь осуществляет систематизацию материала, исходя из дисциплинарной традиции и в границах своего дисциплинар-

---

¹ См.: Кузнецова Н.И. Философия науки и история науки: эволюция взаимоотношений на фоне XX столетия // Философия науки. Вып. 4. М.: ИФ РАН, 1998. С. 72; Глебова А.Н. Принципы построения моделей историко-научного знания // Наука та наукознавство. 2004. № 4. Додаток. Матеріали ІУ Доброської конференції. С. 132.

ного мировидения. Вся сфера науки и практики – это некое соотнесение, когерентное целое, и выделение траектории развития дисциплины, взятой вне контекста ее непосредственных и далеких «взаимодействий», неизбежно ведет к модернизации. И тем не менее – «именно дисциплинарная история науки является основным фронтом ведущих исследований»¹.

Дисциплинарная история науки предстает сегодня как достаточно жесткая организационная традиция, и хотя в области историко-научного познания формируется «тектонический сдвиг» [понятие Н.И. Кузнецовой. – Т.П.], многочисленные истории дисциплин обычно страдают целым рядом стереотипов, среди которых:

- «презентизм» и «антикваризм»
- традиционный кумулятивизм
- историцизм
- эмпиризм и фактологизм
- «дихотомия» / «versus» университетской («консервативной») и академической («прогрессивной») науки²
- трехфазная периодизация (классика-неклассика-неоклассика), в рамках которой «эволюционирует» наука;
- недостаточная разработка собственно историографических и источниковедческих проблем истории науки и проч.

Комментарии-post. Несмотря на значительную историческую традицию и многообразие форм и подходов к истории науки, высокий уровень институционализации этой области знания, самоидентификацию специалистов – историков науки и т.п., можно выделить, по крайней мере, три институциональных маркера, которые «не отвечают» дисциплинарной завершенности.

Во-первых, нет конвенционально признанного самоназвания этой, как считается, самостоятельной дисциплины: в лексиконе историков науки фигурируют два «имени» – история науки и историография науки.

Во-вторых, учебный лик истории / историографии науки в реальной практике не всегда предстает как дидактическая фор-

¹ См.: Кузнецова Н. И. Возможна ли дисциплинарная история науки? // Высшее образование в России. 2004. № 11. С.99-113.

² Идея противопоставления «академистов» и «университантов» как «эрлов и керлов», репрезентирующих соответственно передовой / проблемный и архаичный / дисциплинарный края науки, по-прежнему сохраняется в ментальности сообщества.

ма с самостоятельным статусом: чаще всего читаются курсы по «Философии и истории науки», «Истории и методологии науки» и т. п. (хотя в этом – отражение единства рефлексивного поля).

Ремарка-info. История науки, как и любая иная дисциплина, входит в культурное пространство определенного региона / государства и ее дисциплинаризация / институционализация всегда будет иметь свой «окрас». В Украине, как считают исследователи науки, с начала XIX в. до начала 1950-х гг. история науки разрабатывалась отдельными учеными спонтанно, некоординированно, а организация специальных учреждений по этой дисциплине (институтов, кафедр, комиссий и т.п.) представляла в виде единичных актов. Это был первый этап институционализации истории науки, который квалифицируют низким уровнем структурированности при отсутствии стабильных форм организации. Однако и на сегодняшний день, несмотря на значительные достижения в области историко-научных исследований, в стране существует только одна кафедра истории науки и техники (Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт»), поэтому процесс институционализации этой области знания остается актуальным¹.

В-третьих, поскольку «наука – это система, которая включает в себя свое собственное осознание», т. е. это – «система с рефлексией»², а развитие рефлексивного компонента любой науки приводит со временем к появлению форм т.н. «внешней» рефлексии – *специальных рефлексивных дисциплин*, что в свою очередь является одним из показателей дисциплинарного оформления различных научных областей, то завершение *дисциплинаризации истории науки* должно сопровождаться появлением нового уровня рефлексии – *историко-научной рефлексии*. Этот уровень рефлексии почти полвека назад предлагалось назвать *историографией истории науки*³. Однако эта «новая» дисциплина как *историко-научная рефлексия – история*

¹ См.: Руда С.П. Институціоналізація історії науки в Україні (початок XIX – середина XX ст.) // Наука и наукознание. 2004. № 4. Додаток. Матеріали ІУ Добровської конференції. С.236-241; Оноприенко В.И. Науковедение: поиск системных идей. Киев: ГП «Информационно-аналитическое агентство», 2008. С. 142.

² См.: Розов М.А. Об изучении познания как системы с рефлексией // Системный метод и современная наука / Отв. ред. А.Н. Кочергин. Новосибирск: НГУ, 1971. Вып. 1; Кузнецова Н.И. Наука в ее истории (методологические проблемы). М.: Наука, 1982. С.7.

³ См.: Микулинский С.Р. Очерки развития историко-научной мысли. М.: Наука, 1988. С.7.

истории науки, несмотря на энтузиазм ведущих историков науки в Украине и России¹, не получила еще всеобщего признания. Мало того, обсуждение проблемы дисциплинарной истории науки практически не включает в репертуар дискутируемых вопросов вопрос о *дисциплинарной истории самой истории науки*.

История науки, а точнее – *история науки и техники* продолжает оставаться в русле естественнонаучного знания; *история гуманитарного знания* как специализированная область не приобрела еще своего статуса.

Ремарка-дополнение. Мысль М.А. Розова об «иллюзии» возможности построения истории отдельной научной дисциплины вне дисциплинарного и единого историко-научного контекста перекликается с задачей построения истории одной страны, которая стояла еще перед Фернаном Броделем. Слова Ж. Мишле – «все связано со всем, все со всем перемешено» – стали для Ф. Броделя аксиомой, поэтому он придерживался тезиса о том, что единственной «правдивой» историей может быть только «*история всеобщая*»², что не помешало ему создать классический труд по истории Франции.

Выдвигаемые ориентиры – на создание *всеобщей истории науки* по аналогии со всемирной / всеобщей историей (гражданской) остаются пока идеальным вариантом. *Глобальная история науки* – несколько десятилетий назад рассматривалась как проект будущего. Артуро Розенблют и Норберт Винер, крупнейшие ученые XX в., авторы т.н. «модельного видения», считали, что «...научное знание заключается в создании некоторой последовательности моделей, предпочтительно формальных...». Идеалом развития формальных (т.е. *мысленных*) моделей «была бы модель, охватывающая всю Вселенную», но такая модель, по-видимому, не может быть построена потому, что «главное оружие науки – человеческий разум, а этот разум конечен»³.

¹ См., например: *Оноприенко В.И.* Проблемы историографии и источниковедения истории науки и техники // *Science and Science of Science*. 2009. № 3. С. 120; *Илизаров С.С.* Отечественная историография истории науки и техники: Хроника: 1901-2011 гг. М.: Янус-К, 2012. 488 с. и др.

² См.: *Бродель Ф.* Что такое Франция? М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. Кн. 1. / Пер. С.Н. Зенкина, В.А. Мильчиной. URL: http://yakov.works/libr_min/02_b/ro/del_02.htm

³ Цит. по: *Неуймин Я.Г.* Модели в науке и технике. История, теория, практика. Л.:

К 1990-м гг. в качестве одного из результатов глобализации в культурно-научной сфере предстала *глобальная история*. Новый век на волне бурных глобализационных процессов актуализировал *глобальную историю* в качестве самостоятельного знаниевого поля¹. Одним из «ликов» глобальной истории явилась *глобальная история историографии*, проект которой был предложен Георгом Иггерсом (Германия) и его коллегами – Эдвардом Ваном (Китай) и Суприей Мукерджи (Индия).

Новое понятие, по мнению интернационального коллектива авторов, должно «покрывать» исследовательское пространство, которое символизирует «новый подход к историописанию», выходящий за пределы традиционной дихотомии Запад / не-Запад. Этот подход, не отрицая множественности траекторий развития историографических культур и акцентируя их уникальность и способность противостоять всеобщей гомогенизации, нацеливает на выявление форм *взаимосвязи* и *взаимовлияний* культур историописания через сравнительный анализ этих культур в темпорально-региональном измерении.

Компаративистски ориентированная глобальная история историографии предполагает сравнение историографических традиций, которые не могут быть описаны как исключительно национальные, поскольку «культура, в рамках которой эти традиции возникли, состоит из разных субкультур». Именно идея гетерогенности как восточных, так и западных историографических культурных традиций выдвигает задачу поиска критериев сравнительного анализа.

К этим критериям авторы относят три «сходных» особенности исторического мышления в разных, казалось бы, культурах:

1) «классические модели отдаленной старины» – как способ постижения и написания истории, как образец, – благодаря которым, несмотря на изменения в исторических / историографических представлениях, сохраняется «определенная степень континуитета» (в западной культуре – это гре-

---

Наука, Ленинградское отделение, 1984. С. 175.

¹ См.: Колесник Ирина. Глобальна історія. Історія понять. Київ: НАН України; Інститут історії України, 2019. 348 с.; см. также: Дунаева Ю.В. Глобальная история и история глобализации: взгляды Запада и Востока. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История: Реферативный журнал. 2011. С. 7–14.

ко-римские традиции; в Китае – конфуцианство, в Индии – санскритские Веды и т.п.);

2) «классическое происхождение каждой традиции связано с религиозным компонентом» (христианство, ислам, индуизм, буддизм и проч.);

3) «институциональная структура», в которой осуществлялось историописание, в каждой культуре различна и отражает меняющиеся социально-политические условия¹.

Таким образом, глобальная история историографии – это не традиционная всеобщая история национально-региональных историографий, но *плотное взаимодействие* (с различной векторной направленностью) историографических традиций в определенных культурно-исторических контекстах, создаваемое на основе поли / меж-дисциплинарности.

Ремарка-штрих. Как здесь не вспомнить П.М. Бицилли с его идеей «влияний» как основополагающего принципа развития культуры!

Ремарка-тезис. Постановка проблемы компаративистского анализа различных историографических культур не исключает, но предполагает сравнительный анализ дисциплинарных традиций и таким образом акцентуализирует институциональный старт *глобальной дисциплинарной истории*.

При этом задача выявления *интеллектуального параллелизма* в мировом историографическом хорале должна играть не последнюю роль в исследовательской программе глобальной истории историографии.

P.S. *Дисциплинарная история* – это «когерентное целое», и изучение истории отдельных дисциплин требует:

- контекстуального подхода – анализа процесса дисциплинаризации, т.е. формирования «составляющих» научной дисциплины и их трансформацию в единый социокогнитивный комплекс:
  - в социокультурном контексте
  - в обще-дисциплинарном контексте
  - в темпорально-региональном контексте и др.

¹ См.: Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии / Г. Иггерс, Э. Ван (при участии Суприн Мукерджи); пер. с англ. О.Воробьевой. Науч. ред. Марина Кукарцева. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С.39-42, 429.

- полидисциплинарного «*науковидения*»
- междисциплинарной методологии
- компаративистского ракурса
- учета принципа «единство в многообразии»
- признания принципа гетерогенности
- стадияльного подхода – весь процесс *истории дисциплины* должен включать три стадии:
  - додисциплинарную – историю институциональных таксонов, предшествующих появлению дисциплинарных компонентов
  - собственно *процесс дисциплинаризации* – формирование «составляющих» научной дисциплины: складывание дисциплины как социокогнитивной системы
  - *историю дисциплинарной стадии* – историю состоявшейся дисциплины со всеми ее возможными модификациями.

Как не критично отношение к дисциплинарной истории (со всеми глубоко аргументированными посылами к вопросу о проблематичности ее существования), история дисциплин, или история отдельных ветвей знания, это – на современном этапе развития науки в целом – вполне рациональный путь осмысления истории научного познания на всех его уровнях как базовая основа *глобальной дисциплинарной истории*.

Возникновение и развитие научной дисциплины – процесс нелинейный и многофакторный, и рассматривать его в проекции, которая задается одной системой координат – заведомо обрекать себя на искаженную картину этого процесса. Выбор конкретной модели научной дисциплины – необходимое условие изучения дисциплинарной истории, однако следует учитывать, что каждая из моделей – лишь определенная проекция объекта (НД).

ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ОБРАЗ ИСТОРИОГРАФИИ

Образ есть модель действительности.

Л. Витгенштейн¹

«Модель дисциплинарности» – одно из «измерений», в границах которого может быть описана история исторической науки. В фокусе этой модели – проблемы самоидентификации, когнитивные и институциональные стратегии, применяемые дисциплиной в ответ на «вызовы» научного мира (Л.П. Репина).

Дисциплинарный образ историографии – идеальная конструкция историографической области исторического знания, в основе которой представление о научной дисциплине и дисциплинарной организации науки.

Исследование историографии как научной дисциплины составляет объект *дисциплинарной истории историографии* как *истории истории*. Это проблемное поле / направление историографических исследований входит в дисциплинарный ландшафт собственно историографии.

Территория дисциплинарной истории историографии включает:

- додисциплинарную стадию развития историографических представлений
- процесс *дисциплинаризации историографии* – процесс формирования *научной дисциплины историографии* как социокогнитивной системы в контексте интеллектуального и социокультурного пространства
- историю *дисциплинарной стадии историографии* – историю функционирования и развития дисциплины историографии в социокультурных ситуациях определенных регионально-темпоральных измерений.

---

¹ При всех многочисленных вариантах в трактовке дуэта «образ-модель» допускаю возможным рассматривать *образ* как гносеологическую / эпистемологическую категорию, *модель* как методологическую. Об «образах» и «моделях» см. подробнее: Попова Т.Н. Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия. Одесса: Бондаренко М.А., 2019. С.229-252.

О дисциплинарном имени

...изменения вещей далеко не всегда влекут за собой
соответствующие изменения в их названиях.

Марк Блок

Культура «языкового поведения» историка напрямую связана с прояснением понятий, терминов и категорий, которыми он оперирует, поскольку историческое понятие, историографический концепт или теоретическая категория предстают не в качестве языковых единиц, но в качестве определенной модели организации и изучения фактов, событий и явлений¹. Среди стержневых историографических понятий – само *дисциплинарное имя*.

Ремарка-заметка: С.О. Шмидт, обращаясь к опыту специалистов, изучавших развитие научной терминологии – А.С. Лаппо-Данилевского и С.Н. Валка («в изучении биографии термина “археография”»²) рекомендовал «проследить происхождение и бытование слова-термина “историография”, его содержательную наполненность»³.

Хрестоматийно признано, что в XIV в. во Франции появился термин «историограф»; его распространение и трансформация в европейских странах (от обозначения художника, рисующего миниатюры на исторические темы сначала в рукописных, а позже в печатных трудах по истории / а la иллюстрации/, до официальных писателей «национальных историй» и, наконец, до широкого круга авторов

¹ Колесник І. Українська історіографія: концептуальна історія. Київ: Інститут історії України НАН України, 2013. С. 27.

² См.: Валк С.Н. Судьбы «археографии» // Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1962. С.453-465.

³ Шмидт С.О. Размышления об «историографии историографии» // Исторические записки / РАН, Отделение историко-филол. наук. Вып. 8 (126). М.: Наука, 2005. С. 302. О термине «историография» см.: Попова Т.Н. Проблема формирования историографии как научной дисциплины: традиционные подходы и новые модели // Записки исторического факультета. Вып. 1. Историография и специальные исторические дисциплины. Одесса: ОГУ, 1995. С.3-45; Она же. Лики историографии: имена и смыслы // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики (Число 5) / Історіографічні дослідження в Україні (Вип.10): Збірка наукових праць на пошану академіка НАН України В.А. Смолія: У 2 ч. / Відп. ред. М.Ф. Дмитрієнко, Ю.А. Пінчук. Київ: НАН України. Ін-т історії України, 2000. Ч. 2. Історіографія. С. 415-434; Она же. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. 536 с.; Она же. История исторической науки: проблемы самоназвания // Идеи академика И.Д. Ковальченко в XXI веке. Материалы 1У Научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М.: Изд-во Московского университета, 2009. С. 227-236 и др.

разнообразных исторических сочинений) привели к возникновению и утверждению в XVIII в. понятия «историография» как комплекса работ на историческую тематику, создания исторических сочинений («историописание»), а затем – аналога самой исторической науки.

Логике возникновения дисциплинарного самоназвания можно представить следующим образом:

1/ появление термина ***историограф***, обозначающего человека, занятого конкретной деятельностью – художника (согласно А.С. Лаппо-Данилевскому), – связано со стремлением субъекта деятельности к самоидентификации / самоопределению, к обозначению себя *конкретным именем* в отличие от *других*, занятых *иной* сферой деятельности; при этом специфика имятворения в данном случае заключалась в том, что постепенно изменился сам субъект: *имя* «историограф» стало покрывать не художника, но писателя (тоже художника – *художника слова*), сфера деятельности которого – создание словесных картин истории – нарративов (европейская традиция);

2/ появление термина ***историография (историописание)*** – в восточноевропейском варианте), обозначающего результат писательской деятельности в виде блока специальной многожанровой литературы по исторической тематике (XVIII в.);

3/ расширение значения термина ***историография / историописание***, обозначающего уже саму сферу деятельности – создание разнообразных письменных работ исторической направленности (XVIII в.);

4/ определенное сужение термина ***историография***, обозначающего уже не создание многожанровой исторической литературы, но только – *научной* литературы по истории, а также результат этой деятельности в виде блока научных трудов по истории (разведение понятий «историография» и «историописание» с XIX в. – в восточной традиции);

5/ возникновение нового значения термина ***историография*** – как наименования конкретной науки – *истории* (XVIII – XIX вв.);

6/ появление нового смыслового нюанса: термин ***историография*** начинает параллельно с предыдущим смыслом обозначать особое направление в исторической науке, сфокусированное на изучении истории самой исторической науки (вторая половина XIX в. – восточноевропейский вариант);

7/ утверждение термина ***историография*** для обозначения

вспомогательной / специальной исторической дисциплины, изучающей процесс познания истории, развитие исторических знаний, историю исторической науки и т.п. (1950/1960 – 1980-е гг. – советская традиция).

Ремарка-уточнение. Термин «*историописание*»¹ получает распространение в XVIII в., возможно, как «славянская калька» с термина «*историография*», последний проникает со времени основания Российской Академии наук из западной Европы в значении собственно исторической науки. В украинских землях также используют термин «*історіописання*». С XIX в., на волне дисциплинаризации исторического знания, этот термин уже считается архаичным, его употребление связывают преимущественно с непрофессиональным занятием истории. Возрождение термина происходит с 1990-х и особенно в 2000-е гг.:

- преимущественно в качестве метафоры
- для обозначения процесса написания исторических работ
- аналога исторической науки с добавлением эпитета «*научное*»
- как калька с *writing history* – учебной дисциплины в университетах евроатлантического поля и «западной» традиции в целом и др.

В современном исследовательском пространстве достаточно мирно сосуществуют две разновидности дисциплинарного имени: *историография*, отражая давнюю восточноевропейскую традицию, и *история историографии* – феномен преимущественно евроатлантической традиции². Сохранение первого имени демонстрируют в первую очередь «отечественники», хотя многочисленные публикации (монографический, статейный, дидактический материал и проч.) подчас свидетельствуют о «блуждании» обоих наименований в текстах авторов – представителей не только разных научных традиций в области истории, но и различных дисциплинарных сфер.

Показателем «стойкости» традиционной формы наименования – *историография* – являются (помимо многочисленных энци-

¹ См. полемику о термине «историописание» в: Терминология исторической науки. Историописание / Отв. ред. М.С. Бобкова, С.Г. Мереминский. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 8-133.

² См.: Попова Т.Н. Образ историографии в творчестве П.М. Бицилли (К 135-летию со дня рождения ученого) // Российское научное зарубежье: люди, труды, институты, архивы: сб. науч. тр. / отв. ред. П.А. Трибунский; Институт российской истории Российской академии наук. М.: Институт российской истории РАН, 2016. С. 234-247.

клопедических статей) два последних российских издания «Терминологического словаря по теории и методологии исторической науки» (2014, 2016), в которых не только нет статьи по *истории историографии*, но и в статье *интеллектуальная история* перечисляются в качестве ее составляющих – история знания, история науки и дисциплинарная история; наименование *история историография* – отсутствует¹. Аналогичная ситуация характерна и для украинских словарно-энциклопедических публикаций.

О проблемном поле: Территория историографии

Ситуация «разночтений» в отношении предмета, подходов и новых ракурсов историографического ландшафта свидетельствует в большей мере о «кризисе роста» – поисках укрепления дисциплинарного статуса: сегодня речь действительно идет не о простом «расширении» предмета, но о радикальном парадигмальном сдвиге в восприятии «старой-новой» дисциплины историографии, исследовательское поле которой «практически заново переопределяется и сама дисциплина приобретает новый облик»².

Формула *история исторической науки*, имеющая до сих пор широкое распространение, может сохранять свое значение в качестве содержательного стержня *дисциплины историографии*, поскольку наука – системное явление, включающее когнитивные и социокультурные сегменты целого. *Институциональный процесс исторического знания* (в неразрывности когнитивных и социальных аспектов институционализации) – понятие широкое, в котором *научное знание* представляет собой «институциональную единицу» – вид и уровень организации исторического знания. В темпорально-пространственном измерении существует множество форм когнитивной институционализации с разными уровнями социальной интегрированности – «институциональными таксонами»; *научная дисциплина* как сложившаяся социокогнитивная система – одна из них.

Изучение *научного* исторического знания, бесспорно, не бу-

---

¹ См.: Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С.161-164, 135-137; Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Второе издание, испр. и доп. / Отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. М.: Аквилон, 2016. С.153, 130-131.

² Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С.401.

дет оптимальным без исследования иных форм и уровней исторического познания (по вертикали и горизонтали), их взаимосвязи, взаимозависимости и взаимодополняемости в культурном пространстве конкретных историографических ситуаций, однако закономерное расширение предмета *дисциплины историографии* – от *истории идей* к *истории исторической культуры* – с неизбежным появлением нового теоретико-методологического инструментария не должно тем не менее нивелировать приоритетную значимость исследования *научно-рациональной формы репрезентации истории* – историю *научной культуры* познания прошлого (разумеется, с учетом современных подходов к концепту «рациональность»).

Дисциплина историография –

- как рефлексивный компонент исторического знания, входящий в единое рефлексивное поле науки
- как составная часть общей истории науки
- как разновидность исторической культуры
- как история исторических представлений в пространстве культуры
- как часть истории гуманитарного знания
- как составляющая интеллектуальной истории –

сегодня постоянно расширяет свою территорию, активно взаимодействуя с «общим рынком» наук (Ф. Бродель).

Возможно, не стоит рассматривать эту дисциплину, без которой «историк не историк» (Е.А. Косминский), в плане ее трансформации в иной образ, в иную территориальную плоскость, но стоит использовать новые подходы и междисциплинарный инструментарий для ее постоянного обновления – при сохранении дисциплинарного и гражданского статуса историографии.

Ремарка-комментарий. Относительно недавняя дискуссия о парадигмах историографии – *антропологической и концептуальной*¹ – высвечивает извечные болевые точки в процессе познания.

1. Любая систематизация (классификация, периодизация,

---

¹ См.: Крих С.Б., Метель О.В. Две парадигмы в современной отечественной историографии // Вопросы истории. 2014. № 1. С. 159–166; Базанов М.А. Две «парадигмы» и предметное поле историографических исследований: запоздалый ответ С.Б. Криху и О.В. Метель // Историческая экспертиза. 2015. № 2 (3). С. 55–63; Исаев Д.П. К вопросу о парадигмах в историографии (по поводу одной дискуссии) // Новое прошлое. 2017. № 2. С. 92–104; Крих С.Б., Метель О.В. Парадигмы или подходы? Ответ Д.П. Исаеву // Новое прошлое. 2018. № 1. С. 120–132 и др.

типологизация и др.), облеченная в термины с многовариантной «начинкой», требует развернутого комментария, который сами авторы «в первом приближении» сделать в полном объеме не могут в силу того, что саморефлексия собственной идеи – не «одноактное действо». В процессе ответов «понимающим» (которые, впрочем, могут понимать совсем не так, как понимают сами себя авторы) и особенно «непонимающим» происходит уточнение, коррекция, углубление обоснования первоначальных тезисов.

2. В свое время П.М. Бицилли, рассматривая проблему соотношения диахронического и синхронического анализов («историческая статика» и «историческая динамика») в исторических исследованиях, пришел к выводу о том, что оба подхода присущи современному ему историческому мышлению. Эти подходы, взаимно обусловленные и одновременно полярные, представляют собой «пределы», границы, в рамках которых «обречена» двигаться историческая мысль. При этом в зависимости от множества «привходящих» и «посторонних условий» историческая мысль в своем развитии «задерживается» то на одном полюсе, то на другом.

Эту мысль можно экстраполировать на более широкий контекст познания – как закономерность своеобразного «метания» между полюсами подходов, идей, методов и т.п. Фокусные ориентиры исследовательских интересов постоянно смещаются или просто меняются местами (на новом витке познания) в зависимости от колебания маятника «открытий», что связано с суммой имманентных и «привходящих» условий, интериоризационных процессов и т.п. Не стоит исключать и фактор «историографической моды» – определенную зависимость от перманентного появления т.н. приоритетных брендов и трендов.

3. Выделение двух векторов в современных историографических исследованиях –

антропологического – «мира людей» (отнюдь не нового, истоки которого в неклассической парадигме акцентуализации субъекта познания, получившей новое «дыхание» на волне экстернализма и нормативной социологии Р. Мертон, а затем «расцветшей» в современной историографии в форма-

те интерпретативной социологии, структурной антропологии и интерпретативной антропологии К. Гирца) и

концептуального / концептуалистского – «мира идей» (традиционного, спроецированного на *результат* познавательной деятельности – идеи, концепции и т.п., радикально обновленного новой интеллектуальной историей)

– вполне правомерно и представляет одну из возможных моделей «движения» *дисциплины историографии* в условиях бесконечной череды «поворотов» в эпистемологических поисках.

В любом случае как бы искусственно не разделялись эти векторы в восприятии «понимающих» и «непонимающих» читателей-историографов, реальная практика всегда богаче и непредсказуемей, нежели попытки уложить ее в прокрустово ложе схем и моделей. При этом главной экспертизой творческого воспроизведения «преображенной сознанием действительности» всегда остается «изучение разнообразных модификаций исторической мысли в процессе ее развития», анализ исторических трудов, с которыми «историк историографии единственно и должен считаться» (П.М. Бицилли).

О дефинициях и моделях

В репертуар определений *истории истории* как самостоятельной области знания и аффилированных с ней понятий можно включить следующие:

Историография – специальная рефлексивная историческая дисциплина, изучающая историографический процесс во всей его глобально-темпорально-региональной конкретике единства многообразия.

Дисциплина историография – социокогнитивная система в структуре интеллектуального и социокультурного пространства.

Дисциплинарная модель историографии может быть представлена в следующих вариантах:

Вариант I – система маркеров *дисциплинарного образа историографии*:

1) оформление научного сообщества специалистов-историко-

графов, идентифицирующих себя со своей дисциплиной;

2) складывание в научном сообществе историографов:

– конвенциональных основ в понимании содержания своей научной специализированной деятельности

– общепризнанных канонов научных исследований (парадигмальных образцов)

– дисциплинарно-научных идеалов и норм;

3) формирование «объема» дисциплинарного историографического знания, имеющего подвижные контуры в связи с перманентным пересмотром т.н. «объективно-истинного» знания, откладываемого в «дисциплинарную копилку»;

4) появление рефлексивного уровня дисциплинарного знания – истории и теории историографии, дисциплинарной истории самой дисциплины историографии;

5) обретение историографией т.н. «гражданского статуса»:

– утверждение «имени» данной научной дисциплины – *историография* и его восприятие в научном сообществе

– признание дисциплины историографии как относительно автономного профессионального образования членами научного сообщества, культурными и политико-идеологическими структурами конкретного социума, устанавливающими собственные отношения с дисциплиной историографией (выражаемые в том числе – в финансировании историографических проектов и т.п.);

6) формирование системы специализированных научных учреждений с названиями, соответствующими наименованию дисциплины историографии со своей идеологией и этосом (кафедры, отделы, секторы и т.п.);

7) возникновение системы профессионального специализированного образования, в которой закрепляется «учебный лик» дисциплины историографии в общих и специальных курсах, создаются нормативные компендиумы, осуществляется передача традиций в процессе подготовки новых поколений специалистов-профессионалов; утверждается номенклатура специализации, уровней и форм квалификации в нормативных документах Высшей Аттестационной Комиссии и Министерства науки и образования;

8) складывание специализированной информационной системы (библиотечные каталоги, информационные издания, для современного периода – тематические сайты в Интернете и др.);

9) создание коммуникационной системы – форм научного общения:

- конференций, съездов, симпозиумов, круглых столов и проч.
- специализированных изданий, в том числе – научной периодики и др.

– эпистолярных контактов

– новых видов «неформального общения» и т.п.;

10) способность научного сообщества историографов вырабатывать стратегии по поддержанию своего профессионального / дисциплинарного статуса.

Комментарии. Формирование каждого из этих показателей имеет свою специфику, свой ритм, формы проявления на разных этапах дисциплинаризации и в разных научных традициях. Завершение процессов складывания всех составляющих (репертуар которых может быть расширен) будет свидетельствовать о завершении процесса дисциплинаризации и оформлении / конституировании историографии как научной дисциплины.

В восточноевропейском регионе завершение *дисциплинаризации историографии* пришлось приблизительно на 60-80-е гг. XX в. в рамках советской исторической науки.

Последующий период – собственно *история дисциплины историографии* – характеризовался на протяжении 1990-х гг. и первых десятилетий нового тысячелетия непростой конфигурацией развития и функционирования:

- когерентность составляющих дисциплины ослабла
- «фактор институционализации» свидетельствовал об элементах институционального кризиса¹ на фоне «историографического бума»
- с 2000-х началось – отнюдь «не линейное» – «возрождение» дисциплины.

Вариант II: модель *дисциплины историографии* может быть представлена в виде трехуровневой системы.

¹ См. об этом: *Попова Т.Н.* Историография сегодня: три штриха с резюме к проблеме институционального кризиса // *Историографічні дослідження в Україні*. Вип. 19. Київ: Інститут історії України НАН України. 2008. С.42-72; Интерв'ю [с Т.Н. Поповой. Вопрос: Можно ли утверждать, что историография как научная дисциплина сегодня пребывает в кризисе? (Или: В чем Вы видите перспективы историографии как научной дисциплины?)] // *Харківський історіографічний збірник*. Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2010. Вип.10. С.286-301.

Первый уровень – *когнитивная система*, включающая:

- исследовательскую проблематику
- фактуальный блок (дисциплинарный фонд научного исторического знания – «генофонд» дисциплины)
- источниковый блок (дисциплинарный фонд исторических источников – источниковедческая база дисциплины)
- методы, методологии и теории исторического познания
- концептуальный аппарат – исторические концепции разного уровня концептуализации.

Второй уровень – *инфраструктура* – система обеспечения первого уровня – когнитивного:

- субъект науки – ученый (лично-индивидуальный) и научное сообщество (коллективный)
- система специализированных исторических учреждений (институты, отделы, лаборатории, факультеты, кафедры и т.п.)
- система профессионального исторического образования (в первую очередь – высшего)
- система книго- и архивохранилищ
- система издательств / издания научной продукции
- коммуникационная система (специализированная литература; конференции, симпозиумы, съезды и т.п.; периодическая и повременная специализированная печать, формальные и неформальные связи между историографами и т.п.)
- материально-финансовая база
- система вознаграждений и квалификационных нормативов профессиональной деятельности (ученые степени, научные звания и т.п.).

Третий уровень – *социокультурный*, это фактически условия, в которых происходит функционирование и «движение» научной дисциплины историографии как социокогнитивной системы, включающий (и «пронизывающий») первые два уровня – когнитивную систему и инфраструктуру науки. Социокультурная система – это политико-идеологические, социальные, информационные, ментальные структуры, духовная и интеллектуальная культура социума в конкретном регионально-темпоральном режиме.

Комментарии. Институционализация историографии – это двуединый процесс формирования когнитивных и социаль-

ных параметров данного знаниевого поля.

В процессе *когнитивной институционализации* складывается единство в понимании основных сегментов историографического знания, которые предстают как компоненты когнитивной системы историографии: определенность проблемного поля, корпуса источниковедческого / фактуального знания, теоретико-методологического аппарата, концептуально-парадигмальных основ и т.п. Стержневым параметром, влияющим на «степень когерентности» на уровне когнитивной институционализации историографии, будет выступать «структурированность значений терминов», принятых в сообществе историографов.

Социальная институционализация в большей степени проявляет себя на уровне инфраструктуры (системы обеспечения функционирования когнитивной системы), в которой организация историографической науки предстает как в аспектах «антропологически-материализованных» (научное сообщество специалистов-историографов, система историографических структур в академических и образовательных центрах, система профессиональной подготовки; коммуникационная система; система издательской деятельности; финансовая система; корпус материальных носителей информации и система их хранения и проч.), так и «идеальных» – формирование канонов и нормативов, определяющих исследовательскую практику историографов, характер и формы их коммуникации и др.¹.

Стержневым параметром, влияющим на «степень когерентности» на уровне социальной институционализации (впрочем, и всей системы в целом) выступает «*субъект науки*», репрезентирующий историографическую научную область, – *дисциплинарное сообщество историографов*, объединенных конвенциональным пониманием / осознанием своей профессиональной деятельности и дисциплинарным этосом.

Социокультурный контекст предполагает рассмотрение научной дисциплины как социокогнитивной системы в качестве неотъемлемой составляющей единого социокультурного организма.

---

¹ Компоненты когнитивной системы и инфраструктуры могут быть уточнены и значительно расширены.

Вариант III: модель дисциплины – *Антропо-социо-когнитивная система*, вписанная в социокультурный контекст:

- субъект познания в личностном и коллективном измерениях
- когнитивная система
- инфраструктура.

Комментарии. Антропологический поворот (вслед за социальным поворотом) актуализировал значение *субъекта* научной деятельности, в связи с чем понятие научная дисциплина стало ассоциироваться в первую очередь не с когнитивными параметрами (парадигма, дисциплинарная матрица), но с *человеческим измерением*, поэтому в данной модели *сообщество историографов* получает самостоятельный и приоритетный статус и ориентирует на первостепенный анализ этого явления. Когнитивная система и инфраструктура по основным параметрам созвучна с предыдущей моделью.

Вариант IV: «Триадная система», функционирующая в социокультурном пространстве.

- I. Дисциплинарное научное сообщество
- II. Дисциплинарная матрица
- III. Инфраструктура

Комментарии. Исходная идея – предыдущая модель. Вместо когнитивной системы предложена дисциплинарная матрица (схема Т. Куна), которая в интерпретации, приемлемой для гуманитариев, может в общих чертах соответствовать когнитивным параметрам дисциплины историографии.

Дисциплинарная матрица историографии:

- «*символические обобщения*» – формальный аппарат, служащий для выражения основных обобщений, принятых в научном сообществе историографов; категориальный аппарат науки, представленный в понятийных символах, а также «аксиоматические положения», облеченные в логическую форму; система символических обобщений «подвижна» и трансформируется в процессе историографического познания и исследования, а также в результате «интервенции» со стороны иных дисциплинарных миров
- «*метафизические парадигмы*» – «эвристические» и «онтологические» модели, «общепризнанные предписания», «кон-

цептуальные модели», система теоретико-методологических и философских принципов, используемых членами научного сообщества историографов; система метафизических установок, задающих определенную онтологию универсума: «картины мира», «стиль мышления» и т.п., траектория которых неразрывна с траекторией исторической / историографической рефлексии

- *идеалы и ценности* научного сообщества историографов – эталонные предписания, «детерминанты поведения» с аксиологическими, этическими и эстетическими основаниями
- система «*образцов*» – система конкретных общепризнанных примеров решения научных историографических проблем: на уровне обучения – «образцы» для студентов; на уровне научной работы – «образцы» для ученых-исследователей; «образцы» опираются на «символические обобщения» и едины в фундаментальных основаниях, однако в границах исследовательской территории могут иметь значительный диапазон вариантов решений.

Вариант V: НД как социокогнитивная система в структуре социокультурного организма:

- когнитивная система (система когнитивных параметров дисциплины / науки)
- социальная система (инфраструктура как система обеспечения когнитивной системы, включающая в первую очередь субъекта познания, а также систему социального института (как учреждений, так и нормативов).

Комментарии. Каждая из систем может рассматриваться в соответствии с параметрами предыдущих моделей.

Ремарка-мезус-пост. Институционализация научной области знания – процесс длительный, с разнообразными модуляциями. Формирование социокогнитивных компонентов имеет свою стадийность, характеризующуюся различной степенью оформленности этих компонентов и их «сцепления». В связи с этим каждая стадия в институциональном процессе представляет собой институциональную единицу – таксон. Научная дисциплина – социокогнитивная система – так-

сон высшего уровня сформированности своих компонентов и максимальной степени их когерентности.

Все модели – самодостаточны в своей ограниченности, и предложенные выше можно рассматривать в качестве рабочего инструментария для пунктирного описания дисциплинаризации и функционирования *истории истории* и *истории историографии*¹.

«Маршрутизация» и дисциплинарное развитие любой научной области – процесс сложный, с различными конфигурациями, далекий от линейности. Рассматривать его по конкретной схеме можно лишь условно, т. к. реальная история дисциплины потребует неизбежных корректив и сама предложит оптимальный вариант своего моделирования.

Об истории историографии

Многие историографы-«отечественники» констатируют наличие *истории историографии* как направления (и даже дисциплины) собственно историографических исследований – *истории истории истории*, – получившего свое развитие в украинском и российском научном поле². В современной научной ситуации разработка этой проблемной области историографических знаний представляется особенно значимой, поскольку формирование нового блока историко-научного знания является важнейшим показателем дисциплинаризации самой историографии.

Ремарка-цитата: «Принципиально важным в осмыслении... процессов историографии представляется такое на-

¹ Предложенные модели приемлемы и для изучения проблем дисциплинарности любой научной области.

² См.: Колесник И.И. Историографическая мысль в России: от Татищева до Карамзина. Днепропетровск: Вид-во ДДУ, 1993; Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX-XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Омск; Екатеринбург: Омск. гос. ун-т; Изд-во Уральск. ун-та, 2000; Трибунский П.А. П. Н. Милуков как историк русской исторической мысли: Автореф. дисс. ... канд. ист. М., 2001; Посохов С. Історіографія // Історіографічний словник. Харків: Східно-регіональний центр гуманітарно-освітніх ініціатив, 2004. С.97-101; Ясь О.В. Історіографія, як термін, поняття та дисципліна // Енциклопедія історії України: Т. 3: Е-Й / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. Київ: Інститут історії України НАН України, 2005. С.584-591; Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007; Зашикільняк Л. Сучасна світова історіографія: Посібник для студентів історичних спеціальностей університетів. Львів: ПАІС, 2007; Кісельова Ю.А. Становлення та розвиток історіографії в імператорському Харківському університеті. Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2014 и др.

правление историографической мысли, как “*историография второй степени*”, набирающее силу с середины 1960-х гг.»¹ [курсив мой. – Т.П.].

История *истории истории*, или *история историографии* (в восточноевропейском варианте), предстает как форма собственно историографической рефлексии – «*история в третьей степени*»², объектом которой выступает (по аналогии) *историко-историографический процесс* (ИИП).

В свое время М.А. Барг, размышляя о категории «ментальность», писал: «Менталитет – это... совокупность символов, необходимо формирующихся в рамках каждой данной культурно-исторической эпохи и закрепляющихся в сознании людей в процессе общения с себе подобными, т. е. путем *повторения*. Эти символы (понятия, образы, идеи) служат в повседневном обиходе *онтологическим* (ответ на вопрос: что это?) и *функциональным* (ответ на вопрос: как и зачем это?) *объяснением*, способом выражения знаний о мире и человеке в нем. *Идентичность* менталитета среди его носителей обуславливается в конечном счете общностью исторических условий, в которых формируется их сознание, и проявляется она в их способности наделять одним и тем же значением одни и те же явления объективного и субъективного мира, т. е. тождественным образом их интерпретировать и *выражать в одних и тех же символах*»³ [курсив М.А. Барга. – Т.П.].

Среди таких символов-понятий – имя / самоназвание, которое выражает осознание определенной частью профессионалов существования специального знания в системе знания вообще, принимаемое ими в качестве маркера самоидентификации, что является показателем ментальной общности, скрепляет и объединяет членов дисциплинарного научного сообщества.

Поиски имени нового проблемного поля историографии – *истории историографии* – имеют свою историю, которая еще не написана. Вероятно, истоки этого понятия стоит искать во второй половине XIX в., когда в университетской науке шел интенсивный

¹ Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX-XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Омск; Екатеринбург: Омск. гос. ун-т; Изд-во Уральск. ун-та, 2000. С.12.

² История = Историческая наука (1) – История истории = Историография (2) – История истории истории = История историографии (3).

³ Барг М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987. С.4.

процесс дисциплинаризации самой *истории истории*.

Однако формула *история историографии*, которую, возможно, ввел в европейскую научную литературу Б. Кроче («Теория и история историографии», 1915), а вслед за ним повторил П.М. Бицилли в названии своего курса «История историографии» (1916 / 1917) и позже – в «Очерках теории исторической науки» (1925), имела содержанием именно *историю истории*, т. е. *историю исторической мысли / науки*.

Именно эта формула стала определяющей в «западной» науке как наименование *истории истории* и получила широкое распространение среди профессионалов-«всеобщников».

В новом звучании эта формула появилась, по мнению Р.А. Киреевой, у А.С. Лаппо-Данилевского в названии раздела рукописи, посвященной анализу историографических трудов: «Обозрение развития *истории* русской историографии» [курсив Р.А. Киреевой. – Т.П.].

Ремарка-штрих: Из воспоминаний. В начале 1980-х гг. мне довелось встретиться с крупнейшим советским ученым Ю.А. Поляковым, ведущим специалистом по истории новой экономической политики. В разговоре он поинтересовался о моих научных «пристрастиях», и я, как могла, попыталась объяснить. Юрий Александрович внимательно слушал, а потом уточнил: «Это то, чем занимается Киреева!». Привожу его слова как историографический факт: в начале восьмидесятых формула «история историографии» еще не вошла в лексикон даже элиты ученых-историков.

Р.А. Киреева начинает свой классический труд словами: «Все научные дисциплины имеют свою историю – свое прошлое имеет и историография»¹. Понятие *история историографии*, по мнению Р.А. Киреевой, к 1980-м гг. получило «права гражданства», т.к. за многие предшествующие десятилетия был накоплен огромный опыт историографических исследований², что «вызывает интерес к *истории* самой *историографии* как *специальной дисципли-*

¹ Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М.: Наука, 1983. С.3.

² См.: История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. М.: Наука, 1965; Иллерицкий В.Е. Историография // Очерки истории исторической науки в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. II. С. 548-574. Здесь же об истории субдисциплин исторического профиля: с. 575-692.

ны», проблематизирует предметное изучение *истории дисциплины* [курсив мой. – Т.П.].

Р.А. Киреева – против тезиса о том, что «историография – молодая наука, а история историографии – совсем новая область знания, привлекая к себе внимание лишь в последние десятилетия»: своим анализом различных «обзоров» историографической литературы в XIX – начале XX в. и историко-историографического опыта в советское время она доказывает длительность существования «*истории в третьей степени*».

В литературе предлагалась и иная специальная терминология: М.В. Нечкина, наставница Р.А. Киреевой, уже в середине 1960-х гг. обращала внимание на то, что «в историю исторической науки входит прежде всего историография ее собственной истории»¹.

Формула «*историография историографии*» использовалась С.О. Шмидтом и И.Д. Ковальченко².

Объектом *историографии историографии*, согласно И.Д. Ковальченко, являются работы по *истории исторической науки*, т.е. в данном случае выделяется проблемно-тематический ракурс этой области историографического знания.

С.О. Шмидт делает акцент на *источниковедение историографии историографии*, в которое включает:

- источниковую базу историографических исследований
- источниковедческий аспект историографических суждений
- источниковедческие сюжеты как темы историографических штудий
- использование источниковедческой методики в преподавании историографии.

По Киреевой, историографы – это *биографы* своей исторической науки, следовательно, представители истории историографии – это биографы историографии как истории исторической науки. Среди первых биографов дисциплины историографии Р.А. Киреева по праву называет **В.И. Шевцова** (Днепропетровск),

¹ Нечкина М.В. История истории: (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки. Историография истории СССР: сборник статей / Академия наук СССР, Институт истории; отв. ред. М.В. Нечкина. М.: Наука, 1965. С.8.

² См.: Шмидт С.О. Размышления об «историографии историографии» // Исторические записки / РАН, Отделение историко-филол. наук. Вып. 8 (126). М.: Наука, 2005. С. 296-363; Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования / Отделение историко-филол. наук. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2003. С.223.

из школы которого вышла И.И. Колесник (Днепропетровск / Киев).

Если после выхода книги Р.А. Киреевой (1983) понятие «история историографии» вошло в лексикон историографов, то после монографии И.И. Колесник (1993) эта формула стала утверждаться в более широком круге историков.

Однако не исчезла и другая традиция, но с иной коннотацией: формулу «историография историографии» применяют современные авторы: «...мы сейчас занимаемся *историографией историографии*...», – констатируют С.Б. Крих и О.В. Метель [курсив мой. – Т. П.]¹.

В контексте рассматриваемой проблемы важно понимание Р.А. Киреевой статуса *истории историографии*: для нее это – *история дисциплины историографии*.

---

¹ Крих С.Б., Метель О.В. Парадигмы или подходы? Ответ Д.П. Исаеву // Новое прошлое. 2018. № 1. С.128.

ИСТОРИОГРАФИЯ НАУК: о названиях и значениях

*Все науки естественным образом нуждаются
в обосновании в отношении их фонда понятий...*

Э. Гуссерль

Термин «историография» имеет давнюю традицию и используется в лексиконе представителей различных дисциплинарных миров, однако смыслонасыщение этого понятия неоднозначно. Для историка исторической науки – профессионального историографа – небезынтересно и полезно заглянуть в лексический арсенал «соседей» по гуманитарному дому.

К историографии науки

История исторической науки как видовая составляющая родовой – исторической науки, выступает и как отраслевой компонент истории науки в целом (историко-научного знания), поэтому обращение к практике терминов-наименований в науковедческой литературе представляется важным.

Термин «история науки» науковедами употребляется в двух смыслах: как реальный процесс развития науки и как отрасль знаний, изучающая этот процесс. Во избежание терминологической неясности обычно историю науки во втором смысле называют «историография науки» (традиция давняя, выделяющая онтологический и гносеологический аспекты в явлении, достаточно хорошо знакома историкам: «история vs историография»).

В советской литературе 1980-х гг. *историография науки* рассматривалась как память науки, ее архив, средство ее активного освоения и развития. Констатировалось, что историография науки имеет собственную историю (*историю истории науки*), которую предлагали называть *историография истории науки*.

Ремарка-штрих. Т. Кун употреблял понятие *историография науки*, акцентируя внимание на важной роли истории при изучении науки и в контексте поиска новых подходов

к изучению истории науки в противовес традиционной с XIX в. кумулятивной модели развития науки¹.

Актуальность проблемы этой новой области историко-научного знания в советском науковедении была уже очевидной в 1980-е гг.: существует общая закономерность, которая заключается в том, что «любая развитая наука имеет свою историю – если историография науки – наука, она должна иметь свою историю», однако недостаточная разработка историографии истории науки – «является одной из причин трудностей в развитии теоретических основ историографии науки»².

Имели место и другие трактовки: «история науки» рассматривалась как «самостоятельная научная дисциплина», а «историография науки» – как «специальная вспомогательная дисциплина в рамках истории науки», задача которой в «фиксации различных жанров историко-научной литературы» и процесса изменения этих жанров³.

Впрочем, один из крупнейших советских специалистов в области истории науки С.Р. Микулинский признавался, что «в разработке историографии своей науки историки науки могут многое почерпнуть у гражданских историков», которые «давно оценили значение историографии» как истории исторической науки⁴.

В новом тысячелетии в науковедческой практике имеет место определенное смешение понятий, хотя многие авторы уже разделяют понятия историография науки и историография истории науки как наименования двух рефлексивных уровней историко-научного знания.

По определению Л.А. Марковой⁵, *историография науки* – это различные формы историко-научных реконструкций, изображающих реальный исторический процесс развития науки на базе соответствующих месту и времени методов исследования, способов

¹ Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. / Сост. В.Ю. Кузнецов. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 25.

² См.: Микулинский С.Р. Очерки развития историко-научной мысли. М.: Наука, 1988. С. 7-10.

³ См.: Кузнецова Н.И. Наука в ее истории (методологические проблемы). М.: Наука, 1982. С. 3, 81.

⁴ Микулинский С.Р. Очерки развития историко-научной мысли. М.: Наука, 1988. С.11.

⁵ См.: Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Ин-т философии РАН. Гл. ред. И.Т. Касавин. М.: Изд-во «Канон+», РООИ «Реабилитация». 2009. С. 333-334.

отбора, описания и интерпретации научных текстов, открытий, научных теорий. При этом в «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» (2009) статья по истории науки «в третьей степени» вообще отсутствует.

Формула *историография истории науки и техники* покрывает самостоятельную научную дисциплину, предмет которой – развитие историко-научных и историко-технических исследований, взятое во всей его исторической конкретности, включая истоки, предпосылки, условия и результаты; непосредственным объектом изучения в историографии истории науки и техники выступает историко-научная и историко-техническая мысль. Историограф истории науки и техники анализирует характерные черты и ведущие тенденции в развитии самих историко-научно-технических исследований¹.

В.И. Оноприенко, один из ведущих специалистов-наукословов в Украине, считает, что обращение к проблемам историографии и источниковедения в истории науки и техники – показатель дисциплинарной зрелости истории науки.

Историография истории науки и техники имеет широкое проблемное поле, в которое входят:

- проблемы генезиса и последующего развития нарративной истории естествознания и техники, их отраслей и подотраслей в связи с потребностями науки и техники
- анализ исторических условий, внешних и внутренних факторов и закономерностей этого процесса
- взаимодействие истории естествознания и техники с другими отраслями науки, включая гражданскую историю, историю философии, историю экологических и социологических учений, науковедение и т. д.
- формирование и смена историко-научных и историко-технических концепций, школ и направлений
- анализ методов и конкретных методик историко-научных и историко-технических исследований
- эволюция структуры и изменение функций истории естествознания и техники как научных дисциплин².

¹ См.: Историография истории науки и техники. URL: <http://history.minot.ru/history/html/t1/t1-04-11.htm>

² См.: Оноприенко В.И. Проблемы историографии и источниковедения истории науки и техники. [Рец.] Архив истории науки и техники / Под ред. С.С. Илизарова. Вып. III. М.: Наука, 2007. 479 с. // Science and Science of Science. 2009. № 3. С. 120.

Ремарка-info. Курс «Историография истории науки и техники»¹ читается с 1995/1996 учебного года в Российском государственном гуманитарном университете для аспирантов. Задача курса – дать системное знание об основных этапах, особенностях и тенденциях развития истории науки и техники как области исторических знаний и вида деятельности; цель курса – углубление знаний в области актуальных методологических проблем исторического познания, ознакомление с процессом развития историко-научной мысли и осознание социальной и когнитивной значимости деятельности историка науки и техники. Курс – междисциплинарного характера, его предмет и содержание находятся на пересечении истории и культурологии, историографии и методологии науки, документоведения и информатики. Автор этого курса – известный российский историк науки С.С. Илизаров издал, пожалуй, одну из первых монографий, выполненных на уровне истории науки «в третьей степени»².

К историографии философии

История философии имеет более древнюю традицию, нежели *история истории*.

В советский период уже сложился (хотя и не получил всеобщего признания) дифференцированный подход к понятиям «история философии» и «историография философии»: если *история философии* «воссоздает ход становления и развития философского знания», то *историография философии*, основываясь на историко-философских работах, «исследует развитие истории философии как науки, методы историко-философского анализа, место истории философии в идейной жизни общества»³.

---

¹ См.: Историография истории науки и техники: Программа курса для аспирантов: Специальность 07.00.10 – История науки и техники / РГГУ. Управление аспирантурой и докторантурой; Автор С.С. Илизаров М., 2004. 12 с. Программа разработана впервые, в ее основе лежит авторский научно-исследовательский и педагогический опыт, базирующийся на фундаменте школы Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета и Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской Академии наук.

² См.: Илизаров С.С. Отечественная историография истории науки и техники: Хроника: 1901-2011 гг. М.: Янус-К, 2012. 488 с.

³ Новиков А.И. О структуре историко-философского знания // Ленинизм и современ-

В историко-философской литературе предлагалось следующее проблемное поле *историографии философии*:

- проблемы накопления эмпирического материала в истории философии
- проблемы источниковедения истории философии
- проблемы теории, методики и методологии историко-философского анализа
- проблематика историко-философских работ¹.

Выделяя четыре основных значения термина историография – 1/ историописание – аналог историографии, исторической науки,

2/ совокупность работ по конкретной проблеме,

3/ совокупность работ, созданных в определенный период,

4/ отрасль исторической науки, изучающая ее собственную историю, – авторы предлагали их проекцию в область историко-философского знания:

- историография философии как историография вопроса, или функциональная историография соотносилась со вторым и третьим значениями термина историографии
- историография философии, созвучная с историографией в последнем значении, рассматривалась как область историко-философского знания – его история.

При этом подчеркивалось, что эта область историко-философского знания «еще не утвердила в полной мере свой статус самостоятельной научной дисциплины»².

Были сделаны предложения по определению предмета историографии философии: «...отличие предмета историографии от предмета истории философии заключается в том, что история философии изучает весь комплекс истории философских идей, а историография – лишь часть его, то есть историю лишь самих историко-философских концепций и исследований»³.

ные проблемы историко-философской науки. М.: Наука, 1970. С.68-69.

¹ См.: Емельянов Б.В., Любутин К.Н. Введение в историю философии: Учеб. пособие для университетов. М.: Высшая школа, 1987. С. 60. Не правда ли, эта схема нечто напоминает историографу / историку. Следует отметить тот факт, что данная публикация – учебно-методического характера, т.е. отражение «учебного лика» не только истории философии, но и историографии философии.

² Там же. С.81-82.

³ Новиков А.И. Предмет и задачи историографии философии // Вопросы философии

Иная точка зрения – дополнить данное определение двумя блоками проблем:

- 1) проблемами инфраструктуры – условий, в которых происходило развитие историко-философских знаний;
- 2) проблемами организации историко-философского образования.

Среди задач историографии философии были обозначены:

- выяснение содержания и характера историко-философских воззрений
- раскрытие истории формирования и развития истории философии как самостоятельной философской науки
- выявление места и роли историко-философской науки в духовной жизни общества
- рассмотрение истории историко-философского образования, печатания и распространения историко-философской литературы.

Особо подчеркивалось, что хотя историография философии развивается в границах истории философии, она имеет относительно самостоятельный статус, поскольку:

во-первых, решает свои специфические задачи,
во-вторых, имеет собственную историю, которая не совпадает с историей философии, отставая от нее,
в-третьих, может иметь различия с историко-философскими взглядами представителей истории философии¹.

В фундаментальном энциклопедическом издании (1983) среди 2000 статей – статьи об историографии философии места не нашлось, что свидетельствует о том, что это понятие в «генофонд философского знания» советской науки еще не вошло².

В 1984 г. вышла работа известного американского философа Ричарда Рорти «Историография философии: четыре жанра». Историография в данном контексте – аналог литературы, философских произведений. Автор на основе анализа философской литературы выделил четыре «жанра», четыре методологических канона исто-

---

фии. 1964. № 3. С. 130.

¹ См.: Емельянов Б.В., Любутин К.Н. Введение в историю философии: Учеб. пособие для университетов. М.: Высшая школа, 1987. С.82-84.

² См.: Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М.: Сов. Энциклопедия, 1983. 840 с.

рико-научных реконструкций, получивших широкую практику:

- рациональная реконструкция
- историческая
- история духа
- доксография.

Последнее название, данное этому жанру самим Р. Рорти, означает систематизацию, хронографию философских трудов, построенную на дескриптивном (описательном) подходе, наиболее распространенному среди авторов «историй философии» и наиболее, по категорическому заключению Р. Рорти, бесперспективному.

Ремарка-штрих. Выражение «историки, рассказывающие историю» (*historiens historisants*) принадлежит французскому историку Анри Берру, который критиковал «историзирующую историографию» за фактографичность и отстаивал идею необходимости широкого синтеза в науках об обществе. Эту критику продолжили М. Блок и Л. Февр¹.

Остальные три жанра, имеющие свою специфику в зависимости от задач исследователя, могут «сосуществовать, не конкурируя друг с другом». Однако наиболее оптимальным вариантом для современной истории философии Р. Рорти считал новый, пятый жанр / канон – *интеллектуальную историю* (*intellectual history*) как историю интеллектуалов, причем не только «великих» (Р. Рорти – против утвердившегося норматива отбора исключительно «крупных» фигур в философии), в контексте «описаний их взаимодействия с остальным обществом».

Ремарка-info. «Возрождение» интеллектуальной истории на рубеже 1980-1990-х гг. было связано с «лингвистическим поворотом», который в свою очередь во многом способствовал начавшемуся процессу переосмысления всего историографического опыта «истории идей» в том виде, в каком в «западной» традиции «история идей» сложилась как «биография идей» – с изъятием собственно «носителя» идей и социокультурного контекста. Одновременно под влиянием «новой социальной истории» появилась «история интеллектуалов», институциональное оформление которой во Франции, в частности, началось с создания (по инициативе Ж.-Ф. Сиринелли)

---

¹ См.: Блок Марк. Апология истории, или ремесло историка / Перевод Е.М. Лысенко. Примечания А.Я. Гуревича. М.: Наука, 1973. С.209.

специальной междисциплинарной Группы (1985). В эти же годы научная деятельность П. Нора и Ф. Ариеса приводит к появлению в контексте нарратологии («ego-histoires»), нового направления в историописании, цель которого – анализ взаимосвязи личностной истории ученых с их «научной лабораторией», конструкций их «жизненных нарративов» и способов конструирования ими «исторических (мета) нарративов». «Расцвет» исторической антропологии в 1980-е гг. («антропологический поворот») актуализировал интерес к «человеческому измерению» в интеллектуальной истории¹.

В отношении понятия «историография» Р. Рорти делает несколько парадоксальный вывод: «...у нас есть искушение пойти дальше и предположить, что "историография философии" сама является понятием, пережившим свою полезность, потому что, грубо говоря, почетное использование философии изжило себя. Если мы имеем сложную и богатую интеллектуальную историю, которая осторожна с канонами (философскими, литературными, научными и другими), не достаточно ли этого? Имеется ли необходимость истории чего-то еще, специального, называемого "философией", сверх дисциплины под этим названием?»².

Ремарка-штрих: Можно ли в этой сентенции увидеть мысль автора о том, что традиционную историографию философии должна заменить интеллектуальная история? Если *история идей* начиналась преимущественно с истории философских идей, то логика в этом предложении есть, однако не все философы могут с этим согласиться...

В современной российской литературе статус историографии истории философии – *вспомогательная историко-философская дисциплина*. В предмет этой дисциплины входят вопросы о смене парадигм историко-философского исследования, о специфике концепций историков философии, о методологии и технике, теоретико-философских основах их воззрений, а также анализ ис-

¹ См.: Intellectual News. 1997. № 2. Р.55-59; Репина Л.П. Историческая биография и интеллектуальная история // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Київ: Інститут історії України НАН України, 2009. Вип. 4. С.450; Ващенко В. Концепт «інтелектуальна біографія» та конструювання «наукових біографій» в українській історіографії // Там же. С.482.

² См.: Рорти Р. Историография философии: четыре жанра // Джохадзе И.Д. Нео-прагматизм Ричарда Рорти. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С.178-200.

пользуемых ими источников и приемов критики. Историография истории философии изучает истоки и процесс развития самого историко-философского знания, историю историко-философской науки¹.

Историографию русской философии определяют как *научную дисциплину*, истоки которой во второй четверти XIX в., а также как *историографическую рефлексию русской философии*. Значимость этой области историко-философского знания – в «необходимости сохранения традиций историографических исследований по истории русской философии, а также в создании нового знания в этой научной дисциплине, поскольку оно влияет на формирование механизмов культурной самоидентификации в процессе социализации»².

Историю философии рассматривают как философскую дисциплину, которой соответствуют все конституитивные принципы научного дисциплинарного знания:

- предметность
- проблемность
- обоснованность
- непротиворечивость
- верифицируемость
- опровержимость
- интерсубъективная проверяемость
- системность и др.,

и в которой выделяются два уровня:

1) частно-дисциплинарный научно-философский – комплекс философских наук;

2) общефилософский – построение философско-мировоззренческих систем (систематик), для которого дисциплины первого уровня служат материалом.

Структура историко-философского исследования должна включать две стороны изысканий – эмпирическую и аналитическую реконструкции. *Историографическая часть* – особый подраздел работы наряду с источниковедческим, биографическим, би-

¹ См.: Звиревич В.Т. Историография истории философии как вспомогательная историко-философская дисциплина: лекция // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2012. № 4 (109). С. 166-175.

² См. подробнее: Черноскутова Л.Б. Основные идеи и направления современной историографии русской философии: Автореф. дисс... канд. философ. наук. СПб., 2010. С.3-4, 14.

блиографическим и др. подразделами [курсив мой. – Т.П.]¹.

Историографию философии рассматривают как философскую литературу, а историю философии как полноценную историческую науку, при этом *историческая история философии* [sic! – Т.П.] должна учитывать всю социальную и культурную комплексность изучаемого предмета, без «самоизоляции» от методов, которые используются в настоящее время историческими и общественными науками².

В работах украинских философов понятия:

- *историография философии* используется авторами как историко-философская литература по конкретной проблеме (анализ историко-философских работ)³,
- *философская историография* как рефлексия об истории мысли⁴, как *историографическая рефлексия* – «*философия в третьей степени*» (по аналогии: «история в третьей степени»).

К.В. Райхерт, одесский философ, употребляет понятия:

- «история философии» – философская дисциплина, нацеленная на анализ процесса историко-философских знаний
- «историология философии», задача которой – выяснение того, как были получены основания истории философии как дисциплины, анализ периодизационных схем истории философии и др.
- «философская историография», «историография античной философии» как преимущественно – философская литература и ее анализ.

Ремарка-info. С 1979 по 2004 год Институтом истории философии и Цетром изучения средневековой философии Университета Падуи под руководством Джованни Сантинелло был реализован проект «История общей истории философии»: под таким названием было выпущено пять томов в семи кни-

¹ См.: Бажов С.И. Проблемы методологии историко-философского исследования // Гуманитарные научные исследования. 2012. № 10. URL: <http://human.snauka.ru/2012/10/1648>

² См.: Куренной В. Заметки о некоторых проблемах современной отечественной истории философии // Логос. 2004. № 3-4 (43). URL: <https://www.ruthenia.ru/logos/number/43/01.pdf>

³ См.: Менжулін В.І. Історіографія філософії в контексті філософії досвіду // Наукові записки НаУКМА. Філософія та релігієзнавство. 2013. Т. 141. С.32-38.

⁴ См.: Юлина Н.С. Ричард Рорти: разговор «через эпохи», «в эпохе» и историография философии // История философии. Вып. 1. М.: ИФ РАН, 1997. С. 138.

гах; с 1993 г. осуществляется английский перевод этого проекта под общим названием «Модели истории философии»¹.

Таким образом, в интерпретации К.В. Райхерта *историология философии* по сути – третий уровень философских размышлений, или второй уровень рефлексии (если сопоставлять с историко-научным знанием).

В европейской практике понятие история общей истории философии также сопоставимо с историей историографии у историков, в проблемное поле которой входит анализ моделей истории истории, так же, как и в историю общей истории философии входит анализ моделей истории философии.

История философии для авторов одного из наиболее солидных трудов по истории философии в Украине выступает «матрицей мудрости или метафилософией («после», «за пределами»)². Идея, согласно которой «*Філософія – це історія філософії*», принадлежащая патриарху современной украинской философии В.И. Шинкаруку³, получила наибольшее число приверженцев в философском поле в Украине: история философии воспринимается как «форма существования, способ бытия философского знания»⁴. В.И. Шинкарук, в сущности, «открыл» своей позицией «историографический возраст / этап» в украинской философии.

Ремарка-info. Пьер Нора, с именем которого связаны новые направления в исторической науке – история интеллектуалов, история памяти и т.п., стал и автором тезиса: «... вся история целиком вступает в свой историографический возраст...»⁵.

¹ См.: Райхерт К.В. Анти-апологетизм и начало современной историографии философии // Актуальні проблеми духовності: зб. наук. праць / Ред.: Я.В. Шрамко. Вип. 14. Кривий Ріг. 2013. С.4; Он же. [Рец.] Андрэ Лакс: «Доксократики» как термин историографии античной философии // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2013. С.374-384.

² См. подробнее: Генезис і шляхи розвитку російської та української філософської думки: монографія / Аляев Г.Е., Возняк В.С., Громов М.Н. и др. Под общ. ред. Г.Е. Аляева, Н.А. Куценко, Т.Д. Суходуб. Полтава: ООО «АСМИ», 2013. 562 с

³ См. о нем: Йолон П.Ф. Шинкарук Володимир Іларіонович // Енциклопедія історії України: у 10 т. Київ: Наукова думка, 2013. Т. 10 : Т -Я. С. 638.

⁴ Історія філософії. Словник / За заг. ред. В.І. Ярошовця. Київ: Знання України, 2006. С.20. Причем, термин *историография* в этом издании отсутствует.

⁵ Нора Пьер. Проблематика мест памяти // Франция-память: сб. / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С.22.

P.S. Среди категорий, которые используют философы в Украине и России, – *историографический процесс, историографические исследования, историографическая рефлексия* и т.п., однако без должной экспликации. Одновременно понятия философии «во второй» и «в третьей степени» часто употребляются недифференцированно – как синонимы и имеют одновременно разные наименования. Сами ученые констатируют, что «...неудовлетворительное состояние в области историографии у философов заметно, если сравнивать историографическую работу историков философии с историографической работой историков, у которых данная дисциплина уже давно конституировалась <...> должного внимания историография истории философии у нас пока не получила»¹.

К историографии литературоведения

В литературоведческих работах *история литературы* определяется как филологическая наука, входящая в состав литературоведения и изучающая историю всемирной литературы, отдельных национальных литератур, это – наиболее динамично развивающаяся часть литературоведения. К началу XXI в. *история литературы* обладает основными признаками науки:

- определен предмет изучения – мировой литературный процесс
- сформировались научные методы исследования (сравнительно-исторический, типологический, системно-структурный, мифологический, психоаналитический, историко-функциональный, историко-теоретический, тезаурусный и др.)
- выработаны ключевые категории анализа литературного процесса².

Историография литературоведения / литературоведческая историография – это история литературоведения и его основных разделов:

- история теории литературы
- история истории литературы

¹ См.: Звиревич В.Т. Историография истории философии как вспомогательная историко-философская дисциплина: лекция // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2012. № 4 (109). С. 174-175.

² См.: Луков Вл.А. История литературы // Знание. Понимание. Умение. М.: МГУ, 2009. № 4. С.243-245.

- история литературной критики
- наука о путях развития литературы и литературоведения.

Это – не история литературы, не история литературного творчества, но история исследовательской мысли, посвященной литературе; в поле зрения историографа литературы – труды ученых / литературоведов. По сложившейся традиции статус историографии литературоведения – вспомогательная дисциплина наряду с библиографией и текстологией.

В контексте проблемы представляют большой интерес рассуждения Д.С. Лихачева¹. Для него литературоведение – комплекс различных дисциплин, специальных и общих, «целый куст» различных наук, сочетание «жестких» и «нежестких» дисциплин, объединяемых единым материалом, единым объектом изучения – литературой.

Поскольку в целом к литературе возможны различные подходы: биографический, историко-текстуальный, источниковедческий, библиографический, археографический, историографический и многие иные, постольку «жесткие» литературоведческие дисциплины – специальные – требуют от специалиста большой подготовки.

Литературная наука (занимающаяся осмыслением литературных произведений, творчества, целых эпох в истории литературы) как бы окружена своеобразной жесткой скорлупой – зоной точности. Эта «зона точности» оформляет и удерживает центральную, менее точную, сферу общих суждений.

Все специальные литературоведческие дисциплины связаны между собой, и эта связь усиливает точность выводов каждой из них: например, текстология – изучение истории текста произведения – связана с изучением биографических данных, с палеографией, с историей эстетических представлений, с изучением исторических фактов и т.д., поэтому текстология не может обойтись без языковедения, без истории, без искусствоведения, без языкознания и др.

Степень точности в литературоведческих дисциплинах возрастает по мере отдаления их от центральных тем, оценок и осмысления, по мере углубления в историю, или этнографию, или

---

¹ См.: Лихачев Д.С. Еще раз о точности литературоведения (заметки и соображения) // Русская литература. 1981. №1. С.84-88.

текстологию и т. д. Именно эти специальные дисциплины служат соединению литературоведения с другими науками и восстанавливают первоначальную цельность филологического изучения – то, от чего литературоведение отделилось после эпохи Ренессанса (филология), оно возвращается через специальные дисциплины. Изучая и применяя специальные дисциплины в своей работе, литературовед с гордостью может сказать: «я филолог».

В современной литературе, несмотря на достаточно длительную традицию разработки историографии литературоведения, в большинстве работ под историографией литературоведения понимают не столько науку о развитии литературоведческого процесса, сколько историю изучения литературы – «историю вопроса»¹. Одновременно, как и философы, литературоведы отмечают, что историография литературоведения пока недостаточно разработана, хотя в любой диссертации есть обязательный раздел, посвященный критическому анализу литературы по теме².

Ремарка-дополнение. Историографические курсы – философские и литературоведческие – заняли прочное место в системе университетского образования в XIX – начале XX вв. Например, в Новороссийском (Одесском) и Харьковском университетах чтение лекций по историографии русской / всемирной литературы, историографии философских идей и течений и т.п. стало нормой и подчас опережало появление историографических курсов собственно исторического профиля. Развитие историко-научного знания как области естественных наук, так и в первую очередь области гуманитаристики во многом способствовало становлению *истории истории* и первым шагам в осмыслении этого процесса³.

А.Г. Брикнер, профессор Новороссийского университета, рассуждая о состоянии историко-научной ветви истори-

¹ См.: Николаев А.И. Основы литературоведения: учебное пособие для студентов филологических специальностей. Иваново: ЛИСТОС, 2011 и др.

² Луков Вл.А. История литературы // Знание. Понимание. Умение. М.: МГУ, 2009. № 4. С.245.

³ См.: Кисельова Ю.А. Становлення та розвиток історіографії в імператорському Харківському університеті. Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2014. С.38-55; Одеський національний університет імені І.І. Мечникова (1865–2015): історія та сучасність / гол. ред. І.М. Коваль; Одеський нац. ун-т ім. І.І. Мечникова. Одеса: ОНУ, 2015. С. 107-162 и др.

ческого знания, пришел к выводу о том, что к середине XIX в. «история многих других наук гораздо более разработана, чем история исторической науки», ибо историки еще не пришли к осознанию важности знания истории собственной науки как условия ее дальнейшего развития. История отдельных наук, по мнению А.Г. Брикнера, представляет собой различные области собственно истории, предмет которой имеет широчайшее пространство. История наук, в которую должна входить и история исторической науки, «составляет важную часть истории умственного развития... историю идей в вековом развитии человечества вообще...»¹.

Приблизительно сто лет спустя Фернан Бродель определил изменения в рамках гражданской истории, которые назвал революционными: «Эта революция в исторической науке» вызвана «вторжением в открытое пространство истории многочисленных наук о человеке»: географии, политической экономии, демографии, политологии, социологии и исследований культуры – «все они бросают на историю свой отблеск, все задают прошлому новые вопросы»².

Революция, вызванная вторжением в сферу гражданской истории других научных дисциплин, способствовала резкому расширению проблематики, а методологической основой происходящей революции был «взрыв исторического самосознания», «вспышка критической рефлексии по поводу целей и методов исторического следования»³. Эта «критическая рефлексия» получила одну из своих («внешних») форм в виде историографических составляющих всех наук⁴.

¹ Брикнер А.Г. О главных задачах исторической науки: Речь, произнесенная в Торжественном собрании Императорского Новороссийского университета ординарным профессором всеобщей истории А. Брикнером 30-го августа 1868 года // Краткий отчет о состоянии и действиях Императорского Новороссийского университета в 1867/8 академическом году. Одесса, 1868. С.15.

² Бродель Ф. Что такое Франция? М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. Кн. 1 / Пер. С.Н. Зенкина, В.А. Мильчиной. URL: http://yakov.works/libr_min/02_b/ro/del_02.htm

³ Кузнецова Н.И. Возможна ли дисциплинарная история науки? // Высшее образование в России. 2004. № 11. С. 103.

⁴ См., например: Постников А.В. К историографии истории географии (материалы к учебному пособию) // Вопросы истории естествознания и техники. 2003. № 2; Лебедев Д.В. Очерки по ботанической историографии (XIX – начало XX в.): [арх. 15 марта 2016] / Отв. ред. М.Э. Кирпичников. Л.: Наука, 1986 и др.

Комментарии-post

1. Лапидарно-выборочный обзор историко-научной литературы в области «науковедения», философии и литературоведения показывает, что, несмотря на значительную длительность в развитии историко-научных составляющих этих областей знания, на сегодняшний день нет четкости: ни в определении наименований, ни в понимании диапазона предметных полей, ни в структурировании рефлексивного поля и соотношении рефлексивных ветвей. Тем не менее учеными предложены интересные идеи, на которые стоит обратить внимание историкам исторической науки.

2. Статус собственно историографического проблемного поля (как историко-научного уровня, так и истории историко-научных знаний) определяется по-разному. Вместе с тем во всех рассмотренных областях гуманитаристики,

во-первых, процесс историзации / историографизации идет достаточно интенсивно;

во-вторых, все специалисты (в области истории науки, философии и литературоведения) не только признают приоритет историков в разработке рефлексивного пространства своей науки, в частности его конституирования / дисциплинарного определения, но и во многом заимствуют идеи историографов – специалистов по истории истории и истории историографии;

в-третьих, наследие советских ученых – историков науки, философии и литературы, требует своего «реабилитационного внимания»: можно констатировать определенный «разрыв» традиций и своеобразное «возвращение» в иной терминологической оболочке к уже пройденному.

3. Собственно *историографическое пространство* можно рассмотреть версально:

(1) в общем историографическом поле целесообразно выделить два уровня:

- первый (низший) сопоставим с *историко-научной составляющей конкретной дисциплины* со своим таксономическим эквивалентом – от проблемного поля / направления до дисциплины – вспомогательной / специальной / самостоятельной науки – с соответствующим самоназванием

- второй (высший) – *историографический подход* как фокусная ориентация (историзация / историографизация конкретной научной / историко-научной области), пронизывающая дисциплинарные поля наук, изменяющая свои эпистемологические контуры в зависимости от инновационных «поворотов» в науке в целом, от конкретной модели историографического анализа, пространственно-временной и социокультурной специфики своего проявления, ситуационных запросов, багажа традиций и конкретно-дисциплинарных особенностей рефлексивного уровня;
- (2) как *аналог собственно рефлексивного пространства*, в котором все ветви, формы, типы рефлексивного знания переплетены (взаимосвязаны и взаимообусловлены) на когнитивном уровне и одновременно имеют собственное институциональное «выражение», демаркационно оформленное и ментально разьединенное.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: понятие и модели

Наука многомерна и многоуровнева.

С.О. Шмидт

Историографический процесс как онтологически-реальное явление и одновременно как идеальная конструкция – объект познания дисциплины историографии – включает в себя все многообразие сюжетов, сторон, аспектов, феноменов и т. п., связанных с существованием и «движением» (отнюдь не в одно-векторном варианте) *исторического познания / знания / науки / дисциплины*.

Ремарка-тезис. Перманентные попытки достичь прошлого «как такового»¹ детерминируют конструирование модели **ИП**, нацеленной на максимальный охват различных процессов и явлений, что не исключает, но предполагает наличие разнообразных модельных версий.

Варианты **ИП** зависят от «содержательного наполнения» этого понятия.

1. Историографический процесс как История исторического познания включает:

- историю исторических знаний
- историю историков – субъектов познавательного процесса
- историю познавательной деятельности историков
- историю центров познавательной деятельности
- историю коммуникаций субъектов познавательного процесса
- историю исторического сознания
- историю исторической памяти
- историю историописания
- историю культуры познания прошлого
- историю историзации культуры
- историю исторической рефлексии
- историю форм и методов обучения истории и т. п.

---

¹ Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Издательство «Европа», 2007. С.5

Это – самое логически широкое понятие **ИП**, «движение» которого осуществляется на всех уровнях познания истории:

- профессиональном
- непрофессиональном (аматорском)
- фольк-истории
- художественно-изобразительном
- художественно-литературном
- публицистическом
- политико-идеологическом
- СМИ-формате
- Интернет-формате
- т. п.

2. Историографический процесс как История исторической науки включает:

- историю исторических научных знаний (становление и развитие самостоятельной когнитивной системы с присущим ей теоретико-методологическим, научно-методическим и историографически - источниковедческим арсеналом)
- историю ученых в личностном и коллективном измерениях: историю профессиональных историков и историю научного сообщества историков
- историю научных исторических учреждений
- историю исторического образования (в первую очередь – высшего)
- историю научных коммуникаций в профессиональном сообществе
- историю профессионального быта
- историю системы научно-познавательной деятельности в области изучения прошлого
- институциональную историю:
  - а/ историю когнитивной институционализации
  - б/ историю социальной институционализации
- историю «переднего края» исторической науки
- дисциплинарную историю – историю дисциплины истории
- историю рефлексивных дисциплин истории
- историю взаимосвязей и взаимоотношений исторической науки и политико-социо-культурных, научных и прочих структур

- историю истории как мегадисциплины – «дисциплинарного семейства» и т. п.

Это – второе логически емкое понятие **ИП**, «движение» которого осуществляется на профессиональном уровне познания истории и входит в **ИП** – *историю исторического познания*. При этом важным аспектом является проблема коммуникации между профессиональным уровнем и остальными уровнями познавательной деятельности.

Ремарка-штрих. Блоку и Февру виделась история, которая не числилась бы по разряду «изящной словесности» (*belles lettres*), а могла бы по праву называться наукой (*science*). Продолжатель дела Февра и Блока – Фернан Бродель – повторил по существу ту же мысль: «Я настаиваю: могут быть различные истории, но лишь одна-единственная – *научная история*»¹ [курсив мой. – Т.П.].

3. Историографический процесс как история дисциплины истории – дисциплинарная история, включает:

- историю дисциплинарного научного сообщества
- историю формирования дисциплинарного блока исторического знания (знаниевый «генофонд» дисциплины)
- историю дисциплинарной идентификации представителей научного сообщества
- историю дисциплинарных учреждений
- историю (формирования, эволюции, утверждения и трансформации) дисциплинарных нормативов (на когнитивном, профессионально-этическом и социокультурном уровнях)
- историю дисциплинарного быта
- историю дисциплинарной ментальности
- историю организации дисциплинарных исследований
- историю «учебного лика» дисциплины
- историю модификаций дисциплинарной стадии исторической науки и т. п.

Это – третье логически емкое понятие **ИП**, «движение» которого осуществляется на профессиональном уровне познания

---

¹ Гуревич А.Я. Марк Блок и «Апология истории» // Блок Марк. Апология истории, или Ремесло историка / Пер. с франц. Е.М. Лысенко. Примечания и статья А.Я. Гуревича. М.: Наука, 1973. С.200.

истории и входит в **ИП** – *историю исторической науки* и, соответственно, в **ИП** – *историю исторического познания*.

По аналогии с **ИП** можно сконструировать ***Историко-историографический процесс как историю дисциплины историографии.***

Ремарка-info. Первые историко-историографические изыскания (после исследований В.И. Шевцова, фундаментальных работ Р.А. Киреевой и И.И. Колесник) были предприняты Т.Н. Поповой¹ на материалах Новороссийского (Одесского) университета. Дисциплинарная модель историографии и модель историографического процесса, предложенные Т.Н. Поповой, были творчески применены Ю.А. Киселевой, которая использовала категорию историографическая ситуация для анализа определенных стадий в развитии историко-историографического процесса (включающего системные комплексы – когнитивный, инфраструктурный и социокультурный) на материалах Харьковского университета².

Ремарка-дополнение. «Движение» **ИП** происходит в результате смены *историографических ситуаций*. Л.Е. Кертман, пожалуй, первым стал оперировать формулой **ИП** в качестве синонима «единого процесса развития исторической науки»³, но для обоснования иных, с его точки зрения, мето-

¹ См.: первые варианты модели историографического процесса: *Попова Т.Н.* Развитие исторической науки как историографический процесс // Советская историческая наука и новое политическое мышление / Под редакцией проф. М.Е. Раковского. Одесса: ОГУ, 1991. С. 48-52; *Она же.* О понятии «историографический процесс» // Історія і теорія історичної науки та освіти: Харківський історіографічний збірник. Вип. 1. Харків: Авеста, 1995. С. 47-59; *Она же.* Историографический процесс: к экспликации понятия // Спеціальні історичні дисципліни: Питання теорії та методики: Збірка наукових праць та спогадів пам'яті відомого вченого-історика, доктора історичних наук, професора Володимира Олександровича Замлинського. Число 6 (7). У двох част. / Відп. ред. М.Ф. Дмитрієнко. Київ: НАН України. Інститут історії України, 2001. Ч. 2. С. 323-343; *Она же.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. С.69-95.

² См.: *Кисельова Ю.А.* Становлення та розвиток історіографії в імператорському Харківському університеті. Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2014. 252 с. См. об этом: *Попова Т.Н.* Дисциплинарная история историографии в региональном измерении (Рецензия) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2015. Вып.17. С.146-151.

³ См.: *Кертман Л.Е.* Историографическая ситуация // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки: Межвузовский тематический сборник. Калинин, 1980. С.25-26; *Он же.* Понятие «Историографическая ситуация» и его методологическое значение // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения: Сб. статей. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1987. С. 106-108.

дологически значимых понятий: «историографическая ситуация» и «частные (частичные) историографические процессы». В его схеме последние представляют собой «различные стороны» единого ИП и относятся к разряду «внутренних» процессов, изучение взаимодействия которых является задачей историографического исследования. Согласно Л.Е. Кертману, *историографическая ситуация* это «первичная единица отсчета» движения исторической науки и аналог применяемого в науковедческих исследованиях понятия – «ситуация в науке»¹.

Ремарка-resume. Категория *историографическая ситуация (ИС)* может быть определена как состояние исторической науки / познания / дисциплины, сложившееся в результате «синхронизации» определенной стадийности развития компонентов историографического процесса (в соответствии с его конкретными моделями) в соответствующем интеллектуальном и политико-социокультурном контексте.

«Движение» **ИП** (в различных конфигурациях) происходит в результате «смены» **ИС**, при этом следует учитывать:

- 1) регионально-темпоральное измерение ИС;
- 2) культурно-интеллектуально-научное пространство ИС;
- 3) политико-идеологическое пространство ИС;
- 4) «уровни» ИС:
  - глобальный
  - глобально-региональный
  - государственно-национальный
  - национально-региональный
  - общенаучный
  - историко-научный
  - в пространстве исторических наук
  - в границах историографических классов
  - дисциплинарный
  - проблемно-исследовательский и т.п.;
- 5) тип ИС – в соответствии:

---

¹ См.: Волобуев О.В. К вопросу о понятии «историографическая ситуация» // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения: Сб. статей. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1987. С. 109-110.

- с «уровнями» ИС
  - соотношением (противоречиями) компонентов ИП
  - спецификой «среза» ИП – конфигурациями ИС;
- б) анализ историографических ситуаций может быть:
- синхроническим / статическим (системным)
  - диахроническим / динамическим (эволюционным)
  - в сочетании обоих подходов;
- 7) категория *историографическая ситуация* – как *микро-историческая тотальность* – во многом отвечает теории П.М. Бицилли о «**синтезе момента**» – как наиболее целесообразном варианте *исторического синтеза*¹.

Ремарка-мнение. «Термин “историографический процесс” (ИП), прочно прижившийся в лексиконе историографов, в современных исследованиях не отрефлексирован в должной мере. На этом фоне содержательно значимой представляется попытка украинской исследовательницы Т.Н. Поповой дать развернутое определение этой дефиниции <...> Автор выделяет 5 моделей ИП, отличающихся содержательным наполнением <...> иерархию указанных моделей, демонстрируя «принцип матрешки», при котором содержание ИП в рамках второй, третьей и четвертой моделей логически входит в первую модель <...> перечисленные модели коррелируют с пониманием предмета историографии и, более того, – с образами исторической науки. Первая модель, безусловно, носит стереоскопический характер и соответствует современному образу историографии. Применительно к нашему исследованию более приемлемой, инструменталистской представляется вторая модель ИП, поскольку в фокусе внимания авторов находятся преимущественно профессиональные историки, занимающиеся историей России, работавшие в рамках перехода от классической науки к неклассической. Мы разделяем представления Т.Н. Поповой о содержании ИП в рамках данной модели как *истории исторической науки*. В нашем понимании эта модель презентует профессиональное научное сообще-

---

¹ См. подробнее: *Попова Т.Н.* Петр Михайлович Бицилли: портрет в манере «сфумато». Одесса: Бондаренко М.А., 2021. С.442-444.

ство в его интеллектуальном и бытийном выражении <...> ИП в значительной степени персонифицирован. Различные варианты прочтения его раскрываются через творчество конкретных историков, даже случайные, фрагментарные, с неясными перспективами контакты между которыми могут выступить мощным стимулом исследовательских интенций, включить нормативную обязательность научных процедур и, тем самым, прояснить линейку оценки историографического процесса. Причем нужно иметь в виду, что в реальной практике, скорее всего, исследователь будет иметь дело с гибридными моделями историографического процесса»¹.

---

¹ Из двух углов: отечественный историографический процесс в оценке эмигрантских и советских историков (1920–1930-е гг.): монография / [В.Ю. Волошина, В.С. Груздинская, Д.М. Колеватов, В.П. Корзун]. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2020. С.18-20.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ: о перспективах

...наука, как известно, тем и хороша,
что в ней никому не дано сказать последнее слово.

И.Д. Ковальченко

Обращение к конкретной *истории историографии* – *истории истории исторической науки* должно опираться как на базовую теоретическую модель научной дисциплины¹, так и на анализ конкретной фактографии дисциплинарного процесса с учетом его «региональных ликов».

Лапидарно суммируя смысловые новации, высказанные в современной литературе как евроатлантического, так и восточноевропейского научных пространств, можно выделить общие – пересекающиеся – линии стратегических ориентиров *историографии*:

1) не порывая с традиционным предметным полем, историография все более превращается в теоретическую дисциплину, направленную на осмысление основных тенденций развития и трансформации исторических знаний, на конструирование объяснительных моделей интеллектуальных процессов в области изучения истории;

2) предметное пространство историографии будет постоянно стремиться к появлению новых проблемных полей по мере усложнения самого комплексного объекта своего изучения – исторической науки / исторической мысли / исторических знаний / историописания / исторической памяти / исторической культуры – всего комплекса интеллектуальной жизни, нацеленной на познание прошлого;

3) изучение историографии должно иметь контекстуальный характер, без элиминации обширного спектра культурных, социально-политических, информационно-идеологических и прочих условий (контекстов) при анализе когнитивных процессов;

4) «репрезентирование прошлого» историописания все более устремляется в пространство культурно-интеллектуальной истории, «межкультурной истории исторической мысли», к анализу «кросскультурного обмена»;

---

¹ По выбору исследователя с учетом возможных вариаций.

5) историография должна быть нацелена на изучение взаимовлияний «западных» и «незападных» историографических миров как гетерогенных феноменов;

6) постоянное расширение собственного теоретико-методологического инструментария с включением достижений «общего рынка» наук – аксиома исследовательского арсенала историографии;

7) переход от традиционной методологии истории к «эпистемологии историков» как практике (дескриптивной эпистемологии), цель которой – в описании того, «как на самом деле функционирует наука», «как думают и работают историки», как происходит «понимание историографического дискурса», как осуществляется «производство» исторического знания, каковы формы и способы «его бытования»;

8) «рефлексивный поворот», или «историографический поворот», обратил внимание на проблемы профессиональной идентичности историков, на диалог «когнитивных практик», на исследование взаимодействия между познанием, идеологиями, письмом / нарративом и т. п. – на различные «дисгармоничные аспекты работы историка», на переосмысление историографии и ее истории как способов самопознания историков / историографов;

9) образ истории исторической науки со всей «мемориальной слоистостью» объекта ее изучения все более воспринимается в качестве «символической формы», понимание которой предполагает включенность этого феномена рефлексивного знания в историю культуры;

10) базовая эпистемологическая платформа должна быть ориентирована на процедуры рационального исследования при всем осознании пределов исторического познания¹.

---

¹ См.: Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии / Г. Иггерс, Э. Ван (при участии Суприн Мукерджи); пер. с англ. О. Воробьевой. Науч. ред. Марина Кукарцева. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2012; *Рохас Карлос Антонио Агирре*. Историография в XX веке. История и историки между 1848 и 2025 годами. М.: Кругъ, 2008; *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011; *Корзун В.П.* Несколько лекций по методике историографического анализа: современные исследовательские практики: учебное пособие / В.П. Корзун, М.А. Мамонтова, Н.А. Коновалова, Ю.П. Денисов. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012; *Колесник І.* Українська історіографія: концептуальна історія. Київ: Інститут історії України НАН України, 2013; *Микешина Л.А.* Становление эпистемологии в российской философии и социально-гуманитарных науках XIX–XXI веков. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей; Изд-во «Политехника Сервис», 2021; *Копосов Н.Е.* Философия от истории или Филология от социальной хабитуалогии? «Науки о человеке», типы «письма» историков, гуманитарная среда Санкт-Петербурга и

Комментарии-post

1. Восточноевропейская версия историографии – с ее давней традицией (с XIX в.), с конституированием в советскую эпоху, с бурным развитием в 1990-е и 2000-е годы – отвечает дисциплинарным параметрам всех предложенных автором моделей **НД**.

История истории прошла все стадии:

- додисциплинарную (условно до середины XIX в.),
- период дисциплинаризации (сер. XIX в. – 60-80-е гг. XX в.),
- дисциплинарное бытие.

Несмотря на определенные когерентные колебания (самоназвание, векторы предметного поля, «многоликость» дисциплинарного восприятия и т.п.), *историография* / история истории в восточноевропейском научном ареале¹ сохранила свой дисциплинарный статус, а ее дисциплинарная матрица обнаружила способность не просто к «восстановлению», но к «историографическому ренессансу».

Этот факт подтверждается не только самоидентификацией историографов, но и отражением дисциплинарного восприятия историографии в официальной / публичной плоскости – это:

- статьи в словарно-энциклопедической литературе
- специализированные структуры – кафедры, отделы и т.п.
- номенклатура специальности по шкале министерств и аттестационных комиссий
- многообразие дидактической литературы, специализированных изданий и разделов в солидных журналах и сборниках
- перманентные конференции и т.п.
- сайты в Интернете (как факт признания со стороны достаточно широкого круга «общественности») и проч.

Фактическое утверждение нового уровня рефлексии – собственно историографической рефлексии – *истории историогра-*

представительство Западного академизма. URL: <https://www.netslova.ru/ioffe/koposov.html>; Воробьева О.В. От методологии истории – к эпистемологии историка // Преподаватель XXI век. Исторические науки. 2018. № 3; Чеканцева З.А. Мир историка и антропологизация историографии в XXI веке // Мир историка: историографический сборник / [редкол.: В.П. Корзун (отв. ред.), С.П. Бычков (отв. ред.), Н.Н. Алеврас и др.]. Вып. 12. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2019 и др. Этими линиями, конечно, не ограничивается весь спектр инновационных предложений.

¹ Вопрос о статусе дисциплины историографии в независимых государствах - разных регионах «постсоветского пространства» - требует своего специального рассмотрения.

фии подкрепляется диссертационными исследованиями, многочисленными многоформатными изданиями, специальными курсами в университетах и проч. и выступает как важнейший критерий дисциплинарного конституирования *историографической науки*.

2. В многообразии самоназваний истории истории (реально существующих и предлагаемых), в попытке их систематизации для принятия конкретных консенсусных нормативов следует учитывать ряд позиций.

Во-первых, не стоит забывать о собственных, длительных по временной протяженности, историографических традициях, в соответствие с которыми дисциплина историография приобрела в *нашем поле* собственную «*территорию*», включающую широкий корпус проблематики с комплексом когнитивных и социокультурных аспектов бытия историко-научного знания, самостоятельный исследовательский инструментарий, достаточно автономную инфраструктуру, свое имя – «историография» и значительную когорту профессиональных историографов.

Во-вторых, в границах этой дисциплины, сложно структурированной, сформировалось отчетливо выраженное направление, представляющее собой форму рефлексии нового уровня («история в третьей степени») и получившее свое теоретико-концептуальное (монографическое) обоснование, в то время как в западной традиции самоосмысление и, соответственно, самоназвания исторического знания ограничиваются двумя уровнями – «историография» и «история историографии»¹.

В-третьих, процесс дисциплинарного оформления научных областей знания – естественноисторический, в котором неповторимо-своеобразное переплетение разнообразных факторов рождает свой собственный лик науки вместе с его «именем». Время и активная роль субъектов науки (отдельного ученого и научного сообщества в целом) неизбежно приведут к созданию нового образа *истории истории* – с ее самоназваниями, структурными составляющими, научным полем, которую будущие историографы, возможно, по традиции назовут «*новой историографической наукой*».

---

¹ См.: Время мира. Альманах. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке / Под редакцией Н.С. Розова. Новосибирск, 1998. С.326.

3. История дисциплины историографии – это «непрекращающийся диалог», предлагающий «не одно единственное изложение», но многообразие подчас конфликтующих между собой интерпретаций, которые «обогащают нашу картину прошлого, но тем не менее остаются объектом критической проверки на предмет соответствия таким принятым в научном сообществе стандартам, как опора на эмпирику и логическая связность»¹.

---

¹ *Иггерс Г., Ван Э.* Глобальная история современной историографии / Г. Иггерс, Э. Ван (при участии Суприн Мукерджи); пер. с англ. О. Воробьевой. Науч. ред. Марина Кукарцева. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 38.

II. Биоисториописание

1. Вопросы теории и методологии

БИОГРАФИЗМ В ГУМАНИТАРНОМ ПОЛЕ

Возможно все, пока не доказано обратное.
Артуго Перес-Реверте

Новый этап *биографического поворота* – ренессанс *биографизма* как системы научного биоисториописания в наши дни – обусловил и новый виток рефлексии: самоанализ представителей этого жанра связан не только с поисками оптимально-методологического инструментария, но и с необходимостью самоидентификации в дисциплинарном пространстве науки.

Тезис о *раздисциплинировании* науки еще «вчера» считался аксиоматичным: ученые, ориентируясь на поли / меж-дисциплинарность, рассматривали процесс «раздисциплинирования» традиционных гуманитарных предметов как очередной «поворот» в историографической культуре¹. Эта ситуация заставила профессиональных историков обратиться к поиску новых познавательных подходов: возник интерес к собственно «эпистемологии исторического профессионализма», что повлекло за собой переосмысление дисциплинарных возможностей науки.

Анализ «дисциплинарных порядков» в социогуманитарном поле, актуализация проблемы «дисциплинарность / междисциплинарность» привели к выводу о том, что «дисциплинарная матрица» не исчерпала своих возможностей. С десятых годов нового века начался «ренессанс дисциплинарного принципа»².

---

¹ См.: *Эксле Отто Герхард*. Культура, наука о культуре, историческая наука о культуре: размышления о повороте в сторону наук о культуре // *Одиссей. Человек в истории*. 2003. Язык Библии в нарративе / Гл. редактор А.Я. Гуревич. Институт всеобщей истории РАН. М.: Наука, 2003. С. 394, 412.

² См.: *Дмитриев А.* Дисциплинарные порядки в гуманитарных и социальных науках // *Науки о человеке: история дисциплин: коллект. моногр. / сост. и отв. ред. А.Н. Дмитриев, И.М. Савельева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики»*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С.7-38; *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С. 550.

В этом плане в контексте восприятия био-письма как синтеза подходов и жанрового многообразия (от документальной биографии до биографического романа, от научной, исторической, интеллектуальной до популярной, дидактической, беллетризованной и проч.) все отчетливее звучат идеи о самостоятельном статусе этой области знания в системе социогуманитаристики.

Биографию рассматривают как «определенный тип гуманитарного знания и самостоятельной культурной традиции»: «текстуальную представленность на языке данной культуры феномена личностной индивидуальности». Британские социологи оценивают *биографический поворот* как выход биографических исследований из маргинальной зоны, фактически формулируя проблему институционализации биографических исследований, обретения биографическим жанром дисциплинарных границ. В последних по времени публикациях преимущественно социологической направленности биографический поворот определяется «дисциплинарной экспансией и внутренней целостностью методологического мировоззрения её представителей»¹.

Одновременно звучат и диаметрально противоположные суждения: биография не обладает самостоятельностью, но «манифестирует тот или иной тип гуманитарного знания («научная биография») и культурной традиции (биография как социокультурный феномен)»².

Ремарка-мнение. Вероятно, следует разграничивать два лика биографии:

- *социокультурный феномен, тип гуманитарного знания, с одной стороны, и*
- *форма биографической рефлексии на «внешнем», дисциплинальном уровне – с другой.*

¹ См.: *Валевский А.Л.* Основания биографики. Киев: Наукова думка, 1993. С.4; *Он же.* Биографика как дисциплина гуманитарного цикла // Лица. Биографический альманах. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1995. Вып. 6. С. 32-49; *Кон И.С.* Жизненный путь как предмет междисциплинарного исследования // Человек в системе наук. М.: Наука, 1989. С.471-483; *Голофаст В.Б.* Многообразие биографических повествований // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 73–88; *Чушко В.С.* Загальні проблеми біографістики // Українська біографістика. 1999. Вип. 2. С. 7–14; *Merrill B., West L.* Using biographical methods in social research. London: Sage, 2009. P. 3; *Рогозин Д. М.* Биографический метод: обзор литературы // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 123, 127.

² См.: *Голубович И.В.* Биография: силуэт на фоне Humanities (Методология анализа в социогуманитарном знании): Монография. Одесса: ФЛП Фридман А.С., 2008. С. 242.

*Биографика и биографистика*¹ – «дисциплинарные наименования», вошедшие в советскую литературу, – в современной украинской и российской историографии имеют неоднозначную трактовку.

Для одного из ведущих российских специалистов в области биографизма И.А. Беленького *биографика* – система философско-методологических, историографических, историко-культурных, рецептурных знаний и представлений о *биографии*, об отдельных биографических жанрах, о смысле, задачах и возможностях биографического мышления и познания, о методах биографической реконструкции, которая начала конституироваться в Европе в XVIII – XIX вв., в России – во второй половине XIX – начале XX в.² Как *дисциплинарное* понятие *биографика* появилась в работах И.Т. Филиппова в значении отдела исторического знания, исследующего типологические формы проявления личностной индивидуальности в истории. Для И.Ф. Петровской *биографика* – специальная историческая дисциплина, изучающая человека в истории во всех проявлениях его бытия, и собственно биографическое знание³.

В современных российских словарно-энциклопедических изданиях *биографику* определяют как вспомогательную историческую дисциплину, разрабатывающую теоретические, методические, историографические, источниковедческие проблемы биографий, среди ее главных задач – изучение типов биографического письма и биографического сознания.

Биографистику, которая употреблялась в советской историографии 1970-1980-х гг. в рамках рефлексии над *биографикой* (как совокупностью научных и научно-популярных трудов и художественных произведений), трактуют в качестве блока кратких биографических сведений о представителях различных социальных и профессиональных групп⁴.

¹ В. Дильтей употреблял понятия *биографика* и *биографистика* как синонимы.

² См.: Беленький И.Л. Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2005. С. 37-54 и др.

³ См.: Филиппов И.Т. К вопросу о науке биографии // Известия Северо-Кавказского государственного университета. Ростов-на-Дону, 1926. Т. УШ. С. 89-92; Петровская И.Ф. Биографика: введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801-1917 годов. СПб.: Петрополис, 2010. С.12.

⁴ См.: Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь (второе издание, исправленное и дополненное) / Отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. М.:

Помимо традиционных наименований следует констатировать появление нового – *новая биографика*, – которое покрывает одну их сфер современного исторического знания. Возникновение этого предметного поля на рубеже XX-XXI вв. – при переходе от неклассической к постнеклассической модели науки – связывают с антропологическим поворотом в исторической науке и наделяют его самоназванием – *новая биографическая история*. Эклектизм, проблема соотношения микро- и макроанализа как ведущая методологическая проблема, известная схема Д. Уокера (в качестве типологии биографического жанра) – основные черты *новой биографики*. Принципиальное ее отличие как *новой биографической истории* от традиционной исторической биографии в том, что личная жизнь и судьба индивидов используются для прояснения социального контекста, а не наоборот, как это практиковалось ранее¹.

Для Г.П. Мягкова и Т.Н. Ивановой (представивших эвристически значимую периодизационную схему истории биографики в российской культурно-научной традиции от середины XIX в. до наших дней) *биографика* – научная дисциплина со специальным понятийным аппаратом, исследовательским инструментарием, сложившейся системой междисциплинарных взаимодействий. «Ренессанс персональной истории», «биографический поворот», рождение «новой биографики» – знамение третьего этапа 2000-х годов, на котором биографика сама выступает предметом осмысления, одновременно определяются пути – «траектории» обновления «старого» биографизма», внедряются новые принципы выбора персоналий, происходит «приращение» проблемного поля, «повышается трансдисциплинарность», вводятся интерпретативные методы, происходит выделение моделей и типов биографических исследований – совершенствуется инструментарий историка².

Ремарка-info. Среди «трендов» последнего времени – *глобаль-*

Аквилон, 2016. С. 33-35.

¹ Некрасова Н.В. Новая биографика // Там же. С. 324-325. См. также: Дунаева Ю.В. Историческая биография: Упадок или возрождение? (Аналитический обзор) // Историческая биография: Современные подходы и методы исследования: Сб. обзоров и реф. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. истории, Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Отв. ред. Дунаева Ю.В. М., 2011. С. 8-34.

² См. подробнее: Мягков Г.П., Иванова Т.Н. Биографика: этапы дисциплинарного становления // «Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева)»: материалы Всерос. науч. конф. с межд. участ. (Чебоксары, 18 апр. 2019 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ИД «Среда», 2019. С. 25-32.

ная микроистория¹. Это понятие возникло в контексте теоретических поисков в области «новой глобальной истории» – в попытках именно в истории индивидов отыскать «путеводную нить между микро- и макромиром в их историческом измерении, “очеловечить” глобальную историю». Микроисторический подход, по сути – биографическая история, «история, показанная через личность», которая предполагает акцент на частное, индивидуальное, уникальное в конкретных человеческих судьбах и одновременно – «на выявление полного спектра и пределов тех возможностей, которыми располагает индивид в рамках данного культурно-исторического контекста». Само явление «глобальной микроистории» – свидетельство последствий «историографической революции» последней трети XX – начала XXI в., для которой свойственны: мультиперспективизм и разнообразие методологических подходов, а также движение к их интеграции и взаимокоррекции (Л.П. Репина).

В Украине значительная роль в становлении проекта «философской биографики» принадлежит А.Л. Валуевскому, для которого *биографика* – наука о биографии, «дисциплина гуманитарного цикла», разрабатывающая «теорию и методологию биографического письма».

Биографистика в украинских изданиях – научная дисциплина, изучающая теорию, методологию, методику, историографию, практику и терминологический аппарат историко-биографических исследований, источниковедческие проблемы биографий и разнообразные виды биографической продукции. Термин *биографика* в качестве заместителя термина *биографистика* употребляется в широком смысле для обозначения литературно-биографического жанра, искусства описания жизни². Одновременно биографистику рассматривают как «тип гуманітарного знання, який спирається на традицію подання в тексті життєвого шляху людини в конкретний історичний період»³.

¹ Gamsa M. Biography and (Global) Microhistory // New Global Studies. 2017. Vol. 11. № 3. P. 231–241; См. подробнее: Репина Л.П. Биография в контексте «глобальной микроистории» // «Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева)»: материалы Всерос. науч. конф. с межд. участ. (Чебоксары, 18 апр. 2019 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ИД «Среда», 2019. С. 12-18. См. также: Слава и забвение: парадоксы биографики: Сб. научных статей / отв. ред. Л.П. Репина. СПб.: Алетейя, 2014 и др.

² См.: Ясь О.В. Біографістика // Енциклопедія історії України: В 5 т. / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. Т.1: А-В. Київ: Наукова думка, 2003. С. 295-296.

³ См.: Стус Д.В. Біографістика // Енциклопедія сучасної України. / Гол. редкол.: Дзюба І.М., Жуковський А.І., Желєзняк М.Г. та ін.; Ін-т енциклопедичних досліджень НАН

Институционализация *биографистики* как специальной исторической дисциплины проходит в Украине приблизительно с рубежа 1980-1990-х гг. Значительная роль в этом процессе принадлежала В.С. Чишко, основателю и первому директору Института биографических исследований Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского¹.

Философы в Украине констатируют формирование *биографики* и *биографистики* как исследовательских направлений, определяя их в диапазоне: от искусства биографии до специальной исторической дисциплины, разрабатывающей проблемы биографий, тесно связанной с литературоведением, словарно-энциклопедической традицией, генеалогией, библиографией и, наконец, до теоретического осмысления феномена биографии в культуре и т.д.

Украинский философ В.И. Менжулин определяет биографистику как символ развития демократии, важнейшим приоритетом которой является жизнь отдельного человека в его неповторимом и уникальном бытии. Термин *биографистика* достаточно часто используется философами / культурологами. Историко-философская *биографистика* воспринимается в качестве культурно значимой, методологически сложной и эвристически насыщенной области историко-философского познания, при этом отмечается факт отставания в оформлении философской биографистики по сравнению с биографистикой социологической и исторической². Тем не менее Украина стала одним из лидеров в оформлении проблемно-дисциплинарного поля биографических исследований в философии: историко-философскую биографистику рассматривают как субжанр историко-философских исследований (В. Менжулин), как «новый биографизм» – альтернатива позитивистского биографического метода в стиле Сент-Бева (И. Голу-

---

України. Київ: НАН України наук. Тов. ім. Шевченка, 2004. Т. 3: «Біо» – «Бя».

¹ См.: *Чишко В.С.* Біографістика як галузь історичної науки: історіографія та методологія: Автореф. дис.... докт. іст. наук. Київ, 1997. 48 с. *Он же.* Біографічна традиція і наукова біографія в історії та сучасності України. Київ: БМТ, 1996. 240 с.; *Он же.* Загальні проблеми біографістики // *Українська біографістика*. Київ, 1999. Вип. 2. С. 7–14 и др. О нем см.: *Потик В.І.* До 70-річчя від дня народження В.С. Чишка // *Українська біографістика*. 2021. Вип. 21. С. 13–18.

² См.: *Менжулін В.І.* Біографічний підхід в історико-філософському пізнанні: монографія. Київ: НаУКМА, Аграр Медіа груп, 2010; *Он же.* Біографія філософа: изучать нельзя не изучать // Автор и биография, письмо и чтение. Сборник докладов / Ред.-сост. Ю.П. Зарецкий, В.П. Лихачев, А.Ю. Зарецкая; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. С. 56; *Голубович И.В.* Основы теоретической биографистики: учебное пособие для студентов специальностей «Философия» и «Культурология» / Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова. Одесса: ОНУ им. И.И. Мечникова, 2015. С. 11, 15.

бович), как «онтологию биографии» (А. Валеvский)¹.

Историки в большей мере предпочитают термин *биографистика*², а историки исторической науки чаще оперируют термином *биоисториография*. Это понятие, заявленное в советской литературе приблизительно с семидесятых годов, означало составляющую историографических исследований, объект которых – личность историка (профессионала и аматора) и его творческое наследие. Имея давнюю традицию³ и по сути являясь одной из основ (наряду с проблемно-тематической историографией) формирования самой историографии – истории исторической науки, – биоисториография прошла большой путь, претерпела различные модификации и флуктуации, колеблясь в поисках оптимальных исследовательских решений вместе с колебаниями своей родовой – исторической и видовой – историографической науками.

Сосуществование двух терминов – *биографистика* и *биографика* – свидетельствует о том, что дисциплинаризация биографической области простирается в двух направлениях: как научной дисциплины в мегасистеме исторической науки (биографика) и как предметной отрасли в междисциплинарном поле социогуманитаристики (биографистика)⁴.

Стоит обратиться еще к ряду понятий, которые И.Л. Беленький относит к «конфигурациям биографического слова и биографического знания».

Во-первых, родовой термин – *биография*. Приведу две наиболее привлекательные для меня дефиниции:

- это – «один из важнейших концептов личностного сознания человека и культурно-исторического сознания общества», выражающий целую гамму понятий и явлений («бытие личности в потоке исторического времени», восприятие личности в социуме,

¹ Голубович І.В., Крижановська Т.О. Ірина Яківна Матковська: начерки до портрету в манері сфумато // Українська біографістика. 2020. Вип. 20. С.57-58.

² См.: Біографістика в контексті сучасних історичних та історіографічних досліджень: Харківський історіографічний збірник, Харків: НМЦ “СД”, 2003. Вип. 6. 192 с.

³ А.Г. Брикнер, оценивая к середине XIX в. состояние *истории истории*, констатировал, что традиция «истории историографии как истории исторической литературы» (которую он рассматривал как часть *истории истории*) насчитывает уже полувековой период своего развития. Представители этого направления делали своим предметом «разбор отдельных историков» - Фукидида, Л. фон Ранке, А. Шлоссера и др. и давали оценку литературных достоинств исторических сочинений. См.: Брикнер А.Г. О главных задачах исторической науки // Краткий отчет о состоянии и действиях Императорского Новороссийского университета в 1867/8 академическом году. Одесса, 1868. С.3-17.

⁴ См. подробнее: Голубович: І.В., Менжулін В.І., Попова Т.М. Біографістика // Велика українська енциклопедія. URL: <https://vue.gov.ua/Біографістика>.

формы описания «личностной индивидуальности», постижение «индивидуального бытия» и др.); «особая самодостаточная культурно-историческая форма постижения и трансляции личностного индивидуального опыта», заключающая в себе единство науки и искусства, статус и смысл которой – «жизнеописание»¹

- это – «социокультурный феномен», «литературный и научный жанр, совокупность методов биографического / автобиографического материала в различных областях humanities»².

Во-вторых, кроме родового в литературу вошли и другие понятия: «биографическая литература», «биографические жанры», «искусство биографии»; в более ограниченном предметном смысле – «литературная биография», «историческая биография», «биографические исследования», «биографоведение», «персоналистика» («знание о конкретной личности и ее интерпретация по текстам, созданным ею, – воплощается во всех жанрах *биографии* и в персонологических высказываниях, вкрапленных в различные тексты и устную речь») [И.Л. Беленький].

Среди всех этих многочисленных понятий в контексте проблемы наиболее значимы – *историческая биография* и *биографоведение*.

Первое понятие *историческая биография* – традиционное – имеет три основных оттенка:

- это – жанр историописания в целом
- это – направление в исторической науке
- это – разновидность научных исследований, или составляющая любой дисциплины / области знания.

Второе понятие – *биографоведение* / *биографознание* – более соотносимо с рефлексивной составляющей биографических исследований.

Ремарка-мнение. Можно рассматривать *биографоведение* как *знание о биографии*, включающее всю совокупность представлений о формах и методах биографической работы, профессионально-научной и аматорской, о биоисториописании в целом, в отличие от *биографики*, более соотносимой с «искусством биографии», и *биографистики*, содержание которой преимущественно – *научное био-письмо*.

Однако термины «биографоведение / биографознание» в ре-

¹ См.: История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2005. С. 37, 49.

² См.: Голубович И.В. Биография: силуэт на фоне Humanities (Методология анализа в социогуманитарном знании): Монография. Одесса: ФЛП Фридман А.С., 2008. С. 17.

альной украинской и российской современной практике не получили широкого распространения¹.

Ремарка-mini-экскурс

«Движение» биографической рефлексии в Украине последних десятилетий высвечивает три основных тенденции.

Во-первых, применение понятий «биографика» / «биографистика» как синонимов², отражая во многом тот факт, что «рядовые» исследователи обычно используют тот или другой термин, не вникая в его содержание.

Во-вторых, дифференцированный подход к смыслонасыщению этих понятий:

- «биографика» – сфера научного и литературного творчества, часть отечественной гуманитарной культуры
- «биографистика» – специальная историческая дисциплина и отрасль исторической науки, предметной областью которой выступает биографическое знание как исторически сформированный феномен; объект исследования в биографистике – разнообразные результаты многовекового движения мировой биографики³.

В-третьих, В.И. Попик, член-корреспондент НАН Украины, директор Института биографических исследований Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского, считает, что мировая наука и практика биографической исследовательской и информационной работы рассматривает *биографику* – аналог *biography* в соответствии с международными стандартами – как явление науки и культуры, которое требует широких комплексных подходов, углубленного осмысления проблем, задач и перспектив ее поступательного движения не только с позиций собственного специального «ремесла» биографов-исследователей, но прежде всего –

¹ «Фолк-био-письмо», как и все непрофессиональное биоисториописание – отдельная тема, требующая специального анализа.

² См.: Ляшко С. Біографіка чи біографістика? // Бібліотечний вісник. 2005. № 2. С. 32–35; Она же. Українські біографічні довідкові видання: ХІХ–ХХ ст.: історичні та теоретико-методичні засади. Запоріжжя, 2010. С. 268.

³ См.: Попик В.І. Біографістика // Спеціальні історичні дисципліни: Довідник. К: Либідь, 2008. С. 94; Она же. Українська біографістика на зламі століть: зміна дослідницьких парадигм // Наукові праці Національної бібліотеки України ім. В.І. Вернадського. 2011. Вип. 31. С. 443; Она же. Biography – біографіка – біографістика – біобібліографія: понятійний арсенал історико-біографічних досліджень // Український історичний журнал. 2015. № 3. С. 127-130.

в общем контексте современного общественного, культурного и духовного развития. Однако современные дискуссии ведутся преимущественно по проблемам дисциплинарного статуса биографики / биографистики. Между тем попытки обосновать правомерность развития т.н. «отраслевых биографистик» с отдельными собственными теоретико-методологическими подходами, призванными отобразить специфику дисциплинарных биографических исследований вряд ли продуктивны. Поиск дисциплинарной «самоидентификации» биографистики прошел.

Мировая *биографика*, собственно – *biography*, в своем развитии далеко отошла от сосредоточенности на принципах исторической науки – она использует широкие универсальные теоретические подходы, обусловленные многомерностью задач исследования жизни человека, что проявляется в ее новых направлениях, таких как «Life writing» и др. На практике современная ситуация в большей мере способствует перемещению по-настоящему оригинальных биографических студий в пространство, свободное от дисциплинарных ограничений интеллектуальной биографики. В связи с этими тенденциями в мировых и отечественных био-исследованиях В.И. Попик допускает, что название сборника «Українська біографістика = Biographistica Ukrainica» целесообразно переименовать на «Українську біографіку», т.к. публикуемые в нем материалы более отвечают комплексной проблематике *биографики* – *biography* в европейском и мировом понимании¹.

Ремарка-позиция. Модернизация современной *украинской биографики* как «знаниевого и коммуникативного ресурса» должна быть сориентирована на инновационную методологию, преодоление стереотипных представлений, актуализацию новейших исследовательских форм, методов и механизмов раскрытия биографического мира человека («нелинейный формат» биографического текста, метод «инсталляции», «фрагментарно / мозаичная модель» и проч.), который не всегда отвечает канонам, привносимым политическими идеологемами².

¹ См.: Попик В.І. Вітчизняна біографіка в умовах трансформацій інтелектуального і духовного життя суспільства // Українська біографістика. 2020. Вип. 20. С. 150-152; *Он же*. Біографіка як феномен науки і культури // Українська біографістика. 2020. Вип. 19. С. 22-25.

² См.: Буряк Л.І. Українська біографіка «Плинних часів»: пропозиція осмислення // Українська біографістика. 2020. Вип. 19. С. 33-52.

Комментарии-post

1. Современные *биографические исследования* (понятие, получившее распространение с 1980-х гг. в советской литературе) в области исторической науки, включают три ветви: 1) *коллективную историю*; 2) *индивидуальную историю*; 3) *эго-историю (автобиографию)*. Все три ветви – пересекающиеся сферы единого историко-биографического поля, их дифференциация – условна, т.к. любой тип биографического анализа осуществляется в общем ареале исторической науки и ее субдисциплин с выходом в междисциплинарное пространство¹.

Ремарка-тезис. Биография как *история личности* всегда *исторична*, т.к. ее главная задача: жизнь отдельного человека от рождения до смерти, это – «персональная, или биографическая, *история*»² [курсив мой. – Т. П.]. Поэтому биографии ученых – историка, философа, физика и др. – это *истории* ученых, которые неразрывно вплетены в *историю науки*, в *историю* той или иной *дисциплины*, наконец – в *историю* как таковую. При этом *история* личности в био-нарративе не предполагает в качестве исключительного канона хронологически-линейный формат.

2. Дисциплинарные размежевания *биографистики / биографики* свидетельствуют о сложности дисциплинарного синтеза этой области социогуманитарного знания, о различиях в дисциплинарном фокусе и подходах к трансляции общетеоретических постулатов в конкретную дисциплинарную практику. Как известно, дисциплинарность транснациональна, однако, отмечая т.н. «дисциплинарные разногласия», следует учитывать дисциплинарно-региональную специфику, отличия в традициях *biographical research* в границах национально-государственных образований или более масштабных научных ареалов – евроатлантического и восточноевропейского, запада и востока.

3. Дисциплинарное сообщество неоднородно, это – гранулированная среда, в которой действуют коммуникативные механизмы, способствующие, с одной стороны, выработке парадигмальных основ научной дисциплины, с другой – создающие оппозиционно-конфликтные ситуации. Научное сообщество представителей биогра-

¹ См. подробнее: *Попова Т.Н.* Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций: теория, методология, практика // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Головний ред. В. Смолій; відп. ред. І. Колесник. Київ: Інститут історії України НАН України, 2014/2015. Вип. 8. С. 15-40.

² *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С. 303.

фического жанра при всей его популярности, давней истории, многочисленных традициях, довольно разветвленной инфраструктуре (биографические институты, центры, массив специализированных изданий и биографической литературы, преподавание специальных курсов в университетах, перманентно организуемые конференции и т.п.), солидной теоретико-методологической базе, «самоназваниях» и др. тем не менее не обрело самоидентификацию: нет общепризнанного специального самонаименования для «биографоведов» — *ученые, занимающиеся биографическими исследованиями, чаще всего идентифицируют себя по основной профессии / дисциплине.*

В этом контексте считаю возможным рассматривать *историческую биографистику* в качестве специальной рефлексивной дисциплины исторического профиля, объект которой — историческая биография как социокультурный феномен и тип исторического знания, предмет — история, теория и методология историко-биографических исследований / познания.

4. В публикациях последнего времени, как в украинской так и в российской биографоведческой литературе, наблюдаются своеобразные «заявки»: понятие *биографика* акцентуализируется как ведущее для обозначения *biographical research*, однако российские авторы определяют этот термин в качестве дисциплинарного наименования, сложившегося в российской культурно-научной традиции, а украинские ученые рассматривает *биографику* как аналог *biography* — пространство, свободное от дисциплинарных ограничений в соответствии с международными стандартами.

5. Глобальная история на своем новом витке рефлексии и практики — «новая глобальная история» — явилась своеобразным триггером для появления *глобальной микроистории*. «Микроистория» (как исследовательское поле) превратилась ныне в версальное пространство, дебаты по ее поводу не прекращаются, выдвигая все новые подходы к осмыслению этого явления. Новое понятие «глобальная микроистория» призвана «очеловечить» глобальную историю (Л.П. Репина), используя *case study* в значении уникальности конкретного случая (человека и «поступка») и ориентируясь с помощью фрагментарной детализации и индивидуализации частного *события* — биографической неповторимости — на новый уровень и форму обобщений в глобальноисторической перспективе.

6. К репертуару тиражируемых наименований — *биографика, биографоведение, биографистика, новая биографика, историческая*

биография и проч. – можно добавить *биографизм*. Этот термин уже вошел в исследовательскую практику с различным смысловым наполнением. Пожалуй, среди тех, кто заложил традицию применения этого термина, был Д.С. Лихачев: его формула «идеализирующий биографизм», смысл которой – «своеобразное “количественное” увеличение интереса к человеку как составной части единого феодального государства», характеризовала специфику изобразительного искусства и литературы XVI в.¹. В современной литературе термин «биографизм» чаще всего используют филологи: в литературоведческих исследованиях биографизм определяют как *проблемную область* (содержание которой – «отражение биографических обстоятельств и впечатлений в творчестве» писателей), как *принцип жанровой генерализации*² и т.п. И.В. Голубович (философ) оперирует понятием «новый биографизм» (истоки которого усматривает в творчестве П.М. Бицилли); его суть – практика авто / биографического полотна, для которого характерна содержательная связь между жизнью и текстом без крайностей эмпиризма и гипертекстуальности. Для А.В. Лубского (историк) «новый исторический биографизм» связан с «биографическим поворотом» и характеризуется двумя основными признаками: смещением исследовательского интереса в сторону отнюдь не выдающихся персонажей «драмы» человеческой истории и акцентом на «внутреннюю» сторону их жизнедеятельности³. Одновременно биографизм интерпретируют как описательно-аналитический метод сбора и презентации информации о конкретной личности, как теоретико-методологическое основание современных гуманитарных исследований: в этом плане данное понятие выступает своеобразным аналогом биографического метода / подхода.

¹ Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М.: Наука, 1970. С. 97-103.

² См.: Левина Е.Н. Проблема биографизма в творчестве И.С. Тургенева 1840-1850-х годов: Автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. СПб., 2008; Трыков В.П. Биографизм во французской литературе начала XX века (Р. Роллан и М. Пруст) // Классика и современный литературный процесс. Тезисы докладов Всероссийской конференции. 23–26 мая 1995 г. Орск, 1995. С. 36–37; Бреева Т.Н. «Новый биографизм» в современной русской литературе // Филология и культура. 2012. № 4 (30). С. 14-17 и др.

³ См.: Голубович И.В. П.М. Бицилли о феномене автобиографии и «биографический поворот» в современной гуманитаристике // Автор и биография, письмо и чтение. Сборник докладов / Ред.- сост. Ю.П. Зарецкий, В.П. Лихачев, А.Ю. Зарецкая; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом ВШЭ, 2013. С. 62–80; Лубский А.В. Человек второго плана: методологические проблемы «нового биографизма» («игра в бисер» или нарративная стратегия историко-биографического исследования) // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Головний редактор В. Смолій; відп. ред. І. Колесник. Київ: Інститут історії України НАН України, 2014/2015. Вип. 8. С. 67-68.

7. Биографизм в авторском контексте – *научное биоисториописание*, междисциплинарная система биографических научных исследований. Образ современного *биографизма* можно представить в виде двухуровневой конструкции:

- нижний уровень – *биографическая составляющая каждой конкретной дисциплины* (истории, филологии, философии, социологии и т.п.), имеющая свой таксономический эквивалент (от проблемного поля / направления до дисциплины) с соответствующим самоназванием
- верхний уровень – *биографический подход* как фокусная ориентация, пронизывающая дисциплинарные поля наук, изменяющая свой теоретико-методологический аппарат в зависимости от инноваций в науке в целом, от конкретной модели биографического анализа, регионально-темпоральной специфики своего проявления, ситуационных запросов, багажа традиций и конкретно-дисциплинарных особенностей. Обращение к биографическому подходу – как к инструменту для прояснения идей / открытий / эпохи / социального контекста через личность – происходит в соответствии с особенностями каждой дисциплины, ее «персональным маршрутом» и одновременно с выходом в междисциплинарный методологический арсенал¹.

P. S. *Биографизм* как научное биоисториописание и *биографический жанр* как особый жанр историописания еще неоднократно будут претерпевать взлеты и падения, переживать периодический «кризис жанра» и попытки маргинализации, но интерес к Личности, рождающей Мысль и Деяния, никогда не исчезнет: Человек всегда сохранит интерес к Человеку: *Другой* как «чужой», *Другой* как «свой», *Другой* как «Я».

---

¹ Формула «биографический подход» в данном контексте более приемлема, нежели понятие «биографический метод» (БМ), получившее достаточно широкое распространение в литературе; БМ можно рассматривать как метафору, «покрывающую» биографическое пространство, как способ привлечения биографического материала для решения определенных задач в различных научных дисциплинах, который, однако, не обладает самостоятельным методологическим статусом, т.к. биографические исследования – мультитеоретичны и полиметодологичны. См. подробнее: *Попова Т.Н.* Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М.А., 2017. С. 116-122 [фрагмент «Био-метод / био-подход»]. См также: *Голубович І.В., Менжулін В.І.* Біографічний метод // Велика українська енциклопедія. URL: https://vue.gov.ua/Біографічний_метод.

В ПОИСКАХ АЗИМУТА, ИЛИ НОВЫЕ ТРАЕКТОРИИ «СТАРОГО» БИОГРАФИЗМА

...у каждого смысла будет свой праздник возрождения
М.М. Бахтин

Биографический жанр сегодня – целый мир с причудливыми именами направлений био-письма, многообразными подходами и теоретическими платформами, в которых не так просто разобраться. «Новое» и «старое», традиционное и инновационное, внутри- и меж-дисциплинарное, переплетаясь и взаимодействуя, рожают формы, эвристический потенциал которых еще предстоит освоить и осмыслить.

1. «Репертуар биографических исследований в интеллектуальной истории весьма широк и разнообразен»¹

И.И. Колесник в «новой биографической истории» (которую она рассматривает как биографический метод, означающий изучение личности в системе социокультурных коммуникаций) выделяет три модели, которые с разной мерой репрезентативности функционируют в поле современной украинской историографии².

Интеллектуальная биография, которую, согласно И.И. Колесник, можно интерпретировать как биографию интеллектуала в сети социокультурных связей, входит в обиход украинских историков с 1990-х гг. и включает биографию интеллектуала-ученого, философа, экономиста и т.п. Такая модель, по ее мнению, предполагает наличие ряда составляющих:

- ментальную биографию личности
- биографию окружения
- профессиональную биографию
- биографию эпохи
- литературную биографию и проч.

---

¹ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С.307.

² См.: Колесник І. Передмова. «Нова біографічна історія» як метод // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Головний ред. В. Смолій; відп. ред. І. Колесник. Київ: Інститут історії України НАН України, 2014/2015. Вип. 8. С.7-12.

Интеллектуальная биография предстает не как линейная – хронология событий, но как культурное пространство, в котором индивидуум перемещается между разными социальными сферами; она отражает состояние науки и место в ней ученого. Проблеме применения концепта «интеллектуальная биография» И.И. Колесник усматривает в выборе и обосновании составляющих модели: их набор определяется целью и инструментарием конкретного исследования.

Интеллектуальная биография выполняет разнообразные функции в историко-научном дискурсе:

- раскрывает механизм возникновения идей, формул, разработок теорий, концепций, методов
- воспроизводит логику карьеры интеллектуала, анализирует мотивацию научной деятельности
- фиксирует осуществление рецепции его идей современниками и последователями
- предоставляет материал для понимания процесса создания научной школы; раскрывает связь с традициями
- выступает как инструмент творческой лаборатории историка и проч.¹.

Вторая модель – из новейших – связана с перспективной стратегией современного биографического исследования – нарративной психологией, базовый принцип которой: *жизнь – это нарратив*.

В таком ракурсе жизнь человека представляет собой нарративную структуру – *life writing*, превращаясь в рассказ, предполагающий несколько нарративных процедур:

- выбор событий, эпизодов жизни
- установление между ними связи
- характеристика коммуникаций, межличностного окружения вокруг основного персонажа.

Сам нарратив создает связь между человеком и его окружением, социокультурным контекстом эпохи, в границах которой человек проживает свою жизнь. Опираясь на идеи Э. Гуссерля, П. Рикера, М. Кроссли, И.И. Колесник рассматривает типы биографических нарративов.

Первый блок связан с пониманием времени:

---

¹ См.: Колесник И.И. Українська історіографія: концептуальна історія. Київ: Інститут історії України НАН України, 2013. С.466-467.

- 1) пассивное восприятие предполагает целостность времени в его трех модусах: прошлое-современность-будущее (Э. Гуссерль);
- 2) жизнь как хроника, ход событий;
- 3) жизнь как целостность жизненного сценария, включающего завязку, кульминацию и развязку (П. Рикер).

Второй блок – конструируется в процессе нарративного диалога: человек в своем восприятии создает собственную историю жизни через т.н. реперные точки – события, окружение, места, предметы и проч., но рассказывая свою историю, вступает в определенный нарративный диалог с читателем.

Третий блок – личностный и профессиональный нарративы. Личностный нарратив – акт индивидуального представления, содержание которого в интеграции воспоминаний, оценок текущего и планов на будущее со своим сценарием, соответствующим специфике личности. Профессиональный нарратив включает нарратив автора-героя и нарратив его исследователя: в нем история жизни героя освещается иначе, нежели в самоописании героя – биографические факты переосмысливаются и переоцениваются под углом зрения исследователя, создающего собственную версию жизнеописания своего героя. Именно через такой нарративный диалог осуществляется трансформация истории жизни личности (М. Кроссли).

Преломление новых идей в историографической практике позволило И.И. Колесник создать рабочую модель профессионального нарратива – *биографический мир* как культурный мир личности. Эта модель как нарративная структура требует определенного инструментария и предполагает драматургический расклад биографии с помощью карт личности, которые представляют собой – «маршрут» автора-биографа. Количество пунктов карты зависит от задач исследования. Как вариант возможна следующая структура:

- Места
- Артефакты
- События
- Люди
- Стрессы
- Сценарий будущего
- Персональная идеология.

Практическое применение данной модели нашло свое выра-

жение в конструировании И.И. Колесник собственной версии биографического нарратива Тараса Шевченко¹.

Третья модель, выделяемая И.И. Колесник, – *биоисториография*. Эта – в отличие от первых – традиционная модель, нацеленная на изучение творческой биографии историка в контексте состояния науки. Жанровое многообразие биоисториографических исследований предполагает освещение биографии ученого-историка:

- под углом зрения социокультурной жизни,
- сквозь историю различных научных учреждений,
- отдельных областей знания,
- в аспекте scholarной тематики,
- в ракурсе различных сторон деятельности ученого (педагог, организатор науки, археограф, публицист, общественный деятель и проч.),
- с позиций определенной идеологии,
- в контексте изучения конкретных исторических проблем,
- в виде «двухчленной схемы» творческой биографии - «истории жизни и научной деятельности».

Предложенная типологическая схема, безусловно, заслуживает самого заинтересованного внимания.

Логика построений И.И. Колесник – это вполне рациональный ход зафиксировать в современном исследовательском поле украинской науки, в частности в биоисториописании, появления (наряду с прежними) новых теоретико-методологических движений, которые в стремлении обозначить свою *новизну* в отличие от «старых» – академически традиционных – подходов выступают и с *новыми самонаименованиями*, используя (что уже превратилось в штамп) транс-временное определение «новая», а также включая в именной исторический лексикон названия из иных дисциплинарных пространств.

В схеме И.И. Колесник наблюдаются элементы обоих вариантов, что вполне оправдано современной историографической ситуацией, для которой столкновение различных традиций и попытка создания их своеобразного симбиоза в границах *отечественного* научного пространства выступает знаковой чертой.

---

¹ См.: Колесник І.І. Біографічний світ Тараса Шевченка // Український історичний журнал. 2014. № 3. С.79-99.

Л.П. Репина в современном биографизме выделяет два «полюса», между которыми – открытое для экспериментов пространство:

1) «экзистенциальный биографизм» – реконструкция уникального экзистенциального опыта индивида, динамики его психологического мира;

2) «новая биографическая история», или «персональная история в широком смысле слова», в фокусе которой – социальная и культурная ситуация, по отношению к которой описываемая жизнь приобретает значение истории¹.

Ремарка-штрих. «Новая биографическая история» для И.И. Колесник – *биографический метод*, проекция которого включает три сосуществующие в украинской историографии модели (новые и традиционную); для Л.П. Репиной НБИ – собственно обновленная персональная история; общее в подходах: социокультурный ракурс анализа – коммуникативного поля или контекстуальной ситуации.

И.И. Колесник дала *биоисториографии* следующую характеристику: эта модель «имеет сциентистскую природу, жесткие предметно-дисциплинарные рамки (историческая наука, общая история науки), аккумулирует позитивистские ценности (поиск источников и факты биографии как цель исследования), ориентирована на освещение сугубо научной деятельности или ее отдельных аспектов вне общего духовно-интеллектуального контекста эпохи и состояния науки, на шаблонность мышления и отсутствие рефлексии в отношении самого биографического метода»².

С таким «приговором» биоисториография не может соответствовать «новой биографической истории». В то же время эта характеристика в *принципе* верна как квинтэссенция советской *официозной науки*³, отражающая достаточно широкую биоисториогра-

¹ См.: Репина Л.П. Личность и общество, или история в биографиях (Вместо Предисловия) // История через личность: историческая биография сегодня / Под редакцией Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2005. С.10, 16.

² Колесник І. Передмова. «Нова біографічна історія» як метод // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Головний ред. В. Смолій; відп. ред. І. Колесник. Київ: Інститут історії України НАН України, 2014/2015. Вип. 8. С.8.

³ Не стоит забывать, что в советской науке сосуществовали различные варианты

фическую практику, которая отнюдь не исчерпала себя и в наше время (несмотря на жонглирование новомодной терминологией).

Какое же место может занять *биоисториография* в системе современного *биографизма*?

2. «... пространство применения биографического метода существенно расширилось и изменило свою конфигурацию...»¹

Современный *биографизм* – явление многослойное, многожанровое, политеоретическое, многоликое и дискуссионное, но как аналог научного биоисториописания это широчайшее исследовательское поле, бесспорно, находится в плоскости дисциплинарных пересечений, и обновление биоисториографии следует связывать с интердисциплинарной перспективой.

Однако «встреча двух дисциплин», как говорил Пьер Бурдьё, предстает как встреча «двух разных культур», каждая из них стремится «расшифровать» другую, исходя из «собственного кода» – собственной дисциплинарной культуры.

Цель междисциплинарности, по Репиной, – в создании «междисциплинарной ситуации». Определение типологических особенностей различных «междисциплинарных ситуаций» нацеливает на выбор соответствующих методик для избранной ситуации. Например, в «междисциплинарной ситуации» по типу собственно «междисциплинарности», когда теории и методы других наук используются для решения внутридисциплинарных проблем, автор, представитель дисциплины-профессии, определяет «репертуар» заимствований и методику трансляции ино-дисциплинарного инструментария в поле своей дисциплины, исходя из своей программы исследования.

В биоисториографии автор, находясь в границах истории исторической науки и опираясь на родовую профессию историка, привлекает инструментарий разных социогуманитарных наук (идеи, теории, методы, понятия, модели и т.п.) в той мере, в какой это необходимо для решения его программы.

марксизма – догматический / редуцированный / академический / творческий / фольк-марксизм и т.п.

1 Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С.289.

Биографический текст (если только он не создается по «транс-дисциплинарному типу», при котором проблема исследования не может быть сформулирована и решена в границах любой из сотрудничающих дисциплин) всегда будет окрашен в цвета своей дисциплинарной матрицы.

Ремарка-заметка. В мировой историографической практике определились две традиции, согласно которым *новое движение* в границах определенного дисциплинарного поля приобретает свой статус.

Первая традиция связывает инновационное движение с новым методологическим ключом: появление новой методологии влечет за собой стремление этого «движения» отделиться от «старой» дисциплины по *именному принципу*, при этом новое название:

- или обычно – прежнее, с добавлением эпитета – «новая»: *новая историческая наука, новая социальная история, новая интеллектуальная история, новая биографическая история*
- или с фразеологией, заимствованной из других научных сфер («экзистенциальная биография», «биографический мир», «модальная биография», «ситуационная биография» и т.п.).

Вторая традиция исходит из сохранения традиционного дисциплинарного статуса с привычным дисциплинарным самонаименованием, при этом содержание дисциплины изменяется за счет:

- расширения предметной (проблемной) области,
- новых инструментально-операциональных подходов и
- эпистемологических и категориальных образцов и проч.

В этом случае стратегии обновления дисциплинарного багажа в целом или его секторов (фрагментарно) приводят к укреплению дисциплинарного статуса.

И в том и в другом случае появляются новые «сегменты знания», которые требуют своих наименований – происходит обновление научной лексики. Пересечение (столкновение) традиций влечет за собой вариации результативных форм: ассимиляцию, частичное поглощение, совмещение на уровне категориальных смыслов, методологических подходов и проч.

Среди проблем биоисториографии, требующих обращение к «общему рынку» социогуманитаристики, – сюжетное построение биотекста, дуэт «автор-герой», соотношение нарративного и тезаурусного, новые типы персонального измерения жизнеописания и проч.

Сюжет первый: О сценаризации

*В реальной жизни никогда ничего не случается
в нужном месте и в нужное время.
Это дело историков – добиться нужного эффекта.*
Марк Твен

Исследовательская задача автора-биографа, ориентируя на конкретный тип биографического анализа, определяет и *сценарные варианты* для создания жизнеописаний.

В «теории нарративной композиции», предложенной П. Рикером, важнейшим концептом выступает *конфигурация* – это сюжет (сценарий), «упорядочивание фактов в систему» – *интрига* (в соответствии с аристотелевским понятием «*mythos*»), «интегрирующий динамизм», извлекающий единую и завершенную историю из множества эпизодов, или преобразующий это множество логически не связанных фактов-событий в историю, осмысленную автором. Акт *конфигурации* создает «синтез гетерогенного», в рамках которого любая случайность становится «повествовательным событием»¹.

Содержание нарратива всегда социально конструировано: автор, ориентируясь на определенную аудиторию, присваивает событиям смысловое звучание и в соответствии с этим производит их отбор, включая в текст «достойные для повествования», т.е. отвечающие авторской программе. В связи с этим нарратив обладает способностью *переописывать* социальные события, исходя из логики повествования, подчиняя их сценарной канве, трансформируя их изначальную, конституированную наблюдением последовательность.

---

¹ См.: Рикер П. Время и рассказ. Т.1. Интрига и исторический рассказ / Пер. с франц. Т.В. Славко, под ред. С.Я. Левит. М.; СПб., 1998. С.44, 80, 165, 249; Рикер П. Время и рассказ. Т.2. Конфигурация в вымышленном рассказе. М.; СПб., 2000. С.16, 162; Тета Жан-Марк. Нарративная идентичность как теория практической субъективности. К реконструкции концепции Поля Рикера // Социологическое обозрение. Т. 11. № 2. 2012. С.108.

В конечном счете, «писать – значит переписывать заново»¹.

Одновременно *нарративная конфигурация*, построенная в соответствии с определенными правилами, может «рефигурироваться», получать новые интерпретации во время «потребления» текста читателем, поскольку *акт наррации* всегда ориентирован на *другого*².

Идеи П. Рикера о *mythos – интриге – нарративной конфигурации*, которые вполне транслируемы в проблематику биографорефлексии, созвучны мысли А.Л. Валеvского: в основании различных типов жизнеописаний лежит *эпистема упорядоченности*. Черты полимерности и многоуровневости отдельной биографической типологии предполагают ее реализацию в различных вариантах, при этом всем биографическим типам, имеющим собственную эпистему упорядоченности, присущ «синкретизм фигур объяснения» – симметричное соответствие характеристик «героя» (измерение индивидуальности персонажа) с событийно-фактологическим фоном и со спецификой самого жизнеописания, которое предстает как прием «именования жизни», «способ деяний», «передача воспоминаний»³.

Бесспорно, можно согласиться с позициями, сформулированными И.В. Голубович, которая, опираясь на идею А.Л. Валеvского об эпистемах упорядоченности как исходную, а также на исследования в области системного подхода и теории классификации, предложила для возможной типологизации биографической проблематики три блока оснований:

- *дескриптивные* – упорядочивающие эмпирический материал
- *структурные* – сущностные, раскрывающие суть тех или иных биографических видов и форм
- *системные* – представление биографического объекта в виде системы и выделение соответственно системных дескрипторов.

При этом акцент сделан на следующих позициях:

а) биографический дискурс основан на изоморфности (со-равности, со-размерности) единичной человеческой жизни и универ-

¹ Рикер П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. С.180.

² См.: Рикер П. Модель текста: осмысленное действие как текст // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 1. С.27.

³ См.: Валеvский А.Л. Основания биографики. Киев: Наукова думка, 1993. С.91.

сума культуры, индивидуальной судьбы и судьбы человечества;

б) биография как литературно-исторический жанр, а также биографически ориентированная рефлексия ученого-гуманитария явно или неявно базируются на признании гомологии между жизнью и текстом, реальностью жизни и реальностью рассказа о ней;

в) типологические обобщения не должны быть предписаны, поскольку они оформляются после дескриптивного анализа.

В то же время «предписания» имеют относительный характер, т.к. «сознание биографа спонтанно уже типологизирует»: теоретические основания организуют биографический дискурс, определяя понятийно-категориальный аппарат био-анализа. Однако эти основания являются платформой для *возможных* [курсив мой. – Т.П.] типологизаций в силу методологической вариативности, в рамках которой формируются различные спецификации биографического подхода, поэтому сформировать единый понятийный язык биографического описания вряд ли возможно¹.

У М.М. Бахтина привлекают два понятия, определяющие типы сценаризации:

1) *биографическая ценность*, предполагающая рассматривать «прошлое» с определенных аксиологических позиций;

2) *биографическая форма* как тип биографического времени, выстраивающий сюжет:

- «форма удачи-неудачи»
- «труды и дела»
- «биография-исповедь»
- «житийная форма»
- «семейно-родовой роман / хроника»

и др.².

Ремарка-штрих. К этому списку стоит добавить и понятие «культурное гнездо»³.

¹ См.: Голубович И.В. Биография: силуэт на фоне Humanities (Методология анализа в социогуманитарном знании): Монография. Одесса: ФЛП Фридман А.С., 2008. С. 250 -265.

² См.: Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С.234-407. Концепт *биографическая форма* нашел свое преломление в биоисториографических работах. См., например: Макушин А.В., Трибунский П.А. Павел Николаевич Милуков: труды и дни (1859-1904)». Рязань, 2001. 439 с. и др.

³ См., например: Корзун В.П. Культурные гнезда в ситуационной историографии // Российская провинция XVIII-XX вв.: Материалы Всерос. конф. Пенза, 1995. Кн. 1; Дроб-жева Г.М. О методологическом потенциале концепта «культурное гнездо» // Альманах со-

Эти сценарные стратегии можно транслировать в биоисториографию, элиминируя в определенной степени художественно-беллетризированный аспект и корректируя подходы к построению сюжета.

Аксиологически ориентированная биография не исключает ее *научности*. Бесконечно длительные споры о соотношении объективности и эстетической / этической нагруженности исторических текстов теряют свою остроту в современном научном дискурсе, расставшемся (в принципе) с позитивистскими канонами.

Мысль о том, что ценностные ориентиры биографа неизбежно проявляются явно или в латентной форме по отношению к «герою» в различных видах (от выбора самого «героя» до акцентуализации его поступков, идей и концепций и проч.), не является ныне нонсенсом. Выбор *биографической формы* – временного конструкта связан не только с целеобразующим каркасом, но и детерминирован фактуальной базой.

Для Ю.М. Лотмана «осюжетивание жизни» возможно с помощью «единиц-событий», понятий, которые наделяются определенным смыслом, временной, причинно-следственной и другой упорядоченностью. Эти «группы событий», или *сюжетные ядра* (болезнь-исцеление, победа-катастрофа, смерть-выживание и т.п.), способствуют выстраиванию сюжета.

Иная модель сценарного представления биографий – по критерию «отмеченное начало» / «отмеченный конец», который включает не только темпоральный, но в первую очередь – смыслообразующий сюжет¹.

Первая модель («сюжетные ядра») в биоисториографии вариативно предполагает ряд оппозиций:

- борьба за научный статус: победа / поражение
- борьба за признание своей концепции в научном сообществе: признание / не-признание / ostrакизм / забвение
- научная репутация: официальная / реальная и проч.

Согласно второй модели («начало / конец») биографию ученого можно также выстраивать, исходя из фокусного рассмотрения начала и конца научной деятельности:

временной науки и образования. Тамбов, 2012. № 12.Ч.1 и др.

¹ См.: Лотман Ю.М. О моделирующем значении понятий «конца» и «начала» в художественных текстах // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб: Искусство-СПб, 2001. С. 427-430.

- по первой и последней публикации
- по первой и последней работам, получившим признание в научном сообществе
- по первой и последней неопубликованным работам, имеющим научное значение
- по *ситуации*-вхождения в науку и *ситуации*-результатов – конца научной жизни и т.п.

Один из психологически ориентированных подходов биографических построений основан на типологии жизненного пути ученого – *ситуативного* и собственно *личностного*¹:

- первый тип выдвигает проблему подчинения жизни внешним обстоятельствам, вынуждающим ученого в каждом конкретном случае поступать соответствующим образом;
- второй тип можно определить формулой «наперекор судьбе»: «герой» противостоит внешним негативным факторам, стремится к поставленной цели вопреки обстоятельствам, пытается подчинить обстоятельства себе, сознательно меняя свое окружение и себя самого ради своих идеалов.

Выявление механизмов формирования творческой индивидуальности предполагает не только ситуационный анализ, но прежде всего анализ поступков героя в данной конкретной ситуации – его выбор. Личностное самоопределение в науке, как считают психологи, – явление вторичное, поскольку ее формирование происходит в процессе научной деятельности, складывается внутри нее. Первичным же является система уже сложившихся личностных структур – убеждений, мотивационно-ценностных ориентиров и проч.: задавая исходный уровень личностного самоопределения, эти структуры детерминируют «выстраивание личности собственно человека науки», и одновременно новые структуры кардинально меняют личность, поскольку процесс этот – двусторонний. Таким образом, понятие «личность ученого» предстает как реальность, определяемая субъективной значимостью научной деятельности в жизни конкретного индивида.

В этом ключе биоисториографическое описание можно выстраивать по рубежным для «героя» событиям, которые символизируют его выбор в конкретной ситуации, причем в обоих вариантах. История жизни в первом случае превращается в череду

---

¹ См.: Мошкова Г.Ю. Биографический метод и проблема психологии личности ученого // Вопросы психологии. 1994. № 2, март-апрель 1994. С.138-140.

«ударов судьбы», во втором – в череду «преодолений». В том и другом случае происходит формирование личности – ригидной / лабильной / творчески независимой и т.п.

Соглашаясь с тезисом о длительности процесса личностного самоопределения в науке, стоит обратить внимание на то, что сфера научной деятельности – неоднозначно разнообразна, и для отдельного ученого, в частности историка, особую значимость может представлять определенная сторона этой деятельности:

- поисковая
- археографическая
- исследовательская
- фактографическая
- теоретическая
- организаторская
- дидактическая и проч.,

в которой наиболее плодотворно будет проявляться личность ученого, что и составляет в конечном счете индивидуально неповторимую сущность того или иного представителя исторической науки. При этом важен *анализ ситуации*, в которой произошел выбор конкретной сферы деятельности в науке как магистральной, а также *анализ мотивационных – личностных – факторов*.

При всем сценарном разнообразии биографического дискурса, считает А.Л. Валиевский, именно *поступок* и *ситуация* представляют для биографа как первичная неразложимая данность феномена индивидуальности и являются «базисными понятийными основами» любой биографической реконструкции.

Ремарка-тезис. В понятие *поступок* в биоисториографических исследованиях с необходимостью следует включать рождение идеи / концепции ученого-историка в конкретной ситуации, которые создают его биографию как личности в науке, и формы репрезентации этой идеи / концепции в научном поле.

В *биоисториографии* вне зависимости от типа биописьма – биографического мира, персональной истории (от рождения до кончины), интеллектуальной биографии (с акцентом на интеллектуальную деятельность «героя») и проч. – сценарные варианты будут подчинены выбору и систематизации *сюжетных ядер* (по

Ю.М. Лотману), зависеть от «построения интриги» и осуществления *нарративной конфигурации* (по П. Рикеру), от принципа *биографического оформления героя* (по М.М. Бахтину) и от многих-многих других подходов. Не последнюю роль в выборе и сценарных подходов, и самого типа био-письма будет играть источниковая / фактуальная база биоисториографического исследования.

Сюжет второй: Об авторе и «герое»

*...главной среди обсуждаемых методологических проблем
биографии... остается проблема взаимодействия...
двух субъектов...*

Л.П. Репина

Сценаризация биографического нарратива неразрывно связана с другой проблемной областью – сферой взаимодействия субъекта-героя и субъекта-биографа. Диалектическое противоречие между составляющими автор-«герой» определяет специфику жанра биографии: «герой» биографии всегда вписан в свое время, автор-биограф неразрывно связан со своей эпохой, выражая через своего «героя», самого себя, а через себя – сущность своего времени. При этом неизбежно возникает ситуация со-размерности фигур «героя» и его биографа, их взаимоотношений и взаимосвязи. Со-размерность проецируется и в дуэт – личность человека / личность ученого на обоих уровнях.

Тезис, принятый в психологической литературе, – «чтобы стать незаурядным ученым, надо прежде всего стать незаурядной личностью» – имеет место в том случае, когда речь идет о выдающихся ученых. Но какие личностные черты составляют «незаурядную личность»? – все, что выходит из разряда «средних»? – акцентуирование, пограничные случаи?

История науки и культуры дает множество примеров диспропорции личности человеческой и сугубо научной (и др.). Несомненно, соотношение личностных черт – человеческих и личностно-научных, – их взаимопереплетение, субординационно-иерархические взаимосвязи составляют особую проблему в персональных историях ученых.

Дискуссионным остается вопрос: можно ли привлекать эле-

менты патопсихологических реконструкций или категорически отказаться от них, основываясь на ценностно-этическом каноне – «Биографу открыто в человеке и его мире лишь то и только то, что открыл (или предполагал открыть) сам человек» (И.Л. Беленький)¹?

Не подвергая сомнению этот тезис, стоит обратить внимание на формирование такого направления в современной историографии как «история тела»², заставляющего по-новому подойти к проблемам био-исследований: тело как коммуникативная система со своей кодировкой смыслов играет исключительную роль в осознании истории жизни, в специфике когнитивных практик «героя», в формировании индивидуальности ученого с проекцией на его творчество и проч.

Типология отношений *автор-герой*, предложенная М.М. Бахтиным, основана на критерии их взаимозависимости:

- первый тип предполагает зависимость автора от его героя – авторитет героя в этом случае подавляет автора, который идет *вслед* за героем, воспринимая его познавательно-этическую позицию;
- второй тип отличается зависимостью героя от автора, который стремится проявить себя через героя;
- третий – слияние автора с героем³.

Построенная в литературоведческом ключе, данная типология может иметь проекцию и в биоисториографический жанр.

Фактор «зависимости» автора от «героя» проявляется в довольно широком спектре нюансов. Одна из форм – *самоописание*, в основе которого разнообразие эмпатических форм – со-причастность, со-переживание, со-понимание, что далеко не всегда является следствием «растворения» автора в своем «герое», но – показателем близости духовно-личностной, концептуально-теоретической, сюжетно-биографической и т.п., если не в целом, то в отдельных ситуационных моментах.

¹ См. также: *Сегалин Г.В.* Патогенез и биогенез великих людей // Клинический архив гениальности и одаренности (европатология). Свердловск, 1925. Т.1. С.24-30.

² См.: *Ле Гофф Ж., Трюон Н.* История тела в средние века. Пер. с француз. Е. Лебедевой. М.: Текст, 2008. 192 с.; *Соколов А.Б.* История тела: предпосылки становления нового направления в историографии // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2009. № 26. С.190-211 и др. См., например: *Ващенко В.В.* Неврастенія: непрочитані історії (Деконструкція одного надпису – сеанс прочитання автомонографії М. Грушевсько-го). Дніпропетровськ: Вид-во ДНУ, 2002. 404 с.

³ См. подробнее: *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С.7-181.

Элементы самоописания – явные и неявные – проявляют себя не только в выборе «героя» (хотя и не всегда), но прежде всего в самом тексте.

В биоисториографии голос историка-биографа «звучит»: *во-первых, в оценках* «историка-героя», которые включают значительный элемент самооценки автора:

- в выборе информационных реляций
- в дидактических пассажах
- в акцентуализации мыслей, идей, концептуальных построений «героя», его поступков, жизненных предпочтений, карьерных восхождений, научных достижений
- в специфике взаимоотношений в микро / мега / макро-мирах
- в стержневой направленности авторского отношения к «герою»: оправдание / осуждение, приятие / не-приятие, понимание / осуждение, сочувствие / безразличие, восхищение / снисхождение, объяснение / описание и т.п.;

во-вторых, в специфике текста:

- структурное построение
- стилевые особенности - наличие выделений: курсива, кавычек, заглавных букв, подчеркиваний и проч.; эпиграфов, различного рода вставок и т.п.
- академичность или беллетризация
- тезаурус или нарратив
- терминологические / пассажные пристрастия и т.п.

Все это, подчас с *заимствованиями* у «героя», является выражением осознанно / бессознательного проявления личностных качеств ученого-биографа.

Выявление этих фрагментов в тексте, осмысление их генеалогии – уровень биографорефлексии. При этом совсем не обязательно «герой» предстает для автора абсолютно непререкаемым авторитетом: «ззор» между биографом и «героем», определенная отстраненность, сохранение дистанции, критического начала должны оставаться нормативами исследовательской платформы.

Проблема «ззора» проецируется и в проблему целостности личности как человека и ученого на уровне двух плоскостей: автора и его «героя». Осмысливая проблему соотношения творчества / мысли / и жизни, М.М. Бахтин приходит к выводу о неизбежном наличии даже не «ззора», а «разрыва» внутри личности: «Нет

между ними [человек в искусстве / человек в жизни. – Т.П.] <....> взаимопроникновения внутреннего в единстве личности...»¹.

Выявление наличия этого разрыва в «герое» – одна из задач биоисториографии; в авторе – авто-биографорефлексии.

Диалектика взаимосвязи биографа и его «героя» с акцентом на построение и функциональную заданность биографического дискурса может быть осмыслена и с позиций *пространственно-коммуникативного подхода*, согласно которому Автор пребывает в системе трех координат, определяющих коммуникативное пространство его творчества и несущих на себе общекультурные смысловые нагрузки, которые детерминируют его позицию в отношении создаваемого им текста².

Горизонтальная ось – ось одновременности: автор находится «внутри времени повествования» и может на него «воздействовать через текст».

Вертикальная ось предполагает нормы, основанные на иерархии, подчинении авторитету: Автор включается в систему профессиональных коммуникаций.

Сагиттальная ось определяет движение «вперед-назад» и ставит перед Автором задачу:

- соответствовать времени, о котором он пишет
- двигаться вместе с текстом вперед
- или назад, «в ностальгируемые времена».

В последнем случае Автору противостоит Читатель, и жизнь самого произведения осуществляется через воссоздание его в читателях – «новых авторах».

Эти координаты создают различные «авторские амплуа» – игровые роли в «коммуникативном процессе текстопорождения», определяя творческие позиции автора в коммуникативных взаимоотношениях:

- игра с самим текстом
- игра с диалогизирующими текстами
- игра с читателем.

Проекция в биоисториографию этого подхода (учитывая его

---

¹ Бахтин М.М. Искусство и ответственность // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С.5-6.

² См.: Никитина Е. Авторство как коммуникативная роль // Автор и биография, письмо и чтение. Сборник докладов / Ред.- сост. Ю.П. Зарецкий, В.П. Лихачев, А.Ю. Зарецкая; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд-во ВШЭ, 2013. С. 11-23.

двухфокусное направление – и в отношении автора-героя, и в отношении автора-биографа) расширяет возможности творческого потенциала биописьма и создает новое поле для биографорефлексии.

Можно экстраполировать в биоисториографию и концепцию Автора Мишеля Фуко (также в двухфокусном варианте). Для М. Фуко имя автора произведения и имя собственное – индивида, создавшего произведение, – не одно и то же. Первое – функционально насыщено: оно выступает неким критерием, позволяющим классифицировать конкретные тексты-произведения, атрибутировать их «по автору», устанавливать «способ бытия дискурса»¹.

М. Фуко выделяет два типа авторов:

1) авторы теории, традиции, дисциплины, «основоположники наук» (Гомер, Аристотель, Отцы Церкви, Галилей, Ньютон, Кювье, Соссюр и др.), находящиеся в т.н. «транс-дискурсивной позиции», создавшие такой «порядок дискурса», внутри которого могут разместиться (и размещаются) другие авторы со своими произведениями;

2) авторы – «основатели дискурсивности» (учредители, фундаторы), открывшие своим дискурсом «пространство для чего-то отличного от себя и, тем не менее, принадлежащего тому, что они основали» (К. Маркс, З. Фрейд).

Принципиальное различие этих типов авторов в том, что произведения первых «располагаются по отношению к науке и в пространстве, которое она очерчивает», во втором случае – наука и дискурсивность располагаются по отношению к работам «основателей дискурсивности» как к неким первичным координатам.

Подобная ситуация детерминирует требование т.н. «возвращения к истоку»; типология этой процедуры по Фуко включает:

- «переоткрытие»
- «реактуализацию»
- собственно «возвращение к истоку».

В историографических / биоисториографических работах под «переоткрытием» можно понимать *переписывание* (в контексте современного видения) истории науки / биографии с включением в нее ранее исключенных сюжетов, «забытых» научных фактов / историков или переосмысление считавшихся «устаревшими» идей и концепций, что в любом случае приводит к усложнению струк-

---

¹ Фуко Мишель. Что такое автор? // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. М.: Касталь, 1996. С.19-38 и др.

туры историографических традиций, к расширению поля историографических дискурсов.

Феномен *реактуализации* детерминирует кардинальное изменение историографических схем, принципиально новую интерпретацию проблем, формирование нового взгляда на складывание направлений и школ в науке, новых «онтологий», появление инновационных течений, субдисциплин и проч.

Феномен *возвращения к истоку* – по Фуко – более сложная процедура: чтобы «вернуться», надо «забыть», при этом «замок забвения» представляет собой сущностное, не случайное, но целенаправленное действие.

Возвращение к оригинальному тексту автора – фундатора дискурсивности – должно сопровождаться анализом причин и характера «забвения», того, что в тексте маркировано т.н. «пустотами» – «пробелами», о которых «забвение» либо умолчало, либо, напротив, наполнило ложной полнотой [в форме «искаженной» интерпретации – «вульгаризации-редукции», «виртуальной» истории, фольк-хистори, бриколажных вариаций и др. – Т.П.].

«Возвращение к истоку» происходит в контексте современной ситуации и предстает как работа по преобразованию дискурсивности, что приводит подчас к перемещению акцентов в теории и т.п.¹

Эти мысли нацеливают на дифференцированный подход к освоению историографических / интеллектуальных традиций, исходя из их типологической специфики.

В биоисториографии проблема «возвращения к истоку» – это пересмотр по трем означенным моделям традиционно сложившихся *биоисториографических образов*.

Творчество историков, писал в свое время А.Я. Гуревич, преследует цель воссоздания «образа существовавшей действительности»².

Биографическая форма, по М.М. Бахтину, это – принцип оформления «героя» и текста, но эта форма в свою очередь предстает как «граница, обработанная эстетически»³: именно *оформ-*

¹ См. об этом подробнее: *Попова Т.Н.* Читаем «постмодно»: с позиций неискусственности (ремарки историографические и прочие) // Харківський історіографічний збірник. Вип. 8. Харків, 2006. С.57-72.

² *Гуревич А.Я.* «Территория историка» // Одиссей. Ремесло историка на исходе XX века. 1996. М.: Coda, 1996. С.87.

³ *Бахтин М.М.* Роман воспитания и его значение в истории реализма // Бахтин М.М.

ление истории жизни – ее эстетическая завершенность – способствует обогащению, преобразению и переводу истории «героя» в новый план бытия, который предстает уже как *биографический образ*, воплощенный в биографическом / биоисториографическом дискурсе.

Одной из процедур *биографической реконструкции* (*конструирования*) называют проведение / осознание границы между реальной личностью и тем образом себя, который она создает (жизненно-биографическая саморепрезентация), дешифровку смысла («разоблачение») «культурных маскировок» и «культурных инсценировок», к которым прибегает «герой»¹.

Вспомним В.О. Ключевского: закрытый, застегнутый на все пуговицы мундира, дистанцирующийся от учеников (по воспоминаниям), он предстает совсем иной личностью в своих дневниках и афоризмах.

Исключительно интересная постановка вопроса как одна из задач автора-биографа с неизбежностью транслируется в проблему *восприятия*: как воспринимает своего «героя» автор-биограф, в какой *маскировке* его видит, как дешифрует смыслы поступков и поз «героя», до какой степени «разоблачения» доводит реконструкцию / деконструкцию, как осуществляет деструкцию (по М. Хайдеггеру), ломая стереотипы предшествующих восприятий «героя» в историографии, и проч.

В итоге – какой заключительный образ «героя» сотворяется? насколько созданный образ «героя» соответствует «реальной личности»? или «герой» – персонаж био-письма – не более и не менее, чем то, что о нем повествуется?..

Одновременно, создавая *биографический образ*, образ своего «героя» – *Другого* – автор-биограф создает свой собственный *автобиографический образ*, превращаясь в «персонаж» собственного творения – биографического / биоисториографического текста: в процессе биографической ре/конструкции происходит *самоописание* самого автора-биографа, его *самопрезентация*, обращенная к читателю и, возможно, к самому себе.

Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 195; *Он же*. Автор и герой в эстетической деятельности // Там же. С. 81.

¹ См.: *Голубович И.В.* Биография: силуэт на фоне Humanities (Методология анализа в социогуманитарном знании). Монография. Одесса: ФЛП Фридман А.С., 2008. С.211.

Сюжет третий: О тезаурусном подходе

*Пространство интеллектуальной жизни
пронизано множеством связей и опосредований...*

Л.П. Репина

В современной гуманитаристике среди новых методологических направлений получил признание *тезаурусный подход*. Однако репрезентация этого подхода в разных дисциплинарных сферах неоднозначна.

М.Н. Эпштейн¹, сторонник лингвоцентрического подхода в психологии, избирает из многочисленных смыслов термина тезаурус – употребляемый в лингвистике *идеографический словарь*. В этом ключе тезаурус, как и «нарратив», предполагает жизнь как лингво-культурную конструкцию.

Биограмма по Эпштейну – концептуальная единица тезауруса, жизнеописательная и жизнемыслительная структурная единица жизненного целого. Если нарратив – это биограммы во временном порядке, то тезаурус – совокупность биограмм: нарратив описывает *историю жизни*, тезаурус создает ее *картину*.

Для биоисториографии интересна типология личности, данная М.Н. Эпштейном, с которой соотносится и выбор подхода к созданию биотекста:

- динамически развернутая по времени жизнь *личности нарративного склада* требует применения нарративного подхода
- более созерцательная жизнь *личности тезаурусного склада* – тезаурусного.

Второй тип личности М.Н. Эпштейн ставит выше по уровню интеллекта: тезаурусность, представляя собой *слой личного самосознания*, развивается по мере *рефлексивного роста* человека, жизнь которого превращается в постоянно растущую сумму *биограмм* – ключевых слов, понятий, образов прошедшего, настоящего и будущего. *Тезаурусная личность* воспринимает все последующие события как концептуальное обобщение предыдущих событий: самописание восходит на более высокий рефлексивный уровень. «Жизнь в тезаурусе» – означает для М.Н. Эпштейна прогресс человечества в целом.

---

¹ См.: Эпштейн М. Жизнь как нарратив и тезаурус // Московский психологический журнал. 2007. № 4. С.47-56.

Ремарка-штрих. Различие нарратива и тезауруса проявляется и в *дискурсивной организации профессиональных полей*: в исторической науке тезаурусный подход составил конкуренцию нарративному благодаря школе «Анналов», в центре исследований которой историю событий сменила история структур – языковая картина мира, привычки, традиции, мифологемы, социальные, возрастные, гендерные ментальности, структуры жизненного опыта и проч.

В литературоведении среди значений концепта *тезаурус* избрано применяемое в информатике и положенное в основу характеристики тезауруса в культурологии – полный систематизированный набор данных о какой-либо области знания, позволяющий человеку в ней ориентироваться¹.

Если у М.Н. Эпштейна тезаурус создает картину жизни личности, то тезаурус в культурологии – это структурированное представление и общий образ той части мировой культуры, которую может освоить субъект. В конечном счете – это характеристика субъекта, который предстает и в индивидуальном измерении (как личность), и в виде группы любого масштаба (от микрогруппы до нации, класса, всего человечества). Тезаурус строится не от общего к частному, а от своего к чужому: свое выступает заместителем общего. Представляя собой человеческий аппарат для усвоения новой информации, тезаурус одновременно – защитный механизм от т.н. «чужой» / «чуждой» информации. При анализе личностного тезауруса акцентируется тот материал, который вошел в национальный (*отечественный*) культурный тезаурус. Расширение тезауруса возможно, но без разрыва с национальной культурной традицией.

Ремарка-заметка. Последние соображения особенно весомы в биоисториографии (и не только) при изучении истории научной эмиграции, биографической реконструкции ее представителей, при характеристике субъектов (разного масштаба), оказавшихся в чуждой для них национально-культурной среде; при анализе эволюции (иных форм развития?) *тезаурусного ядра* и его *периферии*.

---

¹ См.: Луков Вл. А. Теория персональных моделей в истории литературы. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006; Луков Вал.А., Луков Вл.А. Тезаурусы: Субъективная организация гуманитарного знания. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2008; Луков Вал.А., Луков Вл.А. Тезаурусы II: Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2013 и др.

Применительно к писателю [и по аналогии к историку. – Т.П.] вводится понятие – *писательский тезаурус* – *персональная картина мира*, которая складывается не только из собственных представлений, но и из цитат (в духе постмодернистского интертекста), который структурируется не по общей / универсальной модели, а исключительно по индивидуальному раскладу предпочтений¹.

На основе тезаурусного подхода Вл.А. Луков в русле традиций Ш.О. Сент-Бева разработал теорию *персональных моделей литературы*. В ее основе понятие о *литературном портрете* как литературоведческом тексте, выявляющим *персональную модель писателя* в истории литературы.

Теория персональных моделей включает:

1) главный объект анализа – персональные тексты, которые позволяют раскрыть индивидуальность писателя;

2) персональная модель предстает в форме *литературного портрета* – жанровой системы; *портрет* в данном случае – метафора, в отличие от биографии он статичен, не передает всех нюансов развития во времени; его техника – «крупные мазки», позволяющие высвечивать проблемы, которые при детализированном подходе к жизни писателя незаметны;

3) задача *биографии* – проникновение во внутренний мир писателя, раскрытие его личности как уникально-неповторимой, акцентирование роли субъективных обстоятельств, определивших индивидуальность творчества, задача *портрета* – раскрытие специфики созданной писателем персональной модели в литературе, что позволяет прийти к выводам об *общем*.

Литературный портрет – гибкий и разнообразный жанр (это доказала его история от Ш.О. Сент-Бёва до А. Моруа и др.), поэтому общая схема *портрета* исключена. История персональных моделей литературы может быть создана только «в переключках, диалоге различных точек зрения на личность и творчество писателей, выявлении многообразных соотношений персоналий между собой и с развитием мирового литературного процесса» (Вл. А. Луков).

Совокупность трех моделей истории литературы –

- история литературного процесса
- история художественных форм

¹ См.: *Есин С.Н.* Писатель в теории литературы: проблема самоидентификации: Дисс ... доктора филологических наук. М., 2006. С. 84–86.

- история персональных моделей на основе тезаурусного подхода
- позволяет создать объемное, нелинейное представление о литературе как целом.

Ремарка-мнение. Эта идея транслируема в историографию - история исторической науки может рассматриваться в совокупности трех моделей:

- истории историографического процесса
- истории исторической литературы
- истории персональных моделей.

Последняя вполне применима – *mutatis mutandis* (используя оборот Л.П. Репиной) – к «историографии в лицах» как варианту биоисториографического конструирования.

3. «...пришло время “собирать камни”»¹

*Историю делают люди,
а историю исторической науки – историки*
М.В. Нечкина

О статусе

Биоисториография – самобытная сфера историографических и биографических исследований, которая обретает узнаваемость как относительно автономное поле историографических исследований приблизительно с 70-80-х гг. XX века. В лексиконе советских историографов этот термин стал покрывать проблемы изучения истории жизни и творчества историков. И хотя эта линия, возникшая на пересечении историко-научного знания и древнейшего биографического жанра, зародилась достаточно давно, только по прошествию более чем полутора столетий она приблизилась к институциональной определенности.

Получив собственное имя и значительно расширив свой исследовательский ареал, биоисториография, как и вся советская наука в период «отречений», подверглась остракизму. Новая эпоха являла собой многоцветье научной палитры. Обрушившиеся ура-

---

¹ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С.550.

ганом западные новации привнесли действительно интересные идеи и непривычно притягательную лексику.

Историки, постаравшись освободиться от бремени традиционного наследства, с упоением воспринимали новые имена и слова, погружаясь в омут когнитивно-привлекательных дискурсов. Биографические тексты запестрели формулами – «интеллектуальная биография», «персональная история», «экзистенциальная биография», «контекстуальная биография», «модальная биография» и т.п.

Историческая наука в Украине последних десятилетий переживает настоящую «революцию понятий»: новые знания создают новые идеи-концепты и одновременно происходит реактуализация известных понятий, ресемантизация старых – наполнение их новыми смыслами¹.

Биоисториография – из «старых» понятий, сохранивших свое присутствие в научном поле украинской историографии и в то же время подвергающихся постоянным попыткам вытеснения и подмены иными наименованиями. Причина, разумеется, не столько в названии – в советской практике биоисториописания этим термином преимущественно оперировали профессиональные историографы, – но в сохранении в значительной степени генетического кода прежних, отнюдь не лучших, шаблонов в ментальности сегодняшних авторов биографических работ.

Ремарка-mini-экскурс

Проблема шаблонов – проблема вечная, в основе которой стремление к парадигмальности, универсальности приемов, канонизации формотворчества, стереотипизации, тиражированию общепризнанных образцов; ее истоки – в психологии подражания, дисциплинарном мышлении, в идеологии «нормальной науки» и проч. В советский период сложились свои канонические формы биоисториографических работ:

1) биографические очерки историков обычно предваряли разделы, посвященные рассмотрению творчества (наследия); «жизненный путь» ученого – по этапам / периодам – был разъединен с процессом научных исследований;

---

¹ См.: Колесник І. Українська історіографія: концептуальна історія. Київ: Інститут історії України НАН України, 2013. С.5.

2) жизнь-судьба-творчество располагались параллельно отчасти дублируя основные биографические факты;

3) очерки проблемно-тематического характера, посвященные мировоззрению, исторической концепции, социально-политической деятельности и т.п. сопровождалась минимальным набором биографических данных;

4) литературный стиль отличался сухим «академическим» языком;

5) существовала достаточно четкая регламентация создания определенных, нормативно утвержденных, типов / видов биографических работ, посвященных ученым¹.

Тем не менее, наряду с множеством трафаретных работ создавались биографические / биоисториографические шедевры...

Ремарка-замечка. Перечисленные характеристики не должны иметь своим следствием непереносимое «изъятие» подобного типа работ из биографической практики, поскольку следование нормативу совсем не означает создание квази-научной макулатуры, но предполагает лишь «точку отсчета» для индивидуального восприятия и воплощения. Различного рода методическая литература с регламентированными сводами рекомендаций как образец для создания специализированных справочных изданий, безусловно, необходима: нормативность – закон организации научной деятельности; одновременно этот вид публикаций – основа для непрофессионалов, неофитов и исследователей с дисциплинарным типом мышления; однако унификация научных текстов часто приводит к нивелированию канонических и творческих элементов в исследовательском процессе.

В новую эпоху шаблоны, естественно, не исчезли – появились их новые модификации. Например, известная схема Дональда Уокера, введенная с легкой руки А.М. Неймана и получившая одобрение Л.П. Репиной, была растиражирована в основном по диссертациям, превратившись в нормативную схему не только ин-

---

¹ См.: Соколовская З.К. Серия АН СССР «Научно-биографическая литература». История (1959-1989). Пути повышения научно-познавательного потенциала: Диссертация в форме научного доклада на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности: «Книговедение»; «История науки и техники» / Институт истории естествознания и техники АН СССР. М., 1991. См. о ней: Илизаров С.С. «Человек, одаренный красотой, обаянием, жизнелюбием...»: (к 80-летию со дня рождения Зинаиды Кузьминичны Соколовской) // Вопросы истории естествознания и техники. 2008. № 1. С. 208-212.

теллектуальной биографии, но и новой биографики – новой биографической истории в целом¹.

Заметим – точная мысль Л.П. Репиной включает одно маленькое, но существенное уточнение: типология биографического жанра, разработанная Д. Уокером для историко-экономических исследований, вполне применима «к интеллектуальной истории вообще и – *mutatis mutandis* – к “новой биографической истории” в целом»².

Mutatis mutandis – «с соответствующими изменениями», т.е. – возможны варианты в зависимости от исследовательской стратегии. Этот нюанс предполагает творческий подход, индивидуализацию восприятия, но не канонизацию оригинала³.

Реактуализация и ресемантизация биоисториографии, наполнение этого термина новыми смыслами (при сохранении позитивных смыслов прежних эпох) – задача, которую стоит решать в процессе «непрекращающегося диалога»⁴ и полилога между всеми плодотворными идеями, которые откроют новые перспективы для этой ветви современного биографизма.

Биоисториография сегодня предстает в форме институционального таксона, проблемного поля / направления историографических исследований, относительно автономного раздела *дисциплины историографии* (истории исторической науки); ее контуры не имеют жесткой демаркации и тесно соприкасаются с историей науки и исторической биографией, биографистикой в целом и иными гуманитарными областями.

Ремарка-цитата. В.П. Корзун: «...постепенно биоисториография становится ведущим направлением историографического исследования, и в структуре историографической науки она занимает значительное место»⁵.

¹ См.: Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Втор. издание, испр. и доп. / Отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. М.: Аквилон, 2016. С.324-325.

² Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С.304.

³ Данную схему можно плодотворно использовать и в ее изначальном виде, что, впрочем, в полном объеме позиций редко практикуется в диссертационных работах.

⁴ См.: Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии / Г. Иггерс, Э. Ван (при участии Суприн Мукерджи); пер. с англ. О. Воробьевой. Науч. ред. Марина Кукарцева. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С.38.

⁵ Корзун В.П. Лекция 5. Биография и биоисториография. Исследовательские прак-

Ремарка-диспут. «Новая биографическая история» – версияльна в трактовках Л.П. Репиной и И.И. Колесник. В любом случае проблематично рассматривать биоисториографию как *модель* «Новой биографической истории» / «НБИ», которая в свою очередь вряд ли покрывает все поле современного биографизма, но может выступать как одна из *моделей биоисториографии*, определенный *тип биоисториографического анализа* – «социокультурный», в своей основе¹. Постановка этой проблемы, разумеется, дискуссионно окрашена.

Единицей биоисториографического исследования выступает конкретный *тип* (модель) *биоисториографического анализа* [по аналогии с *биографическим анализом*. – Т.П.²]; различия между ними – в специфике исследовательских задач, методологических ориентиров и в целом – предметной направленности, которая и определяет их своеобразие и жанровое разнообразие.

Биоисториография сегодня – открытое пространство для всех плодотворных идей из всех дисциплинарных миров, черпающее инструментарий из традиционного арсенала и инновационного багажа.

История историков – это

- и *интеллектуальная биография*, поскольку ее объект – представитель интеллектуальной сферы деятельности,
- и *персональная история*, нацеленная на историю жизни личности – великой (в границах пантеона «канонических фигур») и «второго плана» («типичных» и «конкретных») – во всем ее многообразии и многосюжетности,
- и *биографический мир* – историк в многоцветье сетей-связей мира людей и мира вещей,
- и *тезаурусная конструкция в персональных моделях*,
- и *история историографии в человеческом измерении* – новое

тики // Несколько лекций по методике историографического анализа: современные исследовательские практики : учебное пособие / В.П. Корзун, М.А. Мамонтова, Н.А. Коновалова, Ю.П. Денисов. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. С.92.

¹ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С.300.

² См.: Соловьев Э.Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования // Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). М.: Политиздат, 1991. С.19.

предметное поле (совмещающее традиции социально-интеллектуальной и личностной истории), объект которого – *профессиональный автобиографизм*, а форма – *автобиоисторикография* как новый жанр историописания¹, и многие иные направления современного био-письма.

Ремарка-цитата. *С.А. Смирнов:* «Очередной, теперь уже автобиографический, поворот, происходящий в гуманитарных науках и практиках, показывает, что человек в виде субъекта познания, субъекта действия, или абстрактной идеи, будучи изгнанным однажды из господствующего дискурса, теперь вновь возвращается. Только если ранее человек выступал как абстрактное и безличное нечто, сущее без лица, как некая гуманистическая идея, то теперь он возвращается в виде автора собственной автобиографии, жизнеописания, личной истории в самых разных версиях и гримасах. Автобиография как акт, а не как литературный жанр, рождается в моменте поиска человеком своего места в мире, в истории, в жизни»².

О категориях

Для биографии «человека науки» особо значим афоризм В.О. Ключевского: «В жизни ученого и писателя главные биографические факты – книги, важнейшие события – мысли». Однако тема *биографический факт / биографический источник* по-прежнему остается в дискуссионной плоскости современных дебатов о биоисследовании.

В качестве исходной воспримем идею о триединстве исторического факта (уровнях – по М.А. Баргу): факт-событие (а ргіогі) – факт-источник – факт-знание (научный факт, полученный в результате источниковедческих операций – «концептуализированный факт»).

¹ См.: *Репина Л.П.* Историческая наука в предметном поле интеллектуальной истории // История и историки в прошлом и настоящем / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 5-22. См. также: «Из первых уст...»: Историки о себе и исторической науке в этом быстро меняющемся мире / Составление и общая редакция Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. 208 с.

² *Аванесов С.С., Смирнов С.А., Спешилова Е.И.* Человек у зеркала: антропология автобиографии. СПб.: Алетейя, 2021. С.11.

Любая биография – это в конечном счете биография *историческая*: «герой» – Актор истории вне зависимости от его масштаба; его жизнедеятельность происходит в совокупности исторических ситуаций, следовательно, в качестве биографических фактов предстают факты исторические: это – и сам «герой», и его поступки и деяния, и конкретно-историческая ситуация, в которой он действовал, и его эго-документы, и его труды (творческое / научное наследие), созданные в определенном временном / историческом режиме, и все многообразие свидетельств о «герое», возникших также в темпоральной специфике.

В биоисториографии «герой» – это субъект истории исторической науки – историографии.

Заимствуя у М.В. Нечкиной ее понимание историографического факта как факта исторического, имеющего отношение к истории исторической науки, используем эту мысль для понимания факта биографического.

Соответственно, *биографический факт* – это исторический факт в том или ином плане имеющий отношение к биографии личности. Для биографии историка любой историографический (исторический) факт, соотносимый с его личностью и творческой жизнедеятельностью превращается в *факт биоисториографический*.

Фокусная (предметная направленность) фактов, включающих в свой арсенал и источники, позволяет по аналогии рассматривать *историографический источник* как «...всякий источник познания историографических явлений (фактов)»¹.

В этом ключе *биоисториографический источник* – источник историографический (который в свою очередь является разновидностью исторического), несущий информацию о биографии историка, или – шире, следуя за формулой С.О. Шмидта: *биоисториографический источник* – «всякий источник познания» биографии историка².

Для биоисториографии (как, впрочем, для любого *научно-биографического* и *научно-исторического* исследования) принципиальным является вопрос о структуре источниковой и фактуальной базах. Идея триединства исторического факта не меняется в совре-

¹ Шмидт С.О. Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии. М.: РГГУ, 1997. С.185.

² Не отвергая целесообразности многочисленных попыток конкретизировать смылонасыщение категорий *факт-источник*, считаю, что предложенные выше дефиниции, традиционно ориентированные, высвечивают принципиальную самость этих явлений.

менных исследованиях, меняется лишь трактовка каждой из составляющих, их взаимосвязи и подчас – наименований. Исходя из «идеи триединства», понятия *источниковая база* и *фактуальная база* стоит разграничивать:

- ***источниковая база*** – блок различных по видо-типовой характеристике источников конкретного исследования;
- ***фактуальная база***:

это – блок научных фактов («факт-знание»), полученных в результате критического анализа источников, процедуры «обработки» фактов из источникового массива («факт-источник») с помощью репертуара источниковедческих методик («концептуализированный факт»);

это – корпус фактов, составляющих генофонд определенного направления / проблемного поля исследований / конкретного исследования, вводимых впервые или сохраняющих перманентное применение;

это – дисциплинарный генофонд, конвенционально признаваемый научным / дисциплинарным сообществом (на данном этапе освоения тематического пространства) в качестве «истинного знания».

Фактуальная база является основой для создания ***биограммы***.

Ремарка-уточнение. *Биография* и *биограмма* – этимологически идентичные термины, однако как самостоятельное понятие *биограмма* применяется ныне в различных областях знания со своим содержательным наполнением. Одним из первых этот термин использовал американский социолог Т. Абель еще в 1940-е гг.; для него *биограмма* – это совокупный блок рассказов о своей жизни, написанных по шаблонной схеме представителями определенной социальной группы. М.Н. Эпштейн определяет *биограмму* как структурную единицу жизненного целого («дружба», «встреча», «одиночество» и т.п.) – тематическое поле биографических событий; *нарратив* в этом случае в его трактовке предстает как временной срез жизни в последовательности ее событий, или *биограммы* во временном порядке.

В нашем контексте ***биограмма*** обозначает структуру фактуального каркаса (набора тематических блоков биографических сведений) в зависимости от программы автора, или шире – макси-

мально полную и репрезентативную фактуальную базу биоисториографического / биографического исследования, которая в свою очередь является основой для построения различных типов жизнеописаний историков.

О структуре: био-источники

М.В. Нечкина, работая над биографией В.О. Ключевского, разделила все *историографические источники* на:

- труды историка,
- документальные публикации (среди них – ценные свидетельства: материалы научных обществ), архивные документальные материалы,
- воспоминания / некрологи.

Источниковая база биографического исследования, по мнению Л.П. Репиной, включает в первую очередь персональные тексты и источники личного происхождения, одновременно в качестве источников могут привлекаться самые разные материалы, предоставляющие в том числе и т.н. «косвенные свидетельства», фиксирующие «взгляд со стороны», – любая объективная информация¹.

Ю.Н. Герасимова среди источников биографии «человека науки» выделяет первоочередные - письменные (летописи, публицистика, воспоминания, дневники, автобиографии, письма и т.д., среди которых главные – «труды историков»), а также законодательные акты, статистику, переписку; кроме этого возможно обращение к источникам фольклорным, этнографическим, вещественным, к фотоснимкам и кинофильмам².

И.Н. Войцеховская, создавая биографию В.С. Иконникова, опиралась в первую очередь на труды ученого (монографические исследования, энциклопедические и справочно-библиографические издания; статьи и разведки; доклады на конференциях), материалы архивов, музеев, рукописных отделов библиотек и др.³.

¹ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С.293.

² Герасимова Ю.Н. Биоисториография в системе отечественной исторической науки: история жанра // В.А. Дунаевский: Педагог, учёный, солдат. К 80-летию со дня рождения / Сост. Е.В. Чистякова, С.А. Малышкин, А.А. Орлов. М.: Российский университет дружбы народов, 2000. С. 138-162.

³ Войцехівська І.Н. Володимир Іконников: джерелознавчі студії. Київ: Інститут

Авторы монографии, посвященной историку Саулу Боровому, в комплексе источников обозначили три группы: труды историка – основной источник; документальные источники, позволяющие реконструировать биографию ученого; источники личного происхождения¹.

В.П. Корзун делит историографические источники на:

- «опорную группу» (труды историков – вне зависимости от жанра)
- вспомогательную – все прочие исторические источники, воссоздающие «атмосферу творчества, особенности жизни и натуры...историков» (мемуарная литература, переписка).

Важно замечание В.П. Корзун: «Внедрение понятия “опорная группа источников” задает системообразующее ядро, позволяющее проводить определенную иерархию текстов»².

В этом плане целевая направленность О.И. Вовк – выявление историографических образов В.Н. Каразина – обусловила особую иерархию источников: «опорной группой» стали разнообразные по жанрам биографические публикации, которые дополнены трудами и эпистолярией самого «героя», а также свидетельствами современников³.

В созвучии с наблюдением В.П. Корзун актуализируем мысль С.О. Шмидта: «Иерархия историографических источников может не совпадать с соответствующей иерархией исторических источников»⁴. Это отправное положение позволяет обратить внимание на близкие по существу подходу идеи, высказанные современными учеными по проблеме *иерархизации*.

А.Л. Валевский констатировал наличие различного статуса биографических фактов в зависимости от *предметности*:

української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського, 1999. С.10-17.

¹ Андреев В.М. Саул Боровий: єврейський вектор історії України. / В.М. Андреев В.М., Н.М. Чермошнцева. Херсон - Нікополь: СПД Фельдман О.О., 2010. С.29.

² Корзун В.П. Образ исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций): Монография. Омск; Екатеринбург: Омский государственный ун-т; Изд-во Уральского ун-та, 2000. С.22-23.

³ Вовк О.І. Постать Василя Каразіна в історіографії / Науков. ред. С.М. Куделко. Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2016. С.12.

⁴ Шмидт С.О. О некоторых общих проблемах истории исторической науки // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Межвузовский сборник. Калинин, 1980. С.112-113.

- для официальной, карьерной биографии в первую очередь важны «внешние» – значимые события;
- психобиография акцентирует внимание на «внутреннем» – побуждения / переживания;
- «биография-миф» предполагает комплекс «мифологем» и проч.¹.

Ориентация на определенные биографические факты, безусловно, детерминирует и конкретно-направленный источниковедческий поиск, и последующую структуру источниковой базы. По типологии биографического исследования, предложенной С.Н. Иконниковой, выделяются *биографические модели* и соответствующие им *виды* биографических работ:

- *хронологическая* (от рождения до смерти) может быть представлена энциклопедической статьей;
- *функциональная* (акцент – на профессиональную деятельность в контексте этапов жизненного пути) – монографией, научной статьей;
- *психологическая* (в центре – мотивация поступков, самореализация личности) – автобиографией, дневниками и т.п.².

При такой типологизации источниковая база – ее поиск и структуризация – будут зависеть от типа модели и вида исследования – его планируемого результата.

Параметры типологии историографических источников, предложенной А. Запряновой (Болгария)³, определяются *метаинформационно* – в зависимости от *целей* исследования: ориентиры на раскрытие *микромира* героя (институционализированная коллегия, творческая лаборатория, научные результаты в их взаимосвязи), а также *макроклимата*, воздействующего на «бытие историка», коррелируют основные типы источников историографического анализа.

С.И. Маловичко «за основу процедуры выделения видовой структуры историографических источников» предлагает принять

¹ Велевский А.Л. Биографика как дисциплина гуманитарного цикла // Лица. Биографический альманах. СПб., 1995. Вып. 6. С.37-38.

² Иконникова С.Н. История культурологических теорий. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2005. 474 с.

³ Запрянова А. Типология источников историографического исследования // Харківський історіографічний збірник. Харків: ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2010. Вип.10. С.41-52.

«принцип целеполагания его автора (Другого)»¹.

Иерархия биоисториографических источников композиционно неисчерпаема, в связи с этим структура источниковой базы биоисториографического исследования может быть представлена вариативным разнообразием.

Вариант первый

I блок – *персональные тексты*, в массив которых входят:

- *научные труды* ученого-историка²; их видовая форма разнообразна: от монографий, статей, тезисов, заметок, рецензий, дидактической литературы, опубликованных интервью, био / библиографических работ и т.п. до материалов личного архива – подготовительных материалов, вариантов статей, фрагментов монографий, конспектов лекций и т.п., цитат, выписок, заметок / замечаний в том числе в книгах – на полях³ и проч.);
- *труды / произведения в иных жанрах* – публицистика, стихи, проза, посвящения, эссеистика и проч.;

II блок – *источники личного происхождения (эго-документы)*: дневники, письма, автобиографии, исповеди, воспоминания и т.п.;

III блок – *семейный архив*;

IV блок – *конспекты лекций ученого*, сделанные студентами, литографированные лекции и т.п.;

V блок - *документальные*: законодательные памятники, актовый материал, материалы делопроизводства – в широком диапазоне, имеющие прямое или косвенное отношение к «герою» и т.п.;

VI блок – *мемуаристика и эпистолярия*;

VII блок – *прижизненные юбилейные материалы* о «герое», некрологи;

VIII блок – *интервью, анкеты* (для современников);

IX блок – *статистические материалы*;

X блок – *периодическая печать*;

---

¹ Маловичко С.И. Проблема классификации источников в предметном поле источниковедения историографии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2. С.41.

² Данная модель сфокусирована на *историке-ученом* как объекте изучения, что не исключает создание моделей источниковой базы биоисториографического исследования, ориентированного на *историка-аматора*; в этом случае структура источников будет иметь свою специфику.

³ С.О. Шмидт придавал особое значение «пометкам» и «записям» на книгах, считая их «ценнейшими свидетельствами», раскрывающими личность ученого и его творческий процесс.

XI блок – *судебно-следственные материалы* (для биографии историков, подвергшихся каким-либо санкциям);

XII блок – *био/библиографии, наукометрические сведения* (источники т.н. «второго порядка»);

XIII блок – материалы *иных источниковедческих типов*: вещественные, этнографические, устные, фольклорные (включая студенческий фольклор и т.п.), изобразительные, аудиовизуальные (иконография, записи лекций и проч.) и проч. Все эти источники могут выступать в опубликованной (печатной) форме, в виде неопубликованных, в том числе – архивных материалов (рукописных, машинописных), а также на электронных носителях (для современного этапа биоисториографии)¹.

Вариант второй

I блок – *опубликованные персональные тексты* (во всех видах публикаций – монографии, статьи, учебники, рецензии, мемуары, публицистика, эссе, стихи и т.п., а также во всех жанрах – научном, научно-популярном, научно-художественном, романизированном / художественном, беллетризированном и т.п.);

II блок – *материалы творческой лаборатории* ученого (архив ученого);

III блок – *опубликованные документальные материалы* (все разновидности);

IV блок – *неопубликованные архивные материалы* (во всех видовых вариациях);

V блок – *артефакты*, имеющие прямое или косвенное отношение к «герою»: созданные им произведения искусства (рисунки, живопись, скульптура, различного рода поделки и проч.); любимые вещи «героя» (сувениры, талисманы и т.п.); подарки, сделанные «героем» другим людям или полученные от других людей, и проч.;

VI блок – *личная библиотека ученого* (каталог, данные о ней);

VII блок – *места памяти / пребывания «героя»* (географически-пространственные источники).

---

¹ Разумеется, эта схема не включает всех возможных видов, типов и групп источников; ряд материалов из этих блоков неизбежно будет дублировать друг друга, блоки могут иметь другую «порядковость» – задача и право автора-биографа / биоисториографа распределять эти материалы по своему *целеполаганию*, т.е. создавать *особую* иерархию источников.

Вариант третий

Биоисториографическая источниковая база может иметь три уровня¹:

1) «*конкретный текст*» историка (персональные тексты, которые являются главными объектами анализа биографа)²;

2) «*большой текст*» – все творческое наследие историка, в контексте которого рассматриваются труды первого уровня, включая эго-документы;

3) «*историко-культурный контекст*» – совокупность материалов, характеризующих эпоху, условия научной деятельности историка, его микро- и макромир³.

Принцип триады – ориентация на анализ отдельных «текстов» в контексте двух уровней: в структуре «большого текста», а также в социокультурном и научном контексте различных историографических ситуаций – представляется перспективной идеей для историка исторической науки.

Resume

1-я позиция. Авторская стратегия, нацеленная на конкретный тип биоисториографического исследования («внешняя / официальная» биография, персональная история, интеллектуальная биография и проч.), ориентирует на соответствующий набор биоисториографических фактов и их выявление из соответствующих источников, на определенную структуру источниковой базы, собственную иерархию биоисториографических источников.

2-я позиция. Таксоны классической классификации источников – *типы, виды, группы* – и соответствующие этим таксонам критерии классификации подвергаются в современной литературе определенному скепсису. Однако, согласно С.И. Маловичко, группа видов источников *научной истории* «по принципу целеполага-

¹ Это – модифицированная схема предложенной в свое время И.И. Колесник схемы источниковой базы историографического исследования. См.: Колесник І.І. Українська історіографія (XVIII-початок XX століття). Київ: Генеза, 2000. С. 37-38.

² У В.П. Корзун, например, «опорную группу» составили в первую очередь рефлексивно-ориентированные труды историков. См.: Корзун В.П. Образ исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций): Монография. - Омск; Екатеринбург: Омский государственный ун-т; Изд-во Уральского ун-та, 2000. С.22.

³ Предложенные варианты (модели) источниковой базы биоисториографического исследования, разумеется, могут корректироваться, блоки материалов из трех вариантов создавать основу для иных типов моделирования и т.д.

ния» «позволяет проводить *видовую классификацию* источников историографии, выделяя такие их *виды*, в которых презентуется историческое знание: монографии, статьи, диссертации, тезисы, исторические очерки, рецензии, учебные пособия и т.д.». Согласно А. Запряновой, к источникам, предоставляющим «фрагменты ушедшей действительности», относятся письменные, вещественные, устные источники, «личного и официального происхождения», которые в свою очередь подразделяются на «три *подгруппы*»: научные работы, опубликованные материалы в средствах массовой информации и архивные материалы». У С.Н. Иконниковой био-модель прямо спроецирована на конкретный *вид* биографических работ, по сути – историографических источников [курсив мой. – Т.П.]. Ориентация на новые критерии (*целеполагание, метаинформационность, модель* и т.п. – вполне допустимые и обоснованные) в конечном счете приводит к тем же *типам, видам и группам*. Композиции (иерархия) источников могут быть более общими и более дробными, совмещать в одной схеме критерии «по смешанному типу». В итоге мы опять возвращаемся к содержанию первой позиции.

3-я позиция. Одновременно созданная в результате источниковедческих операций (поиска, выявления, идентификации, прочтения / интерпретации, анализа, синтеза, систематизации - синхронической, диахронической, периодизационной, классификационной, типологизационной и др., концептуализации источников) фактуальная база – *биограмма* – заставляет корректировать первоначальные планы автора-биографа вплоть до изменения типа био-исследования и выбора конкретной модели построения био-историографической работы. Творческий компонент играет здесь не последнюю роль.

P.S.

Перспектива биоисториографии, укрепление ее статуса как относительно автономного проблемного поля – в вовлечении в свою орбиту новых инструментально-операциональных подходов, эпистемологических и категориальных образцов, в расширении содержательного диапазона, в ориентации на исследовательские приемы иных социогуманитарных сфер, в приобщении к

новациям современного биографизма, не забывая одновременно био-наследия¹.

Биоисториография – традиционное «имя» одной из сфер историографического исследовательского пространства – находится сегодня на пути своего обновления, и это обновление целесообразно связывать не с заменой «старого» названия на новые наименования, но – с кардинальным переструктурированием теоретического, методологического и процедурного арсенала этой ветви современного биографизма.

Биоисториография сегодня – «старое» название одной из обновляющихся ветвей современного биографизма, и с этим наименованием вряд ли стоит расставаться².

---

¹ О биоисториографическом наследии советской эпохи см.: Биография как историческое исследование // История СССР. 1970. № 4; *Родный Н.И.* Научные биографии как жанр историографии науки // Вестник истории естествознания и техники. М., 1971. № 3-4; «Жизнь и деятельность»: нерешенные проблемы биографического жанра // Вопросы литературы. М., 1973. № 10; Человек науки. М., 1974; *Жуков Д.А.* Биография биографии: Размышление о жанре. М., 1980; *Пинчук Ю.А.* Исторические взгляды Н.И. Костомарова (Критический очерк). К., 1984; *Кертман Л.Е.* Некоторые проблемы биографического жанра в советской историографии // Вопросы развития историографических исследований в свете решений XXVI съезда КПСС: Материалы Всесоюзной научной конференции. Днепропетровск, 1985; Научная биография - вид исторического исследования. Л., 1985; *Померанцева Г.Е.* Биография в потоке времени. М., 1987; *Беленький И.Л.* Проблемы биографического жанра в советской исторической науке: Научно-аналитический обзор. М., 1988; *Павлова Т.А.* Историческая биографистика в СССР // Новая и новейшая история. 1990. № 2; *Соколовская З.К.* Серия АН СССР «Научно-биографическая литература». История (1959-1989). Пути повышения научно-познавательного потенциала: Диссертация в форме научного доклада на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности: «Книговедение»; «История науки и техники» / Институт истории естествознания и техники АН СССР. М., 1991; Биография как вид исторического исследования. Тверь, 1993 и др.

² В основе этого текста см.: *Попова Т.Н.* Биоисториописание в контексте научных традиций: концепты и модели // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 53. М.: Аквилон, 2015. С.30-53; *Она же.* Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М.А., 2017. С. 9-134. [Часть первая. «Биоисториописание в контексте интеллектуальных стратегий»]; *Она же.* В поисках азимута, или новые траектории «старого» биографизма // ПРОФЕССИЯ – ИСТОРИК (к юбилею Л.П. Репиной) / Отв. ред. О.В. Воробьева. М.: Аквилон, 2017. С.46-68; *Она же.* Биоисториография в структуре современного биографизма // Харківський історіографічний збірник. Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2017. Вип. 16. С.192-207 и др.

МОДЕЛЬ БИОИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Модель-«вопросник»¹ предполагает поиск биоинформации для анализа жизни и творчества ученых-историков в системе университетов Российской империи XIX – начала XX вв. и отражает в определенной мере социокультурную темпорально-региональную специфику. Не исчерпывая, безусловно, всех возможных сторон биоисториографического анализа, предлагаемая модель очерчивает объем содержательных позиций, которые выступают составляющими «жизнеописания» и одновременно являются основой для создания биограммы. В то же время структура и архитектура² конкретного биографического текста может варьироваться в соответствии с авторской программой.

1. Базовые биографические данные:

- 1.1. ФИО (с указанием изменений).
- 1.2. Псевдонимы, криптонимы.
- 1.3. Даты жизни (по юлианскому и григорианскому календарям).
- 1.4. Место рождения, место смерти и захоронения.
- 1.5. Время начала и окончания творческой деятельности (по году публикации первой и последней работы / по году написания неопубликованных первой и последней работы).
- 1.6. Иконография.

2. Национальные и социальные характеристики:

- 2.1. Национальность (по паспорту; по самоидентификации).

¹ Данная модель – откорректированный вариант структуры словарного раздела Биографического словаря ученых Новороссийского университета: разработана автором для подготовки Биографического словаря профессоров Одесского (Новороссийского) университета (2000, 2005 и др.). См.: *Попова Т.Н.* О методике биоисториографических исследований // Записки історичного факультету. Одеса: ОГУ, 1997. Вип. 5. С. 165-172; *Она же.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета, Одесса: Атропринт, 2007. С.498-503; *Она же.* Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций: теория, методология, практика. Одесса: Бондаренко М.А., 2017. С. 43-49.

² В данном контексте: *структура* – это определенный порядок взаимосвязи содержательных компонентов текста; *архитектура* – композиционная логика текста, его стилевая специфика; структура и архитектура конкретного текста всегда обусловлены исследовательской стратегией и выражают авторскую индивидуальность, даже если текст создается по определенным шаблонам и жанровым схемам. См. об этом также: *Ясь Олексій.* Історик і стиль. Визначні постаті українського історіописання у світлі культурних епох (початок XIX-80-ті роки XX ст.): Монографія: У 2 ч. Ч.1 / за ред. В.А. Смолія. Київ, 2014. С.52-54.

- 2.2. Вероисповедание (официальная принадлежность к конфессии).
- 2.3. Языки творчества.
- 2.4. Социальное происхождение (по отцу / родителям).
- 2.5. Достигнутое социальное положение.
- 2.6. Титул.
- 2.7. Высший чин (по Табели о рангах).
- 2.8. Финансово-экономическое положение; владение собственностью.

3. Происхождение и семейное положение:

- 3.1. Родители: отец, мать (даты жизни, национальность, происхождение, вероисповедание, социальный статус, экономическое положение).
- 3.2. Знаменитые родственники (предки; братья, сестры и др.; потомки).
- 3.3. Жена(ы) (даты жизни, девичья фамилия, национальность, происхождение, вероисповедание, социальный и профессиональный статус, экономическое положение).
- 3.4. Браки / разводы /: количество, даты.
- 3.5. Дети (био-данные).

4. Образование:

- 4.1. Домашнее или иное начальное (кто обучал – био-данные).
- 4.2. Среднее: учебные заведения, место, годы обучения (учителя – био-данные).
- 4.3. Высшее: учебное заведение, годы обучения, факультет, специальность; форма аттестации, диплом.
- 4.4. Второе образование.
- 4.5. Слушал курсы профессоров, работал в семинарах (био-данные).

5. Научная подготовка и научный рост:

- 5.1. Студенческое конкурсное сочинение: тема, год, награды (профессор-автор темы).
- 5.2. Студенческое выпускное сочинение (вид, тема, год, научный руководитель).
- 5.3. Подготовка к профессорскому званию (даты, при каком университете, кафедра, специальность, научный руководитель, даты сдачи магистерских экзаменов /перечень, оценки, экзаменаторы /).

- 5.4. Магистерская диссертация:
  - 5.4.1. Тема, специальность.
  - 5.4.2. Дата и место защиты; дата выдачи диплома магистра наук.
  - 5.4.3. Научный руководитель, оппоненты (официальные и неофициальные).
  - 5.4.4. Сведения о публикации.
  - 5.4.5. Данные о процедуре защиты.
- 5.5. Докторская диссертация:
  - 5.5.1. Тема, специальность.
  - 5.5.2. Дата и место защиты; дата выдачи диплома доктора наук.
  - 5.5.3. Оппоненты.
  - 5.5.4. Сведения о публикации.
  - 5.5.5. Данные о процедуре защиты.
- 5.6. Должности, звания (университет, факультет, кафедра – даты):
  - 5.6.1. Адъюнкт.
  - 5.6.2. Доцент.
  - 5.6.3. Приват-доцент.
  - 5.6.4. Экстраординарный профессор.
  - 5.6.5. Ординарный профессор.
  - 5.6.6. Заслуженный профессор.
  - 5.6.7. Должностные оклады и проч.
- 5.7. Зарубежные командировки (страна, учебные, научные центры, цель, финансирование; даты).
- 5.8. Стажировки за границей (страна, учебные, научные центры, цель, финансирование; даты).

6. Научная, научно-педагогическая и научно-организационная деятельность:

- 6.1. Характер научной деятельности:
  - 6.1.1. Исследования, публицистика, эссеистика, перевод научной литературы, публикация источников, издание научной литературы и др.
  - 6.1.2. Научные экспедиции.
  - 6.1.3. Архивная деятельность.
- 6.2. Характер научно-организационной и научно-просветительской деятельности:
  - 6.2.1. Участие в научных обществах (название, место, вид

- членства, должности, форма деятельности; даты).
- 6.2.2. Организация (участие) научных и научно-просветительских центров; должности в научных учреждениях.
- 6.2.3. Публичные чтения, меценатство в научной и др. сферах и др.
- 6.2.4. Руководство научными студенческими кружками (научно-образовательный центр, научное направление, характер руководства и проч.)
- 6.3. Научно-педагогическая деятельность:
  - 6.3.1. Научные центры, учебные заведения (высшие – университеты и др.; средние и др., зарубежные центры, государственные и частные; даты работы).
  - 6.3.2. Учебная нагрузка:
    - 6.3.2.1. Наименования курсов лекций, спецкурсов, спецсеминаров; практические занятия (по курсу, темы); консультации и проч. (время проведения: год, семестр, часы в неделю) в вузах.
    - 6.3.2.2. Уроки по предметам в средних учебных заведениях.
    - 6.3.2.3. Преподавание и репетиторство (наиболее известные семьи, ученики).

7. Категориальный профиль (научный):

- 7.1. Приверженность к философским системам (тип, временной диапазон, эволюция).
- 7.2. Теоретико-методологические позиции:
  - 7.2.1. Онтологические категории (теория исторического процесса):
    - 7.2.1.1. Модель исторического процесса (прогресс /тип/; регресс, цикличность, флуктуация и проч.).
    - 7.2.1.2. Факторы исторического развития.
    - 7.2.1.3. Триада: народ-личность-государство.
    - 7.2.1.4. Триада: общее-особенное-единичное.
    - 7.2.1.5. Закон и закономерность в истории.
    - 7.2.1.6. Необходимость и случайность в истории.
    - 7.2.1.7. Объективное и субъективное в истории.
    - 7.2.1.8. Категории времени; периодизация исторического процесса.
    - 7.2.1.9. Прочее.

- 7.2.2. Гносеологические категории (теория исторического знания):
  - 7.2.2.1. Триада: объект-предмет-субъект в историческом познании.
  - 7.2.2.2. Исторический факт и исторический источник.
  - 7.2.2.3. Историческая истина; границы познаваемости истории.
  - 7.2.2.4. Объективность и субъективность в историческом исследовании.
  - 7.2.2.5. Статус исторического знания.
  - 7.2.2.6. Научное историческое познание в контексте форм познавательной деятельности (научное и художественное, рациональное и интуитивное и т.п.).
- 7.2.3. Методологические категории:
  - 7.2.3.1. Методика источниковедческого анализа.
  - 7.2.3.2. Методы исторического исследования.
  - 7.2.3.3. [Меж]дисциплинарные методы.
  - 7.2.3.4. Методики и техника исследовательской работы.
  - 7.2.3.5. Прочее.
- 7.2.4. Логико-аксиологические категории:
  - 7.2.4.1. Историческое знание и культурные ценности.
  - 7.2.4.2. Понимание и объяснение (тип, интерпретационная модель).
  - 7.2.4.3. Логическая структура дискурса.
- 7.3. Индивидуальный авторский стиль:
  - 7.3.1. Стиль мышления (культурно-историческая характеристика): просветительский, романтический, позитивистский, неоромантический и т.п. (комбинации).
  - 7.3.2. Стиль мышления в контексте типов рациональности: классический / неклассический [для данной эпохи. – Т.П.].
  - 7.3.3. Историографический стиль (нарратив: сценарии, структура и архитектура текста).
- 7.4. Научная картина мира.

8. Сфера научной деятельности:

- 8.1. Научная область, дисциплина, специальность.
- 8.2. Проблематика.
- 8.3. Стержневое направление исследований.

9. Научное кредо: концептуальные воззрения:

- 9.1. Анализ главных / рубежных / трудов «героя».
- 9.2. Эволюция концептуальных построений.

10. Тип ученого:

- 10.1. Теоретик / практик-эмпирик.
- 10.2. Ученый-исследователь / ученый-педагог.
- 10.3. Ученый-философ / ученый-«поэт» / ученый-сциентист.
- 10.4. Генератор идей / глоссатор / транслятор / комментатор.
- 10.5. Критик / конструктивист / догматик.
- 10.6. Аналитик / фактограф / синтетик.
- 10.7. Кабинетный ученый / ученый-просветитель / ученый-политик.
- 10.8. Комбинации и прочее.

11. Историографическая классификация – принадлежность к направлению, течению, школе:

- 11.1. Самоидентификация ученого; отношение к научной корпоративности.
- 11.2. Учителя «героя»:
  - 11.2.1. Учителя, признаваемые самим ученым (био-данные, источники).
  - 11.2.2. Ученые, признающие «героя» своим учеником.
  - 11.2.3. Учителя по историографической традиции.
  - 11.2.4. Интеллектуальные / научные влияния.
- 11.3. Ученики «героя»:
  - 11.3.1. Признаваемые самим ученым (био-данные, источники).
  - 11.3.2. Признающие «героя» своим учителем.
  - 11.3.3. Ученики по историографической традиции.
- 11.4. Принадлежность к историографическим классам по историографической традиции (направление / течение / школа).

12. Категориальный профиль (мировоззренческий):

- 12.1. Система мироустройства (в т.ч. – «проблема Бога»).
- 12.2. Триада: историческая наука-политика-идеология.
- 12.3. Партийно-политические ориентиры.
- 12.4. Приоритеты: индивидуальное и коллективное начала.
- 12.5. Приоритеты: национально-этнические («первичная этнич-

ность», ситуационная этничность»¹⁾) / интернациональные / общекультурные/ космополитические и т.п.

12.6. Гендерные позиции.

13. Признание заслуг научно-педагогической деятельности:

13.1. Членство в Академиях наук отечественных и зарубежных (вид АН, место, звание; даты).

13.2. Членство в иностранных научных обществах и т.п. (тип, год избрания и др.).

13.3. Ордена, награды, знаки отличия (вид, форма; даты).

13.4. Иные формы научных отличий.

14. Научные связи:

14.1. Официальные контакты с научными центрами (тип центра, цель, форма; даты).

14.2. Личные контакты с учеными (био-данные, мотивация, формы, результаты; даты).

15. Служебная деятельность (вне университетов):

15.1. Вид деятельности.

15.2. Наименование учреждения, годы работы.

15.3. Должности: название, оклады; даты.

16. Общественная деятельность:

16.1. Виды деятельности: политическая (революционная, оппозиционная и проч.), благотворительная и т.п. (формы; даты).

16.2. Наиболее значимые результаты общественной деятельности.

17. Санкции:

17.1. Общественные порицания, обвинения (причина, форма; даты).

17.2. Аресты, ссылки, тюремные заключения (вид, содержание обвинения, география; даты и проч.).

17.3. Научная деквалификация (причина, форма; даты).

17.4. Иные формы.

18. Характеристика личности (человека и профессионала):

---

¹ По концепции П.Р. Магочия. См.: Магочий Павло. Українське національне відродження. Нова аналітична структура // Український історичний журнал. 1991. № 3. С. 97-101.

18.1. Тип личности: сангвиник / холерик / флегматик / меланхолик; экстравертивный / интровертивный; рационалист / интуитивист; оптимист / пессимист / стоик; акцентуация по К.Леонгарду и др. (комбинации).

18.2. Тип мышления: дисциплинарный / дисциплинарно-креативный / креативный.

18.3. Тип мышления: вербально-логический / ассоциативно-образный (комбинации).

18.4. Стилъ мышления (психологическая характеристика): синтетический / идеалистический / прагматический / аналитический / реалистический (комбинации и проч.).

18.5. Психо-физическая конституция: внешность, болезни, слабости (пороки); отношение к окружающим; женщинам; детям; долголетие (в том числе – интеллектуальное).

18.6. Любимые артефакты (вещи, произведения искусства и проч.).

18.7. Хобби.

18.8. Судьбоносные поступки.

18.9. Самовосприятие (самооценка собственной личности, профессиональной деятельности, заслуг и др.: эволюция).

18.10. Воспоминания о «герое».

18.11. Научная репутация при жизни.

18.12. Некрологи.

18.13. Историографическая репутация (эволюция).

19. География проживания

(страна, город и проч. – даты; адреса).

19.1. Места памяти «героя».

19.2. Места «силы» (наибольшей творческой активности).

19.3. Места «слабости» (наименьшей творческой активности).

20. Окружение (коммуникации):

20.1. Макроокружение (био-данные).

20.2. Микрокосм (био-данные).

20.3. Судьбоносные встречи (био-данные).

21. Наукометрический анализ наследия:

21.1. Проблемная, видовая и жанровая характеристика научных и

иных опубликованных трудов (количество, эволюция по годам / периодам, месту проживания, месту работы; издательства; языки публикаций и проч.).

21.2. Анализ личного архива: характеристика рукописных трудов.

21.3. Биобиблиографии (авторские; созданные при жизни «героя»; юбилейные и проч.).

***Ремарка-отзыв.** В.П. Корзун:* «В качестве дополнения [к лекции. – Т.П.] считаю нужным познакомить слушателей с вариантом модели биоисториографического анализа, предложенным украинским историографом Т.Н. Поповой. Это очень насыщенный вариант, к нему нужно стремиться как к идеалу. Этот вариант биоисториографического анализа представляется мне наиболее удачным ориентиром для исследователя»¹.

---

¹ Корзун В.П. Лекция 5. Биография и биоисториография. Исследовательские практики // Несколько лекций по методике историографического анализа: современные исследовательские практики: учебное пособие / В.П. Корзун, М.А. Мамонтова, Н.А. Коновалова, Ю.П. Денисов. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. С. 99.

2. Биоисториографические этюды

Человек не равен своей биографии...

Mini-преамбула. Биоисториографические этюды – одна из небольших по объему биоисториографических форм, содержание которых не нацелено ни на персональную историю ученого, ни на его интеллектуальную биографию, ни на создание его биографического мира. Задача этюда – создать *образ историка*, используя определенный контекст, различные композиционные варианты био-материала, применяя конкретный биографический ключ.

Для А.Г. Брикнера – это проблемы дисциплинаризации историографии и источниковедения и его роль в этом процессе; для А.И. Маркевича – его судьба и личностные качества, спроецированные в его творчество; для Е.П. Трифильева – добросовестный труд университетского преподавателя; для В.Э. Крусмана – подвижничество ученого, ведомого глобальной идеей.

Каждый из этюдов, исходя из его био-идеи, основан на конкретном био-подходе:

- проблемно-ориентированном (А.Г. Брикнер и А.И. Маркевич),
- проблемно-диахроническом (Е.П. Трифильев и В.Э. Крусман).

Различные варианты применения биографических элементов нацелены на конкретное выражение образности – авторского «прочтения» индивидуальных судеб и творческого наследия.

* * *

АЛЕКСАНДР ГУСТАВОВИЧ БРИКНЕР: у истоков дисциплинарных традиций

*Требовалось... изобрести обыкновенные
объяснения явлений необыкновенных.*

М. Булгаков

История Новороссийского университета (1865-1920), деятельность которого совпала со временем завершения процесса институционализации исторической науки (вторая половина XIX –

рубеж XIX-XX вв.) и активным формированием рефлексивных дисциплин исторического профиля (что явилось одним из главных параметров конституирования истории как науки), включает в себя и *дисциплинарную историю*, в содержание которой входят проблемы становления новых дисциплин в университетском ареале, создание образов этих дисциплин ее представителями.

Для профессорской корпорации историко-филологического факультета Новороссийского университета было характерно достаточно кратковременное пребывание здесь ученых первой величины, преобладание в педагогическом составе выпускников иных университетских центров. Этот факт, чаще всего рассматривавшийся в литературе как «негативный», свидетельствующий о провинциальности и «второразрядности» университета, в контексте теории «сетевых коммуникаций» приобретает иное звучание. В.И. Григорович, А.Г. Брикнер, Ф.И. Успенский, Р.Ю. Виппер, Э.Р. фон Штерн, Е.Н. Щепкин, А.Н. Деревницкий, И.А. Линниченко, С.Л. Рубинштейн и многие другие блистательные ученые приносили элементы научной культуры столичных и европейских университетских центров: «...взаимообогащающее пересечение в пространстве университета представителей различных научных школ и традиций»¹ способствовало воспитанию в его недрах А.И. Маркевича, М.Г. Попруженко, А.В. Флоровского, Г.В. Флоровского, П.М. Бицилли, Н.Л. Рубинштейна, О.Л. Вайштейна, К.П. Добролюбского, составивших гордость отечественной и мировой науки.

Практически все эти ученые в той или иной мере внесли свой вклад в институционализацию новых ветвей исторического знания. Среди них – **Александр Густавович Брикнер**, стоявший у истоков дисциплинарного оформления двух важнейших рефлексивных дисциплин в российской исторической науке: *историографии* и *источниковедения*.

В многочисленных некрологах² научному наследию А.Г. Брикнера отдавали должное все авторы, однако акцент практически во всех публикациях был сделан на его вкладе в персоналистику

¹ [Корзун В.П. Рец.] // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 25 / 2. М.: ИВИ РАН, 2008. С.396.

² Вестник Европы. 1896. Кн. 12. С. 901-902; Новое Время. 1896. № 7435; Русское Обозрение. 1896. Кн. 12. С. 842-861; Исторический Вестник. 1896. Кн. 12. С. 1102-1104; Русские Ведомости. 1896. № 310; Новости. 1896. № 306; Биржевые Ведомости. 1896. № 309; Журнал Министерства народного просвещения. 1897. Кн. 2. отд. 4. С. 117-157 и др.

(Густав IV, Петр I, Петр III, Екатерина II, Павел I, Г.А. Потемкин, Н.П. Панин, И.Т. Посошков, Юрий Крижанич и др.), а также в изучение конкретно-проблемных линий русской и европейской истории. Среди главных заслуг ученого обычно выделяли то, что А.Г. Брикнер не только в значительной степени разработал вопрос о европеизации России, но и западноевропейскому обществу предоставлял «достоверные данные о прошлых судьбах русского народа»¹.

Д.В. Цветаев определял А.Г. Брикнера как ученого, стоящего «вне партий»: будучи «представителем» в русской исторической науке «немецкой» школы и в известной мере «немецких» воззрений, А.Г. Брикнер ценил и «поборников начал русско-византийских», если в их работах находил «приложение правильного научного метода, документальную проверку и исправление прежних фактов...»².

Однако и современники А.Г. Брикнера, и представители историографии нашего времени, подчеркивая значение ученого не только как «популяризатора» и «пропагандиста» российской науки в Европе, но и как серьезного исследователя, открывшего много новых тем и значительно пополнившего источниковедческий корпус³, обычно обходят вниманием его вклад в разработку теоретических проблем исторической науки, в расширение поля исторических дисциплин⁴. В некрологах об этом говорилось весьма лапидарно⁵.

Е.Ф. Шмурло, характеризуя «широкую область» научных интересов А.Г. Брикнера, выделил такие позиции, как «историография и методология истории, критика и издание документов»,

¹ См.: Русское слово. 1896. № 303. С.545-546.

² Цветаев Дм. Александр Густатович Брикнер. 24 июля 1834 – 4 октября 1896 г. // Русское обозрение. 1896. Кн. 12. С. 861.

³ К сожалению, до сих пор полноценного биоисториографического исследования, посвященного А.Г. Брикнеру и его наследию, ни в российской, ни в украинской науке нет.

⁴ См., например: Колесникова С.Ю. Популяризация образа Петра Великого в контексте русско-немецкого диалога: (1870-е гг.) // Известия Саратовского университета. Новая серия, Сер.: История. Международные отношения. 2013. Вып. 3. С. 14-20; Она же. Периодическая печать и коммуникативное поле исторической науки второй половины XIX в.: А.Г. Брикнер // Платоновские Чтения. ХУШ Всероссийская конференция молодых историков (Самара, 7-8 декабря 2012 г.). Материалы и доклады. Самара, 2012. С. 123-125 и др.

⁵ В публикации в связи с 30-летием научной деятельности А.Г. Брикнера «Историческое обозрение» ограничилось фразой: «Наконец, пр. Брикнер написал еще несколько статей по теории истории». См.: Историческая хроника // Историческое обозрение. 1892. Т. 4. С. 296.

а давая обзор трудов ученого, поставил в качестве первого раздела «Теорию и пропедевтику истории», ограничившись, однако, лишь перечислением нескольких публикаций А.Г. Брикнера (преимущественно рецензий) и не уделив должного внимания содержанию его теоретических построений¹.

Абрис биографии

А.Г. Брикнер (1834-1896) – из семьи обрусевших уроженцев Финляндии немецкого происхождения – окончил Петропавловское училище в Санкт-Петербурге, затем слушал в Гейдельбергском, Йенском и Берлинском университетах (1857-1860) лекции Л. Гейсера, И.Г. Дройзена, Куно Фишера, Леопольда фон Ранке, Августа Бека и других крупнейших ученых. В 1860 г. защитил в Гейдельберге диссертацию на степень доктора философии; в 1864 г. в Санкт-Петербургском университете получил степень магистра истории за диссертацию «Медные деньги в России (1556-1563) и денежные знаки в Швеции (1716-1719)» и здесь же в качестве приват-доцента стал читать курс лекций «Введение к новой истории» (1865/1866). После защиты докторской диссертации в Дерптском университете в 1867 был утвержден с 29 апреля 1867 г. экстраординарным, с 30 декабря 1867 г. ординарным профессором по кафедре всеобщей истории Новороссийского университета, в котором проработал до 1872 г.

Ремарка-info. В некоторых биографических статьях указывается дата 1871 год, однако в Новороссийском университете в 1871/1872 академическом году А.Г. Брикнер полностью прочитал годичный курс по истории Французской революции, кроме этого он читал курсы по «Истории хозяйства», «Энциклопедии истории» и проводил практические занятия. В конце октября Новороссийский университет был закрыт почти на месяц в связи с т.н. «Богишичевской историей» (инцидент между проф. Богишичем и студентами-юристами), и в это «безвременье» А.Г. Брикнер принимал студентов дома, «за вечерним чаем». После экзаменов, летом 1872 г., студенты факультета и его выпускники (в основном работающие

---

¹ Шмурло Е.Ф. А.Г. Брикнер // Журнал Министерства народного просвещения. 1897. № 2. Отд. 4. С. 120, 124-125.

в Одессе преподаватели разных учебных заведений) в количестве 40 человек устроили своему любимому профессору «прощальный пир». Среди участников были Г.Е. Афанасьев и С.Н. Южаков¹.

С нового учебного года А.Г. Брикнер продолжил свою деятельность уже в Дерптском университете, затем – до 1891 года – в Казанском. Последние годы его жизни в Российской империи были осложнены политическими гонениями на представителей т.н. «балтийского течения» в интеллектуальной элите; уволенный в 1891 г. из Казанского университета (в котором он числился номинально), он переехал в Йену, где и умер в 1896 г.²

Ремарка-info. Во многом эта т.н. «кампания» была связана с преобразованием Дерптского университета из регионального (со своими специфическими традициями, в том числе чтением лекций на немецком языке) в общероссийский. Е.Ф. Шмурло, сменивший А.Г. Брикнера в Дерптском (Юрьевском) университете, отмечал, что отдельные русские издания обвиняли немцев в желании «разрушить университет, восстановить в нем господство немецчества», однако истинная цель этой «лживой кампании» - «обрусить не только Юрьевский университет, но и весь Остзейский край», при этом использо-

¹ См.: *Колянковский А.* Профессор А.Г. Брикнер // *Голос минувшего*. 1913. № 9. С. 158-167; *Маркевич А.И.* Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета: Историческая записка и академические списки. Одесса, 1890. С.427.

² См. о нем: Государственный архив Одесской области. Ф. 157. Оп. 1. Д. 120. 5 лл.; Обзорение преподавания наук в Императорском Новороссийском университете за 1868/69 учебный год. Одесса, 1869. С. 1-3; Протоколы Совета Императорского Новороссийского университета. 1869, 23 декабря. [Одесса. 1869]. С. 170-171 и др. См. также: *Маркевич А.И.* Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета: Историческая записка и академические списки. Одесса, 1890. С. 197-200; *Иконников В.С.* Александр Густавович Брикнер (ум. 3 ноября 1896 г.). Историческая поминка // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. 1898. Кн. 12., отд. 1. С. 43-53; *Шмурло Е.Ф.* А.Г. Брикнер // Журнал Министерства народного просвещения. 1897. № 2. Отд. 4. С. 117-157; *Цветаев Дм.* Александр Густавович Брикнер. 24 июля 1834 – 4 октября 1896 г. // Русское обозрение. 1896, кн. 12. С. 842-861; *Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / Составление, вступительная статья, подготовка текста, комментарии и биографический словарь-указатель И.В. Тункиной. М., 2008. С. 116-118; *Колянковский А.Л.* Профессор А.Г. Брикнер // *Голос минувшего*. 1913. № 9. С. 158-167; *Плесская-Зебольд Э.Г.* Одесские немцы. 1803-1920. Одесса, 1999. С. 285-287; Профессор Одесского (Новороссийского) университета. Биографический словарь. Том 2. А-И. Одесса, 2000. С. 147-149; *Горелова С.И.* Александр Густавович Брикнер – историк и педагог // Вопросы истории. 2002. № 11. С. 161-167; *Одеські історики. Енциклопедичне видання. Том 1 (початок XIX – середина XX ст.).* Одеса, 2009. С. 72-74 и др.

вались методы «клеветы и “подтасовки фактов”»¹.

А.Г. Брикнер, имея недворянское происхождение, в 1876 г. получил чин действительного статского советника, соответствующий военному чину генерал-майора и предоставивший его носителю право потомственного дворянства.

Будучи в Йенском университете, А.Г. Брикнер работал преимущественно в историческом семинарии И.Г. Дройзена², написав несколько рефератов по всеобщей истории. Название своего первого теоретического курса в Новороссийском университете «Энциклопедия и методология истории» А.Г. Брикнер позаимствовал у И.Г. Дройзена.

Ремарка-info. И.Г. Дройзен читал курс «Энциклопедия и методология истории» в Берлинском университете на протяжении 1857-1883 гг., позаимствовав в свою очередь это название у Филиппа Августа Бека (1785 - 1867), выдающегося немецкого историка и филолога, профессора Берлинского университета, чьи лекции по «Энциклопедии и методологии филологических наук» он слушал в студенческие годы³.

Впоследствии А.Г. Брикнер поддерживал отношения с И.Г. Дройзеном, которого считал наиболее интересным в блистательной плеяде берлинской профессуры. В.С. Иконников, в частности, во время пребывания в Берлине в 1872 г. смог пообщаться с этим крупнейшим ученым и послушать его лекции исключительно по рекомендации А.Г. Брикнера⁴.

А.И. Маркевич и А.Л. Колянковский, бывшие студенты А.Г. Брикнера, вспоминали о нем как о человеке добром и отзывчивом, который «относился к студентам отечески», помогал не только советом, но и «в материальной форме»: студенты, посещавшие профессора дома, всегда встречали «радушный прием» и «готовность быть существенно полезным». Лекции А.Г. Брикнер читал «образно», «живо и горячо», увлекаясь процессом чтения; его занятия

¹ См.: Горелова С.И. Александр Густавович Брикнер – историк и педагог // Вопросы истории. 2002. № 11. С. 164.

² Е.Ф. Шмурло называет А.Г. Брикнера учеником Л. Гейссера и И.Г. Дройзена. См.: Шмурло Е.Ф. А.Г. Брикнер. С. 123.

³ См.: Дройзен И.Г. Историка / пер. с нем. Г.И. Федоровой; под ред. Д.В. Складнева. СПб., 2004. С. 11.

⁴ См.: Ульяновський Василь. Знаний і незнаний Володимир Іконников // Іконников Володимир. Історичні портрети. К., 2004. С.45.

всегда были полны слушателями: профессор знакомил студентов с новыми работами и новыми взглядами, не навязывая своей позиции и предоставляя молодежи самостоятельность в выводах. «Громадную пользу», считали бывшие студенты, приносили практические занятия, которым сам А.Г. Брикнер придавал огромное значение. Он не просто заимствовал опыт исторических семинариев И.Г. Дройзена, но предложил свое понимание их места в системе русского университетского образования. В германских университетах исторические семинарии имели самостоятельный статус и не были связаны с лекционными курсами. В своей педагогической практике А.Г. Брикнер соединил лекции и семинары в единый учебный комплекс¹: лекциям он придавал характер введения в самостоятельное изучение предмета, на практических шла работа с памятниками², заслушивались и обсуждались рефераты – «происходил живой обмен мнений и взглядов» (А.Л. Колянковский).

Достаточно хорошо характеризует А.Г. Брикнера его самооценка: «Я не жрец науки... я не профессор, а студент, потому что “studium” значит – “любимое занятие”»³.

А.Г. Брикнер и историография

А.Г. Брикнер – среди основоположников дисциплинарных традиций историографии в Новороссийском университете: он был практически первым, кто начал читать теоретические курсы на Историко-филологическом факультете: «Энциклопедия и методология истории» (с 1867/68 академического года) и «Историческая критика» (с 1868/69 академического года; этот специальный курс слушали не только студенты-историки, но и студенты юридического факультета).

А.Г. Брикнер, в сущности, оставил нам свою программу создания *истории истории*, появление которой отражало специ-

---

¹ Эта традиция утвердилась в общероссийских и затем советских университетах на долгие годы; в современной системе университетского образования в Украине и России практикуют обе формы: лекции плюс практические и семинары как самостоятельный вид занятий.

² См.: *Брикнер А.Г.* О так называемых исторических семинариях при университетах Германии // Журнал Министерства народного просвещения. 1870. № 12. С.147-180; *Он же.* О практических упражнениях при преподавании новой русской истории в университетах // Там же. 1876. № 6. С. 17-42 и др.; *Шмурло Е.Ф.* А.Г. Брикнер. С.119, 123.

³ Цит. по: *Колянковский А.Л.* Профессор А.Г. Брикнер. С.166.

фику дисциплинарного поля исторического знания в российской науке. Крупных работ теоретического характера по этой проблематике у А.Г. Брикнера нет, однако его «Речь», произнесенная на Торжественном собрании в Новороссийском университете 30 августа 1968 г., свидетельствует об общей направленности его рефлексии в теоретических координатах И.Г. Дройзена и одновременно отражает самобытность его категориального профиля¹.

А.Г. Брикнер сконструировал достаточно четкий образ нового направления исторических исследований, предметом которого, по его мнению, выступает *история исторической науки*².

Представления ученого об *истории истории* включают:

- «имя» новой области исторического знания
- проблемное поле
- значение новой отрасли для самой исторической науки и ее статус в системе наук.

Об имени. На протяжении XIX столетия в сообществе историков шел интенсивный поиск наименования новой области исторического знания. Более двух десятков названий было предложено для *истории истории*: «литература русской истории», «литература науки русской истории», «обозрение литературных мнений», «историческое ведение», «историческое деписание», «история русского самопознания», «течения исторической мысли», «разработка русской истории», «история русской истории», «история работы русской мысли над русской историей», «история русской исторической литературы», «критическая российская история», «история критики», «историческая критика», «наука литературы русской истории», «история науки», «история истории», «история исторической науки», «история историографии», «русская / украинская / западноевропейская историография» и др.

В лексиконе А.Г. Брикнера несколько понятий.

1. Сама родовая наука выступает под «именами»:

- история
- историческая наука.

---

¹ См.: Брикнер А.Г. О главных задачах исторической науки // Краткий отчет о состоянии и действиях Императорского Новороссийского университета в 1867/8 академическом году. Одесса, 1868. С.3-17.

² Акцент на историю *науки* отразил сциентизацию мировоззрения в XIX веке.

2. «Искусство историографии» он не связывает с наукой – это синоним «историописания», создания сочинений на историческую тематику.

3. «История во второй степени» имеет два имени:

- история истории
- история исторической науки.

4. «История историографии» это –

- история общей литературы истории
- история исторической литературы.

При этом «историю историографии» он рассматривает как часть «истории истории».

«История историографии» как «история исторической литературы» имела, согласно Брикнеру, давнюю традицию, последователи которой ограничивались оценкой литературных достоинств отдельных исторических сочинений и занимались «разбором» конкретных историков – Фукидида, Ранке, Шлоссера и др.

Общие очерки, констатировал А.Г. Брикнер, встречались редко; среди них он выделял диссертацию М.Н. Петрова (Харьковский университет) «Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции» (1861).

О проблемном поле. В проблемное поле *истории исторической науки* А.Г. Брикнер включал несколько содержательных блоков.

Во-первых, он не отрицал важности уже определившихся проблемных линий:

- изучение исторических памятников, выявление достоверности их фактической базы, «составление каталогов исторических материалов» и проч. – все, что позже составит предмет собственно *источниковедения*;
- история историографии – работы, в которых акцент делался на определение «литературного достоинства исторических сочинений» конкретных авторов;
- изучение истории «национальных историографий».

Во-вторых, новые проблемные блоки *истории исторической науки*, по мнению А.Г. Брикнера, должны были включать:

- историю «метода в исторических занятиях»; эту проблему А.Г. Брикнер ставил на первое место, обозначая предмет *истории истории* и расшифровывая круг исследовательских задач, входящих в *историю метода*:

- определение «понятия» о «критике» – появление и разработка новых групп исторических материалов, «сообразно с которыми и должен... изменяться метод», т.е. – «развитие критики» в исторических исследованиях «при занятиях историей»;
- историю «различных видов и форм исторических сочинений»:
  - рассказа
  - «исследования и рассуждения»
  - «общих и монографических сочинений», т.е. – эволюцию, *историю жанров исторических работ*;
- «постепенное развитие понятия о всеобщей истории», истории человечества, о «развитии национальной и космополитической истории», «истории периодизации истории», выяснение причин, обуславливавших развитие конкретного понятия; эта линия по сути должна была составить *историю понятий*;
- изучение вопросов «об отношении эпох к эпохам», «о том, каковы были исторические воззрения... в новой истории в отношении к средним векам и к древней истории и т.п.» открывало важнейшее направление – *историю исторических образов, историю восприятия современниками предшествующих эпох* в общем русле *проблемной историографии*;
- в самостоятельный проблемный блок должна входить *история предмета исторической науки* – «какие области развития человечества, в какое время были преимущественно объектами исторического разбора»; изучение эволюции предмета исторической науки, по мнению А.Г. Брикнера, должно опираться на анализ конкретного исторического периода, причин и условий, которые детерминировали интерес к определенной проблематике и перемещение исследовательского фокуса.

О значении. Проблема определения значимости новой ветви исторического знания – *истории истории*, связана в концепции А.Г. Брикнера с выяснением научного статуса самой исторической науки. Условием превращения истории в науку он считал переход от «количественного труда» (сбора материалов для исследований «частного порядка») к «качественному труду», суть которого – в осознании значения своей науки, ее теории, метода, задач, места «в кругу наук», т.е. *в создании рефлексивного блока исторического знания*.

Решение данных проблем истории обычно уступали философам. Задолго до Р.Дж. Коллингвуда, который решительно заявил, что «...задачи, поставленные перед “философией истории” Вольтером и Гегелем, способна решить только сама историческая наука», А.Г. Брикнер пришел к выводу о том, что деятельность историка не может ограничиваться «изложением» и «толкованием» «общей связи между фактами», но: «...историк должен быть философом истории, между тем как философ никак не может быть философом истории, не будучи историком, т.е. специалистом в области исторической науки».

Определение истории как области знаний, изучающей историю прогрессивного развития человечества, является, по мнению А.Г. Брикнера, первым шагом на пути превращения этой области в системное – научное знание. Но для того, чтобы историческая наука состоялась, необходимо:

- «определить известные начала для группировки исторического материала»
- создать «правила для разработки материала каждой группы»
- «внимательно всмотреться в историю приемов исторической науки по настоящее время»
- «заняться разбором об отношении истории к другим наукам, о методе последних»
- выяснить связь «различных областей человеческого развития между собой».

Только в результате решения этих проблем «будет возможно создать метод исторической науки», а само решение этих вопросов предопределяет, по мнению ученого, разработка *истории истории*.

Рассуждая о состоянии историко-научной ветви исторического знания, А.Г. Брикнер приходит к выводу о том, что «история многих других наук гораздо более разработана, чем история исторической науки», ибо историки еще не пришли к осознанию важности знания *истории собственной науки* как условия ее дальнейшего развития. История отдельных наук, по мнению А.Г. Брикнера, представляет собой различные области собственно истории, предмет которой имеет широчайшее пространство.

История наук, в которую должна входить и история исторической науки, «составляет важную часть истории умственного развития...историю идей в вековом развитии человечества вооб-

ще...» [курсив мой. – Т.П.].

Соединив понятия *развитие*, *совершенствование* с понятием *прогресса*, А.Г. Брикнер рассматривает историческую науку как всеобъемлющую научную область, сфокусированную в своем познавательном интересе на многообразии сторон и форм развития.

Среди этих форм важнейшая роль принадлежит *истории идей*, в структуре которой – *история исторических идей* = *история истории* = *история исторической науки*, по терминологии А.Г. Брикнера.

Функциональное предназначение истории исторической науки не только в собственной значимости изучения определенной сферы (интеллектуальной) исторического процесса, но в реализации самопознания (самоанализа) родовой исторической науки, способствующего ее самоидентификации.

Терминология, используемая А.Г. Брикнером, характерная для его времени (1860-е годы) – эпохи незавершенности процесса институционализации и дисциплинаризации исторической науки, начального этапа в поисках научного лексикона, формирования категориального аппарата, – поражает глубиной содержания и точностью избранных понятий, утвердившихся в инструментарии исследователей значительно позже и имеющих широкое применение в наше время.

Концепция *истории исторической науки*, предложенная А.Г. Брикнером, включает образ новой науки – *истории истории*, которая предстает в качестве цельного блока историко-научного знания с широчайшим проблемным полем (многие проблемные линии, намеченные ученым, далеко еще не реализованы в историографической практике сегодняшнего дня либо делают первые исследовательские шаги), неразрывно связанного с *теорией истории*, *общей историей науки*, *интеллектуальной историей* (историей идей) и *источниковедением*.

А.Г. Брикнер и источниковедение

Среди важнейших параметров дисциплинаризации научного знания – появление его *имени*, которое выступает институциональным маркером – одним из показателей социализации нового когнитивного образования.

В Дерптском университете (1872-1891) А.Г. Брикнер продолжил чтение теоретических дисциплин: «Теория истории», «Обозрение исторической литературы России», «История истории России»¹ и др. Осмысление проблем исторической критики, анализ литературы по разработке русской истории заставили ученого сконцентрировать внимание на источниковедческих аспектах исследовательской практики, что неизбежно привело его к пониманию необходимости терминологически обозначить новый раздел в познавательной деятельности историков.

Вопрос о поисках «имени» нового направления в области работы с источниками, пожалуй, первой поставила Р.А. Киреева. Анализируя научную терминологию XIX в. и практику применения различных понятий, она констатировала неразработанность вопроса о дисциплинарном наименовании источниковедения: «...в научной литературе этот нюанс до сих пор не учитывался»². С тех пор проблема дисциплинаризации источниковедения и появления дисциплинарного самоназвания получила определенное освещение в современной историографии.

И.М. Гарскова и В.И. Дурновцев считают, что «рождение» нового понятия «связано, скорее всего, с именем профессора Дерптского университета А.Г. Брикнера»³: отдавая должное работе К.Н. Бестужева-Рюмина по анализу источников русской истории, подчеркивая его роль как автора первого труда по этой теме, А.Г. Брикнер употребил формулу *источниковедение русской истории*⁴.

В отношении «родоначальника» нового термина еще много спорного. Рассматривая вопрос о «первенстве», ученые называ-

---

¹ К сожалению, тексты этих лекций мне неизвестны; было бы желательным проанализировать развитие идей ученого, сформулированных в одесский период, – в период дерптский.

² Киреева Р.А. К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М.: Наука, 1990. С. 86.

³ Гарскова И.М., Дурновцев В.И. (Москва) Отечественное историческое источниковедение: заметки «о старом и новом» // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития. Материалы XXVII Международной научной конференции, Москва, 9-11 апреля 2015 г. / редкол.: Ю.Э. Шустова (отв. ред.) и др. Москва, 2015. С. 15.

⁴ См.: Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. СПб., 1872-1875. Т.1-П; Брикнер А.Г. Об учебных пособиях при изучении истории России // ЖМНП. 1876. № 7. С. 7. См. также: Бельский И.Л. Источниковедение историческое // Источниковедение. Проблемные лекции. М., 2005. С. 100-112.

ют ряд имен: среди них – А. Шлецер (1768), А.А. Куник (1841), М.Н. Петров (1861), К.Н. Бестужев-Рюмин (1872). Однако у А. Шлецера в работе «Probe russischen Annalen» (Bremen; Göttingen, 1768)¹ речь идет об *источниках* русской истории: «...за летописями остается честь быть единственным главным источником русской истории»², при этом слово *источник* автор определял термином *quelle*.

О.В. Семерицкая и М.Ф. Румянцева считают, что термин «источниковедение» впервые в российской исторической науке употребил А.А. Куник (1841), заимствовав его из немецкой историографии («Quellenkunde»)³. М.Н. Петров (1861) и К.Н. Бестужев-Рюмин (1872) переводили термин «Quellenkunde», получивший распространение в немецкой научной литературе, как «критическое изучение источников национальной истории»⁴.

Возможно, подобный перевод, а также выделение К.Н. Бестужевым-Рюминым темы «Историческая критика» во Введении к первому тому «Русской истории» способствовали распространению понятия «историческая критика / источников /». Во всяком случае, этой формулой российские историки пользовались достаточно долго.

Поиск наименования новой области знания (тем более на ранних стадиях ее институционализации) всегда противоречив, многообразен и занимает подчас длительный период времени. Так было с поиском имени для дисциплины «историография», аналогично обстояло и с утверждением самоназвания «источниковедение».

В XIX веке в термин *археология*, например, как «учения о древностях», включался в обязательном порядке анализ источни-

¹ Переводят эту работу по-разному: «Опыт русского летописания», «Опыт анализа русских летописей», «Опыт изучения русской летописи».

² Schlözer A.L. Probe russischen Annalen» (Bremen; Göttingen, 1768. S. 179. Цит. по: Проништейн А.П. Источниковедение в России. Эпоха феодализма. Ростов-на-Дону, 1989. С. 128, 377.

³ См.: Семерицкая О.В. Журнальный «текст-источник» в историографии и науковорчестве // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX междунар. науч. конф. Москва, 31 янв. – 2 февр. 2008 г.: в 2 ч. Часть 2. М., 2008. С. 581-584; Румянцева М.Ф. Источниковедение и историография в структуре исторической науки: опыт сравнительного анализа становления дисциплинарности // Харківський історіографічний збірник. Харків, 2014. Вип. 13. С.103.

⁴ Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т.1. С. 12. Гарскова И.М., Дурновцев В.И. (Москва) Отечественное историческое источниковедение: заметки «о старом и новом». С.15.

ков. Для русистов было практически правилом использовать формулу *источники русской истории*: В.О. Ключевский свой университетский курс по источниковедению также назвал «Источники русской истории».

Вполне вероятно, что именно А.Г. Брикнеру принадлежит заслуга введения нового понятия на *русском* языке и применительно к *сфере* изучения источников *русской истории* (1876).

А.Г. Брикнер не только сам много сделал для практического источниковедения (опубликовал и ввел в научный оборот новые, неизвестные ранее источники)¹, но и представил программу подготовки фундаментального многотомного пособия по источниковедению русской истории. Концепция пособия включала не только обзор отдельных видов источников и их классификацию, но *общее источниковедение русской истории*, которое должно было стать, по мнению автора, содержанием «последнего и чуть ли не самого важного тома источниковедения», включив свод всех источников «по эпохам русской истории» и «по отдельным предметам».

Дисциплина источниковедение – специфика общероссийской исторической науки; ее возникновение было тесно связано с исследовательской практикой, с появлением и развитием корпуса вспомогательных исторических дисциплин, с развитием исторической критики источников и в целом – рефлексивного ландшафта исторической науки – важнейшего показателя институционализации и дисциплинаризации самой истории как науки.

К.Н. Бестужев-Рюмин, характеризуя состояние современной ему исторической науки (1850-е годы), пришел к выводу о том, что критическая разработка памятников «пока еще имеет вид предварительных заметок», которые «не собраны в одно целое»². По сравнению с Западной Европой, где уже была проведена значительная работа над историческим материалом – многочисленные издания источников с комментариями, разработка критического метода и проч., в России такая работа, по мнению ученого, только начиналась: существующие издания памятников не вполне «удовлетворя-

¹ См., например, «Материалы для жизнеописания графа Н.П. Панина» (Ч. I – VII, СПб., 1888-1892), «Об издании дневника Храповицкого» (Дерпт, 1876) и др.

² *Бестужев-Рюмин К.Н.* Современное состояние русской истории, как науки // Московское обозрение. 1859. Кн. I. С. 57.

ют самым первым требованиям исторической критики»¹. При этом опыт западноевропейской науки не всегда мог быть заимствован историками, обратившимися к отечественной истории.

В.О. Ключевский одним из первых указал на специфику «информационного пространства двух культурных ареалов» – русского и западноевропейского². Этот факт позволил ученому сделать вывод и о специфике формирования самой исторической науки в России и на Западе³.

Собственно речь у В.О. Ключевского («Источниковедение. Источники русской истории. Лекция 1») шла об *исторической критике*, которая для него выступала не просто «вспомогательной наукой», но содержанием *научного изучения истории*: «Наша историография, – по мнению ученого, – еще надолго должна оставаться преимущественно исторической критикой».

Историческая критика, включающая *критику текстов*, передающих исторические факты, и *критику фактов* [курсив: В.О. Ключевский. – Т.П.], воспроизводимых текстами, должна формироваться, считал В.О. Ключевский, в зависимости от специфики материала, с которым работает историк, изучающий национальную историю – *местную историю* [курсив мой. – Т.П.] Франции, России и проч. Специфика источников по «местной» (по сути – национальной) истории, определяющая и специфику методов, приемов их обработки, обуславливает местные особенности исторической критики, в связи с чем, заключал В.О. Ключевский, «...может быть особая, *местная историческая критика* (курсив мой. – Т.П.), например, французская, русская...».

Западная наука начиналась, по его мнению, с работы «над источниками истории античного мира» – «почти исключительно» литературными памятниками, произведениями «личного творчества»; соответственно вырабатывались и доведенные «до педантизма твердые приемы» исторической критики.

Источники русской истории [так же, как и украинской – Т.П.] –

¹ Бестужев-Рюмин К.Н. Рец. на кн.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т.1-9. М., 1852-1859; Т.10. СПб., 1860 // Отечественные записки. 1860. Т. 32. № 9. С. 13-15.

² См.: Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. С.169-170.

³ См. подробнее: Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах. Одесса, 2007. С.187; Она же. Историография в контексте дисциплинарных традиций // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2011. С.485-486.

преимущественно летописи и акты, которые в значительной мере «писания без писателей», «безличные произведения письменности» [курсив: В.О. Ключевский. – Т.П.]: их изучение потребовало и несколько иных «критических приемов».

Таким образом, В.О. Ключевский настаивал на том, что «местные» особенности исторической критики напрямую связаны «со свойством исторических источников», которые «не везде однородны».

Практическая работа с источниками по изучению русской истории с их спецификой обусловила создание *местной исторической критики*, которая заняла самостоятельную нишу в структуре общероссийской исторической науки и постепенно трансформировалась в особую дисциплину – *историческое источниковедение*. В Российской империи в начале XX в. источниковедческие курсы под разными названиями читались практически во всех университетских центрах.

В Новороссийском университете чтение теоретико-методологических курсов имело достаточно широкую практику. Источниковедческим по характеру был курс А.Г. Брикнера «Историческая критика». Его традицию чтения лекций и проведения практических занятий продолжили другие преподаватели русской и всеобщей истории. Источниковедческого плана лекции – «Обзор важнейших источников и пособий для знакомства с русской историей», «Чтение и разъяснение источников по древней русской истории» и т.п. (Г.И. Перетяткович), «Обзор повествовательных сочинений Юго-Западной России XVI-XVIII вв.», «Чтение с комментарием повествовательных сочинений Юго-Западной России XVI-XVIII вв.» (А.И. Маркевич), «Царствование Ивана Грозного. Обзор источников и литературы эпохи» (А.Е. Белюгов), обязательное проведение практических занятий как дополнение к основному курсу – общему или специальному – было характерно для педагогической деятельности И.А. Линниченко, Е.П. Трифилева, П.А. Иванова и других представителей кафедры русской истории. «Всеобщники» – Ф.И. Успенский, Е.Н. Щепкин, П.М. Бицилли и др. – также имели обязательные курсы источниковедческого плана. В.Э. Крусман, например, читал «Систематическое источниковедение по новой истории», а на практических занятиях приобщал студентов к анализу различных видов исторических источников: мемуар-

ной литературы XVI-XIX веков, газетных изданий Франции и Германии XVII-XVIII веков, историко-политических трактатов эпохи Возрождения и Просвещения и др.

На специфику дисциплинарных традиций в области источниковедческой практики в России и на Западе указывают и современные авторы: дисциплинарного оформления источниковедения в западной науке не произошло – вопросы работы с источниками «растворились» в общих проблемах методологии истории и были включены в образовательную (пропедевтическую) и конкретно-историческую практику; что касается терминологии, то «западный эквивалент» дисциплины «Источниковедение» в традициях «русской / советской / российской историографии» – это понятия «Sources history» (англ.), «Historique des sources» (фр.), «Quellen Geschichte» (нем.)¹.

Вместо выводов: акценты

1. Дисциплинаризация новых областей исторического знания происходила в формировании единства двух ликов дисциплины – дидактического (учебного) и исследовательского (собственно, научного), с выдвиганием на первый план того или иного лика в зависимости от уровня и специфики институциональных процессов. «Университетская наука» XIX в., для которой было характерно то, что «научный лик» выступал в качестве эпифеномена учебно-преподавательской деятельности ученых – университетской профессуры, во многом детерминировала складывание дисциплинарной организации науки.

2. В восточноевропейском научном ареале рефлексивное поле *отечественной истории* как дисциплины получило более четкую конфигурацию. Среди причин – потребности в создании *собственных* исследовательских приемов, в систематизации *собственного* источниковедческого массива и проч. А.Г. Брикнер, прекрасный знаток не только западноевропейской истории, но ставший блиста-

---

¹ См.: Соколов А.К. Введение // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. М.: Высшая школа, 2004. С.59; Гарскова И.М., Дурновцев В.И. (Москва) Отечественное историческое источниковедение: заметки «о старом и новом» // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития. Материалы XXVII Международной научной конференции, Москва, 9-11 апреля 2015 г. / редкол.: Ю.Э. Шустова (отв. ред.) и др. Москва, 2015. С. 20.

тельным русистом, прекрасно владевшим русским языком, в отличие от многих специалистов по русской истории более глубоко знал различия в научных традициях Европы и России, специфику источниковедческого корпуса двух научных пространств. Отсюда данное им название – *источниковедение русской истории*. Одновременно *историография* как *история истории* стала необходимым «приемом» в осмыслении эволюции исследовательских методов и накопленного предшествующими поколениями ученых – в первую очередь, русистов – опыта. Не стоит забывать и о библиографической работе, с которой, собственно, начиналось и источниковедение («*Quellenkunde*» в немецких университетах), и во многом – историография.

3. Специфика университетской системы в Российской империи с ее более регламентированным подходом к дисциплинарной системе обучения, с единой практикой университетской жизни, общими нормативами и т.п., способствовала тому, что «всеобщники», которые в большей мере тяготели к университетскому опыту Запада, стали ориентироваться на опыт русистов. В начале XX в. сложился единый университетский канон подготовки историков: курсы по источниковедению, историографии, методологии истории, вспомогательным историческим дисциплинам и проч. вошли в повседневную практику «отечественников», «всеобщников» и представителей других разделов науки. Исследовательская ипостась рефлексивных дисциплин одновременно получила новый импульс.

4. Р.А. Киреева справедливо подчеркнула: «... сильная сторона научного метода Бестужева-Рюмина состояла в соединении источниковедческого и историографического анализов, и это было его бесспорным завоеванием»¹. А.Г. Брикнер, констатируя в 1860-е гг. незавершенность процесса «превращения» истории в науку и выделяя первостепенные задачи для того, чтобы историческая наука все-таки состоялась, также соединил источниковедческие и историографические проблемы: решение вопросов классификации «исторического материала», создание «правил» для работы с различного вида источниками и изучение *истории* «приемов исторической науки по настоящее время». Восприятие историками XIX в. синтеза

---

¹ Киреева Р.А. К.Н.Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М.: Наука, 1990. С.80.

источниковедческо-историографических компонентов в историческом исследовании отражало общую тенденцию начальных этапов формирования рефлексивного поля исторического знания – относительную нерасчлененность его составляющих.

«Процесс вычленения» рефлексивных ветвей «из недр» исторического знания, «разделение функций» историографии, источниковедения и исторической библиографии – «определенная ступень» в их развитии¹, приведшая в итоге к формированию самостоятельных научных дисциплин «в полной мере – только в специфическом советском контексте»².

5. Сегодня в развитии рефлексивного пространства исторической науки характерны противоречивые явления: на когнитивном уровне происходит сближение теоретико-методологических и источниковедческо-историографических составляющих исторического знания, на инфраструктурном – сохраняет свои позиции дисциплинарная организация науки. Столкновение традиций в современном дисциплинарном мире, его модификации, неоднозначность и отсутствие достаточно ясной картины самого дисциплинарного процесса заставляют обращаться к его истокам и творчеству тех ученых, кто закладывал основы дисциплинарности двух важнейших ветвей исторического знания – *историографии* и *источниковедения*³.

---

¹ Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М.: Наука, 1983. С.207

² См. подробнее: Источниковедение: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцев; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 685 с.

³ В основе текста см.: Попова Т.Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М.А., 2017. С. 137-156 [Раздел: Александр Густавович Брикнер: у истоков дисциплинарных традиций].

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ МАРКЕВИЧ: личность и творчество (К 175-летию со дня рождения)

*Лелей в уме своем мечты о жизни вольной,
Но в жизни торною дорогою ступай.*
А.И. Маркевич

Новороссийский университет, считавшийся провинциальным на фоне столичных – Петербургского и Московского – со дня своего основания и до времени упразднения (1865-1920), тем не менее пополнил историографический пантеон учеными разного «калибра».

Одни стали «классиками» еще при жизни и оставались таковыми в последующей литературной традиции (Ф.И. Успенский, Р.Ю. Виппер, Э.Р. фон Штерн); другие, малоизвестные в пору своего бытия, вдруг ворвались в мировое научное пространство в последние лет тридцать, заявив о своей принадлежности к великому наследию прошлого (П.М. Бицилли); третьи, весьма почитаемые современниками, позднее канули в полосу забвения, либо претерпели метаморфозы своего образа в интерпретациях разных эпох (И.А. Линниченко, Е.Н. Щепкин); четвертые, не столь известные при жизни, были незаслуженно забыты практически до сего дня (В.Э. Крусман), пятые, рядовые на поприще исторической науки, прошли серой тенью подчас с клеймом «посредственности» через все времена (Е.П. Трифилев). Конечно, это разделение весьма условно, и трудно определиться с «нишами» для всех, кто служил в Новороссийском университете.

Фокус нашего интереса направлен на «повороты» и «вызовы» судьбы, повлиявшие в той или иной мере на формирование личности, проекция которой на творчество конкретного ученого обусловила и характер индивидуального почерка, и доминантную тематику исследований, и репутацию в науке – прижизненную и «в скрижалях» истории.

«Герой» этой биоисториографической анатомии – профессор Новороссийского университета *Алексей Иванович Маркевич* (1847-1903), представлявший пятнадцать лет кафедру русской истории Историко-филологического факультета и прошедший путь от приват-доцента (1880) до ординарного профессора (1893).

Образ А.И. Маркевича в глазах современников

24 декабря 1895 А.И. Маркевич (далее – А.И.) был уволен «от службы согласно прошению». Этот официально-фразеологический камуфляж скрывал истинную причину отставки: возбуждение криминально-политического дела. А.И. обвинили в «неблагонадежности» и в нарушении таможенных норм: ученый провез из Австро-Венгрии в Российскую империю нелегальную литературу, а позже, в процессе прокурорского дознания, в его обширной домашней библиотеке были обнаружены книги и журналы, запрещенные цензурой. А.И. грозил арест, но вмешательство высокопоставленных родственников и друзей привело к тому, что «дело замяли». Мало того, А.И. была назначена пенсия в размере оклада ординарного профессора и предоставлено право ношения соответствующего мундира. Однако в главном, что составляло призвание этого человека, А.И. было отказано: ученый навсегда лишился возможности преподавать в университете.

Трагический «эпизод» в судьбе А.И., приведший к его отставке из Новороссийского университета, существенно не повлиял на его научную репутацию и положение в научном сообществе. А.И. оставался действительным членом многих научных обществ: Одесского общества истории и древностей, Историко-филологического общества при Новороссийском университете, Исторического общества при Санкт-Петербургском университете, Общества Нестора-летописца при университете Св. Владимира, Научного общества имени Т.Г. Шевченко, Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии и др.; действительным членом архивных ученых комиссий – Таврической, Нижегородской, Костромской, Воронежской; участником X съезда русских естествоиспытателей и врачей (Киев, 1898); постоянно публиковался в журналах «Киевская старина», изданиях научных обществ, в «Журнале министерства народного просвещения» и проч.

Особое место в деятельности А.И. занимали Археологические съезды: он был участником II-IV (Санкт-Петербург, 1871; Киев, 1874; Казань, 1877) и VI-XII (Одесса, 1884; Ярославль, 1887; Москва, 1890; Вильно, 1893; Рига, 1896; Киев, 1899; Харьков, 1902) съездов, представляя на них Новороссийский университет, Одесское общество истории и древностей и др.

В постуниверситетский период А.И. избирают действительным членом Императорского Русского археологического общества (1896), Екатеринославской губернской архивной комиссии (1903), отмечая «великие заслуги в деле изучения Южной России»¹; более 200 его работ появляются в центральных и региональных изданиях.

Невероятную активность в последние годы жизни приобретает просветительская деятельность ученого. По отзывам современников, мало кто из известных ораторов в Одессе мог сравниться с А.И. в лекторском мастерстве². В глазах своих почитателей А.И. был не просто профессор-лектор, но «целый подвижной университет»³: «... огромная память, большая эрудиция, находчивость в подыскании предмета, живость и подчас остроумное изложение – таковы были свойства его таланта, привлекавшие слушателей»⁴.

Одновременно А.И. состоял на государственной службе: по Императорскому Человеколюбивому обществу в звании почетного попечителя Одесского женского благотворительного общества и по министерству юстиции в звании почетного мирового судьи г. Одессы; получил чин действительного статского советника (равный по званию генерал-майору); активно работал в Одесском биржевом комитете, был секретарем ревизионной комиссии по богоугодным заведениям Херсонского губернского земства, председателем Комиссии по переработке устава Одесского городского педагогического музея, занимался организацией архивных учреждений в Одессе и проч.

Современники, друзья и коллеги А.И. единодушно отмечали его плодотворную работу в различных обществах и организациях. Ярким показателем того авторитета, который заслужил ученый своей научной и общественной деятельностью, стала церемония его похорон 7 июня 1903 г.

Телеграммы и письма с выражением соболезнования поступили от российских и украинских научных обществ, университетов, ведущих представителей исторической науки: П.С. Уваровой, В.С. Иконникова, М.С. Грушевского, С.И. Иловайского и проч.; венки

¹ Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф.150. Оп.1. Д.125. Л. 11-12, 16.

² Дорошевич В.М. Собрание сочинений. Т.4. Литераторы и общественные деятели. М., 1905. С.97.

³ Линниченко И.А. А.И. Маркевич. Биографические воспоминания и список трудов. Одесса, 1904. С.20-21.

⁴ Афанасьев Г. На могилу А.И. Маркевича // Одесский листок. 1903. 10 июня.

возложили А.Л. Бертъе-Делагард, Э.Р. фон Штерн, Л.Н. Рубинштейн (известный одесский адвокат, из семьи которого вышли четыре доктора наук, в том числе – С.Л. Рубинштейн и Н.Л. Рубинштейн) и др.

А.И. хоронила вся Одесса без разделения на национальности и социальный статус: представители городских властей, общественных организаций, учебных заведений; ученые, коллеги, студенты, рабочие одесских железнодорожных мастерских траурной колонной прошли по улицам города. Многочисленные некрологи свидетельствовали о высокой оценке, которую давали А.И. как ученому, педагогу, общественному деятелю и человеку: «замечательный знаток русской истории», «усердный работник на почве народного просвещения», «великолепный лектор»¹.

Даже с учетом «некрологической панегирики» следует признать, что А.И. оставил достаточно объемное научное наследие. С 1874 по 1903 год – практически за тридцать лет – им было опубликовано около 400 работ², из них 6 монографий (включая курсы лекций) и свыше 20 крупных исследований. Условно весь период публикаторской деятельности можно разделить на «предуниверситетский» (1874-1879), «университетский» (1880-1895) и «постуниверситетский» (1896-1903).

Наиболее плодотворным стал университетский период, за эти годы вышло 160 работ, из них – 4 монографии: «О летописях» (1883); «История местничества в Московском государстве в XV-XVII вв.» (1888); «Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета: Историческая записка и академические списки» (1890); «Григорий Карпович Катошихин и его сочинение о Московском государстве в половине XVII в.» (1895) и 16 крупных исследований: «О русских летописях» (выпуск 2, 1885); «Марко-

¹ Некрологические заметки // Отчет Императорского Новороссийского университета за 1903 год. Одесса, 1904. С.13; *Иловыйский С. Маркевич А.И.: Некролог* // Записки Крымского горного клуба. 1903. № 7. С.3-7; *Рудаков В.Е.* Ал. Ив. Маркевич: некролог // Исторический вестник. 1903. Т. 93, сентябрь. С. 964-970; Похороны А.И. Маркевича // Одесские новости. 1903. 8 июня; Алексей Иванович Маркевич // Южное обозрение. 1903. 6 июля и др.

² Библиографический указатель, посвященный А.И. Маркевичу, включает 408 позиций. Однако следует учитывать два обстоятельства: по мнению авторов, данный указатель нельзя считать исчерпывающе полным, возможна вероятность обнаружения новых публикаций А.И., в первую очередь – его публичных выступлений и статей в прессе; цифра 408 означает лишь количество публикаций, но не наименований работ, которые часто выходили в разных изданиях повторно. См.: Маркевич Алексей Иванович (1847-1903): Биобиблиографический указатель / Сост.: В.В. Самодурова, И.В. Максименко; Науч. ред., автор вступ. ст. Т.Н. Попова. Одесса, 1997. 150 с.

вичи» (1890); «Избрание на царство Михаила Федоровича Романова» (1891); «Описание актов, принадлежащих гр. М.М. Толстому» (1891); «Торговля и промышленность» (1894); «Город Качибей или Гаджибей – предшественник Одессы» (1894) и др.

Однако в отличие от корифеев историографии XIX ст. А.И. не создал многотомных сочинений концептуально-значимого характера. В его творчестве доминировали т.н. «малые формы»: популярные лекции, речи, рецензии, воспоминания, разведки, заметки, публикации и проч.

По дисциплинарно-проблемному принципу в исследованиях А.И. можно выделить несколько срезов:

- всеобщая история, история России, история славян, история Украины, история Одессы и Новороссийского края и др. – первый;
- историография и источниковедение, биографистика и библиография, археография, этнография, генеалогия, дипломатика, историческая география и др. – второй;
- история образования и научных учреждений, история украинской и русской литературы, история казачества, экономическая история и проч. – третий и отнюдь не последний срез его деятельности на поприще исторической науки.

Это многообразие жанров и тематики – достоинство, свидетельствующее о широте творческого диапазона ученого, и одновременно его уязвимость.

Практически все близкие А.И. люди отмечали его невероятную одаренность: огромную работоспособность, исключительную память, широчайшую эрудицию, быстроту реакции, ораторское искусство, оригинальность и искрометность суждений, способность одновременно заниматься разными видами деятельности. Г.Е. Афанасьев, коллега А.И. по университету, известный специалист по истории Франции XVIII в., вспоминал: «На моих глазах он написал доклад в 20 страниц, в котором нужно было обдумывать каждое слово, продолжая разговаривать со мной и слушать музыку жены».

Жизненная наполненность А.И., доброта, безотказность в просьбах кому бы то ни было («Слабость проклятая – неумение отказывать», – говорил он сам о себе с обычным добродушным юмором), привычка скрупулезно относиться к своим многочисленным общественным обязанностям бесспорно отвлекали его от

научной работы, которая требовала самоотверженности и самоотдачи. А.И. напоминал сторуких языческих божков, пытаясь вместить в краткий отрезок человеческой жизни безмерность своих интересов. Возможно, именно поэтому его деятельность во всех сферах – научной и общественной – отличалась, как очень точно заметил друг и коллега А.И. профессор Новороссийского университета И.А. Линниченко, в большей степени экстенсивным характером, ей недоставало глубины и основательности¹.

Сам А.И., со свойственной ему скромностью и критичностью в оценке собственных знаний и трудов, признавался в том, что в его сочинениях «мало школы». Его работам действительно недоставало системности и «академической шлифовки», завершенности форм и мыслей. И если в лекциях – в разговорной речи – «шероховатость» изложения компенсировалась ораторским даром, то в печатных трудах этот недостаток приводил к тому, что практически все рецензенты и критики называли – «многословностью» и «неудобочитаемостью».

Наиболее значительные труды А.И. – его монографии по истории и историографии местничества, которые стали основой магистерской и докторской диссертаций, имели значительный объем даже по канонам историописания XIX в. Рецензенты ведущих исследований А.И. упрекали его в том, что текст более напоминает черновой вариант, нежели завершенное научное сочинение².

Несмотря на весьма жесткую оценку монографий А.И., его репутация в научном мире была достаточно высокой. Об этом свидетельствует хотя бы факт переписки С.Ф. Платонова и П.Н. Милюкова. С.Ф. Платонов, человек закрытый, сдержанно и даже с определенным скепсисом относившийся к импульсивности и сверхобщительности А.И., тем не менее в письме к П.Н. Милюкову (от 24 января 1891 г.; А.И. в это время еще не был ординарным профессором, хотя защитил докторскую диссертацию) пишет: «Сообщу Вам по секрету: А.И. Маркевич <...> не усомнился бы сделать попытку признать Вашу работу докторской, если бы она была подана в Одессу». Ответ П.Н. Милюкова: «Очень мне было лестно

¹ Линниченко И.А. А.И. Маркевич. Биографические воспоминания // Речи и поминки: Сборник статей по истории русской литературы и биографические воспоминания. Одесса, 1914. С.222.

² Критическое обозрение. 1879. № 21. С.24-29; Историческая библиотека. 1880. № 1. С.6-8; Киевская старина. 1883. Т.6. № 8. С.745,748; Русская мысль. 1888, июль. С.337-339.

прочитать в Вашем письме, что <...> Маркевич готов сделать меня доктором...»¹. Речь шла об известных претензиях П.Н. Милюкова придать его магистерской диссертации статус докторской. И хотя легкая ирония присутствует у обоих историков, фигура А.И. признается вполне авторитетной для научной оценки.

Коллеги по ученому цеху дарили А.И. свои работы, и его рецензии (около 50) публиковались в престижных научных изданиях. Среди авторов книг, на которые давал рецензии А.И. Маркевич, – его учителя, известные ученые России и Украины: Ф.И. Леонтович, Ф.И. Успенский, М.Г. Попруженко, В.Г. Васильевский, В.Г. Дружинин, И.А. Шляпкин, А.М. Лазаревский, Арс. И. Маркевич, В.П. Горленко, Н.Н. Оглоблин, Н.Д. Чечулин и многие другие.

Бесспорно, и М.С. Грушевский, упрекавший А.И. за множество «дрібниць» (мелочей), и И.А. Линниченко, считавший, что А.И. в исторической науке взял на себя роль «только рассказчика и библиографа», по-своему были правы. Публичные выступления были формой проявления богатой творческой натуры А.И. – формой его любви к людям, к общению. «Популяризатор в душе», А.И. стремился к народной аудитории, «...просвещение широких масс манило его», – отмечал Г.Е. Афанасьев².

Обладая прекрасной памятью, невероятной эрудицией, ораторским даром, А.И. Маркевич мог практически без подготовки прочесть лекцию на любую тему из области истории и литературы. Его успеху у слушателей способствовали и внешние данные: массивная фигура (уже с молодых лет), крутой, высокий лоб, роскошная шевелюра, громкий отчетливый голос, эмоциональная, свободная речь. Живость, остроумие и доброжелательность в общении привлекало к нему обожавших его слушателей и завораживало любую аудиторию (И.А. Линниченко).

«Редкий библиофил, обладавший громадной памятью, – писал об А.И. его однофамилец и друг Арсений Иванович Маркевич, глава Таврической ученой архивной комиссии (с 1908 г.), – он представлял неисчерпаемый источник сведений, указаний, которыми... охотно делился со всеми»³.

¹ Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н. Милюков) / Под ред. проф. В.П. Корзун. Омск, 2003. С. 90, 238, 244 и др.

² ГАОО. Ф. 157. Оп. 1. Д. 108. Л. 6 об.

³ *Маркевич Арс. И.* Памяти А.И. Маркевича // Известия Таврической ученой архив-

Судьба и личность

А.И. – человек общительный, с живым темпераментом, высоким жизненным тонусом и одновременно отличающийся добросердечием и мягкостью (натура, безусловно, более склонная к экстраверсии, напоминающая гипертимно-эмотивный тип по К. Леонгарду) – получил, вероятно, многие из этих черт «по-наследству».

А.И., «малороссиянин» по паспорту, из старинного рода Марковичей-Маркевичей, прилуцкой его ветви. Среди представителей этого знаменитого шляхетского фамильного клана много ярких, незаурядных личностей, известных своей деятельностью на государственном, общественном, научном и культурном поприще. А.И. гордился своими предками и создал собственную версию истории рода¹.

Истоки формирования личности А.И., конечно, в детстве. Его отец – Иван Петрович (1819-1854), корнет в отставке, служивший в знаменитом Ахтырском гусарском полку и обладавший, вероятно, достаточно пылкой натурой, в значительной мере расстроил родовое имущество.

Однако детство А.И. – обычного барчука из семьи мелкопоместного украинского дворянства - прошло в родовом имении в селе Смоши Прилуцкого района Полтавской губернии. Жизнь была размеренной, всей семьей ездили в гости, в имения к соседям и родственникам. Рядом, в селе Туровка, проживал Н.А. Маркевич, известный историк, с которым отец А.И. был в дружеских отношениях.

Работая в конце своей жизни над биографией Н.И. Костомарова и описывая обстановку, в которой прошли детские годы будущего ученого (воспитание на природе в соответствии с заповедями Жан-Жака Руссо), А.И, возможно, вспоминал и свое детство.

Первоначальное образование А.И. получил домашнее: грамматика и русская литература, математика, история, французский язык. Первыми книгами (А.И. отличался ранним развитием и начал осваивать грамоту с трех лет) стали французские романы, в частности сочинения Поль-де-Кока (1794-1871), которые были известны во всей Европе и многократно переводились на русский язык. Наряду с ними маленький Маркевич читал произведения Н.И. Костомарова. В семье любили русскую поэзию: отрывки из

ной комиссии. 1903. № 35. С.27.

¹ *Маркевич А.И.* Марковичи. Киев, 1890. 55 с.

поэм и стихов Д.В. Давыдова, П.А. Вяземского, А.С. Пушкина, К.Ф. Рылеева (поэма «Наливайко») и др. сохранились в детских тетрадах младшего поколения Маркевичей.

Судя по этим фактам, особой системы в подборе литературы для чтения не было, хотя нельзя не признать, что с малых лет А.И. был знаком с лучшими поэтическими образцами русской литературы первой половины XIX в. Поэзия Дениса Давыдова, вероятно, имела и культовое значение, напоминая о принадлежности главы семейства к легендарному Ахтырскому полку. История «по-Костомарову» не могла не впечатлить маленького Маркевича.

Детский, отроческий и юношеский периоды в жизни А.И. можно условно определить по географическому принципу – месту пребывания нашего героя: «смошинский», «киевский» и «московский».

Первый удар судьбы А.И. испытал в раннем детстве: в семь лет он остался круглым сиротой. Детская идиллия в «смошинские годы» сменилась «годами странствий». Ранние гимназические годы (середина-вторая половина 1850-х гг.) прошли в Киеве¹, однако, не завершив гимназический курс, А.И. подался в Москву. Детство и отрочество закончились слишком рано, еще не сформировавшимся юношей – беззащитным и материально не обеспеченным – А.И. вынужден был сам пробивать себе путь, вкусив все тяготы «хождения по мукам».

«Московская юность» была насыщена поисками работы: приказчик перчаточного магазина, репетитор, актер. Богемная жизнь втянула в себя молодого человека, и только большие способности и исключительная «жизненная сила» способствовали тому, что Sturm und Drang Period в жизни А.И. не привел к печальному исходу. Возможно, тяга к образованию сыграла свою положительную роль: А.И. стал слушателем разных курсов, учился в школе межевых топографов Константиновского межевого института (1861) и, наконец, оказался вольнослушателем физико-математического факультета Московского университета.

«Образовательный период» будущего профессора Новороссийского университета пришелся на 1860-е годы – время бурное, неоднозначное. Вращаясь в радикальной московской студенческой среде, А.И. пытался следовать ее канонам. Подчас эти «каноны»

---

¹ Маркевич А. И. Несколько слов о Н. Д. Богатинове // Русский архив. 1899. Кн.4. Вып. 12. С. 567-569.

приходили в противоречие с его личностными качествами и пристрастиями, и сквозь флер юношеского самообмана высвечивались сложные конфигурации его исканий.

Столичное студенчество признавало «настоящими науками» только естественные, но А.И. тянет к гуманитарным наукам: он начинает посещать лекции профессоров-историков, в том числе – С.М. Соловьева. Презрение к метафизике и почитание принципов Огюста Конта способствовали тому, что раннее увлечение позитивизмом наложило свой отпечаток на последующее научное творчество А.И., но отнюдь не умалило его интереса к иным философским системам. Чтение художественной литературы считалось у студентов «бездельем», однако доскональное знание романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?» было долгом каждого «мыслящего реалиста». А.И. безумно любил читать и поглощал все, что попадалось в руки, но его юношеское мировоззрение формировал «Современник». Н.А. Некрасов навсегда остался любимым писателем, а критерием оценки всех литературных произведений для него стала категория «общественной пользы».

Очередной перелом в судьбе А.И. произошел в преддверии его двадцатилетия: он оставляет Москву и возвращается в места своего детства. К этому времени (1866-1867 гг.) определилось его материальное положение: А.И. получил наследство и благодаря обширным родственным связям в родных местах сразу же вошел в круг «золотой молодежи» провинциального высшего общества. Став завсегдатаем балов, «прожигая жизнь» на увеселениях, «мотаясь» на тройках по имениям местных помещиков, он все же не забывал о своем стремлении получить образование.

Выбор был сделан в пользу Юридического лицея князя Безбородко в Нежине, ставшего «прибежищем» молодых дворян Полтавщины. Именно здесь А.И. встретил своих первых наставников и учителей. Среди них – Н.Г. Александрович, бывший магистр Московской духовной академии, который преподавал в Лицее латынь и заведовал лицейской библиотекой. Человек безупречной репутации, он стал бесплатно давать частные уроки А.И. и помог ему подготовиться для поступления в Лицей. Позже Н.Г. Александрович приобщал уже лицеиста-Маркевича к чтению новейшей литературы, обсуждал с ним проблемы современной жизни, дарил редкие книги, которые в то время нельзя было приобрести в довольно «глухом» Нежине.

Путь в историческую науку для А.И. открыл Иван Васильевич Лашнюков (1823-1869), предложивший любознательному юноше для специальных занятий эпоху Российского централизованного государства; вскоре между учителем и учеником установились дружеские отношения.

М.В. Нечкина проницательно заметила, что именно студенческие годы являются важным этапом в формировании ученого: определяется любимая отрасль избранной специальности, рождается первая тема.

В полной мере эта мысль справедлива и в отношении А.И.: на всю жизнь история России XV-XVII веков станет объектом серьезных исследований А.И., История – осознанно избранной специальностью, а Историография – любимой областью творчества.

Влияние И.В. Лашнюкова на А.И. оказалось сильным и долгосрочным, но не продолжительным по времени личных контактов: уехав преподавать в Университет Св. Владимира, И.В. Лашнюков вскоре скончался. А.И. оставил Лицей и поехал в Одессу.

Выбор Одессы и Новороссийского университета ознаменовал новый этап в жизни А.И., который принес ему и новый «вызов» судьбы: согласно правилам приема в Императорский Новороссийский университет, он не мог стать ни студентом, ни вольнослушателем, т.к. не имел диплома об окончании классической гимназии и не завершил полный курс лицея.

Так же, как и в Нежине, жизнь подарила А.И. в Одессе много судьбоносных встреч. Среди них: встреча и последующая затем дружба на всю жизнь с В.С. Иконниковым, сыгравшим значительную роль в научном восхождении А.И.; удачный брак с Л.С. Москалевой, ставшей верной соратницей мужу; патронат профессора А.М. Богдановского (бывшего директора Ришельевского лицея, с 1865 года – проректора университета) и др. Благодаря А.М. Богдановскому А.И. получил возможность заниматься в университете «частным образом», «вне всяких формальностей».

За полтора года А.И. «прошел» четырехлетний университетский курс, выдержав одновременно дополнительный экзамен в Ришельевской гимназии, и в декабре 1869 года получил диплом кандидата «по разряду исторических наук» в качестве вольнослушателя.

Итак, в 22 года А.И. стал обладателем университетского диплома, но весь его «образовательный период» оказался весьма

дискретным: классическая гимназия (Киев) – школа межевых топографов Межевого института (Москва) – университет (Москва) – лицей (Нежин) – университет (Одесса). Все эти многочисленные «образовательные ступени» не дали А.И. законченного, системного знания. Несмотря на его безусловную одаренность и невероятную эрудицию, определенная профессиональная поверхностность, отсутствие «ученой дисциплины ума», синдром *infarinato* (по Стендалю) были характерны для А.И. как исследователя на протяжении всей научной деятельности.

Этому способствовали и обстоятельства «вхождения» А.И. в университетскую корпорацию: «научная судьба» А.И. не вписывалась в традиционный канон. Обычно этап формирования («профессорский стипендиат», подготовка диссертации, защита), сменялся этапом «продуктивным», на котором университетский преподаватель еще молод, но уже не *homo novus* в синклите ученых. А.И. «профессорским стипендиатом» не был, готовил диссертацию фактически самостоятельно. «Заочник» (по современной терминологии) в Новороссийском университете, причем по «ускоренной программе», он остался «заочником» и на этапе «формирования университетского ученого».

Приват-доцентом университета А.И. стал (1880) по собственному прошению (а не по приглашению факультета) после защиты магистерской диссертации (в 1879 в Киевском университете при поддержке В.С. Иконникова) и, будучи человеком уже достаточно зрелым, в университетской жизни оставался *homo novus*. События 1884 г., позволившие министру народного просвещения графу И.Д. Делянову назвать А.И. «человеком смуты» (1884)¹, в еще большей мере способствовали потере твердых позиций в университетском сообществе.

Ремарка-*imfo*. В январе 1884 года, на подъеме своей академической карьеры, А.И. был обвинен в том, что при чтении лекций об эпохе Александра I непочтительно отзывался об особе императора: рассказывал о нем анекдоты, правомерно расценивая их в качестве исторических источников. Служебное расследование длилось до сентября 1884 года: А.И. получил серьезное предупреждение, еще на пять лет был оставлен приват-доцен-

¹ См. подробнее: *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. С.192-326 [Раздел «Алексей Иванович Маркевич: портрет в интерьере»].

том и не произведен в соответствующий чин в очередной срок, а его учебная деятельность была взята под особый контроль со стороны администрации университета; фигура А.И. стала объектом и «негласного надзора» полиции...

Возможно, активная общественная деятельность А.И. после событий 1884 г. (секретарь Одесского биржевого комитета /1886/, секретарь Одесского комитета торговли и мануфактур /1886/, действительный член Одесского Славянского общества св. Кирилла и Мефодия /1887/, действительный член Одесского общества истории и древностей /1887/ и др.) и стремление как можно быстрее защитить докторскую диссертацию (1888) объяснялись желанием утвердить свой авторитет, компенсировать неудовлетворенность своим положением на факультете.

А.И. жаловался И.А. Линниченко (вероятно, в конце 1884 или в начале 1885 г.), «что при теперешнем отношении к нему факультета ему трудно надеяться на кафедру». Однако события 1884 года и их последствия не сделали А.И. более осмотрительным: «сюжет с анекдотом» привел к «сюжету с контрабандой» (1895).

«Всеядность жизни» (И.А. Линниченко), открытость для всего нового нашли свое выражение в описи литературы, изъятой в 1895 году на границе Австро-Венгрии и России, и в описи книг, найденных позже при обыске личной библиотеки А.И. в Одессе (к 1903 году она состояла из 15-16 тысяч томов, включавших 5000 наименований, в том числе 300 – на украинском языке).

Диапазон интересов историка был невероятно широк: среди «запрещенной» литературы были сочинения А.И. Герцена, М.П. Драгоманова, П.А. Кулиша, Ф. Лассаля, И.С. Нечуй-Левицкого, А.С. Пушкина, М.Е. Салтыкова-Щедрина, С.М. Степняка-Кравчинского, А.К. Толстого, П.Я. Чаадаева, Н.Г. Чернышевского, Т.Г. Шевченко; Веры Засулич, Софьи Ковалевской; альманах «Русалка Днестровская», брошюра «Правда о кончине Александра П», газеты: «Народное дело», «Свободная Россия», «Колокол», «Социалист», «Календарь Народной Воли» (1883) и многие другие. Все оппозиционные направления – от крайне революционных до умеренно-либеральных, социально и национально ориентированные – были в сфере внимания ученого.

Пытаясь понять сущность этого человека, не стоит забывать о том факте, что его мировоззрение и личностный стержень во

многим сформировались в эпоху революционной ситуации в России середины XIX в.: А.И. – «воспитанник 60-х годов».

«Народность» – главный идеал А.И. Обращение к идее народности было знаковой чертой общественной жизни и историографии 60-70-х годов XIX века. Реформирование общероссийской действительности как бы вынесло народ на ее авансцену и буквально «заставило» либерально и демократически настроенных ученых-историков обратиться к образу народа, к поиску именно в истории народа объяснения всех противоречий исторического процесса. П.Н. Милюков, оценивая позже ситуацию, сложившуюся в исторической науке 1860-х годов, тонко заметил: «В поклонении “народности” сходятся Костомаров и Буслаев, Щапов и Бестужев-Рюмин, Забелин, Афанасьев... Бросить мертвый механизм бездушных юридических форм, обратиться к живому материалу, наполняющему формы, – таков общий лозунг в эти годы»¹.

В этот своеобразный «историографический феномен», не вполне и поныне осмысленный², органично вписался А.И., находившийся в период «пика» данной социокультурной и историографической ситуации в Москве, – по сути в центре событий, в жадно впитывающим все новое студенческом мире.

Калейдоскоп событий, вплетенных в личную историю А.И., наложил свой отпечаток на его идеалы, проекцию которых можно найти и в тематических пристрастиях, и в теоретических выкладках, и в образе жизни: «публичной», с бесчисленными обязанностями, с бессчетным количеством прочитанных для «широкой аудитории» лекций – все это составляло смысл жизни А.И., убежденного просветителя, видевшего именно в такой деятельности свою гражданскую миссию ученого по отношению к обществу и к своему народу.

Можно сказать, что А.И. старался придерживаться либеральной позиции: его общественный статус, желание сделать академическую карьеру и заниматься любимым делом – изучать и преподавать историю – детерминировали его роль либерала-просветителя. Эта позиция была обусловлена и его личностными качествами: ми-

¹ Милюков П.Н. В.О. Ключевский // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С.198.

² Сахаров А.Н. Иван Егорович Забелин // Портреты историков. Время и судьбы. Том. 1. Отечественная история. М. - Иерусалим, 2000. С. 71.

ролюбивый и благодушный человек, он с одинаковым уважением и сердечностью относился к людям, полярным по своим научным и политическим взглядам, не любил конфликтов и стремился везде и всюду вносить «мир и лад».

М.С. Грушевский и И.А. Линниченко – фигуры оппозиционно настроенные по отношению друг к другу – в одинаковой мере были близки А.И., для которого была свойственна широта взглядов. Являясь одним из провозвестников новых тенденций в общественной и научной жизни, он намного опережал свое время – монометодологичное по стилю научного мышления и крайне конфронтационное по социально-политическим и национальным платформам.

По своим убеждениям А.И. органично входил в тот круг радикальной университетской профессуры последней трети XIX – начала XX веков, для которой было характерно стремление к реализации широких культурно-просветительских программ, но чья конкретная деятельность в своем предназначении – быть интеллектуальным рупором эпохи – неизбежно приводила ее в стан «опальной профессуры».

А.И. трудно назвать революционером. Он был вполне добропорядочным «подданным». Но его «благонадежность» часто давала «сбои», балансируя на грани дозволенного, и тогда «смута» вырывалась наружу, доставляя неприятности, подрывая карьеру, но создавая Судьбу.

Творчество и репутация

Оценки научного наследия А.И. его современниками и друзьями достаточны скромны. М.С. Грушевский разделил научные интересы А.И. на т.н. «официальную специальность», которая спроецировалась на тему «Московщина XVII в.» и «личные, субъективные, неофициальные интересы» – прошлое Одессы и ее окрестностей, история украинских дворянских родов, история российской и украинской литературы¹. Отмечая ценность многих работ А.И., М.С. Грушевский тем не менее поставил под сомнение долгосрочность «следа» ученого в науке².

---

¹ Грушевський М. Пам'яті Олексія Маркевича // Записки Наукового Товариства імені Шевченка. 1903. Т.LV. Кн.V. С.5.

² Там же. С.6-7

Однако следует учитывать тот факт, что критерии любой оценки весьма «подвижны» и относительны, они зависят от выбора «концепта». М.С. Грушевский «оценивал» творчество А.И. в первую очередь по степени принадлежности последнего к украинской идее. Фигура А.И. интересовала М.С. Грушевского в качестве типичного репрезентанта генерации украинцев по происхождению и украинофилов по убеждениям. Анализируя личность и творчество А.И., М.С. Грушевский исходил из определения последнего как типичного представителя «родовитої задніпрянської шляхти», которому были свойственны все характерные черты этого слоя украинской интеллектуальной элиты¹. Отсюда и вывод – о «поверхностном», «неглубоком» украинофильстве: А.И. так и не «заговорил» на украинском языке, хотя был украинцем «родом» (и по паспорту – «малороссом»); проблематика наиболее крупных его трудов – далека от истории Украины. М.С. Грушевский почти обвиняет А.И. – «українофіла поглядами» – за то, что «він вибрав для своїх спеціальних праць таку безмірну далеку, абсолютно для України чужу тему, як родові рахунки московського боярства, хоч міг би, розуміється, вибрати теми дуже живі й для Українця близькі»².

Несмотря на эту «филиппику», А.И. прекрасно понимал значение украинистики. В своих публикациях на страницах «Киевской старины» и в других изданиях он обращал внимание на то, «...как серьезна, как тщательна работа малороссов за пределами России», без результатов которой, без того «обширного научного материала, какой разработан в Галиции», немыслимо изучение российскими учеными «южно-русской истории». Но его очень беспокоили внутренние разногласия между учеными, представителями разных регионов украинских земель – Галиции, Буковины и Украины (имея в виду под последним названием территорию, по выражению М.С. Грушевского, «російської України»). Эти разногласия, по мнению А.И., оказывали негативное воздействие на развитие науки, мешали всестороннему исследованию истории и этнографии украинского народа³. В этой позиции – трезвое понимание ситуации ученым и человеком, искренне болеющим за свой народ.

¹ Там же. С.2.

² Там же. С.5 (орфография приведена по источнику).

³ А.М. [Рецензия на: ЗНТШ (Записки Научного общества имени Т.Г. Шевченко), тт. XXV-XXX] // Киевская старина. 1899. Том 7. № 12. С. 138-148.

У И.А. Линниченко, близкого друга А.И. и его коллеги по университету, подход к оценке творчества последнего иной. Убежденный монархист и, несмотря на свои украинские корни, приверженец российской великодержавности, И.А. Линниченко считал, что «отрицательная литературы 60-х годов» (читай: революционно-демократическая идеология. – Т.П.) негативно повлияла на А.И. – «заразила его скептицизмом» довольно поверхностного толка.

А.И. принадлежал к тому типу ученых, у которых критическое (рефлексивное) начало было развито значительно сильнее, нежели конструктивное. Не было теории, в которой он, признавая ее оригинальность («остроумность»), не находил бы в то же время предмет для критики и несогласия. Поэтому ему трудно было идентифицировать себя с каким-либо конкретным научным направлением. При рассмотрении любого вопроса А.И. всегда предлагал ряд решений, находя в каждом свои преимущества и недостатки, и в конечном счете предоставлял самому читателю право самостоятельного выбора.

Однако именно в этом И.А. Линниченко видит недостаток (уязвимость) А.И. «Привычка к критицизму quand meme убила в нем...способность к творчеству научного построения, – выносит И.А. Линниченко суровый приговор своему другу, – и поэтому он не мог примкнуть ни к какой школе, ни к какой научной теории».

...И все-таки как едины в подборе эпитета М.С. Грушевский и И.А. Линниченко, эти по сути идейные противники, – «поверхностный украинофил», «поверхностный скептик»...

В попытках определения категориального профиля А.И., следует учитывать тот факт, что научно-педагогическая деятельность университетской профессуры (как в России в целом, так и в украинских землях, входивших в состав двух империй) в XIX – начале XX вв. во многом зависела от структуры их мышления, ценностных ориентиров, формирующихся в сложной социокультурной атмосфере.

Ментальность интеллектуальной элиты в украинских землях, входивших в Российскую империю - многонациональное государство, жестко иерархизированное чиновничье-бюрократической системой, пронизывающей и университетское образование, и науку в целом (особенно ее гуманитарные разделы), не могла не складываться из противоречивых пластов, порождая разнообразие типов.

Среди университетской профессуры были личности, идентифицирующие себя с одним, единственным, типом культуры. Для их мышления была характерна структура т.н. «взаимоисключающего сознания» (вне зависимости от его конкретной нацио-культурной окраски).

Одновременно значительную группу представляли личности, для которых была свойственна «лояльность» по отношению к разным национальным культурам: их мышление формировалось в структурах т.н. «многочисленных национальных и культурных приверженностей»¹.

Если первый тип отражал сознание личности в категориях т.н. «первичной этничности»: сознание личности в этом случае выступает как установленное и неизменное явление, которое определяется кровными связями, общим происхождением, языком и культурой, то второй тип - в категориях «ситуационной или факультативной этничности» – характеризовался тем, что сознание личности преднамеренно подчеркивается либо приглушается в зависимости от ситуации. При этом второй вариант распространен не менее широко, чем первый. В большинстве общественных ситуаций люди не лояльны по отношению только к одному объекту, а находятся в сети лояльностей – к роду, племени, профессиональной группе, церкви, клубу и проч.

В многонациональных государствах совершенно естественно наличие личностей, которым свойственна более, нежели одна «национальная» лояльность или сознание. В украинских землях, входивших в Российскую империю в XIX веке, нормальным явлением было считать себя одновременно и «малороссом» и русским. Рассматривать подобное явление в категориях «ассимиляции» (т.е. растворения, присоединения к господствующей национальности) и «русификации» – было бы слишком упрощенным подходом.

В то же время, в ходе развития украинского национального возрождения многие из его представителей пришли к выводу о том, что движение сохранится только в том случае, если на место естественной иерархии многочисленных лояльностей сознания

---

¹ *Магочий Павло* (Торонто, Канада). Українське національне відродження. Нова аналітична структура // Український історичний журнал. 1991. № 3. На наш взгляд, предложенные П. Магочием и И.И. Колесник (см. ниже) теоретические концепты имеют значительный эвристический и методологический потенциал для постижения культурной и интеллектуальной истории Украины.

придет структура взаимоисключающего сознания: нельзя быть русским из Малороссии или поляком из Украины. По такому пути пошел В.Б. Антонович.

Весь ход украинского национального возрождения можно трактовать как историю конфликта между структурой многочисленных культурных и национальных лояльностей, с одной стороны, и структурой взаимоисключающего сознания – с другой. Этот конфликт по-разному влиял на личности, которые оказывались в нем: иногда травматично, а иногда и творчески, отражая в то же время и специфику формирования той или иной личности, и ее индивидуальный выбор, и эволюцию строя мышления в зависимости от ситуационной заданности. Для Н.И. Костомарова и П.А. Кулиша, например, была характерна «подвижность», инверсия двух типов структур национального сознания в разные периоды их жизни и деятельности.

Специфика социокультурной ситуации безусловно накладывала свой отпечаток на историографическую ситуацию. А.И. на протяжении всей своей жизни мыслил в категориях «многочисленных лояльностей». Истоки этого – в семье, в «московской юности», в одесской ауре, в едином научном поле российской науки и т.п. Мировоззренческий профиль А.И. нашел свое выражение в диапазоне его исследовательской проблематики и в теоретико-методологических подходах к ее решению.

В то же время для его друзей – А.С. Грушевского и И.А. Линниченко, находящихся «по разные стороны баррикад», был характерен один и тот же тип мышления – в «структурах взаимоисключающего сознания» (во всяком случае, на рубеже веков), основанный на принципах «взаимоисключающих культурных приверженностей». По отношению к оценке научного наследия А.И. это проявлялось прежде всего в акцентуализации национальной идеи у М.С. Грушевского и политико-идеологических приоритетов у И.А. Линниченко. Для последнего в значительной степени была свойственна нетерпимость и как черта характера (в отличие от толерантности самой сущности А.И.), которая проецировалась на разные уровни – личностный, политический, научный.

Добродушие А.И., глубокая интеллигентность его натуры отнюдь не исключали твердости его убеждений, и это принципиальное свойство личности А.И. также отмечали его друзья. А.И., по

словам того же И.А. Линниченко, любил ходить на поклон к авторитетам и одновременно выступал против всяких авторитетов. Об этом свидетельствует, в частности, концепция местничества, предложенная А.И. и не принятая многими его коллегами в большей мере из-за так называемых *вненаучных* факторов: она противоречила официально признанным концепциям местничества С.М. Соловьева и В.О. Ключевского.

История местничества (шире – история России XV-XVII веков) прошла главной темой, подаренной И.В. Лашнюковым, через все творчество А.И. Неслучайно, составляя в конце жизни «Список моих работ», А.И. начинает его с рубрики «Исследования», под которой в первую очередь перечисляет публикации, посвященные истории Российского централизованного государства (литеры “А”, “Б”, “В”)¹. Работы А.И. по истории местничества стали вторым специальным исследованием (после Д.А. Валуева, «Симбирский сборник», М., 1845) в российской историографии XIX века и первым – в украинской.

В отличие от С.М. Соловьева, который заострял негативные следствия местнических норм, т.к. рассматривал местничество только как фактор, препятствующий утверждению Российского государства, и В.О. Ключевского, который определял местничество в системе привилегий аристократии, консервативных с точки зрения историко-политического прогресса, А.И. видел в местничестве регулируемую систему отношений. В этой системе, по его мнению, по мере формирования Российского государства служебный принцип постепенно брал вверх над родовым; привилегии аристократии распространялись на слои служебного дворянства; центральная власть использовала эту систему сначала как рычаг в борьбе с пережитками удельной децентрализации, а затем уничтожила, как только необходимость в этой системе отпала. И, наконец, А.И. был убежден в том, что на изменение этой системы повлияло само изменение социально-политической структуры российской действительности².

А.И. занял особую позицию в оценке местничества:

1) он категорически против каких-либо аналогий между московским местничеством и подобными формами в западноевропей-

¹ ГАОО. Ф.150. Оп.1. Д. 2. Л. 65-74.

² Маркевич А.И. История местничества в Московском государстве в XV-XVII вв. Одесса, 1888. С.488.

ских государствах (эти мысли – во многом развитие идей Д.А. Валуева, одного из столпов славянофильства), акцентируя внимание на оригинальности этого института в истории России;

2) он против выделения – гипертрофии – оппозиционной сути местнических протестов: для него местничество не является достаточно весомой привилегией аристократии, а предстает скорее в виде определенного аналога табели о рангах в конкретную эпоху, не только не имея серьезной антиправительственной направленности, но, напротив, выступая своеобразным средством воздействия на социально-политические взаимоотношения со стороны самого правительства.

Новизна исследовательского подхода А.И. в том, что он впервые рассмотрел явление местничества в его эволюции, на широком конкретно-историческом фоне, обусловившем эту эволюцию, проанализировав практически все относящиеся к проблеме материалы, что позволило ему сделать вывод о преувеличении в историографии значения местничества как прерогативы аристократического сепаратизма.

В отзывах современников концепция местничества, предложенная А.И., не получила детального анализа. Критические замечания в основном сводились к критике формы: объемность материала и отсутствие системности в его изложении; неточности в формулировках и применяемых понятиях, что приводило к определенным логическим противоречиям; вопросы, поставленные самим автором и оставшиеся в исследовании без ответа; необоснованные экскурсы в иные научные сферы и др.

Замечания по существу, сделанные почти всеми рецензентами, характеризовались явной приверженностью последних к мнениям авторитетов – С.М. Соловьева и В.О. Ключевского.

Значительное влияние В.О. Ключевского на школу советских специалистов (несмотря на общую критику его как представителя либерально-буржуазной историографии и эклектика как методолога) в этой области привело к тому, что основополагающие постулаты в оценке местничества, утвердившиеся в официозе российской историографии XIX – начала XX веков, практически вошли в официоз советской науки.

Пожалуй, только С.О. Шмидту принадлежит фактическая «реабилитация» А.И., которого именно он вернул в «большую

историографию». Концепция местничества, сформулированная С.О. Шмидтом на новом уровне развития науки, во многом учитывает основные положения концепции А.И.¹

С.О. Шмидт отдает должное А.И. в том, что последний «кропотливо» изучил «всю доступную ему документацию», исследовал местничество «детально», «по царствованиям», в его работах «много ценных конкретных наблюдений»; он – «крупнейший знаток истории местничества».

Одновременно С.О. Шмидт обращает внимание на (по его выражению) «любопытное явление», характерное для историографии местничества в целом: историки, которые специально изучали местническую документацию – Д.А. Валуев и А.И. Маркевич – весьма осторожны в своих суждениях; для историков же, детально не знакомившихся с местническими материалами во всем их многообразии, свойственны достаточно «решительные» выводы.

Среди тех, кто занял самостоятельную платформу, – А.И. Его выводы – формулировочно деликатны; такое впечатление, что А.И. в недоумении разводит руками: «Я бы хотел сказать иное, но источники не позволяют...». Позиция А.И. принципиальна, и она выражает функциональное предназначение профессионального историка – разоблачать исторические мифы (хотя, разумеется, подобная проблема им сформулирована не была). А.И. подошел вплотную, но не сумел четко обозначить те положения, которые, следуя в его «ключе» рассуждений, высказал С.О. Шмидт: традиционный взгляд на местничество «на поверку оказывается крайне односторонним».

Историографическое наследие А.И. и его личность ученого-историка плодотворно оценивать и сквозь призму «культурного кода нации» (И.И. Колесник). Украинская культура, рассматриваемая как матрица национальной историографии, детерминировала константные черты и специфику всех компонентов организации научного творчества. Анализируя творческое наследие в соответствии с ведущими параметрами «культурной генеалогии украинской исторической науки», можно выделить ряд типичных черт, свойственных А.И. как представителю «ученого цеха».

---

¹ Шмидт С.О. Местничество // Советская историческая энциклопедия. М., 1966. Т.9. С.382-383; Он же. Становление российского самодержавства (исследование социально-политической истории времен Ивана Грозного). М., 1973. С. 264-266, 300-301, 346 и др.; Он же. У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996. С.330-380.

«Родинність», выступающая как признак социального бытования и психического склада украинцев, в то же время предстает и в форме организации научной деятельности в условиях безгосударственности и институциональной нелегитимности культурной жизни в Украине. На протяжении XVIII-XIX веков культурные и научные традиции во многом поддерживались дворянско-старшинскими кланами – семьями Марковичей - Маркевичей, Репниных – Волконских, Белозерских – Кулишей, Максимовичей – Тимковских, Лазаревских, Антоновичей, Драгомановых – Косачей и проч. Это выражалось и в представительстве родовых фамилий в научных, общественных, культурных и бюрократических структурах, во взаимной поддержке членов семьи, и в осознании значимости своих фамилий в национальной культурной истории, в акцентуализации генеалогических изысканий. В жизни и творческой деятельности А.И. Маркевича это нашло свое выражение в стойком интересе к генеалогическим исследованиям по истории своего рода, в неоднократной поддержке, которую ему оказывали родственники в сложные периоды его жизни.

«Антеизм» («селянскість») как генетическая черта «украинского культурного пространства» обусловила интерес к проблемам народа – его быта, сознания, творчества, культурных традиций. «Народность», «народ» – ведущий объект научного интереса А.И., главный критерий его оценки исторических событий и исторических личностей, исходный пункт его источниковедческих приверженностей.

«Стихійна барокковість» – нашла свое выражение в красноречии, эмоциональности литературного стиля А.И., преобладании информации над структурой и систематикой; придала «камерный» («этюдный») характер большинству его произведений, обусловила значительное количество «малоформатных» публикаций – статей, разведок, эссе, рецензий, биобиблиографий и т.п. – в определенном синкретизме энциклопедизма и дилетантизма, профессионализма и аматорства.

«Мовно-літературна стихія» украинского романтизма, с его стержневой этнографической составляющей, сформировали особый интерес к фольклору, обусловили гипертрофию народного творчества в источниковедческой ориентации исследований, способствовали библиографически-источниковедческой акценту-

ализации: культ источников, документальный поиск, коллекционирование, преобладание археографической практики в структуре научной работы и «антикварной традиции» в археографической деятельности А.И.

Как тип исследователя А.И. в большей мере – «историк-библиограф», «историк-археограф». Однако было бы слишком опрометчиво и некорректно в научном отношении не оговаривать значительную условность подобной систематики. «Маркевич-критик» – одновременно достаточно сильная составляющая его творческого облика.

Ремарка-info. О критическом стиле мышления А.И. еще в «ранний» – «предуниверситетский» – период его научной деятельности свидетельствует неопубликованная рецензия А.И. на работу А. Смирнова, посвященную «Слову о полку Игореве» (Воронеж, 1877, 1879); написанная в конце 1877 – начале 1878 гг. эта работа свидетельствует о глубоком понимании А.И. филологических, палеографических, исторических и источниковедческих проблем, находившихся в поле исследовательского поиска в XIX веке¹.

Омельян Прицак, анализируя наследие М.С. Грушевского, справедливо отмечал, что «кожен великий історик є еkleктик, тобто вибирає для кожної часткової сфери дослідження методи пізнання, які для тої цілі найкраще надаються. Але він, звичайно, намагається зберегти монізм у загальному синтезі»². Эту методологически продуктивную мысль можно проецировать и на анализ структуры историографических классов, и на определение принадлежности того или иного ученого к конкретному классу (направлению, течению, школе).

Такие фигуры российской историографии, как С.М. Соловьев и В.О. Ключевский, современники А.И., как Н.И. Костомаров, П.А. Кулиш и М.С. Грушевский в украинской историографии – слишком объемны по своему научному и мировоззренческому ди-

¹ См.: Яценко Б.І. О.І. Маркевич про «Слово о полку Ігоревім» // Українське літературознавство. Львів, 1976. Випуск 27. С.108-113; Маркевич А.И. // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 томах / Российская академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский дом); Ред. кол.: Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев, С.А. Семячко, О.В. Творогов (отв. ред.). Т. 3. К – О. СПб., 1995. С.293-294.

² Омельян Прицак. Історіософія та історіографія Михайла Грушевського. Київ; Кембридж, 1991. С.5.

апазону. Каждый из них создал собственную историософски-методологическую систему, которую далеко не всегда можно «уложить» в рамки конкретного историографического класса.

В этом ключе можно рассматривать и творчество А.И., обладавшего колоссальной научной эрудицией, испытавшего на себе влияние различных концептуальных и методологических систем и предпринявшего попытку создать собственную версию исторического синтеза.

Говоря о теоретико-методологических позициях А.И., следовало бы, вероятно, выделить несколько культурно-научных традиций, переплетение которых сложило непростой узор системы его взглядов на историю:

- *влияние романтизма*, его «левого крыла» – либерального, с характерным для него синтезом просветительски-романтических идей: историзм как стиль научного мышления, «органическая» модель исторического процесса, акцент на роль народа и самобытность национальных историй наряду с идеей всеобщности человеческой цивилизации и признанием единых закономерностей развития любых социокультурных феноменов и проч.;
- *влияние этнографизма*, особенно свойственного украинской вариации романтической историографии, с его пристальным вниманием к народному быту, фольклору, специфике национальной духовности и культуры;
- *влияние позитивизма* с его акцентом на источник, научные методы исторического исследования, стремлением к сциентизму историописания, фактографизму, к «коллективистской истории» как главному объекту изучения, к социологическому методу в исторических исследованиях, к принятию теории многофакторности исторического процесса с особым интересом к социально-экономическим проблемам истории и проч.;
- *влияние либерально-демократических идеалов* (подчас вплотную приближающихся к революционным традициям) с их своеобразным синтезом антисамодержавной модели политического устройства с идеей эволюционного прогресса, основанного на расширении культурно-просветительского потенциала общества и одновременно острым интересом к проблемам революции и проч.

В последние годы жизни А.И. испытал, по-видимому, влияние также ряда неопозитивистских и неокантианских постулатов, касающихся в первую очередь оценки «законотворческой миссии» исторической науки, проблемы прогресса в истории, идей «психологизма» и «коллективной народной психологии» в интерпретации исторического процесса и проч.¹.

P.S.

Позволю себе завершить этот этюд шутливой (ли?) эпитафией, которую написал себе Алексей Иванович Маркевич за год до своей кончины.

«Ad se ipsum

Будто бы из Кв. Горация Флакка

Воздвиг я памятник себе довольно скромный;
 Ему наверное меня не пережить;
 Печатные труды мои хоть и огромны,
 Но всем им суждено на книжных полках гнить.
 Не вспомнят обо мне в местах, где Смошь струилась,
 И где народ во мне лишь барина видал,
 Но все ж в душе моей надежда затаилась,
 Что из людей, которых в жизни я знавал,
 Едва ль кто заклеит суровым осуждением
 Мой прах на проводах в последний долгий век.
 Учившиеся же мои припомнив чтенья
 Веселый, скажут, был и добрый человек.
 Такой оценкою, о Муза, будь довольна,
 И об ином венке отнюдь не помышляй.
 Лелей в уме своем мечты о жизни вольной,
 Но в жизни торною дорогою ступай.

8 сентября 1902 г. »².

¹ См. подробнее: *Попова Т.Н.* Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М.А., 2017. С.157-179. [Раздел «Алексей Иванович Маркевич: личность и творчество»].

² Цит. по: *Линниченко И.А.* А.И. Маркевич. Биографические воспоминания и список

Эти строки отразили предельно искреннюю и жесткую самооценку ученого с элементом горькой иронии...

Однако историографическая практика на рубеже XX-XXI веков высвечивает оригинальную картину: многие из концептуальных положений высоких научных критиков А.И. сейчас подвергаются переосмыслению и корректированию. Одновременно – целый ряд вскользь брошенных замечаний, приведенных фактов, намеченных пунктирно возможных направлений исследований, зафиксированных в многочисленных «малых формах» (не говоря уже о его концепции местничества и монографических изданиях) творчества А.И. привлекают внимание современных ученых своей точностью наблюдений, прогнозов и выводов¹.

трудов. Одесса, 1904. С. 21-22. Орфография приведена по источнику.

¹ Розуменко Ю.Г. Этнографическое изучение населения юга Украины в XIX – начале XX века: Дисс. ... канд. ист. наук. Киев, Минск, 1986; Шип Н.А. Интеллигенция на Украине (XIX в.). Историко-социологический очерк. Киев, 1991; Болдирев О. Одесска громада. Историчний нарис про українське національне відродження в Одесі у 70-ті рр. XIX – почат. XX ст. Одеса, 1994; Гончарук Т.Г. История Хаджибея (Одессы): 1415-1795. Популярный очерк. Одесса, 1997; Непомнящий А.А. Крымоведческие исследования в Одессе в середине XIX – начале XX века // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 1999. № 7; Історія Хаджибея (Одеси). 1415-1795 рр. в документах / За редакцією кандидата історичних наук Т.Г. Гончарука. Одеса, 2000; Чопп І.Л. Крымско-Кавказский горный клуб. Одесса, 2000; Гирич Ігор. «Народництво» та «державництво» в українській історіографії // Молода нація: Історія. Філософія. Політологія. Альманах. 2000. № 4. С.5-30; Талина Г.В. Государственная власть и системы регулирования социально-служебного положения представителей высшего общества России 40-х-80-х гг. XVII в.: Дисс. ... докт. ист. наук по спец. 07.00.02 «Отечественная история». М., 2001; Нагірняк О. Українознавчі дослідження у Новоросійському університеті наприкінці XIX – на початку XX ст. // Пам'ять століть. 2004. № 6; Кушнір В.Г. Українці Одеси: до етнографічної спадщини О.І. Маркевича // Записки історичного факультету / Одеський національний університет імені І.І. Мечникова. Вип. 16. Одеса, 2005; Гончарук Т.Г. Нашадки українських козаків та «народження Одеси». Одеса, 2006; Эскин Ю.М. Очерки истории местничества в России XVI-XVII вв. М., 2009 и др.

ВЛАДИМИР ЭДУАРДОВИЧ КРУСМАН: историк «второго плана»

*...у Крусмана не было обыденной жизни,
ибо «жизнь» у него нацело совпадала с работой мысли.*

П.М. Бицилли

В последние годы в исследовательскую литературу вошла метафора – «человек второго плана». В историографии проблема «историка второго плана / ряда» была поставлена предметно и получила свое теоретическое и конкретно-историографическое решение¹. Выход на этот уровень изучения «человека в истории» был связан с траекторией всего процесса антропологически ориентированных исследований: от «великих» исторических личностей к «среднему человеку». Потребность в дифференциации этого массива «средних людей» спроецировала интерес к градированному ракурсу в анализе его представителей.

В этом плане *Владимира Эдуардовича Крусмана* (1879² - 1922) можно рассматривать как «историка второго плана». Выпускник Санкт-Петербургского университета, преподаватель / профессор Новороссийского (1908-1917), затем Пермского (1917-1922) университетов В.Э. Крусман умер в возрасте сорока трех лет, не успев в полной мере реализовать свой научный потенциал. Магистерскую диссертацию он защитил только в 1916 г., оставив небольшое по объему научное наследие.

Последующее «забвение» ученого во многом было связано с рецензиями на его основной труд «На заре английского гуманизма. Английские корреспонденты первых итальянских гуманистов

---

¹ См.: Человек второго плана в истории. Вып.1-7 / Отв. ред. Н.А. Мининков. Ростов-на-Дону, 2004-2011; Корзун В.П., Колеватов Д.М. На первый второй рассчитайся: человек второго плана как исследовательский проект // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2009. Вып. 28; В тени великих: образы и судьбы. (Серия «Человек второго плана в истории») / Отв. ред. Л. П. Репина. СПб., 2010; Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011; Лубский А. Человек второго плана: методологические проблемы «нового биографизма» («игра в бисер» или нарративная стратегия историко-биографического исследования) // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Головний ред. В. Смолій; відп. ред. І. Колесник. Вип. 8. Київ, 2014 / 2015. С.67-84 и др.

² В.Э. Крусман родился 16 января 1879 г. (по «старому» стилю) – эта дата указана в двух формулярных списках о службе (от 8.01.1909 г. и от 18.12.1911 г.), находящихся в делах Новороссийского университета. См. Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф.45. Оп.4. Д.1376. Л.1 об., 46.

в ближайшей своей обстановке. Исследование» (Одесса, 1915). Н.И. Кареев и Е.В. Тарле, авторы рецензий, имели в российской (и позже, в советской) историографии высокую научную репутацию. Не приняв в целом концепцию В.Э. Крусмана (хотя оба отмечали «строгую историчность» исследования, эрудицию автора, «надлежащую» работу с источниками и т.п.)¹, они сыграли определенную роль в придании «образу» ученого черт провинциальности и незначительности. «Издержки» новой, советской, эпохи – идеологизм науки, нивелирование предшествующей университетской традиции, перевес централизма над регионализмом, акцент на «великих» в био-исследованиях и проч. – способствовали тому, что фигура В.Э. Крусмана практически исчезла из историографического пантеона.

С 1990-х гг. разработка темы «Крусман» в украинской и российской науке осуществлялась чаще всего не предметно, а в контексте иных исследовательских предпочтений: истории университетов (Одесского /Новороссийского/, Пермского), истории культурологических школ Санкт-Петербургского университета (новистов – Г.В. Форстена и медиевистов – И.М. Гревса), бициллиеведения, персональной истории И.М. Гревса, М.А. Гудошникова и других историков, истории историографии (дисциплинарной истории), краеведения (истории немцев в Одессе, Пермской губернской ученой архивной комиссии) и проч.

Вместе с тем «фоновый подход», при котором обращение к В.Э. Крусману лишь «оттеняло» главный сюжет, неизбежно должен смениться концентрацией внимания на его личности и интеллектуальном наследии. Определение его «рядности» – не главная задача. Полноценная персональная история ученого – «истолкование души», по И.М. Гревсу, – станут итогом многомерного био-историографического анализа.

Данный этюд – авторская версия интерпретации имеющейся в его распоряжении фактуальной базы в форме биоисториографической мозаики с акцентом в первую очередь на источниковые лакуны.

¹ Кареев Н.И. Был ли гуманизм в Англии в XIV в.? (По поводу одной книги) // Русские записки. 1916. № 3. С.49-65 (Пг., 1916. 16 с.); Тарле Е.В. Новое исследование по культурной истории Англии // Журнал Министерства народного просвещения. 1917. № 3-4, отд.3. С.139-165.

Начало

Детство В.Э. Крусмана прошло в Симбирске, маленьком городке на Волге, в большей степени известном в качестве своеобразного поставщика политических титанов – В.И. Ульянова / Ленина / (1870-1924) и А.Ф. Керенского (1881-1970). Не только родной город объединил этих людей – в будущем разного исторического масштаба, – но и служба их отцов, представителей системы образования в Российской империи: И.Н. Ульянов был директором народных училищ Симбирской губернии (с 1874), Ф.М. Керенский – директором Симбирской мужской классической гимназии (с 1879), Эдуард Карлович Крусман – преподавателем математики Симбирского кадетского корпуса, созданного в 1882 г. на базе Симбирской военной гимназии (1873) и просуществовавшего до 1920 г.

Безусловно, два действительных статских советника (И.Н. Ульянов и Ф.М. Керенский) и статский советник Э.К. Крусман были знакомы (Ульяновы и Керенские, как известно, дружили семьями). Вероятно, и представители молодого поколения, несмотря на разницу в возрасте, знали друг друга, тем более что все трое учились в одном учебном заведении – Симбирской классической гимназии. Общим у В.И. Ульянова, А.Ф. Керенского и В.Э. Крусмана было и то, что их семьи в том или ином плане имели немецкие корни.

Для В.Э. Крусмана «немецкие корни» проявились в канонах евангелическо-лютеранской веры, в том «человеческом идеализме» («человеческая добросовестность, честность и верность делу и слову»¹, святость семейных уз и проч.), которые были характерны для вертеровской Германии и привнеслись в Поволжье немецкими переселенцами, но отнюдь не стали жизненным кредо для всех их потомков.

Получив первоначальное домашнее образование, В.Э. Крусман в 1897 г. окончил гимназию. Его гимназическая жизнь не отличалась от жизни других юношей его возраста: первые увлечения, «пирушки» с друзьями и проч. Но характерная для него «страсть к писательству»: дневники, стихи, романы и т.п. навсегда определяют его отношение «к перу и тексту».

Ремарка-итрих. 27 сентября 1897 г., подводя итоги своей литературной работы за год, В.Э. Крусман напишет в своем дневнике: «Я кончил новую книгу, новые пять томов моего литера-

---

¹ См.: Гревс И.М. Памяти В.Э. Крусмана (Некролог) // *Анналы*. 1922. № 2. С.256.

турного дневника «С полюса на экватор». На этот раз писание шло туго, на эти 560 страниц я потратил больше года»¹.

В сентябре 1897 г. В.Э. Крусман становится студентом историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Обучаясь на историческом отделении и специализируясь по всеобщей истории, В.Э. Крусман слушал лекции крупнейших специалистов-историков своего времени. «Более всего в своем развитии и своих знаниях, – напишет он позже в *Curriculum vitae*, – я обязан работам и в университете, и на дому у профессоров Г.В. Форстена, И.М. Гревса, М.И. Ростовцева, С.Ф. Платонова и А.С. Лаппо-Данилевского».

В студенческие годы В.Э. Крусман исключительно много читал: в своем дневнике он констатировал, что только за март 1899 г. им было прочитано: 2005 страниц на русском языке; 1981 страница на английском языке; 1551 – на немецком языке и 174 – на французском.

В 1902 году В.Э. Крусман получил диплом 1-й степени, защитив итоговую работу под руководством Г.В. Форстена на тему «Германский Рейхсрегимент» и сдав государственные экзамены, и был оставлен при университете «для приготовления к профессорскому званию». К своему официальному руководителю профессору Г.В. Форстену Владимир Эдуардович относился с «почитанием и любовью»². После смерти Г.В. Форстена наставником молодого ученого стал И.М. Гревс.

Сам И.М. Гревс подчеркивал принадлежность В.Э. Крусмана к своей школе: «...я с радостью могу причислить его к своим лучшим и любимым ученикам; мне дорого, что и он открыто признавал такое отношение между нами»³. Иван Михайлович сыграл значительную роль в становлении будущего ученого: с первого курса В.Э. Крусман участвовал в т.н. «вольных» /факультативных/ практических занятиях, которые проводил И.М. Гревс; на старших курсах – в его знаменитом «средневековом семинаре»; в период подготовки

¹ См.: Киселева Ю.А., Попова Т.Н. В.Э. Крусман: новые его-документы // Харківський історіографічний збірник. Харків, 2015. Вип. 14. С.200.

² Кан А.С. Историк Г.В. Форстен и наука его времени. М., 1979; *Анналы*. 1922. № 2. С.255.

³ К двадцатипятилетию учено-педагогической деятельности Ивана Михайловича Гревса, 1884-1909: сборник статей его учеников. СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1911. 476 с. [Крусман В.Э. Уильям Гросайн]; *Анналы*. 1922. № 2. С.255.

магистерской диссертации – принимал участие в экскурсиях со студентами в Италию, руководителем которых также был И.М. Гревс. Совместное пребывание в Италии, близость общения позволили И.М. Гревсу убедиться в «превосходной научной осведомленности» молодого ученого, самостоятельности его взглядов, тонком чувстве природы, оригинальном вкусе к произведениям искусства, «в прелестных интимных свойствах его души и множества живущих в ней струн, чутко вибрировавших на впечатление мира».

По мнению И.М. Гревса, В.Э. Крусман к концу университетского обучения «был хорошо подготовленным медиевистом», но главным направлением его исследований стала английская история, проблемы европейского Возрождения и Гуманизма. Не вполне ясно, какие факторы обусловили выбор этой проблематики, во всяком случае, любовь к английскому языку и интерес к английской истории проявились у В.Э. Крусмана еще в студенческие годы: «...в истории моя специальность – английская история – занимает не малое место, если обратить внимание, что я еще не на специальном курсе», записал он в своем дневнике 1 апреля 1899 г.¹

Однако магистерская диссертация в срок подготовлена не была и ее защита стала делом отдаленного будущего. Личные проблемы во многом не давали молодому ученому сконцентрироваться на исследовательском поприще. Рано став семейным человеком, В.Э. Крусман вынужден был работать: читать лекции по истории итальянского и немецкого Возрождения на организованных Я.И. Гуревичем (историком, педагогом, известным своей благотворительной деятельностью) курсах для учащихся в средних учебных заведениях; с 1904 года – преподавать всеобщую историю в женской гимназии имени княгини Оболенской, председателем педагогического Совета которой был Г.В. Форстен. С 1907 года В.Э. Крусман уже читает лекции по новой истории на Бестужевских высших женских курсах и на Высших коммерческих курсах.

На протяжении 1907-1908 годов В.Э. Крусман сдал магистерские экзамены в Санкт-Петербургском университете; 19 мая 1908 года прочитал там же пробные лекции и на основании решения

---

¹ См.: Киселева Ю.А., Попова Т.Н. В.Э. Крусман: новые его-документы // Харківський історіографічний збірник. Харків, 2015. Вип. 14. С.203-204. В это время В.Э. Крусман был на втором курсе, специализация начиналась с третьего.

историко-филологического факультета получил удостоверение (№ 1093) о присвоении ему звания приват-доцента. Однако в alma mater места для магистранта не оказалось, зато в провинциальном Новороссийском университете (впрочем, как и во многих других «не-столичных» университетах) была проблема с кадрами.

Из Петербурга в Одессу

Кафедра всеобщей истории Новороссийского университета с момента его открытия (1865) славилась известными именами. Ф.И. Успенский, выпускник Санкт-Петербургского университета (ученик К.Н. Бестужева-Рюмина и В.И. Ламанского, рекомендованный в Новороссийский университет /1874/ В.Г. Васильевским), для которого история Византии стала исследовательской доминантой, сумел объединить представителей разных кафедр историко-филологического факультета, составивших основу школы византиноведения Новороссийского университета. Проблемы истории средних веков и нового времени были объектом внимания Ф.К. Бруна, бывшего преподавателя Ришельевского лицея, работавшего на кафедре со дня ее основания; А.Г. Брикнера (получившего образование в Гейдельбергском университете, слушавшего лекции в Берлинском и Йенском университетах); А.С. Трачевского, выпускника Московского университета, ученика С.В. Ешевского (начинавшего свою преподавательскую деятельность в Ришельевском лицее); Г.Е. Афанасьева, ученика А.Г. Брикнера; В.К. Надлера, перешедшего в Новороссийский университет из Харьковского; П.М. Ардашева, Р.Ю. Виппера и Е.Н. Щепкина¹, выпускников Московского университета, учеников В.И. Герье².

В начале нового XX века кафедра переживала кризис. Ведущий профессор Е.Н. Щепкин был уволен (1906). Еще ранее в

¹ См.: Евгений Николаевич Щепкин (1860-1920): Биобиблиографический указатель / Сост.: И.В. Максименко, В.В. Самодурова; Науч. ред. Т.Н. Попова. Одесса, 1998; Историк Євген Миколайович Щепкін (1860-1920): постать в контексті доби. Матеріали міжнар. наук. конференції «IV Історіографічні читання», присвяч. 150-й річниці з дня народження професора Є.М. Щепкіна (21-22 травня 2010 р.), м. Одеса / Одеськ. нац. ун-т ім. І.І. Мечникова, істор.ф-т. Відп. ред. В.М. Хмарський; науков. ред. Т.М. Попова. Одеса, 2012; Попова Т.Н. Евгений Николаевич Щепкин: жизнь как тахіма // Попова Т.Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М.А., 2017. С.180-196.

² См.: Иванова Т.Н. Научное наследие В.И. Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX века). Чебоксары, 2010.

Нежинский историко-филологический институт князя Безбородко перешел Ф.В. Режабек, у которого не сложились отношения с Е.Н. Щепкиным. Всего один семестр на кафедре пробыл ординарный профессор И.И. Иванов. Кафедра фактически осталась без преподавателей, лекции по всеобщей истории на протяжении 1907/1908 академического года не читались, занятия по древней истории вынужден был проводить сам декан факультета, ординарный профессор по кафедре классической филологии Э.Р. фон Штерн. В этих условиях В.Э. Крусман, молодой и перспективный ученый, представитель столичного университета и авторитетной научной школы, стал достаточно привлекательной кандидатурой.

Университетские преподаватели были служащими единой общероссийской университетской системы, их назначения и перемещения осуществлялись Министерством народного просвещения, при этом немаловажную роль играли личные контакты известных ученых, покровительствующих молодым.

Э.Р. фон Штерн, благодаря рекомендациям И.М. Гревса и Г.В. Форстена, начал ходатайствовать о назначении В.Э. Крусмана в Одессу с высоким для начинающего преподавателя содержанием в 2000 рублей в год. Э.Р. фон Штерн хорошо понимал, что молодые ученые неохотно соглашались переходить из столичных университетов в провинцию, где было значительно меньше возможностей для дополнительных заработков, т.к. система т.н. «вознаграждения» для приват-доцентов оставляла желать лучшего. Однако решение дела о назначении В.Э. Крусмана затягивалось, и факультетское руководство было всерьез обеспокоено тем, что новый академический год 1908/1909 придется начинать опять без квалифицированного специалиста.

Одесский период

Наконец распоряжением Министерства народного просвещения (№ 27212) магистрант В.Э. Крусман с 29 сентября 1908 года был назначен приват-доцентом по кафедре всеобщей истории Новороссийского университета. 23 октября 1908 года состоялась его вступительная лекция по истории Англии в здании историко-филологического факультета на Преображенской улице.

В.Э. Крусман приступил к чтению объявленных им курсов лекций «История реформационного движения в странах католического исповедания» (2 часа в неделю) и «Политическая история Англии в новое время» (2 часа в неделю), а также стал проводить практические занятия по изучению источников западноевропейской истории XV века (2 часа в неделю). Эти курсы входили в т.н. «обязательную» программу для студентов исторического отделения, что влекло за собой и соответствующее денежное вознаграждение для приват-доцентов.

Однако вопрос о заработной плате нового преподавателя еще не был решен. Э.Р. фон Штерн на основании постановления факультета от 18 октября 1908 г. опять ходатайствует перед министерством о назначении В.Э. Крусману «вознаграждения» в сумме 2000 рублей в год: «...за меньшее вознаграждение нельзя привлечь молодых ученых к преподаванию этого предмета в университете», поясняет он, тем более что В.Э. Крусман является, по сути, единственным преподавателем на кафедре всеобщей истории. Министерство народного просвещения этих аргументов не приняло. Распоряжением от 3 декабря 1908 г. «доход» магистранта В.Э. Крусмана был определен в 1200 рублей в год. Высокие инстанции мотивировали это решение тем, что начинающий преподаватель только приступил к чтению университетских курсов и «...не обнаружил еще в достаточной мере своих научных и преподавательских способностей...»¹.

В.Э. Крусман переехал в Одессу вместе с семьей. Он рано женился (в бытность еще «профессорским стипендиатом») на Розе Карловне Кнеруевой (дочери перекопского мещанина Карла Андреевича Кнеруева, российского подданного лютеранского вероисповедания) и стал отцом троих детей: дочерей Гертруды (р. 25 июля 1903 г.), Беатрисы (р. 27 октября 1905 г.) и сына Гарольда (р. 21 сентября 1907 г.). В Одессе семья пополнилась еще двумя дочерьми: Маргаритой (р. 3 февраля 1910 г.) и Джиневрой (р. 1 октября 1912 г.). Поэтому естественно, что В.Э. Крусман параллельно с университетской деятельностью начал работать в других учебных заведениях Одессы: в частных женских гимназиях (Лейбезон –

¹ См. подробнее: *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах. Одесса, 2007. С.476-477. [Раздел 6. «Судьбы ученых. Владимир Эдуардович Крусман: последний романтик»].

с осени 1908 г.; Б. Фельдман – с начала 1909 г.), на Высших женских курсах (с осени 1908 г.)¹.

Основная работа в университете требовала большой самоотдачи. Возобновившиеся с приходом В.Э. Крусмана занятия по всеобщей истории вызвали особый интерес у студентов историко-филологического факультета университета. Наплыв студентов, записавшихся на занятия, был велик: занятия проводились в дополнительные часы, и не все подготовленные студентами рефераты удалось прослушать. В письме к И.М. Гревсу Владимир Эдуардович сообщал: «Лекции получил и сам не думал, что студенческая аудитория будет так действовать на меня и так поднимать энергию. С практическими занятиями тоже все хорошо, но столько участников и такое горячее участие, что, вероятно, придется во втором полугодии брать дополнительные часы. Языки (новые) знают здесь, пожалуй, лучше, чем в Питере»².

Интерес студентов легко объясним даже при беглом просмотре номенклатуры общих и особенно специальных курсов, разработанных и прочитанных В.Э. Крусманом на протяжении девяти лет его работы в Новороссийском университете. Среди этих курсов: «Систематическое источниковедение по новой истории», «Общий очерк вспомогательных наук истории (Курс методологический)», «История установления европейского владычества на Индийском океане», «Реформационное движение XIII в. в романских странах», «Возникновение и первый период деятельности иезуитского ордена», «Главнейшие направления историко-философской мысли в новое время», «Общая теория истории (Курс методологический)» и др.

На практических занятиях у В.Э. Крусмана студенты изучали различные виды исторических источников: мемуарную литературу XVI-XIX веков, газетные издания Франции и Германии XVII-

¹ О семье В.Э. Крусмана практически ничего не известно. Н.П. Анциферов сообщает, что у В.Э. был племянник, с которым он путешествовал по Италии, следовательно, у своих родителей В.Э. не был единственным ребенком. К сожалению, нет данных о том, какова дальнейшая судьба детей В.Э. В информационном поле есть некоторые сведения о Б.В. Крусмане, советском искусствовед, Беатриче Владимировне Крусман, Жиневре (Джиневре ?) Вальдемаровне (Владимировне ?) Крусман (г. Москва, род. 1 октября 1912 г.), которая скорее всего является четвертой дочерью В.Э., о Маргарите, праправнучке В.Э., которая, возможно, является внучкой Маргариты, третьей дочери В.Э., и др. Надеюсь, что дальнейший поиск позволит осветить эти страницы персональной истории ученого.

² Цит. по: *Свешников А.В.* Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск, 2010. С.134-135.

XVIII веков, историко-политические трактаты эпохи Возрождения и Просвещения. В его группе работали будущие крупные историки нового поколения – О.Л. Вайнштейн, Н.Л. Рубинштейн, К.П. Добролюбский и другие. Многие из тем студенческих рефератов имели историографический и теоретический аспекты: «О взглядах на тиранию в Греции и Риме», «О закономерностях исторических явлений» и др.

Еще большим разнообразием отличалась его учебная работа на Одесских высших женских курсах (ОВЖК). Здесь за 1909-1916 годы он прочитал курсы лекций: «Введение в изучение новой истории», «Главные обобщения новой истории», «Вспомогательные науки истории», «Систематическое источниковедение по новой истории», «Историография нового времени», «Методология истории», «Английская история в эпоху Тюдоров», «История английского владычества в Индии», «Эпоха возрождения в Англии», «Эпоха возрождения в Италии», «Эпоха крушения средневековых культурных и политических идеалов», «История реформации», «История европейских колоний», «История установления Европейского владычества в Индийском океане», «История Северо-Американских Штатов» и проч.¹. В тематике рефератов для курсисток доминировала биографическая направленность: «Биография Тюрго», «Макиавелли», «Боккаччо как гуманист и художник», «Юность Цезаря Борджиа», «Юность Родриго Борджиа», «Семья Борджиа», «Очерк деятельности Франческо Сфорца», «Взгляды Ж.-Ж. Руссо» и др.

Ремарка-штрих. В.Э. Крусман сразу же завоевал популярность у слушательниц Высших женских курсов своим преподавательским мастерством: его лекции посещали не только слушательницы исторического отделения, но и других отделений ВЖК.

После того как курсы по средневековой истории перешли с 1913 г. новому приват-доценту кафедры П.М. Бицилли, В.Э. Крусман сосредоточился на проблемах новой и новейшей истории, теории и методологии исторического познания, историографии истории нового времени.

¹ См. подробнее: *Попова Т.Н., Мельник О.В.* Историография в учебном процессе на Одесских высших женских курсах // Записки историчного факультету. Вип.4. Одеса, 1997. С.143; *Мельник О.В.* Діяльність Володимира Едуардовича Крусмана на Одеських Вищих Жіночих Курсах (1908-1917 рр.) // Інтелігенція і Влада. Одеса, 2001. Вип. 23. С.247-254.

В.Э. Крусман, бесспорно, был талантливым университетским педагогом, получал удовольствие от преподавательской деятельности и стремился передать студентам свои обширные знания. Пожалуй, по количеству спецкурсов и их разнообразию Владимира Эдуардовича трудно сравнить с кем-либо из представителей историко-филологического факультета Новороссийского университета.

Н.Л. Рубинштейн в своих воспоминаниях дал В.Э. Крусману блистательную характеристику, отмечая индивидуальность его лекторского стиля, новаторство преподавательской методики, умение приобщить студентов к самостоятельному научному творчеству. К.П. Добролюбский, будучи «профессорским стипендиатом» Е.Н. Щепкина, в отсутствии последнего часто консультировался у В.Э. Крусмана. Не считая его блестящим лектором, К.П. Добролюбский тем не менее отмечал, что В.Э. Крусман с увлечением преподносил материал по вопросам, которыми специально занимался.

Владимир Эдуардович обладал густым низким голосом, говорил воодушевленно на волновавшие его темы, и этим, безусловно, привлекал слушателей. К наиболее интересным преподавателям факультета относил В.Э. Крусмана и Г.В. Флоровский, учившийся в Новороссийском университете в 1911-1916 гг.¹

П.М. Бицилли, ближе всех знавший В.Э. Крусмана, считал, что университетские курсы ученого, оригинальные по содержанию, насыщенные новым материалом, были результатом «собственной лабораторной работы» и тесно соприкасались с главным направлением его научных исследований. В.Э. Крусман как преподаватель производил «неотразимое впечатление» на своих слушателей «вечным духовным горением», «научным энтузиазмом», мастерством, с которым он оперировал огромной массой фактов. Стиль его речи не отличался от его «письма», а с «кафедры» он говорил так же, как и в обыденной жизни, что свидетельствовало о «необычайной цельности» его личности, «редкой искренности и простоте»².

¹ Рубинштейн Н.Л. О путях исторического исследования // История СССР. 1962. № 6. С.91; Добролюбский К.П. В Новороссийском университете // Одесский вестник. 1994. 12 февраля, № 22; 19 февраля, № 26; Анциферов Н. П. Из дум о былом: Воспоминания / вступ. ст., сост., примеч. и аннот. указ. имен А.И. Добкина. М., 1992. С.303; Георгий Флоровский: Священнослужитель, богослов, философ. Пер. с англ. М., 1995. С.22.

² Бицилли П. Памяти В.Э. Крусмана // Русская мысль. 1923. Кн. 1/2. С. 344-345. О личности В.Э. Крусмана дают определенное представление обнаруженные не так давно в фондах Научной библиотеки Харьковского университета личные документы В.Э. Крусмана - пять томов его дневников, написанных в период с 1894 по 1911 гг. См. подробнее: Харків-

Практически ежегодно Владимир Эдуардович выезжал в Европу для работы в архивах и библиотеках Англии, Италии, Германии, Франции. Ученый комитет при Министерстве народного просвещения неизменно положительно оценивал итоги этой работы: «неутомимый и дельный работник» – эта характеристика была вполне справедливой.

Однако завершение диссертации все откладывалось. Безусловно, сказывалась семейная обстановка, необходимость постоянных дополнительных заработков. И.М. Гревс причину затяжного процесса подготовки диссертации усматривал и в личностных качествах молодого ученого: удивительной глубине, с которой В.Э. Крусман подходил к каждому изучаемому вопросу, стремлении к фундаментальному критическому анализу источников, к строгому методическому обоснованию выводов, скрупулезности и жесткой требовательности к своей работе.

Ремарка-характеристика. Дневники молодого Крусмана высвечивают такие качества его характера, как романтичность, сентиментальность, созерцательность; это была натура увлекающаяся, с гипертщательностью относящаяся ко всему, за что бы он ни брался (акрибия исследовательская и личностная), и потому часто «утопающая» в мелочах; целеустремленность и «напористость» – качества не из его арсенала; его более увлекал сам процесс творчества, нежели его результаты. С возрастом Крусман не изменился, и его личностные черты проявлялись во всем, что он делал и что он писал.

Однако были и другие причины, среди которых, по признанию самого В.Э. Крусмана, – отсутствие базовой подготовки в области изучения английской истории и четкого научного руководства. В.Э. Крусман считал себя «дилетантом» и «самоучкой» в области англоведения, т.к. в студенческие годы ему не пришлось слушать курсы Н.И. Кареева¹ и И.М. Гревса (в годы учебы В.Э. Крусмана,

---

ський історіографічний збірник. Харків, 2015. Вип. 14. С.179-190.

¹ В.Э. Крусману удалось прослушать одну лекцию Н.И. Кареева 1 сентября 1897 г.: студентов-первокурсников объединили с аудиторией Н.И. Кареева в связи с отсутствием И.М. Гревса, который должен был читать лекции на младшем курсе. В своем дневнике студент Крусман записал: «Ура! Недурно для начала!...Услышу наконец Кареева, моего возлюбленного учителя. Каков он будет из себя, этот знаменитый ученый, этот ревнитель самообразования, книгами которого я зачитывался, программам которого я следовал» [вероятно, В.Э.Крусман был знаком с работой Н.И. Кареева «Письма к учащейся молодежи о самообразовании», 1894. – Т.П.]; далее он подробно изложил содержание лекции с очень

в 1899 г., эти ученые были уволены из университета). Г.В. Форстен научил своего подопечного методике научной работы, но, будучи специалистом по истории скандинавских стран, фактически не руководил его исследованиями по теме диссертации: «...научная щепетильность, – писал впоследствии В.Э. Крусман, – не позволяла ему выступать руководителем и учителем там, где он сам не чувствовал себя полным хозяином предмета»¹.

С переездом в Одессу молодой ученый оказался оторванным от alma mater, в 1910 г. потерял «своего незабвенного учителя» Г.В. Форстена. «Научная изолированность», по определению В.Э. Крусмана, в какой-то мере восполнялась периодическими встречами с И.М. Гревсом, товарищами по университетским годам – А.Е. Пресняковым, В.А. Голованем, В.Н. Забугиным, Л.П. Карсавиным, Н.П. Оттокаром; профессором Р. Саббадини, одним из крупнейших специалистов по эпохе Ренессанса, во время поездок Владимира Эдуардовича в Италию и др.

После смерти Г.В. Форстена И.М. Гревс предложил Владимиру Эдуардовичу свое формальное руководство, и хотя В.Э. Крусман отдавал должное тому вниманию, которое оказывал ему Иван Михайлович, называя его «дорогим учителем и наставником», однако научные и методологические ориентиры ученых в достаточной степени различались. Поэтому В.Э. Крусману, взявшему на себя миссию по сути первопроходца в избранной тематике, пришлось «...самому расправляться с затруднениями, вызванными вопросами о правильной постановке отдельных проблем английской истории...»².

В Одессе неожиданно близким к В.Э. Крусману по тематике научных изысканий оказался К.А. Кузнецов, доктор философии Гейдельбергского университета, основоположник исторического музыковедения в России. С 1913 г. К.А. Кузнецов – экстраординарный, с 1917 г. ординарный профессор кафедры энциклопедии права и истории философии права юридического факультета Новороссийского университета. Человек необычайно одаренный во мно-

---

глубокими для юноши комментариями о восприятии «услышанного» и «прочитанного».

¹ Крусман В. На заре английского гуманизма. Английские корреспонденты первых итальянских гуманистов в ближайшей своей обстановке. Исследование. Одесса, 1915. С. XXVIII.

² Там же. С. XXVIII; Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск, 2010. С.136.

гих областях науки и искусства, К.А. Кузнецов посвятил истории Англии две монографии: «Опыты по истории политических идей в Англии (XV-XVII)» (1913) и «Английская палата общин при Тюдорах и Стюартах» (1915). А.Н. Савин, назвав книги К.А. Кузнецова «незаурядными», тем не менее причислил автора к числу исследователей «больше возбуждающих, чем убеждающих»¹. Возможно, В.Э. Крусмана и К.В. Кузнецова, тесно общавшихся друг с другом в годы их службы в Новороссийском университете, объединило не только проблемное поле научных изысканий, но и привлекательный для обоих подход к восприятию истории – эмоционально-интуитивный в сочетании с тщательным анализом источников.

Но самые доверительные товарищеские отношения сложились у В.Э. Крусмана с П.М. Бицилли², коренным одесситом, выпускником Новороссийского университета. К медиевистическим исследованиям, прославившим его впоследствии, П.М. Бицилли обратился не сразу. В студенческие годы он испытал влияние Е.Н. Щепкина. «Политические теории в эпоху первой реставрации» – тема дипломной работы П.М. Бицилли, которую Е.Н. Щепкин высоко оценил, рекомендовав своего подопечного в «профессорские стипендиаты». Тематика пробных лекций «Фридрих II Гогенштауфен» и «Наказы 1789 г. как исторический источник», прочитанные П.М. Бицилли в декабре 1910 г., также входили в поле интересов Е.Н. Щепкина. Однако в 1906 г. Е.Н. Щепкин был уволен из университета, и П.М. Бицилли оказался под патронатом Э.Р. фон Штерна. Первые публикации П.М. Бицилли (1912) под влиянием ряда работ Э.Р. фон Штерна посвящены истории Рима. Отъезд Э.Р. фон Штерна в Германию (1911), безусловно, повлиял на изменение специализации молодого приват-доцента. К тому же преподавательская деятельность П.М. Бицилли способствовала его обращению к медиевистике: с 1913 года к нему перешли все курсы по истории средних веков, которые ранее читал В.Э. Крусман.

¹ С 1909 г. В.Э. Крусман читал на Одесских высших женских курсах спецкурс «Английская история в эпоху Тюдоров». О К.А. Кузнецове см.: Профессори Одесского (Новороссийского) университета. Биографический словарь. Т. 3 Одеса, 2000. С.155-156; *Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / Составление, вступительная статья, подготовка текста, комментарии и биографический словарь-указатель И.В. Тункиной. М., 2008. С.206, 635; *Савин А.Н.* [Рец.] // Исторические известия. 1916. № 1. С.101-105; *Березкин А.В.* Историк государства и права Англии К.А. Кузнецов // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. СПб., 2005. Вып. 5. С.147-156.

² Парадоксально, но оба ученых умерли в один день – 25 августа.

В этом же году появляются первые рецензии П.М. Бицилли на книги Л.П. Карсавина. Возможно, к проблематике по истории францисканства П.М. Бицилли привлек именно В.Э. Крусман. Известно, что он, заинтересовавшись этой темой, просил в письме к И.М. Гревсу адрес Л.П. Карсавина, занимавшегося этими вопросами предметно, сообщал Ивану Михайловичу о приобретенных им в Европе книгах по истории францисканства и несомненно знакомил с ними своего коллегу.

О.Л. Вайнштейн, с 1915 г. студент факультета, на третьем курсе написал работу «Начало раскола в францисканском ордене», за которую был удостоен золотой медали. Научным руководителем этой работы официально был Е.Н. Щепкин, однако проблемы францисканства – ведущая линия исследований П.М. Бицилли в этот период. В заявлении руководству факультета с просьбой оставить О.Л. Вайнштейна для подготовки к научной работе по кафедре всеобщей истории П.М. Бицилли подчеркивал, что студент написал медальную работу на предложенную именно им тему по истории францисканского ордена.

В.Э. Крусман по-дружески опекал П.М. Бицилли: они были одногодки, но Владимир Эдуардович обладал значительно большим опытом университетской жизни. Специалист по проблемам западно-европейского Возрождения, прекрасный знаток эпистолярного наследия английских и итальянских гуманистов, В.Э. Крусман заинтересовал П.М. Бицилли историей итальянской культуры. Владимир Эдуардович – автор подробной программы, по которой П.М. Бицилли работал в архивах и библиотеках Германии, Франции и Италии в 1913-1914 гг.

Ремарка-info. О влиянии В.Э. Крусмана на П.М. Бицилли пишет и Иван Михайлович Гревс: «Книга П.М. Бицилли [речь идет о «Салимбене...». – Т.П.] вышла как плод ученого труда историка – питомца самого отдаленного от петроградского университета. Тем не менее, она стоит в некоторой связи и с научной работой, совершавшейся в недрах нашего факультета. В поисках за темой магистерской диссертации автор, специально интересовавшийся Средневековьем, был наведен на избранный им предмет, по-видимому, проф[ессором] В.Э. Крусманом, по приезде [sic!] его из Петрограда в Одессу <...> В.Э. Крусман особенно увлекался богатым бытовым матери-

алом, заключенным у фра Салимбене; свой энтузиазм к Италии, еще согретый нашею первою экскурсией туда в 1907 г., он привез в Одессу; заразил им, как кажется, П.М. Бицилли и убедил его посвятить фра Салимбене свое первое ответственное научное исследование. Так сродняется издаелека пришедшая к нам книга с нашими и от нас отчасти вынесенными мотивами научной работы. Всегда радостно вскрывать такие нити взаимного единения»¹.

Сближение с петербургской культурологической школой И.М. Гревса, его непосредственными учениками – О.А. Добиащ-Рождественской, Л.П. Карсавиным, Н.П. Оттокаром и др. скорее всего также произошло благодаря В.Э. Крусману. Владимир Эдуардович консультировал П.М. Бицилли в период работы последнего над магистерской диссертацией, признавал «близость» их взглядов на «ряд исторических проблем» и принадлежность к одному научному направлению.

В 1915 году в Одессе была, наконец, опубликована главная работа В.Э. Крусмана «На заре английского гуманизма. Английские корреспонденты первых итальянских гуманистов в ближайшей обстановке», которую он посвятил Г.В. Форстену («Дорогой памяти Георгия Вас. Форстена»). Представленная в качестве магистерской диссертации, она была защищена в Петроградском (Санкт-Петербургском) университете. 15 февраля 1916 года историко-филологический факультет университета удостоил В.Э. Крусмана степени магистра всеобщей истории (диплом магистра № 1265 от 18 апреля 1916 года).

5 сентября 1916 года В.Э. Крусман был назначен и.д. («исправляющий /исполняющий/ должность») экстраординарного профессора по кафедре всеобщей истории Императорского Новороссийского университета. Его оклад составил 2000 рублей, кроме этого – 500 рублей т.н. «квартирных» (для преподавателей, не имевших собственного жилья) и 500 рублей т.н. «столовых». С 1 января 1917 года за выслугу – пятилетний стаж работы в преподавательской должности – В.Э. Крусман получил прибавку к жалованию в размере 500 рублей в год.

¹ Гревс И.М. Отзыв о книге П.М. Бицилли Салимбене: (Очерки итальянской жизни XIII века). Одесса, 1913 г. / Вступ. ст., публ. и коммент. Клюев А.И., Свешиников А.В. // Средние века. 2014. Вып. 75 (3-4). С. 387-405.

В.Э. Крусман был членом одесских научных обществ – Историко-филологического (действительный член с 1911 г.), Библиографического (в составе учредителей с 5 марта 1911 г., член Совета); секретарем историко-филологического факультета в университете (с марта 1917 г.) и на ОВЖК (с 1916 г.). Как и некоторые его коллеги по университету В.Э. Крусман был награжден светло-бронзовой медалью в память 300-летия Дома Романовых.

Владимир Эдуардович, по воспоминаниям знавших его людей, был достаточно демократичен со своими учениками, давал им полную свободу в разработке намеченной программы. Неизменно благожелательный, скромный в самооценке, он проявлял всегда дружеские, по-настоящему товарищеские, чувства по отношению к окружающим. Большой эрудит и библиофил, В.Э. Крусман собрал уникальную библиотеку, насчитывавшую около 10 000 томов. С симпатией относился Владимир Эдуардович к демократическим порядкам Запада, любил искусство, восхищался Парижем и старался каждое лето проводить в Европе. Книги и поездки – это все, что он считал возможным себе позволить. Очень скромный в быту, В.Э. Крусман был совершенно непрактичен. Известная фраза – «не от мира сего» – вполне точно характеризовала его индивидуальность¹.

П.М. Бицилли о своем товарище написал так: «Я не знаю никого другого, кто бы являл такой разительный пример властвования духа над плотью. И это не было у него “аскезой”, не стоило ему никаких усилий воли, но совершенно естественно и свободно. Этой стороной своей личности он действовал всегда сильнее и невольно подчинял своему обаянию»².

О.Л. Вайнштейн считал В.Э. Крусмана «чисто кабинетным ученым, оторванным от живой действительности эрудитом»³. Владимир Эдуардович действительно любил свой кабинет-библиотеку, где работал и принимал учеников, однако беседовал с ними, по признанию К.П. Добролюбского, не только на научные темы – его волновали проблемы более широкого характера.

¹ См.: *Добролюбский К.П.* В Новороссийском университете // *Одесский вестник*. 1994. 12 февраля, № 22; 19 февраля, № 26; *Рубинштейн Н.Л.* О путях исторического исследования // *История СССР*. 1962. № 6. С. 91; *Гревс И.М.* Памяти В.Э. Крусмана (Некролог) // *Анналы*. 1922. № 2. С.255-256.

² *Бицилли П.* Памяти В.Э. Крусмана // *Русская мысль*. 1923. Кн. 1/2. С.344-345.

³ *Вайнштейн О.Л.* Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. М.-Л., 1940. С.325.

В.Э. Крусман участвовал в просветительской деятельности, не избегал общественной жизни: в период первой мировой войны читал публичные лекции, которые организовывались различными комитетами: «В пользу жертв войны», «В пользу помощи борцам за Родину», «В пользу Красного Креста» и проч.; после Февраля 1917 года вместе с Е.Н. Щепкиным и другими профессорами университета принял участие в работе открывшегося в Одессе Народного университета.

Не занимаясь никогда политикой, В.Э. Крусман, как и большинство демократически настроенной интеллигенции, с воодушевлением принял Февральскую революцию, стал сотрудником издаваемой Е.Н. Щепкиным газеты «Власть народа» и одним из учредителей «Общества 27 февраля 1917 года». Владимир Эдуардович выражал искреннее желание как можно скорее обновить общественную жизнь своей родины в соответствии с теми идеалами, во имя которых и был совершен, по его мнению, «великий государственный переворот» – Февральская революция. Однако очень скоро он пережил разочарование, осознав, что идеалы революции и реальная политическая практика – несовместимы.

В.Э. Крусман вышел из «Общества 27 февраля 1917 года» и из редакции газеты «Власть народа». Свой разрыв с главным редактором и издателем газеты, с коллегой по кафедре – профессором Е.Н. Щепкиным, он попытался обосновать в письме в редакцию газеты «Власть народа»: основная причина – в глубоком неприятии тех приемов и методов, которые стремительно «левевший» Е.Н. Щепкин, нацеленный на радикальное реформирование Новороссийского университета, считал «...желательными и допустимыми для оздоровления нашей общественности»¹. В.Э. Крусман счел необходимым копию этого письма поместить в студенческой газете Новороссийского университета – «Сын народа», предав, таким образом, широкой гласности свои расхождения с бывшими единомышленниками.

Обстановка осложнялась и бытовыми проблемами: в декабре 1916 года приказом Военного отделения Одесского городского общественного управления в квартиру В.Э. Крусмана (улица Ново-

---

¹ Крусман В.Э. Письмо редактору газеты «Власть народа» проф. Е.Н. Щепкину // Одесские новости. 1917. 11 апреля; Крусман В.Э. Письмо в редакцию // Сын народа. 1917. 12 апреля

сельского, дом 67, квартира 4) были направлены «на постой» офицеры и чиновники военного ведомства. Из шести комнат, в которых проживали девять человек семьи Владимира Эдуардовича (он сам, его мать, жена и шестеро к этому времени детей), две нужно было отдать¹. Ситуация была невыносимой, и В.Э. Крусман решает уехать в Пермь.

Из Одессы в Пермь

Одесский период в жизни В.Э. Крусмана, безусловно, занимает значительное место в его жизни и творчестве: именно здесь он состоялся как университетский преподаватель, глубокий исследователь нового для российской историографии научного направления; стал первым профессиональным англоведом, с именем которого связано формирование традиции изучения истории Англии в Новороссийском университете²; оказал бесспорное влияние как человек и ученый на всех, кто соприкоснулся с этим далеко не «второрядным» представителем научного мира и профессорской культуры. Однако «независящие обстоятельства» сыграли свою роль.

П.М. Бицилли, пытаясь осмыслить решение В.Э. Крусмана оставить Одессу, писал в некрологе на смерть друга: немецких корней, протестантского вероисповедания, В.Э. Крусман, называвший себя в шутку «петербургским чухонцем», был «вполне русским человеком», или «русским европейцем»; как и большинство либеральной университетской профессуры, он принял Февраль, но, будучи ученым и трезвомыслящим человеком, предвидел «кровь и террор»; возможно, поэтому он попытался из Одессы («где демон

---

¹ В заявлении на имя ректора с просьбой о ходатайстве перед военными инстанциями о сохранении квартиры, написанном В.Э. Крусманом собственноручно, приведены данные о шести детях; следовательно, в Одессе у В.Э. родилось трое детей; о последнем ребенке сведений на сегодняшний день нет (возможно, это Б.В. Крусман, советский искусствовед). П.М. Бицилли также свидетельствует о наличии шестерых детей. См.: *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. 1-е изд. София, 2015. С. 86.

² См. *Аппатов С.И., Демин О.Б., Першина З.В.* Историческая наука в Одессе за 200 лет // Очерки развития науки в Одессе. Одесса, 1995; *Попова Т.Н., Станко В.Н.* Исторические исследования в Одесском университете: традиции и современность // Вестник Одесского государственного университета. Вып. 1. Одесса, 1995; *Дьомін О.* Вивчення та викладання всесвітньої історії в Одесі в XIX-XX ст. // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету. Вип. 15. Серія: Історичні науки. Номер 1. Чернігів, 2002 и др.

революции вскинулся мелким бесом») скрыться «в древнюю, подлинную, исконную Русь» – ближе к местам своего детства.

В 1916 году Пермский университет, основанный сначала как филиал (Пермское отделение) Петроградского (Санкт-Петербургского) университета, с 5 мая 1917 года приказом Временного правительства приобрел самостоятельный статус (открыт 1 /14/ июля 1917 г.).

И.М. Гревс считал, что В.Э. Крусмана «уговорили» его бывшие коллеги по Санкт-Петербургскому университету, ставшие профессорами Пермского – Г.В. Вернадский и Н.П. Оттокар, бывший одно время деканом историко-филологического факультета, проректором и ректором /1919-1921/ университета и др. Н.Л. Рубинштейн высказал мнение о том, что В.Э. Крусман направился на работу в Пермь, «...не желая подвергнуться украинизации»¹. Вероятно, решение В.Э. Крусмана было обусловлено рядом факторов: сказывалась обстановка на кафедре, в университете, в городе в целом. Владимир Эдуардович не был «правым», не входил в круг А.П. Доброклонского и М.Г. Попруженко (составивших вскоре сообщество научной эмиграции); «левые» (окружение Е.Н. Щепкина) его разочаровали, иные политические направления настораживали. Обстановка в Одессе обострялась. Следует учесть и то, что В.Э. Крусман переходил в Пермский университет на более высокую должность.

Приказом Временного правительства от 28 сентября 1917 года (№ 181) В.Э. Крусман с 1 июля того же года был утвержден и.д. ординарного профессора Пермского университета по кафедре всеобщей истории.

Переезд в Пермь растянулся почти на все годы гражданской войны. Пять последующих лет в волжско-уральском регионе не стали для В.Э. Крусмана «Уходом» от проблем, возникших в Одессе, – революционное цунами настигло его и в этом, отдаленном от Европе, крае.

Покинув Одессу осенью 1917 г., В.Э. Крусман разминутся с семьей, которая направилась в Симбирск. Выехав из Перми в Москву, он оказался оторванным от Урала развернувшейся гражданской войной. Стремясь к семье, вынужден был осесть в Симбирске

---

¹ См.: *Гревс И.М.* Памяти В.Э. Крусмана (Некролог) // *Анналы.* 1922. № 2. С.256; *Рубинштейн Н.Л.* О путях исторического исследования // *История СССР.* 1962. № 6. С.93.

без средств, без работы и без книг: по пути, еще в Харькове, «за-
терялась» его богатейшая библиотека¹. П.М. Бицилли, возможно,
зная обстоятельства дела от самого В.Э. Крусмана, писал, что его
«...превосходная библиотека <...> была секвестрована правитель-
ством “украинской республики”»².

С установлением советской власти в Симбирске В.Э. Крус-
ман начал работать в Симбирском пролетарском государственном
университете, созданном в декабре 1918 г. (открытие состоялось 3
февраля 1919 г.) во главе с заслуженным профессором Казанского
университета А.С. Архангельским. В.Э. Крусман стал секретарем
университетского Совета и, будучи официально ординарным про-
фессором Пермского университета, читал здесь курс истории куль-
туры нового времени и курс социологии.

Пермский период

Обосновавшись наконец в Перми, В.Э. Крусман активно
включился в научно-педагогическую работу. Вместе с Б.Д. Гре-
ковым, Г.В. Вернадским, Н.П. Оттокаром – коллегами по пете-
бургскому университету – он принимал участие в работе Пермской
губернской архивной комиссии³. В области научных исследова-
ний, которые, как и ранее в одесский период, были тесно связаны
с учебной работой, В.Э. Крусман продолжил реализацию своего
глобального проекта, заявленного в монографии «На заре англий-
ского гуманизма...»: ученым была написана книга о первом пред-
ставителе европейской интеллигенции – Петрарке и создан курс
лекций по истории французского салона XVII-XVIII вв.

Именно сравнительно-историческое исследование новых яв-
лений в истории европейской культуры для более глубокого анали-

---

¹ В отделе книжных памятников, ценных изданий и рукописей Центральной науч-
ной библиотеки ХНУ имени В.Н. Каразина хранится часть архива и книжного собрания
В.Э. Крусмана. В результате фронтального осмотра собрания отдела было выявлено на се-
годняшний день около тридцати книг с экслибрисом ученого. Судя по библиотечным по-
меткам на титульных листах, они были переданы в библиотеку в 1925 году. Об истории
этой находки см.: *Киселева Ю.А., Попова Т.Н.* В.Э. Крусман: новые его-документы // Хар-
ківський історіографічний збірник. Харків, 2015. Вип. 14. С.195-198.

² *Бицилли П.* Памяти В.Э. Крусмана // Русская мысль. 1923. Кн. 1/2. С. 345; ГАОО.
Ф. 45. Оп. 4. Д. 1376. Л. 25.

³ См.: *Пирогова Е.П.* Пермская ученая архивная комиссия и ее деятели // Уральский
сборник: История. Культура. Религия. Вып. 3. Екатеринбург, 1999. С. 230.

за английских реалий XIV в. послужило для В.Э. Крусмана своеобразным «толчком» (П.М. Бицилли) к созданию этих трудов.

Ремарка-заметка. В.Э. Крусман признавал огромную роль Франции в формировании «латентного гуманизма в Англии в начале XIV в., значительное влияние французской культуры на Англию того времени – влияние, которое, по его мнению, «углубляло» итальянское влияние, а подчас и заменяло его.

Работа о Петрарке осталась в рукописи¹. Курс лекций был отлитографирован, но В.Э. Крусман, исключительно требовательный к себе, отказался его публиковать, несмотря на настояния друзей. Этот курс, считает П.М. Бицилли, представлял собой «единственное в своем роде исследование, новое не только по материалам, извлеченным им из богатейшего Воронцовского фонда библиотеки Новороссийского Университета, но и по постановке вопроса»².

В Перми В.Э. Крусман опубликовал три статьи «Грань между средневековой и новой историями», «История и современность»³, «Предел новой истории», которые вошли в один сборник: «Пути науки»⁴. Эти статьи тематически взаимосвязаны⁵: главная задача – осмысление происходящего цивилизационного разлома, его места в мировой истории, а также роли научного познания прошлого как инструмента для постижения современности.

Несмотря на склонность к «камерности», В.Э. Крусман «был слишком историк, слишком учен и трезв», не страдал прекрасно-

¹ П.М. Бицилли и И.М. Гревс знали о ее существовании, вероятно, от самого В.Э. Крусмана.

² Русская мысль. 1923. Кн.1/2. С.344. Дальнейшая судьба этих рукописей неизвестна.

³ Название этой статьи получило широчайшее распространение в советскую эпоху, превратившись в своеобразный штамп, используемый и современными авторами.

⁴ Пути науки. Введение в историческое знание. Сборник статей проф. Крусмана, Дурденевского, Булаховского и Казанского / Издание Главного Дорожного Комитета П. Ж. Д. Пермь: Типо-лит. Управления Пермской железной дороги, 1918. С.13-46. Эти статьи уже стали объектом анализа современных авторов. См.: *Нюркаева А.З.* Исследование проблем древности, средневековья и славяноведения в Пермском университете (К 75-летию университета) // Межвузовский сборник научных статей «Античность Европы» / под редакцией И.Л. Маяк и А.З. Нюркаевой. Пермь, 1992. С.121-139; *Колеватов Д.М.* В.Э. Крусман о социальных функциях и адаптивных возможностях исторической науки // Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе. Материалы Всероссийской научной конференции. Пермь, 20-22 сентября 2007 г. М., 2007. С.173-176.

⁵ Возможно, единый смысловой блок этих статей в какой-то мере определил и их публикацию в сборнике: они напечатаны одна за другой, представляя собой практически один тематический текст; не исключено, что это были тексты публичных выступлений В.Э. Крусмана.

душным «интеллигентским фатализмом» с верой в обязательную победу «разума и совести русского народа», но одновременно он чутко уловил звучание «идеалистической ноты в Революции», которая для многих оказалась «неразличима за ревом торжествующего Зверя», – так писал о своем друге П.М. Бицилли¹.

Мировая война («мировая катастрофа»²) и Октябрь («великая русская революция») для В.Э. Крусмана – закономерная веха в периодизации истории, и порожденное революцией «движение» народных масс – такое движение, которого еще не было во всемирной истории, – важнейшее следствие этой «грандиозной революции». Одновременно В.Э. Крусман видит и двойственность революции: с одной стороны, революция поражает тем, что никогда еще в такой степени не оказывались «решающими массовые интересы», с другой – развитие революции показало, что «огромными массами удачно управляют единичные личности». В связи с этим вопрос о роли личности в истории, который, казалось бы, был отнесен уже «к старому хламу исторической науки», опять, убежден В.Э. Крусман, стал актуальным. Новый ракурс этой проблемы историк видит в осмыслении того, каким образом в хаотическом состоянии общества, «при полном развале государственного механизма», личности умеют не только «выявить себя», но и подчинить себе «взбаламученное море массы»³.

Ремарка-штрих. Позитивизм, как известно, выдвинул в качестве главного объекта изучения т.н. «коллективистскую историю»; марксизм сделал акцент на роли народных масс в истории. Проблема роли личности в условиях государственного разлома – «крушения» СССР – опять актуализировалась к началу 1990-х гг.

Революционная эпоха в то же время показала, констатирует историк, что прежние знания об обществе и государстве, о самой исторической науке терпят крах и с необходимостью требуют ревизии всех прежних представлений.

Обращение к роли исторической науки в обществе, поиски осознания теснейшей связи истории и современности В.Э. Крус-

¹ См.: Бицилли П. Памяти В.Э. Крусмана // Русская мысль. 1923. Кн. 1/2. С. 345.

² См.: Крусман В.Э. Предел новой истории // Пути науки. Введение в историческое знание. Пермь, 1918. С. 42.

³ Крусман В. История и современность // Пути науки. Введение в историческое знание. Пермь, 1918. С. 20.

мана «вписываются в общеевропейский процесс переосмысления классической парадигмы истории»¹.

Называя себя «присяжным представителем науки», В.Э. Крусман, вопреки сложившемуся канону позитивистской философии науки не считал, что наука должна быть «чистой, беспартийной, внеклассовой, независимой, самодавлеющей». Он трезво оценивал состояние своей профессии к началу XX в.: историческая наука не вышла из стадии «прикладной науки», зависящей от конъюнктуры социального спроса и от «давления извне». Однако в этой ситуации ученый не видит трагизма: не ущербность исторического познания, но его возможности более значимы для него.

Утилитаризм и научность – это не взаимоисключающие характеристики знания, но дополняющие стороны его развития:

во-первых, «давление извне», определяющее различные направления в исторической науке (придворная, черносотенная, народническая, марксистская, буржуазная наука и проч.), лишь способствует появлению различных «точек зрения», что позволяет расширять ракурсы восприятия прошлого;

во-вторых, изменение исторической ситуации неизбежно влечет за собой рождение нового взгляда на прошедшие события, заставляя «заново перерабатывать историю»: как Французская революция заставила заново «переработать историю», так и современная мировая война и революция могут оказать «подобное влияние»;

в-третьих, историческая жизнь, которая сложна сама по себе, все более усложняется в современную эпоху в связи с вовлечением к активному участию в общественной жизни все большего количества масс, а это требует от исторической науки новых подходов и методов.

Долг профессионального историка, по Крусману, – быть восприимчивым к запросам современности и одновременно стоять на страже интересов «чистой науки». В.Э. Крусман во многом предвосхитил новое понимание науки – в ее социокогнитивном статусе, которое наберет силу только к 60-70-м гг. XX в.: внутренняя автономность науки и обусловленность ее развития социальной средой, исторической ситуацией, «интересами» ее «покровителей» – для него не взаимоисключающие категории, но различные

¹ Колеватов Д.М. В.Э. Крусман о социальных функциях и адаптивных возможностях исторической науки // Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе. Материалы Всероссийской научной конференции. Пермь, 20-22 сентября 2007 г. М., 2007. С.174.

ипостаси единого явления – науки¹.

Ремарка-воспоминание. Университетская жизнь в пермский период была сложной. По воспоминаниям бывших студентов, профессор приходил в университет «в больших подшитых валенках, в какой-то рыжей издававшей виды дохе». Но когда начиналась лекция, Владимир Эдуардович «...забывал обо всем на свете. Перерывов для него не существовало. Он словно красками писал картину. Вдохновенно, образно, ярко лилась его речь, один поток мыслей нагромождался на другой, одна мысль торопила другую. Эти мысли было трудно записать. Мы оставляли тетради и только слушали. Но в целом оставалось удивительное впечатление, мы были по-настоящему взволнованы и благодарны... В.Э. Крусмана любили все как-то особенно нежно: каждый, кто знал его, питал к нему самое глубокое уважение. И было больно узнать, что летом 1922 года Владимир Эдуардович умер в Москве. Мы увеличили его портрет и повесили в кабинете всеобщей истории»².

Блистательный представитель университетской науки начала XX в., В.Э. Крусман явился предвестником многих научных идей и направлений исследовательского поиска, а также новатором в сфере университетского преподавания.

Пермский период в жизни В.Э. Крусмана стал не только продолжением творческой биографии ученого, но и новой ступенью его зрелости как человека, гражданина и профессионального историка. Однако судьба предоставила ему слишком мало времени...

Бесчисленные поездки В.Э. Крусмана в поисках библиотеки, без которой он не мог жить и работать, окончились трагически: 25 августа 1922 года ученый умер в Москве.

Сюжет первый. О концепции и ее воплощении

К.В. Флоровская в письме к брату Георгию (от 12 марта 1923 г.) сообщала о том, что П.М. Бицилли прислал ей письмо с

¹ См. подробнее: *Попова Т.Н.* В.Э. Крусман: эпоха и наука под скальпелем историка // *Стародавнє Причорномор'я*. Випуск XII / Голов. ред. І.В. Немченко. Одеса: Одеський національний університет імені І.І. Мечникова. 2018. С. 446-453.

² *Молодцов В.А.* Здесь я принял эстафету, которую несу всю жизнь... // *Пермский университет в воспоминаниях современников*. Изд. дом «Среда» Вып. I. / сост. А.С. Станиславский. Пермь: Изд-во Томского гос. ун-та, Пермское отделение, 1991. С.18.

некрологом, посвященным В.Э. Крусману. П.М. Бицилли просил дополнить текст, однако Клавдия Васильевна, хорошо знавшая В.Э. Крусмана и по Петербургу и по Одессе, сочла, что дополнять ничего не нужно¹: П.М. Бицилли как всегда писал емко, четко, образно – эмоциональная напряженность трехстраничного текста сочеталась с глубоким аналитическим подходом, биографические факты автор блистательно соединял с концептуальными построениями.

П.М. Бицилли, друг и единомышленник, был одним из немногих, с кем В.Э. Крусман, вероятно, делился своими проектами. Оценка научного наследия В.Э. Крусмана, данная П.М. Бицилли в некрологе, написанном им в память друга, позволяет совершенно в ином ракурсе подойти и к анализу основного труда ученого («На заре...»), и к пониманию его общего творческого замысла.

Характерной чертой В.Э. Крусмана как исследователя, по мнению П.М. Бицилли, была «грандиозность его научных замыслов и исканий», которые соответствовали «широте его интересов, мощи его духа, высоте его умонастроения»; все это «в сочетании с неутомимой работоспособностью, феноменальной памятью и поистине изумительной начитанностью» создавало неповторимый облик ученого.

П.М. Бицилли разъясняет, что монографию «На заре английского гуманизма», ставшую магистерской диссертацией В.Э. Крусмана, следует рассматривать «в качестве torso», т.е. своеобразного «отрывка», понять и оценить который нельзя, если не знать, с каким «общим замыслом» он был связан. Книга в 600 с лишним страниц «детальнейших исследований» о судьбе двух английских гуманистов XIV в. – Ричарда де Бери и Томаса Эрунделя – представителей высоко просвещенной церковной элиты (к фигурам которых еще никто до В.Э. Крусмана предметно не обращался, в том числе и в английской историографии), представляла собой по замыслу ее автора «увертюру» к истории раннего английского гуманизма, своеобразную прелюдию к той работе, которая и была главной целью всей научной деятельности ученого.

Ведущее направление исследовательских поисков В.Э. Крусмана – «история европейского общества» («европейской “интели-

¹ См.: Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. 1-е изд. София, 2015. С.108. Некролог был опубликован в этом же году в журнале «Русская мысль», редактируемым П.Б. Струве и выходившим в это время в Праге (1923. Кн. 1/ 2. С. 342-345).

генции”», по терминологии автора, как выразителя «духа европеизма»), «синтез европейской культуры, понятый в ее происхождении».

Для создания этого «синтеза» В.Э. Крусман обратился к исследованию особенностей психического склада европейцев, но поскольку эти особенности обнаруживались, по его мнению, только «при столкновении представителей европейской культуры с другими культурами», то развертывание главного направления предполагалось через изучение двух «параллельных» тем.

Во-первых, это – история общественной жизни в Западной Европе, а именно происхождение общественного мнения «как факта социальной психологии»; при этом исследование «общественного мнения» предусматривало анализ различных, эволюционно сменявших друг друга типов его организации, многообразных форм его проявления, способов и характера «его действия на массы».

Во-вторых, это – история «европейского империализма» на основе сравнительно-исторического анализа европейской и других мировых культур.

Подобная постановка В.Э. Крусманом проблемы «синтеза западно-европейской культуры», по мнению П.М. Бицилли, доказывала «глубокое историческое чутье» ученого. Согласно взглядам В.Э. Крусмана, «дух европеизма» наиболее ярко был выражен в «двух творениях» «творческого гения Европы»:

– с точки зрения своего «внешнего проявления» – в стремлении создать «мировое царство» с осознанно поставленными «культурными целями, лишь отчасти вытекающими из целей экономической эксплуатации и политического властвования»;

– с точки зрения «внутренних задач»: в создании независимого от государства общества – «социального образования», «являющегося творцом и носителем народных идеалов», «противопоставляющего» себя государству и не имеющего себе аналогий в других, «вне-европейских», культурах.

Исходя из этих концептов, в качестве «нормативного» европейского социально-психологического и политического образования В.Э. Крусман избрал Англию, а «английская общественность» стала главным объектом его анализа. История Англии как «классической земли “новой гражданственности” и свободной мысли» интересовала В.Э. Крусмана с точки зрения генезиса определенных политических, социальных, этических и прочих «идеалов» и

их «осуществления на практике». В связи с этим он не ставил своей задачей исследовать обстановку – среду, «саму по себе», создавшую и осознавшую эти идеалы.

Первая монография ученого рассматривалась им как «часть введения» в историю английского общества, в которой центральное место автор собирался отвести «английскому салону» XVIII в. Подобный подход «издалека» диктовался «условиями и характером задачи»:

во-первых, «зарождение *общества*» (курсив П.М. Бицилли. – Т.П.) в результате «секуляризации культурного слоя» приходился на XIV век;

во-вторых, поскольку В.Э. Крусман поставил вопрос о «внутренне-закономерном» развитии английского общества, как *нормативном*, или *типичном* [курсив П.М. Бицилли. – Т.П.], нельзя было обойти «вопроса о *происхождении* [курсив П.М. Бицилли. – Т.П.] гуманизма в Англии».

Важнейшим научным достижением В.Э. Крусмана, по мнению П.М. Бицилли, является то, что «ему удалось вполне твердо установить самостоятельность Англии в этом отношении».

Сам В.Э. Крусман считал, что в соответствии с целью книги – «дать возможно полную цепь деятелей английского гуманистического просвещения» – ему все-таки удалось установить «совсем новые звенья этой цепи», использовать давно забытые или почти никогда не привлекавшиеся наукой материалы¹, внести поправки и дополнения в биографии практически всех деятелей, причисляемых к «гуманистическому лагерю» за исследуемый период.

В процессе своей работы В.Э. Крусман неизбежно вовлекался в политическую историю Англии и, изучая посвященную этому направлению литературу, констатировал в результате полную «неразработанность английской политической истории конца средневековья» на начало XX века.

Свою заслугу как исследователя В.Э. Крусман видел в том, что им в определенной степени был «расчищен путь» для дальнейшей более глубокой разработки «одного из наиболее интересных направ-

---

¹ Предшественники В.Э. Крусмана в большей степени опирались на источники повествовательные, поэтому он расширил базу исследования за счет актового и документального материала. См.: Крусман В. На заре английского гуманизма. Английские корреспонденты первых итальянских гуманистов в ближайшей своей обстановке. Исследование. Одесса, 1915. С. XXVI-XXVII.

лений в жизни английского общества на рубеже нового времени».

Важнейшим достижением В.Э. Крусмана был его вывод о переходе к гуманизму не как «резкому перелому», но как естественному процессу вызревания «новой культуры» из старой – средневековой: новое «движение» – Ренессанс – «не есть разрыв со средневековой культурой, а прямое ее продолжение».

Второй, не менее важный тезис, – признание Возрождения как процесса, что требует изучения и выявления регионально-временной специфики «Возрождений в истории западно-европейских народов». В самом Возрождении как историческом явлении В.Э. Крусман особо выделял интеллектуальный стержень.

Третий инновационный тезис: «увертюра истории английского гуманизма», казалось бы, оборвавшаяся на Ричарде де Бери и его кружке, на самом деле, был уверен В.Э. Крусман, получила дальнейшее развитие. Несмотря на то, что «проявления» гуманизма были практически неразличимы («опустились ниже порога различимости»), «латентный» период гуманизма в Англии в начале XIV в., делал вывод автор, подготовил почву «не только для восприятия, но и для зарождения идей Возрождения»: в конце XIV в. в творчестве Джеффри Чосера, а через век, с конца XV в., идеи гуманизма займут в английской культуре прочное положение.

Сюжет второй. О методологии¹

Об исторической науке. В.Э. Крусман не поддерживал неокантианскую классификацию наук, согласно которой историческая наука относилась к наукам «о духе». Для него история как наука – одна из самых сложных именно потому, что она изучает деятельность человека – материю и дух «в их совместном действии»². Сложность этой науки заключается и в том, что ее объект – человек в его деятельности – требует от историка помимо своих профессиональных знаний широчайшего кругозора из области разных дисциплин: литературоведения, искусствоведения, географии, психологии и проч.

---

¹ В мою задачу не входит связать идеи В.Э. Крусмана с конкретными методологическими школами и направлениями, «уложить» его в определенную общепринятую «нишу», – профессиональный Читатель сможет сам разобраться в непростой теоретической и методологической платформе ученого.

² Крусман В.Э. История и современность // Пути науки. Введение в историческое знание. Пермь, 1918. С.15.

Будучи представителем нового направления в европейской науке – историко-культурного, В.Э. Крусман отчетливо понимал задачи этого направления исследований, его отличие от истории литературы, принимая во внимание длительную (к началу XX в.) традицию культурно-исторической школы в литературоведении.

Историка культуры, по его мнению, в первую очередь интересует специфика эпохи в ее культурной эволюции, поэтому для него главное: из мозаики фактов – «намёков», «мимолетных замечаний, мелких данных актового материала» – воссоздать «облик» («физиономию») конкретного периода в истории «культурного общества», «вскрыть действовавшие в полумраке силы» («каменщиков, строивших фундаменты»), которые участвовали в «создании крупной литературной эволюции», подготовлявшей общество для появления «великих ее светил», создателей новой литературной традиции – Дж. Чосера и других «архитекторов» новой эпохи в культурной истории Англии.

Следуя канонам плюрализма, В.Э. Крусман не сводил науку к какой-либо одной теории: развитие науки, считал он, происходит в движении теорий, которые, преодолев свою гипотетичность, превращаются в «знание», основанное на достоверных фактах, и таким образом становятся «достоянием науки». Взятые по отдельности концепции – буржуазные, марксистские, народнические и проч. – не представляют для науки особой ценности, они лишь отражают свое «положение в определенном обществе», однако «новое знание» в большей или меньшей степени дает «всякая точка зрения». Поскольку наука – это «определенное отношение» ума к окружающей действительности, постольку появление «разных подступов к действительности» способствует более глубокому ее познанию.

Действительность всегда влияет на историческую науку, и любое «конструирование истории», заключает ученый, будет в значительной степени зависеть «от условий момента», когда оно осуществлялось.

Для В.Э. Крусмана исторический процесс объективен и реален – он «идет своим чередом», но изучение исторического процесса всегда избирательно: оно зависит от общественных интересов (социального запроса), которые в данной ситуации представляются наиболее значимыми для стабильности и развития общества. Общественная жизнь с ее интересами в конкретный период всегда

детерминирует определенный фокус изучения истории, обращение к «отдельным сторонам» исторического процесса.

Одновременно знание своего прошлого также влияет на «самосознание», особенно – «знание ближайшего прошлого».

В.Э. Крусман считал, что современникам не дано объективно оценить свое место в истории: подлинный исторический синтез может дать только будущее, т.к. «сравнительная и абсолютная оценка беспрестанно меняются». Только последующим поколениям подвластно понять сущность минувшей эпохи, поскольку им доступны ее последствия и их значение. Именно в этом заключается движение науки – новые поколения вносят свои «поправки» в официальную концепцию современников.

Об источниках. Главное для историка – работа с источниками, которые В.Э. Крусман определял как «отражение человеческой культуры» и разделял (подчеркивая условность классификации) на *остатки* (вещественные источники) и *традицию*, включающую традицию:

- *образную* (картины, скульптуры, рисунки, гравюры, карты, планы, фотоснимки и кинематограф),
- *устную* (своеобразное отражение народного самосознания) и
- *письменную* (газеты, памфлеты, посольские реляции, мемуары, актовый материал и др.).

Изучение источников, по Крусману, требует выяснения вопросов не только о том, как источник возник и развивался, но и о том, как подходили к его изучению в разные эпохи.

Ремарка-мнение. Для В.Э. Крусмана анализ историографической традиции и повременной рецепции исторического материала – непреложные задачи профессионального историка, выраженные в историографизации исследовательского подхода.

Каждая из групп источников требует своего подхода: образная традиция, например, предоставляет «возможность *вживания* в уже минувшую эпоху» [курсив мой. – Т.П.], устная – ориентирует на «осторожность в анализе», учитывая значительный элемент ее мифологизма.

Понимание ценности источников В.Э. Крусман связывал со знанием истории их возникновения и хранения, поэтому изучение истории «средств оповещения», почты, книгопечатания, прессы,

истории международных отношений, дипломатии, биографий авторов мемуаров и проч., истории и состояния хранилищ «отражения человеческой культуры» (архивов, музеев, библиотек и др.) – для него важнейшая составляющая источниковедческого анализа.

В.Э. Крусман придавал первостепенное значение самому факту наличия источников и их информативности. В работе с источниками, особенно – с актовым материалом, В.Э. Крусман опирался на «заветы» своего учителя – Г.В. Форстена, «убежденного и убедительного защитника самого щепетильного отношения к историческому факту».

В процессе поиска и обработки источников для изучения генезиса гуманизма в Англии В.Э. Крусман постоянно чувствовал неудовлетворенность, ибо его исследовательский энтузиазм ограничивался, как он говорил, «строптивыми источниками»: за каждой страницей текста «происходила борьба» между тем, что автор чувствовал «за источниками», и тем, что научная корректность «разрешала из них вычитывать»; часто приходилось лишь констатировать «факт», т.к. «материал не давал возможности идти глубже».

История зависит от факта в его неизменности, ибо «прошлое – не повторно», поэтому история не нуждается «в обобщениях», главное – фактологическая полнота и глубина анализа. Поэтому наличие максимально полной источниковой базы выступало для ученого критерием научности: поиск мельчайших данных, из которых он пытается составить «мозаику» фактов, сбор и объединение всего «доступного материала» – эту задачу В.Э. Крусман ставил в своем исследовании.

Акцентуализируя источник и твердые факты, В.Э. Крусман не исключал в то же время возможности гипотетических построений – отступлений от «твердой почвы фактов» и устремлений по пути, пролегающем «на неустойчивом грунте предположений». К таким гипотезам В.Э. Крусман относил и собственную «уверенность... в хотя бы и не безусловной, но всетаки прочной самобытности английского гуманизма» [орфография В.Э. Крусмана. – Т.П.].

Сама ценность источника определялась В.Э. Крусманом не только по тому, насколько тот или иной источник позволял «вникнуть в действительную сущность явления», – не менее важно понять, насколько «сильное влияние» могли иметь эти источники на современников, «на общественное мнение».

Любой исторический факт – источник, событие, явление – всегда должен рассматриваться историком, убежден ученый, «и по сущности своей, и по тому, как оно [это явление. – Т.П.] *представлялось*»¹ [курсив мой. – Т.П.]. На этот важнейший методологический постулат В.Э. Крусман опирался при изучении генезиса гуманизма в Англии.

О представлениях и образах. Рассматривая закономерности гуманистической традиции и особенности ее проявления в Италии и Англии, В.Э. Крусман обращал внимание на то, что в Англии до конца XV в. шел «непрерывный процесс доростания» английских интеллектуалов до идеалов гуманизма «без разрыва с прошлым». И только с конца XV в. англичане «все чаще принимают разыгрывать гуманистов по общепризнанному впоследствии фасону», т.е. следуя установленному итальянцами *образу гуманиста* [курсив мой. – Т.П.].

В.Э. Крусман считал, что в Италии «гуманизм как форма разрыва со средневековьем» [курсив мой. – Т.П.] вначале тоже не существовал, но «казался таким», и прежде всего потому, что именно этот образ «там рекламировали»: по сути, он был выработан итальянской интеллигенцией от Петрарки до Чинквеченто. «В истории итальянского гуманизма мы имеем дело с огромным количеством самопрославления...»², – констатирует ученый. И именно эта историографическая традиция в восприятии образа гуманиста и гуманизма закрепились в литературе: «тип гуманиста» в Англии XIV и XV вв. не редкость, но в то же время – «поза», в который гуманиста зафиксировала историография, в значительной степени опирающаяся на образ, созданный итальянцами.

Английскими гуманистами за два века было сделано многое – «...они следили за прогрессом мысли... содействовали в определенном направлении просвещению... подготавливали соответственно вышколенных работников для борьбы с властью тьмы...», – но все это происходило без рекламы, свойственной их итальянским собратьям.

Сделав такой радикальный вывод, В.Э. Крусман, следуя правилам научной корректности, оговаривает: «Автор не чувствует за

¹ См.: Крусман В.Э. Введение в изучение новой истории. Курс лекций по систематическому источниковедению. [Машинопись] / НБ ОНУ им. И.И. Мечникова. С.7.

² Крусман В. На заре английского гуманизма. Английские корреспонденты первых итальянских гуманистов в ближайшей своей обстановке. Исследование. Одесса, 1915. С. XV.

собой права идти дальше данного вывода, да и последний имеет лишь ценность предположения, ибо данное исследование производилось на основании сравнительно узкого материала».

О категориальном аппарате. Проблема категорий для В.Э. Крусмана – одна из важнейших теоретических проблем исторической науки. Всякая наука, отмечает он, нуждается для своего движения вперед в определенных «технических приспособлениях»: в технических науках – это материальные приборы, в гуманитарных – «слово», поэтому историческая наука, как и все гуманитарные науки, движется вперед «путем развития своей терминологии»¹.

В то же время В.Э. Крусман постоянно акцентирует «условность» терминологии, подчеркивая, что любой термин неадекватен реальным историческим явлениям. Например, «средневековое мирозерцание» и «мирозерцание эпохи Возрождения» для него – понятия «неотчетливые», поскольку корни последнего – в средневековье и, возможно, не только в позднем. За понятиями «Возрождение» и «гуманизм» также «не кроется» точного содержания. Эти термины, поясняет он, употребляют в узком смысле – как этап в эволюции классической филологии, в широком – как эпоха зарождения индивидуализма, причем обе эти попытки, по мнению В.Э. Крусмана, «оказались одинаково безуспешными», и этот факт как недостаток он относит ко всей специальной литературе.

Историк тем не менее должен стремиться к выявлению более точного содержания употребляемых им понятий. Для этого, предлагает В.Э. Крусман, необходимо выявить «доминирующую» в историческом процессе какую-либо «черту», которая и определит «вычеканенный» исследователем «подходящий термин».

Формирование и применение категориального аппарата В.Э. Крусман неразрывно связывал с необходимостью изучения *истории понятий* [курсив мой. – Т.П.]. Так, обращаясь к истории термина «Возрождение», он апеллирует к историографии вопроса: термин «Ренессанс (Возрождение)» был «выкован» в Италии в XVI в. для характеристики явления, наблюдаемого в Италии на протяжении XIV-XVI в., когда явственно наметилось «тяготение наиболее интеллигентной части общества к усвоению и продолжению в литературе, искусстве и самых разнообразных проявлениях

---

¹ Крусман В.Э. Грань между средневековой и новой историей // Пути науки. Введение в историческое знание. Пермь, 1918. С.26.

быта античной традиции, – вплоть до переоценки едва ли не всех ценностей в соответствии с идеалами древнего мира, как их тогда понимали»¹.

«Чекан» этого термина с течением времени не раз менялся:

- Джорджо Вазари использовал его для определения возрождения античных традиций в искусстве;
- в XVIII в. этот термин «в общем смысле эпохи» вошел в употребление в литературной среде;
- в историческую терминологию слово «Возрождение» ввели в XIX в. Жюль Мишле и Якоб Буркхардт – их «редакция» (по сути – трактовка – «определенная чеканка») на полвека «загипнотизировала» историческую науку.

Этим фактом В.Э. Крусман проницательно свидетельствовал о роли т.н. «научной репутации» в создании непререкаемых эталонов в историографии, во многом догматизировавших науку и пресекающих научный поиск, шедший вразрез с «официальной» концепцией.

К началу XX в., отмечал В.Э. Крусман, в науке утвердилось более широкое понимание сущности «Возрождения»: ренессансные проявления стали изучать в различных частях Европы – появилась региональная окраска понятия; этот термин связали не только с возрождением идеалов античности, но и «средневековых идеалов», с «возрождением схоластики» и проч.

Сам историк, стремясь к смысловой точности своего исследования, под «Возрождением» понимал «...наступление для более или менее значительного количества лиц момента, когда для них оказывается возможным использовать и обратить накопленные античной культурой и так или иначе сохранившиеся умственные сокровища для обогащения своего интеллекта или просвещения своего времени».

При этом он разводил понятия «эпоха Возрождения» и «процесс Возрождения». Первое, по его мнению, – «специальный термин», определяющий время, «когда... ассимилирование себе античного наследия европейским культурным обществом достигло столь значительной степени», что и до сих пор трудно «размеже-

---

¹ Крусман В. На заре английского гуманизма. Английские корреспонденты первых итальянских гуманистов в ближайшей своей обстановке. Исследование. Одесса, 1915. С. XXII, XXIV.

вать те влияния», которым «наша культура больше обязана: античности или средневековью».

О методах. В.Э. Крусман работал в русле ведущих общеевропейских тенденций научного поиска начала XX в.: стремление к синтезу (Школа исторического синтеза Анри Берра), к широкому историко-культурному полотну (школа Г.Ф. Форстена и И.М. Гревса), различные вариации психологизма в исторических исследованиях, проблемы подсознания и проч. находят то или иное преломление в методологии ученого.

Наряду с этим каноны академического профессионализма XIX в. – приемы источниковедческого анализа в русле позитивистской платформы, акцент на факт и источник в сочетании с классикой методов (историко-генетического и историко-сравнительного с проекцией в типологический) – сохранялись в качестве базовой основы методологического арсенала В.Э. Крусмана.

Среди новаций В.Э. Крусмана как историка – обращение к исследованию особенностей психического «уклада европейца»: он одним из первых попытался рассмотреть историю развития общественной жизни и происхождения общественного мнения в Западной Европе как факта *социальной психологии* [курсив мой. – Т.П.], при этом общественное мнение исследовалось им с учетом различных, эволюционно сменявших друг друга *типов* [курсив мой. – Т.П.] его организации, форм проявления, способов действия на массы и проч.

Особенности психического уклада европейца В.Э. Крусман изучал на основе применения сравнительно-исторического метода, правомерно считая, что эти особенности обнаруживаются «при столкновении представителей европейской культуры с другими культурами»: «природа человека», как носителя определенного «культурного духа», вскрывается обычно в условиях новой для него непривычной обстановки, которая требует решения непредвиденных задач, быстрой реакции на неожиданные впечатления; эта ситуация порождает саморефлексию и заставляет «проявлять в наивысшей степени свою творческую энергию».

Особым приемом в исторических исследованиях, «без которого никакой исторический синтез невозможен», В.Э. Крусман считал *периодизацию*, необходимую для «лучшего понимания исторического процесса». Критерием периодизации, по его мне-

нию, должны выступать не конкретные исторические события, но определенный «комплекс идей», который «удостоится внимания активного руководящего меньшинства общества», – именно это создает «характерный отпечаток» таких эпох, как Возрождение, Католическая Реакция, Реформация, Просвещение, и в том числе – Революции. Именно в таком смысле «средние века отделяются от нового времени эпохой Возрождения или Ренессанса».

«Зарю» английского гуманизма В.Э. Крусман определял с точки зрения генезиса новых политических, социальных, этических и прочих «идеалов» и их осуществления на практике. Роль «интеллектуальных движений», которые постепенно, подчас «латентно», подготавливали почву для новой эпохи, В.Э. Крусман считал первостепенной для определения исторических рубежей.

В процессе «интеллектуальных движений» В.Э. Крусман выделял не только осознанные современниками идеалы, но «бессознательную подготовку» нового этапа сознательной жизни: «...область бессознательного подчинена тем же законам, что и область сознания, тоже отнюдь не бессвязна, тоже отнюдь не беспричинна, а тесными узами сплетена с предыдущими сознательными и бессознательными процессами».

Рассматривая проблему периодизации, он подчеркивал условность деления истории, в том числе и на новую, средневековую и древнюю: «как бы ни сильно повлияло на течение исторических событий то или иное крупное историческое явление, оно не способно сразу оборвать воздействие предшествующих ему событий на последующие».

В.Э. Крусман, размышляя о проблеме развития арсенала методов, проницательно отмечал, что методы исторических наук вырабатываются в результате изучения прошлых эпох, «более простых» по сравнению с современностью, поэтому с их помощью трудно справиться с изучением истории, в частности новейшего времени, а это обстоятельство заставляет искать новые средства познания.

Эпилог

«Ощутить и учесть в полной мере, какую потерю понесла в его лице русская наука, – писал в 1923 г. П.М. Бицилли, – в состоянии лишь его ученики, либо те, кому, подобно мне, выпало на долю

провести, в пору его научной и преподавательской деятельности, несколько лет в постоянном товарищеском общении...»¹.

П.М. Бицилли оценивал В.Э. Крусмана как одного «из самых сильных и значительных» представителей «блестящей петербургской школы» историков. В.Э. Крусману были свойственны «грандиозность» научных замыслов и исканий, исключительная работоспособность, феноменальная память, широта интересов в сочетании с «изумительной начитанностью».

Глобальность замыслов В.Э. Крусмана, характерная для его личности еще с юношеских лет, удовольствие, которое он получал от самого процесса научного поиска и создания текстов, гипертрофированный перфекционизм – черты творческой индивидуальности этого ученого.

Исследовательская стратегия В.Э. Крусмана была грандиозна, и он собирался посвятить воплощению своей мечты всю свою творческую жизнь, поэтому «не спешил», «вынашивал», но, увы, судьба распорядилась иначе...

Ученому не удалось в полной мере реализовать свой проект – осмыслить историю европейской интеллигенции как выразителя «духа европеизма», – и все-таки он стал новатором и по постановке проблемы, и по концептуальным идеям, и по методам – широкому компаративистскому анализу взаимовлияний Европы и мира в целом, социопсихологическому подходу к изучению общественных страт и личностей и проч.

Изыскания В.Э. Крусмана имеют прямую проекцию в научные поиски современной историографии: историко-культурный анализ общества «переходного» периода – от средневековья к новому времени; генезис интеллектуальных сообществ в контексте «интеллектуальных сетей»; акцент на его-документы; психологические методы анализа, компаративистский подход и др. В.Э. Крусман стал первым из историков, познакомивших общероссийское культурное общество со знаменитым трактатом Ричарда де Бери «Филобиблон». В новейшей литературе приняты и получили свое развитие многие идеи этого незаурядного ученого².

¹ Бицилли П. Памяти В.Э. Крусмана // Русская мысль. 1923. Кн. 1/2. С. 342.

² См.: История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения / Под ред. Л.М. Брагиной. М., 1999; Немченко И.В. Научные изыскания В.Э. Крусмана в Одессе // Древнее Причерноморье. 1У - е Чтения памяти профессора Петра Осиповича Карышковского. Одесса, 1998; Она же. Проблеми середньовічної культури в дослідженнях науковців

И.М. Гревс, основоположник оригинальной культурологической школы российских медиевистов, называл В.Э. Крусмана «выдающимся историком» и считал, что «...специалистам было бы правильно еще раз пересмотреть его работы...»¹.

В этом году (2022) исполняется 100 лет со времени трагической кончины ученого. «Присяжный представитель науки» – **Владимир Эдуардович Крусман** – требует нового вдумчивого прочтения.

Новоросійського університету // Записки історичного факультету. Вип. 16. Одеса, 2005; *Она же*. Преодолевая стереотипы: П.М. Бицилли и В.Э. Крусман в одесский период творчества // Curriculum Vitae. Вып.2.: Творчество П.М. Бицилли и феномен гуманитарной традиции Одесского университета. Одесса, 2010; *Зленко Г.* Первооткрыватель «Филобиблona». К 120-летию со дня рождения историка В.Э. Крусмана // Вечерняя Одесса. 1999. 9 декабря; *Шевчук Н.А.* В.Э. Крусман и его научно-педагогическая деятельность // Вопросы германской истории. Сб. научных трудов. Днепропетровск, 2001; *Пирогова Е.П.* Пермская ученая архивная комиссия и ее деятели // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Вып. 3. Екатеринбург, 1999; *Нюркаева А.З.* Исследование проблем древности, средневековья и славяноведения в Пермском университете (К 75-летию университета) // Межвузовский сборник научных статей «Античность Европы» / под редакцией И.Л. Маяк и А.З. Нюркаевой. Пермь, 1992; *Колеватов Д.М.* В.Э. Крусман о социальных функциях и адаптивных возможностях исторической науки // Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе. Материалы Всероссийской научной конференции. Пермь, 20-22 сентября 2007 г. М., 2007; *Свешиников А.В.* Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск, 2010; *Hausmann G.* Universität und städtische Gesellschaft in Odessa, 1865-1917: soziale und nationale Selbstorganisation an der Peripherie des Zarenreiches. Stuttgart, 1998. (См. *Шевчук Н.А.* [Рецензия] // Український історичний журнал. 2002. №2); *Попова Т.Н.* Из истории историографии: В.Э. Крусман (К 120-летию со дня рождения) // Записки історичного факультету. Вип. 9. Одеса, 1999; *Она же*. В.Э. Крусман: новое прочтение // Древнее Причерноморье. Вып. УШ. Одесса, 2008; *Она же*. Крусман Володимир Едуардович. 1879-1922 // Одеські історики. Том.1. Енциклопедичне видання. Одеса, 2009; *Она же*. Владимир Эдуардович Крусман: фрагменты персональной истории // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2017. Вып. 19; *Она же*. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М.А., 2017. С. 222-253; *Она же*. Из истории университетской науки: В.Э. Крусман (К 140-летию со дня рождения) // Проблемы высшего образования и современные тенденции социогуманитарного знания (VIII Арсентьевские чтения): материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Чебоксары, 31 дек. 2019 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары: Изд. дом «Среда», 2020 и др.; *Чикалова И.Р.* Великобритания: осмысление исторического опыта в Российской империи (XIX– начало XX в.). / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. Минск: Беларуская навука, 2018 и др.

¹ *Гревс И.М.* Памяти В.Э. Крусмана (Некролог) // Анналы. 1922. № 2. С. 258.

ЕВГЕНИЙ ПАРФЕНТЬЕВИЧ ТРИФИЛЬЕВ: рядовой исторической науки (К 155-летию со дня рождения)

...слово «норма» – двусмысленно и обоюдоостро...
Артуро Перес-Реверте

Имя Е.П. Трифилева (1867-1925) малоизвестно даже в кругу профессионалов¹: он не заявил о себе в качестве серьезного ученого, не обладал особым лекторским даром, не был значительным общественным деятелем, не фигурировал на политической арене. Серой тенью, подчас с клеймом «посредственности», промелькнула фигура Е.П. Трифилева в воспоминаниях его бывших учеников и коллег. Н.Л. Рубинштейн критически оценивал состав профессоров историко-филологического факультета Новороссийского университета в середине второго десятилетия XX в. – «неровный, скорее слабый» – и в качестве «яркого примера» приводил Е.П. Трифилева, который на лекциях «в буквальном смысле слова» диктовал «медленно, и без всякого выражения элементарный конспект»². К.П. Добролюбский, хотя и написал работу, получившую золотую медаль на тему, предложенную именно Е.П. Трифилевым («Сочинения Г.К. Котошихина о России как исторический источник»), которая позволила ему стать профессорским стипендиатом, охарактеризовал своего формального наставника как «человека мало одаренного и неважного лектора»³. Даже П.М. Бицилли со своей мягкой толерантностью сравнил свое университетское окружение в Скопье (уровень которого оставлял желать лучшего) «по одаренности и учености» с личностью Трифилева⁴. С.Я. Боровой

¹ См.: История исторической науки в СССР в дооктябрьский период. Библиография. М.: Наука, 1965. С.394.

² См.: Рубинштейн Н.Л. О путях исторического исследования // История СССР. 1962. № 6. С.90.

³ Добролюбский К.П. Воспоминания (Из личного архива А.О. Добролюбского; рукопись, машинопись). С.54; Добролюбский К.П., Добролюбский А.О., Добролюбская Ю.О. Семейный архив. Очерки. Одесса, 2004. 228 с.

⁴ В письме к А.В.Флоровскому от 5 февраля 1923 г. П.М. Бицилли писал: «Я остаюсь один в заведении, в котором вся власть сосредоточена в руках субъектов, могущих по душевным качествам затмить Бориса Васильевича [речь идет о Варнеке, который с 1910 г. был ординарным профессором по кафедре классической филологии. – Т.П.], и по одаренности и учености – успешно конкурировать с Мулюкиным [историк права, профессор Новороссийского университета, депортированный в 1922 г. - Т.П.] и Евгением Парфеновичем». См.: Архив Российской Академии наук (РАН). Ф. 1609. Оп 1. Д. 140. Л. 8. В узком

также вспоминал: «Трифильев не отличался научной активностью. Лекции читал по тетрадке...»¹. Более жесткое отношение к Е.П. Трифильеву выказывал И.А. Линниченко, который так и не смог принять назначение «варяга», не обладавшего к тому же солидным научным и педагогическим потенциалом, фактическим главой кафедры русской истории Новороссийского университета. Многолетний конфликт между двумя профессорами болезненно сказался на рабочей атмосфере преподавательского сообщества кафедры и факультета².

В советской историографии 1960-х Е.П. Трифильева поместили в разряд историков «с прогрессивными взглядами», акцентируя внимание на социальную направленность основных исследований ученого³.

В новейшей историографии имя Е.П. Трифильева прочно занимает свое место в плеяде первых исследователей-археологов скифской эпохи⁴. К его главной работе об эпохе Павла I вновь обращаются историки⁵, его краеведческие разведки также не оста-

---

университетском кругу Е.П. Трифильева называли «Триша». См.: *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. 1-е изд. София, 2015. С. 107.

¹ *Боровой Саул.* Воспоминания / Вступ. ст. М. Соколянского; Примеч. и библиогр. коммент. В. Кельнера. М.; Иерусалим, 1993. С.99.

² См. подробнее: *Музичко О.* Інтелектуальне співтовариство одеських істориків на зламі XIX-XX ст.: лінії суперництва і співпраці // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Головний ред. В. Смолій; відп. ред. І. Колесник. Київ: Інститут історії України НАН України, 2009. Вип.4. С.391-393.

³ *Історія Одеського університету за 100 років / ОДУ ім. І.І. Мечникова ; відп. ред.: О.І. Юрженко.* Київ: Вид-во Київського ун-ту, 1968. С.328-329.

⁴ См.: *Плетнева С.А.* Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья IV-XIII века: Учебное пособие. Воронеж, 2003. С.120, 126; *Борисова М.А.* Изучение вопроса об этнокультурной принадлежности средневековых каменных изваяний южнорусских степей в отечественной науке XIX - начала XX века // Новик: Сб. научных работ аспирантов и студентов исторического факультета Воронежского государственного университета. Вып.3 / Научн. ред. А.И. Филлюшкин. Воронеж, 2000. С. 29; *Косиков В.А.* История исследования археологических памятников Донбаса. Донецк, 2001. 84 с.; *Мельникова А.А.* Погребения поздних кочевников в ладьевидных колодах // Новые материалы и методы археологических исследований: Материалы II Международной конференции молодых ученых. Москва, 19-21 марта 2013. М., 2013. С. 176-178; *Пеляшенко К.Ю.* Ліпна кераміка скіфського часу Дніпро-Донецького лісостепу: історія формування, систематизації та доля колекцій // Вісник НТУ «ХПІ» (Вісник Національного технічного університету "ХПІ" / "Харківський політехнічний інститут"). 2013. № 25 (998). С. 98-113 и др.

⁵ См.: *Абрамова И.Л.* Эпоха Павла I в русской исторической науке // Международный исторический журнал. №1, январь-февраль 1999; см. также диссертационные работы: *Сараева Е.Л.* Крестьянские движения в губерниях Верхневолжья в конце XVIII – первой четверти XIX вв. Ярославль, 1984; *Скоробогатов А.В.* Политические взгляды Павла I: Становление, эволюция, реализация. М., 2005; *Артоболевский А.А.* Манифест о трехдневной барщине Павла I: предпосылки появления и условия реализации. Пенза, 2006; *Долгих А.Н.* Российское самодержавие и крестьянский вопрос: 1796-1825 гг. Самара, 2010 и др.

лись без внимания ученых и любителей¹. Практически все работы Е.Н. Трифилева фигурируют в диссертационных исследованиях последнего десятилетия².

Кто же Вы, Евгений Парфентьевич? Что сделали Вы на поприще исторической науки? Что знаем мы о Вас, чтобы «судить»?..

Био-хроника³

Евгений Парфентьевич Трифилев родился 5 января⁴ 1867 г. в г. Мариуполе Екатеринославской губернии. По паспорту числился

¹ См.: Арешт графів Булгарі. (Документи Державного архіву Одеської області) / Підготували до друку Григорій Казьмирчук, Юрій Латиш (Київ) // Декабристи в Україні: дослідження й матеріали / Упор.: Г.Д. Казьмирчук, Ю.В. Латиш; редкол.: В.А. Смолій (голова), Г.Д. Казьмирчук (відпов. ред.), О.П. Ресніт та ін. Т. 7. Київ, 2012. С. 15-58 [аналіз роботи: *Страшен В., Трифільєв Є.* До матеріалів про декабристів. (На підставі даних Одеського історичного архіву) // Рух декабристів на Україні. Харків, 1926. С. 77-97]; Очерки русской культуры XVII в. Часть первая. Материальная культура. Государственный строй. М. 1979 [ссылка на: Е.Н. Трифилев «Очерки из истории промышленности Слободской Украины» (Сборник харьковского историко-филологического общества, т. 6, вып. II. Харьков, 1894)]. С. 13-14, 16; *Слюсарский А.Г.* Социально-экономическое развитие Слобожанщины. XVII-XVIII вв. Харьков, 1964. С. 21 [ссылка на: Трифилев Е. Очерк из истории промышленности Слободской Украины, вып. I. Селитроварение XVII-XVIII вв. Харьков, 1894]; *Прынь В.М.* Памятники сакральной культуры на Сватовщине // Вторые областные Краеведческие чтения «Луганщина в пространстве и времени». Луганск, 2000; *Левченко В.* Краєзнавство в Одеському Інституті народної освіти (1920-1930 рр.): становлення, напрями, традиції // Краєзнавство. 2011. № 2. С.11-24; *Тункина И.В.* Открытие Феодосии: страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей, 1771-1871. Киев, 2011; *Майстрок О.Н.* Історіографія дослідження науково-просвітницької та управлінської діяльності Василя Каразіна (друга половина XIX ст. – 20-ті рр. XX ст.) // Педагогічний дискурс. 2013. Вип. 15. С. 431-436; *Вовк О.І.* Постать Василя Каразіна в історіографії / Науков. ред. С.М. Куделко. Харків, 2016 и др.

² См. авторефераты диссертаций на соискание ученых степеней кандидатов и докторов исторических и педагогических наук: *Трибунский П.А.* П.Н. Милоков как историк русской исторической мысли. Рязань, 2001; *Мамонтова М.А.* С.Ф. Платонов, поиск модели исторического исследования. Омск, 2002; *Митрофанов В.В.* Проблемы истории русского Севера и Сибири в трудах С.Ф. Платонова. Омск, 2003; *Грачева Ю.Е.* Василий Назарович Каразин на государственной службе и в общественной жизни России 1 трети XIX века. М., 2008; *Корниенко Е.В.* Идея воспитания сына отечества в педагогическом наследии Н.И. Новикова. Архангельск, 2009; *Петровская О.В.* Эволюция российской государственности на рубеже XVIII-XIX веков: либеральная и консервативная тенденции. М., 2010; *Мельникова Н.С.* Традиции и новации в российском досуге в предпетровскую эпоху. Челябинск, 2010 и др.

³ Данные о генеалогии Е.П. Трифилева, а также библиографические сведения были систематизированы и впервые приведены в кн.: *Попова Т.Н.* Евгений Парфентьевич Трифилев: рядовой исторической науки // Попова Т.Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М.А., 2017. С. 197-221.

⁴ В биографических материалах приводятся две даты рождения: 5 января и 8 февраля 1867 г. Я основываюсь на данных Curriculum vitae, написанной рукой Е.П. Трифилева 30 мая 1907 г. См.: Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф.45. Оп.4. Д. 1925 (1905-1908). Л.4. Все даты до 1918 г. приведены по «старому стилю».

русским, православного вероисповедания.

Генеалогический экскурс. В своих автобиографиях Е.П. Трифильев (далее – Е.П.) указывал, что его отец – грек, выходец из Крыма. Действительно, Е.П. принадлежал к хорошо известной в Мариуполе династии Трифильевых, представители которой были довольно многочисленны.

После первой русско-турецкой войны 1768-1774 гг. в июле 1778 года началось переселение крымских христиан из Крымского ханства в Россию, среди которых было много греков¹. Вдохновителем миграции («Исхода») христиан в Приазовье был митрополит Игнатий (в миру Иаков Гозадинос, или Хазадинов /1715-1786/), бывший митрополит Готфский и Кефайский Константинопольской православной церкви, ставший епископом Русской православной церкви. Еще в 1771 году он подавал прошение о принятии Готфейско-Кефайской епархии в Синод, а через год обращался к Екатерине II с просьбой о переходе греков Крыма в российское подданство².

По распоряжению князя Г.А. Потемкина грекам из Крыма отводилась в Азовской губернии территория Павловского уезда, которому присваивалось название Мариупольский: город Павловск³ получал название Мариуполь⁴. Первым жителям города предлагалось переселиться на новые места, а выходцам из Крыма весной 1780 года начать продвижение к местам поселения в Мариупольский уезд, в котором они основали 20 сел. 26 июля 1780 года переселенцы во главе с митрополитом Игнатием впервые прибыли в Мариуполь⁵. Здесь в 1782 году митрополит Игнатий освятил Со-

¹ Среди более чем тридцати одной тысячи переселенцев греков насчитывалось 18 408 тысяч.

² Перевод прошения митрополита Игнатия к Екатерине II о принятии греков Крыма в подданство России и позволении ему прибыть в Санкт-Петербург для согласования этого вопроса // Мариуполь и его окрестности: Отчет об учебных экскурсиях Мариупольской Александровской гимназии. Мариуполь, 1892. С. 40-44; *Калоеров Стефан*. От Крыма до Мариупольского греческого округа (1652-1783). Донецк, 2008. С.39-42.

³ Город Павловск в 1778 г. заложил губернатор Азовской губернии В.А. Чертков. К марту 1779 г. в городе числилось 75 человек (50 мужчин и 25 женщин), из них: поляков – 5, русских – 8, украинцев – 5, бывших запорожцев – 57.

⁴ По названию местечка близ Бахчисарая, где жил Игнатий.

⁵ Под руководством митрополита Игнатия 17 сентября 1778 года, греки, вышедшие из Крыма в Россию, достигли Новоселицы (Новомосковска). Дружелюбно принятые местным населением, прибывшие расположились в Новоселице и соседних селах на зимовку, а митрополит Игнатий со своим штатом и «с любимцем протоиреем Трифиллием Карацоглу» - в Самарском Пустынно-Николаевском монастыре. 21-го июня 1779 года Митрополит Иг-

борную церковь святого Харлампия¹.

Среди ближайших сподвижников Игнатия был **Трифилій Юриев** (Трандафилов² Карацоглу³) (1728), основатель родовой фамилии, который еще до переселения греков в Приазовье был рукоположен в священники митрополитом Гедеоном, предшественником Игнатия. Когда последний занял Готфейскую и Кефайскую кафедру, Трифилий, став протоиереем и правой рукой митрополита, деятельно участвовал в подготовке и проведении переселения христиан из Крыма. Через два года после прибытия в Мариуполь Игнатий назначил Трифилия экономом при Соборном храме св. Харлампия⁴.

У протоиерея Трифилия было семеро детей: Деспина Трифильева / Федорова/ (1763), Парфентий Трифильев (1764), Иван Трифильев (1765-1786), Григорий Трифильев (1767), Марья Трифильева / Кириллова/ (1771-1814), Елисавета Трифильева (1775), Василий Трифильев (Карацов) (1818).

натий с протоиереем Трифиллием Карацоглу по приглашению князя Потемкина ездил из Самарского монастыря в Москву и Петербург, был с почетом принят императрицей, Святейшим Синодом и государственными сановниками; осенью того же года, он возвратился в Самару и в феврале 1780 года вместе со своими соотечественниками отправился в Мариупольский округ.

¹ *Феодосий (Макаревский)*. Греческие церкви Мариупольского уезда XVIII века // Материалы по истории и культуре греков Украины: Сборник / Составление и редакция С.А. Калоеров и Г.Н. Чердакли. Донецк, 1998. Вып. 1. С. 95.

² Трифилия (Трифиллия) иногда называли Трандафил (отсюда – Трандафилов), это имя – производное от церковного – Триандафил, в переводе с греческого – «роза». В истории православия известен святой мученик Триандафил, который являлся уроженцем Загоры Фессалоникской и был обезглавлен турками в Константинополе в 1680 году за отказ принять мусульманство.

³ Родоначальник – крымчанин *Карацоглу Юрий* (1695) – личность практически не известная. Родовая фамилия-кличка Карац-оглу (сын Караца) позже трансформировалась в фамилию Карацев (Карацов, Арацов), которую носили многие представители династии Трифильевых.

⁴ Трифилий Карацоглу известен, в частности, тем, что до потомков дошел его дневник, написанный по-татарски греческими буквами. См.: *Серафимов С.* Заметки из архива Готфийской епархии в Крыму // Записки Одесского об-ва истории и древностей. Одесса, 1867. Т. 6. С. 591-595; *Заморяхин А.В.* Церковная история крымских готов в отечественной историографии // Вестник Пермского университета. История. Вып. 5. 2005; *Чернухин Евгений*. Архів протоієрея Трифілія Карацоглу (публікація першоджерел з історії греків Надазов'я) / НАН України. Інститут історії України, Національна бібліотека України імені В.І. Вернадського. Інститут рукопису. Київ, 2012. 164 с.; *Чернухин Е.К., Гальченко Е.М.* Евангелия караманлийского письма XVIII в. из Северного Причерноморья в фондах Института рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского // Рукописна та книжкова спадщина України. Археографічні дослідження унікальних архівних та бібліотечних фондів. Вип. 19. Київ, 2015. С. 244.

Парфентий Трифилев, прадед Е.П., так же как и его отец, был священником. В 1779 г. в Приазовье было основано греческое село Константинополь (урумское поселение¹). В 1780 г. протоиерей Трифилий построил в селе Константинополь Феодоро-Стратилатовскую церковь из досок на столбах, на ее месте в 1795 г. его сын Парфентий построил уже на каменном фундаменте деревянную церковь.

У Парфентия Юрьевича было три сына: Павел (1785; записан как Тр/е/филев²)³, Георгий (Юрий) (1819-1891) и Николай (1811).

Николай Парфентьевич Трифилев, дед Е.П., в 1839 г. по указу Екатеринославской казенной палаты был переведен из духовного звания в купеческое сословие. У него и его жены Анны Григорьевны, мариупольской мещанки (1814-1889; возможно, дочери Григория Аттаринаова) родилось четверо детей: Елена (1844), Парфентий (1846), Варвара (1854) и Александр (1856).

Парфентий Николаевич Трифилев, отец Е.Н. Трифилева, числился мариупольским мещанином, имел дом на Итальянской улице (названная в честь католического костела, расположенного в начале улицы, основными прихожанами которого были итальянцы; одна из первых в г. Мариуполе мощеных улиц в центре города); его имущественный ценз составлял в 1890-е гг. 400 рублей⁴. У Парфентия Николаевича и его жены Марии Яковлевны (украинки, по словам Е.П. Трифилева) было пятеро детей, из которых трое (сын Николай /1872-1874/ и две дочери, обе – Ларисы /1875-1876 – первая и 1879-1882 – вторая/) умерли в детстве.

Спиридон Парфентьевич Трифилев – младший сын (1869), брат Е.П.; его восприемниками при крещении были родная тетка – Варвара Николаевна Трифилева и чиновник Митрофан Яковлевич Казначеев. Окончив в 1896 г. медицинский факультет Харьковско-

¹ Урумы, или греко-татары, – один из народов Крыма, имеющий свой урумский язык, близкий к крымско-татарскому языку. См. подробнее: *Анимица Е.Г.* Малоянисоль: история, события, судьбы (1780–2010). / Е.Г. Анимица, Л.Г. Антонова; [предисл. А.В. Гедё]; М-во образования и науки РФ, Урал. гос. экон. ун-т. Екатеринбург, 2010. С.26-49.

² Фамилия Трифилев в документах имеет разные варианты написания: Трефилев, Трефелев, Трифилев и т.п., это же относится и к отчеству Парфентьевич: часто пишут Парфеньевич, Парфенович и т.п.

³ Павел Парфентьев Трефилев владел в Константинополе усадьбой и 11 крестьянами. В списке помещиков Александровского уезда в 1811 году числился коллежским регистратором (14 класс) по Табели о рангах.

⁴ См.: Адрес-календарь «Весь Мариуполь и его уезд». Мариуполь, 1910. С. XIV.

го Императорского университета по специализации «хирургия» (доктор медицины), служил земским врачом Петровской больницы г. Петровска Саратовской губернии. Надворный советник С.П. Трифилев был одним из старшин Петровского Общественного Собрания и Товарищем Председателя Петровского местного Комитета Общества Красного Креста¹.

Из родственников, современников Е.Н., наиболее известен Алексей Кириллович Трифилев (1872-?)², «старец-протоирей». По окончании Духовной семинарии с 1894 был священником в Большой Каракубе³, преподавал в земском училище, председательствовал в Николаевском миссионерском комитете. В 1920-е гг., будучи протоиреем Никольской церкви в Ростове-на-Дону, выступал против «обновленчества», подвергся преследованиям со стороны местных органов ОГПУ; был трижды осужден, отбывал наказание в Соловецком лагере особого назначения, затем был выслан в Казахстан (г. Кызыл-Орда, 1928 г.). В Соловках состоял в Соловецком Обществе Краеведения (СОК), печатался на страницах лагерного журнала «СЛОН»⁴. Дальнейшая судьба неизвестна. Причислен к лику новомучеников и исповедников Русской православной церкви⁵.

Среди современных потомков о. Трифилия Карацоглу – Святослав Александрович Кириллов, доктор химических наук, и.о. директора Межведомственного отделения электрохимической энергетики НАН Украины⁶.

¹ См.: Памятная Книжка Саратовской губернии на 1907 год. Издание Саратовского Губернского Статистического Комитета. Саратов, 1907. Сын Спиридона Парфентьевича - Сергей Спиридонович (1916-1996).

² Алексей Трифилев происходил по линии младшего сына основоположника рода Трифилия – Василия и приходился Е.П. троюродным дядей, хотя по возрасту был моложе его.

³ Большая Каракуба – село Старобешевского района Донецкой области Украины, с 1946 г. – Раздольное.

⁴ СЛОН – Северные / Соловецкие лагеря особого назначения.

⁵ Печатные труды А.К. Трифилева: «На Божьем пути: (К вопр. о нац. возрождении)»: [Докл., представл. Мариуп. земск. собр.] / Свящ. Ал. Трифилев. Екатеринослав: тип. С.И. Барановского, 1914. 30 с.; «История христианской Церкви в жизнеописаниях святых ее» (1913). См.: Екатеринославские епархиальные ведомости // Православная энциклопедия / под. редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Т. 18. С. 168-170; Шкаровский М.В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. СПб., 1999; Феодосий (Процюк), митрополит. «Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине. 1917 - 1943». (Материалы по истории Церкви. Кн. 36), М. 2004; Никольский В.Н. Православное духовенство Донетчины, репрессированное в 1920 – 1950-х гг. (в документах и материалах). Монография. Донецк, 2013. (о А.К. Трефилеве – с. 142).

⁶ Вісник Національної Академії наук (НАН) України. 2015. № 3. С.104.

Харьковский период

После окончания Мариупольской гимназии в 1886 г. Е.П. поступил в Харьковский университет на юридический факультет, но со второго семестра перешел на историческое отделение историко-филологического факультета. С 20 августа 1888 г. по 1 июня 1890 г. был стипендиатом Министерства народного просвещения. В 1890 г. окончил университет с дипломом I степени. По итогам испытаний за полный курс университета (экзамены состоялись в мае и сентябре 1890 г.) Е.П. получил оценку «весьма удовлетворительно» (высший балл) по следующим предметам: греческий и латинский язык (устный и письменный экзамен), история классических народов, история искусств, философия, история славянских народов, всеобщая и русская история, история церкви.

С декабря 1890 г. Е.П. начал работать учителем истории и географии в средних учебных заведениях г. Харькова – частных женских гимназиях (греческой гимназии Филиппс, гимназии Е.Н. Драшковской), в Епархиальном женском училище (с 7 сентября 1893 г.), а также хранителем Музея древностей и изящных искусств при Харьковском университете (с 1893 г.).

Ремарка-замечка. В сословно-иерархическом российском обществе главенствующую роль играла чиновническая бюрократия, и ученые степени и звания имели свой табельно-должностной статус. Правительство рассматривало преподавателей высших и средних учебных заведений прежде всего как чиновников на государственной службе с соответствующими каждому чину правами, окладами и т.п. До 1854 г. чины XIV-IX класса по Табели о рангах давали право лицам недворянского происхождения на переход в «личное дворянство», а VIII – в «потомственное». Законы от 11 июня 1845 г. и от 9 декабря 1856 г. повысили планку: в потомственное дворянство переходили теперь с IV класса (действительный статский советник), в личное – с IX (титулярный советник); X - XIV классы давали право на «почетное гражданство». Представители податных сословий (крестьяне, мещане) по окончании университетского курса выходили из податного сословия. Служебно-сословные привилегии обладателям научных степеней и ученых званий вручались не только с це-

лю превратить их в чиновников государственного аппарата, но и для привлечения в императорские университеты новых научных сил, для «вливания свежей крови» в дворянство империи, для создания образованной элиты из всех сословий общества. Государственный совет в августе 1884 г. подтвердил право докторов наук на чин VIII класса, магистров на чин IX класса, а выпускников с дипломом I степени на чин X класса (коллежский секретарь). Учителя гимназии «восходили» по служебной лестнице каждые четыре года, пополняя дворянское сословие.

Е.П. с 3 декабря 1890 г. как преподаватель гимназии был утвержден в чине коллежского асессора (VIII класс, соответствующий военному чину – майор), с 3 декабря 1894 г. – в чине надворного советника (VII / = подполковник/), с 3 декабря 1898 г. ему был присвоен чин коллежского советника (VI / = полковник/). Таким образом, университетский диплом, а затем служба в гимназиях позволили сыну мариупольского мещанина получить личное дворянство.

Диплом I степени открывал путь в науку. Работая в средних учебных заведениях, Е.П. одновременно под руководством профессора Харьковского университета П.Н. Буцинского занимался подготовкой магистерской диссертации. После сдачи магистерских экзаменов (1898) и чтения пробных лекций (1901) на темы: «Император Павел и крепостное право» (по собственному выбору) и «Лжедмитрий I» (по назначению факультета) Е.П. был утвержден (с 18 декабря 1901 г.) приват-доцентом Харьковского университета по кафедре русской истории; с января 1902 г. приступил к чтению лекций в университете, с 1907 г. на Высших женских курсах. Среди лекционных курсов, которые читал в эти годы Е.П., – специальные курсы: «История крепостного права в России в XVIII в.», «История сословий в России в XVIII-XIX вв.», «Общественное движение в России в XIX в.» (историко-филологический факультет университета), а также общий курс по русской истории (Высшие женские курсы). В 1906 г. Е.П. защитил магистерскую диссертацию на тему «Очерки из истории крепостного права в России. Царствование императора Павла I» (опубликована в 1904 г.) и 4 мая этого же года был утвержден магистром русской истории Харьковского университета.

В харьковский период своей деятельности Е.П. был депутатом от Харьковского университета на XII (Харьков, 1902 г.) и XIII

(Екатеринослав, 1905 г.) археологических съездах. Он выступал с докладами по итогам работы в экспедициях, которые финансировались Московским Археологическим обществом; входил в специальные комитеты по организации съездов, был секретарем XIII съезда и редактировал материалы съезда.

Активной была деятельность Е.П. в научных обществах, благотворительных и просветительских организациях. Он состоял в Историко-филологическом обществе при Харьковском университете, был действительным членом Императорского Московского Археологического общества, входил в правление Харьковского Общества грамотности (читал лекции на курсах для рабочих), в Комитет по управлению Народным Домом, возглавлял Педагогический и являлся членом Попечительского советов Харьковской Мариинской женской гимназии; был главой одной из комиссий т.н. Народных чтений, заведующим Декоративно-рисовальной школой Общества грамотности и членом правления Общества пособия нуждающимся учащимся в низших училищах г. Харькова и др.

За годы службы в учебных учреждениях Харькова Е.П. был награжден орденами Св. Станислава 3-й и 2-й степени (6 мая 1898 г., 6 мая 1909 г.), Св. Анны 3-й степени (6 мая 1904 г.); с 3 декабря 1902 г. удостоен чина статского советника (V класс).

На кафедре русской истории Е.П. оставался внештатным преподавателем – приват-доцентом; его «вознаграждение» составляло 800 рублей в год по статье бюджета университета: «из остатков от содержания личного состава университета» [из этих сумм обычно оплачивали труд приват-доцентов. – Т.П.]¹.

Ремарка-info. Результаты раскопок Е.П. в Купянском уезде Харьковской губернии (по верхнему течению реки Красной), а также в Мариупольском уезде Екатеринославской губернии (с. Чермалык, река Калмиус) и др. внесли определенный вклад в изучение погребений кочевников, ареала их расселений периода средневековья. Е.К. Редин², обобщая итоги археологи-

¹ О приват-доцентах см. подробнее: *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. С. 225-236 [Экскурс: О приват-доцентах].

² С Е.К. Рединым Трифильев, видимо, был в добрых отношениях. С 1893 г. Е.К. Редин стал приват-доцентом по кафедре теории и истории искусства историко-филологического факультета Харьковского университета и одновременно хранителем Музея изящных искусств и древностей при факультете, в котором располагалась библиотека. В.Е. Данилевич (с 1903 г. приват-доцент Харьковского, с 1907 – профессор Киевского университета) писал: «Музей мо-

ческих экспедиций, материалы которых были представлены на XIII съезде, отмечал, что «находка» Е.П. Трифилева («каменная баба» в качестве могильной плиты) «представляет выдающийся интерес» для решения вопроса о специфике кочевнических погребений¹. Сам Е.П. считал, что именно им «...была точно установлена впервые в науке непосредственная связь между каменными бабами и кочевниками южной России»².

В области научных исследований помимо археологических поисков и доминирующей проблематики – истории крепостного права в России – Е.П. обращается к личности Н.И. Новикова. Одновременно утверждается его стойкий интерес к краеведению – истории Слобожанщины; предметами его изучения стали: история местной промышленности и деятельность одного из крупных просветителей конца XVIII - начала XIX вв. В.Н. Каразина, основателя Харьковского университета. Результаты его краеведческих исследований вылились в ряд публикаций: «Очерки из истории промышленности Слободской Украины. Очерк 1. Селитроварение. XVII-XIX вв.» (Харьков, 1894) и три статьи о В.Н. Каразине³.

Вместе с тем положение Е.П. на кафедре было весьма неустойчиво⁴: не сложились отношения с профессором Д.И. Багале-

---

жет гордиться своей библиотекой, в которой собрано много ценных сочинений и изданий по истории искусств и археологии», подчеркивая, что «...особенный рост библиотеки начался с 1893 г., когда заведование музеем перешло к проф. Е.К. Редину». Приват-доцент Е.П. Трифилев, будучи помощником Е.К. Редина, так отзывался о своем коллеге: «В момент появления Егора Кузьмича в Харькове ни один человек его не знал, теперь вряд ли можно встретить хотя одного среди культурных слоев Харькова, кто бы не знал Е.К. или, по крайней мере не слышал о нем... в научной области он является одним из самых видных представителей по своей специальности, а в общественной – одним из самых популярных деятелей в Харькове». Цит. по: *Свтушенко А.В.* Е.К. Редин и библиотека Харьковского университета // 4 Сумцовські читання: Конференція, присвячена 135-річчю з дня народження Є.К. Редіна. Харків, 1998.

¹ См.: *Редин Е.К.* XIII-й Археологический съезд в г. Екатеринославе. Обзор его трудов. СПб., 1906. С.10; *Трифилев Е.П.* Археологическая экскурсия в Купянский уезд Харьковской губернии летом 1901 года // Труды XII Археологического съезда в Харькове. 1902 г. / Под ред. графини Уваровой. Т.1. М., 1905. С.131-140; *Он же.* Курганы с каменными бабами Купянского уезда Харьковской губернии // Там же. С.141-144.

² ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1925. Л. 4.

³ См.: Василь Назарович Каразін в оцінках сучасників та нащадків (до 225 - річчя з дня народження). Харків, 1998. С.34-35; ГАОО. Ф.45. Оп.4. Д.1690. Л. 1-11.

⁴ Вероятно, среди причин следует назвать непростые взаимоотношения между Д.И. Багалеом и П.Н. Бущинским, настанником Е.П. Трифилева (личное соперничество и т.п.). [См.: *Вовк О.І.* Постать Василя Каразіна в історіографії / Науков. ред. С.М. Куделко. Харків, 2016. С.128-131]. Е.П. Трифилев вслед за П.Н. Бущинским расходился с Д.И. Багалеом в оценке В.Н. Каразина, что, возможно, также осложнило взаимоотношения между мэтром и молодым ученым.

ем, давшим вслед за Н.П. Павловым-Сильванским, критическую рецензию на магистерскую работу Е.П.¹

В связи с этим профессор П.Н. Бущинский, наставник Е.П., в сентябре 1906 г. в письме к И.А. Линниченко ходатайствовал о приглашении своего ученика в Одессу, в Новороссийский университет. П.Н. Бущинский характеризовал Е.П. как «в высокой степени» талантливого молодого ученого и порядочного человека, при этом добавлял, что Е.П. – беспартийный. Однако в Одессу Е.П. попал только через пять лет.

Ремарка-заметка. В некрологе на смерть П.Н. Бущинского (31 октября 1916 г.) Е.П. Трифилев так отзывался о своем учителе: «Петр Никитич был человеком редких душевных качеств, прямой... никогда не скрывавший своих убеждений, как бы они ни шли вразрез иногда с существовавшими обстоятельствами, но всегда их высказывавший с такой прямоотой и искренностью, что невольно подкупал даже людей противоположного образа мыслей и заставлял их уважать эти убеждения. Сам не способный ни на малейшую кривизну по отношению к другим, Петр Никитич и по отношению к себе никогда не подозревал ее со стороны других, отсюда его доверчивость к окружающим, за которую ему нередко приходилось дорого платиться. Сердце у него было золотое: доброе, отзывчивое на людскую беду, всегда готовое откликнуться, помочь чем можно»².

Одесский период: в Новороссийском университете

21 марта 1911 г. «Высочайшим приказом по гражданскому ведомству» (№ 21) приват-доцент Харьковского университета, преподаватель Харьковского Епархиального женского училища, магистр русской истории Е.П. Трифилев был назначен исполняющим должность (и.д.) экстраординарного профессора по кафедре русской истории Новороссийского университета.

Ремарка-заметка. Возможно, «покровителем» Е.П. Трифилева был Л.А. Кассо – экстраординарный профессор по ка-

---

¹ В ответах рецензентам Е.П. Трифилев отстаивал собственные позиции; его аргументация заслуживает нового прочтения и осмысления.

² Цит. по: Корнилова И. А. История земли Сибирской // Лукич. 2003. № 1. С. 170.

федре гражданского права и судопроизводства Харьковского университета (1895-1899); ординарный профессор по кафедре гражданского права Московского университета (1899-1910); с 1910 г. – управляющий Министерством народного образования, с 1911 по 1914 гг. – министр народного просвещения; богатый бессарабский помещик, блестящий юрист, человек высокообразованный, но крайне консервативных взглядов¹.

С марта 1896 г. кафедру русской истории возглавлял И.А. Линниченко, член-корреспондент Краковской академии наук (1901), историко-филологического отделения Петербургской АН (1913), Российской академии наук (1917), Академии наук СССР (1925); известный историк, постоянный участник международных конгрессов и конференций (Рим, 1903, 1912; Афины, 1905; Монако, 1906; Каир, 1909; Буэнос-Айрес, 1911; Женева, 1912 и др.).

Получив звание «заслуженного ординарного профессора» по истечению двадцатипятилетней службы (1909), И.А. Линниченко еще на пять лет был оставлен на кафедре, однако в 1911 г. – после тридцати лет работы, согласно университетским уставам, – он стал внештатным профессором кафедры и лекции уже не читал, сосредоточив свое внимание на научной и просветительской деятельности.

Третьим преподавателем, приват-доцентом кафедры, с 1911 г. был назначен выпускник факультета А.В. Флоровский², будущий крупный ученый европейского уровня, ученик И.А. Линниченко. Для подготовки новых специалистов «профессорскими стипендиатами» на кафедре с 1911 г. были оставлены Е.А. Загоровский и П.Г. Клепатский. При отсутствии ординарного профессора кафедра считалась вакантной, а при данном кадровом раскладе единственным претендентом на эту должность стал Е.П.

27 июля 1915 г. опять же «Высочайшим приказом по гражданскому ведомству» (№ 53) Е.П. назначается и.д. ординарного профессора и по сути возглавляет кафедру русской истории Новороссийского университета.

¹ См.: *Удинцев В. А.* Лев Аристидович Кассо. Доктор гражданского права. // Журнал Министерства народного просвещения: Новая серия. СПб. 1915. Сентябрь. Ч. 59; *Ростовцев Е.А.* «Борьба за автономию»: корпорация столичного университета и власть в 1905-1914 гг. // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2009. Vol. 2. P. 114-116.

² См. о нем подробнее: *Попова Т.Н.* Антоний Васильевич Флоровский: европеец поневоле // *Попова Т.Н.* Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М.А., 2017. С. 254-275.

В Новороссийском университете Е.П. читал общий курс истории России и проводил практические занятия по этому курсу; спецкурс по истории крепостного права в России; курс истории русского искусства (по кафедре истории и теории искусств).

Сюжет первый. Об историографии

С 1912 г. Е.П. начал читать курс «Русская историография» сначала годичный (в III-IV семестрах), а с 1914-1915 академического года – для студентов-историков I-IV семестров всех четырех групп обучения (славяно-русской, всеобщей истории, истории искусств и истории философии) с обязательным итоговым экзаменом. В качестве пособий студентам рекомендовались историографические труды К.Н. Бестужева-Рюмина и В.С. Иконникова. Одним из первых университетских преподавателей Е.П. начал использовать в работе со студентами труды П.Н. Милюкова¹.

Историографическая проблематика не была новой сферой деятельности на кафедре. Предшественники Е.П. – М.П. Смирнов, Г.И. Перетяткович, А.И. Маркевич, И.А. Линниченко уже читали специальные курсы по историографии, в которых рассматривалось творчество конкретных ученых-историков, давался анализ источников и литературы («пособий») по изучению курса русской истории, истории юго-западной России (Украины), истории Новороссии, отдельных периодов и тематических разделов общего курса и проч.².

Е.П., будучи студентом, был знаком с лекционными курсами своих учителей – Д.И. Багалея и П.Н. Бучинского: «Об источниках и литературе XVIII века – в дополнение к лекционному курсу русской истории от Екатерины II до Александра I включительно» (П.Н. Бучинский, 1887), «Систематический курс русской историографии» (Д.И. Багалея, 1888) и проч. В 1907 г. Е.П. издал в Обществе взаимопомощи студентов-филологов Харьковского универси-

¹ Макушин А.В., Трибунский П.А. Павел Николаевич Милюков: труды и дни (1859-1904). Рязань, 2001. С. 238.

² См. подробнее: Попова Т.Н. К проблеме формирования научного сообщества историков исторической науки: размышления на заданную тему // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. Збірка наукових праць. Число 12. У двох частинах. Частина 2. На пошану академіка НАН України, Героя України, доктора історичних наук, професора Петра Тимофійовича Тронька з нагоди 90-річчя від дня народження. Київ: НАН України. Інститут історії України, 2005. С.94-117 и др.

тета конспект историографической преамбулы к своему лекционному курсу по русской истории¹.

На протяжении 1912-1916 гг. на практических занятиях по общему курсу русской истории Е.П. обсуждал со студентами рефераты по проблемной историографии («Удельный период в русской историографии», «Вопрос о влиянии татар на Русь в исторической литературе», «Царствование Бориса Годунова в исторической литературе», «Вопрос о происхождении крепостного права в российской историографии», «Вопрос о происхождении Русского государства», «Вопрос о смерти царевича Дмитрия в русской историографии», «Вопрос о крещении княгини Ольги» и др.); по персоналиям («Теория В.О. Ключевского о происхождении Земских Соборов», «Философско-исторические взгляды П.Я. Чаадаева», «В.Н. Татищев» и др.); по историографическим источникам («Сочинения князя А. Курбского как исторический источник», «Житие протопопа Аввакума как исторический источник», «Русские былины как исторический источник» и др.). Подготовка рефератов преследовала цель ознакомить студентов с источниками (в том числе историографическими – исследованиями ученых) – базовым материалом.

Тематика т.н. «медальных» работ (научные работы студентов на соискание медали по темам, предлагаемым ведущими профессорами; получение «золотой медали» открывало путь в «профессорские стипендиаты») также имела историографическую направленность: в 1914 г. Е.П. предложил для «медальной работы» тему «Сочинения Г.К. Котошихина о России как исторический источник», в 1915 г. – «Сочинения князя А.М. Курбского как исторический источник»; в 1916 г. – были сформулированы новые темы: «Н.М. Карамзин как историк» (при этом главной задачей исследования являлась оценка «Примечаний» к «Истории Государства Российского») и др. Тему о Г.К. Котошихине избрал для «медальной» работы К.П. Добролюбовский, будущий декан исторического факультета Одесского университета. Работа была завершена в феврале 1915 г. и факультет единогласно признал ее автора достойным золотой медали.

Таким образом, с именем Трифильева связана первая постановка общего курса по русской историографии на историко-филологическом факультете Новороссийского университета.

¹ См.: *Трифильев Е.П.* Конспективный курс русской историографии: Введение в русскую историю. Харьков, 1907. 68 с.

Тематика рефератов на практических занятиях по общему курсу русской истории свидетельствовала о том, что Е.П. не порывал с определившейся в харьковский период проблематикой.

Сохраняется его интерес к истории промышленности, при этом Е.П. избирает все тот же краеведческий аспект, но с ориентацией на новый регион: в 1915 г. на практических занятиях по русской истории были заслушаны рефераты – «История Хаджибеевского и Бессарабского соляных промыслов от XVI до 50-х гг. XIX столетия (На основании архивных материалов)», «Очерки из истории промышленности Новороссийского края. Соляной промысел по данным Архива Новороссийского и Бессарабского Генерал-Губернаторства» и др. Ряд рефератов предусматривал блок проблем по истории крепостного права: «Черты русского помещичьего быта 2-ой половины XVIII в.» (по запискам современников); «Положение крепостных крестьян при Петре Великом»; законодательные памятники по истории крепостного права были объектом анализа на практических занятиях в 1914 г.

Археологические интересы Е.П. были сфокусированы в темах: «Черты языческого быта русских славян по курганным раскопкам», «Светильники глиняные и металлические как источник по истории Херсонеса Таврического» и др.

В Новороссийском университете Е.П. заведовал Археологическим музеем при историко-филологическом факультете, был секретарем факультета, членом и секретарем испытательной (экзаменационной) комиссии; руководил студенческим научным кружком; исполнял обязанности декана факультета; читал лекции на Одесских высших женских курсах (1912-1920 гг.); с 1912 года работал преподавателем-методистом на Одесских одногодичных курсах для подготовки учителей и учительниц средних учебных заведений и др.

Е.П., как и в «харьковский период», активно участвовал в работе попечительских и благотворительных организаций: был действительным членом Попечительства о недостаточных студентах (наряду с В.Э. Крусманом, П.М. Бицилли, А.В. Флоровским, И.А. Линниченко – почетным членом Попечительства).

Супруга Е.П. – Вера Павловна (в девичестве Кармалина) была в числе «дам-патронесс» студенческих балов, участвовала в их

организации. В годы I мировой войны В.П. Трифильева вошла в Правление (11 человек) «Комитета университетских дам», созданного 1 ноября 1915 г. по инициативе ректора – профессора Д.П. Кишенского для оказания помощи воинам действующей армии и беженцам. Супруги Трифильевы принимали участие в пожертвованиях, в сборе средств, распределяемых среди раненых и их семей.

В период работы в Новороссийском университете Е.П. был награжден орденами Св. Владимира 4-й степени (1 января 1916 г.) и Св. Анны 2-й степени (1 января 1913 г.); серебряной медалью в память царствования императора Александра III, светло-бронзовой медалью в память 300-летия царствования Дома Романовых (3 сентября 1913 г.).

«Вознаграждение за труд» и.о. ординарного профессора Е.П. Трифильева составляло в год: 3000 рублей жалования, 750 рублей т.н. «столовых» и 750 рублей т.н. «квартирных», 900 рублей за должность секретаря факультета и с 1 января 1917 г. за выслугу лет (10 лет на службе в университетах) – 1500 рублей.

С приходом к власти Временного правительства университеты получили указание (16 марта 1917 г.) в целях «демократизации» высшей школы немедленно освободить от занимаемых должностей всех штатных и внештатных профессоров, не избранных по конкурсу, но назначенных (после 27 августа 1905 г.) по «высочайшему», т.е. императорскому, приказу. Одновременно факультеты должны были «озаботиться замещением освободившихся вакансий» в соответствии с законом от 3 июля 1916 г.: в «кратчайший срок» представить Совету университета новых кандидатов, «не прибегая к конкурсу». Позже (15 апреля 1917 г.) министр народного просвещения А.А. Мануйлов разъяснял, что факультетам предоставляется право самостоятельно «устанавливать тот или иной способ замещения вакантной должности, т.е. путем конкурса или рекомендации...».

В Новороссийском университете назначенных согласно императорскому указу профессоров (без представления факультетов) оказалось 24 человека (6 – на физико-математическом факультете, 12 – на медицинском, 5 – на юридическом и 1 – на историко-филологическом). Е.П., занимая должность «по назначению», подал 17 марта 1917 г. заявление об увольнении и сдал кафедру и заведование Археологическим музеем А.В. Флоровскому. Временно исполняющим обязанности секретаря факультета вместо Е.П. стал В.Э. Крусман.

27 марта 1917 г. на заседании факультета Е.П. «был подвергнут баллотировке» для замещения кафедры русской истории. При этом были заслушаны отзывы декана историко-филологического факультета – ординарного профессора А.П. Доброклонского, и.д. экстраординарного профессора кафедры русской истории А.В. Флоровского и заслуженного профессора кафедры русской истории И.А. Линниченко. В отличие от первых двух отзыв И.А. Линниченко носил резко отрицательный характер. По результатам голосования (10 – «за», 2 – «против») большинством голосов Е.П. был избран на должность и.д. ординарного профессора кафедры русской истории. 28 марта 1917 г. Совет университета (итоги голосования: 34 – «за», 12 – «против») подтвердил решение факультета об избрании Е.П. «Вернулись» к Е.П. и все его обязанности. Эта неприятная процедура показала, тем не менее, что «варяг», назначенный в свое время «сверху» («ставленник Кассо»), приобрел среди коллег авторитет своими личными заслугами. Е.П., избранный теперь уже демократическим путем на свою должность, продолжал работать, читать новые курсы. Одним из первых он объявил на Высших женских курсах и в университете лекции по истории Украины¹.

Сюжет второй. О гражданских и научных приоритетах

Учебная работа неразрывно была связана с научной деятельностью: в области историографии Е.П. обращается к творчеству С.Ф. Платонова. К тридцатилетию научно-педагогической деятельности ученого Е.П. Трифилев выступил с речью на заседании Историко-филологического общества 5 мая 1912 года. Юбилейная речь (по характеру жанра) во многом предопределила структуру и содержание этого биоисториографического этюда: краткая биографическая справка; характеристика двух главных трудов С.Ф. Платонова – магистерской и докторской диссертаций; оценка вклада исследований ученого в российскую историографию; оценка его педагогической деятельности, в итоге – предложение об избрании С.Ф. Платонова почетным членом Историко-филологического общества при Новороссийском университете.

---

¹ См. подробнее: *Попова Т.Н.* Историографический ретроспект: к вопросу о становлении дисциплинарного статуса истории Украины в Новороссийском университете // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Вып. 1. Брянск: Изд-во БГПУ (Брянского гос. педагогического ун-та. Центр славяноведения), 2000. С.55-66 и др.

Для С.Ф. Платонова-исследователя, по мнению Е.П., характерно «соединение» «критического таланта» с тщательностью изучения исторических текстов: если «крупные» работы ученого «поражают» «широтой взглядов», «оригинальностью и глубиной обобщений», «методологической ясностью размещения научного аппарата», то его «мелкие» работы свидетельствуют об «удивительной способности» к «кропотливым изысканиям» по частным вопросам¹.

Значение трудов С.Ф. Платонова о «Смутном времени» заключается в том, подчеркивает Е.П., что в них впервые представлено «систематизированное» исследование проблемы. Приводя значительные по объему цитаты из рецензий В.С. Иконникова и В.О. Ключевского, Е.П. (несмотря на неоспоримый авторитет этих историков в науке) позволяет себе заметить: «...способ изложения, принятый проф. Платоновым, является не менее законным, чем методы, предлагаемые критиками: все зависит от той точки зрения, с какой смотрит на этот материал, оставшийся от Смуты, тот или иной автор»².

При оценке университетского курса лекций С.Ф. Платонова Е.П. акцентировал внимание на способность автора точно и сжато изложить самые сложные и запутанные вопросы, а также на включение в структуру учебника нового для дидактического издания раздела – предваряющего: «компактного курса русской историографии». Этот раздел, по мнению Е.П., сделал лекционный курс С.Ф. Платонова «единственным в своем роде». Критерием «настоящего университетского курса», каким являлся для Е.П. курс С.Ф. Платонова, было соблюдение «главного условия» работы подобного уровня: «преобладание источника над пособием», т.е. приоритет исследовательского аспекта по сравнению с трансляционным.

«Громадное значение» придает Е.П. учебнику по истории С.Ф. Платонова и для гимназий: для этого учебника характерно изложение материала «на уровне современной исторической науки», отсутствие «умолчаний и искажений», новые проблемные отделы,

¹ См.: Трифилев Е.П. Тридцатилетие научно-педагогической деятельности профессора Сергея Федоровича Платонова (Речь, произнесенная в заседании Историко-филологического Общества при Императорском Новороссийском университете 5-го мая 1912 года). Одесса, 1913. С. 6, 16-17.

² Там же. С. 6. См.: Иконников В. Новые исследования по истории смутного времени Московского государства в нач. XVII в. // Университетские известия. Киев, 1889. № 5. С. 114-166; Отчет о 31-м присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1890. С. 53-66.

которых не было в прежних учебниках («характеристика удельной системы», «переход удельного быта к государственному» и проч.). Прекрасное освещение таких вопросов, как «развитие крепостного права» и «дворянских привилегий», «борьба классов» и т.п. делает учебник С.Ф. Платонова, заключает Е.П., лучшим «из всех сейчас существующих»: этот учебник не только «будит мысль учащихся», но своим высоким научным уровнем «заинтересовывает» и обязывает самого учителя «тщательно готовиться к урокам»

Проблемы самодержавия, политика и культура России XVII века – новое направление его исследований. Вероятно, не только тщательная работа над общим курсом по новой истории России сыграла свою роль. Одновременно важным фактором обращения к «новому периоду» истории России стало событие «вне-научного» характера – празднование 300-летия династии Романовых.

Первая работа Е.П. о XVII веке – речь, произнесенная на ежегодном Торжественном собрании в Новороссийском университете 1 мая 1912 года¹. Это одновременно и первое публичное выступление Е.П. в Новороссийском университете, обязательное для новых членов профессорской корпорации.

В контексте промонархической лояльности и в преддверии праздничных торжеств Е.П. начинает свое выступление с обоснования роли представителей романовской династии, которым в XVII веке «пришлось перестраивать государство», пережившего в «Смутную эпоху» – «страшный внутренний кризис». Однако последующее содержание речи посвящено обоснованию тезиса об особой роли, которую сыграло XVII столетие в истории России, став «колыбелью для новой России», определив смысл и направление дальнейшей истории отечества. Подход к обоснованию этого тезиса – историографический: автор стремится показать эволюцию взглядов на XVII век в отечественной литературе, подчеркивая, что «понадобилось целое столетие дружных усилий многих исследователей», прежде чем в науке утвердилось новое понимание XVII века.

М.В. Ломоносов и А.П. Сумароков, современники Петра Великого, – у истоков рождения идей о противопоставлении двух эпох – XVII и XVIII веков и о царе как разрушителе прежних устоев.

---

¹ См.: *Трифильев Е.П.* Новые культурные течения в Московском государстве в XVII веке // Отчет о состоянии и деятельности Императорского Новороссийского университета за 1912 год. Одесса, 1913. С. 1-ХУП.

М.М. Щербатов и И.Н. Болтин привнесли новое: критическую оценку деятельности Петра Великого и взгляд на допетровскую Россию как на государство с давними традициями, на роль Петра – «преобразователя», но не «создателя» государства.

Творчество Н.М. Карамзина, П.Я. Чаадаева и Н.Г. Устрялова, популярность их идей и концепций в научной историографии второй четверти XIX в. и в культурном сообществе в целом во многом способствовали возрождению прежнего взгляда на допетровскую эпоху. Дискуссии между западниками и славянофилами создали почву для радикального пересмотра историографической традиции. Особо Е.П. выделяет мысли представителей славянофильского течения в историографии о «самостоятельности русской жизни» со времени Московского государства.

С именем С.М. Соловьева, по мнению Е.П., устанавливается, наконец, «научная точка зрения» на эпоху Петра, суть которой – в понимании непосредственной связи петровских преобразований с предшествующим периодом.

Новые «начала», на основе которых происходило восстановление государства, вышедшего из кризиса Смутного времени «с разрушенными устоями», были выработаны в XVII веке и связаны с распространением западной культуры, которая, по мнению Е.П., «вливалась» в Московское государство «двумя ручьями».

Первый – «западный элемент» – имел «прикладной характер» и проникал посредством заимствования практических знаний в области военного искусства и промышленности благодаря специалистам-иностранцам на русской службе.

Второй – «юго-западный элемент» – это «*Малорусское культурное влияние*». Размежевание этих «элементов» – «западного» и «юго-западного» – в действительной жизни, замечает Е.П., было относительным, но оба влияния «оставили глубокие следы в жизни Московского общества».

Политическое объединение Москвы и Малороссии в XVII в. Е.П. рассматривает как акт, подготовивший «в Москве почву для западно-русского культурного влияния», подчеркивая значительную роль, которую сыграла Украина в распространении «западной науки» в Московском государстве.

Новую культуру и образовательную миссию несли в Москву «западно-русские монахи», которые повсеместно стали появлять-

ся в боярских домах в качестве учителей. «Киевские ученые» переводили библию с греческого языка на славянский язык, их приглашали для исправления ошибок в церковных книгах и проч. Симеон Полоцкий – представитель «западной науки и нового порядка вещей» – приобрел большое влияние при дворе Алексея Михайловича, став учителем царских детей.

Одновременно Е.П. акцентирует внимание на общность причин, которые «принудили» русский народ (в XVII в.) и украинский народ (на столетие раньше – в XVI в.) пойти на «сближение с Западом»: и в том и в другом случае речь шла о борьбе за свою самостоятельность.

Наряду с этим Е.П. обращает внимание на специфику форм «передачи» западноевропейской образованности: Киев распространял в Москве «польский вариант» западной культуры «старого образца». Образованность «киевских ученых» значительно отличалась от современной им западноевропейской образованности, замечает Е.П., ибо Малороссия усвоила «западную науку» не непосредственно из ее источника, а из Польши, и в том виде, в каком она получила развитие в Польше XVI в.

Западная Европа с XVI в. ушла вперед по сравнению с Польшей: «научное движение, созданное на западе реформацией», помогло науке сбросить с себя «оковы схоластики», отделиться от религии и пойти по пути «положительного знания». В Польше подобного «научного движения» почти не было, поэтому и образование в ней продолжало носить «религиозно-нравственный и схоластический характер»; именно таким оно было «перенесено» в Москву, а само «перенесение» было облегчено «религиозным характером киевского просвещения» в православном варианте.

Но даже в таком виде, убежден Е.П., «юго-западное образование» сыграло большую роль в истории России, поскольку подготовило почву для «усвоения Московским обществом» светской науки Запада.

XVII век стал веком «сильного общественного брожения», новые «влияния» привели к церковному и государственному расколу: процесс «выработки» новых форм развития «сопровождался внутренней борьбой» между силами, осознавшими необходимость в переменах, и силами, «протестующими во имя старых порядков». Победа «новых людей», заключает Е.П. свою речь, в конечном сче-

те была подготовлена XVII веком, который «выработал идеалы и дал средства для достижения этих идеалов».

Возможно, эта «заявочная» речь Е.П. при вступлении его в профессорскую корпорацию Новороссийского университета стала решающим аргументом для выбора его кандидатуры в качестве докладчика на торжественном собрании, посвященном празднованию трехсотлетия Дома Романовых, которое состоялось 21 февраля 1913 г. в актовом зале университета.

Текст юбилейной речи Е.П. «Избрание Михаила Федоровича на царство» отличается значительным пафосом, при этом автор подчеркивает, что он основывается на официальных источниках и общепризнанных исследованиях¹; в ней также есть элементы историографии (отмечено, что рассматриваемый период отличается «запутанностью причин», большой «трудностью для изучения»).

Основные акценты сделаны на идее «нравственного подъема» всего народа (движение «втягивало в себя сначала отдельные личности, затем целые сословия, наконец, весь народ»), который был обусловлен пониманием реальной угрозы потери независимости («на чашу весов» поставлена «судьба Московского царства») и привел к «политическому прозрению».

Все слои общества осознали необходимость царской власти («без государя и на малое время быть не могло»), необходимость борьбы «сообща», необходимость «общего совета». Эти идеи, «выросшие» в «общественном сознании под влиянием созданных смутной условий», привели к появлению новых понятий – «совет всей земли», «общий земский совет», «всенародное собрание», «дума миром», которые при отсутствии центральной правительственной власти выражали для населения потребность «самостоятельного образа действий». Все это заставило общество принять «прямое участие в общественных делах», создать земские соборы нового по сравнению с соборами XVI века (в которых преобладали «должностные лица») типа – с реальным народным представительством.

---

¹ См.: *Трифильев Е.П.* Избрание Михаила Федоровича на царство // Празднование трехсотлетия Дома Романовых Императорским Новороссийским университетом 21 февраля 1913 года / Составил проф. В.Н. Образцов. Одесса, 1914 [Юбилейное приложение к «Отчету о состоянии и деятельности Императорского Новороссийского университета за 1913 год». Одесса, 1914]. Публикуя свое выступление, Е.П. Трифильев привел в ссылке используемые им источники и пособия: Дворцовые разряды (Т.1. СПб., 1850); Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича (СПб., 1859) и др.; работы И.Е. Забелина, С.М. Соловьева, Д.И. Иловайского, А.И. Маркевича, С.Ф. Платонова, В.О. Ключевского, Д.В. Цветаева.

Приоритет кандидатуры Михаила Романова Е.П. обосновывается такими параметрами: происхождение – из «великих русских родов» (отечественных, а не иностранных), близость к прежней династии; популярность Романовых среди широких народных масс (образ Никиты Романова вошел в былины; в гонениях семьи Романовых при Годунове народ видел связь со своими бедами); юность и чистота Михаила сближали его личность с идеалом «настоящего царя» и проч.

Е.П. затронул вопрос и о проблеме ограничения царской власти: анализ свидетельств об этом в ряде источников (псковские летописи, сочинения Г.К. Котошихина и иностранцев) позволил ему сделать вывод о несостоятельности подобных предположений.

Resume

Приближение к анализу научно-педагогической деятельности Е.П. дает возможность наметить абрис его гражданских и научных приоритетов:

- национально-государственная самостоятельность, в основе которой плодотворный синтез отечественных и западных традиций
- «народное представительство» как закономерность и непременное условие политической жизни
- значимость просвещения и науки в развитии общества
- идея «народности» в системе ценностей
- идея историзма и ситуационно-стадиальный подход в понимании исторического и историографического процессов
- анализ историографических традиций как обязательное условие научной оценки
- исследовательская независимость и проч.

Одесский период. Новая эпоха

В последующие годы – уже советского времени – Е.П. принял участие в реформе высшей школы в Одессе: был членом президиума Гуманитарно-общественного института (лето 1920 г.) и возглавлял здесь кафедру русской истории; участвовал вместе с другими профессорами бывшего Новороссийского университета в создании Археологического института, стал его проректором; входил в комиссию по выработке программ Высшей школы, был чле-

ном профсоюза работников просвещения, делегатом губернских съездов по народному образованию; работал практически во всех вузах и исторических учреждениях Одессы. Возглавляя кафедру русской истории в Одесском институте народного образования / ИНО/ (1920-1925 гг.), читал здесь курсы по археологии, российской истории, истории Украины, истории Слобожанщины, экономической истории России, историографии; проводил археологические раскопки со студентами ИНО.

Наряду с Ю.Г. Оксманом, А.В. Флоровским, С.Я. Боровым, М.Е. Слабченко, А.А. Рябининым-Скляревским и др. Е.П. стоял у истоков создания Одесского государственного областного архива.

В начале 1921 г. Одесский исторический архив и Комиссия по концентрации и изучению историко-революционных материалов, учрежденные летом 1920 г. во главе с Ю.Г. Оксманом, располагались на первом этаже двухэтажного особняка по Елизаветинской улице¹ в помещении бывшей квартиры члена-корреспондента Академии наук (с 1925 г.) И.А. Линниченко. Заслуженный профессор Новороссийского университета, человек состоятельный, имевший недвижимость (в том числе «доходный дом» в Киеве на Крещатике), щедро жертвующий на нужды благотворительности (по 200-500 рублей, при среднем взносе 10-15 рублей), А.И. Линниченко занял антибольшевистскую позицию и вынужден был эвакуироваться в Крым. В его квартире (не менее восьми комнат) оставались мебель, библиотека, личный архив (материалы которого составили позже личный фонд И.А. Линниченко в Государственном архиве Одесской области, а также вошли в другие фонды архива – А.И. Маркевича и проч.).

Е.П., как и А.В. Флоровский, был консультантом архива. По воспоминаниям С.Я. Борового (который с февраля 1921 г, будучи семнадцатилетним юношей, стал сотрудником архива), Е.П. приходил на работу с большим заплочным мешком, в который складывал пайки, получаемые за свою службу в различных учреждениях города, и «производил впечатление очень доброго, простого человека»².

¹ Позже ул. Щепкина, 10 – в честь профессора Новороссийского университета и первого «красного профессора» высшей школы Одессы Е.Н. Щепкина; ныне – опять Елизаветинская.

² См.: *Боровой С.Я. Воспоминания / Вступ. ст. М. Соколянского; Примеч. и библиогр. коммент. В. Кельнера. М.; Иерусалим, 1993. С.95-99.*

В августе 1922 г. Е.П. был арестован. Начинаясь кампания по высылке интеллигенции из советской России. «Сокамерниками» Е.П. оказались коллеги по Новороссийскому университету – А.В. Флоровский, Ф.Г. Александров (приват-доцент кафедры сравнительного языкознания, ученик А.И. Томсона), Е.Л. Буницкий (приват-доцент по кафедре чистой математики) и др. Пребывание в заключении оказалось недолгим и сравнительно «мягким»: заключенным разрешалась переписка, передачи с продовольствием, книгами и прочими вещами, прогулки в тюремном дворе, «перекуры» в специальном помещении, расположенном рядом с «камерой» и проч.¹. Но последствия этого «события», в частности для А.В. Флоровского и Е.П., оказались разными: первый был депортирован, второй остался в Одессе. Во время подготовки к депортации происходили случаи ходатайств об освобождении арестованных, в защиту которых выступали государственные и общественные организации, их руководители и т.п. Решение по этим вопросам принимала созданная Политбюро 24 августа 1922 г. комиссия во главе с Ф.Э. Дзержинским, на которую было возложено право вносить изменения в списки лиц, подлежащих депортации. За Е.П. Трифилева хлопотал заведующий Одесским губернским архивным управлением Ю.Г. Оксман. В сентябре ходатайство Ю.Г. Оксмана было удовлетворено: Е.П. Трифилев остался в Одессе².

Последние три года своей жизни Е.П. продолжал работать в архиве, в Институте народного образования, принял деятельное участие в организации краеведческого движения, возглавил социально-экономическую секцию Одесской Комиссии краеведения.

Первая Всероссийская конференция научных обществ по краеведению, состоявшаяся в Москве в декабре 1921 г., собрала 192 делегата от 126 центральных и местных краеведческих организаций. Представителей Украины на этой конференции еще не было. Но уже к январю 1924 г. в Украине и Крыму действовало 26 научных краеведческих обществ и кружков (по РСФСР их насчи-

¹ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 171. Л. 1-12. Скорее всего, это была не тюрьма, а помещение предварительного заключения при комендатуре, под которое была приспособлена квартира на 4-м этаже особняка, находящегося ныне в районе пересечения улиц Еврейской и Канатной.

² См. подробнее: *Левченко В.В.* Одесские ученые – пассажиры «философского парохода» // *Былые годы.* 2013. № 1 (27). С.114.

тывалось в это время 297). Республиканская комиссия краеведения была основана в Харькове в 1922 г. В мае 1924 г. I-я Всеукраинская конференция краеведов определила программу краеведческих исследований в республике, формы организации и руководства краеведческим движением. В 1925 г. был создан Украинский Комитет краеведения в составе 15 человек под председательством профессора М.И. Яворского.

Учреждение Одесской комиссии краеведения состоялось 26 августа 1923 г. на собрании инициативной группы ученых Одессы, профессоров высшей школы и краеведов-любителей. На протяжении сентября прошли организационные мероприятия и 22 октября 1923 г. постановлением общего собрания Всеукраинская Академия наук утвердила Одесскую комиссию краеведения (ОКК) при ВУАН, а несколько позже (27 января 1924 г.) – устав комиссии и состав бюро – руководящего органа, в который вошли 6 человек, в том числе – Е.П. Главой социально-экономической секции ОКК был избран М.Е. Слабченко, но после сложения им своих полномочий председателем секции стал Е.П.

На 1 апреля 1924 г. секция насчитывала 34 человека, среди них – известные краеведы, а также бывшие профессора Новороссийского университета, теперь преимущественно профессора Института народного образования и других вузов Одессы: Д.Г. Атлас, А.С. Бориневич, О.Л. Вайнштейн, А.Г. Готалов-Готлиб, К.П. Добролюбский, Е.А. Загоровский, М.И. Мандес, А.Ф. Малеев, С.И. Мартыновский, А.И. Покровский, Ф.Е. Петрунь, А.М. Де-Рибас, Н.Л. Рубинштейн, А.А. Рябинин-Скляревский, В.И. Селинов, М.Е. Слабченко, Н.А. Соколов, Е.П. Трифилев, И.А. Хмельницкий, И.А. Фаас, А.Я. Шпаков и др.

Секция проводила научные исследования совместно с одесским отделением Истпарта. В ее составе была организована подсекция истории революционной борьбы под руководством И.А. Хмельницкого. Предметом научных интересов ее участников – Е.П. Трифилева, К.П. Добролюбского, А.А. Рябина-Скляревского, А.Ф. Малеева, В.В. Стратена и др. стала история революционного движения в крае.

25 ноября 1923 г. на первом организационном заседании секции было решено создать проблемно ориентированные исследовательские группы:

- история колонизации края (Е.А. Загоровский, М.И. Мандес)
- вопросы аграрной политики и крестьянского движения (Е.П. Трифилев)
- история просвещения (А.Г. Готалов-Готлиб, Л.Г. Гофман и др.)
- история Одессы (А.М. Де-Рибас, В.И. Селинов и др.)
- разработка картографического материала (Ф.Е. Петрунь) и проч.

Осуществляя руководство социально-экономической секцией ОКК, Е.П. по поручению Одесского губернского архивного Управления занимался разработкой сосредоточенных в Одессе архивных фондов. Результаты его исследований по аграрной истории, истории революционной борьбы и истории декабристского движения в крае вошли в материалы сборников: «Аграрное движение на Херсонщине. 1905 год» (Харьков, 1925), «1905 год. Революционное движение в Одессе и Одесщине» (Одесса, 1925); «Рух декабристів на Україні» (Харків, 1926).

Итоги жизни

17 августа 1925 г. Евгения Парфентьевича Трифилева не стало. Он прослужил в высшей школе 25 лет без четырех месяцев. 11 октября 1925 г. состоялось заседание Одесской Комиссии краеведения, посвященное памяти ученого. В выступлениях председателя комиссии профессора С.С. Дложевского, коллег Е.П. Трифилева по Новороссийскому университету и Институту народного образования – профессоров Е.А. Загоровского, И.А. Хмельницкого, А.И. Покровского, ученых-краеведов – А.А. Рябинина-Скляревского, Л.Г. Гофмана, студентов и др. отмечалось, что Евгений Парфентьевич был «старейшим представителем науки русской истории в Одессе», привнесшим в Новороссийский университет лучшие традиции харьковской школы историков, для которого была характерна разносторонняя творческая деятельность¹.

Е.П. Трифилев оставил небольшое количество публикаций, однако диапазон его интересов достаточно широк: проблемы истории Украины, истории России, историографии, археологии, археографии, архивоведения; он внес существенный вклад в разработку

¹ См.: Вісник Одеської Комісії Краєзнавства при ВУАН. 1924. Ч. 1. С. 1-5, 16; 1925. Ч. 2-3. С. 116-120.

истории двух регионов, в которых ему довелось жить и работать – Слобожанщины и Одесщины¹.

Его научная работа была тесно связана с учебной².

Заслуживает внимания деятельность семьи Трифилевых в области благотворительности.

Отношение Е.П. Трифилева к партиям и партийной работе было вполне категорично. В декабре 1923 г. в своей анкете, сохранившейся в делах Одесского института народного образования в фондах Государственного архива Одесской области, он написал: «Ни к какой партии не принадлежал и не принадлежу»³.

Вся его жизнь – это жизнь простого труженика, университетского преподавателя, который честно и добросовестно исполнял свой долг, – служил своему делу: «Живу исключительно на получаемое за труд содержание», – указал Е.П. Трифилев в той же анкете.

Евгений Парфентьевич Трифилев, ученый, в первую очередь – педагог, просветитель, представлял значительную когорту «рядовых исторической науки»⁴, без кропотливой профессиональной деятельности которых немислимо развитие университетского образования.

¹ По неполным данным Е.П. Трифилевым опубликовано около двух десятков работ. См.: Біобібліографічний словник учених Харківського університету. Т. 2. Історики (1905-1920, 1933-2000). Харків, 2001.

² *Трифільєв Є.П.* Спроба активно-трудої проробки історії первісної культури в Одеському ІНО // Шлях освіти. 1923. № 7-8. С. 166-172. См. также: *Музичко О.Є.* Одеський осередок археологічної педагогіки наприкінці ХІХ-20-х роках ХХ ст. // Археологія і давня історія України / Національна Академія наук України, Інститут археології. Вип. 9. Київ, 2012. С.177-180.

³ ГАОО. Ф. Р-1593 (Институт народного образования /ИНО/). Оп. 1. Д. 338. Л. 2.

⁴ См. подробнее: *Попова Т.Н.* Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М.А., 2017. С. 197-221 [Раздел «Евгений Парфентьевич Трифилев: рядовой исторической науки»].

3. Кафедральная корпорация: эскиз ¹

...кафедра ... является своего рода «рамкой»
для коллективного портрета.

С.И. Посохов²

Mini-предварение. Кафедра – университетская структура, которая имеет свою темпоральную протяженность от начала образования до определенного временного режима. При этом может изменяться как название кафедры в силу разных обстоятельств и в различные исторические периоды, так и состав кафедры – количественно и качественно. Тем не менее кафедра как таковая сохраняет свое бытие и идентичность. Таким «подвижным» по своим контурам явлениям, сопоставимым, например, с академической группой, определенной территорией, университетом и т.п., может быть адресовано понятие *куматоид*³.

В формате статики и динамики изучение кафедры-куматоида ориентирует на диахронический и синхронический анализы. Диахронический анализ кафедры-куматоида предполагает изучение истории кафедры в контексте общеисторических периодов; одновременно история конкретной кафедры может иметь собственную периодизацию в зависимости от избранных критериев (изменение названия и структуры кафедры – слияние с другими кафедрами, разделение кафедр и т.п.; деятельность кафедры с учетом университетских Уста-

¹ В основе данного текста см.: *Попова Т.Н.* Историческая русистика в Новороссийском университете // *Воронцовский сборник*. Вып. 5. Сб. научных статей. Одесса: Студия «Негоциант», 2012. С.137-146; *Она же*. К проблеме изучения дисциплинарной истории: историческая русистика в Новороссийском университете // *Анна Михайловна Шабанова (1933-2006). К 80-летию со дня рождения: сб. памяти: биографические материалы и статьи / Ред.- сост. Т.Н. Попова. Одесса, 2012. С.105-117; Она же*. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М.А., 2017. С.410-430.

² *Посохов С.И.* Кафедра как институциональная общность: юбилейные заметки // *Харківський історіографічний збірник*. Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна. 2014. Вип. 13. С.4-5.

³ См.: *Кузнецова Н.И.* Нестандартная эпистемология в отечественном исполнении (сравнительный анализ концепций Г.П. Щедровицкого и М.А. Розова) // *Эпистемология и философия науки*. 2012. Т. XXXII. № 2. С. 184-200; *Одинокова Л.Ю.* Территориальные рекреационные системы как социальные куматоиды // *На теневой стороне: материалы к истории семинара М.А. Розова по эпистемологии и философии науки в Новосибирском Академгородке*. Новосибирск: «Сибирский хронограф», 2004. С. 380-392; *Розов М.А.* Наука как традиция // *Стёпин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А.* Философия науки и техники. М.: Гардарики, 1996. С. 90–105 и др.

вов и проч.). Синхронический анализ нацелен на исследование состояния кафедры в конкретный период ее существования и может иметь различную систематику параметров в зависимости от цели изучения.

Диахронический анализ в сочетании с синхроническим анализом предполагает исследование кафедрального научного сообщества (КНС) в количественных и качественных измерениях:

- профессиональные характеристики членов КНС
- личностные и индивидуально-психологические характеристики
- формат коммуникативных связей (в кафедральном, факультетском, университетском, региональном, общегосударственном и международном пространстве)
- типологии коммуникаций
- вертикальные и горизонтальные связи – сквозные и внутри периодов
- научные школы и т.п.

Или – по параметрам:

- биографические
- академические
- коммуникативные
- социокультурные.

Исследование проблемы статуса кафедры в границах факультета, университета (вуза), в поле конкретных государственных образований, с позиций регионального подхода и т.п. акцентирует внимание на престижность кафедры по различным параметрам.

Научные параметры:

- научный авторитет кафедрального сообщества (массив и значимость публикаций, разработка новых направлений исследований, открытия эмпирического / фактуально-источниковедческого характера, создание новых теорий / концепций, методов исследования и т.п.)
- образование и деятельность научных школ
- создание и длительность научных традиций
- реальный вклад членов КНС в «дисциплинарный генофонд» и т.п.

Вненаучные параметры:

- роль представителей кафедры в системе научных властных структур

- влияние членов КНС на политику в науке на разных уровнях (факультетском, университетском и т.п.).

Социокультурные параметры:

- значение деятельности членов КНС в общественной и культурной жизни региона, страны и т.п.
- вклад членов КНС в культуру своей страны и т.п.

Политико-идеологические параметры:

- деятельность представителей КНС в политической и партийной сферах
- роль в формировании идеологических программ и т.п.

Персоналогические параметры:

- выдающиеся ученые – представители КНС
- роль кафедры в воспитании новых поколений ученых, внесших значительный вклад в развитие исторической науки.

Последний параметр акцентуализирует персональную историю ученого – *биоисториографию*.

Определение значимости ученого в развитии науки требует учета *масштаба личности и его вклада в дисциплинарный генофонд*:

- в контексте проблемы «историк первого / второго плана»
- на разных уровнях анализа (университетском, региональном и т.д.)
- в различные временные периоды (от современной ученому эпохи до наших дней).

Изучение истории кафедры предполагает подходы:

- биографический
- институциональный
- историко-культурологический
- дисциплинарный и проч.

Дисциплинарная история конкретной кафедры входит в дисциплинарную историю определенной области знания, составляющую раздел истории науки в целом.

Если объект анализа – кафедра всеобщей / всемирной истории, то следует учитывать, что «всеобщая / всемирная история» – это *дисциплинарный конгломерат*; в этом случае важна картина соотношения разработок в области антиковедения, медиевистики, новистики, ориенталистики и других направлений (дисциплин) в общем пространстве всеобщей / всемирной истории на кафедре, а также значимость историографических, источниковедческих и те-

оретико-методологических исследований членов КНС; выявление специфики дисциплинарного поля конкретной кафедры и векторов исследовательских приоритетов. Эти позиции соотносятся и с анализом дисциплинарной структуры любой иной кафедры – украинской, русской истории, славяноведения, археологии и проч.

Историография истории кафедры может рассматриваться как единый блок разноплановой исследовательской литературы в значительном временном режиме (от первых публикаций о кафедре до наших дней), так и собственно *история изучения* истории кафедры. Систематика изданий (историографических источников и историко-историографических исследований) в этом случае будет иметь различные критерии и структурирование¹.

Портрет кафедральной корпорации – дисциплинарного сообщества русистов в границах кафедры русской истории историко-филологического факультета Новороссийского университета – имеет в большей степени проблемно-постановочный характер и представлен как нарративный набросок – *эскиз*.

Дисциплинаризация русской истории (контур)

«История России» как общеисторическая дисциплина в последние годы в российской историографии все чаще именуется «исторической русистикой», или «историческим руссиеведением» (аналог – «историческая украинистика», «історичне українознавство» и т.п.).

* * *

Ремарка-экскурс. Классификационных схем исторических дисциплин – широчайший диапазон вариантов, среди них предлагаю три.

1. Схема профессора *Я.С. Калакуры* (Киев) предполагает, что **ИИ** состоит из двух больших групп дисциплин / областей знания:

1. Собственно *история* (мировая история, история стран и регионов, история эпох и периодов, история отдельных сфер и форм жизнедеятельности и др.).

---

¹ См. подробнее: *Попова Т.Н.* Кафедральная корпорация: проблемы изучения // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века: сборник статей и сообщений: В 2 т. Т. 1 / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинец. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2020. С. 132-136.

2. *История, методология и философия ИН.*

1) *специальные области ИН* (историография, археология, источниковедение, архивоведение, археография и др.;

2) *специальные исторические дисциплины (СИД):*

а/ *дисциплины, преимущественно обрабатывающие методы исследования:* атрибутика, клиометрика, историческая эвристика, генеалогия, хронология, информатика и др.

б/ *дисциплины, которые исследуют специфические источники:* письменные (палеография, дипломатика, текстология и др.); изобразительные (геральдика, сфрагистика, иконография, нумизматика и др.); вещественные (вексикология, оружиезнание, униформознание и др.¹

2. По мнению О.Б. Демина, профессора кафедры всемирной истории ОНУ имени И.И. Мечникова, исторические дисциплины в Новороссийском (Одесском) университете подразделялись на:

1) *основные* (русская, всемирная, церковная история, история искусств);

2) *краеведческие* (славистика, византистика, литуанистика, украинистика, краеведение);

3) *вспомогательные* (источниковедение, историография, историческая география, археология, этнография, археография, эпиграфика, нумизматика);

4) *специальные* (история международных отношений, история права, история философии, экономическая история)²

3. Предлагаемая мною схема – из пяти блоков **дисциплин / областей³ исторического профиля.**

¹ В публикациях Я.С. Калакуры присутствует и такая схема: СИД подразделялись на «дисциплины, які здебільшого опрацьовують нові методи дослідження історичних джерел (історична евристика, кліометрика, хронологія та ін.); дисципліни, які переважно досліджують специфічні джерела (геральдика, сфрагістика, фалеристика та ін.). Останні варто поділити на три підгрупи: а) ті, які вивчають словесні джерела (дипломатика, епістологія, палеографія, текстологія та ін.); б) ті, які досліджують речові джерела (вексикологія, історичне зброєзнавство, уніформознавство та ін.); в) дисципліни, які опрацьовують зображальні джерела (боністика, іконографія, нумізматика, історична філокартія та ін.)». См.: Калакура Я.С. Методологія історіографічного дослідження: наук.-метод. посіб. Київ: ВПЦ "Київський університет", 2016. 319 с.; *Он же*. Класифікація та ідентифікація джерел з українознавства // Українознавство в системі освіти. Київ: НДІУ, 1996. С. 143–148; Історичне джерелознавство: підруч. / кер. авт. кол. Я.С. Калакура. Київ: Либідь, 2002. С. 89–113 та ін.

² См.: Дьомін О.Б. Еволюція історичної науки (2015). С.146.

³ Не все из этих комплексов знания приобрели дисциплинарный статус.

I. Историческая наука как мегадисциплина включает:

1. Общеисторические дисциплины, основной критерий – регионально-хронологический подход: история античности, древнего мира, средних веков, нового и новейшего времени; история Украины, России, Европы и др.; многие из этих дисциплин получили собственное имя: антиковедение, медиевистика, новистика, украинистика и т.п.

2 Специальные исторические дисциплины, которые можно разделить на три группы, учитывая специфику каждой из этих групп:

1) *рефлексивные дисциплины*, объектом которых выступает сама историческая наука и историческое познание: источниковедение (теоретическое), историография, методология истории, биографистика, дисциплинарная история и т.п.;

2) *дисциплины источниковедческого профиля*, объектом которых является определенный вид исторического источника: нумизматика, геральдика, сфрагистика и проч.;

3) *дисциплины, изучающие конкретную сферу исторической реальности*: хронология, краеведение, генеалогия, археология, этнология, археография и проч.

II. Интеллектуальная история – история идей, история понятий / концептуальная история и др.

III. История науки – общая и по конгломератам (математика / науки о природе / науки о человеке или в соответствии с другими класс-схемами ¹).

IV. История отраслевая: экономическая, политическая, социальная и т.п.

V. История тематическая: история церкви, международных отношений, глобальная история и т.п.

Ремарка-цитата. Я.С. Калакура: «...будь-яка модель класифікації – умовна і будуватиметься на пріоритетних спільних ознаках».

* * *

Традиционно – практически во всех странах Европы – процесс институционализации «отечественной истории» опережал

¹ См. подробнее: Попова Т.Н. Дисциплинарный образ науки (2019). С.132-153.

процесс институционализации т.н. «всемирной («всеобщей») истории» с ее составляющими. Темпы дисциплинаризации двух ведущих ветвей исторической науки – отечественной истории и всеобщей были неравнозначны: идея всеобщей истории в России по сравнению с отечественной – «довольно позднее приобретение»¹. Истоки этого явления – в изменении геополитической ситуации в Европе к концу XV в., когда и на «западе» и на «востоке» шел процесс складывания централизованных государств, что вызывало необходимость идеологического обоснования возникновения новых политико-культурных образований.

С XVI в. при монархических дворах Европы появляется должность официального историографа. Лица, занимающие ее (известные писатели и ученые), были призваны создать историю своей страны. Официальная отечественная история по сложившейся традиции выражала политико-идеологическую доктрину государства и содержала парадные мифологемы.

В XVIII веке в европейских странах утверждается термин *историография* как аналог самой исторической науки. В начале XIX века на волне расцвета «романтической историографии» с ее пристальным вниманием к проблемам самобытности отдельных народов появляются профессиональные национальные истории. В Российской империи в XVIII – начале XIX вв. сформировалась традиция создания «эпических форм» истории страны (В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов, М.М. Щербатов, Н.М. Карамзин).

Важнейшим критерием дисциплинаризации является формирование рефлексивного поля новой области знания. В российской науке рефлексивный ландшафт отечественной истории как дисциплины получил более четкую конфигурацию; среди причин – потребности в систематизации *собственного* источниковедческого массива, в создании *собственных* процедурных средств² и проч.

Одним из ведущих параметров дисциплинаризации является формирование дисциплинарного сообщества и организацион-

¹ См.: *Потульницький В.А.* Всесвітня історія і Україна (Історіософія світової і української історії 17-20 ст.). Київ: Либідь, 2002. 480 с.; *Репина Л.П.* Пространственные перспективы всеобщей истории // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / Под. ред. Л.П. Репиной. М.: Издательство ЛКИ, 2011. С. 202.

² См.: *Ключевский В.О.* Источниковедение. Источники русской истории. Лекция 1 // Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. VII. М., 1989. С. 7. См. об этом подробнее: *Попова Т.Н.* Из истории Новороссийского университета: памяти А.Г. Брикнера // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск, 2016. Вып. 18. С. 70-87 и др.

ных основ научной дисциплины, системы научных учреждений, в составе которой в первую очередь – университеты как высшие научно-образовательные центры, а в их структуре такие институциональные формы, как факультеты и кафедры. В университетах Российской империи название кафедры, представлявшей «отечественную историю», изменялось по мере развития исторической науки и потребностей исторического образования, а также в силу политико-идеологических стратегий.

В Московском университете с 1755 г. существовала кафедра «Истории универсальной и российской, также древностей и геральдики». По Уставу 1804 г. произошло разделение этой кафедры: на кафедру «Всемирной истории, статистики и географии» и кафедру «Истории, статистики и географии Российского государства». Устав 1835 г. отразил не только углубляющуюся специализацию научного поля – на первом отделении философского факультета были созданы кафедры «Всеобщей истории» и «Российской истории», – но и стремление власти акцентуализировать идеологическую составляющую национальной истории. В соответствии с официальной доктриной единства «православия, самодержавия и народности» российская история была призвана стать «охранительницей и блюстительницей общественного спокойствия» (М.П. Погодин).

В 1850 г. в российских университетах вместо упраздненного философского был создан историко-филологический факультет, на котором кафедра отечественной истории по Уставу 1863 г. получила название «Русской истории», а по Уставу 1884 г. – «История русская». Значение этой кафедры в общей структуре университетов можно проследить даже по формальным признакам: в «Отчетах» и «Обозрениях» – основных формах университетской делопроизводственной документации – данные о деятельности кафедр всегда начинались с кафедры русской истории (не считая кафедры богословия); ординарный профессор этой кафедры (в современном варианте – заведующий) автоматически замещал ректора университета в случае его отсутствия.

В императорских университетах Российской империи, несмотря на стремление власти идеологизировать национальную историю, профессиональная отечественная историография на протяжении XIX – начала XX вв. была представлена отнюдь не однородным научным сообществом историков-русистов, исследования

которых способствовали созданию многослойного поля научных традиций.

О подходах к изучению дисциплинарных сообществ

Дисциплинарное сообщество, имея транснациональный характер, тем не менее дифференцировано в соответствии с региональной спецификой различного уровня. Процесс дисциплинаризации исторической русистики – формирование ее когнитивных параметров, инфраструктуры и социокультурных коммуникаций – имел общие линии развития в границах университетского ареала Российской империи. Вместе с тем региональные университетские сообщества русистов на территории «російської України» (М.С. Грушевский) – в Киеве, Харькове и Одессе – представляли собой достаточно самобытные явления.

В современной, преимущественно региональной, литературе уже наметилась тенденция к изучению формирования и деятельности дисциплинарных сообществ историков в Новороссийском университете. Первые подступы к исследованию этой темы представлены конкретно-аспектными подходами:

- *персоналогическим* (изучение отдельных представителей тех. или иных дисциплинарных сообществ)
- *дидактическим* (становление «учебного лика» дисциплины – преподавание конкретных курсов в университете)
- *институциональным* (деятельность специализированных кафедр)
- *дисциплинарным* (история конкретной дисциплины)
- *проблемно-дисциплинарным* (история изучения конкретной проблемы представителями дисциплины-специальности) и проч.¹

---

¹ См.: *Першина З.В.* Історія України в працях одеських дослідників // Український історичний журнал. 1994. № 6; *Радзиховська О.О., Избаши Т.О., Березін С.С.* Традиції антикознавства та медієвістики в Новоросійському – Одеському університеті: кафедра історії стародавнього світу та середніх віків // Записки історичного факультету/ Одеський національний університет імені І.І.Мечникова. Вип. 16. Присвячується 140-й річниці Одеського національного університету імені І.І.Мечникова. Одеса, 2005; *Дьомін О.Б.* Вивчення історії революцій XVI-XVIII століть в Одеському університеті // Там же; *Гребцова І.С.* Викладання російської історії в Новоросійському університеті // Там же; *Горчакова О.А.* Розвиток психолого-педагогічних наук на історико-філологічному факультеті Новоросійського університету // Там же; *Хмарський В.М.* Кафедра історії України Одеського університету: чому і як було відновлено у середині 50-х рр. XX ст. // Там же. Вип. 19; *Он же.* Археографічна діяльність Одеського

Анализ дисциплинарного сообщества русистов (ДСР) в Новороссийском университете (как и любого иного) предполагает несколько стадий. На первой необходимо реконструировать персональную историю каждого из членов научного сообщества русистов. Вместе с акцентом на индивидуальное предложенный ниже блок характеристик для выяснения персональной истории ученых-русистов включает те общие позиции, которые будут способствовать проведению сравнительного анализа персональных историй всех членов ДСР.

Биографические параметры:

- общий абрис личностной биографии представителя ДСР;
- общий абрис профессиональной биографии представителя ДСР; при этом

– акцент на вопросы: время его деятельности в Новороссийском университете; выпускником какого университета, представителем какой научной школы в границах специальности являлся; в каких университетах или иных структурах работал помимо Новороссийского университета.

Академические параметры:

- учебная работа; курсы по исторической русистике в общей структуре учебной нагрузки (общие, специальные, семинары);
- репертуар научных исследований; место конкретно-дисциплинарных исследований в общей структуре научной работы;
- какие публикации вышли в период работы в Новороссийском университете, в том числе – по русистике;
- категориальный профиль ученого;
- научный статус в дисциплинарном сообществе (официальный статус и научная репутация).

товариства історії і старожитностей. Одеса, 2002; *Попова Т.Н.* Историографический ретроспект: к вопросу о становлении дисциплинарного статуса истории Украины в Новороссийском университете // Проблемы славяноведения: Сб. научных статей и материалов. Вып. 1. Брянск, 2000; *Она же.* К вопросу о дисциплинарной истории историографии (на материалах Новороссийского университета) // Там же. Вып. 12. Брянск, 2010; *Левченко В.В.* Історія Одеського інституту народної освіти: позитивний досвід невеликого експерименту. Одеса: ТЕС, 2010; Історична україністика в Одеському університеті: визначні віхи, персонажі, доробок / Матеріали конференції V Історіографічні читання (історичний факультет ОНУ ім. І.І. Мечникова. 31 травня 2012 року). Одеса, 2013. 246 с.; *Дьомін О.Б.* Еволюція історичної науки // Одеський національний університет імені І.І. Мечникова (1865–2015): історія та сучасність / гол. ред. І.М. Коваль; Одеський нац. ун-т ім. І.І. Мечникова. Одеса, 2015. С.120-146 и др.

Коммуникативные параметры:

- участие в работе Археологических съездов и т.п. с дисциплинарной тематикой;
- формы научно-организационной деятельности;
- рецензии на работы коллег-русистов;
- создание научной школы; научное наставничество;
- членство и деятельность в научных обществах;
- формы профессионального и личного общения (внутри ДСР в границах кафедры, факультета, университета, иных университетов и проч.; с представителями других научных сообществ; взаимоотношения со студентами и т.п.).

Социокультурные параметры:

- формы общественно-политической деятельности;
- участие в благотворительных и культурно-просветительских обществах и акциях;
- публикации неакадемического характера;
- общественный статус; репутация в различных социокультурных слоях и проч.;
- эволюция индивидуальной судьбы в контексте социо-ситуативных трансформаций.

Разумеется, предложенная схема анализа персональной истории может иметь другую структуру, включать иные позиции в зависимости от исследовательской стратегии.

Вторая стадия предполагает коллективный – просопографический портрет ДСР. Основные акценты структуры просопографического анализа должны быть сделаны на:

- возрастные
  - национальные
  - конфессиональные
  - схоларные
  - дидактические
  - концептуальные
  - теоретико-методологические
  - коммуникативные параметры,
- а также семейный, академический (профессиональный) и социальный статус.

Сравнительный анализ персональных историй членов ДСР позволит смоделировать ДСР, учитывая его институциональные

уровни: кафедральный, факультетский, университетский, региональный.

Сравнение с аналогичными ДСР в других университетах даст картину типологических и специфических черт в общероссийском, собственно украинском и региональном масштабах.

* * *

Портреты представителей кафедры русской истории историко-филологического факультета Новороссийского университета представлены в публикациях ученых Одесского (Новороссийского) университета¹.

¹ См.: *Шабанова А.М.* Перетяткович Георгий Иванович // Професори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник. Одеса, 2000. Т. 3; *Мирошниченко В.О.* Линниченко Иван Андрійович // Там же. Т. 3; *Попова Т.М., Самдурова В.В.* Смирнов Михайло Павлович // Там же. Том. 4; *Синявська О.О.* Историк Олексій Іванович Маркевич: життя та діяльність. Одеса, 2003; *Левченко В.* Із історії Новоросійського (Одеського) університету: Євген Олександрович Загоровський // Науковий вісник. Одеса, 2007. № 16 (53); *Музичко О.Є.* Професор М.П. Смирнов - перший дослідник середньовічної історії Східної Європи в Новоросійському університеті // Записки історичного факультету. Вип. 12. Одеса, 2003; *Он же.* Одеський історик Є.О. Загоровський (1886-1938) в українському історіографічному процесі першої третини ХХ ст. // Черноморська минувшина. Вип. 3. Одеса, 2008; *Он же.* Джерелознавчі та історіографічні студії професора П.Г. Клепацького у першій третині ХХ ст. // Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України. Теорія. Методика. Практика. Дніпропетровськ 2009; *Он же.* Историк Георгий Иванович Перетяткович в научно-педагогической жизни Одессы конца XIX – начала XX вв. // Південний-Захід-Одесика. Вип. 10. Одеса, 2010; *Он же.* Книга та слово: історик І.А. Линниченко у культурному та громадському житті України кінця XIX – першої чверті ХХ ст. / Наук. ред. В.М. Хмарський. Одеса: Одеський національний університет імені І.І. Мечникова, 2016. 426 с.; *Он же.* Південноукраїнські історики у пошуках наукових та суспільних ідеалів (друга половина XIX - початок ХХ ст.): монографія / наук. ред. В.М. Хмарський; Одес. нац. ун-т ім. І.І. Мечникова, Ф-т історії та філософії. Одеса: ОНУ, 2019. 435 с. *Музичко О.Є., Хмарський В.М.* До історії розвитку української медієвістики в Одесі кінця XIX – початку ХХ ст.: Б.А. Вахевич // Науковий вісник. Одеський державний економічний університет. Всеукраїнська асоціація молодих науковців. Науки: економіка, політологія, історія. 2005. № 1 (13); *Музичко О.Є., Хмарський В.М.* До історії київської історичної школи: Павло Андрійович Іванов // Український історичний журнал. 2006. № 5; *Руденко А.В.* Російська історіографія у науковій спадщині А.В. Флоровського: празький період // Всесвітня історія та актуальні проблеми міжнародних відносин. Статті та матеріали II міжнародної науково-практичної конференції, присвяченої пам'яті професора Г.Л. Бондаревського (1920-2003 рр.). Луганськ, 2011; *Попова Т.Н.* Алексей Иванович Маркевич: заметки к биоисториографическому этюду // Алексей Иванович Маркевич (1847-1903). Биобиблиографический указатель. Сост.: В.В. Самодурова, И.В. Максименко; Науч. ред и автор вступ. ст. Т.Н. Попова. Одесса, 1997; *Она же.* Проблеми изучения интеллектуальной биографии А.В. Флоровского: к 125-летию со дня рождения // Проблемы славяноведения. Вип. 11. Брянск, 2009; *Она же.* Из истории Новороссийского университета: Е.П. Трифилев: к 140-летию со дня рождения (биоисториографический контур) // Проблемы славяноведения. Вип. 9. Брянск, 2007 и др.

Кафедральная корпорация русистов

Предварительный синхронический анализ дисциплинарного сообщества в границах кафедры русской истории историко-филологического факультета Новороссийского университета позволяет высветить определенную специфику дисциплинарного сообщества русистов.

1. Состав кафедры русской истории был относительно стабильным и формировался из выпускников Новороссийского университета (А.И. Маркевич, А.В. Флоровский, Б.А. Вахевич, А.Е. Белюгов, Е.А. Загоровский) и представителей иных университетских центров: М.П. Смирнов (Санкт-Петербург), Г.И. Перетяткович (Москва), И.А. Линниченко (Киев), Е.П. Трифилев (Харьков), П.А. Иванов (Киев), А.С. Грушевский (Киев). Некоторые из них проработали в Новороссийском университете большую часть своей жизни – М.П. Смирнов, Г.И. Перетяткович, А.И. Маркевич, И.А. Линниченко, Е.П. Трифилев. Более кратковременный период научно-педагогической деятельности в Новороссийском университете (в силу факторов различного порядка) был у Б.А. Вахевича, А.В. Флоровского, П.А. Иванова, А.Е. Белюгова, А.С. Грушевского, Е.А. Загоровского. А.И. Маркевич и А.С. Грушевский вынуждены были уйти из университета «по собственному желанию», а фактически изгнаны в силу причин политического характера.

2. По своему социальному происхождению и экономическому положению кафедральная корпорация была весьма неоднородна. М.П. Смирнов и А.И. Маркевич – из дворянских родов, действительные статские советники¹; И.А. Линниченко, А.С. Грушевский и Е.А. Загоровский – из профессорских семей; Е.П. Трифилев – из купцов, А.В. Флоровский – из семьи священнослужителя; остальные – также из разночинцев. М.П. Смирнов был владельцем девяти деревень в Александрийском, Елизаветградском и Одесском уездах. А.И. Маркевич владел собственностью в Полтавской губернии. И.А. Линниченко имел доходный дом в Киеве. Высокие общественные посты занимали А.И. Маркевич и И.А. Линниченко (Почетный мировой судья г. Одессы и др.).

3. По профессиональному статусу на кафедре были четы-

---

¹ А.И. Маркевич получил этот чин на государственной службе, находясь уже вне стен Университета.

ре ординарных профессора – М.П. Смирнов, Г.И. Перетяткович, А.И. Маркевич, И.А. Линниченко; два заслуженных ординарных профессора – Г.И. Перетяткович и И.А. Линниченко; один и.о. ординарного профессора – Е.П. Трифильев, один экстраординарный профессор – А.В. Флоровский; остальные – приват-доценты. И.А. Линниченко был чл.-корреспондентом Санкт-Петербургской Академии наук (1917) и чл.-корреспондентом Академии наук СССР (1925).

4. По своим научным и мировоззренческим позициям русисты имели различные платформы и приверженности. М.П. Смирнов – ученик Н.Г. Устрялова, последний всю жизнь был сторонником «теории официальной народности». Учеником М.П. Смирнова еще в Ришельевском лицее был Г.И. Перетяткович, который позже учился у С.М. Соловьева; воспитанник Г.И. Перетятковича – А.Е. Белюгов. И.А. Линниченко, П.А. Иванов и А.С. Грушевский – из школы В.Б. Антоновича. Если последние два – носители «украинской идеи», то первый, несмотря на свои украинские корни, – сторонник самодержавия, доктрины «единой и неделимой России». Ученики И.А. Линниченко: А.В. Флоровский – либерально-демократических взглядов, но сторонник «единой России», Е.А. Загоровский – на протяжении своей жизни занимал разные мировоззренческие позиции – от идеи «российскоцентризма» до идеи «укаиноцентризма». Е.П. Трифильев, ученик П.Н. Буцинского, был либерально-просветительских взглядов, но сторонником «единой России». А.И. Маркевич, «малороссиянин» по паспорту, «укаинофил» по взглядам, тем не менее так и не преодолел идею «общероссийской государственности».

В методологическом инструментарии преобладали позитивистские принципы и подходы исследования: идеи эволюции и многофакторности истории, акцент на источник, фактографичность, нейтральность авторской позиции, социальная история и т.п. Для всех представителей кафедральной корпорации была характерна в том или ином аспекте идея народности. Однако индивидуальная теоретическая платформа имела в большей степени эклектичный характер практически у всех историков-русистов¹.

¹ Из фундаментальных исследований по проблемам категориального профиля ученых-историков в Украине XIX – начала XX вв. см.: *Стельмах С.П.* Исторична наука в Україні епохи класичного історизму (XIX – початок XX століття): Монографія. Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка. Київ: ВПЦ Київський університет, 2005. 378 с.; *Богдашина Е.Н.*

Ремарка-штрих. Если Г.И. Перетяткович и А.И. Маркевич, следуя за С.М. Соловьевым, на первый план выводили географический фактор, то И.А. Линниченко настаивал на равнозначности факторов, протестуя против гипертрофии экономического фактора, выходившего на авансцену исследовательских интересов в конце XIX века.

5. Россиеведческая тематика в исследованиях представителей кафедры отличалась достаточно широким временным и региональным диапазоном: от средневековья до начала XX века; в границах российского государства – от западных и южных земель до Поволжья. Проблемы взаимоотношений Руси – Литвы – Польши, проблемы Российского централизованного государства, XVII век в истории России, преобразования Петра I, эпоха Екатерины II, политика Павла I и Александра I, проблемы колонизации Причерноморья и Поволжья и проч. Политическая, социальная, экономическая, культурная история, история международных отношений – все эти линии составляли круг научных интересов представителей кафедры. Помимо общеисторического поля, русисты внесли определенный вклад в разработку источниковедческих, историографических, археографических, генеалогических, музееведческих, биографических¹ и библиографических проблем и проч. Постановка специальных курсов в основном была связана с направлением исследовательского поиска, но подчас расширяла его границы. Так, среди спецкурсов М.П. Смирнова были курсы по истории Пруссии и истории Ливонского Ордена; А.И. Маркевич читал курсы по истории быта и первого самозванца в России; А.С. Грушевский поставил спецкурс «История после Петра Великого (от Екатерины I до Екатерины II): сословные отношения и административный строй» и др.

6. Дидактические и научные интересы практически всех представителей кафедрального сообщества не ограничивались русистикой – значительный пласт учебных курсов и исследований был посвящен проблемам украинистики, славистики, полонисти-

---

Позитивизм в исторической науке на Украине (60-е гг. XIX - 20-е гг. XX вв.): [монография]. Харьков: ХНУ им. В.Н. Каразина, 2013. 587 с.

¹ См.: Попова Т.М., Мирошниченко В.А. Біоісторіографія в історико-краєзнавчих дослідженнях // Історія України. Маловідомі імена, події, факти. IX Всеукраїнська наукова конференція. Історичне краєзнавство на межі тисячоліть: досвід, проблеми, перспективи. 27-28 вересня 1999 р. (Збірник статей). Вип. 6. Київ, 1999. С. 261-264 и др.

ки, литуанистики, этнографии, археологии, исторической географии, краеведения, истории Западной Европы, истории русской и украинской литературы.

Например, А.И. Маркевич кроме курсов по русской истории и историографии (общего и спецкурсов: «Русская историография», «Критико-библиографический очерк источников и пособий при изучении новейшей русской истории», «История царствования Императора Александра I», «Внутренний быт Русского Государства в XVII в.», «Внутренний быт Русского Государства в XVIII в.», «История первого Самозванца» и др.) читал «Краткий очерк славянских народов», «Историческую географию и этнографию южной Руси», а также первым в Новороссийском университете и вторым в Украине (после В.Б. Антоновича) прочитал серию специальных курсов по истории Южной и Западной Руси – собственно истории Украины. Значительный пласт его научного творчества также принадлежит сюжетам украинской истории и славяноведческим проблемам, хотя главные исследования (по масштабу работ и по собственному восприятию) ориентированы на историю Российского централизованного государства – проблемы местничества.

Диссертационные исследования и иные виды научных работ М.П. Смирнова, Г.И. Перетятковича, И.А. Линниченко, П.А. Иванова, А.С. Грушевского, Е.А. Загоровского были посвящены истории отдельных регионов Украины.

Ремарка-штрих. В украинской историографии звучит мнение, что «областные исследования» связаны в первую очередь со школой В.Б. Антоновича. Действительно, для «школы Антоновича» характерен «областный» подход: всем своим ученикам он давал темы, сфокусированные на исследование конкретных регионов украинских земель. Тем не менее само понятие «областные исследования» несколько шире: история отдельных земель, или областные исследования, в общероссийской историографии последней трети XIX века рассматриваются как «областное направление», истоки которого связывают с именем киевского митрополита Евгения (Е. Болховитинова), а зарождение – с народнической историографией 1860-х годов. К этому направлению относят Н.И. Костомарова, Д.И. Иловайского,

А.И. Никитского, Д.А. Корсакова, В.С. Борзаковского и др., в том числе – «школу Антоновича»¹.

Несколько иной акцент «украинской тематики» в работах Г.И. Перетятковича, который исследовал историю «малороссов» в Поволжье в контексте колониационных процессов в Российской империи. История украинского казачества стала не только главной исследовательской проблематикой П.А. Иванова, но и вошла в специальные курсы, прочитанные им на факультете. Самостоятельный курс истории Украины одним из первых разработал и стал читать Е.П. Трифилев, который актуализировал проблему «малорусского влияния» на культурное развитие России в XVII веке.

Особое место в научном творчестве русистов занимали проблемы краеведения. История края – Одессы – одесщины и шире – Северного Причерноморья оказались в сфере учебных и научных интересов практически всех членов кафедры. Пожалуй, все-таки у истоков краеведческих изысканий русистов стоял А.И. Маркевич, которого по праву называли «историографом Одессы и Новороссийского края». А.В. Флоровский был вынужден переориентироваться на краеведческую тематику в связи с изменением геополитической ситуации (революция и гражданская война).

Для последнего поколения «русистов» региональная проблематика стала доминирующей: Е.А. Загоровский сконцентрировал свое внимание на истории Новороссии – колонизации края и организации управления («Военная колонизация при Потемкине». Одесса, 1913; «Организация управления Новороссией при Потемкине в 1774-1791 годах». Одесса, 1913; «Славянская колонизация Новороссии в XVIII веке. Сербские военные поселения». Киев, 1913 и др.); П.А. Иванов после первой работы по истории Волынской земли, выполненной у В.Б. Антоновича, перешел полностью на историю казачества – Запорожского и Черноморского.

Интерес к проблемам украинской истории, славяноведению в целом был естественно обусловлен: А.И. Маркевич – с Полтавщины, П.А. Иванов – из одесской области, Г.И. Перетяткович, хоть и из Бессарабии, но проникся интересом к украинистике, начиная с

---

¹ См.: Михальченко С.И. П.П. Смирнов об исторической школе В.Б. Антоновича // Региональная история в российской и зарубежной историографии: Тезисы докладов международной научной конференции. Ч.1. Рязань, 1999. С. 133-136.

лекций М.П. Смирнова; славянский мир (южный и западный) составлял значительный социокультурный пласт одесского мира.

7. Среди дисциплинарного сообщества русистов нет фигур «первой величины».

Ремарка-цитата. А.В. Флоровский, оценивая в середине 1960-х гг. историческую науку в Новороссийском университете, писал: «Исторические науки в Одессе не были представлены слишком сильно, если не считать, конечно, Успенского, и др. В частности и кафедра русской истории была представлена несколько слабо. Однако, никак не могу только согласиться, что в начале XX век[а] в этом отношении был упадок, определявшийся условиями политической реакции в России вообще после 1905 г. Да, после ухода из Университета Маркевича и весьма устаревшего к моему времени, но очень симпатичного Перетятковича, кафедру русской истор[ии] представлял И.А. Линниченко, весьма серьезный ученый, но в это время уже весьма ленивый и непродуктивный <...> Однако, Линниченко сумел создать вокруг себя целую школу учеников, которые выступили в печати с целым рядом весьма полноценных работ – Вахевич, Авальяни, Слабченко, Флоровский, Клепацкий, Загоровский. И одновременно он создал и на женских курсах известное ученое движение <...> И еще – он же дал начало «Библиографическому обществу» университета <...> Это еще не упадок, а расцвет, активизация одесских сил, хотя бы кругом и шла политич.[еская] реакция и сам Линниченко постепенно все правел»¹.

* * *

В соответствии с принятой в последнее время в исследовательской литературе научной метафорой «человек второго плана» («историк второго ряда») можно составить градацию значимости отдельных представителей ДСР в историографии в целом и в исто-

---

¹ См.: Листи А.В.Флоровського до В.Т. Галяса (1960-1968) // Василь Терентійович Галяс (біографічні матеріали до 85-річчя з дня народження). Одеса, 2006. С.40. Вероятно, эта оценка – критические замечания на юбилейные материалы, изданные к 100-летию Одесского государственного университета имени И.И. Мечникова, полученные А.В. Флоровским от В.Т. Галяса.

рии университетского образования. Однако сложности с определением формулы «человек второго плана», с выявлением типологических черт «историка второго ряда», рассмотрение его как промежуточного звена между главными действующими лицами истории / историографии и т.н. «статистами», позволяют говорить об относительности данного понятия и значительном диапазоне «второго плана» («третьего, четвертого» и проч.).

Главный критерий этой градации – роль представителя ДСР в том деле с которым он связан, – с профессиональной деятельностью университетского преподавателя. При этом нельзя забывать о двух уровнях темпоральной оценки – современниками и с позиций историографии сегодняшнего дня. Кроме того, «...опознание исторического персонажа как "человека второго плана" зависит от выбора угла зрения и того социокультурного контекста, в соответствии с которым осмысливается историческая роль данной конкретной личности»¹.

Среди кафедрального ДСР наиболее яркие фигуры – А.И. Маркевич и И.А. Линниченко. Масштаб научного наследия, научно-организационной и общественной деятельности, прижизненная достаточно высокая репутация в научном сообществе и т.п. позволяют рассматривать этих ученых в первых рядах украинской историографии и, безусловно, региональной. Не стоит забывать, что А.И. Маркевич первым в украинской историографии и вторым (после Д.А. Валуева) в российской науке разработал проблему местничества.

А.В. Флоровский для первого – одесского – периода своей творческой деятельности оставался в масштабах региональной историографии по сравнению с его учителем И.А. Линниченко «фигурой второго плана», но итогом его научно-педагогической работы в последующий период – эмиграции – была уже европейская известность. Можно допустить, что «третьему плану» и проч. будут соответствовать фигуры П.А. Иванова и Б.А. Белюгова². Недостаточная изученность персональных историй всех представителей региональной историографии, включая ДСР, не позволяет пока

¹ Корневский А.В. Три Тойнби // Человек второго плана в истории. Вып.4. Ростов-на-Дону, 2007. С.84.

² См.: Музичко О.Є. Белюгов Олександр Євгенович // Одеські історики. Енциклопедичне видання. Том I (початок XIX – середина XX ст.). Одеса, 2009. С.47.

что создать даже условную (впрочем, в любом случае – условную) градационную схему.

Некоторые представители кафедры всеобщей истории (А.Г. Брикнер, Д.И. Успенский, Е.Н. Щепкин, П.М. Бицилли), кафедры славяноведения, не говоря уже о филологических кафедрах, занимались проблемами русской истории. Следование «жесткому» критерию для определения ДСР – по специализированной профессиональной подготовке (образованию) – не вполне подходит для университетской системы XIX в. До 1850 г. в российских университетах не было историко-филологических факультетов, а отделения «исторических наук» и специализации по кафедрам появились, в частности в Новороссийском университете, соответственно в конце 1860-х гг. и в начале XX века. Многие из историков получали образование в зарубежных университетах (А.Г. Брикнер, С.Л. Рубинштейн и др.), впитывая специфику их традиций.

Ремарка-штрих. С 1868 года на историко-филологическом факультете Новороссийского университета были открыты три отделения: классической филологии, славяно-русской филологии и исторических наук. В 1900-х годах на историческом отделении стали постоянно работать четыре группы специализаций: славяно-русской, всеобщей истории, истории искусств и истории философии¹.

Поэтому на втором институциональном уровне – факультетском, третьем – университетском и четвертом – региональном допустимо включать в ДСР лиц, в научное наследие которых входят исследования по русской истории. При таком подходе дисциплинарное сообщество предстает как сложноструктурированное образование: из т.н. «ядра» – «чистых русистов» (хотя бы по доминирующей проблематике исследований) и «периферии», которая, в свою очередь, включает разные по удаленности от «ядра» сферы. Каждая из этих сфер соотносится с теми историками, чьи исследовательские интересы шире ареала «титульной профессии».

---

¹ Для сравнения: в Московском университете историко-филологический факультет был разделен на три отделения (древнеклассической филологии, славянской филологии и исторически наук) в 1872 г.

Комментарии-post

1. Индивидуальная структура исследовательской и дидактической проблематики ни у одного из представителей кафедры русской истории не отвечала кафедральному статусу – «чистых» русистов в кафедральной корпорации не было.

Ремарка-штрих. Конечно, можно с известной долей условности, учитывая самоидентификацию историков, отнести к «чистым русистам» А.И. Маркевича, А.Е. Белюгова и А.В. Флоровского, а также Г.И. Перетятковича, принимая во внимание место, которое заняли его работы по истории Поволжья в российской историографии. И.А. Линниченко более ценился в российском научном сообществе как специалист-славяновед.

Помимо фактора профессионально-образовательного (специализацию по русской истории получило только новое поколение «русистов» в начале XX века), следует учитывать этносоциокультурный, географический и геополитический факторы.

Обстановка внутри кафедры, изменения глобального характера привели к тому, что к концу существования университета (к 1920-му г.) кафедральная проблематика полностью утратила элементы «титульной профессии» – работ в масштабах общерусской истории уже не было (за исключением нескольких публикаций историографического и источниковедческого плана у А.В. Флоровского), бывшие «русисты» сконцентрировались на регионально-краеведческом материале.

2. «Вертикальная» составляющая интеллектуальных сетей на кафедре четко прослеживается по двум линиям:

- М.П. Смирнов – Г.И. Перетяткович – А.Е. Белюгов
- И.А. Линниченко – Б.А. Вахевич, А.В. Флоровский, Е.А. Загородовский.

Помимо этих линий, которые явственно укладываются в схему «учитель-ученик» (хотя о «школе» в отношении М.П. Смирнова речь не идет), *линия поколений* выстраивается:

- от М.П. Смирнова ко второму поколению – Г.И. Перетяткович, А.И. Маркевич (оба были студентами М.П. Смирнова) и И.А. Линниченко (работавшего на кафедре в 1884-1888 гг. / официально/ и в 1896-1911 гг.)

- новое поколение: Б.А. Вахевич и А.Е. Белюгов (с разными сроками пребывания на кафедре), Е.П. Трифилев, затем – А.В. Флоровский, П.А. Иванов и Е.А. Загоровский.

«Горизонтальная» составляющая сетевой структуры характеризуется добрыми отношениями между Г.И. Перетятковичем и И.А. Линничко; близкие, дружеские отношения отличали дуэт А.И. Маркевича и И.А. Линниченко (хотя с 1895 г. А.И. Маркевич уже выбыл из состава кафедры).

По воспоминаниям А.В. Флоровского, можно предположить, что между представителями нового поколения преподавателей кафедры особой близости не было.

«Линия соперничества», а вернее – неприятия друг друга, характеризовала отношения, которые сложились между И.А. Линниченко и Е.П. Трифилевым, что накладывало свой отпечаток на всю кафедральную атмосферу.

3. Лидера, который смог бы объединить хотя бы два поколения ученых, на кафедре не было. Можно ли считать И.А. Линниченко лидером кафедры в начале XX века? – вопрос весьма проблематичный. Научная школа педагогического типа была создана только одна – школа И.А. Линниченко, но и в эту школу входили не только молодые преподаватели кафедры, его ученики, прошедшие этап «профессорских стипендиатов», но более широкий круг – бывшие студенты, работавшие на других факультетах и вне университета.

А.И. Маркевич, несмотря на значительное количество благодарных учеников, школу не создал. В этом факте роль сыграли два фактора: во-первых, безусловно, его ранний «уход» из университета, во-вторых, возможно, его личностные качества как человека и ученого. В отличие от И.А. Линниченко (который, несмотря на разногласия мировоззренческого характера, в целом воспринял «школьную» платформу В.Б. Антоновича), А.И. Маркевич действительно не подходил на роль лидера «школы»: его научные интересы отличались неконсолидированной широтой и эклектичностью подходов.

Ремарка-штрих. По мнению И.А. Линниченко, «поверхностный скептицизм» – наследие 1860-х гг. – стал причиной того, что А.И. Маркевичу не удалось «примкнуть ни к какой школе, ни к какой научной теории». Впрочем, и при та-

ком «наборе» качеств А.И. Маркевич смог бы создать свою школу, если бы был к этому расположен. Но: «всеядность жизни», с одной стороны, и гипертрофированное «критическое начало» – с другой, не позволяли ему идентифицировать себя с каким-либо конкретным научным направлением, а сформулировать собственную доктрину, вероятно, в силу индивидуальных черт, не получалось, а возможно, он к этому и не стремился.

4. Кафедральная корпорация русистов Новороссийского университета не представляла собой интеллектуального, идеологического и личностного единства – это был сложный организм со своими противоречиями – явными и потаенными. Тем не менее профессорам и преподавателям кафедры удалось заложить научные традиции широкого дисциплинарного спектра, которые получили свое развитие уже в последующие эпохи. Вторым важнейшим результатом деятельности кафедры было воспитание таких крупных ученых, как А.В. Флоровский¹ и уже его ученик – Н.Л. Рубинштейн, а также плеяды глубоких исследователей-украинистов – Е.А. Загоровского, П.А. Иванова, П.Г. Клепатского (аспиранта И.А. Линниченко).

5. Сегодня наследие кафедральной корпорации русистов Новороссийского университета стало достоянием коллективов всех трех кафедр факультета истории и философии Одесского национального университета имени И.И. Мечникова – кафедры всемирной истории, кафедры истории Украины, кафедры археологии и этнологии Украины. История России, история международных отношений, история славян и др. – прерогатива «всеобщников». История казачества, социальная, культурная и экономическая история Украины и др. – прерогатива украинистов; археологические и этнографические изыскания – сфера кафедры археологии и этнологии Украины. Проблемы историографии, источниковедения, археографии, архивоведения, генеалогии, музееведения и др., а также история Одесского (Новороссийского) университета, история Одессы / Одесщины и Северного Причерноморья составляют научный интерес представителей всех исторических кафедр факультета.

¹ После депортации А.В. Флоровского Н.Л. Рубинштейн переписывался со своим наставником, посылал ему книги и статьи; его отношение к учителю оставалось неизменно признательным: «...все, что будет возможно, я всегда охотно для Вас сделаю». [Из письма Н.Л. Рубинштейна к А.В. Флоровскому от 28 декабря 1923 г. См.: АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 390. Л. 1].

P. S.

Геополитические потрясения нашего времени привносят чувство утраты в извечную веру в способность человечества к созиданию прекрасного. «Биографический поворот», или «Ренессанс биографизма», напротив, символизирует сегодня наше осознание собственной значимости как Человека, творящего себя и окружающий мир. Фокус «человеческого измерения» становится в историописании одним из определяющих.

Возможно, все ипостаси исторической биографии сохраняют синдром портрета «в манере сфумато».

Ремарка-уточнение. Для Ю.М. Лотмана образ «сфумато»¹ – «...изображение земного трехмерного пространства как тончайшего и радостного сфумато...»; задача автора / художника / писателя в этом случае нацелена на то, чтобы раскрыть «секрет психологического правдоподобия... взаимную необходимость разных жизней», составляющих одну жизнь «героя» биографии – «одно просвечивает сквозь другое, вдохновение – сквозь глыбы жизненных обстоятельств, свет – сквозь дым...»².

Ремарка-мнение. И.В. Голубович рассматривает символ-образ «сфумато» как единство и целостность биографического описания, изоморфность разных его частей. Биографическая техника «сфумато» дает возможность осветить таинственную связь между внешней и внутренней (духовной, психологической – в зависимости от понимания биографом «внутреннего мира») биографией. Техника «сфумато» пребывает на грани между научным дискурсом и искусством³.

В моем контексте акцент сделан на суть понятия *сфумато* – «исчезающий как дым», метафору, смысл которой – неуловимость и неисчерпаемость биографического проникновения в тайны лично-

---

¹ Родоначальник этой «манеры» живописания (воздушное взаимопроникновение света и тени - светящаяся тьма и затемненный свет), как известно, Леонардо да Винчи..

² См.: Лотман Ю.М. Биография – живое лицо // Новый мир. 1985. № 2. С.228-236

³ См. подробнее: Голубович І.В., Крижановська Т.О. Ірина Яківна Матковська: на черки до портрету в манері сфумато // Українська біографістика. 2020. Вип. 20. С.58.

сти и одновременно – на стремление к постижению *много*-гранника творческой индивидуальности в бесконечных переливах сфумато.

Осознание факта *незавершенности* любой пробы биографического письма не может повлиять на постоянство нашего интереса к жизни *Другого*, в которой мы хотели бы найти ответы на извечное вопрошание собственного *Я*.

III. Бициллиеведение

ОБ ИМЕНАХ И СМЫСЛАХ

*Когда звезде подыщем мы
Её единственное имя –
Она, с планетами своими,
Шагнёт из немоты и тьмы.
Александр Аронов¹*

Феномен *бициллиеведения* (как и любая система знаний) требует своего инструментария, в первую очередь – категориального аппарата. Появление нового исследовательского поля в гуманитаристике характеризуется постоянно растущей эмпирической базой и категориальным синтезом, итогом которого является образование новых понятий.

Сегодня уже сформировался блок понятий, которым активно оперируют исследователи: *бициллиевед*, *бициллиеведческие труды и публикации*, *бициллиеведение* (впервые вводит М.А. Бирман)², *институционализация бициллиеведения*, *бициллиеведческий процесс*, *историографические ландшафты бициллиеведения*, *параметрический образ бициллиеведения*, *периодизация бициллиеведения*³. Появление этих понятий, безусловно, связано с началом рефлексивного освоения темы «Бицилли».

Самоназвание – едва ли не главный показатель институционализации науки, маркер самоидентификации исследователей, репрезентантов новой области знания.

---

¹ Поэт – «шестидесятник».

² См.: *Бирман М.А.* А.П. Мещерский (1915-1992). Несколько страниц к биографии первого «бициллиеведа» // Полотропов. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М.: Индрик, 1998. С. 800, 803; *Он же.* П.М. Бицилли (1879-1953). Штрихи к портрету ученого // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / Сост. Ф.Б. Успенский; Отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 636.

³ См.: *Попова Т.Н.* Бициллиеведение: информационно-аналитические комментарии (Круглый стол «Бициллиеведение в международного интеллектуально пространство: состояние и перспективы». X международна научна конференция «Българите в Северното Причерноморие», 15-16 септември 2007 г.) // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Головний ред. В. Смолій; відп. ред. І. Колесник. Київ: Інститут історії України НАН України, 2008. Вип. 3. Частина 1. С. 389-423 и др.

Для А.Ф. Лосева – «имя и есть сама вещь»: «Знать имя – значит уметь пользоваться вещью в том или другом смысле. Знать имя вещи – значит быть в состоянии общаться и других приводить в общение с вещью»¹.

Однако «общение» возможно лишь на условии отделения «себя-от-других» в процессе и в результате самоидентификации. Уровень и формы этого отделения, безусловно, имеют социальную градацию.

Самоидентификация любого явления начинается с осознания принадлежности ему его имени, с наделением любого явления само-названием, что позволяет этому явлению приобрести определенный социальный статус: «...только в имени обоснована вся глубочайшая природа социальности во всех бесконечных формах ее проявления...»².

Осознание собственной сущности и наделение этой сущности собственным именем – процесс рефлексивный, результат самоанализа / самопознания.

С введением понятий «бициллиевед» и «бициллиеведение» происходит нечто подобное тому, что в свое время происходило с понятиями «историограф» и «историография». Как считается, термин «историограф» появился во Франции в XIV в.; эволюция его содержания – от художника-иллюстратора до титула официальных писателей «национальных историй», затем – до широкого круга авторов разнообразных исторических сочинений; следующий шаг – возникновение и утверждение в XVIII веке в Европе понятия «историография» как комплекса работ на историческую тематику, процесса создания исторических сочинений («историописание»), а затем – аналога самой исторической науки.

Логике процесса институционализации бициллиеведения по «именному» параметру можно условно представить по следующей схеме:

1. Поскольку возникновение новой «идеи» (новой проблематики исследований: изучение жизни и творчества П.М. Бицилли) связано с ее «носителем» – субъектом-исследователем, научная деятельность которого приобретает свою тематическую специфику, постольку саморефлексия исследователей наследия П.М. Бицилли

¹ Лосев А.Ф. *Философия имени*. М.: Изд-во Московского ун-та, 1990. С. 185.

² Там же. С. 20.

требует самоидентификации (отделения «себя-от-других»), выражающейся в первую очередь в «социализации» своего «особого» места в научном поле в форме «самонаименования», т.е. в появлении собственного «имени» – *бициллиевед*.

2. Расширение диапазона результатов исследовательской деятельности «бициллиеведов» рождает и новые «названия-имена» для самой научной продукции – *бициллиеведческие труды и бициллиеведческие публикации*.

3. Возникновение этой терминологии приводит к появлению понятий *бициллиеведческие исследования* и *бициллиеведение* как обозначений нового тематического поля.

4. Новые понятия – *бициллиеведческий процесс, институционализация бициллиеведения* – это факт осознания самого процесса освоения нового исследовательского пространства, выход бициллиеведческой рефлексии на т.н. «внешний» уровень.

5. Качественно новый этап – углубление бициллиеведческой рефлексии: осмысление всего процесса «изучения Бицилли» в регионально-хронологических и междисциплинарных координатах с учетом когнитивных и социальных параметров нового научно-исследовательского явления, что приводит к закреплению самоназвания нового раздела гуманитаристики – *бициллиеведение*.

Именно в «имени» сконцентрирована социальность нового когнитивного образования, и появление «самоназвания» – принципиальный показатель институционализации нового исследовательского направления.

По традиции подобные персонологические направления историко-биографического плана называют по имени «героя», например: «грушевськознавство», «франкознавство», «костомаровознавство», «гоголезнавство»¹ «карамзиноведение»², «пушкиноведение»³, «лермонтововедение», «гумилевоведение» и т.п.

¹ См.: Смолий В.А., Пінчук Ю.А., Ясь О.В. Микола Костомаров. Віхи життя і творчості: Енциклопедичний довідник. Київ, Вища школа, 2005. С. 9; Дорошенко В. Радянське франкознавство // Збірник «Української літературної газети». Мюнхен, 1957. С. 29-47; в «Енциклопедії Сучасної України» (2006) «гоголезнавство» - это научная дисциплина, объединяющая исследования разных аспектов жизни и творческого наследия Н. Гоголя и др.

² Определяется как одно из направлений историко-литературной науки в России. См.: «Карамзинские чтения» –2019 (Ульяновск).

³ См.: Бицилли П.М. Образ совершенства // Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 372 и др.

Ремарка-экскурс-info. Проблема имени входит в более широкий круг проблем *истории понятий*. В украинской историографии эти проблемы получили глубокое осмысление в работах С.П. Стельмаха¹ и И.И. Колесник.

В двух своих монографиях И.И. Колесник представила фундаментальную аналитику историографии истории понятий².

Современное состояние истории понятий, считает И.И. Колесник, связано с процедурами категоризации огромного информационного ресурса – такой подход к истории понятий определяет ее статус как концептуальной истории (conceptual history) и методологии исследования любой предметной области, сферы знания или научной дисциплины.

В связи с этим в своей новой монографии, посвященной «глобальной истории», автор концентрирует внимание на концептуализации этого понятия. Если «глобальноисторические» исследования имеют уже свою историю, то сам термин «*глобальная история*» появляется в англосаксонской интеллектуальной традиции 1990-х гг. и до сих пор остается в дискуссионной плоскости. Сущность современной научной ситуации вокруг глобальной истории, по мнению И.И. Колесник, лежит в поисках ее идентичности: это направление, подход, методология, историческая дисциплина.

Отсутствие саморефлексии в отношении собственного опыта у исследователей глобальной истории, наличие целого семейства «родственных» терминов («общая», «всемирная», «всеобщая», «универсальная», «мировая» история, «культурный трансфер», «имперский меридиан» и т.п.) затрудняет исследовательский процесс и требует концептуализации понятия.

Любая дисциплина или предметная / проблемная область – это в первую очередь определенная система понятий. Использование понятий как аналитического средства предполагает «прояснение» понятий, их экспликацию – в результате

¹ *Стельмах С.* Исторична семантологія в німецькій традиції соціальної історії // Козеллек Р. *Минуле майбутнє: про семантику історичного часу*. Київ: Дух і літера, 2005. С. 7-14; *Он же.* «Теорія можливих історій» Райнгарта Козеллека: традиція та інновація // Козеллек Р. *Часові пласти: дослідження з теорії історії*. Київ: Дух і літера, 2006. С. 7-18.

² *Колесник Ірина.* Українська історіографія: концептуальна історія. Київ: Інститут історії України НАН України, 2013. 566 с.; *Она же.* Глобальна історія. Історія понять. Київ: НАН України; Інститут історії України, 2019. 348 с.

слово превращается в инструмент познания, коммуникативный маркер в междисциплинарном пространстве, предстает уже не лексической единицей, а определенной моделью организации информации, изучения фактов, событий, явлений и т.п., а «работа со словами» определяет «языковую культуру» ученого.

Язык науки – система открытая, гибкая и динамичная, тесно связанная с социокультурным пространством, расширением исследовательских полей, с креативными поисками ученых, постоянно пополняемая новыми понятиями, требующими концептуального обоснования¹.

Среди них и «глобальная история», означающая в интерпретации И.И. Колесник в широком значении – *историческую идеологию эпохи глобализации*, приходящую на смену известным парадигмам: позитивизму, методологизму, марксизму, постмодернизму, а в узком – *три типа историописания*: транснациональную историю, социальную теологию и перекрестную историю².

Если термин «глобальная история» вызывает противоречия в первую очередь из-за своего «глобального» содержания – этому термину придают многовариантную смысловую нагрузку, то термин «бициллиеведение» по своему предметному полю достаточно понятен большинству исследователей «темы Бицилли», поскольку бициллиеведческий процесс насчитывает уже более столетия – с 1913 г.³ Однако в сообществе исследователей жизни и творчества П.М. Бицилли нет согласия по поводу необходимости применения данного термина.

¹ Проблема содержания слов «термин-понятие-категория-концепт» состоит в многочисленных подходах к ее решению, обобщая которые, условно выделим два основных: а/ применение этих слов как синонимов – наиболее распространенный; б/ дифференцированный подход к обоснованию их содержательного наполнения имеет длительную традицию в философии и истории понятий. Логическую взаимосвязь между этими словами можно представить следующим образом: *термин* – словесное определение понятия (категории как понятия высшего уровня); *понятие* – интеллектуальный инструмент, результат научного теоретического обобщения, подлежащий интерпретации; *концепт* – наделение понятия конкретным смыслом (концептуализация понятия). См. подробнее: Попова Т.Н. Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия. Одесса: Бондаренко М.А., 2019. С. 338-368. [Раздел V. Глоссарий].

² Колесник Ирина. Глобальна історія. Історія понять. Київ: НАН України; Інститут історії України, 2019. С.8-9.

³ См.: Попова Т.Н. Бициллиеведение: историографический контур // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Втора част. Бицилизнанието в международното интелектуално пространство: състояние и перспективи. Том десети. Одеса – Велико Търново, 2009. С.291-301.

Ремарка-мнение. На международной научной конференции «Петр Михайлович Бицилли (1879-1953). Возвращенное наследие», состоявшейся в Софии в августе 2018 г., возникли, по воспоминаниям И.В. Голубович, жаркие споры: некоторые из участников высказались критически по поводу термина «бициллиеведение», т.е. необходимости «специального понятийно-терминологического» определения новой области исследований. И хотя многие, начиная свое выступление, подчеркивали – «я не бициллиевед», почти никто без термина «бициллиеведение» обойтись не мог. В конечном итоге пришли к общему резюме: за время конференции все стали немного «бициллиеведами», поэтому бояться слова «бициллиеведение» не стоит¹. Термин «бициллиеведение», используемый в современной полидисциплинарной литературе, посвященной жизни и творчеству Петра Михайловича Бицилли, «остается спорным», но, тем не менее, «постепенно входит в силу»².

В любом случае слово «бициллиеведение» уже существует, и его консолидирующий потенциал вряд ли стоит недооценивать.

* * *

Бициллиеведение – имя / самоназвание конкретной области гуманитарного знания, статус которой еще не получил официального признания.

Сегодня бициллиеведение вряд ли можно назвать научной дисциплиной: социокогнитивные параметры не приобрели системную завершенность, когерентность компонентов дисциплинарности – относительна, инфраструктура не сформирована. Авторы бициллиеведческих работ в своем большинстве не идентифицируют себя как «бициллиеведов»: объективная причина в том, что бициллиеведческие исследования не являются для многих из них доминантными.

---

¹ См.: Голубович И.В., Попова Т.Н. Размышления на два голоса. Читаем книгу: Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444 с. // Культура украинских философских сообществ: ситуация трансформации: [коллективная монография] / ред. кол. Л.Н. Богатая, И.В. Голубович, К.В. Райхерт; отв. ред Л.Н. Богатая. Одесса: Печатный дом, 2019. С. 143-158.

² См.: Селунская Н.А. Интеллектуальная биография П.М. Бицилли в интерпретации М.А. Бирмана // Славянский Альманах / Институт всеобщей истории РАН, Россия; глав. ред. К.В. Никифоров. М.: Индрик, 2020. № 1-2. С. 473.

И все-таки можно выделить ряд показателей, которые свидетельствуют о том, что институциональный процесс набирает темпы.

Во-первых, когнитивная институционализация в своих основных чертах обрела более-менее отчетливый силуэт системности:

- определилось предметное поле новой области знания с тенденцией к расширению;
- сформировался совокупный объект исследований – за 1912-2000-е годы труды П.М. Бицилли, опубликованные ранее, реопубликованные и новые, неизвестные доньше, работы стали достоянием исследователей;
- материалы личных / семейных архивов, архивные документы, эго-материалы, мемуаристика и проч. составили значительную источниковую базу персональной истории / интеллектуальной биографии П.М. Бицилли, которая с каждым годом становится все более масштабной;
- подходы к оценке личности, творчества Петра Михайловича, его роли и места в мировой науке в своих принципиальных чертах получили универсальное понимание в сообществе «бициллиеведов»;
- сложился полидисциплинарный исследовательский инструментарий в научной деятельности «бициллиеведов» различной дисциплинарной принадлежности и т.п

Во-вторых, социальная институционализация проявляется по ряду параметров:

- в основных «ландшафтах» бициллиеведения – в Болгарии, России и Украине – более-менее скомпоновались сообщества «почитателей Бицилли», между многими из которых установлены достаточно прочные личные контакты: происходит обмен информацией, мыслями, публикациями и проч., что способствует консолидации «бициллиеведов» не только в государственных границах внутринаучного поля, но и в межгосударственном пространстве;

- неопценимая роль в процессе консолидации принадлежит «лидерам» и «инициаторам» институционального процесса; в этом плане нужно отдать должное Михаилу Абрамовичу Бирману (Израиль), который на протяжении многих лет выступал в качестве своеобразного связующего центра между различными

регионами бициллиеведения (Болгарией, Россией, Украиной, Европой и др.); в последние годы очень многое в установлении личных творческих контактов между бициллиеведами сделала Таня Галчева (Болгария);

- информационно-коммукационным «сетевым» координатором явился блок библиографических трудов, расширяющийся и уточняющийся с каждым очередным изданием;

- накоплен значительный массив исследовательской литературы – созданы фундаментальные работы в широком проблемно ориентированном диапазоне;

- особую консолидирующую роль среди бициллиеведов играет созданный в 2012 г. болгарской исследовательницей Т.Н. Галчевой и внучкой П.М. Бицилли Н.А. Галь при участии Г. Петковой (Софийский университет) Интернет-сайт «Saved Archives. Документи. Спомени. Публикации. Фото. Контакти».

- один из важнейших среди коммуникативно-информационных маркеров в институционализации – организация и проведение персонологических (преимущественно юбилейных) конференций; рубежными вехами в этом плане стали:

— Историографические чтения, посвященные 120-летию со дня рождения П.М. Бицилли и состоявшиеся в Одессе на базе исторического факультета Одесского национального университета имени И.И. Мечникова, – первая региональная персонологическая конференция¹;

— в сентябре 2007 г. в рамках международной украино-болгарской конференции «Болгары в Северном Причерноморье» был проведен Круглый стол «Бициллиеведение в международном интеллектуальном пространстве: состояние и перспективы», участниками которого стали представители болгарского (М. Велева, Д. Григорова), украинского (Киев, Харьков, Одесса: И.И. Колесник, В.Г. Пикалов, О.Б. Демин, Т.Н. Попова, Д.А. Шумейко, В.В. Левченко) бициллиеведения, а также профессор М.А. Бирман (Израиль)²;

¹ См. об этом: *Зленко Г.* Историографические чтения // *Вечерняя Одесса*. 1999. 25 декабря; *І.В. Максименко, В.М. Хмарський.* Історіографічні читання // *Записки історичного факультету / Одеський національний університет імені І.І. Мечникова*. Одеса, 1999. Вип. 9; *Бачинська О.* Історіографічні читання // Там же. Одеса, 2000. Вип. 10 и др.

² См. об этом: *Український історичний журнал*. 2008. №.1; *Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки* / Головний ред. В. Смолій; відп. ред. І. Колесник. Вип. 3. Частина 1. Київ: Інститут історії України НАН України, 2008; *Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Втора част. Бицилизнанието в международното интелектуално про-*

— 1-2 октября 2009 г. в Одесском национальном университете имени И.И. Мечникова состоялись международные научные чтения, посвященные 130-летию со дня рождения П.М. Бицилли; инициатором чтений стал Научно-исследовательский и образовательный центр имени Г. Флоровского (философский факультет ОНУ); состав участников приобрел новые географические контуры: Одесса, Киев, Москва, Санкт-Петербург, Казань, Пермь, Ашдод (Израиль), София (Болгария), Кишинев (Молдова) и др.¹;

— следующий этап – международные научно-образовательные семинары «ESCHATOS»; организаторы: структуры ОНУ имени Мечникова – кафедры философии, истории древнего мира и средних веков, новой и новейшей истории; Научная библиотека университета, Пермский государственный университет, Одесское отделение Российского Философского Общества; география участников: Украина, Россия, Болгария (Т. Галчева), Израиль²;

— в 2013 г. в Одесском национальном университете имени И.И. Мечникова состоялся семинар памяти П.М. Бицилли и Г.В. Флоровского, на котором присутствовала внучка П.М. Бицилли – Н.А. Галь (Швейцария), а также бициллиеведы из Болгарии (Т. Галчева) и России (Л.А. Сыченкова);

— в 2018 г. в Софии по инициативе Т. Галчевой была проведена международная конференция «Петр Михайлович Бицилли (1879-1953). Возвращенное наследие»; участники – исследователи из Ашдода, Брянска, Казани, Минска, Москвы, Одессы, Омска, Перми, Петрозаводска, Санкт-Петербурга, Саратова, Софии, Ташкента, представлявшие Институт болгарской философской культуры, Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, Санкт-Петербургский институт истории РАН, РГГУ, Ташкентскую православную духовную семинарию, Петрозаводский государственный университет, Пермский филиал

странство: состояние и перспективы. Том десети. Одеса – Велико Търново, 2009. С.279-344.

¹ См. об этом: *Довгополова О.А.* Вступительное слово // CURRICULUM VITAE. Сб. научных трудов. Вып.2: Творчество П.М. Бицилли и феномен гуманитарной традиции Одесского университета. Одесса: ФОП Фридман О.С., 2010. С.3-13.

² См.: *ESCHATOS: Философия истории в предчувствии конца истории* / Отв. редактор О.А. Довгополова. Одесса: ФОП Фридман О.С., 2011. 366 с.; *ESCHATOS-II: философия истории в контексте идеи «предела»*: сб. статей / Отв. редактор О.А. Довгополова. Одесса: ФОП Фридман О.С., 2012. 280 с.

НИУ ВШЭ, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Белорусский государственный университет и Казанский федеральный университет. От Дома русского зарубежья им. А. Солженицына выступила ученый секретарь М.А. Васильева¹;

— международная конференция «Гуманитарная наука русского зарубежья: К 140-летию со дня рождения П.М. Бицилли» состоялась 18-19 ноября 2019 г. в Москве. Соорганизаторы конференции – Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Библиотека-музей «Дом А.Ф. Лосева», Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. В конференции приняли участие ученые из России, Болгарии, Польши, Италии, Израиля и Украины².

* * *

М.А. Бирман определил бициллиеведение как «самостоятельную комплексную и междисциплинарную ветвь гуманитарных знаний»³.

Бициллиеведение сегодня имеет многообразное восприятие – это научное пространство можно рассматривать в качестве:

- относительно самостоятельных направлений исследований в границах отдельных дисциплин – истории / историографии⁴, философии, филологических наук, социологии, политологии и проч.
- полидисциплинарного проблемного поля, рассекающего дисциплинарные и государственные демаркации

¹ См. об этом: *Васильева М.* Международная конференция «Петр Михайлович Бицилли (1879-1953). Возвращенное наследие» в Софии. URL: http://www.domrz.ru/press/news/250818_mezhdunarodnaya_nauchnaya_konferentsiya_sofia/

² См.: *Анохина Ю.Ю.* Гуманитарная наука русского зарубежья: К 140-летию со дня рождения П.М. Бицилли. Международная конференция в ИМЛИ РАН // Новый филологический вестник. 2020. № 2 (53). С. 380-387.

³ *Бирман М.А.* Этапы, вехи и парадоксы бициллиеведения (К постановке вопроса) // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Втора част. Бицилизнанието в международното интелектуално пространство: състояние и перспективи. Том десети. Одеса – Велико Търново, 2009. С. 279.

⁴ См., например: *Попова Т. Н.* Бициллиеведение – новый исследовательский ландшафт в историографии Украины (К 130-летию со дня рождения П.М. Бицилли // Історіографічні дослідження в Україні / Голова редколегії В.А. Смолій; відп. ред. О.А. Удод. Київ: Інститут історії України НАН України, 2010. Вип. 20. С. 155-169.

- самостоятельного раздела гуманитаристики с междисциплинарным инструментарием и т.п.

P.S.

Последующие институционально-дисциплинарные модуляции бициллиеведческого процесса неизбежно конкретизируют формат этого *интеллектуально-научного пространства в современной культуре*.

Однако превратится ли бициллиеведение в «дисциплинарную науку о П.М. Бицилли»¹, достигнет ли институциональный процесс уровня дисциплинарности, т.е. будет ли сформирована стройная социокогнитивная система, вписанная в международное социокультурное и научное пространство, во многом зависит от активной позиции всех, причастных к «постижению Бицилли», а также от разнообразных факторов – научных и вне-научных.

В любом случае, как бы мы не определяли сегодня статус *бициллиеведения* и наименование этого нового раздела гуманитаристики, без понятийного аппарата уже обойтись нельзя, и последующий исследовательский маршрут потребует и новых понятий, и более глубокую экспликацию уже существующих.

---

¹ Васильева М. [Рец.:] Анненкова И.В. *Неизгнанная мысль: Филология П.М. Бицилли / Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова*. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011. 148 с. // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2012 / [отв. ред. Н.Ф. Гриценко]. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2012. С. 594.

К ИСТОРИИ РОДА: *версия*

*...предки – выходцы из Албании,
итальянского происхождения.*

П.М. Бицилли ¹

Петр Михайлович Бицилли – одессит, его предки из тех, кто осваивал Одесщину, участвовал в русско-турецких войнах второй половины XVIII – начала XIX вв., в Отечественной войне 1812 г.

«Открытой темой» остается вопрос о происхождении рода Бицилли. В литературе на основе известных на сегодняшний день архивных данных и автобиографий самого П.М. Бицилли наличествуют три версии об истоках рода: «греческая», «итальянская» и «албанская», каждая из которых имеет своих приверженцев.

Можно считать достоверным фактом только географию проживания первых поколений родового клана – Албания, область Эпир, провинция Химара (от наименования гор – «громовые»). Известно, что Эпир (у древних греков – материк) называют «колыбелью» греческого народа, ибо расселение эллинов с севера на юг началось именно с этих территорий, которые позже были заселены соседними северными племенами, превратившими это пространство в «котел народов».

Если география проживания предков Бицилли в целом определена, то вопрос об основоположниках рода и их этническом происхождении требует глубоких изысканий.

* * *

Ремарка-info. М.А. Бирман, ссылаясь на исследования Г.Л. Арша, приводит данные из материалов Архива Внешней политики Российской империи (Москва, АВПРИ), согласно которым «благородные албанцы из Эпира», представители видной семьи Химары (Южная Албания), братья *Джика и Пано Бицилли*, предки которых служили Венецианской республике, состояли на российской службе в период русско-турецких войн второй половины XVIII века – были

---

¹ См.: Велева М. Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София: Изд-во «Гутенберг», 2004. С.50.

командирами двух «албанских» батальонов в числе подразделений балканских добровольцев, действовавших в составе российского флота на Западных Балканах в поддержку экспедиции графа А.Г. Орлова.

Во время второй русско-турецкой войны (1787–1791) на службу России поступил Константин Бицилли, который воевал в составе добровольческой флотилии Л. Кациониса. В 1795–1796 гг. К. Бицилли командовал Греческим дивизионом, сформированным в Одессе из албанцев и греков, переселившихся в Россию после войны 1787–1791 гг. В русско-турецкую войну 1806–1812 гг. К. Бицилли собрал 700 добровольцев и участвовал в боях в составе Дунайской армии; был произведен в чин подполковника; умер в Одессе 24 декабря (5 января) 1813 г. Сын его, майор Савва Бицилли, служил в Алексопольском пехотном полку; был убит в Бородинском сражении¹.

Григорий Львович Арш (1925–2017) – крупнейший советский и российский историк-балканист, ведущий специалист в СССР по истории Албании, глубокий исследователь истории Греции, многолетний сотрудник Института славяноведения Российской Академии наук – в ряде своих работ представил убедительный материал, свидетельствующий об албанском происхождении основоположников рода Бицилли.

Албанская версия

Химара – горный регион Южной Албании, во многом сохранивший в XVIII в. семейно-родовые отношения. Союзы семей (наиболее зажиточных кланов), основанные на экзогамии, были представлены своими главами в генеральном совете Химары. Суровая природа края способствовала тому, что для многих семей источником существования стало ремесло наемных солдат:

---

¹ Архив Внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. «Сношения России с Турцией». Д. 2308. Л. 224–225 (Анкета канцелярии иностранных дел, заполненная Джикой Бицилли 6 /17/ января 1796 г.); Фонд «Внутренние коллежские дела. 1798». Д. 1656. Л. 12–13. (Послужной список Пано Бицилли, составленный им в 1798 г.). См.: *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879–1953). Штрихи к портрету ученого // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. / Сост. Ф.Б. Успенский; Отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 637; *Он же.* П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. С. 18.

Испания, Франция, Сицилия, Венеция, Неаполь охотно нанимали химариотов, которых полностью так и не смогла покорить Порта. Привыкшие с детства и юности к оружию и военному делу, химариоты становились капитанами полков в других государствах, но не оставляли надежду на достижение самостоятельности своей земли и искали поддержку у своих нанимателей.

Русско-турецкая война 1768-1774 гг. вызвала в Албании широкий отклик: страны, где в основном служили выходцы из Химары, во второй половине XVIII в. превращались во второстепенных игроков на политической арене Европы, между тем как Россия становилась «европейской державой первого ранга» и в преддверии войн с Портой особо интересовалась Балканами.

С 1758 г. Черногория стала получать от России ежегодную субсидию, из черногорцев создавались специальные военные подразделения. Эти факты стали известны химариотам, которые решили последовать примеру черногорцев.

В 1760 г. российский резидент в Константинополе А.М. Обресков сообщал императрице Елизавете Петровне о депутации в феврале этого года представителей химариотов (в тексте – «чимариоты»). Это были представители албанской знати – архимандрит Анфимий Василико и капитан **Пано Спиро Бичила**, которые обратились с предложением к Российскому престолу (на основании решения первых лиц Химары, 1759) о готовности химариотов набрать «национальные полки», которые ранее служили Сицилии и Венеции, для помощи России в возможной войне с турками¹.

Впервые в официальных документах фигурирует имя **Пано Спиро Бичила** (1730-е /?/ – не ранее конца 1790-х /?/) ².

После высадки русских войск в Мореи (Пелопоннес), граф А.Г. Орлов встретился с депутацией от Химары во главе с Пано Бицилли. 10/21 мая 1770 г. А.Г. Орлов обратился с воззванием к химариотам: призвал *южно-албанских горцев* [курсив мой. – Т.П.], которых венецианцы и неаполитанцы использовали без какой-либо пользы для них самих и их семей, послужить России. Пано Би-

¹ Архив Внешней политики Российской империи (Москва, АВПРИ). Ф. «Сношения России с Турцией». Оп. 89/8. 1760 г. Д. 3. Л. 112-113. См.: История Балкан: Век восемнадцатый / Отв. ред. В.Н. Виноградов; Ин-т славяноведения. М.: Наука, 2004. С.483.

² Послужной список Пано Бицилли был составлен им в 1798 г.

цилли сообщил об этом воззвании землякам и привез оружие и военное снаряжение.

После ухода русских сил из Мореи командующий российской эскадрой в Архипелаге адмирал Г.А. Спиридонов 12/23 марта 1771 г. обратился с воззванием к христианским народам Балкан начать борьбу с османами. В результате в 1771 г. число добровольцев, воевавших вместе с российским флотом, достигло 4 тысяч; общее число выходцев с Балкан, участвовавших в 1770-1774 гг. в морской войне в Архипелаге насчитывало 6 тысяч 413 человек. Из этих добровольцев было сформировано 11 батальонов по 670 человек каждый, хотя они и назывались «албанскими» («албанским войском»), их состав был полиэтническим.

В 1775 г. капитан Пано Бицилли был послан А.Г. Орловым в Петербург. Пано Бицилли «в звании депутата *от своей нации*» [курсив мой. – Т.П.] в своем прошении к российскому правительству ограничивал область Албании, которую видел под протекторатом России, только округом Химара: «Капитан Пано Бицилли, депутат, всесильно просит, дабы помянутая провинция всегда под российскою протекциею была»¹.

В 1785 г. Пано Бицилли получил консульскую должность с характерным титулом «Генеральный консул России в Албании и Химаре».

Еще более четко звучит национальность Пано Бицилли в следующем документе: в инструкции Екатерины II (от 7/18 марта 1788 г.) генерал-поручику И.А. Заборовскому (руководителю военно-политическими операциями, которые должны были подготовить почву для появления у балканского побережья российской эскадры), подписанной лично императрицей, назывались имена агентов, которые должны были непосредственно заниматься вербовкой добровольцев на Балканах, среди них были – *грек* майор Л. Сотири и *албанец подполковник П. Бицилли* [курсив мой. – Т.П.], поступившие на российскую службу во время первой русско-турецкой войны².

¹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Турцией». Оп. 89/8. 1777 г. Д. 126. Л. 6. См.: История Балкан: Век восемнадцатый / Отв. ред. В.Н. Виноградов; Ин-т славяноведения. М.: Наука, 2004. С. 494.

² Инструкция генерал-поручику Заборовскому при отправлении его в Средиземное море // Русский архив. М., 1866. С.1379. См.: История Балкан: Век восемнадцатый / Отв. ред. В.Н. Виноградов; Ин-т славяноведения. М.: Наука, 2004. С.452.

Таким образом, в официальном документе национальность агентов была четко разделена и определена: *Пано Бицилли – албанец*.

Летом 1779 г. состоялась встреча графа А.Г. Орлова, руководителя первой Архипелагской экспедиции российского флота, с *Джикой Бицилли*¹, членом одной из самых влиятельных семей Химары, братом *Пано Бицилли*.

Джика Бицилли подал через А.Г. Орлова прошение на имя Екатерины II (от 20/31 июля 1779 г.), в котором выразил стремление химариотов помогать России в борьбе с Турцией².

Дж. (Джика) Бицилли (1730-е /?/ – не ранее конца 1790-х /?/) ³ в прошении на имя Екатерины II (20/31 июля 1779 г.) сообщал о намерении посвятить себя подготовке антитурецких выступлений, в которых бы участвовала не только Химара, но и прилегающие греческие области [т.е. Джика Бицилли как химариот отделял себя от греков. – Т.П.].

Джика Бицилли, бывший венецианский офицер, еще в 1764-1768 гг. совершил несколько рейдов «по различным местам Греции» для того, чтобы побудить «главных приматов» [наиболее влиятельных глав семейств. – Т.П.] и простых «жителей-христиан сформировать группы в пользу оружия» России. Ради выполнения этой миссии он отказался от звания капитана венецианской службы, хорошего жалования и пенсии для себя и своей семьи. Джика сумел убедить многих молодых людей отправиться в Архипелаг на российский флот и сформировать вооруженные отряды из христиан, которые нападали на турок⁴.

Дж. Бицилли совершил также поездку в Черногорию для переговоров с ее правителем Степаном Малым; оттуда прибыл в Пизу, где находился граф А.Г. Орлов, привезя важные письма. Во время кампании в Архипелаге исполнял по поручению Г.А. Спиридонова должность коменданта острова Санторин (Тира).

В 1783 г. Джика Бицилли был назначен генеральным консулом

¹ Привожу написание фамилий в той форме, в какой они представлены у Г.Л. Арша.

² АВПРИ. Ф. «Письма и прошения разных лиц на иностранных языках». Оп. 14/1. Д. В-119. Л. 2-3. См.: История Балкан: Век восемнадцатый / Отв. ред. В.Н. Виноградов; Ин-т славяноведения. М.: Наука, 2004. С.484-485.

³ Послужной список Джики Бицилли был составлен им в январе 1796 г.

⁴ АВПРИ. Ф. «Внутренние коллежские дела». Оп. 2/6. 1777-1800 гг. Д. 1531. Л.2. См.: История Балкан: Век восемнадцатый / Отв. ред. В.Н. Виноградов; Ин-т славяноведения. М.: Наука, 2004. С.485.

России на о. Кефалония (наибольший из Ионийских островов).

Поскольку албанцы в эпоху турецкого господства широко практиковали ремесло наемных солдат, термин «албанец», или «арнаут», стал нарицательным для обозначения наемного солдата иррегулярных пехотных войск. Однако и коренных албанцев на кораблях русской эскадры в Эгейском море было немало. Командирами двух «албанских» батальонов (обычно командиры подбирались в соответствии с преобладающим по этническому происхождению составом батальонов) были химариоты – *братья Пано и Джика Бицилли*, бывшие венецианские офицеры.

Химариоты, как правило, владели греческим и итальянским языками – международными языками Балкан и Леванта в XVIII в. – и использовались российским правительством для консульской службы в средиземноморском регионе.

Вывод-мнение: Представляется возможным считать основоположником рода Бицилли – *Джику Бицилли, брата Пано Спиро Бичила*, – православного этнического албанца, который, оставаясь на российской службе, надеялся на освобождение своей родины – Химары, южного региона Албании.

Греческая версия

По данным Российского государственного исторического архива, которые впервые привел *В.В. Левченко*, основатель рода – *Гика Бицилли*, штаб-офицер российской армии, дворянин. У Гики Бицилли было два сына – Константин и Николай. Именно *Константин Гика Бицилли* (1752 – 24 декабря / 5 января / 1813) стал основоположником той ветви рода Бицилли, одним из потомков которого является Петр Михайлович Бицилли. Николай Гика Бицилли стал родоначальником другой ветви рода Бицилли. У него родилось двое сыновей – Гика и Дмитрий; у последнего был сын Андрей и три дочери¹.

По данным Государственного архива Одесской области для представителей «одесских» Бицилли основоположник рода – *Константин Гикин сын Бицилий*.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1343. Оп. 17. Д. 3754. См.: *Левченко В.В.* «Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова...»: еврейская ветвь родословной П.М. Бицилли // Евреи России, Европы и Ближнего Востока: история, культура и словесность: материалы международной научной конференции 14 апреля 2019 г. / Отв. ред. В.Г. Вовина, М.О. Мельдин. Санкт-Петербург, 2019. С. 176–189.

В прошении Павла Константиновича Бицилли, поданном 19 июня 1831 г. в Дворянское депутатское собрание Херсонской губернии от своего имени и от имени своих братьев – Ивана и Михаила, приводились данные о семье и в первую очередь об отце с целью внесения «законных» потомков основоположника рода Константина Бицилли в дворянскую родословную книгу¹.

В этом прошении представлены следующие факты: Константин Гикин сын Бицилий, по свидетельству его сына Павла Бицилли, происходил «из дворян *Греческой нации и Закона*» [курсив мой. – Т.П.], «из штаб-офицерских детей», имел крестьян 20 душ; 10 марта 1770 г. поступил на службу в российскую армию в чине прапорщика.

В составе Архипелагского флота «на собственном военном судне с 75 людьми» участвовал в русско-турецких войнах второй половины XVIII в. Постепенно поднимался по служебной лестнице: 14 января 1775 г. ему был присвоен чин поручика, 10 июля 1790 г. – капитана, 24 апреля 1795 г. – майора. Получив в середине 1790-х гг. значительные земельные владения в Тираспольском уезде и в районе Хаджибея, майор Константин Бицилли «по собственному прошению» был уволен со службы в Черноморском флоте (1798/1799) с присвоением ему гражданского чина надворного советника и пенсионом.

Согласно паспорту № 1288 от 10 октября 1799 г. (выданному конторой Главного Командира Черноморских флотов) Константин Гикин сын Бицилий, из штаб-офицерских детей, поступил на службу в 1770 г. прапорщиком и продолжал службу во Флоте майором «добропорядочно, в штрафах не бывал»².

Послужной список надворного советника Константина Бицилия свидетельствует о том, что он участвовал в крупнейших сражениях: под Наварином (1770; при этом был ранен в лоб саблей), в Чесменском сражении (1770) и др.

В 1777 г. Константин Бицилий был назначен в Греческий полк в крепость Еникале (возле Керчи, которая была сдана османами русской армии в 1771 г.); в составе этого полка участвовал в усмирении крымских татар. 13 апреля 1780 г. по приказу генерал-по-

¹ Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 45. Оп. 5. Д. 1254. Л. 25-25 об.; 30-30 об.

² ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 1254. Л. 25-25 об.

ручика И.А. Ганнибала (командовавшего десантом из 300 человек под Наварином) направлен в Херсон (под команду Пано Бицилли¹). С 15 декабря 1783 г. по решению Коллегии Иностранных дел был назначен в порт Цефалония (Фискардо) на Ионийском острове Кефалония «под команду Гико Бицилли»². 3 марта 1789 г. переведен в Архипелагскую флотилию.

В 1793 прибыл в Россию, получив чин капитана «со старшинством с 1790 г.». 10 июня 1794 г. записан в Черноморский Гребной флот, находившийся под началом И.М. Дерибаса. 24 апреля 1795 г. за храбрость, проявленную в сражениях, «пожалован майором» и по указу И.М. Дерибаса определен «в учрежденную при одесском порту для Греков и Албанцев Комиссию членом»; затем причислен к одесской флотской береговой команде. 10 октября 1799 г. уволен со службы в Черноморском флоте с присвоением ему гражданского чина надворного советника и пенсионом («Высочайший рескрипт», 1798).

28 марта 1801 г. майор Константин Бицилий стал Кавалером Ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия IV класса и 5 мая 1801 г. был подтвержден в дворянское сословие.

29 декабря 1806 г. по решению Херсонского Военного Губернатора Генерал-лейтенанта Дюка де Ришелье К. Бицилли формирует и возглавляет (по 2 апреля 1809 г.) Волонтирский Конный полк. 9 марта 1807 г. (в период русско-турецкой войны 1806–1812 гг.) он с двумя ротами Алексопольского Мушкетерского полка совершил десант на «неприятельскую сторону» Дуная и целый день удерживал значительно превосходящие силы противника.

Константин Бицилли, «Российской службы Штаб-офицер», надворный советник, по свидетельству его сына Павла, – участник многих крупных сражений русско-турецких войн, служил под началом великих людей своего времени: А.Г. Орлова, И.А. Ганнибала, И.М. Дерибаса, Армана де Ришелье; возглавлял Греческий дивизион, участвовал в организации размещения греко-албанских переселенцев на южных территориях; окончил службу в чине подполковника.

«Уроженец Греческой нации» [курсив мой. – Т.П.], сообщает Павел Константинович, «законно прижил» четырех сыновей:

¹ Возможно, это Пано Спиро Бичила / Бицилли.

² Возможно, под команду своего отца – Джики / Гики Бицилли.

Иван, военный переводчик, в 1830-е гг. – российский консул в Испании (Малага, Андалусия); Савва – «Майор и Кавалер» (погиб в Бородинском сражении); Павел – губернский секретарь, депутат от Одесского уезда в Дворянском собрании Херсонской губернии (1830-е гг.); Михаил – коллежский секретарь, проживал в Одесском уезде Херсонской губернии в своем имении, оставшемся после отца.

Именно от Михаила Константиновича пошла та ветвь рода Бицилли, к которой принадлежал Петр Михайлович.

Таким образом, Павел Константинович, сын Константина Гики Бицилия, признает отца *греком*.

Ряд архивных данных свидетельствует о том, что, включая отца П.М. Бицилли – Михаила Фомича, все представители рода (XIX век) причисляли себя к грекам, входили в греческую общину Одессы и участвовали в разнообразных греческих обществах¹.

Сам Константин Бицилий завещал значительные суммы Одесскому Греческому благотворительному обществу и Греческому училищу в деревне Дримадес (греческое село в юго-западной Албании, округ Влёра, Химара) «для распространения просвещения между греками, бедствующими еще под турецким игом, и сохранения в народе великой идеи его национальности»².

Ремарка-вопрос. Означает ли этот факт, что данное село являлось «малой родиной» предков Константина Бицилия и его самого?..

Ремарка-мнение. Согласно В.В. Левченко, «появление... [албанской версии происхождения рода Бицилли] является безосновательным, т.к. в документе личного происхождения П.М. Бицилли упоминает Албанию в качестве определения географической территории места проживания и исхода его предков, а не их этнической самоидентификации. Совокупные показания известных на сегодня архивных источников представляют убедительные доказательства в пользу одной из трех существующих в историографии версий относительно этнических корней рода Бицилли – “греческой”»³.

¹ ГАОО. Ф.361. Оп.1. Д.1. Л.1, 7; Д.4. Л. 21 об - 22.

² ГАОО. Ф.765. Оп.1. Д.4. Л. 1-2, 4.

³ Левченко В.В. «Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова...»: еврейская ветвь ро-

Исследователи истории *греческой колонизации* на Одессине также относят Константина Бицилли к грекам¹.

Экскурс: Размышления по теме

Об эллинизации албанцев

При анализе этнической самоидентификации нельзя не учитывать и такой фактор, как процесс эллинизации албанцев как в Химаре, так и в Северном Причерноморье – на Одессине. Можно выделить два главных обстоятельства, которые, возможно, повлияли на то, что этнически коренные албанцы стали считать себя греками.

1.

Крепость Канина (Влёра², Химара) была долгие годы форпостом легендарного албанского вождя Скандербега. В этой крепости в апреле 1452 года состоялась его свадьба с Доникой, дочерью Джерджи Арианити, одного из влиятельнейших во Влёре представителей рода Арианити, организовавшего борьбу с турецкими захватчиками в 1431-1432 годах.

После смерти Скандербега Влёру захватили турки, крепость Канина была разрушена. Реминисценции «доосманской эпохи», в центре которых стоял идеализированный образ Скандербега, вдохновлял албанцев-химариотов на борьбу за независимость, в которой они с середины XVIII в. стали рассчитывать на Россию.

Население южного региона Албании (Химара), пережившее разные периоды в своей истории –

византийцев (в период активного заселения этой области гре-

дословной П.М. Бицилли // Евреи России, Европы и Ближнего Востока: история, культура и словесность: материалы международной научной конференции 14 апреля 2019 г. / Отв. ред. В.Г. Вовина, М.О. Мельцин. Санкт-Петербург, 2019. С.179.

¹ См.: *Пятигорский Г.М.* Греческие переселенцы в Одессе в конце XVIII – первой трети XIX вв. // Из истории языка и культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1985; *Сапожников И.В., Белоусова Л.Г.* Греки под Одессой (Очерки истории поселка Александровка с древнейших времен до начала XX века). Одесса-Ильичевск: «Элтан-2» - «Гратек», 1999; *Сапожников И., Аргатюк С.* Андрей Буга и другие греки Хаджибея – Одессы // Південний захід. Одесика. Історико-краєзнавчий науковий альманах. Вип. 21. Одеса: Друкарський дім, 2016 и др.

² Город Влёра был главной морской базой султана Сулеймана Великолепного (XVI в.); много позже этот город стал первой столицей независимой Албании (1912).

ками) сменили римляне, затем турки; в XV в. Химара попала под контроль Неаполя, что позволило химариотам пойти на военную службу к итальянцам,

– конфессионально разделялось на православных, католиков и мусульман.

В округе Влёра (Химара) было много сел [в том числе – Дерми / Дермиу, (алб.), или Дримáдес (греч.)], в которых проживали и греки и албанцы. Служба химариотов османам и в католических странах способствовала исламизации и католизации части населения. Православные греки и «арваниты» – православные албанцы – составляли основу «арнаутских отрядов» Турции, но пытались сохранить свою веру, а с началом проникновения России на Балканы стали ориентироваться на православную державу и со временем вошли в контингент «албанских», или «греческих», войск Российской империи.

Бесспорно, в одних и тех же селах проживали и греки и албанцы:

- граф Антон Джика из села Дермиу (по-албански) был албанцем,
- Константин Бицилий патронировал это же село – Дримáдес (по-гречески),
- Андрей Буга, грек, как настаивают исследователи, – из г. Химара (область Влёра)¹.

Не исключено, что «грек» А.С. Буга был тоже албанцем. Из его послужного списка как военнослужащего Одесского Греческого батальона, составленного в 1806 г., явствует, что в период войны 1768-1774 гг. он прибыл из «*отчизны своей Албании города Химара*» на базу российского флота на о. Порос, доставив туда набранных и вооруженных им за свой счет 30 «*албанцев*» [курсив мой. – Т.П.]. Вполне возможно, что А.С. Буга был тоже из села Дермиу / Дримадес.

В отличие от основного албанского ареала, арваниты, переселившиеся в пределы исторической Греции (Аттика, Пелопоннес и др.) ещё в годы Византийской империи, подверглись аккультурации и частичной эллинизации, в связи с чем остались верны право-

¹ См.: Сапожников И., Аргатюк С. Андрей Буга и другие греки Хаджибея – Одессы // Південний захід. Одесика. Історико-краєзнавчий науковий альманах. Вип. 21. Одеса: Друкарський дім, 2016. С. 191-192.

славию и после нашествия турок. Арваниты хорошо владели греческим языком, хотя он не был для большинства из них родным.

В эпоху Али-паши Тепеленского (Янинского) –

албанца, мусульманина, из семьи наследственных правителей южно-албанского городка Тепелена, который в 1787 г. подчинил своему господству столицу Эпира крупный город Янину, сделав ее центром своего нового пашалыка, лоскутного «княжества» (1787-1822), включившего в себя часть южной Албании (Химара), часть Греции и часть Македонии (в котором все-таки преобладали греки),

– гонения на греков одновременно сопровождались усилением их значения в регионе.

Али-паша пытался сохранить определенную «автономию» от Османской империи, даже вел переговоры с российскими эмиссарами о переходе под покровительство России. К 1812 г. ему удалось подчинить себе всю южную Албанию. В эти годы слово «Албания» перестало иметь только географическое значение и вошло как политическое образование в европейский дипломатический лексикон.

Стремясь консолидировать подчиненные ему земли, Али-паша сделал греческий язык фактически официальным языком в административных делах, хотя некоторые распоряжения правителя были написаны по-албански. Население оставалось многоэтническим: например, греческий букварь, изданный в Венеции (1770) содержал трехязычный словарь – греко / влахо¹ / албанский. Размежевание по религиозному признаку продолжалось, при этом особой вражды, как утверждают исследователи, между представителями разных конфессий не было².

С гибелью Али-паши и полным порабощением Химары Османами, по сути – с ликвидацией Албании с его частично православным албанским населением, выросла роль Греции и греков как главных носителей Православия.

2.

Значительную роль в «эллинизации» албанцев, на мой взгляд, сыграл знаменитый Греческий Проект Екатерины Великой – созда-

¹ Влахи (греч. βλάχοι) – романоязычные жители Центральной Европы и Балкан.

² См.: История Балкан: Век восемнадцатый / Отв. ред. В.Н. Виноградов; Ин-т славяноведения. М.: Наука, 2004. С. 501-513.

ние Греческого царства во главе с внуком императрицы Константином, которое должно было контролировать Балканы и средиземноморские проливы. Этот Проект способствовал выдвижению на первый план именно *греков* с их православной миссией.

Указы Екатерины давали большие льготы грекам Одесщины: создание специального воинского подразделения (указ от 19 апреля 1795 г.) – Одесского Греческого дивизиона, размещение военных и гражданских лиц в городе и окрестностях, наделение их землей и проч. К осени 1795 г. из Архипелага на Одесщину переселилось около ста греческих семей.

С началом правления Павла I (1796) Албанское войско все чаще называли Греческим (Таврическим) полком, а по его указу (30 января 1797 г.) полк был переформирован в Греческий батальон из трех рот (всего – 396 чел.); затем название «Албанское войско» фактически было ликвидировано. Указом от 22 октября 1803 г. уже при Александре I был создан Одесский Греческий батальон, в который принимали греков и албанцев, ранее служивших в разных войсках, и наделяли их землей. Александровка (Арнаутовка) – территория, выделенная для размещения служащих батальона, получила в документах название «Греческое селение»¹. Греком становилось быть «выгодным».

С развертыванием национально-освободительного движения в Греции, с образованием «Филики Этерии» в Одессе (1814) и ее отделений на Балканах, на волне Греческой революции 1821-1829 гг. – греком на Одесщине становилось быть престижным, почетным («модным»).

Вывод-мнение. Усиление османского ига на Балканах и привлекательность православной иммиграции в Северное Причерноморье из регионов, подвластных Турции, колонизация Крыма и Одесщины привели к тому, что «греческий поток» вобрал в себя другие балканские народы: химариоты стали восприниматься (и воспринимать себя!) как греки.

¹ За период 1774-1808 гг. греки Одессы и Одесщины получили множество разнообразных льгот. См.: Сапожников И.В., Белоусова Л.Г. Греки под Одессой (Очерки истории поселка Александровка с древнейших времен до начала XX века). Одесса-Ильичевск: «Элтан-2» - «Гратек», 1999. С. 72, 75, 81, 100. [Документы. 1774-1808. С. 140-183.]; Пятигорский Г.М. Греческие переселенцы в Одессе в конце XVIII – первой трети XIX вв. // Из истории языка и культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1985. С. 33-60 и др.

P.S.

1. Думаю, следует прислушаться к выводу одного из первых исследователей истории греческой колонизации на Одессине – Т.Ю. Теохариди, который, проведя тщательный анализ национального состава и регионального происхождения греков Александровки, пришел к заключению о том, что Одесский пехотный греческий батальон (1804-1819), как и село Арнаутовку (Александровку), правильнее называть «*греческо-албанским*» [курсив мой. – Т.П.].

2. Термин «эллинизация» в данном контексте следует воспринимать двояко.

- С одной стороны, это – естественный процесс ассимиляции части албанцев среди более многочисленного греческого населения, в первую очередь – благодаря *брачным союзам*. Нам пока неизвестно, из каких семей были жены Пано и Джики Бицилли, Константина и Николая Бицилли и др. Архивные материалы свидетельствуют о том, что в первой половине XIX в. представители рода Бицилли брали в супруги преимущественно гречанок: Михаил Константинович, прадед Петра Михайловича, как свидетельствует его брат Павел Константинович, был женат на «*греческой уроженке*» Христине Ивановой¹; его сын Фома Михайлович² был женат вторым браком на *гречанке* Сусане Спиридоновне Замария, дочери Спиридона Павловича Замария, одесского купца (из Нежина – одного из значительных центров греческой диаспоры в Украине), и венчался в Одесской Греческой Свято-Троицкой церкви³.
- С другой стороны, это – осознанный выбор некоторых албанцев («арманитов») в пользу новой «национальности», престижность которой и социальный статус в это время были более весомыми.

¹ Не исключено, что Христина Иванова была болгаркой.

² Кто была первая жена Фомы Михайловича и мать Михаила Фомича, отца Петра Михайловича Бицилли, нам пока не известно.

³ ГАОО. Ф. 37 Оп. 3 Д. 807. Запись о венчании № 5. См.: Греки Одессы. Именной указатель по метрическим книгам Одесской Греческой Свято-Троицкой церкви. Часть II. 1834-1852 гг. / Авт. и сост.: Л.Г. Белоусова, Т.Е. Волкова, Г.Л. Малинова, В.В. Харковенко // Труды Государственного архива Одесской области. Т. VIII. Одесса, 2002. С. 30-31, 92-93.

3. Константин Гикин сын Бицилий – основоположник «одесских» Бицилли, вероятно, родился в греко-албанском селе Дермиу / Дримадес (1752), из которого сначала пошел служить – по примеру отца и дяди – итальянцам (до 1770 г.), а затем оказался на службе России.

Ремарка-замечка. В 1770 г. К. Бицилли получил сразу младший офицерский чин прапорщика; этот факт свидетельствует о том, что он уже имел какой-то офицерский чин в венецианских или неаполитанских войсках, т.к. обычно иностранцам, поступавшим на российскую службу, давали чин «с понижением».

Сын Джики / Гики – Константин Гикин сын Бицилий в начале XIX в. в условиях социокультурной специфики Одессы, вероятно, считал себя более греком, нежели албанцем.

Завещание К. Бицилли, по которому часть капитала выделялась для Греческого училища в селе Дермиу / Дримадес свидетельствует о том, что это село – «малая родина» Константина, который, возможно, родился здесь в 1752 г. и не забывал о ней, стремясь поддержать греческую православную общину села (в условиях османского ига), поскольку (опять же – возможно) албанских православных жителей села к этому времени становилось все меньше из-за усиливающегося процесса исламизации албанских земель.

Ремарка-справка. Сегодня Дерми (округ Влёра) – село, расположенное на высоте 200 метров от уровня Ионического моря, одно из семи сёл административно принадлежащих муниципалитету города Химара, насчитывает 1800 жителей, национальный состав которых – греки и албанцы, язык – греческий, химариотский диалект.

4. Сыновья Константина – Павел и Михаил (нам неизвестно, где проживали Иван и Савва /до 1812 г./) – жители Одесщины, органично вошли в греческую общину региона и стали считать своих предков тоже греками.

5. О родовом имени. По этому вопросу можно выделить две версии.

Версия первая – гипотетическая

Возможно, фамилия Бицилли происходит от **Бичила** – албанского рода из Химары.

Г.М. Пятигорский писал: «К концу 1795 г. в составе трех рот был сформирован Одесский греческий дивизион, командиром которого был назначен майор **К. Бицилли**. Автор ссылается на работы Теохариدي Т.Ю. и Г.Л. Арша¹. Переделанная на русский манер, эта фамилия, вероятно, обозначалась сначала как Бицилій / Бицилий, затем как Бицили или Бицилли.

В документах XVIII – середины XIX веков написание фамилии встречается в нескольких вариантах. Форма «Бицилій» или «Бицилий» в большей мере характерна для документов конца XVIII в. – 1830-х годов. Вместе с тем в них есть и вариант «Бицилли». В документах 1850-х годов – протоколах Дворянского депутатского собрания Херсонской губернии родовая фамилия употребляется только в одном варианте – «Бицилли»².

В прошении Павла Константиновича Бицилли имя отца пишется в следующих вариантах:

Константин Гикин сын Бицилій³,

Константин Бицилій,

Константин Гика Бицилій,

Константин Бицилли⁴.

В отличие от деда – Михаила Константиновича Бицилия и отца – Фомы Михайловоча Бицилия, их внуки и сыновья Михаил и Спиридон числились в официальных документах уже как Бицили или Бицилли⁵.

¹ См.: Пятигорский Г.М. Греческие переселенцы в Одессе в конце XVIII – первой трети XIX вв. // Из истории языка и культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1985. С. 36.

² Следует учитывать, что это – не оригиналы, но копии с оригинальных документов, в которых при переписке были возможны ошибки.

³ Подобный оборот относится и к детям – «Павел Константинов сын Бицилій», и к внуку – «Фома Михайлов сын Бицилли».

⁴ Однако следует учитывать, что это – копия с оригинальных документов, составленных в разное время, и нам неизвестно, как в этих документах было написание фамилии Бицилли. Эти же соображения относятся и к имени – Бичила: Г.Л. Арш не приводит фактов точного написания фамилии Бичила / Бицилли в документах АВПРИ.

⁵ ГАОО. Ф. 37. Оп. 3 Д. 807. Запись о венчании № 5. См.: Греки Одессы. Именной указатель по метрическим книгам Одесской греческой Свято-Троицкой церкви. Часть II.

В документах делопроизводства Новороссийского университета за 1902-1905 годы встречаются два варианта написания фамилии: «Бицили» и «Бицилли».

С 1906 года в документах Императорского Новороссийского университета встречается только один вариант – «Бицилли» («Диплом» об окончании университета, «Свидетельство» о сдаче магистерских испытаний и др.). В копии свидетельства о крещении П.М. Бицилли фамилия отца – Михаила Фомича – написана с двумя буквами «л». В аттестате зрелости есть важное примечание: аттестат выдан П.М. Бицилли, «по метрическому свидетельству Бицили». Ошибка, допущенная в метрическом свидетельстве и исправленная в выписке из метрической книги приходской Покровской церкви города Одессы от 29 июля 1880 года, копия которой сохранилась в студенческом деле П.М. Бицилли, дала основание использовать данные двух официальных документов: метрического свидетельства и выписки из него (или ее копии).

Архивные данные позволяют говорить о том, что с середины XVIII века, в течение полутора столетий, из документа в документ, представители албанского рода из Химары – *Бичила* – постепенно меняли орфографию своего родового имени «*Бичилли-Бицилий – Бицилий – Бицили – Бицилли*»¹.

Но во всех документах, написанных рукой самого Петра Михайловича, фамилия семьи представлена только в последнем варианте, который соответствует копии протокола Дворянского депутатского собрания Херсонской губернии.

Ремарка-заметка. Можно ли причислять Константина Бицилли к известному балканскому роду албанского происхождения *Гигов* (Ghyka, Ghica)? Вопрос открыт, однако известно, что за представителями этого рода в Российской империи признавался княжеский титул; многие из этого рода были молдавскими и валашскими господарями. Константин этого титула не имел, но, вероятно, авторитет, происхождение, должности и звания, которыми он обладал уже в России, способствовали особому, уважительному к нему

1834-1852. / отв. ред. Л.Г. Белоусова. Одесса, 2002. С. 30-31, 92-93.

¹ Трудно сказать, насколько осознанно проблема орфографии родового имени стояла перед первыми поколениями семьи Бицилли. В то же время изменения в написании фамилии могли осуществляться в результате делопроизводственной практики – случайно или намеренно.

обращению, – Гика, распространенному на Балканах, в румынских и молдавских землях и т.п.

- Одновременно Гика / Джика – имя, часто встречающееся среди албанцев-химариотов.
- В то же время он – *сын* Гики / Джики – имя, возможно, подменялось отчеством.

Версия вторая – фантастическая

Нигде в документах, вошедших в научных обиход, это имя не встречается, однако среди известных уроженцев села Дримадес в Химаре фигурирует – **Панос Бидзилис** (Πάνος Μπιτζίλης) – «греческий революционер XVIII века». Это греческое село – Дримадес в Химаре – патронировал Константин Бицилли.

Возможно ли, что это – **Пано Бичила / Бидзилис / Бицилли?**..

Ремарка-дополнение. Сам Петр Михайлович никогда не соотносил себя с греческой диаспорой Одессы, а в «автобиографии» категорически написал: «...предки – выходцы из Албании, *итальянского происхождения*» [курсив мой. – Т. П.]¹.

Не исключено, что П.М. Бицилли, восхищавшийся Италией, изучавший историю ее культуры, внес свою лепту в создание мифа об итальянских корнях предков.

В то же время М.А. Бирман считает, что эту версию «не следует сбрасывать со счета», т.к. итальянское происхождение Петра Михайловича в далеком прошлом предполагали некоторые его современники, о чем свидетельствует бывшая ученица одесской гимназии, в которой преподавал П.М. Бицилли, – Н.Л. Гурфинкель².

Известно, что возможные предки Петра Михайловича – братья Пано и Джика – бывшие венецианские офицеры³. В литературе есть мнение, что греки с Ионических островов от-

¹ *Бицилли П.М.* Статьи: История, культура, литература. / Вступ. статья В.А. Туниманова // Русская литература. 1990. № 2. С. 135; *Велева М.* Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София: Изд-во «Гутенберг», 2004. С. 50.

² См.: *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. С. 19.

³ История Балкан: Век восемнадцатый / Отв. ред. В.Н. Виноградов; Ин-т славяноведения. М.: Наука, 2004. С. 486.

личались своими итальянскими фамилиями и даже некоторыми языковыми особенностями, т.к. традиционно элита Ионических островов получала образование и дворянские титулы в Италии¹.

P. P. S.

Согласна с выводом В.В. Левченко: «Однозначный и четкий ответ в этом вопросе можно будет дать только после ознакомления с первоисточниками»². Предложенная *«албанская версия»* происхождения рода Бицилли требует, безусловно, более весомых подтверждений и может быть опровергнута новыми фактами и иными аргументированными предположениями³.

---

¹ См.: Сухов В.В. [Историк, Москва]. Заметки о греках и арнаутах в Турции и России // Сапожников И.В., Белоусова Л.Г. Греки под Одессой (Очерки истории поселка Александровка с древнейших времен до начала XX века). Одесса-Ильичевск: «Элтан-2» - «Гратек», 1999. С. 227 (Приложение 2). Сухов В.В. придерживается концепции *греческой колонизации* Одесщины.

² Левченко В.В. «Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова...»: еврейская ветвь родословной П.М. Бицилли // Евреи России, Европы и Ближнего Востока: история, культура и словесность: материалы международной научной конференции 14 апреля 2019 г. / Отв. ред. В.Г. Вовина, М.О. Мельцин. Санкт-Петербург, 2019. С. 179.

³ См. подробнее: Попова Т.Н. Петр Михайлович Бицилли: портрет в манере «сфумато». Одесса: Бондаренко М.А., 2021. С. 113-138. [Раздел «Семейный круг»].

ИЗ СЕМЕЙНОЙ ИСТОРИИ: П.И. ВЕЙНБЕРГ

*...каждый человек есть
совершенно исключительное явление...*

П.М. Бицилли

В 2021 г. исполнилось 190 лет со дня рождения П.И. Вейнберга (16/28/ июня 1831 - 3/16/ июля 1908) – из многочисленного клана Вейнбергов, хорошо известного в Одессе в XIX – начале XX вв.: из этой семьи вышли купцы, юристы, писатели, артисты, ученые. От Вейнбергов идет материнская ветвь родословной *Петра Михайловича Бицилли* (1/13/ октября 1879 – 25 августа 1953), профессора Новороссийского (Одесского) и Софийского университетов, гуманитария-энциклопедиста, имя которого уже представлено в Пантеоне академической славы.

Петр Исаевич Вейнберг – двоюродный дед Петра Михайловича по материнской линии, вошедший в анналы российской словесности¹, – из еврейской семьи, принявшей православие. Отец Петра Исаевича – Исай Семенович (Шая Вольфович, 1794-1865) – бывший купец, с 1833 г. публичный нотариус в Одессе. В семье было десять детей, среди них – Мария Исаевна, бабушка П.М. Бицилли, и Семен Исаевич – дед поэта и литературного критика Г.В. Адамовича².

Фигура Исаея Семеновича весьма примечательна: не получив университетского образования, он был тем не менее человеком эрудированным, остроумным, уважал науку и стремился дать своим детям хорошее образование; сам отличался математическими способностями, любил театр (домашние спектакли были нормой в семье); пользуясь особым расположением дирекции Одесского

¹ Русские писатели. 1800 - 1917: Биографический словарь. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 402-403 и др.

² О семье Вейнбергов см.: *Панасенко Н.* «Обыкновенная буржуазная семья». Об одесских корнях Георгия Адамовича // Дерибасовская-Ришельевская: Одесский альманах. № 52. 2013. С. 233-237; *Попова Т.Н., Левченко В.В.* П.М. Бицилли: фрагменты семейной истории // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2018. Вып. 20. С. 126–147; *Левченко В.В.* «Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова...»: еврейская ветвь родословной П.М. Бицилли // Евреи России, Европы и Ближнего Востока: история, культура и словесность: материалы международной научной конференции 14 апреля 2019 г. / Отв. ред. В.Г. Вовина, М.О. Мельцин. Санкт-Петербург, 2019. С. 176–189; *Попова Т.Н.* Петр Михайлович Бицилли: портрет в манере «сфумато». Одесса: М.А., 2021. С.108-173 и др.

театра, водил детей за кулисы. В доме бывали такие знаменитости, как Михаил Щепкин, Павел Мочалов, известный американский чернокожий актер Айра Олдридж¹, бывший на гастролях в Одессе и др. Артистичность, любовь к искусству и литературе заложены были в детях, безусловно, в отеческом доме².

Петр уже в пятилетнем возрасте стал заниматься сочинительством, и Исай Семенович, уверовав в талант сына, отдал его в один из лучших в Одессе пансион В.А. Золотова (1804-1882), бывшего преподавателя Ришельевского лицея. Петр Исаевич считал, что именно Василий Андреевич, превосходный ритор, декламатор и учитель-новатор, заложил в него «литературную закваску», благодаря которой он состоялся как писатель и преподаватель, переняв педагогические приемы своего наставника.

Затем были гимназия, юридический факультет при Ришельевском лицее и, наконец, Харьковский университет. Однако все эти заведения оставили у молодого Вейнберга удручающее впечатление «рутинным формализмом» и «отсутствием живого элемента». Единственный, кого Петр Исаевич вспоминал с благодарностью, был молодой преподаватель Харьковского университета, филолог Николай Костырь (1818-1853), который вдохновенно читал лекции по эстетике и русскому языку³.

Писательская деятельность П.И. Вейнберга – со студенческих лет: он публикует свои первые переводы (Жорж Санд и Виктор Гюго) в харьковских изданиях (журнал «Пантеон и репертуар», 1851; «Харьковские губернские ведомости», 1852), а в 1854 г. в Одессе выходит первый сборник его переводов (Горация, Шенье, Гюго, Байрона) и собственных сочинений («Стихотворения Петра Вейнберга». Одесса, 1854).

---

¹ Айра Фрédерик Олдридж (1807-1867) – американский актёр-трагик, один из наиболее выдающихся интерпретаторов Шекспира (роли Макбета, короля Лира, Ричарда III и др.); с 1858 г. Олдридж гастролировал в Российской империи (Санкт-Петербург, Москва, Нижний Новгород, Одесса и Киев); был знаком с Ф.П. Толстым, Михаилом Щепкиным и Тарасом Шевченко, который написал портрет актера. См.: *Микешин М.О.* Воспоминания о Шевченко. URL: <http://litopys.org.ua/shevchenko/vosp75.htm> *Микешин Михаил Осипович* (1835-1896) – русский скульптор и график, познакомился с Шевченко в 1858 году в Петербурге, иллюстрировал «Кобзарь», был инициатором создания Общества имени Шевченко для помощи петербургским студентам – выходцам с Украины.

² *Бердников Лев* (Лос-Анжелес). Братья антиподы. Петр и Павел Вейнберги [Заметки по европейской истории. 2015. № 7 (185), июль] // KRESCHATIK. Международный литературный журнал. Вып. 68. URL: <https://www.kreschatik.kiev.ua/68/35.htm>

³ *Вейнберг П.* Автобиография // Минувшие годы. 1908. № 8. С. 171-172.

Постуниверситетский период начался с карьеры чиновника по особым поручениям при губернаторе Карле Данзасе (1806-1885) в Тамбове. Тамбовский период (1854-1858) – «бесцельное существование», по определению молодого чиновника, тем не менее был насыщен литературной работой: Петр Исаевич открывает для себя Гейне, редактирует неофициальную часть «Тамбовских губернских ведомостей», публикует в Санкт-Петербургских изданиях первые переводы стихов и входит в литературное сообщество под псевдонимом «Гейне из Тамбова»¹. В это же время появляется и знаменитое стихотворение «Он был титулярный советник...» («Юмористические стихотворения Гейне из Тамбова», СПб., 1863), навеянное печальным сюжетом: неудачным сватовством к дочери губернатора².

1858-1867 – первый петербургский период в жизни начинающего писателя: Петр Исаевич входит в круг «великих» – Тургенева, Гончарова, Некрасова и др., работает (ведет разделы) и публикуется в ведущих изданиях: «Библиотека для чтения», «Литературные летописи», «Современник», «Сын Отечества», «Русское слово», «Отечественные записки», «С.- Петербургские Ведомости», «Весельчак», «Будильник», «Искра», герценовский «Колокол»³ и др. Одновременно Петр Исаевич – чиновник Главного интендантского управления (1862-1866).

Середина XIX в. – время необычайного развития переводческого творчества в России. П.И. Вейнберг активно включился в этот процесс: за десять лет (1864-1874) под его редакцией вышли двенадцать томов «Сочинений» Генриха Гейне (в переводе русских писателей)⁴.

В 1859 г. был создан Литературный фонд (Комитет Общества

¹ Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей : в 4 т. / И.Ф. Масанов ; подгот. к печати Ю.И. Масанов. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1956-1960. Т. 1. Алфавитный указатель псевдонимов. Псевдонимы русского алфавита. А - И. М., 1956. С. 394.

² Это стихотворение было положено на музыку А.С. Даргомыжским и получило большую известность после исполнения Федором Шляпиным. См. также: Вейнберг П.И. «Он был титулярный советник...» // Поэты «Искры» / Ред. и примечания И.Г. Ямпольского; вступ. ст. А.П. Селивановского. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. С. 378.

³ Бушканец Е. Г. О двух стихотворениях в «Колоколе» А.И. Герцена // Известия Академии наук СССР. Отд. литературы и языка. 1959. Т. XVIII. Выпуск 1. С. 61--64.

⁴ Левин Ю.Д. П.И. Вейнберг // Левин Ю.Д. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода / Отв. ред. А.В. Федоров. М.: Наука, 1985. С. 261-288.

для пособия нуждающимся литераторам и ученым)¹. Вейнберг – среди инициаторов и самых деятельных участников Фонда: он стал «вечным ходатаем» за писательское сословие. «Вейнберговская нежность к литературе», вспоминала З.Н. Гиппиус, не была «книжной» – он вечно заседал в каких-то комитетах, принимал и выслушивал «всю мелкую литературную братию», даже графоманов, по мере сил устраивал бедствующим ссуды².

1868-1874 – варшавский период. П.И. Вейнберг – и. д. ординарного профессора по кафедре истории русской литературы Императорского Варшавского университета (1869-1872), преобразованного из Варшавской главной школы (1869), где он начинал свою профессорскую деятельность. Одновременно он был редактором газеты «Варшавский дневник» (1870-1874). В 1872 г. П.И. Вейнберг издал исследование «Русские народные песни об Иване Васильевиче Грозном»³, которое предполагал защитить в качестве докторской диссертации, однако защита (по неясным пока причинам) не состоялась.

В 1874-1908 – второй петербургский период, не менее активный, нежели первый. Петр Исаевич – чиновник собственной Его Императорского Величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии; преподаватель Высших женских педагогических курсов и драматических курсов Театрального училища, издатель журнала «Изящная литература» (1883-1885); директор гимназии и реального училища имени Я.Г. Гуревича (1890-е); инспектор Коломенской женской гимназии; председатель Союза взаимопомощи русских писателей (1897-1901), председатель Литературного фонда (1900-е), неизменный организатор знаменитых «литературных обедов»; устроитель (как глава Литературного фонда) литературно-музыкальные концертов, на которых стремился, по воспоминаниям современников, к объединению «литературной братии» – «старых» и «молодых», и в этом «было главное благо, приносимое его деятельностью». Петр Исаевич с большим интересом и очень

¹ Сажин В.Н. Как создавался Литфонд // Благотворительность в истории России. Новые документы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 214-227.

² Гиппиус З.Н. Благоухание седин. О многих // Гиппиус З.Н. Собрание сочинений: В 15 т. М.: Русская книга, 2002. Т. 6. Живые лица: Воспоминания. Стихотворения. С. 162 – 192.

³ Сегодня книга П.И. Вейнберга - репринт оригинала «Русские народные песни об Иване Васильевиче Грозном. 2-е изд. С.-Петербург: Тип. Б.М. Вольфа, 1908. 206 с.» - опубликована в ряде современных издательств и выставлена «на продажу» в Интернет-сети.

доброжелательно относился ко всему новому, хотя «не мог примкнуть» к литературе Серебряного века, «да и попыток к тому не делал» – слишком был «искренен»¹.

Одновременно П.И. Вейнберг вел разделы в «Санкт-Петербургских ведомостях» и других изданиях, продолжал сотрудничать в «Отечественных записках» (1868-1884): за эти годы появилось около семидесяти его публикаций – переводы, стихотворные и прозаические, оригинальные стихотворения, рецензии, обзоры и статьи на литературные темы. Петр Исаевич был довольно тесно связан с редакцией журнала, с самим Н.А. Некрасовым, которого называл «человеком громадного природного ума и крупнейшего лирического дарования»².

Университетская деятельность П.И. Вейнберга продолжилась: в 1887-1894 гг. он – приват-доцент Императорского Санкт-Петербургского университета по кафедре романо-германской филологии Историко-филологического факультета. За эти годы Петром Исаевичем были прочитаны курсы: «История немецкой литературы от Лессинга до смерти Гете»; «Жизнь и литературная деятельность Гете и Шиллера», «Байрон, его жизнь и литературная деятельность», «Немецкая поэзия XIX в. от Генриха Гейне до новейшего времени», «История западноевропейской литературы», «История французской литературы XIX в.», «Психологические драмы Шекспира», «Фауст Гете», «История западноевропейских литератур XVIII в.», «История драматической литературы в Европе от средних веков до настоящего времени», «Современный роман во Франции». В качестве приват-доцента Санкт-Петербургского университета он, великолепный лектор, неоднократно выступал с лекциями по истории западноевропейской литературы по приглашению различных университетских центров³.

Используя свое общественное положение, П.И. Вейнберг стал защитником всех гонимых властью: в 1901 г. решительно поддерживал студентов, организовавших демонстрацию протеста на площа-

¹ Морозов Ю.П. Литературная жизнь // Исторический вестник. 1908. № 10. С. 155–156; Переписка З.Н. Гиппиус с П.И. Вейнбергом. Вступ. статья и прим. С.В. Сапожкова. Публикация А.В. Сысоевой и С.В. Сапожкова // Литературный факт. 2017. № 3. С. 69.

² Вейнберг П. Последние дни Некрасова: (Из моих воспоминаний) // Слово. 1907. 28 декабря, № 340. С. 1.

³ Венгерова З.А. П.И. Вейнберг (к 50-тилетию его литературной деятельности) // Образование. 1901. № 12. С. 96.

ди у Казанского собора в Санкт-Петербурге против примененных к студентам Киевского университета репрессий; в феврале 1905 г. ходатайствовал об освобождении М. Горького, арестованного после событий 9 января; в 1907 г. хлопотал о разрешении Герману Лопатину, высланному в Вильно, возвратиться в Петербург; остро и болезненно переживал еврейские погромы в Одессе в 1905 г., как и весь период реакции после поражения революции¹.

В творчестве П.И. Вейнберга присутствовала и еврейская тема, прежде всего в переводах: «Венецианский купец» Шекспира, «Натан Мудрый» Лессинга, «Уриэль Акоста» Гуцкова, «Иуда Маккавей» Лонгфелло, «Бахарахский раввин» и «Иегуда бен-Галеви» Гейне. Возможно, именно Г. Гейне, его любимый поэт, оказал влияние на интерес к еврейской тематике.

З.Н. Гиппиус в своих воспоминаниях «Благоухание седин» писала: «...в нем была еврейская кровь; не знаю, ибо этот вопрос никого, даже самого Вейнберга, не интересовал <...> в тогдашней литературе “еврейский вопрос” вообще мало существовал... в “старой” литературе [1860-х годов. – Т.П.] он решительно не имел места и значения...».

Петр Исаевич высоко ценил А.П. Чехова, но при этом ему был чужд чеховский «подход к жизни»: «уж очень мелочной, хмурой, без положительного... А ведь талант-то какой, тургеневский!». В августе 1904 г.: он писал в связи со смертью А.П. Чехова: «Смерть Чехова подействовала на меня очень удручающе, хотя его восторженным поклонником я не был никогда, и посмертные панегирики, назвавшие его “великим” писателем и почти приравнявшие его даже к великому из беллетристов Толстому, – нелепы и лишены всякого такта. Но, тем не менее, его жаль, бесконечно жаль, и как человека, и как литератора»².

М. Горького П.И. Вейнберг «не терпел», вспоминала З.Н. Гиппиус, но признавал его талант; в Леониде Андрееве «просто ничего не понимал, и даже не хотел понимать»; об И.А. Бунине сказал:

¹ См.: *Жаткин Д.Н., Корнаухова Т.В.* М. Горький и П.И. Вейнберг // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 1. С.256; *Алексеев И.А.* Литературный фонд и Горький // Из истории русских литературных отношений XVIII – XX веков / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом); отв. ред. С.В. Касторский. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 420–421; *Вейнберг П.И.* «Ужасно!.. Каждый день повешенья, расстрелы...» // Русское богатство. 1908. № 1. С. 148.

² Переписка З.Н. Гиппиус с П.И. Вейнбергом. Вступ. статья и прим. С.В. Сапожкова. Публикация А.В. Сысоевой и С.В. Сапожкова // Литературный факт. 2017. № 3. С.101.

«Этот – хороший писатель, крепкий. А только <...> что он любит? Надо ведь писателю что-нибудь без оглядки любить...». Он не был ретроградом, но настороженно относился к новым течениям в науке и литературе начала XX в. – декаденству, нео-религиозным веяниям, был озабочен отходом от «материализма», как его понимали «шестидесятники». По мнению З.Н. Гиппиус, он был «романтическим материалистом»: выступая против религии, старался сохранить в целостности «все человеческие чувства».

В 1905 году П.И. Вейнберг получил звание почетного академика: его кандидатуру в 1901 г. выдвинул А.П. Чехов¹.

Современники вспоминают внешность Петра Исаевича, которая к началу XX века была весьма примечательна: совершенно лысый, в профиль он походил на библейского пророка, с чудесной, с серым отливом, роскошной бородой, как у Авраама. Внушительная осанка, вдохновенные черные глаза, голова патриарха, приятные манеры, «гибкий и живой дух», неиссякаемые веселость и остроумие, мастерство экспромта и рассказчика с блестящим умом («настоящий клад» множества литературных преданий) – все эти качества внушали уважение и почтение. Квартира Петра Исаевича была обставлена «со строгим комфортом», все стены – увешены портретами писателей, большинство – с автографами. Этот «литературный быт» был для П.И. Вейнберга «непременной частью и органическим проявлением» его творческой натуры².

3 (16) июля 1908 Петр Исаевич умер, ему было 77 лет. В некрологах звучала общая оценка писателя: «рыцарь духа», «вечным ходатай» за «писательское сословие», «просветитель», открывший российскому обществу шедевры западноевропейской культуры³.

Зинаида Гиппиус относил П.И. Вейнберга, «либерала», к известным писателям «старой литературы», среди которых – Полонский, Майков, Плещеев и др., время которых в начале XX в. уже, по

¹ Левин Ю.Д. П.И. Вейнберг // Левин Ю.Д. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода / Отв. ред. А.В.Федоров. М.: Наука, 1985. С. 261-288.

² Переписка З.Н. Гиппиус с П.И. Вейнбергом. Вступ. статья и прим. С.В. Сапожкова. Публикация А.В. Сысоевой и С.В. Сапожкова // Литературный факт: Научный филологический журнал / Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской Академии наук. М., 2017. № 3. С.67-68.

³ См.: Памяти П.И. Вейнберга // Русские ведомости. 1908. 5 июл.; П.И. Вейнберг: [Некролог] // Нива. 1908. № 29. С. 514 – 516; [Кончина П.И. Вейнберга] // Биржевые ведомости. 1908. 8 июля (№ 10585); [П. И. Вейнберг (некролог)] // Сибирская торговая газета. Тюмень. 1908/ № 154. 13 июля и др.

ее мнению, уходило. Он не был «всеобщепризнанным» русским поэтом: среди его стихотворений – свыше 130¹ – широко известны были два: «Он был титулярный советник...» и «Море» («Бесконечной пеленою развернулось предо мною...»), которые сам Петр Исаевич читал с «пафосом» (по стандартам студенчества 1860-х гг. – времени «старой литературы» и «шестидесятников»), и молодежь его обожала. «Крылатой» до нашего времени стала фраза из его перевода шекспировского «Отелло»: «Она меня за муки полюбила, а я её за состраданье к ним».

Главным призванием П.И. Вейнберга был перевод. Ю.А. Веселовский отмечал «выдающуюся» по своей разносторонности и художественному вкусу деятельность П.И. Вейнберга как переводчика и популяризатора западноевропейской литературы, что завоёвывало ему «почетное место в летописях русской словесности и умственной жизни»².

П.И. Вейнберг оставил большое наследие: перечень его публикаций содержит более 500 наименований³. Итоги переводческой деятельности П.И. Вейнберга – свыше шестидесяти европейских и американских авторов, среди них: Г. Гервег, К.Ф.Д. Шубарт, Л. Уланд, Ф. Шпильгаген, Г. Зудерман, Р. Бёрнс, Э. Б. Браунинг, А. Мюссе, В. Сарду, О. Барбье, Г. Лонгфелло, Брет Гарт, Андерсен, Г. Ибсен, А. Мицкевич, У. Шекспир (девять пьес), Р.Б. Шеридан, а также народные песни (английские, шотландские, немецкие, испанские) и др.

П.И. Вейнберг обращался и к творчеству Т.Г. Шевченко: перевел и опубликовал балладу «Тополя» («Библиотека для чтения» 1860. Книга 3), откликнулся на смерть поэта некрологом⁴.

¹ Вейнберг П. Стихотворения: С добавлением юмористических стихотворений Гейне из Тамбова. СПб., 1902. 276 с.

² Веселовский Ю.А. Петр Исаевич Вейнберг (1830-1908) // История русской литературы XIX в.: В 5 т. / Под ред. Д.Н. Овсяннико-Куликовского при ближайшем участии А.Е. Грузинского и П.Н. Сакулина. М.: Т-во «Мир», 1911. С. 287-297. Ю.А. Веселовский (1872-1919) – поэт, переводчик и критик, сын историка литературы Алексея Николаевича Веселовского, брата известного литературоведа Александра Николаевича Веселовского (1838-1906).

³ Библиографический указатель литературных трудов П.И. Вейнберга: (По материалам литературного архива С.А. Венгерова) / Сост. А.Г. Фомин // Минувшие годы. 1908. № 8. С. 175-180.

⁴ Первая публикация: «Кобзарь». 1840. С. 69 – 82. См.: Шевченківський словник: у 2 т. / Інститут літератури ім. Т. Г. Шевченка Академії Наук УРСР. Київ: Головна редакція УРЕ, 1978; Вейнберг Петр. Некролог [«Век», март] // Тарас Шевченко в критиці. Том II. По-смертна критика (1861) / За загальної ред. Григорія Грабовича. Сост.: Боронь Олександр, Назаренко Михайло. Наук. ред. Олесь Федорук. Київ: Критика, 2015. С.4.

Как переводчик-профессионал он мог работать в любых жанрах, но особое место в его переводческом творчестве занимал Г. Гейне¹. И.Ф. Анненский считал, что Г. Гейне «имел...привилегированных русских переводчиков, тесно связавших с его поэзией свои имена» – М.Л. Михайлова и П.И. Вейнберга².

Помимо переводов П.И. Вейнберг писал историко-литературные этюды об У. Шекспире, Л. Берне, Г. Гете и др., критические статьи, обзоры, публицистические фельетоны, статьи о театре; составлял различные сборники, хрестоматии и антологии. Безусловно, П.И. Вейнберг был профессиональным литератором с широким творческим диапазоном. «Скромный рыцарь старой русской литературы» (З.Н. Гиппиус), он продолжал просветительские традиции демократов-шестидесятников: – перевод для него был не только выражением его творческой индивидуальности, но и средством «пропаганды» западноевропейской культуры.

Нельзя сказать, что в советское время о П.И. Вейнберге «забыли», – его фигура была объектом серьезных исследований³, вошла в солидные словарно-энциклопедические издания⁴; публиковались его работы⁵. В ведущих архивах (Российский государственный Ар-

¹ Сочинения Гейне в переводе П. Вейнберга. СПб., 1860. 191 с.; *Вейнберг П.* Генрих Гейне: Его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк. СПб., 1892. 112 с. (Жизнь замечательных людей. Биографическая б-ка Ф. Павленкова); 2-е изд. СПб., 1903. 108 с. и др.

² *Анненский Иннокентий Ф.* Книги отражений. М.: Наука, 1979. Серия «Литературные памятники». С.398. *Михайлов Михаил Ларионович / Илларионович (1829 - 1865)* - поэт, переводчик, публицист; одна из важнейших работ Михайлова-переводчика - сборник «Песни Гейне» (1858).

³ См.: *Федоров А.* Русский Гейне // *Русская поэзия XIX века: сб. под ред. Б.М. Эйхенбаума и Ю.Н.Тынянова.* Л., 1929. С.295-296; *Левин Ю.Д.* П.И. Вейнберг - переводчик // *Россия и Запад: Из истории литературных отношений.* Л.: Наука, 1973. С. 220 – 257; *Он же.* П.И. Вейнберг // *Левин Ю.Д.* Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода / Отв. ред. А.В.Федоров. М.: Наука, 1985. С. 261-288.

⁴ *Шевченківський словник: У двох томах / Інститут літератури імені Т. Г. Шевченка Академії наук Української РСР.* Київ: Головна редакція Української Радянської Енциклопедії, 1976. Т. 1. 416 с.; 1978. Т. 2. 412 с. [Об А.И. Вейнберге: Т.1]; *Русские писатели. 1800 -1917: Биографический словарь.* Т. 1. А - Г / Главный ред. П.А. Николаев М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 402-403 и др.

⁵ *Вейнберг П.И.* «Он был титулярный советник...» // *Поэты «Искры» / Ред. и примечания И.Г. Ямпольского; вступ. ст. А.П. Селивановского.* Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. С. 378; *Вейнберг П. И.* Стихотворения // *Поэты «Искры»:* В 2 т. [Вступ. ст. И.Г. Ямпольского]. Л.: «Советский писатель», 1955; *Вейнберг П. И.* Теория художественного перевода // *Русские писатели о переводе: XVIII-XX вв.* Под ред. Ю.Д. Левина и А.Ф. Федорова. Л.: «Советский писатель», 1960; *Перепевы / П.И. Вейнберг // Муза пламенной*

хив литературы и искусства /Ф. 280 /, в Российской государственной библиотеке /Ф. 360, 179/, в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) /Ф. 62, 123, 357/ и др.) был создан его именной фонд и хранятся многие рукописные материалы литератора¹.

В новом тысячелетии возродился интерес к личности и творчеству П.И. Вейнберга. Появились: эпистолярная, диссертационные исследования, статьи, справочная литература, многочисленные сайты в Интернете, серьезные словарно-энциклопедические издания, которые либо непосредственно посвящены нашему «герою», либо так или иначе затрагивают его личность, творчество и деятельность².

* * *

сатиры : рус. стихотвор. сатира 1830–1870-х гг. / [сост., авт. вступ. ст. Л.Ф. Ершов]. М.: Современник, 1988. С. 366–367; Русская поэзия XIX в. В 2 т. М.: Художественная литература, 1974. [Стихи П.И. Вейнберга во 2-м т.] и др.

¹ Малова Н.И., Панченко Н.Т. Обзор историко-литературных архивных материалов XVIII–XX вв., поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР за 1962–1965 гг. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1970 год / АН СССР; ИРЛИ (ПД). Л.: Наука, 1971 и др. Список переводов П.И. Вейнберга, составленный им самим, хранится в Российской государственной библиотеке (Ф. 360. Оп. 2. Ед. хр. 29).

² См.: *Петр Вейнберг. Что нового в Петербурге? (Письма к моим землякам). Письмо V* [«Век», март] // Тарас Шевченко в критиці. Том II. Посмертная критика (1861) / За загальної ред. Григорія Грабовича. Составители: Боронь Олександр, Назаренко Михайло. Науков. ред. Олесь Федорук. Київ: Критика, 2015. С. 35 и др.; Переписка З.Н. Гиппиус с П.И. Вейнбергом. Вступ. статья и прим. С.В. Сапожкова. Публикация А.В. Сысоевой и С.В. Сапожкова // Литературный факт: Научный филологический журнал / Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской Академии наук. М., 2017. № 3. С. 66–111; Корнаухова Т.В. Творчество П.И. Вейнберга в контексте русско-английских литературных связей XIX – начала XX века. Дисс.... канд. филолог. наук. Саратов, 2015. 383 с.; Полюдов В.А. Лирика Гейне в русских переводах (1820–1850-е гг.) // Проблемы метода и поэтики в мировой литературе: Межвуз. сб. науч. тр. / Перм. ун-т; Отв. ред. Н.С. Бочкарева. Пермь, 2005. С. 30–37; Панасенко Н. «Обыкновенная буржуазная семья». Об одесских корнях Георгия Адамовича // Дерибасовская-Ришельевская: Одесский альманах. № 52. 2013. С. 233–237; Жаткин Д.Н., Корнаухова Т.В.. Перевод П.И. Вейнбергом «Школы злословия» Р. Шеридана в контексте традиций осмысления этого произведения в России // Вестник Бурятского гос. ун-та, 2014. № 10. С. 119–125; Дмитриев А.Н. Всеобщая литература в университетах Российской империи: наследие академика Н.П. Дашкевича (1852–1908) // Вестник СПбГУ. История. 2016. Вып. 3. С. 107–119 и др.; Литературные даты–2001: библиографический календарь-справочник. Тамбов, 2000. С. 32 – 34; Дорожкина В. Т., Полякова Л. В. Литературная жизнь Тамбовского края XVII – XXI веков: справочник. Тамбов, 2006. С. 62 и др.; Шруба Манфред. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь / Науч. ред. А.И. Рейтблат. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 448 с.; Вейнберг Петр Исаевич. Стихотворения. Проект «Собрание классики» (Lib.ru / Классика). URL: http://az.lib.ru/w/wejnberg_p_i/text_0140.shtml и др.

П.И. Вейнберг был женат на Зинаиде Ивановне Михайловой, дочери генерал-адъютанта, смотрителя статуй Зимнего дворца. В семье было семеро детей. Линия П.И. Вейнберга-литератора была продолжена профессиональными физиками, в первую очередь – сыном Борисом Петровичем, внесшим огромный вклад в развитие многих важных направлений науки (гляциологии, гелеотехники, геофизики, аэродинамики, геомагнитных измерений, метеорологии, демографии, педагогики и др.).

Борис Петрович Вейнберг в 1899-1906 гг. был приват-доцентом по кафедре физики в Новороссийском университете, учеником Ф.Н. Шведова, женатого на Надежде Яковлевне Шведовой, крестной П.М. Бицилли и двоюродной сестре Бориса Петровича и Екатерины Адольфовны, матери Петра Михайловича. Младший брат П.М. Бицилли – Михаил Михайлович – после года пребывания на юридическом факультете (1899/1900), куда он поступил «за компанию» с братом, в 1900 г. перешел на физико-математический факультет, вероятно, под влиянием своего двоюродного дяди Бориса Петровича.

Именно в Одессе в 1909 году была издана книга Б.П. Вейнберга «Снег, иней, град, лед и ледники», которая стала первой в Российской империи монографией по гляциологии¹. Как специалист-гляциолог Б.П. Вейнберг участвовал в создании «Дороги жизни» в осажденный фашистами Ленинград; в честь Б.П. Вейнберга получила его имя гора в Антарктиде².

Б.П. Вейнберг был женат на Марии Евгеньевне Груздевой (1878-1949); их дети: Алексей (1901-1919), художник, погиб в экспедиции; Кирилл (1904-1941), геолог, пропал без вести во время Великой Отечественной войны; Всеволод (1907-1981) окончил Ленинградский технологический институт, работал в Ленинградском физико-техническом институте, затем в Государственном оп-

¹ Государственный архив Одесской области. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1927 (1906). Л. 18.

² О Б.П. Вейнберге см.: *Кузнецова С.И.* Трудная судьба профессора ТТИ Б.П. Вейнберга // *Известия Томского политехнического университета*. 2009. Т. 315. № 2. С.198-202; *Постникова Е.И.* Роль профессора Б.П. Вейнберга в развитии физики и техники в Сибири // *История науки и техники*. 2010. № 8; Вейнберг Борис Петрович // Профессора Томского университета: биографический словарь. 1996. Т. 1: 1888-1917; *Кравец Т.П.* Борис Петрович Вейнберг. (некролог) // «Успехи физических наук». 1945. Т. 27. Вып. 1; Памяти Б. П. Вейнберга // «Метеорология и гидрология». 1947. № 6; *Иорданишвили Е.К.* Вместе со страной. Евреи Ленинграда-Петербурга в отечественной и мировой науке и технике. СПб.: Изд-во КАРО, 2003. 480 с. и др.

тическом институте, доктор технических наук, профессор, лауреат Сталинской премии (1949) за разработку в области оптических систем. Галина Всеволодовна Островская, его дочь, стала не только известным физиком (ведущий научный сотрудник Физико-технического института им. А.Ф. Иоффе Российской академии наук в Санкт-Петербурге, лауреат Государственной премии СССР /1982/), но и биографом своей семьи¹.

Сыграл ли Петр Исаевич Вейнберг какую-либо роль в жизни своего внучатого племянника – Петра Михайловича Бицилли? Каковы были взаимоотношения между Петром Исаевичем и его одесскими родственниками? Во всяком случае, правнучка Петра Исаевича – Г.В. Островская говорит о «многочисленных родственниках и друзьях в Одессе». В июле 1908 году, когда Петр Исаевич умер, Петру Михайловичу было уже 29 лет, с 1907 г он преподавал в гимназиях...

Известно, что П.И. Вейнберг приезжал в Одессу: 20 апреля 1902 г. газета «Одесские новости» сообщала: «Вчера в Литературно-артистическом обществе был прочитан П.И. Вейнбергом реферат о Викторе Гюго. При появлении литератор был встречен громкими аплодисментами. Председатель И.А. Смирнов приветствовал П.И. Вейнберга от имени Литературно-артистического общества. Реферат о В. Гюго был прослушан собравшейся публикой с большим интересом. По окончании чтения группа местной интеллигенции, в состав которой вошли литераторы и др. члены общества, чествовали Петра Исаевича в помещении клуба ужином»².

Возможно, брат Екатерины Адольфовны – Петр Адольфович, инженер, титулярный советник, получил свое имя в честь знаменитого дяди, а сам Петр Михайлович был назван в честь двоюродного деда и своего крестного – брата матери.

¹ См.: *Островская Г.В., Конаева Г.Я., Грилихес В.А.* Пионер отечественной опто-техники: (к 100-летию со дня рождения В.Б. Вейнберга). Санкт-Петербург: Изд-во Политехнического ун-та, 2007. 155 с. В.Б. Вейнберг продолжил исследования своего отца: из 238 научных работ 65 посвящены изучению земного магнетизма; *Островская Г.В.* Дорога жизни профессора Б.П. Вейнберга и его ледяная гора. К 140-летию Б.П. Вейнберга и 70-летию дороги жизни // Известия Томского политехнического университета. 2011. Т.319. № 2. С.149-156 и др.

² Цит. по: *Панасенко Н.* «Обыкновенная буржуазная семья». Об одесских корнях Георгия Адамовича // Дерибасовская-Ришельевская: Одесский альманах. 2013. № 52. С.233-237.

P.S. По аналогии с метафорой, которая уже вошла в историю и историографию – «человек второго ряда», «историк второго плана» и т.п., – Петра Исаевича Вейнберга можно назвать писателем «второго плана»: он не был в ряду «первых» (Н.А. Некрасов, Я.П. Полонский, А.А. Фет, Ф.И. Тютчев, А.Н. Майков и др.) в свое время, он не стал и «всепризнанным» русским поэтом позже. Но это был, безусловно, человек талантливейший и неординарный, занявший свое почетное место в истории культуры.

Многие сюжетные линии из персональной истории П.М. Бицилли еще требуют глубоких и всесторонних изысканий, среди них и история жизни Петра Исаевича Вейнберга, одессита, вошедшего в плеяду известных российских литераторов XIX столетия.

P.P.S. Петр Михайлович не стал писателем, но ему удалось создать свой неповторимый по стилю исторический нарратив. Литературный дар Бицилли-историка, возможно, имел и генетические корни: его труды получили не менее яркое воплощение в науке XX века, нежели вклад его двоюродного деда литератора П.И. Вейнберга в культуру XIX в.

ИДЕЯ «ВЛИЯНИЙ» В ТВОРЧЕСТВЕ П.М. БИЦИЛЛИ

*...к «влияниям» человека на человека
сводится вся историческая жизнь.*

П.М. Бицилли

В творческое наследие Петра Михайловича Бицилли¹ входит *концептуальная идея влияний*, суть которой в том, что историческая жизнь во всей ее сложности есть результат *влияния* людей друг на друга. Формы этого влияния многолики – от «диалога», «созвучия», «родимых пятен», «повторов», «параллелей» до «шаблонов», «плагиата» и др. Эти понятия в различных контекстах проходят сквозь многообразие и дисциплинарно-жанровое разнообразие трудов ученого, приобретая свое глубинное содержание в совокупности оттенков бициллиевой мысли.

* * *

П.М. Бицилли – виртуозный *Мастер слова*. В его текстах единичная лексема приобретает емкое значение в зависимости от целеполагания конкретной работы.

Идея «влияния» для П.М. Бицилли – универсальна – одна из ключевых в методологии ученого: «...конкретные люди не просто взаимодействуют, но и взаимопроникаются, подвергаются взаимным *влияниям* в буквальном смысле этого слова»².

Ученый рассматривает многообразие *влияний* – в литературном и научном творчестве, в искусстве, в схолярных связях, в исторической жизни в целом.

В статье «Заметки о Толстом» (1936) П.М. Бицилли сформулировал совершенно возмутительный с точки зрения канонических правил пассаж: «Вся история литературы, как и прочих искусств,

---

¹ О персональной истории П.М. Бицилли см.: *Велева М.* Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София: Изд-во «Гутенберг», 2004; *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018; *Попова Т.Н.* Петр Михайлович Бицилли: портрет в манере «сфумато». Одесса: М.А. Бондаренко, 2021 и др.

² *Бицилли П.* Жизнь и литература // Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С.478.

может быть разрабатываема как история бесконечных и непрерывных «плагиатов»...»¹.

Проблема «плагиата» для него – выходит на проблему «влияний». Для решения этой проблемы П.М. Бицилли вводит понятия: «родимые пятна», «повторы» и «созвучия» как аналогично близкие, составляющие один категориальный круг.

«Родимые пятна» – глубокий смысловой концепт, предложенный П.М. Бицилли. – это своеобразные показатели определенных влияний одного мастера на другого, на неизбежную преемственность / восприимчивость предшественников и современников, которая пролегает отнюдь не по прямой линии, но в сложной конфигурации сетевых переплетений, обогащая каждое новое поколение со своим «эпохальным» мировосприятием и мироощущением и создавая новые интерпретации «вечных тем».

Анализируя творчество разных писателей – великих и «не очень», – П.М. Бицилли приходит к выводу: «...общность “родимых пятен” не всегда является признаком прямой зависимости одного художника от другого», поэтому «метод исследования “родимых пятен”» необходим, т.к. этот метод способствует выяснению «источников того или другого художественного произведения» и «приближает нас к пониманию творческого замысла художника»².

«Чужое» произведение может стать *темой*, из которой творчески преобразованным будет создано собственное произведение *другого*. Однако «родимые пятнышки» могут сохраниться, и этот факт позволит критикам говорить о «плагиате».

Понятие «родимые пятна» П.М. Бицилли соединяет с понятиями «повторы» и «созвучия». Он выделяет три основные причины «повторов» / «созвучий»:

во-первых, это прямое или опосредованное заимствование;
во-вторых, общность источников;
в-третьих, специфика культурной эпохи, стилистических традиций, канонов и стандартов в формах литературного и научного творчества.

«Родимые пятна», «повторы» и «созвучия» могут иметь два основных следствия:

- либо это творческое освоение предшествующей (или даже

¹ Бицилли П. Бунин и Толстой // Там же. С.397.

² Бицилли П. Возрождение аллегории // Там же. С. 438.

современной автору) традиции, эталонных образцов,

- либо заимствования, близкие к плагиату.

В первом случае «созвучия» выражают авторскую творческую индивидуальность, сохраняя определенную литературную / культурную традицию, во втором – это «подделка», «шаблон» – слепое подражание лучшим образцам.

«История всякого искусства, – пишет П.М. Бицилли, – есть история “влияний”, и чтобы понять, о чем говорит поэзия данного момента, надо вслушаться прежде всего, какие уже знакомые “голоса” звучат в ней»¹.

Сколько «заимствования чужих словосочетаний, оборотов, образов, мотивов» есть у Пушкина, констатирует П.М. Бицилли: например, пушкинские «заимствования» у Г.Р. Державина². Считать это «плагиатом», «значит игнорировать условия тогдашней творческой деятельности».

Первая половина XIX века (как и традиция предыдущего века) характеризовалась тем, что литературное творчество было «домашним делом» – не профессией: писали *все* – в письмах, альбомах, разного рода посвящениях и т.п. И пушкинские плагиаты – это «цитации» – форма «учтивости» в условиях «замкнутого “кружкового” существования» высшего света³.

П.М. Бицилли приводит ряд примеров «из великих», которых можно было бы объявить «плагиаторами»: есть совпадение с Пушкиным у И. Анненского⁴; «Ватиканские подземелья» Андре Жида «вышли» из «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского; из «Фальшивомонетчиков» самого А. Жида – «Контрапункт» Олдоса Хаксли; тема «Мадам Бовари» Г. Флобера «развилась» в «Анну Каренину» Л.Н. Толстого и т.п.

В статье «Проблема человека у Гоголя»⁵ П.М. Бицилли писал о «влиянии гоголевской стилистики и символики на чеховскую,

¹ Бицилли П.М. *Якорь*. Антология зарубежной поэзии. Сост. Г.В. Адамович и М.Л. Кантор. Париж, 1936 // Там же. С. 453.

² Бицилли П.М. Пушкин и проблема чистой поэзии // Там же. С. 142.

³ Бицилли П. Пушкин и Вяземский. К вопросу об источниках пушкинского творчества // Там же. С. 31-32.

⁴ Бицилли П.М. Пушкин и проблема чистой поэзии // Там же. С. 142.

⁵ См.: Годишник на Софийския университет: Историко-филологически факултет. Т. XLIV. 1847-1948. Кн.4. С.1-31. Цит. по: Мещерский А. Известные письма И. Бунина // Русская литература. 1961. № 4. С. 157.

о схожести описаний у Л.Н. Толстого и А.П. Чехова, отмечая не только близость стиля, но и наличие «перефразировки». Указывая на «заимствования» А.П. Чехова у И.С. Тургенева, П.М. Бицилли объясняет: «Здесь не подражание, а творческое усвоение, результат влияния в подлинном, строгом смысле этого слова»¹.

Анализируя «Антологию зарубежной поэзии» (1936)² Г.В. Адамовича, П.М. Бицилли отмечает: «на каждом шагу мне встречались здесь знакомые облики: Тютчева, Анненского, Блока, Ахматовой, даже Баратынского. У одних поэтов это – подделка, у других – подлинное творческое усвоение».

Тэффи (Надежду Александровну Лохвицкую) П.М. Бицилли сравнивает с Сервантесом: «В органической сочетаемости юмора и иронии, в полной оправданности двойственного отношения к одному и тому же объекту состоит глубина Сервантеса... И в этом отношении Тэффи сближается с автором “Дон Кихота”». Тэффи «близка» со своей иронией к В. Сирину (В.В. Набокову), а оба они «созвучны» с их «общим учителем», учителем «всех сколько-нибудь значительных новых писателей» – Андре Жидом, у которого «есть... Идеал полной, целостной жизни»³.

П.М. Бицилли позволяет себе сравнить Бэкона с Шекспиром (по «внутреннему родству») и с Макиавелли (по философским «корням»)⁴.

Влияния, по мнению П.М. Бицилли, проявляют себя не в «цитации» и «плагиате» (они только позволяют «предположить» влияние), но – «в общности стиля, тона, видения жизни».⁵

П.М. Бицилли – сторонник идеи «влияний» во всех сферах

¹ Бицилли П.М. Творчество Чехова. Опыт стилистического анализа // Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 222.

² Бицилли П.М. [Рец.] Якорь. Антология зарубежной поэзии. Сост. Г.В. Адамович и М.Л. Кантор. Париж, 1936 // Современные записки. 1936. № 60. С. 463-465. См.: Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 453-455; *Он же*. Несколько замечаний о современной зарубежной литературе // Там же. С. 459-463.

³ Бицилли П. Жизнь и литература // Там же. С. 485-486; *Он же*. Венок на гроб романа // Там же. С. 474.

⁴ Бицилли П.М. Место Ренессанса в истории культуры / Сост., предисловие и комментарии Б.С. Кагановича. СПб.: Мифрил, 1996. С. 157.

⁵ Бицилли П.М. Творчество Чехова. Опыт стилистического анализа // Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 209.

искусства: в споре с евразийцами он выступил против утверждений об оригинальности и самобытности средневекового романо-германского готического искусства, подчеркивая и доказывая на примерах влияние Востока: «нельзя отделять Запад от Ближнего Востока, христианский мир – от мира ислама». Анализируя историческую мысль Запада и Востока средиземноморского ареала, П.М. Бицилли приходит к выводу о том, что для исторической мысли в культурах обоих пространств характерны «одинаковые проблемы», которые аналогично ставятся и решаются при помощи одних и тех же «методов исследования и способов рассуждения»: Ибн Халдун (1332-1406), арабский историк и философ, «блестящий предшественник Макиавелли и Гвиччардини»¹.

«Влияние / созвучие» соотносимо с понятием «диалогичность». В историю гуманитаристики П.М. Бицилли вошел как «диалогический мыслитель», для которого был характерен «многоуровневый диалог», «ментальное “созвучие”», выход «за пределы предустановленного понимания человека и культуры», активный участник «дискуссий», не калькирующий чужие голоса, но воспринимающий их творчески, критически, проверяя «самими вещами». «Сотрудничество» П.М. Бицилли – с кем бы то ни было – это «перекличка», история «отношений с притяжением и отталкиванием», из которых и сформировался «независимый путь исследователя»².

Для П.М. Бицилли исключительную ценность представляли «...друг от друга не зависящие, друг на друга не сводимые и вместе с тем друг без друга немыслимые голоса»³.

«Диалог» – важнейший концепт в построениях М.М. Бахтина, который развил теорию интерпретации текста, сосредоточив внимание на его диалогизме. Вероятно, это «созвучие» сближало двух незаурядных мыслителей⁴.

¹ См.: *Бицилли П.М.* Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 340-345.

² См.: *Васильева М.* Петр Бицилли как диалогический мыслитель // *Opuscula Slavica Sedlcensia*. Т. XIV. Петр Бицилли: диалог на перекрестке культур [Монография под редакцией Романа Мниха]. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2017. С. 44-47, 60.

³ *Бицилли П.* Трагедия русской культуры // Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 370.

⁴ См.: *Бицилли П.М.* [Рец.:] Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Л.: Прибой, 1929 // Михаил Бахтин. Pro et contra. СПб., 2001. Т. 1. С. 188 – 190 и др.

В контекст «влияний» входит понятие «*шаблон*». Проблема «шаблонов» у П.М. Бицилли предстает в двух плоскостях / аспектах.

В первом случае речь идет о специфике познавательной деятельности как таковой – *эпистемологический аспект*.

Понятие «шаблон» сфокусировано на проблеме *редукции*: построение любой системы знания неизбежно связано с «упрощением» необъятного множества данных, с которыми имеет дело исследователь. В области естественнонаучного знания «простота» теории, ее аргументации, минимум эмпирики при построении теоретических конструкций являются нормативами научного поиска. В области исторического познания и «изображения» истории так же, как и в естественных науках, без «упрощения» невозможно. Полное описание конкретного индивидуального события потребовало бы констатации «всех свойств» сложного исторического объекта, что практически нереально¹, хотя объяснение «случившегося» в определенном месте и времени может постепенно становиться все более точным и полным. И история и естественные науки могут описать свою проблему «только в терминах общих понятий»; в таком случае история в состоянии «схватить уникальную индивидуальность» своих объектов «не больше и не меньше, чем физика или химия»².

Задавая себе самому вопрос – как, «не искажая» реальное историческое бытие, «изобразить» историю, в какой форме, в каком «понятийном пространстве» сотворить текст – «изложить» свое видение (понимание) уже несуществующей реальности? – П.М. Бицилли приходил к выводу о неизбежности редукции.

Раскрывая суть познания в области истории, П.М. Бицилли, утверждал: единое знание ученые «условно и удобства ради» разделяют на отдельные дисциплины и пытаются обозначить «формы объективации творческого духа» конкретными понятиями. В этом – специфика науки, которая «есть ничто иное, как система понятий». Но в этом же и ограниченность ее возможностей, ибо «определить» что-либо, означает – «ограничить» вечно меняющую-

¹ Стремление к описанию множества фактов / деталей исторического события / явления – *фактографизм* – один из постулатов позитивистской историографии.

² См.: Гемпель Карл. Функция общих законов в истории // Время мира: Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций / Под ред. Н.С. Розова. Вып. 1. Историческая макросоциология в XX веке. Новосибирск, 1998. С.15.

юся и бесконечную в своем многообразии историческую жизнь.

Выступая против «гипостазирования» понятий, П.М. Бицилли своей позицией ориентировал профессионалов не забывать «границы» своих познавательных возможностей, помнить об «условности слов», с помощью которых ученый пытается «выразить» знания, но в этом предостережении – лишь глубокое понимание сложности постижения истории и профессиональной исследовательской деятельности историков.

«Не только социальная жизнь, – писал П.М. Бицилли, – наука о человеке, искусство художественного воспроизведения человека были бы немыслимы, если бы люди не упрощали в своем сознании других людей»¹.

Ремарка-заметка. Проблема «упрощений» приобретает сложно структурированное выражение: «упрощение» в историческом исследовании начинается на уровне исторического источника (а в реалии – еще раньше) – его прочтения, критики, интерпретации, границ использования и систематизации источниковой базы; продолжается на уровне синтезирования научных фактов, их описания, понимания, обобщения в процессе категориального синтеза – сотворения понятий; завершается в рамках процесса создания научного текста: «упрощение» мысли в ее лексическом выражении, конструирование «фабулы» или «сценария» и их литературного воплощения и проч.; новый этап приходится на «освоение» текста читателем и изложение им (его интерпретацией) «прочитанного». Это многоуровневое «упрощение» имеет многообразие причин и форм. «Упрощенная» / редуцированная форма чего-либо (в том числе идеи) подчас превращается в шаблон, штамп, образец, который тиражируется и гипостазируется. При этом возникают многоуровневые *искажения*: образы / интерпретации наслаиваются друг на друга, продуцируя *редукционный процесс*.

Во втором случае речь идет об «упрощении», опосредованном *культурно-исторической традицией*: общепризнанными литературными / научными приемами, каноном, «модой», фразеологией «титulyных лидеров», видением и способами изображения,

---

¹ Бицилли П. Жизнь и литература // Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 476.

«авторитетно-специфичными» для конкретного периода / эпохи.

П.М. Бицилли одним из первых поставил проблему «шаблонов», или «общих схем» («штампов» / трафаретов / «общих мест» / «готовых формул» и т.п.), в историческом тексте, анализируя «изображение» средневековыми авторами общественных движений и проч.

«Общие схемы» у П.М. Бицилли – это «упрощение», использование определенных стандартных приемов «изображения» конкретных сюжетов, это – «нормативность» создания текста в конкретной культурно-исторической ситуации, которая неизбежно приводит к искажению изображаемых событий.

Наиболее выпукло эта проблема обозначена в небольшой статье «Общественные движения в изображении средневековых историков», опубликованной в 1917 году в «Журнале министерства народного просвещения», в которой П.М. Бицилли продолжает развивать идеи своей магистерской диссертации¹.

Анализируя историографические традиции авторов средневековых хроник, определяя типологию историографических схем, выявляя факторы, влияющие на формирование того или иного нарративного текста, он делает вывод о том, что наличие «общих мест и готовых формул» в средневековой исторической литературе при изображении каких-либо исторических событий, в частности общественных движений, – факт общеизвестный.

Историк обязан учитывать «пагубное влияние» этого явления на достоверность отображаемых событий. Историография позднего средневековья дает многочисленные примеры «схем и шаблонов», которые менее очевидны и поэтому более опасны своей мифологичностью, искажением реальных событий. Известны шаблоны характеристики отдельных личностей, шаблоны в описании битв, чудес, торжеств и проч. Среди них и схемы описания общественных движений.

Примеры схематизации средневековой историографии для П.М. Бицилли – отправной момент для размышления о сущности воспроизведения исторических данных, об «изображении истории». Все многообразие феноменов «исторической жизни», считает П.М. Бицилли, историк в состоянии «обнять лишь бессозна-

---

¹ Бицилли П.М. Общественные движения в изображении средневековых историков // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. 69. № 5. 1917. С. 67-88.

тельно упрощая воспринимаемое». При этом чаще всего используется метод «узнавания» в «новом» – «старого», т.е. подведение нового материала под уже готовые «рубрики», что неизбежно влечет за собой подчинение в сознании автора нового материала готовым схемам. Если какой-либо комплекс явлений напоминает автору «революцию», «реформацию», «реакцию» и т.п. – невольно появляется желание отыскать в рассматриваемом явлении черты уже известных ранее «революций» и т.д. В средневековой историографии все это «делалось грубее и наивнее». Но утонченность приемов современной историографии не снимает проблему схематизации прошлого, констатирует П.М. Бицилли.

По сути, ученый ставит проблемы категориального синтеза, применения «объяснительных схем», понятийного аппарата исторической науки, создания исторического текста. Многие из этих положений получают свое дальнейшее развитие в его фундаментальной работе, написанной уже в эмиграции, – в «Очерках теории исторической науки» (1925).

Бициллиевские «готовые формулы» и т.п. близки к понятию, введенному Д.С. Лихачевым – «литературный этикет», согласно которому писали древнерусские летописцы, «изображая» положительных и отрицательных героев – русских князей и др.

«Литературный этикет» сохраняет свою нормативную роль во все эпохи. Анализируя литературные памятники, сравнивая творчество Л.Н. Толстого и А.П. Чехова, П.М. Бицилли приходит к выводу о том, что «подобно Чехову» Толстой всегда «боролся с шаблонами и сознательно и дерзко нарушал литературные традиции»¹.

Будучи сам противником шаблонирования – в любых жанрах, научных и литературных, в любом его проявлении, – П.М. Бицилли с первых лет своей научной деятельности шел «против течения» и сохранял эту позицию на протяжении всей своей творческой жизни.

Возможно, идти «против течения» – это в определенной степени влияние его университетского наставника профессора Е.Н. Щепкина, которым молодой Бицилли восхищался, что нашло свое отражение в отнюдь не «пиететной», хотя и юбилейной статье².

¹ Бицилли П. Творчество Чехова. Опыт стилистического анализа // Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 302.

² Б. [Бицилли П.] Тридцатилетие научной деятельности профессора Е.Н. Щепкина // Одесский листок. 1916. 6 января.

Для исследовательского почерка Е.Н. Щепкина, писал П.М. Бицилли, характерны самостоятельность и нестандартность мышления вне зависимости от общепринятых нормативов. Специфика щепкинского подхода заключалась в том, что и сама тематика, и ее решение всегда были направлены «против течения». Е.Н. Щепкин, глубокий знаток историографических традиций, выступал за пересмотр устоявшихся мнений, предлагая всегда собственное оригинальное видение проблемы и не следуя «методологической моде». Новый ракурс, новый подбор источников, новая трактовка фактов и в итоге новое качество решения вопроса – в этом была особенность исследовательского почерка Е.Н. Щепкина, которая органично была присуща и П.М. Бицилли.

Поэтому и И.М. Гревс, и значительно позже В.Ф. Ходасевич и Г.В. Адамович не всегда могли признать и принять новаторство мысли и формы Петра Михайловича.

Идея «влияний» – исходная в *схоларной проблематике* П.М. Бицилли. Современные исследователи затрудняются с определением не только «школьных истоков» ученого, но и с принадлежностью его к определенному научному направлению. Можно, пожалуй, выделить три группы факторов, оказавших влияние на формирование незаурядной личности Бицилли-ученого:

- *персональный* – среди учителей П.М. Бицилли называют Е.Н. Щепкина, Э.Р. фон Штерна, В.Э. Крусмана, И.М. Гревса, А.М. Клитина и др.;
- *институционально-социокультурный* – сам П.М. Бицилли с благодарностью признавал *воспитательную роль* своей *alma mater* Новороссийского Университета¹, который можно рассматривать как «генетический тип школы»² с взаимообогащающим пересечением «в пространстве университета представителей различных научных школ и традиций»³, что приводило к своеобразному «наложению» друг на друга различных

¹ *Бицилли П.М.* Салимбене: (Очерки итальянской жизни XIII века) // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. / Сост. Ф.Б. Успенский; Отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 240.

² *Каганович Б.С.* Петербургская школа медиевистики в конце XIX – начале XX в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1986. С. 3.

³ *Корзун В.П.* [Рец.:] Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. 536 с. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 25 / 2. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 388, 396.

типов научной культуры в особой ауре социокультурного пространства Одессы;

- *«историкографическая традиция»* стала перманентной базовой основой профессионального профиля П.М. Бицилли, что способствовало его формированию как ученого с широчайшим проблемно-дисциплинарным диапазоном исследовательских интересов.

Великолепный знаток классического наследия мировой философской и исторической мысли, стремящийся уловить все новейшие тенденции интеллектуального движения, П.М. Бицилли тем не менее не соотносил себя с каким-либо конкретным течением или научной школой, никогда не упоминал о конкретных личностях как о своих учителях. «Независимый и одинокий мыслитель», как заметил Б.С. Каганович, П.М. Бицилли всегда представлял «свою собственную партию»¹.

В осмыслении собственной схолярной традиции П.М. Бицилли также пришел к идее «влияний». Категория «школы» в контексте *влияния* Вождя - Учителя на своих последователей-учеников – содержание его раздумий в сложной, подчас противоречивой, статье «Параллели», опубликованной в журнале «Современные записки» (Париж, 1932). Эта работа во многом вобрала в себя предшествующие мысли П.М. Бицилли о сущности и значении «школы» и одновременно представила новые, отнюдь неоднозначные идеи².

П.М. Бицилли интересуется вопрос о формах, содержании и последствиях тех отношений, которые складываются между Учителем и Школой. Это, в построениях П.М. Бицилли, – не частная проблема. Поскольку вся «историческая жизнь» по своему содержанию сводится к влиянию человека на человека, считает он, изучение форм влияния Учителя на Школу (Вождя на Массу) должно быть единственной задачей теории исторического процесса. Исследование же «характера» и «значения» подобных влияний должно составлять «основную задачу истории культуры». При этом, поскольку история «влияний», история смены «школ» и «направ-

¹ Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 2007. С. 213.

² См.: Бицилли П.М. Параллели // Петр Михайлович Бицилли. Избранное: историко-культурологические работы. / Сост., подг. текстов и коммент. Т.Н. Галчевой, Г.П. Петковой, Хр. П. Манолакеева. Вступ. ст. Т.Н. Галчевой. Том первый. София: Изд-во на Мин-во на образованата «Св. Георги Победоносец»; Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 1993. С. 211-216.

лений» представляет бесконечное многообразие форм, постольку необходимо исследовать, по мнению П.М. Бицилли, их типологию.

Любое объединение, считает Петр Михайлович, – научная школа, партия, секта – имеет нечто общее: все они основаны на самоотречении, самоограничении и дисциплине. Сам факт «причастности» к какому-нибудь «изму» (например, марксизму и т.п.) всегда «обязывает», а для ученого это означает ограничение собственного исследовательского поиска, что препятствует творческой активности.

«Школа» в принципе тяготеет к тому, чтобы «сомкнуться» вокруг учителя (руководителя, в которого верят и за которым идут его ученики-последователи), создавшего свою доктрину или идеологию (систему идей, теорию, концепцию). Однако это может привести к тому, что ученики «замкнутся» в учении своего наставника. И чем совершеннее мастерство Учителя, тем более бесплодными могут оказаться его воспитанники. Нередко ближайшие ученики того или иного авторитета, убежден П.М. Бицилли, понимают его значительно хуже, «нежели стоящие поодаль».

Более ценным и плодотворным бывает влияние, воспринятое на уровне интуиции, а не исходящее из того, что «прямо высказано учителем». Полноценна только та школа, считает П.М. Бицилли, в которой живет свободная мысль, в которой растет и развивается доктрина, а adeпты соответствующих учителей являются «живой связью между ними и миром». Творческая работа над доктриной должна «исходить от последней», творческое усвоение идеологии / системы идей должно заключаться в усвоении «духа» метода, что является самым важным и ценным в любом учении.

Стремление к обретению своей, индивидуальной «манеры мастера» на основе интуитивного восприятия «духа» – сущности (т.е. – метода) разнообразных учений мыслителей, влияние которых может быть значительным, – в этом видел П.М. Бицилли задачу ученого.

Ремарка-мнение. В отличие от профессора М.А. Бирмана, для которого «наставничество», связано с *систематическим*, постоянным научным руководством –

молодой Бицилли «определил фактически самостоятельно свой путь исследователя», формируясь как ученый без «постоянных и систематических наставников»¹, –

---

¹ См.: Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. С. 33-35.

мне представляется, что «наставничество» можно рассматривать как категорию *не-константную*: речь идет о *влияниях* и *созвучиях*, «*родимых пятнах*» – тех понятиях, которые были близки самому П.М. Бицилли и которые имели для него глубокое концептуальное значение. Во всяком случае «дискретность» в «наставничестве» не умалила возможности воспринять *лучшее* у своих наставников, но именно только то, что органично совпадало с индивидуальными качествами – «мироощущением» и «мировосприятием» – самого Петра Михайловича Бицилли.

Признание многообразия влияний рождает особую манеру Бицилли-/историко-/писателя – *манеру повторов*. Повтор может быть плагиатом, но может приобретать и иную – индивидуально-творческую форму. В текстах ученого множество повторов, которые часто предстают как «цитации». Это – своеобразное «сквозное самоцитирование», которое можно наблюдать от его работ одесского периода до последней рукописной работы («У истоков русской общественной мысли», 1948).

В многожанровых текстах чередой проходят одни и те же слова, обороты, цитаты, образы, идеи, постулаты и т.п. Значительный блок повторов, пронизывающий практически все творчество ученого, это – идеи П.М. Бицилли, которые, по сути, составляют его теоретико-методологическое кредо.

Среди перманентно повторяющихся идей:

- любимая П.М. Бицилли мысль Б. Кроче: всякая подлинная история есть *современная* история
- историк, желающий истолковать прошлое объективно и беспристрастно, «все же видит это прошлое под своим углом зрения»
- «Исторический процесс – результат действия комплекса разнородных, иной раз случайно совпадающих факторов»
- «Всякая периодизация по необходимости условна <...> но обойтись без периодизации невозможно...»
- «...нельзя не считаться с законом “полярности”, обуславливающим известную общность <...> различных тенденций...»
- «Исторический процесс подчинен закону ритма. Он представляет собой чередование моментов подъема и спуска, одержимости верой в осуществимость известных идеалов и отрез-

вления, охлаждения, прилива энергии и усталости, отказа от напряженной деятельности»

- «История культуры – это история борьбы “elite”, “избранных” людей с “массовым человеком”, реакция против общепринятого, становящегося в силу этого рутиной, ведущей к опошлению; а вместе с тем “избранный человек” является до известной степени сам продуктом своей среды, его творчество отражает исходящие от нее влияния не только, так сказать, негативно, но и позитивно»
- историческая жизнь исключительно сложна, что «затрудняет возможность обобщений»: историк должен учитывать «факт постоянного перерождения всех сторон исторической ткани»
- в изучении истории П.М. Бицилли на первый план выдвигал «общий дух Культуры», анализ которой в «конкретных проявлениях – в *вещах* и в *людях*» – и есть смысл исторического познания; никаких иных «причинно-следственных отношений в реальной истории», кроме отношений между вещами и людьми (при этом: люди – «причины», вещи – «следствия») для П.М. Бицилли «не существует», поэтому «увидеть живых людей, усмотреть их отношение к великим историческим достижениям» – должно составлять главную цель историка, если он стремится понять Культуру в «ее *жизни*» и в «ее развитии»
- позиция ученого со времен «Салимбене» (1916) не менялась: «Какую бы отрасль истории мы ни изучали, – в конечном анализе исторических явлений мы всегда приходим к отдельной личности. Личность есть в конце концов единственный реальный фактор исторического процесса»
- поиски «единого, единственно “научного” критерия» – это непонимание «истинной природы исторических *individua*»; любой творческий акт – «*единый*» и абсолютно «неповторяемый», поэтому все созданные образы истории правильны со своей точки зрения – в зависимости от избранной «дистанции»
- идея «свободного развития духа» предполагает в истории «иррациональное начало», или *случай*
- необходимо периодически «подвергать пересмотру» исторические понятия, т.к. историк может «впадать в заблуждение», поскольку со временем понятиям начинают приписывать «абсолютное значение»; кроме того, «правильность» или

«ложность» научных понятий зависит «от избранной точки зрения», от степени соответствия этих понятий действительности и, наконец, содержание понятий постоянно меняется

- «длительных моментов» в истории нет, «поэтому возможен только «синтез “момента”», при этом, чем обширнее охватываемый синтетически «кусок» истории, тем «скуднее и синтез»
- «История есть наука о том, что в человеческой жизни *происходило* – и *происходит*, – и о том, что крылось и кроется – в человеческом сознании за происходившим и происходящим, наука о *событиях* и об обуславливающих их *тенденциях*. В своем первом аспекте историческая наука, к сожалению, должна быть признана весьма неудовлетворительной. Историк не может заставить себя ограничиваться регистрацией событий, он добивается ответа на вопрос, *почему* что-либо происходило. Но для ответа на этот вопрос он не в силах воспользоваться единственным необходимым для этого методом – экспериментации. Всякое историческое событие – результат ряда причин, и мы не знаем, состоялось ли бы оно или нет, если бы хотя бы одной из этих причин не было <...> В более благоприятном положении находится историк тенденций. Ибо тенденция есть результат действия не случайных "событий", а более или менее длительных, а то и постоянных факторов; они сказываются во множестве проявлений самого различного свойства, между которыми, однако, вглядываясь в них внимательно, историк может уловить известную общность, а тем самым и открыть саму тенденцию» и т.д.

В многочисленных рецензиях П.М. Бицилли – повторяются, варьируются его стрелковые мысли: памятник литературы – «культурно-исторический источник»; «голос времени» – аналог «духа эпохи»; «история всякого искусства есть история “влияний”», что и порождает «диалогичность разнообразных ладов» и «философский диалог» в целом и т.п.

«Повторы» для П.М. Бицилли – это не тривиальная «переброска» удачных фраз и мыслей из одного текста в другой. Это – осознанная акцентуализация определенных, особо важных для его «мироощущения» и «мировосприятия» (терминология ученого) идей.

Возможно, сама идея *повторов* родилась (или утвердилась) у П.М. Бицилли под влиянием осмысления им творчества Леонардо

да Винчи и музыкальных приемов И.С. Баха.

Анализируя творчество Леонардо да Винчи, П.М. Бицилли обращает внимание на то, что «Для Леонардо вообще характерно повторение одних и тех же мотивов, жестов, образов, повторение художественного эксперимента»¹.

«Многоголосие» в поэзии сопоставимо у П.М. Бицилли с понимаем «голосов» в музыке: «...одна черта музыки, одна ее могучая “возможность” – *возвращение* темы». Говоря о Бахе, он отмечает появление новых «смыслов» в его фугах благодаря «множеству повторов» одной «примитивной мелодии»: в результате того, как «проводится» первоначальная мелодия через множество «голосов», усложняется и обогащается первоначальный «смысл», – достигается совершенство². Таковы «перекличка», «диалог», «многоголосие» и в поэзии, и в искусстве в целом³.

В связи с этим П.М. Бицилли особо выделяет категорию *ритм*. «Поскольку всякая жизнь подчиняется ритму и поскольку диалектика есть закон жизни, ритм *есть* диалектика», – пишет он, ссылаясь на Андрея Белого. П.М. Бицилли согласен с поэтом и в том, что ритм – ключ к пониманию «скрытого смысла поэтического произведения»⁴.

Чередование переживаний, «ускорения и замедления жизненного потока и его художественного отображения» – все эти *ритмочередования* подчинены «какому-то закону, создающему единство в многообразии» и представляют собой как основу жизни, так и основу всякого искусства: «Без ритма нет искусства, как нет и жизни...», любое произведение искусства – это «*система*», в которой все элементы выполняют «ритмообразующую функцию», находясь между собой «в отношении взаимодействия»⁵.

«Закону ритмичности подчинены не только истории отдельных государств, но и вся история человечества», – убежден П.М.

¹ Бицилли П.М. Место Ренессанса в истории культуры / Сост., предисловие и комментарии Б.С. Кагановича. СПб.: Мифрил, 1996. С. 78.

² Бицилли П.М. Похвала музыке // Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 498.

³ Повторяющиеся темы и сквозные мотивы характерны для символистов – А. Блока и А. Белого, творчество которых очень ценил П.М. Бицилли.

⁴ Бицилли П. Андрей Белый. Ритм как диалектика. Москва, 1929 // Там же. С. 436.

⁵ Бицилли П. Пушкин и проблема чистой поэзии // Там же. С. 95.

Бицилли¹. «Закон ритма» для него – закон «самой жизни»². И человек для П.М. Бицилли мыслится как «музыкальный тон или как мелодия», «голос». Отношения между людьми он видит в аллегорическом романе, в «Божественной комедии», в «мистерии» Средневековья, в комедии и трагедии Ренессанса – все это соответствует отношениям «между отдельными голосами полифонического музыкального произведения той же поры»³.

Ремарка-дополнение: О «ритме» – пунктиром. Античная культура подарила идею *ритма* как основы универсума. Средневековье стало очередным этапом в осмыслении этого понятия как организационно-упорядочивающего, природосообразного начала: *Фома Аквинский* (1225-1274), не порывая с традицией Аристотеля, представил философско-теологическое понимание ритма, сформулировав пять доказательств существования Бога, в которых ритм выступал как основа материи, движения и развития. По пути Возрождения *Николай Кузанский* (1401-1464) создал образ Вселенной, обладающей универсальным пространственно-временным ритмом: его картина мира – сложносоставная – включала микрокосм (Человека), большой мир (универсум) и великий мир (Бога), соединенных единым ритмо-законом. Новое время ограничило понятие *ритм* музыковедческой и литературоведческой сферами. В философский дискурс концепт ритм ввел *А. Шопенгауэр* (1788-1860), который в границах философии искусства рассматривал ритм как выразительное средство поэзии, признавая в то же время, что склонность к *повторению* [курсив мой. – Т.П.] – неотъемлемое свойство человеческого внимания / сознания. Для *А. Бергсона* (1859-1941) ритм – эстетический феномен, в искусстве – средство внушения определенных душевных состояний, переключающих человека в сверх- или субличностный регистр, провоцирующий эффект ритмического резонанса⁴.

¹ *Бицилли П.М.* Место Ренессанса в истории культуры / Сост., предисловие и комментарии Б.С. Кагановича. СПб.: Мифрил, 1996. С. 113.

² *Бицилли П.М.* Возрождение аллегории // Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 447.

³ *Бицилли П.* Жизнь и литература // Там же. С. 477.

⁴ *Бергсон А.* Творческая эволюция. Материя и память. Пер. с фр. Минск: Харвест,

Понятие ритма пронизывает все творчество *Андрея Белого* (1880-1934)¹: от идеи связи музыкального ритма и поэзии (этап «Симфоний»²) до выделения темы ритма в самостоятельный дискурс, содержащий синтез различных сфер – теоретических, художественных, научных и жизненных: концепту *ритм* свойственно то, что его «составляющие делаются в нем неразделимыми» («Лирика и эксперимент», 1909). Концептуальная определенность ритма в том, что он превращается в философский феномен, выходит за границы *стихо-творения* и распространяется на культуру в целом. Ритм, согласно Белому, фрактален, процессуален, *незавершаем* в принципе, неуловим, неповторим, случаен, вероятностен; он «генерирует случайность в языке, будучи сам случайностью»; это – непрерывное *дление*, становление как таковое («Ритм как диалектика и “Медный всадник”», 1929). А. Белый связывает ритм с цивилизацией и культурой, с самой жизнью в целом: «Ритм – не абстрактная формула, а нахождение в многообразии процессов некоторого единообразного начала, организующего эти процессы», а «культура – внешнее выражение ритма» («Ритм и действительность», 1924)³.

Наследие всех означенных фигур играло значительную роль в творчестве П.М. Бицилли: «Ритм есть *диалектика* творческого, как и всякого жизненного процесса (формула Андрея Белого), та *coincidentia oppositorum* во Всеедином, о которой говорит Николай

1999. С. 681-684.

¹ Отношение к символизму и к Андрею Белому у П.М. Бицилли было неоднозначным. Признавая заслугу символизма, выступившего против «академизма» (как «традиционализма», консервации «общих мест», канонизации литературных трафаретов), ученый критически отнесся к символистскому кредо: слово – «ключ к постижению вещи»; метод символистов – «исследование *явных* соотношений между словами» заводит, по его мнению, «в тупик»: слова надо воспринимать «в контексте», поэтому «уравнение А. Белого – “человек = чело век” – просто чепуха»; только «изучение *явных* соотношений *вещей* приводит, заключает ученый, к разумению *тайных* соотношений *слов*» – «к словесному искусству» («Бунин и его место в русской литературе», 1931).

² См. *Белый А. Симфонии* [вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. А.В. Лаврова]. Л.: Худож. лит., 1991; См. подробнее: *Лавров А.В.* У истоков творчества Андрея Белого («Симфонии»). URL: https://rvb.ru/20vek/belyi/symph_intro.htm

³ *Андрей Белый. Ритм и действительность*. URL: http://dustyattic.ru/culture/red_book_of_culture/rithm_of_life См. подробнее: Ритмология культуры: очерки / ред. Ю.Ю. Ветютнев, А.И. Макаров, Д.Р. Яворский. Санкт-Петербург: Алетейя, 2012; *Фещенко В.В.* Лаборатория голоса: Языковой эксперимент в авангардном творчестве. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 191-193 и др.

Кузанский. Без ритма – нет искусства, как нет и жизни...»¹.

Не исключено, что идея *ритма* у П.М. Бицилли в широком диапазоне – как «ключа» к пониманию «духа» авторского замысла в поэзии и музыке до «закона искусства» в целом и «закона жизни» наряду с манерой *повторов*, с *возвращением темы*, неразрывно связанных с «законом ритмичности», – явилась результатом *влияний*, получивших свое преображение в работах ученого.

* * *

Наряду с идеей «влияния», которая у П.М. Бицилли имеет почти универсальный характер («сходство есть результат влияния»), ученый отмечает как «редчайший случай» и факт *сходства* = *созвучия*: прочитав книгу Ф. Визера *Das Gesetz der Macht* («Закон власти», 1926), он признается в том, что нашел в ней «целый ряд своих собственных мыслей и наблюдений, подчас почти буквальных совпадений». Утверждая, что «каждый продукт культуры – *individuum*, столь же единственный и неповторимый, как и его создатель», Петр Михайлович обращает внимание на возможность «творческих совпадений», на «сходство» между «продуктами культуры, возникшими совершенно независимо один от другого» [курсив мой. – Т.П.]. По его мнению «...есть же нечто, объективно нам данное, без чего невозможна была бы и наука, и – при всем разнообразии научных индивидуальностей, – есть нечто, так или иначе роднящее между собой все самые разнообразные по своей логической природе, по “направлению”, по тенденциям, “подходы” к той или иной проблеме, к той или иной объективной данности»².

Речь в данном случае идет об «интерсубъективности» – из глобальных смысловых категорий, имеющих длительную философскую традицию и многообразие интерпретаций (Э. Гуссерль. М. Хайдеггер, Х.Г. Гадамер, Х. Ортега-и-Гассет, Ж. П. Сартр, П. Рикёр и др. и др.).

Не снимая проблем интертекстуальности / созвучий / влияний

¹ Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 95.

² См.: Бицилли П.М. Историософские идеи Фридриха Визера // Петр Михайлович Бицилли. Избранное: историко-культурологические работы. / Сост., подг. текстов и коммент. Т.Н. Галчевой, Г.П. Петковой, Хр. П. Манолакева. Вступ. ст. Т.Н. Галчевой. Том первый. София: Изд-во на Мин-во на отбраната «Св. Георги Победоносец»; Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 1993. С. 138; Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 369.

/ шаблонов / плагиатов и проч., будем признательны тому факту, что «Возвращение к Бицилли» акцентирует наше внимание (помимо идеи неизбежной преемственности «родимых пятен») на известный в истории науки факт специфики / закономерности познавательного процесса, фиксирующий *параллельность творческой мысли*: ученые приходят к одним и тем же идеям и открытиям независимо друг от друга, вне каких-либо коммуникационных форм, вне временных и пространственных границ, вне «общих» источников (тем более – используя их), «единых» научных школ и традиций.

Научная мысль – интересубъективна в своей логической ипостаси и сугубо индивидуальна в своем изображении.

P.S. Идея *влияний* для П.М. Бицилли – основополагающая для понимания «исторической жизни», поэтому *история влияний* во всем их многообразии должна составлять «основную задачу истории культуры». Главный вывод, к которому приходит Петр Михайлович, утверждая тезис о «влияниях»: «*Всякая культура есть совокупность индивидуальных творческих усилий*» [курсив мой. – Т.П.].

Идею «влияний П.М. Бицилли можно рассматривать как предтечу целого комплекса идей, которые составляют методологический каркас современной науки:

- идея «сетевого анализа»
- идея «интертекстуальности»
- идея «интерсубъективности»
- идея «культурного трансфера»
- идея «когнитивно-исторического анализа»
- идея «культурной и научной интерференции» и др.

Одновременно, пользуясь формулой Рэндалла Коллинза «глубокие затруднения» (это – ситуация, в которой само решение проблемы с многообещающими результатами, провоцирует новый «слой» проблем), можно сказать, что *Петр Михайлович Бицилли* принадлежит к плеяде мыслителей, порождающих «глубокие затруднения» для нашего времени.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ ПЛАТО НА «ТЕРРИТОРИИ ИСТОРИКА»: из наследия П.М. БИЦИЛЛИ

...многое из того, что волнует нас сегодня,
совсем неплохо осознавалось в прошлом,
но только в совершенно ином мыслительном материале.
Э.Ю. Соловьев

...можно лучше понять историю, если знать,
что сделали исследователи до нас.
Г.П. Мягков ¹

Наследие Петра Михайловича Бицилли, несмотря на «плотное» освоение его трудов в последнее десятилетие, по-прежнему представляет для нас еще во многом *tabula rasa*. Огромный диапазон дисциплинарно-проблемной структуры его исследований, жанровое многоцветье его работ, нестандартность его подходов к построению текстов, парадоксальность его суждений – все это создает определенную сложность в постижении «бициллиевых материалов».

Формула «территория историка», введенная в свое время Ле Руа Ладюри и получившая распространение в нашем научном ареале благодаря А.Я. Гуревичу, широко используется в современной литературе². Это довольно емкое понятие можно насыщать множеством смыслов.

В контексте данной статьи *территория историка* – это личностное и профессиональное пространство П.М. Бицилли, которое трансформировалось в его тексты (приватные, научные, литературоведческие и проч.), отражающие, как говорил сам ученый, «психею» их автора.

---

¹ Мягков Г.П. «Все начинается с учителя». Интервью с Г.П. Мягковым // Мир историка: историографический сборник / [ред.-кол.: В.П. Корзун (отв. ред.), С.П. Бычков (отв. ред.), Н.Н. Алеврас и др.]. Вып. 12. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2019. С. 459.

² Алеврас Н.Н. Историографический текст как эго-документ: к постановке и обсуждению подхода // История в эго-документах: Исследования и источники / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: Издательство «АсПУр», 2014. С.48-49; Репина Л.П. История регионов, или «Территория историка» после пространственного поворота // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М.: ИВИ РАН, 2019. Вып. 69. С. 5-16.

П.М. Бицилли, наследие которого полидисциплинарно по диапозону проблематики и интердисциплинарно по ключевому методологическому подходу, признавал *Историю* – «царицей наук». Профессиональный историк, П.М. Бицилли блистательно решал сложнейшие исследовательские проблемы в области филологии и лингвистики, философии и культурологии, социологии и политики именно благодаря своему историческому стержню.

«Территория историка» П.М. Бицилли – многообразна, однако даже в первой степени приближения к наследию ученого, можно сделать вывод о том, что в ее пределах отчетливо выделяется *историографическое плато*.

В современной исследовательской литературе «переднего края» предмет историографии / истории исторической науки не имеет канонического определения – его интерпретация зависит от подхода к восприятию этого знаниевого поля:

- науковедческого / дисциплинарного
- антропологического
- лингвистического
- культурологического
- коммуникативного
- мемориального и др.

В соответствии с этим конструируются определенные образы историографии, что детерминирует их «территорию» – границы и содержание.

В контексте темпорально-пространственных модификаций историографии как важнейшей области исторического знания представляется важным осмысление опыта наших предшественников, среди которых – П.М. Бицилли.

* * *

Бициллиевый «Клио-гlossарий» – круг понятий, покрывающий разнообразие того неисчерпаемого, что можно определить по имени музы истории, включает несколько лексем:

- «история»
- «историография»
- «историческое ведение»
- «историческое понимание»

- «история истории»
- «история историографии» и др.

Одним из ведущих маркеров завершения институционального процесса исторической науки явилась дисциплинаризация ее рефлексивных составляющих – *истории истории* и *теории истории*. Дидактический лик новых рефлексивных дисциплин получил широкое распространение в учебной практике университетов Российской империи второй половины XIX и особенно – начала XX вв. Среди наименований курсов по «истории истории» превалировал термин *историография*, дублирующий самоназвание родовой дисциплины истории, одновременно практиковалась формула *история историографии*.

П.М. Бицилли в одесский период своей деятельности в Новороссийском университете подготовил специальный курс «История историографии» (1917). Позже, в эмиграции, он читал этот курс в университетах в Скопье и Софии. Не исключено, что разработка этого курса была связана с началом подготовки докторской диссертации, материалы к которой ученый, возможно, вывез из Одессы в эмиграцию и в дальнейшем использовал для создания «Opus magnum» (Б.С. Каганович) – «Очерков теории исторической науки» (Прага, 1925).

Термин «историография» П.М. Бицилли в соответствии с общеевропейской традицией, истоки которой в XVIII веке, употреблял как синоним исторической науки.

«*История историографии*» для него – это история исторической науки, процесс исторического познания, который неразрывно связан с теоретическим осмыслением истории, с совершенствованием методологии исторических исследований.

На историческое мировоззрение П.М. Бицилли, в том числе на его терминологию, значительное влияние оказало творчество Бенедетто Кроче. Вполне вероятно, что П.М. Бицилли уже был знаком с первым, немецкоязычным изданием Б. Кроче «Теория и история историографии» (1915), когда приступал к разработке собственного курса по истории истории.

Доминантной линией в творчестве П.М. Бицилли была *история идей*, анализ интеллектуального наследия: его в первую очередь интересовала *историческая мысль*, поэтому источниковую базу его работ составляют преимущественно нарративные источники в различных жанрах – научных и прочих; в его работах прак-

тически отсутствует документальный материал.

Историческая наука в восприятии П.М. Бицилли (в соответствии с преобладанием когнитивного образа науки в этот период развития «наукovedческих» исследований) представляла как процесс исторического мышления, запечатленный в научных трудах.

Историографическое пространство¹ П.М. Бицилли – полижанрово, многоформатно и сложно структурировано.

Направленность его интересов включает:

- историю науки
- историю исторической мысли
- историю форм исторического понимания
- проблемную историографию
- анализ нарративных источников
- биоисториографию и др.

По жанрам (видам публикаций) это:

- историографические преамбулы
- заметки
- экскурсии
- историографические вставки
- отзывы
- примечания
- рецензии на исторические труды
- био-этюды и проч.

«Историографический стержень» по содержанию ведущих проблемных линий и по форме исполнения и акцент на теоретические вопросы исторического исследования характерны для очень многих работ П.М. Бицилли.

История / историческая наука – объект пристального внимания П.М. Бицилли. В статье «Кризис истории» (1935), произведении историографическом и философском одновременно, автор, осмысливая ход научной истории, выделяет XIX век как век Истории: в это время историческое знание сложилось как особая область «ведения», заняв в Европе особое, «почетное место в ряду наук».

Но для своего времени П.М. Бицилли констатирует кризис истории – «История вступила в состояние кризиса», который характеризуется, по его мнению, рядом позиций:

---

¹ Термин «историография» изменяет в статье свое содержание в зависимости от контекста.

во-первых, историки уже не пишут «всеобщих историй», историческая наука вырождается в микрографию;

во-вторых, история перестала быть «залогом веры в “лучшее будущее”»;

в-третьих, средний человек / читатель уже не может назвать ни одного имени из современных ему историков – история теряет популярность;

в-четвертых, для всех стало ясно, что «никакой собственной цели» процесс истории не имеет;

в-пятых, историческая наука перестала быть «верховой наукой».

Однако наличие кризиса, считает П.М. Бицилли, совсем не означает того, что историография «пришла в упадок», «выродилась».

Напротив, по его мнению, историческая наука стала «строже, трезвее, глубже, тоньше, свободнее», нежели она была в XIX веке. Для «способного размышлять» историка его наука – «только путь, подводящий к метаистории».

В этой стратегической модификации науки истории – *метаистории* – П.М. Бицилли видит «двойной смысл».

Во-первых, «метаистория» – это «область исторического ведения», и задача исследователя: «выделять в смене событий, направлений, вкусов и навыков постоянно действующие в своем *чередовании духовные тенденции*» [курсив мой. – Т.П.].

Во-вторых, «метаистория не только область ведения, но и особый план бытия, в котором живут воплощенные в их сознаниях и тем для нас бессмертные души тех людей, которых мы, быть может, никогда не видали, которые могут быть отделены от нас тысячелетиями, но без которых мы самих себя, раз соприкоснувшись с ними, представить уже не в силах; которые в этом смысле для нас реальнее иных из наших современников и сограждан, может быть, – нас самих»¹.

Ремарка-info. П.М. Бицилли ссылается на ряд работ о кризисе истории «замечательного испанского мыслителя» [определение П.М. Бицилли. – Т.П.] *Эухенио д'Орса* (1881-1954), каталонского философа, писателя, журналиста, литературного и художественного критика, крупнейшего интеллектуала фран-

---

¹ Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С.494.

кистского режима, который формировал и проводил его культурную политику. Первое значение «метаистории», уточняет П.М. Бицилли, принадлежит д'Орсу и «другим теоретикам культуры».

Кризисное состояние исторической науки требует обращения к ее истории, между тем, констатирует ученый, развитие *истории истории* существенно отстает от «истории романа», т.е. истории / историографии литературы¹.

Историческое понимание в научном мировоззрении П.М. Бицилли занимает ключевое место. Обращаясь к *истории исторического понимания*, ученый выделяет в его развитии три стадии:

- «наивный реализм»
- «историческая метафизика»
- «критический реализм» – современный этап.

Третий вид исторического понимания, по мнению П.М. Бицилли, – «лучшее наследие романтики и германской философии духа начала прошлого века [XIX в.] – получило свое самое блестящее теоретическое выражение в трудах Дильтея, Кроче и Фосслера <...> Оно стоит в несомненной духовной связи с такими общественно-политическими течениями, каковы философия Джеймса и Бергсона». Именно «новое» историческое понимание выдвинуло *новую* проблему – идею «творческой самобытности каждого реального агента исторического процесса, т.е. единичной личности»².

Переход к новому историческому пониманию, считает П.М. Бицилли, обозрим на примере эволюции исторической тематики в границах от начала XIX века до начала XX века: «всемирная история», «история человечества» вытесняются монографиями и произведениями, посвященными отдельным культурам, народам, событиям и моментам, и уже не составляют «славу и гордость современной исторической науки».

Ремарка-мнение. Отсутствие многотомных сочинений в творчестве П.М. Бицилли (причины в литературе определяют по-разному), возможно, связано и с осознанием ученым современной ему тенденции в развитии исторической науки – переход от «эпохальных» трудов к конкретно-тематическим

¹ Там же. С. 489.

² Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 38-40.

исследованиям преимущественно в монографической форме. Опасения, что историческая наука «погибнет от микрографии», П.М. Бицилли не смущает (хотя он и различает понятия «детализация» и «микрография»: первое – обязательное условие исторического исследования, второе – «в смысле занятия пустяками»).

Оценивая новый уровень в движении исторической науки на этапе «критического реализма», П.М. Бицилли обращает внимание на то, что «*современная историография*» начала «сознавать самое себя как науку» [курсив П.М. Бицилли. – Т.Н.]. Значение этого «самосознания» не только в формировании теоретико-познавательной области, но это «самосознание» исторической науки развивается «параллельно» с самой наукой и таким образом «служит хорошим показателем этого развития»¹.

История понятий органично входит в историографическое пространство ученого. История для П.М. Бицилли – наука, и историк-ученый должен следовать определенным нормативам исследовательской работы, иметь четкое представление об инструментарии своей науки и границах ее научных возможностей.

Историческая наука как определенная форма познания самодостаточна, обладая своим языком – категориальным аппаратом. Задача истории как науки – «охватить действительность понятиями»².

При этом П.М. Бицилли, пользуясь множеством понятий – «стадия», «тип», «стиль», «ценность», «прогресс», «человечество», «нация», «раса», «культура», «цивилизация», «среда», «эпоха», «культурный момент» и проч. и проч., – всегда подчеркивал полисемантическую их употребления в разных дисциплинах и у разных авторов: «одни и те же термины нередко покрывают различные содержания»³.

Разночтения в терминологии приводило к «двусмысленности» и обрекало на относительность этих важных «эвристически-вспомогательных» средств.

Одновременно П.М. Бицилли обращал внимание на «историчность этих понятий». Все это требовало, по мнению ученого, периодически «подвергать пересмотру» исторические понятия, раскрывать основы их гипостазирования, анализировать их эво-

¹ Там же. С. 282-283.

² Там же. С. 348.

³ Бицилли П.М. Место Ренессанса в истории культуры / Сост., предисловие и комментарии Б.С. Кагановича. СПб.: Мифрил, 1996. С. 11.

люцию, поскольку «правильность» или «ложность» научных понятий зависит «от избранной точки зрения», от степени соответствия этих понятий действительности.

Историографические постулаты у П.М. Бицилли не имеют канонического оформления, в его текстах сложно найти абсолютно завершённый фрагмент, в котором бы отчетливо были определены правила историографического анализа. Мысли ученого, его идеи, сфокусированные на эту проблематику, рассыпаны по многим произведениям, повторяясь и тиражируясь, акцентируя важные для его понимания основы историографического подхода.

П.М. Бицилли сформулировал ряд критериев историографического анализа, среди которых идея плюрализма:

- поиски «единого, единственно “научного” критерия» – это непонимание «истинной природы исторических *individua*»¹
- любой творческий акт – «*единый*» и абсолютно «неповторяемый», поэтому все созданные образы истории «правильны» со своей точки зрения – в зависимости от избранной «дистанции»².

Если «динамическая точка зрения» преобладает в построениях всемирно-исторической истории, сохраняя свои позиции в историографии, то «статическая точка зрения» проявляет себя в новейших «образцовых произведениях», посвященных истории культуры.

Несмотря на то, что для П.М. Бицилли в большей степени была близка идея исторической статики и эстетико-индивидуализирующего анализа, он, как глубокий исследователь исторической мысли, вынужден был признать: эти научные точки зрения, взаимно исключаящие одна другую, эти *полярные* подходы к истории одинаково законны и представляют собой «пределы», между которыми «обречена – назад и вперед – двигаться историческая мысль», задерживаясь то на одном полюсе, то на другом в зависимости «от множества приводящих, посторонних условий»³.

Кроме того, при всех своих усилиях историк никогда не сможет «устранить свой собственный личный коэффициент, и потому всякая историческая концепция обязательно будет более или менее субъективна», ибо нельзя утверждать, что получившаяся при кон-

---

¹ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Канановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 347.

² Там же. С. 335.

³ Там же. С. 221-222, 315, 348.

кретном угле зрения «историческая перспектива является “единственно правильной”». В этом плане ученый-историк «*никогда не стоит*» на «почве объективности»: нельзя «приписывать своим предварительным концепциям окончательное значение»¹ [курсив П.М. Бицилли. – Т.П.].

П.М. Бицилли – «теоретический плюралист», каким и должен быть историограф / историк науки, допускающий параллельные построения одного объекта (каждое из которых верно в своих координатах) и *не* признающий категоричной однозначности выводов.

Для П.М. Бицилли «старое» и «новое» историческое понимание – это два полюса исторического восприятия, две «в одинаковой мере» присущие сознанию тенденции, связанные между собой, существовавшие всегда, как только появилась «историческая рефлексия», но «с особенной силой» вскрывшиеся / проявившиеся «в наш “исторический век”».

Именно в этот «исторический век», современный П.М. Бицилли, история стала самостоятельной дисциплиной в системе идиографических дисциплин, и ее рефлексивная составляющая – *история историографии* – нацелена на осознание природы исторического мышления через анализ «разнообразных модификаций исторической мысли в процессе ее развития» на основе анализа исторических трудов².

Антиномия историзма – противоречие между «реальной» и «письменной» историей, между реальным историческим процессом и его «изображением» в историографии, его «историографическим образом» – доминантная тема П.М. Бицилли, проходящая сквозь множество его трудов. Эту проблему ученый неразрывно связывал с проблемой «исторического синтеза».

Проблема *исторического синтеза* составила, по определению самого П.М. Бицилли, «главное содержание» «Очерков теории исторической науки» – важнейшего труда ученого, наиболее полно выразившего его «мировосприятие» и «мироощущение» [«сквозная» терминология П.М. Бицилли. – Т.П.].

П.М. Бицилли – противник глобальных исторических поло-

¹ Бицилли П.М. Салимбене (Очерки итальянской жизни XIII века) // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. / Сост. Ф.Б. Успенский; Отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. С.239.

² Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С.41-42.

тен. По его мнению, «никакой собственной цели» *процесс истории* не имеет, поэтому различные схемы всемирно-исторического процесса, предложенные в историографии и проанализированные ученым, по сути – телеологические, тогда как «историческая жизнь» исключительно сложна. Историк должен учитывать «факт постоянного перерождения всех сторон исторической ткани», «текучесть» истории, поэтому, чем обширнее охватываемый синтетически «кусок» истории, тем «скуднее и синтез»; все это «затрудняет возможность обобщений».

П.М. Бицилли убежден: «возможен только *«синтез “моментов”*», при этом историк должен стать *историком тенденций*: «ибо тенденция есть результат действия не случайных "событий", а более или менее длительных, а то и постоянных факторов; они сказываются во множестве проявлений самого различного свойства, между которыми, однако, вглядываясь в них внимательно, историк может уловить известную общность, а тем самым и открыть саму тенденцию».

Решение проблемы синтеза в «Очерках» автор осуществил в контексте анализа основных направлений исторической и философской мысли в Европе, эволюции исторического понимания и «воспроизведения» прошлого. Таким образом, построение «Очерков» сам ученый рассматривал в ключе *истории историографии*.

Своеобразием индивидуального почерка Бицилли-ученого, представителя науки истории, является его обращение к разным видам познавательной деятельности – научному и «не-научному», к различным формам, в которых воплощалось постижение истории: исследовательским работам, произведениям искусства, литературным шедеврам, музыке.

Источниками для «Очерков» стали как классические произведения, начиная от Геродота и Фукидида, так и новейшие (начало XX века) труды европейских исследователей (включая и Россию) по истории, философии, социологии, истории искусства, литературы, науки и проч. Около пятисот имен – знаменитых писателей, ученых и мыслителей, художников и композиторов, а также малоизвестных авторов, привлечших внимание П.М. Бицилли, «вошли» в страницы Книги.

Противник теорий «прогресса» (в любой модификации), П.М. Бицилли «свободно» общается с творцами и их идеями вне временных рамок ступенчатой пирамиды, не нарушая и не игнори-

руя при этом специфику эпох, «духа» и «стиля» конкретных периодов. Особенностью подхода Петра Михайловича к анализу идей своих предшественников и современников является научная корректность и одновременно творческая независимость от пиетета перед историографической репутацией.

Для него исключено «слепое» следование за признанными авторитетами. П.М. Бицилли не «цитирует», но досконально разбирает концепцию любого автора, выделяя, со своей точки зрения, важное, значительное, созвучное его убеждениям, и вместе с тем жестко критикуя те позиции, в которых видит противоречия, алогичность, недоказательность. «Критики» не избежали даже такие, почитаемые П.М. Бицилли, личности, как Г.В.Ф. Гегель, Э. Трельч, В. Дильтей, М. Вебер, Б. Кроче, А. Бергсон.

Для П.М. Бицилли не существует «магии» авторитета. Эта черта была присуща Петру Михайловичу еще в период его «академической молодости». Приват-доцент провинциального университета начинал свою публикаторскую деятельность с достаточно резких рецензий на книги известных ученых в западной и российской историографии.

Стилистика П.М. Бицилли своеобразна: его многие тексты больше напоминают поток мышления – стенографию мыслей, переплетение которых подчас предстает пульсирующим нарастанием все новых и новых идей, рождающихся в процессе мучительных раздумий над сакраментальным вопросом: как изучать историю и как писать историю?

В «Очерках...» – и по структуре с оригинальными «экскурсами», и по литературному «почерку» нет привычной строгости монографического изложения. Линии одной темы, разветвляясь, создают дополнительные узоры, возникающие от развертывания мысли; жестко, казалось бы, сформулированное положение подвергается вдруг критике и взрывается изнутри новыми пассажами, рождающими сомнение в уже логически завершенном дискурсе.

Это – не монолог автора, он лишь «ведет» означенную им тему в многоголосом хорале, подхватывая нужные ему – близкие ему по «духу» – мелодии и, восприняв их (не без коррекции, не прямо, а «пропустив» через свое критическое «я»), получив от них новый творческий импульс, предлагает очередную аранжировку главной темы.

Таким образом, сама стилистика П.М. Бицилли, его «манера

письма» по сути и по форме – *историографична*.

В литературе уже утвердилась оценка наследия П.М. Бицилли – «малоформатное». Творчество ученого действительно отличалось преимущественно в т.н. «малых формах» – это заметки, небольшие статьи, рецензии и т.п. Одно из относительно крупных трудов ученого – «Место Ренессанса в истории культуры» (1933). По глубине мысли и мастерству исторических характеристик, эта не очень большая работа «превосходит большинство написанных на эту тему объемистых трудов» (В.В. Вейдле)¹.

Стремление к целостному воспроизведению Ренессанса как культурной эпохи П.М. Бицилли решает в данном случае в *проблемно-историографическом ключе*. Структура работы – портретная галерея известных историков и мыслителей от Николая Кузанского до Бергсона и Шпенглера, представленных в разной степени фокусировки (более глубоко или легким, но точным мазком), – подчинена главной задаче: с позиций «исторической динамики» проанализировать эволюцию «духа» Ренессанса в творчестве и восприятии «героев» / объектов бициллиевского анализа.

В Предисловии к работе П.М. Бицилли пишет: «Вообще же, библиографических указаний я не даю, так как настоящая работа не преследует целей обзора событий или справочника. В некоторых случаях я не имел под руками подлинников, существующих в редких малодоступных изданиях, и мне приходилось делать ссылки, пользуясь переводами <...> Впрочем, я не думаю, чтобы это отразилось на моей работе неблагоприятно».

В Примечаниях к работе «Св. Франциск Ассизский и проблема Ренессанса» (1927) он уточняет: «Указания на литературу даны лишь в исключительных случаях: главным образом, там, где имело место прямое заимствование, или когда дело идет о *новейших работах*»².

Эти важные самокомментарии позволяют определить специфику подхода ученого к *историографическим источникам*.

В 1917 г. вышла небольшая статья П.М. Бицилли «Происхождение исторической науки и аббат Дюбо»³, в которой еще молодой

¹ Цит. по: Бицилли П.М. Место Ренессанса в истории культуры / Сост., предисловие и комментарии Б.С. Кагановича. СПб.: Мифрил, 1996. С. IX.

² Там же. С.6, 173.

³ Бицилли П. Происхождение исторической науки и аббат Дюбо // Исторические из-

ученый рассматривал вопрос о роли мыслителей конца XVII-XVIII вв. в становлении «идеи истории». Особенность этой историографической статьи в том, что П.М. Бицилли анализировал творчество аббата Дюбо не на основе первоисточника, а опираясь на работы Александра Ломбара (1810-1887), швейцарского историка.

Ремарка-уточнение. П.М. Бицилли позитивно оценивал тот факт, что развитие современной ему историографии и гуманитаристики в целом позволяло «использовать» исследования других ученых, не прибегая к тому, чтобы заново обращаться к эмпирически «сырому» материалу.

Историки, замечает П.М. Бицилли, обычно оставляют труд Ж.-Б. Дюбо – трактат «Критические размышления о поэзии и живописи» («Réflexions critiques sur la poésie et la peinture». Париж, 1719) – «в стороне». Причина, по его мнению, в том, что работа аббата Дюбо не соответствует рубрике «историография».

Между тем, убежден П.М. Бицилли, ссылаясь на исследования А. Ломбара, посвященные аббату Дюбо, мысли последнего дают историку ряд «откровений»:

во-первых, Ж.-Б. Дюбо «настаивал на необходимости изучать художественные произведения в связи с условиями времени их возникновения»;

во-вторых, он поставил вопрос о цикличности в развитии искусства – периодах «процветания» и «упадка»;

в-третьих, предпринял попытку дать периодизацию истории искусства.

Особая заслуга Ж.-Б. Дюбо, по Бицилли, в том, что он поставил вопрос *о происхождении* французской нации, определяя нацию как «исторический продукт», результат длительного процесса – «долгого взаимодействия племен и культур». Все это, считает П.М. Бицилли, свидетельствует «о настоящей революции исторического понимания» и о том, что Дюбо-историк одержал «победу» над Дюбо-публицистом.

Эта небольшая статья позволяет сделать главный вывод – в ней четко обозначены черты индивидуального почерка молодого историка, его идеи, которые получают развитие в эмигрантский период:

- корректная, но – критика *авторитетных* ученых

- критическая / историографическая направленность его взглядов
- междисциплинарный подход
- понимание отличия профессионала-историка от публициста и др.

Позже П.М. Бицилли включил в «Очерки» упоминание об аббате Дюбо, опираясь уже, как свидетельствуют ссылки, на оригинальное издание его трудов.

Среди «малых» историографических форм – *отзывы*. Историографичность мышления П.М. Бицилли наглядна в отзыве на «медальную» работу О.Л. Вайнштейна (тогда /1917-1918/ – студента III курса, непосредственного ученика ученого)¹.

Во-первых, тема, которую именно Петр Михайлович предложил своему подопечному (хотя официальным руководителем был Е.Н. Щепкин), – по *проблемной историографии* («Начало раскола во Францисканском ордене в освещении новейшей литературы»); во-вторых, замечания и достоинства работы, которые отметил П.М. Бицилли, указывают на его теоретическую, историко-научную / историографическую и источниковедческую фокусную направленность:

1/ «...автор ограничивается кратким пересказом результатов чужих исследований, не вникая в их методологическую ценность и не показывая, на чем собственно основываются их те или иные отдельные выводы»;

2/ автор «очень хорошо умеет разбираться в деталях вопросах критики источников»;

3/ свою позицию автор «доказывает при помощи детального анализа источников» [подчеркнуто П.М. Бицилли. – Т.П.];

4/ автор, характеризуя конкретные источники в отдельных «главках-этюдах», «не дал общей формулировки состояния вопроса о францисканской литературной традиции и не показал, как эволюционировали приемы исследования этих своеобразных источников»;

5/ автору свойственно «прекрасное знакомство с литературой вопроса и с источниками, а также хорошее умение... пользоваться приемами исторической критики» и др.

Рецензии П.М. Бицилли – особый пласт его творчества, особый жанр, которому он будет особенно верен всю свою творческую

---

¹ См.: Вольфун Л.Б., Галчева Т. Учитель и ученик: Отзыв П.М. Бицилли на сочинение О.Л. Вайнштейна // Средние века. 2016. Выпуск 77 (3-4). С. 162-175.

жизнь. На страницах одесских изданий он, молодой ученый, «оттачивал» свои *историографические миниатюры* – рецензии на новые исторические и историософские труды. Анализ этих рецензий позволяет говорить о направленности его интересов, которые четко обозначены переплетением нескольких составляющих: античность, медиэвистика, культурология, философия истории. Труды В.И. Герье, Л.П. Карсавина, Р. Трельс-Лунда, Ф. Польсена, В. Берара, И. Бердые, И.-Р. Лихтенберга, А. Флиша по сути – интердисциплинарны.

Именно это направление влечет П.М. Бицилли, тонко чувствующего новую эпоху в историческом познании и стремящегося к идее научного синтеза через рефлексию исторического понимания.

В эмигрантский период Бицилли-рецензент получил известность как серьезный *критик-литературовед*. По подсчетам М.А. Бирмана, только за софийский период П.М. Бицилли опубликовал 140 рецензий и отзывов. М.А. Васильева приводит слова Г. Струве: «Хотя он ни идейно, ни географически ...не был близок к редакции, им было напечатано с 1925 по 1940 год 30 статей и 75 рецензий (в отношении рецензий это был, кажется, рекорд для “Современных записок”...)». Этот факт свидетельствует об удивительной эрудиции П.М. Бицилли и о заинтересованности журнала в его публикациях. Рецензии П.М. Бицилли лишены «научообразия», обладают «ярким литературным стилем» и являются результатом «интенсивности научного поиска»¹.

П.М. Бицилли внес бесспорный вклад в рецензионное творчество – его рецензии на исторические и литературные произведения, начиная с одесского периода и до последних лет его научной деятельности, как справедливо сказал в свое время Г.В. Адамович – «трудно забыть...».

«Принципиальная особенность рецензий П. Бицилли, – считает Р. Мних, – состоит в том, что вместе с оценкой прочитанной книги он делится своими мыслями и идеями по поводу или в связи с прочитанным текстом»².

«Малая форма» множества публикаций П.М. Бицилли оценивается большинством авторов как некая особенность индивиду-

¹ Цит по: *Бицилли П.М.* Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 17.

² *Мних Роман.* Перекрестки культур в творчестве Петра Бицилли // *Opuscula Slavica Sedlensis*. Т. XIV. Петр Бицилли: диалог на перекрестке культур [Монография под редакцией Романа Мниха]. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2017. С. 11.

ального почерка ученого. Не отрицая этого факта, стоит обратить внимание на ситуационный фактор: распространение т.н. «малых форм», среди которых рецензии занимали значительное место, было специфично для публикаторской деятельности историков-эмигрантов в целом.

Это было связано в первую очередь с «издательскими трудностями»: ученые печатали свои работы в литературно-художественных журналах и даже газетах, что требовало соблюдения определенных норм, которые не были рассчитаны на «большой формат» серьезных исследований.

Именно условия эмигрантского научного бытия стимулировали рецензионную деятельность как разновидность литературно-критических и историографических трудов. Среди публикаций историков-эмигрантов преобладали историографические обзоры по периодам и персонам, рецензии на новые труды, юбилейные и некрологические речи и выступления¹.

Акцент на историографию и историографические публикации в «малых формах» был обусловлен рядом причин:

во-первых, отсутствие необходимых архивных материалов, специальной литературы, институциональная разобщенность или, напротив, интересы национальных исследовательских центров, с которыми сотрудничали некоторые историки-эмигранты, сыграло благоприятную роль для развития историографических штудий;

во-вторых, теоретико-методологический кризис, приобретающий перманентный характер, стимулировал обращение к историографическому анализу;

в-третьих, появление в первые десятилетия XX в. новых исторических школ и направлений, знаковых публикаций и т.п. провоцировали дискуссионность, а значит – «историографическую напряженность» («Школа исторического синтеза» Анри Берра, О. Шпенглер, евразийский «пласт», новейшие евроатлантические работы и т.п.);

в-четвертых, острая необходимость в осмыслении наследия российской историографии дореволюционного периода и осознании собственного статуса эмигрантской науки заставляла ученых (среди которых были историки «первой величины» – А.А. Кизе-

---

¹ См. подробнее: *Цепилова В.И.* Историографическое наследие русского зарубежья 20-30-х гг. XX в. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. Вып. 4. С. 213-226.

веттер и др.) фокусировать свое внимание как на творческом наследии прежних эпох, так и настоящего для них времени.

Этот контекст позволяет говорить о том, что «малые формы» в творчестве П.М. Бицилли не являются чем-то исключительным. Он работал в русле общей обстановки, в которой находилась «эмигрантская наука». Рецензии, литературно-критические опусы, историографические работы (отзывы, обзоры, заметки, портреты и проч.) и другие небольшие («малки творби») публикации, возможно, в значительно большем количестве, нежели у коллег, стали обыденной практикой научно-публикаторской деятельности ученого.

Рецензии П.М. Бицилли как «малая форма» историографического исследования никогда не повторялись ни содержательно, ни структурно. Обычный рецензионный шаблон – постановка темы, изложение мыслей автора, критический анализ / замечания, вывод – у П.М. Бицилли отсутствовал.

К примеру: П.М. Бицилли в своей рецензии («Современные записки», 1928) на книгу Г.П. Федотова «Святой Филипп, митрополит московский» (Париж, 1927) начинает с обоснования высокой оценки вклада автора в историографию. Данная книга явилась, по мнению ученого, «реакцией» на т.н. «“научную” трактовку истории», смысл которой в подведении «исторической реальности под отвлеченные категории формальных наук» – теории права, социологии, политической экономии.

П.М. Бицилли против «определяющих» понятий: «государственная необходимость», «боярская реакция», «государственное начало» и т.п.. в соответствии с которыми «живые» люди становились «носителями» т.н. «мнимых величин» и просто исчезали из поля зрения историка. Нельзя, согласно Бицилли, сводить «подвижничество» митрополита Филиппа к «феодальной реакции»: историческая реальность таким образом превращалась в «небольшое число *формул*». Г.П. Федотов, принадлежащий к петербургской школе историков, для которых целью было – «вернуть истории ее самостоятельное значение», *индивидуализирует* и самого Грозного, и Филиппа, и их время. П.М. Бицилли против «социологических» и «публично-правовых» обобщений, но – за *исторические обобщения*.

Далее П.М. Бицилли замечает, что *анализировать книгу не собирается* [курсив мой. – Т.П.], т.к. такую чрезвычайно увлека-

тельную и волнующую работу «должен прочесть каждый». В его фокусе – расхождения с автором, которые он четко формулирует.

Во-первых, Г.П. Федотов не увидел в Грозном прямого предшественника Петра Великого, о чем, с его точки зрения, верно написал Р.Ю. Виппер (*Vipper Р.Ю.* Иван Грозный. [М.]: Дельфин, 1922. 116 с.). По мнению рецензента, Г.П. Федотов «чересчур “снижает”» Ивана Грозного, между которым и Петром «напрашивается...параллель». Именно в том, что «два самых замечательных государственных человека старой Руси были великими грешниками и великими преступниками, приобретает значение тревожного и зловещего символа», П.М. Бицилли усматривает некую «закономерность» *русской государственной власти*.

Во-вторых, причину П.М. Бицилли оценивает как установление «режима “чрезвычайной охраны”» – «гражданскую войну», поднятую правительством против своих подданных. Аналогии с западноевропейской историей – неуместны, считает он, поскольку «то, что там было *исключением*, у нас было *правилом*» [курсив П.М. Бицилли. – Т.П.].

Тема, поднятая Г.П. Федотовым, для П.М. Бицилли была слишком болезненной – он не переставал думать о крушении своей страны, искать в прошлом истоки того, что произошло.

И здесь возникает понятие *ритм* – одно из важнейших в мировоззрении ученого: «Ритм русской истории складывается из чередования глубочайших нравственных падений и моментов раскаяния, просветления и подъема, длительного угасания идеи нации – когда “власть” и “народ” перестают быть “органами” *одного* организма, становятся внеположными, духовно глубоко чуждыми одна другой величинами, – и внезапного возрождения идеи “всей земли”»; – и эти смены столь резки, контрасты света и тени столь разительны, что невольно спрашиваешь себя, тот ли это самый народ сегодня, что был вчера, и ощущаешь с глубокой внутренней достоверностью незримое участие в его жизни каких-то сверхличных, противоборствующих в течение веков на попрание его истории злых и добрых сил».

В связи с этими мыслями, которые навеяла книга Г.П. Федотова, Петр Михайлович обращается к Ф.М. Достоевскому, считая его творения «самой проникновенной философией русской истории».

Итоговая оценка рецензируемой работы положительна в пер-

вую очередь благодаря своей близости к источникам: для рецензента этот факт служит доказательством того, «что сущность и историко-философский смысл рассказанной автором трагедии угаданы им верно»¹.

Рецензионное творчество ученого свидетельствует о том, что:
во-первых, П.М. Бицилли никогда не писал «по шаблонам», даже собственным – каждая из его рецензий представляет собой самостоятельное произведение и по форме, и по содержанию;

во-вторых, рецензия превращалась в средство интеллектуального заряда для внутреннего диалога и дискуссии, для открытия новых концептуально-методологических горизонтов собственного творчества;

в-третьих, рецензия становилась формой освоения огромнейшего массива разнообразных историографических и литературоведческих традиций;

в-четвертых, в рецензиях сохранялись «повторы» – наиболее важные для ученого мысли, которые приобретали новое звучание в каждом конкретном контексте;

в-пятых, в рецензиях рождался и шлифовался индивидуальный почерк историка – стиль изложения мысли и манера письма.

Ремарка-мнение. Мысли, высказанные П.М. Бицилли по поводу российской истории и методологии подходов к ее изучению, безусловно, интересны и заслуживают пристального внимания своими острыми наблюдениями и яркими оценками. Однако не стоит забывать:

- о субъективности любой научной позиции, как утверждал сам ученый,
- о морально-эмоциональной окраске текста – личностном восприятии Петром Михайловичем всей исторической картины,
- о том, что любой источник – «достоверен» лишь как интерпретативный материал,
- о законе маятника в колебаниях историографических полюсов, признаваемом самим П.М. Бицилли.

Историографический анализ П.М. Бицилли строит по аналогичной схеме с критическим анализом художественного произведения. Для того чтобы понять произведение, т.е. «выяснить тай-

---

¹ Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С.430-433.

ну совершенства художника», необходимо, согласно Бицилли:

во-первых, «вскрыть его творческую индивидуальность», что, можно сделать с позиций сравнительного метода: «индивидуализировать писателя» в результате «критики» можно только путем «сопоставления литературных произведений» – таким образом выявляются параллели [вопрос о *параллелях, влияниях созвучиях, родимых пятнах* – особый в приемах историографического и литературно-критического анализа ученого. – Т.П.];

во-вторых, надо «локализовать» художника, т.е. рассмотреть его в «историческом контексте» для понимания того, что в его творчестве принадлежит «общему фонду» [достоинств культурной эпохи и культурным и научным традициям. – Т.Н.], и как данный художник «распоряжается этим общим добром».

П.М. Бицилли отождествляет деятельность ученого-историка с деятельностью «художественного критика», по сути – тоже ученого.

«Говорить о писателе, – утверждал П.М. Бицилли, – значит, в силу необходимости, говорить о себе, о своем *впечатлении* от писателя <...> В конце концов всякая критика сводится к анализу собственного нашего *восприятия* данного автора»¹, а значит – выражает творческое начало критика.

Ремарка-дополнение. Известная фраза Ф. Ницше «фактов не существует, есть только интерпретации» породила поливариантность подходов не только к самому понятию «интерпретация», но и открыла новую, отнюдь не однозначную, перспективу переосмысления всего эпистемологического арсенала.

Критика как литературоведческая форма связана с интерпретацией. Сущность *интерпретации* определяют в различных аспектах:

- как процесс мышления
- как метод научного познания
- как универсальный способ познания мира
- как экзистенциальный модус присутствия человека в бытии
- как метод конструирования социальной реальности².

¹ Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С.416.

² См.: Аганов О.Д. Интерпретация как личностная форма творения бытия: Автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. Казань, 2011. С.4.

Для П. Рикёра интерпретация – особая форма мыслительной деятельности, «работа мышления», суть которой «в расшифровке смысла, скрывающегося за очевидным смыслом, в выявлении уровней значения, заключенных в буквальном значении <...> интерпретация там... где многосложный смысл и именно в интерпретации обнаруживается множественность смыслов»¹.

Понятия интерпретация, критика и рефлексия – взаимосвязаны: «рефлексия есть критика», «второй этап» познавательной деятельности / герменевтической операции, благодаря которой происходит «расшифровка» объектов познания, представленных на первом – семантическом этапе, – на котором объект выражен в языковой / лексической форме, несводимой «к однозначным значениям»².

В итоге «благодаря интерпретации Cogito открывает позади себя нечто такое», что П. Рикёр называет «археологией субъекта»³ [онтологический уровень. – Т.П.].

Эта довольно «редуцированная» схема триады *критика-рефлексия-интерпретация* позволяет рассматривать литературно-критическую интерпретацию по аналогии с историографической интерпретацией – критикой текста в историко-научном исследовании. И в том и в другом случае критика предлагает конкретную интерпретацию текста как рефлексивный акт, обусловленный личностью критика в ситуационном модуле и в социокультурном контексте эпохи. В качестве рефлексивного акта литературная критика предстает как самосознание художественной литературы.

Рецензия как разновидность литературно-критической интерпретации предоставляет двойную «археологию субъекта» – автора рецензируемой работы и ее критика.

Стремление понять смысл индивидуально-неповторимого – авторской мысли / концепции, т.е. *целого* – задача общая и для литературоведа («критика»), и для ученого-историка – историка

¹ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр. и вступит. ст. И. Вдовиной. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2002. (Серия 'Канон философии'). С. 18.

² Там же. С. 27-28.

³ Там же. С.33.

исторической науки / историографа, и это, безусловно, является индивидуальным творческим актом.

P.S.

П.М. Бицилли не оставил нам законченного по форме и по содержанию текста, в котором бы получила свое выражение стройная, действительно завершенная, система его взглядов на глобальные вопросы «мировоззрения» и «мироощущения», на *историю и теорию историографии*.

Для ученого характерна методика многократного подхода к одной и той же проблеме, которая не только варьировалась им в разнообразных ракурсах своего восприятия, но и в обозначениях – «терминологической оболочке».

Этот подход к «сотворению» текста обуславливает поиск нитей, связывающих одну мысль, разбросанную в многочисленных смысловых блоках, «выкристаллизацию» этой мысли из параллельных потоков ее многообразного воплощения.

Тексты П.М. Бицилли нельзя просто «прочесть»: в них нет привычной логики «последовательности». Его последовательность нужно понять, найти эти связующие нити, неоднократно перечитывая прочитанное и возвращаясь к пройденному.

Возможно, причина своеобразной «незавершенности» многих текстов ученого в том, что П.М. Бицилли видел «завершенность» в «незавершенности» и по примеру Леонардо да Винчи, который, как известно, *не завершал* своих картин, не стремился к каноническому оформлению и своих работ, и своих мыслей¹.

П.М. Бицилли «кружил» вокруг глобальных проблем *исторического ведения*, повторяя вновь и вновь основную идею-мелодию и насыщая ее новыми смыслами в поисках совершенства, которого, по его убеждению, достичь в науке (в отличие от искусства) было невозможно...

---

¹ «Незаконченность» / незавершенность для П.М. Бицилли это – «бессознательно используемый безошибочный художественный прием»: у Пушкина и Брюсова - стихотворения-«отрывки», которые начинаются и заканчиваются «полустишием»; у Шумана – музыкальное произведение завершается концовкой-«паузой», у Баха – инверсия мажорного и минорного аккордов для окончания и целого произведения. «Внешняя незаконченность», по Бицилли, строго обусловлена замыслом произведения, в котором абсолютно адекватны «внутренняя» и «внешняя» формы («Образ совершенства», 1937).

ПОРТРЕТ: *силуэт*

Судьба человека – ключ к тайне его характера.

П.М. Бицилли

Мини-преамбула: еще раз о персональной истории. Конструирование *портрета / образа* Петра Михайловича Бицилли – это одна из стержневых целей *биоисториографического исследования*, которое терминологически может покрываться понятием *персональная история*.

Персональная история – это «...жизнь отдельного человека от момента рождения до момента смерти», это «история одной жизни» во всей ее уникальности и в достижимой полноте¹.

В современной литературе «персональная история в широком смысле слова» сопоставляется с «новой биографической историей». Многообразие методологических стратегий, характерных для современной историографической практики персональной истории, не умаляет значения ведущего – *социокультурного* – подхода, который в обрамлении личностно-психологического, экзистенциального и ситуационно-контекстуального инструментария «коррелируется» с «фактологическим каркасом» / «событийной канвой» и сфокусирован на постижение неповторимости судьбы / жизни изучаемого персонажа, приобретающих значение истории. Осмысление биографии через призму наложения множества контекстов – социокультурных, личностных, макро- и микромиров «героя» – приводит к разрушению «линейности», т.е. биографической последовательности как на уровне объекта биографии, так и на уровне биографа².

Персональная история ученого-историка состоит из двух взаимосвязанных биографических линий: *биографии личности* и

---

¹ См.: Соловьев Э.Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования // Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). М.: Политиздат, 1991. С. 46; Репина Л. Историческая биография и интеллектуальная история // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. / Головний редактор В. Смолій; відповідальний редактор І. Колесник. Київ: Інститут історії України НАН України, 2009. Вип. 4. С. 441, 444.

² См. подробнее: Репина Л.П. Личность и общество, или история в биографиях (Вместо Предисловия) // История через личность: историческая биография сегодня / Под редакцией Л.П. Репиной. М., 2005. С.10, 16; Корзун В.П. Лекция 5. Биография и биоисториография. Исследовательские практики // Несколько лекций по методике историографического анализа: современные исследовательские практики: учебное пособие / В.П. Корзун, М.А. Мамонтова, Н.А. Коновалова, Ю.П. Денисов. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. С. 97-98.

биографии профессиональной.

Ре-конструкция этих линий в обязательном порядке предполагает обращение к социокультурному контексту и междисциплинарному методологическому аппарату, а также историографический, библиографический и наукометрический анализ научного наследия.

Эти требования, учитывая незавершенность разработки практически ни одного из обозначенных структурных разделов персональной истории, наличие обширного мозаичного биографического материала и множества источниковых и фактуальных лакун, отодвигают создание академически полноценного историко-персонологического исследования, посвященного П.М. Бицилли.

Поэтому на данном этапе «постижения Бицилли» традиционный биографический подход – «жизнь и творчество» как последовательно хронологическая биографическая канва – вряд ли осуществим и целесообразен.

Одним из вариантов может быть персональная история, представленная в *проблемно-фрагментарных / фокусно-ориентированных* разделах, не равноценных ни по объему, ни по фактуально-источниковым основаниям.

Биография, воссозданная в виде фрагментов, во многом следствие:

- ограниченности информационного поля,
- отсутствия на сегодняшний день достаточно полной и достоверной исследовательской базы,
- сомнений в эвристической ценности уже известных источников,
- дискуссионности целого ряда сформулированных в литературе концептуальных положений,
- консервации известного пакета штампов, кочующих из публикации в публикацию.

Мозаично-фрагментарный био-подход предполагает рассматривать каждый из фрагментов как определенную грань, в той или иной степени освещающую неисчерпаемый многогранник личности П.М. Бицилли, его жизни и его наследия.

Проблемный ракурс представляемого материала будет акцентуализировать спорные фактажные моменты и ориентировать на принципиально значимые поисковые поля.

Данный подход позволяет разнообразить *архитектуру текста*¹ – применять формат многообразных ремарок и экскурсов и т.п. и графически акцентировать (кавычки, курсив, расположение фраз и др.) наиболее значимые смысловые положения. Все это способствует тому, что в *нелинейной* плоскости текстуры возможно соединять несоединимое – мысли, цитаты, информацию, мнения и проч. из разных источников и разных концептуальных миров, что затруднено в рамках традиционного *линейного* историописания.

* * *

Конструирование *портрета / образа* Петра Михайловича Бицилли зависит не только от методологического инструментария, но как ядро персональной *истории* – от наличия *исторических источников*. Среди многообразия источникового ландшафта особую роль играют *эго-документы* – особый пласт в системе эго-материалов в целом.

Эго-материалы – это вся «*территория историка*», все *тексты* ученого, научные и приватного характера, комплексный анализ которых даст возможность смоделировать образ ученого, максимально приближенный к реалиям.

* * *

В структуре эго-документов на сегодняшний день лучше всего представлена *эпистолярная*. Ценные публикации переписки П.М. Бицилли с отдельными корреспондентами, с редакциями газет и журналов и т.п., оцифровка комплекса писем ученого в Архиве РАН, письма его друзей и его окружения² позволяют увидеть его личностные качества, многогранность его характера, что, безусловно, проецировалось и в его творчество.

¹ *Архитектура* – композиционная логика текста, его стилевая специфика.

² См.: Архив Российской Академии наук. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 140; *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. 1-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015; *Климов А., Байсвенгер М.* Переписка Г.В. Флоровского с Н.С. Трубецким (1921-1924). Публикация А.Е. Климова и М. Байсвенгера // Записки русской академической группы в США. Том XXXVII. 2012; *Ермишин О.Т.* Письма Г.В. Флоровского П.П. Сувчинскому (1922-1923). Предисловие, подготовка текста и комментарии О.Т. Ермишина. // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2011 и др.

Персональная история наглядно показывает: наиболее ярко подлинная *натура* человека проявляется в сложные для его жизни периоды.

«Югославский период» – из труднейших в бытовом и морально-психологическом плане – представлен фактами из писем, которые рисуют Петра Михайловича с разных сторон.

П.М. Бицилли – эстет, человек утонченный и исключительно порядочный, и его, конечно, корбило окружение на работе, которое по своим «душевным качествам» и «по одаренности» оставляло желать лучшего; ему «невыносимо» было жить «в среде людей», к которым он испытывал «только презрение», а главное внимание приходилось «употреблять на самооборону от ежедневных мелких пакостей».

Он переживал, что не может обеспечить семью: «я получаю до смешного мало», жалование – «не настоящее», а «служительское»; «живем более, чем скудно», «жена и старшая дочь работают целый день...».

Работа для П.М. Бицилли – смысл жизни, но без книг («ни единой книги», «добывать не могу потому, что нет денег») работать невозможно, а положение «абсолютного безделья» для него – «равносильно отбыванию каторги».

Вся эта обстановка угнетала и рождала крайне пессимистические мотивы: «Мне просто не везет и это – судьба, в к[ото]рую я верю» – «в перспективе такое одиночество, тоска и полная бессмысленность и бесполезность существования».

Для деятельного Г.В. Флоровского пессимизм П.М. Бицилли был непонятен: «...Бицилли впал в ничтожество и ноет», – писал он к Г.В. Сувчинскому и Н.С. Трубецкому весной 1923 г. в связи с отказом Петра Михайловича от сотрудничества в евразийском сборнике. Этот отказ был воспринят Жоржем как «хандра» и «падение».

О склонности П.М. Бицилли к «хандре» пишет и К.В. Флоровская: Бицилли «...корректирует свою перемашиненную диссертацию и хандрит».

Однако и другие современники, в частности – В.В. Руднев, отмечали, что П.М. Бицилли – «...человек неврастенический, меняющихся настроений».

Г.В. Флоровский в письме к Н.С. Трубецкому (от 16 марта 1922 г.) также пишет о «меняющихся настроениях» Бицилли, кото-

рый сначала «...отвечает отпором, потом уступками и оговорками, а потом – вдруг загораются...».

Даже когда вопрос о переезде в Софию был решен («для меня, после трех лет, проведенных в Скопле, и София рисуется чем-то вроде Парижа»), П.М. Бицилли опять сомневается: «Не знаю еще что-то будет со мною. Я было ухватился за переселение, а теперь раздумье берет».

И диссертация для него под вопросом. П.М. Бицилли так спешил с публикацией «Очерков», боялся, что отсутствие монографии может повлиять на защиту (как, он считал, это было с Г.В. Флоровским), а теперь, когда ситуация стала складываться к лучшему, его опять одолевают сомнения: «С моей книгой, я думаю, торопиться особенно нечего. Ведь по нашим правилам диспут устраивается на съездах, – а когда-то будет следующий съезд: и будет ли вообще?».

И в Софии, где жизнь была несравненно лучше, нежели в Скопье, П.М. Бицилли опять «ноет»: «Мое дело плохо: царство Болгарское сидит без денег, а потому сидит без денег и университет, – и потому и без книг»... «Царство Болгарское, а значит и университет – сидит на мели, книг не покупаем, работать потому нельзя»... «Приходится всячески изворачиваться и развлекать себя видимостью настоящей работы».

И все-таки П.М. Бицилли умел себя преодолевать. В трудной ситуации, на которую он жаловался А.В. Флоровскому, перечисляя все негативные факторы, осложняющие его жизнь, Петр Михайлович вдруг сообщает: «Все таки я – особенно сейчас – усиленно занимаюсь одной в высшей степени филологического свойства работой над Пушкиным...»; и тут же – опять неверие в то, что получится «довести ее до естественного конца», т.е. – до «Книги».

Из писем, особенно скопийского периода, может сложиться впечатление о П.М. Бицилли – личности депрессивного склада, с пессимистическим взглядом на мир.

Конечно, эти письма написаны в связи с разными обстоятельствами, но «циклотимность» (колебания настроения и в жизни и в работе), возможно, черта характера П.М. Бицилли, человека в принципе открытого и добросердечного.

По воспоминаниям родственников, П.М. Бицилли обладал прекрасным чувством юмора, часто рассказывал забавные истории и сам посмеивался, когда над ним подшучивали.

Ремарка-штрих. Стоит обратить внимание и на астрологический фактор: П.М. Бицилли – под знаком «Весы», и очень многие характеристики этого знака (если основываться на достаточно серьезных астрологических публикациях) созвучны личностным качествам ученого.

Петр Михайлович – «человек очень тонкой душевной структуры», «исключительно скромный и взыскательный к себе», «по складу своего характера он был очень добр, мягок, отзывчив к человеческому горю, но одновременно был насмешлив и нелюдим», а в последние годы стал «угрюм», – так определял ученого А.П. Мещерский, зять П.М. Бицилли.

Будучи сам в довольно сложных условиях, Петр Михайлович заботился о своих коллегах-эмигрантах, стремился найти им возможности работы и «сносного» существования. Он, например, подробно пишет А.В. Флоровскому о санаториях в Далмации, зная о болезни его жены – Валентины Афанасьевны.

П.М. Бицилли очень интересуется жизнь в Одессе – и не только потому, что там осталась его мать, но его волнует положение родного Новороссийского университета, коллег-историков, его огорчает ситуация с бывшими учителями: «Старикам приходится туго»; он опечален тем, что разрушается сам Университет: «Одесский университетский музей уничтожен».

П.М. Бицилли скучает за Родиной, той, которой уже не было, но все равно неоднократно думает о возвращении. Получив письмо от своего ученика – О.Л. Вайнштейна, он пишет К.В. Флоровской: «...видимо действительно жизнь там начинает чуть-чуть поправляться», и все-таки он еще не решается на возврат: «...я думаю, что надо еще выждать».

Его беспокоят И.М. Гревс, Л.П. Карсавин и Н.О. Лосский, которые «читают проповеди по церквям». Несмотря на то, что Л.П. Карсавина П.М. Бицилли недолюбливал («он человек мнительный и подозрительный», «мелко самолюбивый»), он признавал его (с оговорками) как ученого и беспокоился о нем как о коллеге.

При всем, по сути, нищенском существовании в Скопье, П.М. Бицилли заботится об оставшихся в Одессе: «мы пробуем организовать здесь сбор для отправки Хуверовских¹ посылок коллегам».

¹ В 1921-1923 гг. – деятельность АРА (Американская администрация помощи голодающим под руководством генерального директора Г.К. Гувера (1874-1960), 31-го президента США.

Он рад приезду в Софию знакомых, в частности А.В. Мякотина, с которым он может поговорить «об исторических материях».

Известие о кончине В.Э. Крусмана, коллеги по Новороссийскому университету, друга и во многом наставника, очень П.М. Бицилли огорчила. В письме к К.В. Флоровской он пишет: «...на днях получил от Вайнштейна известие о кончине Крусмана. Он умер от тифа – в августе – в Москве по пути в Харьков, куда поехал на выручку библиотеки <...> Посылаю Вам набросок некролога...в котором я усиливаюсь выразить все то, что я о Крусмане знаю, – так, чтобы это было более или менее ясно тем, кто его не знал <...> Я с мыслью об этой смерти никак не могу примириться».

О жене Петра Михайловича – Марии Тимофеевне – еще очень мало известно¹, но из воспоминаний, знавших ее, вырисовывается образ женщины красивой, открытой, доброй, веселой, энергичной, оптимистичной, сумевшей превратить свой «эмигрантский дом» в теплый очаг, привлекавший всех обездоленных. Доброжелательность, стремление помочь всем, кому можно и чем можно – черта, объединявшая супругов Бицилли. Мария Тимофеевна, вероятно, своим оптимизмом нивелировала склонность к депрессии своего мужа, поддерживала его в трудные годы, вдохновляла...

Удивительна тональность писем к А.В. Флоровскому. Петр Михайлович старше Антония Васильевича (1884-1968) на пять лет – это весьма существенная разница, и тем не менее его письма к другу – теплые и доброжелательные – все-таки отдают некой «приниженностью»: впечатление, что пишет младший к старшему – и по возрасту, и по положению. Возможно, необходимость «просить» и «благодарить» (путь – искренне и от души) накладывала отпечаток на эту переписку.

Иная тональность в письмах к Клавдии Васильевне – «жалобы» окутаны шутивым флером, «сетования» подаются с юмором и чувством (конечно, показным, но все-таки с победоносным оттенком) превосходства над обстоятельствами...

П.М. Бицилли с заботой относился к своим родным – организовывал посылки и др., постоянно стремился найти способ переправить мать, Екатерину Адольфовну, из Одессы к себе, в Болгарию.

Можно согласиться и с аргументацией Г. Петковой: П.М. Бицилли в 1920-1930-е гг. «весьма сдержанно относился к истории России

---

¹ Первая попытка обобщить немногочисленные факты ее биографии была мной предпринята в статье в сборник «Проблемы славяноведения» (Брянск, 2018).

как научной и преподавательской проблеме». Эта «сдержанность» объяснялась в том числе своеобразным «автоцензурированием»: по семейному преданию брат Бицилли, М.М. Бицилли, оставшийся в Одессе, просил профессора не заниматься политикой и историей России во избежание неприятностей, которые деятельность родственника-эмигранта могла доставить его родным в Одессе.

Письма П.М. Бицилли очень ярко характеризуют его как личность: скромный, добросердечный, отзывчивый, с тонким юмором и одновременно, пессимистичный, легко впадающий в уныние, недооценивающий себя, неуверенный в себе, принижающий свои достоинства.

Но наряду с этим – знающий себе цену, умеющий отстаивать свои взгляды, сохранить, несмотря на непонимание и критику коллег, свою позицию.

В то же время – небрежность по отношению к личным документам: игнорирование акрибии в фактах биографии¹ (отсюда «разнобой» в датах); для него не важно, проставлена ли дата / год написания того или иного письма; он не заботится о будущих исследователях своей жизни – не стремится сохранить свой личный архив, т.к. не видит особых достоинств своих трудов и не собирается «войти в историю» и т.п.

Это не просто несущественные штрихи. Эти факты, казалось бы, личностного порядка, в определенной мере проецировались в его позицию ученого.

П.М. Бицилли не очень интересуется «исторический быт», «детали» – все это не главное:

- для него не важны точные факты биографии В.Э. Крусмана при написании некролога в память друга («Дело в том, что мне почти неизвестна вся та сторона, которая относится к “*curriculum vitae*”». Впрочем, это, быть может, *не так уж нужно*» [курсив мой. – Т.П.]);
- он игнорирует Curriculum Vitae в этюдах о П.Г. Виноградове и П.А. Бакуanine;

---

¹ П.М. Бицилли не всегда придерживался принципа акрибии и в своих научных трудах, на что указывал еще И.М. Гревс; да и сам Петр Михайлович признавался, что не считал нужным в ряде случаев делать ссылки на используемые источники. Можно допустить, что для ученого «исследовательская акрибия» касалась в первую очередь *точности мысли и ее изображения*, техническая сторона оформления текстов отходила на второй план. В довольно солидных Примечаниях к работе «Творчество Чехова» (1942) из 97 позиций только приблизительно 25 были ссылками (далеко не всегда точно оформленными) на конкретные издания; все остальное касалось содержательной стороны текста.

- он, критикуя Т. Моммзена, считает неважным знание того, какого цвета были глаза у Суллы («для понимания эпохи» такие сведения, что «у Суллы были голубые глаза и светлые волосы», *не нужны* [курсив мой. – Т.Н.]);

- детали, которые приводит Э. Ренан о жизни Христа, «ни на йоту», по мнению ученого, не приближают «к пониманию “исторического Христа”, т.е. Христа как единственного в истории явления» и т.п.

Это уже позиция, возможно, опосредованно связанная с личностной спецификой...

Ремарка-экскурс: О музыке

В творческой жизни П.М. Бицилли исключительную роль играла музыка. Свидетельство этому – многочисленные, рассыпанные по разным его работам, мысли о музыке, ее месте в плеяде искусств, о ее соотношении с литературой / поэзией и даже – с личностью и историей. «Если бы нам было дано лишь то знание, которое зиждется на дискурсивном мышлении, то это было бы прочным и достоверным залогом нашей обреченности... Но есть иное знание, несравненно более надежное... Оно дано нам в искусстве – и прежде всего в музыке».

Музыка для Петра Михайловича – «язык сердца», «искусство гармонии и контрапункта», «образ *интеллектуальной* сферы жизни духа» [курсив П.М. Бицилли. – Т.П.].

П.М. Бицилли ищет смысл музыки у Моцарта: «радость самопознания», «божественная легкость», «творческое самораскрытие личности», «полнота Добра» и т.п.; у Бетховена: «моральный энтузиазм», «пафос долга», «радость страдания», «религия Свободы, Равенства и Братства» и т.п. Для Петра Михайловича бетховенская музыки обладает «большей доказательной силой, нежели проза Фихте и Руссо или гекзаметры Шиллера...»

Утверждая родство музыки и поэзии / литературы, П.М. Бицилли сравнивает «Войну и мир» Л.Н. Толстого с бетховенскими симфониями, а «Балладу» Иннокентия Анненского – со второй сонатой Шопена. Подчеркивая различия между классической музыкой, в которой «гармония определялась мелодией», и современной, в которой «сама мелодия определяется гармонией», он позво-

лил себе сравнить (что не поняли и не приняли Г.В. Адамович и В.Ф. Ходасевич) творчество В.В. Набокова (Сирина) с музыкой Дебюсси, Стравинского и Прокофьева. Это – новая литература и новая музыка - выразители новой эпохи.

Ремарка-штрих. Возможно, сравнения литературы / поэзии с музыкой были навеяны творчеством А. Белого¹ («Симфонии», 1902-1908), под влиянием которого (и не только!) Петр Михайлович очертил собственную линию темы «музыка». Музыка составляла одну из важнейших категорий символистского и ранее – романтического – «мироощущения», что было близко П.М. Бицилли. Не исключено также, что Г.В. Адамович, поэт-акмеист, «цеховик» Н.С. Гумилева, оппонент символизма в целом, не воспринял и бициллиевские сопоставления / сравнения литературы с музыкой. В.Ф. Ходасевич в свою очередь вряд ли понимал П.М. Бицилли как самобытную творческую личность и был подчас достаточно жестким критиком его работ.

Музыка для П.М. Бицилли выше литературы, т.к., по его мнению, любое литературное произведение «большой формы» никогда не будет «безусловно целостным и неделимым» в отличие от «совершеннейших музыкальных произведений той же формы»: «только в музыке возможно полное тождество “смысла” и его выражения, “внутренней” и “внешней” формы».

Музыка всегда звучала в доме Бицилли; по семейным преданиям, музыка связала молодых Петра и Марию, талантливую пианистку...

Ремарка-экскурс: О единстве в многообразии

От исторической науки требуют, пишет П.М. Бицилли, чтобы она «все объясняла». Но антиномия реальной истории и ее научного образа остается перманентной проблемой, связанной с принципом *Coincidentia oppositorum* – важнейшим в мировоззрении ученого.

Ремарка-пояснение. Диалектический постулат «единство в многообразии / разнообразии» имеет давнюю философскую традицию и на Востоке и на Западе. Проекция этого тезиса

---

¹ А. Белый признавался в том, что музыка Грига оказала большое влияние на Северную Симфонию.

на разные уровни обобщения – от Бога – Космоса до Бытия-Человека и проч. выражена сегодня в многочисленных интерпретациях. Это понятие используют для обоснования идеи федерализации, многонациональных государств (как основы «национальной идеи»), глобальной истории, поликонфессиональности и т.п. С 2000 года «единство в разнообразии» – девиз Европейского Союза.

Для П.М. Бицилли понятие «единство в многообразии» как форма-следствие принципа *coincidentia oppositorum* («совпадение противоположностей») связано в первую очередь с именем Николая Кребса (из Кузы) – Николая Кузанского (1401-1464), кардинала, крупнейшего немецкого мыслителя XV века, который, опираясь на античную традицию, создал собственную концепцию *coincidentia oppositorum*, суть которой [в лапидарном выражении. – Т.П.]: Бог есть Единое, в Боге происходит совпадение противоположных начал: «Кто может подняться настолько высоко, чтобы постигнуть многообразие в единстве и единство в многообразии? Это сочетание свыше всякого разумения». Джордано Бруно одним из первых придал принципу *coincidentia oppositorum* универсальный характер.

Принцип *coincidentia oppositorum* стал не только ключевым в учении Николая из Кузы но и базовым в европейской диалектической мысли, особо – в трудах Ф. Шеллинга, Гегеля, в марксизме. Оригинальные интерпретации этого принципа нашли свое выражение в теории «Всеединства» В.С. Соловьева и С.Л. Франка, что было близко П.М. Бицилли.

Проблема антиномии в историческом познании – антиномия между исторической реальностью и ее историографическим образом, – остро поставленная П.М. Бицилли, связывает антиномизм с принципом *coincidentia oppositorum*. Вслед за Николаем Кузанским историк признает широчайшие возможности человеческого разума (научной мысли) и одновременно констатирует его пределы, стремясь тем не менее к поиску преодоления этой формы парадокса, что находит своеобразное решение в его концепции «синтеза “момента”».

Понятие «единство в многообразии» П.М. Бицилли применяет в разных контекстах:

- о понимании идеи художественного произведения как цен-

тра кристаллизации всевозможных элементов данности (аспекта «космического Всеединства»), характер которой может выявить только художник «в полной наглядности» – как *«единство в многообразии»*;

- о перспективах Европы: для П.М. Бицилли «исторический процесс есть процесс образования – и разложения – различного рода коллективов, наций, империй, религиозных, хозяйственных и иных соединений». Будущее Европы, писал он в 1930 г., – «Соединенные Штаты Европы», поэтому *«единство в многообразии, дифференциация без дезинтеграции* – такова формула той цели, к которой следует стремиться...»;

- о значении «ритма» как основы «художественности произведений искусства»: ритм есть диалектика жизненного и любого творческого процесса, *coincidentia oppositorum* во Всеедином; любое произведение искусства – это система, в которой все элементы выполняют «ритмообразующую функцию», находясь между собой «в отношении взаимодействия»: чередование переживаний, «ускорения и замедления жизненного потока и его художественного отображения» – все эти ритмочередования «подчинены какому-то закону, создающему *единство в многообразии*» и представляют собой как основу жизни, так и основу всякого искусства;

- об оценке П.А. Бакунина¹: «равнодушная терпимость» была чужда Бакунину и воспринималась им как «грубость», но «эстетическая интуиция, восприятие *единства в многообразии* качеств, гармонии в разноголосице жизни, наполняли его душу чувством доверия к Богу и к миру»;

- о культурном синтезе: «Культурную работу нашего времени следует представлять себе, как взаимное оплодотворение, нахождение путей к культурному синтезу, который бы однако проявлялся всюду по-своему, *будучи единством в многообразии*» и т.п. [курсив мой. – Т.П.].

* * *

По своему мировоззрению П.М. Бицилли – не монархист, он, как и большинство интеллигенции – университетской профессуры, – настроен либерально-демократически, как он сам писал в своих

---

¹ Павел Александрович Бакунин (1820-1900), писатель-философ и общественный деятель, брат Михаила Бакунина, теоретика анархизма.

автобиографиях. Поклонник европейского образа жизни, сторонник многопартийности по образцу Соединенных Штатов, приверженец свободы творчества и системы образования, которая должна воспитывать «культурного человека» – личности, он одинаково не приемлет и «школу Деянова», и «школу Луначарского»; «большевизм» со «зловещей маской Ленина» для него категорически чужд. Петр Михайлович – православный, но конфессионально независим / толерантен; Бог для него – во Всеединстве мира и человека, сугубо личностная сфера индивидуального «мироощущения». Для П.М. Бицилли «история индивидуума» – *Личности* – приоритетна по сравнению с «коллективистской историей», актуализированной в позитивистской и марксистской историографии. Он не терпит насилия и «ограничений» в любом виде, хотя и вынужден признать, что ограничения неизбежны: вторя Б. Спинозе, ученый часто повторяет – «ограничить, значит определить»...

P.S.

Любимый лозунг П.М. Бицилли – *«единство в многообразии, дифференциация без дезинтеграции»*,
а его личностный поиск – это поиск *«гармонии в разнородности жизни»*¹.

---

¹ Подробнее см.: *Попова Т.Н.* Петр Михайлович Бицилли: портрет в манере «сфумато». Одесса: Бондаренко М.А., 2021. С.426-468. [Раздел «Личность и творчество: силуэт»]

Завершение

Вопрос: А какую религию исповедуешь ты?

Ответ: Я всегда скептик.

Акутагава Рюноскэ

Данная книга символизирует важный рубеж в творческом процессе – это в определенной степени подведение итогов, осмысление сделанного...

Бесконечно признательна всем глубокоуважаемым *Рецензентам*, которые помогли мне взглянуть на себя (результаты своей работы) через призму образа *Другого* – «Другой-как-брат-по-вере» / Коллега-единомышленник, – способствуя тем самым переходу на новый виток саморефлексии.

* * *

Анализируя состояние историографии, не могу не обратить внимание на то, что при всем значительном рывке, который сделала наша Наука за последнее тридцатилетие, *идея линейности* (в теоретических построениях, в осмыслении научного наследия и т.п.), против которой началась решительная борьба приблизительно с рубежа 1980-1990-х гг., отнюдь не исчезла из менталитета современников: в погоне за новыми познавательными *поворотами*, создавая инновационные эпистемологические идеалы, исследователи подчас просто «страхивают с подошв», как устаревший и ненужный хлам, достояние прошлого.

Не отвергая, но приветствуя *прорывы* на «переднем крае» науки, стоит, вероятно, прислушаться к словам одного из замечательных историков-мыслителей *Леонида Михайловича Баткина*¹:

«...каждый виток обсуждения “вечных” эпистемологических проблем исторического знания не повторяет предыдущих, а продолжает усложнять картину и раскручивать спираль. Я низко кланяюсь позитивизму, марксизму, веберизму,

---

¹ *Л.М. Баткин* (1932-2016) по рождению – харьковчанин, выпускник Харьковского государственного университета, преподаватель Харьковского института искусств (Харківський національний університет мистецтв імені Івана Котляревського) в 1956-1967 гг., уволенный из института за «грубі ідеологічні помилки».

неокантианству, структурализму, школе “Анналов”, кризису школы “Анналов”, постмодернизму... (Себя же я сам считаю постбахтинцем). Это не всеядность и не какой-то пошлый релятивизм (по М.М. Бахтину, не каждый прав по-своему, но все правы вместе) <...> В наших головах все эти методологии, эти культурные голоса (смыслы), не “снимаются”, никуда не исчезают. Пространство исторической рефлексии расширяется и становится все более артикулированным. Надо думать, это, собственно, и есть исторический синтез? – он предстает не в виде результата и данности, а как путь к нему»¹.

Если История – это самопознание и самоидентификация Личности и социума, то Историография – это способ самопознания и самоидентификации историка и самой Исторической науки.

На волне рефлексивного поворота – как одного из знамений нашего профессионального бытия – роль *Историографии* неизмеримо возрастает, выдвигая на авансцену эпистемологического океана своего полномочного представителя –

историка исторической науки –
с его органичным стремлением к саморефлексии.

* * *

Рискну сформулировать ряд положений, в которых выражу собственное восприятие личного вклада в «общий рынок» науки, в первую очередь – в историографию / историю исторической науки и в историю историографии².

В теоретическом плане:

1/ поставлены проблемы и предложены авторские версии их решения:

- институционализации и дисциплинаризации историографии
- типологии дисциплинарных моделей
- биографизма как научного биоисториописания
- реактуализации биоисториографических исследований
- институционализации бициллиеведения
- периодизации бициллиеведческого процесса
- историографии бициллиеведения и т.п.

¹ Баткин Л.М. Полемические заметки (1994).

² Суммировать же недостатки, которых, безусловно, немало, предоставляю достойным Критикам.

2/ инициировано (с середины 1990-х гг.) введение в научный историографический лексикон понятий из смежных областей гуманитаристики (в первую очередь – историко-научной и др.¹); предложены глоссарий и авторский словарь категориального аппарата².

В методологическом плане – сконструирован ряд исследовательских моделей:

- проблемно-дисциплинарная модель науки
- модель проблемного поля в науке
- модели научной дисциплины
- модели историографического процесса
- модели институционального анализа
- модели дисциплины историографии
- модель-структура дисциплин исторического профиля
- нелинейная модель персональной истории
- модель биоисториографического анализа
- модели источниковой базы биоисториографического исследования
- мозаично-фрагментарная модель биографического текста
- модель просопографического анализа кафедральной корпорации

В конкретно-историографическом плане:

1/ впервые введен в научный обиход новый фактуальный комплекс:

- по истории историографических исследований в Новороссийском (Одесском) университете (ИНУ) (1865-1920)
- по персональной истории профессоров ИНУ – А.Г. Брикнера, А.И. Маркевича, Е.Н. Щепкина, Е.П. Трифильева, В.Э. Крусмана, А.В. Флоровского, П.М. Бицилли и др.

2/ предложены авторские версии:

- проблемно-дисциплинарной структуры исторических исследований в ИНУ
- кафедральной корпорации русистов в ИНУ
- биоисториографических этюдов профессоров ИНУ

¹ См.: *Попова Т.Н.* Об институционализации историографии // *Исторична наука на порозі ХХІ століття: підсумки та перспективи. Матеріали Всеукраїнської наукової конференції* (м. Харків, 15-17 листопада 1995 р.). Харків: ХДУ (Авеста), 1995. С. 77-82; *Она же.* О понятии «историографический процесс» // *Історія і теорія історичної науки та освіти: Харківський історіографічний збірник. Вип. 1.* Харків: ХДУ (Авеста), 1995. С. 47-59 и др.

² См.: *Попова Т.Н.* Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия. Одесса: Бондаренко М.А., 2019. С. 338-368 [Глоссарий. Авторский словарь] и др.

- персональной истории П.М. Бицилли, основанной на мозаично-фрагментарном био-подходе
- этнического происхождения фамильного клана Бицилли
- биографии П.И. Вейнберга
- генеалогии Бицилли и Вейнбергов
- портретной галереи профессоров и преподавателей исторического факультета Одесского национального университета имени И.И. Мечников 1960-х – 2000-х гг. и т.п.

* * *

И в завершение: позволю себе обратиться к мудрым мыслям и поделиться ими с *Читателем*, вместо того чтобы придумывать собственные заключительные слова.

1. Артуро Перес-Реверте: «...не существует двух одинаковых книг, – ибо не бывает и никогда не было двух одинаковых читателей. И каждая прочитанная книга, подобно каждому человеку, является единственной в своем роде, уникальной историей и отдельным миром».

2. Акутагава Рюноскэ: «Мои сегодняшние глаза – это всего лишь сегодняшние глаза, отнюдь не мои завтрашние».

3. Нина Берберова высказала идею о сакраментальной триаде творчества, суть которой – в трех вопросах:

- что автор хотел написать?
- что ему удалось написать?
- что он написал помимо своей воли?

Я могу ответить на первый вопрос, частично, с большой долей условности, на второй, но на третий вопрос может ответить только вдумчивый *Читатель*...

Приложение

Из библиографии: *избранное*¹

І. Істориографія в лицах, проблемах, дисциплінах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. 536 с.²

Рецензии:

Михальченко С.И. Попова Т.Н. Істориографія в лицах, проблемах, дисциплінах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. 536 с. // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Выпуск 9. Брянск: Изд-во БГУ, 2007. С. 281-283.

Стрельцов Е.Л. Новое исследование // Правова держава. Одеса: ОНУ, 2007. № 9. С. 291-292.

Олексій Ясь. Історіографія в контексті дисциплінарних традицій та персональних вимірів (Попова Т.Н. Істориографія в лицах, проблемах, дисциплінах: Из истории Новороссийского университета. К 75-летию Исторического факультета. Одеса: Астропринт, 2007. 536 с.) // Український Археографічний щорічник. Нова серія. Випуск 12. Український археографічний збірник. Том 15. Київ, 2007. С. 785-791.

Калакура Ярослав. Історична наука в Одеському університеті на тлі епохи і очима сучасниці / Попова Т.Н. Істориографія в лицах, проблемах, дисциплінах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. 536 с. // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Головний редактор В. Смолій; відповідальний редактор І. Колесник. Випуск 3. Київ: Інститут історії України НАН України. 2007. С. 489-497.

Оноприенко Валентин. [Рец.] Попова Т.Н. Істориографія в лицах, проблемах, дисциплінах: Из истории Новороссийского университета. – Одесса: Астропринт, 2007. – 536 с. // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Головний редактор В. Смолій; відповідальний редактор І. Колесник. Випуск 3. Київ: Інститут історії України НАН України. 2007. С. 498-503.

Оноприенко В.И. Істориографія и вызовы постмодерна. Попова Т.Н. Істориографія в лицах, проблемах, дисциплінах: Из истории Новороссийского университета. – Одесса: Астропринт, 2007. 536 с. // Наука та наукознавство: Міжнародний науковий журнал. 2008. № 1 (59). С. 171-173.

Посохов С.И. Істориографія вчера, сьогодні, завтра (рец. на кн.: Попова Т.Н. Істориографія в лицах, проблемах, дисциплінах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. 536 с.) // Харківський історіографічний збірник. Випуск 9. Харків: Видавництво НУА, 2008. С. 254-256.

¹ В данную избранную библиографию вошли наиболее значимые с точки зрения автора книги и статьи за 1991-2021 годы.

² URL: <https://knigogid.ru/books/1890513-istoriografiya-v-licah-problemah-disciplinah-iz-istorii-novorossiyskogo-universiteta/toread> <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19708119>

Пирогова Л.В. [Рец.] Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. 536 с. // Український історичний журнал. 2008. № 4. С. 226-227.

Корзун В.П. [Рец.] Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. 536 с. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М.: Институт всеобщей истории РАН. 2008. С. 388-398.

Дмитрієнко М., Буряк Л.І. Рецензія на кн.: Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. 536 с. // Гілея (науковий вісник): Збірник наукових праць / Гол. ред. В.М. Вашкевич. Київ, 2009. Випуск 22. С. 434-442.

Велева М. Попова, Т. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах. Из истории Новороссийского университета. Одесса, 2007, 536 с. // Историческое будущее. София: Ассоциация КЛИО. Година XII-XIII. Брой 1-2. 2008-2009. С. 284-286.

2. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М.А., 2017. 456 с.¹

Рецензии:

Ясь Олексій. [Рец.] Попова Т. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. – Одесса: Бондаренко М.А., 2017. 456 с. // Український історичний журнал. 2018. № 4. С. 220-225.

Гребцова И.С. Биоисториография: традиции и новации в изучении высшего исторического образования в Украине: Рец. на кн.: Попова Т.Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. / Т.Н. Попова. Одесса: Бондаренко М.А., 2017. 455 с. // Вісник ОНУ. Серія: Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. 2018. Т. 23, випуск 1. С. 201-204.

Киселева Ю.А. Методологический и этический потенциал биоисториографии: впечатления от книги: Рец. на кн.: Попова Т.Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса, 2017. 456 с. // Харківський історіографічний збірник. Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2017. Випуск 16. С. 291-295.

Костенко Антон. Біоісторіописання: синтез нового і традиційного. Огляд монографії: Попова Т.Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика / Татьяна Попова. Одесса: Бондаренко М.А., 2017. 456 с. // Scriptorium nostrum. Електронний історичний журнал. 2017. No 3 (9). С. 273-275.

Левченко Валерій. У пошуках біографічного ключа. Рец. на: Попова Т.М. «Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографиче-

¹ URL: <https://drive.google.com/file/d/18MShKsfGSEKulPV56POJMowdACOlGfr7/view?usp=drivesdk> <http://dspace.onu.edu.ua:8080/handle/123456789/19359>

ских традиций. Теория. Методология. Практика» (Одесса: Бондаренко М.А., 2017. – 456 с.) // Краєзнавство. Науковий журнал. 2018. № 3 (104). С. 238-239.

3. Дисциплінарний образ науки: підходи і поняття. Одеса: Бондаренко М.А., 2019. 392 с.¹

Рецензії:

Олексій Ясь [Рецензія на кн.:] Попова Т. Дисциплінарний образ науки: підходи і поняття. Одеса, 2019. 392 с. // Український історичний журнал. 2020. № 1. С. 211–218.

Гребцова І. Дисциплінарний поворот в сучасній науці // Записки Історичного факультету. 30 випуск 2019: збірник наукових праць / колектив авторів. Одеса: ОНУ імені І.І. Мечникова, 2019. С. 409-414.

4. Петр Михайлович Бицилли: портрет в манере «сфумато». Одесса: Бондаренко М.А., 2021. 560 с.²

Рецензії:

Голубовский Евгений. Книжный развал. Издано в Одессе. [Рец.:] Т.Н. Попова. Петр Михайлович Бицилли. Портрет в манере «сфумато». Одесса, изд. Бондаренко М.А., 2021 // Дерибасовская-Ришельевская. Альманах. 2021. № 86. С. 375.

Косик В.И. [Рец.] ПОПОВА Т.Н. ПЕТР МИХАЙЛОВИЧ БИЦИЛЛИ ПОРТРЕТ В МАНЕРЕ «СФУМАТО». – ОДЕССА: БОНДАРЕНКО М.А. – 2021. – 569 с. // Русистика без границ. Международный научный журнал. София, 2021. № 3. С. 75-80

Ясь Олексій. [Рец.:] Попова Т. Петр Михайлович Бицилли: портрет в манере «сфумато». – Одесса: Бондаренко М.А., 2021. – 560 с. // Український історичний журнал. 2021. № 6.

Дунаева Ю.В. [[Реф.:] Попова Т.Н. Пётр Михайлович Бицилли : портрет в манере «сфумато». – Одесса: Бондаренко М.А., 2021. – 560 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. М.: ИНИОН. РАН, 2022. № 1. С. 139–143.

5. Историография, биоисториописание, бициллиеведение: теория, методология, практика. Одесса: Бондаренко М.А., 2022. 472 с.³

* * *

¹ URL:<https://drive.google.com/file/d/12AwO6HWW3PvUBQaVvYB6n5ZEK1d8fmtG/view?usp=drivesdk> <http://dspace.onu.edu.ua:8080/handle/123456789/25884>

² URL:<https://drive.google.com/file/d/1qotKyljY6K1SnOpRTF2uxKVnij3TLwJB/view?usp=drivesdk> <http://liber.onu.edu.ua:8080/handle/123456789/31304>

³ URL: http://www.dspace.onu.edu.ua:8080/browse?type=author&sort_by=1&order=ASC&rpp=20&etal=-1&value=%D0%9F%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B0%2C+%D0%A2%D0%B5%D1%82%D1%8F%D0%BD%D0%B0+%D0%9C%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D1%97%D0%B2%D0%BD%D0%B0&starts_with=F

6. Авто-био-историографические заметки. Одесса: Бондаренко М.А., 2020. 296 с.

Рецензии:

Голубович Инна. Калейдоскоп образов на фоне эпох [Рец.: Попова Т.Н. Авто-био-историографические заметки Одесса, Бондаренко, 2020] // «Дерибасовская – Ришельевская». Альманах. Одесса, 2021. № 1 (84). С. 372-375. [Литературно-художественное издание серии «Одесская библиотека». Издается с 2000 г.]

Посохов С. Благодарность судьбе // Университеты. Научно-популярный журнал. 2020. № 2. С. 80-81.

* * *

7. Алексей Иванович Маркевич (1847-1903). Биобиблиографический указатель. Сост.: В.В. Самодурова, И.В. Максименко; Науч. ред и автор вступ. ст.Т.Н. Попова.Одесса: ОГУ, 1997. 150 с.

Рецензии:

Губарь О. Человек, не равный своей биографии // Вестник региона. 1997. № 44 (158), 13 декабря.

Таран Л. Нова біобібліографічна праця. Рецензія на: Алексей Иванович Маркевич (1847-1903): биобиблиографический указатель. Одесса, 1997 // Студії з архівної справи та документознавства. Том третій. Київ, 1998. С. 184-185.

Непомнящий А.А. Славная преемственность традиций. По поводу издания: Алексей Иванович Маркевич. Биобиблиографический указатель. // Культура народов Причерноморья. 1998. № 5. С. 509-511.

Гонтар А. Забытые имена // Вестник региона. 1999. 13 марта. № 10 (229).

Дмитрієнко М. Рец.: Алексей Иванович Маркевич (1847-1903): Биобиблиографический указатель. Одесса, 1997. 150с. // Бібліотечний вісник. 1999. № 6. С. 53.

Непомнящий А.А., Спирова В.И. Вокруг Арсения Маркевича: по поводу последних публикаций // Библиотечное дело и краеведение: Сборник научных трудов. Выпуск 2 / Ред колл.: П.Т. Тронько, А.А. Непомнящий, А.Р. Эмиров и др. Киев; Симферополь: ДОЛЯ, 2000. С. 221-222.

8. Евгений Николаевич Щепкин (1860-1920): Биобиблиографический указатель. Сост.: И.В. Максименко, В.В. Самодурова; Науч. ред. Т.Н. Попова. Одесса: ОГУ, 1998. 131 с.

Рецензии:

Пикалов В.Г. Региональная «историография в лицах»: поиски и успехи // Категоріальний апарат історичної науки: Харківський історіографічний збірник. Харків: НМЦ “СД”, 2000. Випуск 4. С. 92-94.

Ясь Олексій. Персональна бібліографія істориків України (Матеріали до бібліографії бібліографій) // Спеціальні історичні дисципліни: питання

теорії та методики. Число 8-9. У двох частинах. Частина 1. Збірка праць на пошану відомого вченого, історика-українознавця, академіка Української Могиллянсько-Мазепинської Академії наук (м. Оттава, Канада) Ярослава Івановича Дзири. Київ: НАН України, 2002. С. 416, 423.

Павленко Г.В., Таран Л.В. Евгений Николаевич Щепкин (1860-1920). Биобиблиографический указатель. Одесса, 1998 // Південний архів: Збірник наукових праць. Історичні науки. Випуск 15. Херсон: Видавництво ХДУ, 2004. С. 195-196.

9. Анна Михайловна Шабанова (1933-2006). К 80-летию со дня рождения: сб. памяти: биографические материалы и статьи / Ред. – сост. Т.Н. Попова. Одесса: ОНУ, 2012. 124 с.

10. Історик Євген Миколайович Щепкін (1860-1920): постать в контексті доби. Матеріали міжнар. наук. конференції «IV Історіографічні читання», присвяч. 150-й річниці з дня народження професора Є.М. Щепкіна (21-22 травня 2010 р.), м. Одеса / Одеськ. нац. ун-т ім. І.І. Мечникова, істор. ф-т. Відп. ред. В.М. Хмарський; науков. ред. Т.М. Попова. Одеса: ТЕС, 2012. 212 с.

* * *

1. Развитие исторической науки как историографический процесс // Советская историческая наука и новое политическое мышление / Под ред. проф. М.Е. Раковского. Одесса: ОГУ, 1991. С. 48-52.
2. О преподавании историографии всеобщей истории в Новороссийском университете в начале XX века // Актуальные проблемы исследования и преподавания новой истории стран Западной Европы и Америки. Одесса: ОГУ, 1992. С. 37-42.
3. О понятии «историографический процесс» // Історія і теорія історичної науки та освіти: Харківський історіографічний збірник. Випуск 1. Харків: ХДУ (Авеста), 1995. С. 47-59.
4. Проблема формирования историографии как научной дисциплины: традиционные подходы и новые модели // Записки исторического факультета. Випуск 1. Историография и специальные исторические дисциплины. Одесса: ОГУ, 1995. С. 3-45.
5. Об институционализации историографии // Історична наука на порозі XXI століття: підсумки та перспективи. Матеріали Всеукраїнської наукової конференції (м. Харків, 15-17 листопада 1995р.). Харків: ХДУ (Авеста), 1995. С. 77-82.
6. Становление историографии как специальной исторической дисциплины: некоторые аспекты проблемы // Российские университеты в XIX – начале XX века. Сб. научных статей. Воронеж: ВГУ, 1996. С. 44-55.
7. Алексей Иванович Маркевич: заметки к биоисториографическому этюду // Алексей Иванович Маркевич (1847-1903). Биобиблиографический указатель. Сост.: В.В. Самодурова, И.В. Максименко; Науч. ред и автор вступ. ст. Т.Н. Попова. Одесса: ОГУ, 1997. С. 15-86.

8. О методике биоисториографических исследований // Записки історичного факультету. Випуск 5. Одеса: ОДУ, 1997. С 165-172.
9. Об институционализации историографии // Проблеми історії та методології історичної науки: Харківський історіографічний збірник. Випуск 3. Харків, 1998. (Матеріали наукового семінару «Категоріальний апарат і методи сучасної історичної науки»: III Астаховські читання, Харків, 29-30 травня 1997 р.). С. 5-14.
10. Історіографія в дисциплінарному сімействі історичних наук // Історіографічні дослідження в Україні. Науковий збірник. Випуск 9. Київ: Інститут історії України НАН України, 1999. С. 267-276.
11. Из истории историографии: В.Э. Крусман (К 120-летию со дня рождения) // Записки історичного факультету. Випуск 9. Одеса: ОДУ, 1999. С. 171-179.
12. Возвращение Бицилли // Вестник региона. 1999. 10, 17 дек., №№ 48-49.
13. К биографии П.М. Бицилли: Из истории одесского периода жизни ученого // Исторические записки. Научные труды исторического факультета. Випуск 5. Воронеж: ВГУ, 2000. С. 34-45.
14. Из истории историографии: П.М. Бицилли. К 120-летию со дня рождения // Российские университеты в XVIII – XX веках. Сб. научных статей. Випуск 5. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2000. С. 200-216.
15. Историографическая наука: проблемы самоназвания // Категоріальний апарат історичної науки: Харківський історіографічний збірник. Харків: НМЦ “СД”, 2000. Випуск 4. С. 20-33.
16. Лики историографии: имена и смыслы // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики (Число 5) / Історіографічні дослідження в Україні (Вип. 10): Збірка наукових праць на пошану академіка НАН України В.А. Смолія: У 2 ч. / Відп. ред. М.Ф. Дмитрієнко, Ю.А. Пінчук. Київ: НАН України. Ін-т історії України, 2000. Ч. 2. Історіографія. С. 415-434.
17. Проблемы категориального аппарата историко-региональных исследований в современной российской историографии // Записки історичного факультету / Одеський національний університет імені І.І. Мечникова. Випуск 11. Одеса: Видавництво “Друк”, 2001. С. 22-30.
18. Историографический процесс: к экспликации понятия // Спеціальні історичні дисципліни: Питання теорії та методики: Збірка наукових праць та спогадів пам'яті відомого вченого-історика, доктора історичних наук, професора Володимира Олександровича Замлинського. Число 6 (7). У двох част. / Відп. ред. М.Ф. Дмитрієнко. Київ: НАН України. Інститут історії України, 2001. Ч. 2. С. 323-343.
19. К вопросу о периодизации историографии: проблема понятий и категорий // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. Число 8-9. У двох частинах. Частина 2. Збірка праць на пошану відомого вченого, історика-українознавця, академіка Української Могилянсь-

- ко-Мазепинської Академії наук (м. Оттава, Канада) Ярослава Івановича Дзири. Київ: НАН України. Інститут історії України, 2002. С. 324-345.
20. Сюжеты украинской истории и историографии в творчестве А.И. Маркевича (К 100-летию со времени кончины ученого) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: Изд-во Брянского государственного университета, 2002. Выпуск 4. С. 110-121.
21. Алексей Маркевич // Історіографічні дослідження в Україні / Відп. ред. Ю.А. Пінчук. Київ: НАН України. Інститут історії України, 2003. Випуск 12: Визначні постаті української історіографії XIX-XX ст. С. 113-151.
22. П.М. Бицилли: из истории жизни и творчества // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. Збірка наукових праць. Число 10. У двох частинах. Частина 2. Пам'яті видатного вченого-історика доктора історичних наук, професора Михайла Брайчевського з нагоди 80-річчя від дня народження. Київ: НАН України, Інститут історії України, 2003. С. 196-218.
23. Образ университетского профессора: П.М. Бицилли // Харківський історіографічний збірник. Випуск 7. Харків: НМЦ-«СД», 2004. С. 15-30.
24. Проблемно-дисциплинарная структура исторических исследований в Новороссийском университете // Российские университеты в XVIII-XX веках: Сб. научных статей. Випуск 7. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. С. 30-49.
25. Историографический процесс в региональном измерении: подходы и понятия // Історико-географічні дослідження в Україні: Збірка наукових праць. Число 7. Київ: Інститут історії України НАН України, 2004. С. 290-324.
26. Историография и интеллектуальная история: симбиоз, оппозиция, ассимиляция..? (поговорим о наболевшем, или утоли мои печали!) // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Головний редактор В. Смолій; відповідальний редактор І. Колесник. Випуск 1. Київ: Інститут історії України НАН України. 2005. С. 138-163.
27. К проблеме формирования научного сообщества историков исторической науки: размышления на заданную тему // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. Збірка наукових праць. Число 12. У двох частинах. Частина 2. На пошану академіка НАН України, Героя України, доктора історичних наук, професора Петра Тимофійовича Тронька з нагоди 90-річчя від дня народження. Київ: НАН України. Інститут історії України, 2005. С. 94-117.
28. Читаем «постмодо»: с позиций неискушенности (ремарки историографические и прочие) // Харківський історіографічний збірник. Випуск 8. Харків: Вид-во НУА, 2006. С. 57-72.
29. П.М. Бицилли: размышления о творчестве // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Головний редактор В. Смолій; відповідальний редактор І. Колесник. Випуск 2. Київ: Інститут історії України НАН України. 2006. С. 98-124.

30. Маленькие заметки о больших проблемах: Историографическая ситуация на пути к «постпостмодерну» // Человек в истории и культуре: Сборник научных работ в честь 70-летия лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора, доктора исторических наук, Владимира Никифоровича Станко. Одесса-Терновка: Друк, 2007. С. 561-573.
31. К анализу региональной историографии: институциональный подход // Регіональна історія України. Збірник наукових статей. Випуск 1. Київ: Інститут історії України НАН України, 2007. С. 47-66.
32. Из истории Новороссийского университета: Е.П.Трифильев. К 140-летию со дня рождения (биоисториографический контур) // Проблемы славяноведения: Сб. научных статей и материалов. Выход 9. Брянск: Изд-во БГУ, 2007. С. 42-62.
33. О биоисториографических исследованиях (три заметки с приложением) // Спеціальні історичні дисципліни: Питання теорії та методики. Збірка наукових праць. Число 14. На пошану історика, джерелознавця, історіографа, професора Київського національного університету імені Тараса Шевченка Ярослава Калакури з нагоди 70-річного ювілею. Київ: Інститут історії України НАН України, 2007. С. 44-62.
34. Бициллиеведение: информационно-аналитические комментарии (Круглый стол «Бициллиеведение в международного интеллектуально пространство: состояние и перспективы». X международная научная конференция «Българите в Северното Причерноморие», 15-16 септември 2007 г.) // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Головний редактор В. Смолий; відповідальний редактор І. Колесник. Виход 3. Київ: Інститут історії України НАН України. 2008. С. 389-423.
35. В.Э. Крушман: новое прочтение // Древнее Причерноморье. Выход VIII / Под ред. И.В. Немченко и др. Одесса: ФЛП «Фридман А.С.», 2008. С. 294-299.
36. Фундаторы бициллиеведения: М.Н. Велева, М.А. Бирман // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: ООО «Ладомир», 2008. Выход 10. С. 159-172.
37. Историография сегодня: три штриха с резюме к проблеме институционального кризиса // Історіографічні дослідження в Україні. Виход 19. Київ: Інститут історії України НАН України. 2008. С. 42-72.
38. Приближение к П.М. Бицилли: заметки и ремарки (К 130-летию со дня рождения) // Одесская болгаристика. Научный ежегодник. 2007-2008. № 5-6. С. 57-73.
39. Проблемы изучения интеллектуальной биографии А.В. Флоровского: К 125-летию со дня рождения // Проблемы славяноведения: Сб. научных статей и материалов. Выход 11. Брянск: РИО БГУ, 2009. С. 147-164.
40. Бициллиеведение: историографический контур // Българите в Северното Причерноморие. Исследования и материалы. Вторая часть. Бициллизнание в международного интеллектуально пространство: состоя-

- ние и перспективы. Том десети. Одеса – Велико Търново, 2009. С. 291-301.
41. П.М. Бицилли: проблема наставников и школы (К 130-летию со дня рождения) // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Выпуск 5. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. С. 52-71.
  42. Дисциплинарное сообщество историографов на исходе Постмодерна (фрагменты размышлений) // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Головний редактор В. Смолій; відповідальний редактор І. Колесник. Випуск 4. Київ: Інститут історії України НАН України. 2009. С. 210-235.
  43. История исторической науки: проблемы самоназвания // Идеи академika И.Д. Ковальченко в XXI веке. Материалы IV Научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М.: Изд-во Московского университета, 2009. С. 227-236.
  44. Бициллиеведение – новый исследовательский ландшафт в историографии Украины (К 130-летию со дня рождения П.М. Бицилли // Історіографічні дослідження в Україні / Голова редколегії В.А. Смолій; відп. ред. О.А. Удод. Київ: Інститут історії України НАН України, 2010. Випуск 20. С. 155-169.
  45. Бициллиеведение: состояние, проблемы, перспективы // «Погасло дневное светило...» Руската литературна емиграция в България 1919-1944 / Българска Академия на науките. Институт за литература. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2010. С. 334-348.
  46. К вопросу о дисциплинарной истории историографии (на материалах Новороссийского университета) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: РИО БГУ, 2010. Випуск 12. С. 174-187.
  47. Интерв'ю [Вопрос: Можно ли утверждать, что историография как научная дисциплина сегодня пребывает в кризисе? (Или: В чем Вы видите перспективы историографии как научной дисциплины?)] // Харківський історіографічний збірник. Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2010. Випуск 10. С. 286-301.
  48. Историография в контексте дисциплинарных традиций // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Издательство ЛКИ, 2011. С. 474-490.
  49. Историография в человеческом измерении // Історіографічні дослідження в Україні / Голова редколегії В.А. Смолій; відп. ред. О.А. Удод. Київ: Інститут історії України НАН України, 2012. Випуск 22. С. 265-292.
  50. Метаморфозы историографии, или история с историей истории // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX-XXI вв. / Отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 198-215.
  51. Несколько фактов из персональной истории П.М. Бицилли: К вопросу

- о достоверности его-документов // Древнее Причерноморье. Выпуск X / Глав. ред. И.В. Немченко. Одесса: ФЛП «А.С. Фридман», 2013. С. 514-520.
52. К истории бициллиеведения: общий абрис // Българите в Северното Причерноморие. Изследования и материали. Т. 12. Одесса: Симекс-принт. 2013. С. 27-76.
  53. Личность и творчество: фрагменты персональной истории профессора Новороссийского университета А.И. Маркевича // Мир историка: историографический сборник / [редкол.: В.П. Корзун (отв. ред.), С.П. Бычков (отв. ред.), Н.Н. Алеврас и др.]. Выпуск 10. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. Омск, 2015. С. 107-137.
  54. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций: теория, методология, практика // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Головний редактор В. Смолій; відповідальний редактор І. Колесник. Випуск 8. Київ: Інститут історії України НАН України, 2014/2015. С.15-40.
  55. В.Э. Крусман: новые его-документы // Харківський історіографічний збірник. Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2015. Випуск 14. С. 179-190 [в соавт.: Ю.А. Киселева].
  56. Биоисториописание в контексте научных традиций: концепты и модели // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2005. Випуск 53. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 30-53.
  57. Из истории Новороссийского университета: памяти А.Г. Брикнера // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: РИО БГУ, 2016. Випуск 18. С.70-87.
  58. Образ историографии в творчестве П.М. Бицилли (К 135-летию со дня рождения ученого) // Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы: сб. науч. тр. / отв. ред. П.А. Трибунский; Институт российской истории Российской академии наук. М.: Институт российской истории РАН, 2016. С. 234-247.
  59. Образ *истории истории* в современном историографическом пространстве // Человек в истории и культуре. Мемориальный сборник научных работ в память лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора, доктора исторических наук Владимира Никифоровича Станко / Отв. ред. А.А. Пригарин. Одесса: Ирбис, 2017. С. 375-402.
  60. В поисках азимута, или новые траектории «старого» биографизма // ПРОФЕССИЯ – ИСТОРИК (к юбилею Л.П. Репиной) / Отв. ред. О.В. Воробьева. М.: Аквилон, 2017. С. 46-68.
  61. Владимир Эдуардович Крусман: фрагменты персональной истории // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2017. Випуск 19. С. 69-91.
  62. Биоисториография в структуре современного биографизма // Хар-

- ківський історіографічний збірник. Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2017. Випуск 16. С. 192-207.
63. В.Э. Крусман: эпоха и наука под скальпелем историка // Стародавнє Причорномор'я. Випуск XII / Голов. ред. І.В. Немченко. Одеса: Одеський національний університет імені І.І. Мечникова, 2018. С. 446-453.
  64. П.М. Бицилли: фрагменты семейной истории // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2018. Випуск 20. С. 126-147 [в соавт.: В.В. Левченко].
  65. Размышления на два голоса. Читаем книгу: Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество // Культура украинских философских сообществ: ситуация трансформации: [коллективная монография] / ред. кол. Л.Н. Богатая, И.В. Голубович, К.В. Райхерт; отв. ред. Л.Н. Богатая. Одесса: Печатный дом, 2019. С. 143-158 [в соавт.: И.В. Голубович.]
  66. Історіографія в контексті трансформації дисциплінарного образу науки: проблеми дослідження // Еволюція соціально-політичних структур в контексті суспільних перетворень та персональна історія нового та новітнього часу. Наукове видання. Одеса: ОНУ ім. І.І. Мечникова, 2019. С. 85-96.
  67. Историография: дисциплинарный формат изучения // Историографический сборник: Межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2020. Випуск 27. С. 192-202.
  68. Кафедральная корпорация: проблемы изучения // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века: сборник статей и сообщений: В 2 т. Т. 1 / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2020. С. 132-136.
  69. О понятии «микроскопический анализ» в творчестве П.М. Бицилли // Междисциплинарный потенциал устной истории и новые пути развития исторического знания: материалы Междунар. науч. конф. (Чебоксары, 23 апр. 2021 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ИД «Среда», 2021. С. 225-228.
  70. Бициллиеведение: имена и смыслы // Стародавнє Причорномор'я. Випуск XIII / Голов. ред. І.В. Немченко. Одеса: Одеський національний університет імені І.І. Мечникова, 2021. С. 337-345.

Дополнение

Рецензии и отзывы

*Дмитрієнко М.Ф., доктор історичних наук, професор,
заслужений діяч науки та техніки України,
Лауреат Державної премії України в галузі науки і техніки,
Академік Міжнародної слов'янської академії наук,
нагороджена орденом княгині Ольги II і III ст.,*

*Буряк Л.І., доктор історичних наук, професор,
провідний науковий співробітник Інституту біографічних досліджень
Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського*

Проблеми дослідження історіографічного процесу та шляхи їх розв'язання з огляду на багатовимірність

Рецензія на кн.: Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах,
дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. –
Одесса: Астропринт, 2007. – 536 с.¹

В останні два десятиліття ми спостерігаємо не абиякий інтерес до історичної науки, історії її розвитку не тільки на теренах окремих незалежних держав, що нещодавно входили до складу великих імперій, але у всьому світі. Історики різних країн намагаються критично переосмислити надбання та досвід минулого, поглянути за умов модернізації методології сучасного історіографічного процесу на все те, що було зроблено їхніми попередниками, а, відтак, дати належну їм оцінку та визначити подальші шляхи поступу у складній справі дослідження історіописання в різні часи. В Україні все частіше стали з'являтися дослідження, що, як і в усьому науковому світі, пильну увагу приділяють історичній спадщині – великій роботі тих визначних вчених, що своєю науковою працею зробили достойний внесок до вивчення різних складових вітчизняної історії, ставили і вирішували у відповідності із запитам своєї епохи ключові питання теорії та методології історичної науки, окремих її складових. Вивчення формування, всіх аспектів національної історичної традиції, всього зробленого плеядою представників різних шкіл і напрямків, які заклали фундамент історичної науки в Україні, сприяли розвитку історичних знань – важка, відповідальна, але вдячна справа. Адже саме через це можна достеменно визначити місце і роль нашої науки в світовому історіографічному просторі.

У 2007 р. вийшла у світ монографія Т.М. Попової «Историография в лицах. проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета», присвячена 75-річчю історичного факультету університету. Ця незвична за формою та за змістом праця одразу привернула до себе пильну увагу фахівців.

¹ См.: Гілея (науковий вісник): Збірник наукових праць / Гол. ред. В.М. Вашкевич. Київ, 2009. Вип. 22. С.434-442.

Написана істориком інтелектуалом, яким без сумніву є професор Т.М.Попова, ґрунтовна монографія виходить за межі канонів традиційних праць з історіографії. Авторка зробила вдалу спробу втілити у форматі дослідження елементи постмодерністської традиції, де мозаїчність, що виступає домінантою сприйняття світу, екстрапольована у площину історіографічного процесу з багатоманітністю його складових.

Цілком логічним є те, що Т.М. Попова вже на початку своєї книга («Вместо предисловия») акцентує увагу на особливостях історіографічної науки, яка є способом самопізнання і самоідентифікації історика в самій історичній науці. Майбутнє історії історичної науки та історичного пізнання вцілому розглядається в сучасній науковій літературі з погляду радикального оновлення дослідницької програми і доктринально-дисциплінарних основ. Увага історіографів, на думку автора, повинна в першу чергу орієнтуватися і концентруватися не на «інвентаризації» історичних концепцій, напрямків і шкіл, а на якісних змінах у пізнавальній діяльності істориків, так званих «поворотах і викликах», на перманентній появі «нової історичної науки», на еволюції конкретно-історичних форм і способів історіописання. Історична наука виступає, а відтак і розглядається, як складна інтелектуальна система з неминучою трансформацією своїх формальних і змістовних ознак та структури окремих гілок історичного знання, і, одночасно, із збереженням гетерогенності – існування в межах академічного співтовариства істориків, ідентифікуючих себе з різними дисциплінарними, методологічними, ідейно-політичними, соціальними та іншими угрупованнями. Стратегія історіографії по збереженню свого дисциплінарного статусу передбачає звернення до своєї власної дисциплінарної історії. В книзі Т.М. Попової, починаючи від передмови і до останніх сторішок («Вместо заключения»), наскрізно проходить складна проблема дисциплінарності історіографії як історії історичної науки, що має відповідну структуру і займає важливе місце в історичному знанні. Розвиваючи та аналізуючи міркування своїх попередників, які ще на рубежі XVIII-XIX ст. – часу започаткування дисциплінарності історіографії, як історії розвитку історичного знання – звернулися до цієї проблеми, уважно прослідкувала процес розвитку історіографії й слушно підкреслила її особливе місце не тільки як засобу всієї дисциплінарної історії, але й як системи з власним інструментарієм, що виконує інтегруючу роль, допомагає досягнути історію як науку.

Чимало уваги у вступі автор приділила так званому «дисциплінарному сімейству» (дисциплінарній родині), яка ще чекає свого багатовимірного аналізу, що, в свою чергу, буде залежати від ступеня розробки дисциплінарної історії конкретних історичних дисциплін, тобто розмаїття гілок історичного пізнання. Зокрема від того, наскільки добре ми будемо знати, яким було наукове співтовариство істориків минулого, який образ науки ним було вироблено і усвідомлено, як еволюціонізували уявлення фахівців-історіографів. їх лексикон, стиль мислення, яким були засоби комунікації, підготовка наукових кадрів, система викладання тощо – залежить подальший розвиток самої історіографії, а разом з нею і всього комплексу «великої родини» історичних спецдисциплін.

Праця складається з семи розділів, названих автором екскурсами, кожен з

яких є яскравим, повноцінним та самодостатнім матеріалом. Водночас усі разом вони являють собою цілісне багатогранне мозаїчне панно під назвою «історіографія», що є гідним уваги спеціалістів, підготовлених до сприйняття високоінтелектуальних текстів. Монографія значно розширює межі проблемного поля історіографії, охоплюючи цілий спектр спеціальних історичних дисциплін і напрямів, які поглиблюють та доповнюють загальну картину. Аналізуючи складні процеси диференціації та інтеграції наукового знання, Т.М. Попова пропонує розглядати всю історичну науку як «мегадисципліну» або «дисциплінарне сімейство» і використовує полідисциплінарний підхід, підтверджуючи його необхідності для розширення предметного діапазону історичного пошуку.

Відтворюючи історію історичної науки у Новоросійському університеті, авторка монографії розглядає її у контексті регіональної історії, демонструючи вдале поєднання в своєму дослідженні особливостей історії розвитку спеціальних історичних дисциплін, серед яких особливу увагу приділяє біоісторіографії, просопографії, біографістиці. Це зовсім не випадково. Адже дані спеціальності відіграють важливу роль у процесі осягнення особи, зокрема історика, відкривають перспективу створення своєрідного реєстру тих унікальних рис, а також подій і фактів, що доповнюють портретну характеристику дослідників.

Знаменно те, що своє наукове кредо вчена висловлює формулою І.Лакатоса, за якою «філософія науки без історії науки порожня; історія науки без філософії науки сліпа». Виходячи з цього, вона будує монографію у вигляді роздумів, у яких переплітаються філософські міркування та соціопсихологічні підходи, спрямовані на пізнання історії історичної науки. Формулюючи проблему, в одних випадках дослідниця пропонує її розв'язання, в інших - лише висловлює власне бачення, залишаючи право на вирішення за читачем. У цьому сенсі надзвичайної уваги заслуговують міркування та висновки авторки, що стосуються аналізу поняття «історіографічний процес» як ключового в категоріальному апараті історіографії.

Символічним маркером, що при першому ж погляді на книгу орієнтує на філософське сприйняття матеріалу та його глибоке осмислення, є своєрідний діалог афористичних висловлювань, якими супроводжується кожен з розділів-екскурсів. Афоризми-епіграфи А. Монтеня, Умберто Еко, Жана Ануя, Яна Парандовського, В.І. Вернадського, У. Шекспіра та інших визначних інтелектуалів різних епох вказують на ключ до прочитання тексту, дають підказку до осягнення кожної з складних теоретичних проблем історіографії.

Дослідниця ставить надзавдання і успішно розв'язує їх завдяки своєму інтелекту, наявності залученої, вражаючо великої, здебільшого вперше опрацьованої нею джерельної бази та майстерному володінню методологією. Вона розшифровує формулу «історіографічний процес», звертаючись до соціокогнітивних передумов його виникнення та здійснюючи послідовно свій аналіз у трьох аспектах - онтологічному, гносеологічному і методологічному. При цьому особлива увага приділяється проблемі взаємодії різних факторів розвитку науки, серед яких виокремлюються її предметний зміст, соціально-економічні, культурно-історичні умови, особистісні характеристики. Окрім того, у моно-

графії аналізуються історіографічні моделі – «дидактична» та «рефлексивна» відповідно до структури роботи. її змісту та авторства.

Висвітлення інституалізаційних процесів здійснюється за критеріями полівекторності. Заслуга Т.М. Попової як вдумливого науковця полягає у тому, що їй вдалося напрочуд органічно *презентувати історіографію як багатовимірне явище*, що пройшло у своєму розвитку складний еволюційний шлях, на якому багатоваріантність наявних модифікацій представлена калейдоскопом осіб та великою кількістю праць різних за назвами, та проблематикою.

Слід відмітити, що справжнім досягненням у монографії є вдалий підхід до розгляду саме складних та суперечливих теоретичних проблем історіографії. Актуалізація концептуальної тріади автор-текст-контекст, що є альфою та омегою будь-якого історіографічного процесу, тут втілюється крізь призму науково-творчої спадщини окремих постатей, проблемне поле їхніх досліджень, біографію, викладацьку діяльність та оточуюче середовище. Історіографічний процес у Новоросійському університеті характеризується у фундаментальній праці Т.М. Попової багатовимірністю при розгляді його у контексті наукової та викладацької діяльності неординарних постатей, серед яких такі знані вчені, як О.І. Маркевич, П.М. Біциллі, Є.М. Щепкін, В.Е. Крусман. Аналізуючи їхні такі не прості долі, науковий доробок, ментальність та психологію, дослідниця тим самим виводить історіографію на новий рівень усвідомлення змісту, суті і власної форми. Стратегія історіографії по підтриманню свого дисциплінарного статусу передбачає звернення до своєї власної дисциплінарної історії, біографій тих, хто здійснив свій внесок до її скарбниці.

Біоісторюграфічні екскурси вдало вписані в книзі у загальний контекст праці і підтверджують досконале володіння дослідницею запропонованим жанром, який передбачає дотримання певних норм і правил. Більш того, Т.М. Попова не лише подає блискучі приклади біоісторюграфічних етюдів, вона розробляє і пропонує власну модель біоісторюграфічного аналізу, у якому виокремлює двадцять одну позицію з численною деталізацією кожної. Не всі з них, звичайно, можна вважати бездоганними і такими, що їх можливо застосувати в кожному конкретному випадку вивчення біоісторіографії, оскільки мова йде про дослідження біографічного жанру, що має свої закони і багато в чому залежить від епохи, в якій працювали і жили окремі особи. Через це в одному випадку наголос робиться на родинному походженні (титул, оточення тощо), в іншому – на реалізації власного «я» в суспільстві та отриманні, дякуючи волі, характеру, насазі, здібностям не тільки наукових ступенів, так званих «чинів» й титулування, а й особливого статусу вченого, зафіксованого в документах. У авторки ці відомості розділено на кілька складових, що входять у різні частини запропонованої моделі біоісторюграфічного аналізу. З деякими її складовими можна сперечатися, але сама ідея моделі – талановито виконаний задум, що стане в нагоді не тільки тим, хто послуговується біографічним жанром, але й для укладачів науково-довідкових видань, біографічних словників як різновиду видань енциклопедичного типу. Їх наявність в корпусі спеціальної літератури конкретної галузі знань є показником її зрілості та важливим фактором

для подальшого розвитку. Упорядковані словники персоналій, що присвячені історикам, завдяки їх унікальній інформації дозволяють досягнути весь процес розвитку науки вцілому. проаналізувати її досягнення на певному відтинку часу. Так, у розділі-екскурсі монографії під номером сім «О биоисториографических исследованиях» Т.М. Попова прагне дати своє бачення біографії та біоісторіографії, пропонуючи і оприлюднюючи свої власні підходи до вивчення тематики. Чому це потрібно – розкриває взяте за епіграф і наведене у книзі висловлювання П.М. Біцилли про те, що людина не дорівнює своїй біографії, а історик передусім через творчість розкриває себе як особистість і його діяльність, творчі здобутки і є біографією.

Біоісторіографічний жанр вирізняється від традиційного біографічного, хоча і допускає так само багато стилів. Поруч із, образно кажучи, повнометражними картинами, широкомасштабними полотнами, не менш почесне місце посідають саме етюдні жанрові форми, інформативність яких чудово проілюстрована авторкою. Кожен з них виконує свою певну місію на різних рівнях в залежності від визначеної мети. Портрети істориків, за вдалим висловом дослідниці, постають у монографії в «інтер'єрі», який доповнює та підкреслює їх багатогранність та різноплановість. Роль «інтер'єру» в даному випадку виконують такі складові, як родовід, професійна кар'єра, мікро- та макросоціум, наукові інтереси, історіографічна спадщина. У свою чергу, кожна з цих неординарних постатей доповнює своєю присутністю загальний історичний «інтер'єр» епохи, висвітлюючи його важливі деталі, що врешті-решт дають уявлення про цілісну картину, яка складалася на той час у історіографії. До речі тут зауважити, що автором в моделі біоісторіографічного аналізу випущено таку суттєву складову, як майновий стан особи. Дослідники добре знають, що в особових справах до революції завжди вказувалося на наявність власності, маєтків, землі, будинків тощо. І, мабуть, зовсім не випадково письменник І.С. Тургенєв писав, що «мати власні переконання можливо тільки маючи особисту' власність, прибуток». Не зайвим, на нашу думку, було б окремою складовою моделі ввести пункт щодо цитування чи перевидання творів вчених у наступні періоди. Це б дало змогу з'ясувати причини замовчування окремих праць, або, навпаки, показати чому і що викликало до них інтерес.

Серед яскравих особистостей, що привернули увагу дослідниці, наділена рисами монументальності, надзвичайно яскрава постать О.І.Маркевича, спадщина якого відображає специфіку не лише регіональної історіографії, а є складовою вітчизняного історіографічного процесу вцілому, на чому наголошується у монографії. Відчувається, що ця багатогранна, наділена талантом людина стала особливо близькою Т.М. Поповій по духу, адже він, як втім і вона, набагато випередили свій час – «монометодологічний» за стилем наукового мислення та конфронтаційний за соціально-політичним та національним вимірами. Природа, як це показано у монографії, втілила в особі О.І. Маркевича всю повноту задуму щодо створення образу університетського викладача останньої третини ХІХ - початку ХХ ст., наділивши його рисами ліберала-просвітителя і, водночас, включивши до кола радикальної університетської професури.

Спадщина О.І. Маркевича. Його концептуальні погляди, професійно проаналізовані у цифрах, проблемах та жанрах, дають різнобічне уявлення про науковий доробок історика у різних вимірах. При цьому автор звертає увагу на сюжети української історії та, так звану, «русистику» у працях О.І.Маркевича. Аналізуючи доробок історика у сфері загальної історії, Т.М. Попова зупиняється на питаннях, розв'язання яких, на її погляд, значно доповнює характеристику її героя, розкриваючи світоглядні позиції не лише історика та історіографа, а людини-філософа, вченого-гуманіста. Одним із сакраментальних для О.І. Маркевича, як підкреслює дослідниця, було питанням «Що таке прогрес?». Його відповідь на нього звучить актуально у проекції на сучасний стан суспільства, і зрозуміло, чому у біоісторіографічному етюді із великої спадщини ученого виокремлюється саме цей епізод. Прогрес для О.І. Маркевича вимірюється, перш за все, не здобутками науки, освіти, покращенням умов повсякденного життя, значення яких він не призначує, а таким поняттям, як моральність, критерієм якої виступає життя однієї людини, зростання її цінності у процесі еволюції суспільства [с.294].

Для визначення «категоріального профілю» О.І. Маркевича Т.Н. Попова вважає на той факт, що його науково-педагогічна діяльність, як і діяльність всієї університетської інтелігенції у ХІХ - на початку ХХ ст., багато в чому залежала від структури їхнього мислення, ціннісних орієнтирів, які формувались у складній соціокультурній атмосфері. Підтримуючі науково-творчі концепти знаного канадського історика П. Магочія та української вченої, професора І. Колесник стосовно «взаємовиключних свідомостей» та «національних і культурних лояльностей» у світоглядах істориків, що формувались у другій половині ХІХ - на початку ХХ ст., вона пропонує оцінювати творчість О.І. Маркевича з позицій «чисельних лояльностей», що знайшло свій прояв у діапазоні дослідницької проблематики, в теоретико-методологічних підходах до її висвітлення, а також у відносинах з конкретними людьми [с.312].

Цікавою і змістовною сюжетною лінією цього екскурсу стало відображення дружніх стосунків історика з М.С.Грушевським та І.А. Лінниченком. Т.М. Попова намагається дослідити природу феномену дружби О.І.Маркевича з двома видатними вченими, які знаходились «по різні сторони барикад», не сприймали світоглядних позицій один одного, сповідуючи тип мислення, заснований на принципах «взаємовиключних культурних орієнтирів». І.А. Лінниченко – переконаний монархіст, попри своє українське походження, прихильник російської великодержавною, закидав О.І. Маркевичу його науковий «скептицизм», що, як він вважав, завадило вченому приєднатися до певної наукової школи. М.С. Грушевський оцінював творчість історика ступенем його відданості саме українській ідеї, критикуючи О.І. Маркевича за «поверхове» та «неглибоке» українофільство, хоча і вітав розширення (українського поля), у яке активно включалися представники «задніпрянської шляхти» – нові верстви української інтелектуальної еліти. Те, що О.І. Маркевич підтримував упродовж довгих років дружні стосунки з людьми полярними по своїм науковим та політичним поглядам, Т.М. Попова пояснює особливими якостями історика, зокрема його гли-

бокою повагою до людей, щирістю у ставленні до них. щедрістю душі, добро зичливістю, стремлінням допомогти всім без винятку та природним вмінням уникати конфліктів, на які так багате життя і творче спілкування.

У контекст біоісторюграфії О.І. Маркевича дослідниця вміло вписує статті, які органічно доповнюють як сам образ історика, так і додають цілісності та певної завершеності історіографічному процесу. Серед них – професор Київського університету В.С. Іконников, декан, а потім ректор Новоросійського університету І.С. Некрасов, талановитий етнограф В.М. Ястребов та інші. Окремі штрихи до портрету надають саме ті фрагменти з історії життя, які, як то не дивно, носять побіжний характер, але виступають за доказ при просопографічній характеристиці.

Оцінюючи історіографічну спадщину та особистість О.І. Маркевича у вітчизняному соціокультурному та історіографічному просторі, Т.М. Попова виокремлює ще один важливий чинник – *«культурний код нації»*, який так само нею пропонується взяти до уваги. На її думку, його ознаками можуть виступати *«родинність»*, *«антеїзм»*, *«стихийна бароковість»*, *«мовно-літературна стихія»*, що вносять свої елементи у багатогранний, різнобічно представлений портрет у *«інтер'єрі»* історика, історіографа, бібліографа, археографа, критика О.І. Маркевича. наукова спадщина якого, як справедливо зауважено, ще чекає на свою глибоку та всебічну оцінку в майбутньому. Роздуми Т.М. Попової стосовно багатомірності особи цього історика заслуговують на безперечне схвалення.

Не менш цікаво представлені в книзі долі інших трьох істориків, професорів Новоросійського університету – П.М. Біциллі, Є.М. Щепкша і В.Е. Крусмана. Цей етюд – ще один новаторський експеримент Т.М. Попової у жанрі біоісторюграфії, на цей раз – у полівимірному форматі. В одному етюді водночас аналізуються долі трьох істориків, що упродовж декількох років працювали на одній кафедрі історико-філологічного факультету. Критерії, що взяті за основу порівняльного дослідження, органічно виглядають в інтерпретації дослідниці, адже саме їм вона віддає пріоритет у власній науково-викладацькій практиці. До таких вона відносить природний талант вчених, їхню неординарність, яскраву індивідуальність, що проявляється в усьому, відданість історії, любов до ремесла історика, до тієї роботи, яку, волею долі, обрано за провідний вектор. До важливих критеріїв поєднання та порівняння належать також драматизм долі кожного з них, драматичне переплетіння їхніх життєвих шляхів та забуття на довгі роки наукової спадщини, що була такою важливою для оцінки здобутків вчених, імена яких стали знаковими.

Професіонал високого рівня, вчений, якому було притаманно особливе *«відчуття історії»*, П.М. Біциллі, за влучною характеристикою, наведеною у історіографічному етюді, виявився одним з тих, що були залишені на узбіччі *«поспішаючим людством»* [с.431]. Доля історика, на думку Т.М. Попової, передусім позначена трагізмом, адже висловивши у свій час блискучі думки, започаткувавши, по суті, цілий ряд нових наукових напрямів ХХ ст., П.М. Біциллі, в силу обставин, не увійшов до історіографічної класики, хоча повною мірою заслуговував на ранг першовідкривача в процесі розвитку історичного знання.

Звертаючись до наукової спадщини цього історика, дослідниця розглядає її у межах системи координат від медієвістики до культурології, від історії до філософії і від мінімуму в одеський період до максимуму у період еміграції. Позиціонуючи П.М. Біциллі як блискучого історика, Т.М. Попова звертає увагу на широкий діапазон його ґрунтовних та, можна твердити, енциклопедичних знань.

Як зауважується у монографії, інколи навіть складно кваліфікувати дослідницькі пріоритети творчості вченого, якого називають «політичним мислителем», «літературним критиком», «літературознавцем», «культурологом» – у відповідності до предмету, які опрацьовують дослідники. Відповідно до схеми біоісторіографічних досліджень, запропонованою на практиці в монографії Т.М. Поповою, розглядаються родовід історика, пошук ним шляхів у науці, академічна кар'єра, його наукові концепти, стосунки з різними людьми, близькими і далекими водночас, в тому числі його колегами В.Є. Крусманом та Є.М. Щепкіним тощо. Хоча спадщина П.М. Біциллі, починаючи з 90-х рр. ХХ ст., стала предметом дослідження не тільки українських, але і російських, і болгарських вчених, проте залишається ще великий її пласт, який потребує прискіпливої уваги та поліваріантності підходів, враховуючи складність біографії та самого наукового доробку історика, який представляє інтерес для багатьох наук гуманітарного профілю.

У монографії дослідниця відкриває ще одне забуте ім'я – «останнього романтика» В.Е. Крусмана [с.474], цілком закономірно повертаючи його до «великої» історіографії. Представник плеяди високоінтелектуальних випускників Петербурзького університету, В.Е. Крусман репрезентований як видатний історик з широким світоглядом, який працював у архівах та бібліотеках провідних наукових європейських центрів – Англії, Італії, Німеччини, Франції, знайомився з унікальними джерелами й підходив до кожного досліджуваного питання з вражаючою глибиною. Він прагнув фундаментального критичного аналізу джерел та дотримувався виключно методично-фактологічних обґрунтованих висновків. У біоісторіографічному екскурсі Т.М. Попової він представлений людиною високої культури, яка проявилася у стосунках з оточуючим світом. Щиро захотівшись лютневою революцією, називаючи її «великим державішим переворотом», В.Е. Крусман скоро пережив глибоке розчарування політичною практикою. Небажання іти на компроміси, приймати умови нових реалій призвели до того, що історик отінівся за межами улюбленої справи, не маючи можливості реалізовувати вповні свій талант і життєве покликання.

Драма історика в епоху глобальних трансформацій, що потрясли світ початку ХХ ст., талановито і майстерно відображена у глибоко проникливому етюді, присвяченому Є.М. Щепкіну – людині справді, так би мовити, карколомної долі. Цей екскурс, швидше за все, можна віднести до переліку біографічних, оскільки основна увага автора сконцентована переважно на основних фактах біографії історика. Т.М. Попова майже не торкається розгляду його праць, лише принагідно згадуючи про них. Суперечлива постать Є.М. Щепкіна, неймовірні повороти на його життєвому шляху призвели до майже полярних оцінок сучасниками – від глорифікаційних до зневажливо-знищувальних. Вони майже пов-

ністю захоплюють дослідницю. Відштовхуючись від наявних характеристик історика, в тому числі письменника І. Буніна, відомих істориків І.О. Лінніченка, М.Л. Рубінштейна, вона створює два яскравих образи Є.М. Щепкіна. Один – це випускник і приват-доцент історико-філологічного факультету Московського університету, знаний в Україні, Росії і Європі вчений, професор, що очолював кафедру загальної історії Новоросійського університету, викладач Одеських вищих жіночих курсів, член багатьох наукових товариств. Інший – образ політичного і громадського діяча, що пройшов шлях від лідера кадетів в Одесі і депутата 1-й Державної думи до комісара народної освіти Радянської України і увійшов до радянської історіографії, а також потрапив до пантеону діячів революційного руху як «перший професор комуніст в Україні і в Одесі» [с.453].

Проте, не зважаючи на досягнення у сфері історичної науки, визнання у науковому середовищі, успішну, на перший погляд, кар'єру за часів радянської влади, Т.М. Попова сприймає та інтерпретує долю Є.М. Щепкіна як трагедію людини, що виявилась розгубленою перед великим викликом початку ХХ ст. У її уявленні він постає заручником власної вченості. Як справжній науковець та істинний історик, він переносив принцип «істинності» з наукових досліджень у сферу політики та громадського життя, продовжуючи пошук ідеалу демократії у ХХ ст. і зайшовши так далеко, що навіть розстріл рідного брата більшовиками сприйняв як заслужену кару для людини, що виступила проти радянської влади [с.468].

Слід підкреслити, що у монографії на високому професійному рівні використовуються та аналізуються різноманітні за походженням і видовою ознакою історичні джерела. У етюді, присвяченому життю і діяльності Є.М. Щепкіна, особливо вдалим виглядає масив унікальних епістолярних джерел. Зокрема листи історика до своєї матері розкривають глибину його психології, ставлення до життя, тонке сприйняття оточуючого світу. Завдяки їм образ історика постає в усій повноті людської багатовимірності, з тими рисами, що характеризують такий шар почуттів.

Як людина високої культури, що діє за біблійним принципом «не судить і не будете судимими», автор закінчує свої роздуми про долю цієї неординарної постаті не відповіддю, а питанням, що орієнтує на обов'язкове повернення знову до спадщини і долі Є.М. Щепкіна: «Що здобув і що втратив він на цьому тернистому шляху? З якими думками він прожив останні дні? Чи маємо ми право виносити йому вирок?» Вирок завжди залишається в компетенції її величності історії, але багато що залежить від тих, хто надає їй відповідно проаналізований матеріал.

У кожному з історіографічних екскурсів, створюючи багатогранні, часом суперечливі портрети істориків в «інтер'єрі» епохи, дослідниця, по-перше, справедливо наголошує на необхідності повернення несправедливо вилученого з «великої» історіографічної спадщини їхнього представницького, не завжди однозначного наукового доробку. По-друге, вона обґрунтовує значення наукової діяльності істориків не лише для Новоросійського університету та південного регіону України. Наголошуючи на тому, що плеяда цих яскравих,

талановитих вчених відіграла важливу роль в історичній науці у час бурхливого розвитку української історіографії другої половини XIX - початку XX ст., а, отже, кожен з них мусить зайняти належне їм почесне місце у її поважному пантеоні, дослідниця закликає вчених не обминати роботу тих з попередників, хто був причетний до накопичення історичного знання, не звертаючи увагу на їх неординарність і особність в інтер'єрі тогочасної історії. Саме аналіз праць всіх, без винятку, вчених може сприяти створенню широкомасштабної картини поступу історіографічного процесу.

Монографія Т.М.Попової це праця – роздум і водночас праця – виклик, яка очікує на відповідь і, безумовно, продовження. Вона є напрочуд вдалим зразком застосування сучасної методології, використання багатьох різнопланових історичних джерел в історіографічних дослідженнях. являє собою високоінтелектуальний. якісніш науковий продукт теоретичного і практичного значення у масиві історичних досліджень, що з'являються останнім часом в українському просторі. З огляду на те, що автор оперує великим сучасним категоріальним апаратом, висловимо зауваження, що монографії відчутно бракує термінологічного словника, який би пояснював зміст маловідомих понять та категорій, став орієнтиром в досить складному для сприйняття тексті, розрахованому на колеґ-фахівців. Такий словник дав би змогу розширити читацьку аудиторію даної праці. Рецензована наукова монографія вповні заслуговує, на нашу думку, найвищої оцінки. Нам видається зовсім не випадковим, що авторка в своїй роботі наводить слова видатного німецького фізика Макса Лауе про те, що історію можна досліджувати і писати, послуговуючись різними точками зору при повному збереженні достовірності. Т.М. Попова чудово довела, що вона максимально дотримувалася цієї тези, оскільки ключові питання історіографії подавала в контексті власних роздумів та переконань, надавала свою інтерпретацію процесу її розвитку, посилаючись на великий, введений до наукового використання вперше, надзвичайно цікавіш матеріал – історичні джерела. Можливо, що не все, сказане автором, буде сприйняте її колеґами одночасно схвально, оскільки дана праця по своїй суті новаторська. Однак, ми переконані, що будь-які критичні оцінки та зауваги не вплинуть на загальну високу оцінку роботи дослідниці. Адже монографія – це не тільки нова достойна сторінка в історії Новоросійського університету, а наукова студія, що засвідчує про розвиток історичної науки на теренах України й дозволяє глибше досягнути значення наукового доробку вчених південного регіону в контексті загального розвитку історіографії на світовому рівні. Те, що Т.М. Попова зробила вагомий внесок своєю студією в пріоритеті проблеми історії, теорії та методології історіографії, мають ще оцінити її послідовники.

Можна висловити жаль з того приводу, що український дослідник не представив роботу українською мовою. Адже українська історіографія, збагачена такими працями як монографія Т.М. Попової, могла б відразу увійти до вітчизняної скарбниці історичних знань як історія-екскурс, зразок погляду досвідченого і знаного вченого на здобутки і оцінку історіографічного процесу.

*Дьомін О.Б.,
доктор історичних наук, професор,
професор кафедри всесвітньої історії
Одеського національного університету
імені І.І. Мечникова*

Слідкувати за перебігом її думок дає професійну насолоду: глибина аналізу та різка зміна викладу, застосування нової термінології, до сутності якої іноді потрібно проштовхуватись із великим напруженням, логіка архітекτονіки змісту надають її статтям чи доповідям смак вищого гатунку. Мимоволі й сам прагнеш піднятися до її рівня. Мати такого спеціаліста – бажання будь-якої кафедри <...>

Краєзнавчі публікації та історико-біографічні дослідження, що стали з'являтися із 1988 року, виявились щаблем до основної наукової проблеми, що визначила творчі акценти досвідченого вченого. На початку 1990-х років тільки окремі аспекти теоретичної історіографії опинились в полі зору нечисленних українських історіографів. Т.М. Попова, можна сказати, потужно увірвалась до кола історіографів. Чого коштують її термінологічні пошуки! Тільки один приклад – застосований нею термін інституалізація дисципліни настільки міцно увійшов до мови цураїнських істориків, що вже й геть важко подумати як без нього обходились.

Вінцем досліджень Т.М. Попової стала монографія «Історіографія в особах, проблемах, дисциплінах. Із історії Новоросійського університету», що була опублікована в Одесі в 2007 році. Схвальні рецензії підтвердили і так наочно представлений високий рівень роботи. Конкретно-історичний матеріал у поєднанні із теоретичними узагальненнями дав той сплав, який й визначає авторське фундаментальне вирішення проблеми. Для одеських істориків вона знаменна тим, що авторка вперше подала такий глибокий процес інституалізації окремих дисциплін історичної науки в рамках Новоросійського університету. Але, зважаючи на те, що подібну роботу все ще не зробили науковці інших університетів пострадянського простору, її книга представляє певний взірць і для істориків європейського загалу.

Можна багато говорити про внесок Тетяни Миколаївни в розвиток історичної науки, але це справа майбутніх спеціальних досліджень. Проте безсумнівний її доробок, крім вже вищесказаного, в сфері історичної біографістики та персональної історії, теоретичному осмисленні історіографічного процесу, створенні біціллізнавства як окремого напрямку історичних досліджень тощо...¹

---

¹ См. полный текст: Дьомін О.Б. Відданість науці та історичному факультету // «Записки історичного факультету» 24 випуск: наукове видання / Колектив авторів. Одеса: ОНУ імені І.І. Мечникова, 2013. С. 194-197.

И.С. Гребцова,
доктор исторических наук, профессор.
заведующая кафедрой всемирной истории
факультета истории и философии
Одесского национального университета имени И.И. Мечникова

Биоисториография: традиции и новации в изучении высшего исторического образования в Украине

Попова Т.Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке
 историографических традиций. Теория. Методология. Практика/
 Т.Н. Попова. – Одесса: Бондаренко М. А., 2017. – 455 с.¹

Вышедшая летом 2017 г. монография известного историка Т.Н. Поповой, посвященная проблемам современного научного биоисториописания, стала в определенной мере развитием в новом ракурсе ряда положений, выдвинутых автором в предыдущей книге «Историография в лицах, проблемах и дисциплинах: Из истории Новороссийского университета» (2007). В первом разделе новой работы рассматривается широкий круг вопросов теории, методологии и исследовательской практики биографического жанра. Автор фокусирует внимание на проблеме категориального аппарата современного биографизма. Т.Н. Поповой удалось всесторонне проанализировать социальный статус биографики, биографистики, новой биографической истории, не ограничиваясь при этом лишь рассмотрением существующих на сегодняшний день биографических моделей, а четко сформулировав авторский вариант теории биографистики и биоисториографического анализа.

Работа ориентирована на радикальное обновление исследовательского инструментария биоисториографии. В монографии в исторической ретроспективе рассматривается содержание таких понятий как «биометод», «биоподход», «типы био-анализа», предлагаются разноплановые варианты подбора репрезентативной источниковой базы, согласующиеся со спецификой исследовательских задач и методологических ориентиров биоисториографов. Безусловной заслугой Т.Н. Поповой является разработка и введение в научный оборот авторской биоисториографической модели. Важное место в биографической модели ученого обрели категории предмет / объект, метод / подход, био-факт / био-источник, которые послужили основой предлагаемых автором вариантов подбора источниковой базы исследований.

Биоисториография для автора – классическая составляющая историографии как истории исторической науки. В современных условиях преобладания новых понятий (интеллектуальная биография, персональная исто-

¹ См.: Вісник ОНУ. Серія: Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. 2018. Т. 23, вип. 1. С.201-204.

рия и т. п.), заимствованных преимущественно из западной традиции, Т.Н. Попова ставит вопрос о необходимости ресемантизации утвердившегося в отечественной традиции, но почти забытого в погоне за новой терминологией понятия биоисториография, насыщения его новым содержанием благодаря использованию новаций из междисциплинарного пространства с обязательным сохранением традиционного наследия.

Уровень современной биографистики ученый рассматривает как синтез и результат развития двух научных систем – евроатлантической и восточноевропейской традиций, общим для которых было понимание сложности биографического жанра и поиск путей решения стоящих перед ним задач. Таким образом, одна из главных идей автора – это творческий симбиоз лучшего из прежних традиций с современными новациями. Трудно не согласиться с тезисом Т.Н. Поповой о том, что «формула историографической традиции» должна сегодня приобретать «содержание интеллектуальной стратегии» (с. 7).

В монографии представлен глубокий анализ не только новых идей и методов из области истории и историографии как евроатлантического, так и восточноевропейского научного поля, но также из сферы смежных и близких дисциплин: философии, социологии, литературоведения, истории науки, психологии. «Биоисториография сегодня, – по мнению автора, – открытое пространство для всех плодотворных идей из всех дисциплинарных миров, черпающее инструментарий из традиционного арсенала и инновационного багажа» (с. 134). В целом монография стала полем апробации вводимых автором терминов и понятий.

Работу характеризует логичность и последовательность в изложении основных идей. Материал в книге структурирован по сюжетному принципу и сопровождается многочисленными «ремарками-анонсами», «ремарками-заметками», «resumé», «штрихами», «экскурсами», которые имеют теоретико-методологическое значение и несут определенную смысловую нагрузку, позволяя глубже понять авторскую позицию. Их смысл пронизан научным опытом автора монографии, его способностью к этическому отношению к прошлому, вдумчивому осмыслению теоретико-методологического багажа науки. Работу Т.Н. Поповой можно рассматривать как своего рода энциклопедию современного биоисториописания.

Весьма ценен авторский сюжет об историографии как научной дисциплине (с. 21-25). В небольшом фрагменте представлена принципиальная концепция Т.Н. Поповой – профессионального историографа о содержании этой значимой рефлексивной дисциплины, тенденциях обновления и многочисленных ее образах в современной научной литературе. Ведь рецензируемая монография неразрывно связана с учебной работой ученого. На протяжении многих лет Т.Н. Попова читала общие курсы по историографии, спецкурсы по дисциплинарной истории историографии и биоисториографии («Историография в лицах: проблемы биоисториографических исследований»).

Являясь вполне самостоятельной, теоретическая часть монографии одновременно представляет собой ключ к пониманию конкретно-биоисториографических исследований ученого, составивших содержание второй части книги, главная задача которой – проследить традиции и преемственность в развитии историографии как науки. В данной монографии автор выступает не только как теоретик и методолог, но и практик биоисториописания. В книге Т.Н. Попова формулирует оригинальную мысль о возможностях научного текста, в частности – текста научной биографии, который может наряду с академическим стилем иметь элементы беллетризации, расширяя тем самым читательскую аудиторию.

Вторая часть книги представляет собой авторскую интерпретацию биографий историков-профессоров Новороссийского (Одесского) университета. Теоретические и методологические идеи, рассмотренные в первой части, находят свое отражение в биографических этюдах, каждый из которых является срезом известных на сегодня фактов о жизни и деятельности семи университетских профессоров. Назвав свои биоисториографические исследования «этюдами», Т.Н. Попова тем самым подчеркнула неисчерпаемость жизнеописаний. В методологическом плане биоисториографические работы автора представляют значительный интерес. В теоретической части работы Т.Н. Поповой составлена состоящая из целого ряда позиций развернутая биоисториографическая схема, которой автор придерживается при анализе конкретного материала, периодически расширяя и дополняя ее, чтобы наполнить новыми красками образы своих героев. Обращает на себя внимание репрезентативность и оригинальность источниковой базы, положенной в основу биоисториографических этюдов.

Яркими и многогранными представлены в монографии образы А.Г. Брикнера, П.М. Бицилли, А.И. Маркевича, В.Э. Крусмана, Е.Н. Щепкина, Е.П. Трифильева, А.В. Флоровского. Их творчество, концепции, метод, научное наследие, школы Т.Н. Попова рассматривает в контексте биографической канвы, нередко тяжелых жизненных перипетий, выпавших на долю ученых. Автор четко проясняет свое видение и собственные позиции в каждом конкретном биографическом исследовании. В монографии ученый убедительно доказывает, что практически все преподаватели историко-филологического факультета Новороссийского университета в той или иной мере внесли свой вклад в институционализацию новых ветвей исторического знания, становление новых специальных исторических дисциплин, в разработку методологии и методики исторического исследования. В частности, в работе справедливо отмечено, что А.Г. Брикнер стоял у истоков дисциплинарного оформления двух важнейших рефлексивных дисциплин в российской исторической науке: историографии и источниковедения, а его преемники продолжили работу в этом направлении. Сюжет о П.М. Бицилли историограф скромно назвала «Приближение к Бицилли», хотя уже долгое время плодотворно работает в русле этой проблемы. Неслучайно очерк об этом ученом оказался самым обширным и всесторонним. И все

же, отдавая дань своим предшественникам и тем, кто сегодня продолжает заниматься этой проблемой, Т.Н. Попова вновь и вновь формулирует аспекты, которые в силу ряда причин еще ждут своих исследователей, несмотря на уже имеющийся весомый историографический пласт работ отечественных и зарубежных авторов.

Т.Н. Поповой удалось в небольшом по объему, но насыщенном новой ценной информацией разделе «Дисциплинарное сообщество русистов: кафедральная корпорация» раскрыть проблему становления и развития сообщества преподавателей российской истории в Императорском Новороссийском университете, представить модель анализа такого сообщества на различных институциональных уровнях.

Подводя итог, хочется подчеркнуть, что новая монография «Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика», автором которой является историк и историограф Т.Н. Попова, возвращает нас к проблеме традиций и новаций в историческом образовании Украины, пропагандирует научное творчество, отстаивает приоритет теоретико-методологической основы, на которую может и должна ориентироваться практика ученого. Это исследование в равной мере может быть полезным состоявшимся ученым, молодым преподавателям и студентам, а также всем, кто хочет глубже понять и почувствовать особенности биографического жанра.

А.В. Ясь,
доктор исторических наук,
член-корреспондент Национальной Академии наук Украины

**[Рецензія на кн.:] Попова Т. Дисциплинарный образ науки:
подходы и понятия. Одесса, 2019. 392 с.¹**

Зазвичай ідея дисциплінарності сприймається з очевидним скепсисом, оскільки у світлі нашого часу асоціюється з архаїзмом мислення. Адже інтелектуал доби глобалізму, постмодерну, мультикультурності та показної політкоректності здебільшого розглядає дисциплінарний світ у призмі минулого, себто з позицій незаперечної зверхності.

Натомість у наших писаннях ми часто-густо апелюємо до міждисциплінарних впливів і мутацій, інтердисциплінарних зрощувань і запозичень, субдисциплінарних конфігурацій, які начебто переконливо демонструють новітні тренди, концептуальні пропозиції, дослідницькі стратегії й епістемологічні взірці. Тим паче, що перші десятиліття ХХІ ст. розривають звичні обрії і продукують феєричну та навіть неймовірну палітру пізнавальних можливостей, культурних потреб і суспільних викликів.

Усесвітня мережа, доступність, гнучкість і швидкість оперування величезними масивами інформації, що складно було бодай уявити на початку 2000-х рр., чимдалі більша віртуалізація наукових, культурних та соціальних практик, насиченість і щільність комунікаційних, медійних потоків витворюють оманливе враження всесильності та нібито всеїдності. На цьому тлі начебто розчиняються дисциплінарні й фахові межі, котрі ми з легкістю перетинаємо у запитах до електронних пошукових систем.

Вигадливі, метафоричні, яскраві мовні протоколи наукових дискурсів вільно пересуваються поміж дисциплінарними сегментами та змагаються між собою в пошуках розмаїтих, довершених форм і генерованих смислів. Недаремно сучасний учений перебуває у стані безупинної гонитви за новою інформацією, новітніми інструментами й концептами, креативними засобами самовираження, урешті-решт намагається будь-що вписатися в нестримний і навіть скажений темпоритм нинішнього буття. Ба більше, наша сучасність дедалі частіше нав'язливо виринає у вигляді нескінченного утилітарного списку термінових справ та проектів, який задає прагматичний алгоритм творчості й життя.

Та в якийсь момент нашого віртуального, медійного, цифрового, суцільно синхронізованого часу домінуючі образи академічного світу раптово заступає сонмище несподіваних, а при дальшому наближенні вповні назрілих рефлексій, переоцінок і ревізій. Тож недавня теза про «кінець» ери дисциплінарності, як і гучна ідея «кінця історії» зразка 1990-х рр., піддається обґрунтованим сумнівам. Натомість проступає усвідомлення того, що

¹ См.: Український історичний журнал. 2020. № 1. С. 211–218.

пристінки різноманітних фахових «квартир» і капітальні стіни дисциплінарних «будівель» і досі незримо оточують інтелектуалів, незважаючи на недавню впевненість у «втечі» з цього «полону».

Утім обриси цього навколишнього дисциплінарного світу помітно змінилися, ба навіть стали динамічними та рухливими у вигляді міждисциплінарних стратегій і сполучень на тлі звичних образів дисциплін, представлених на обширах історії науки. Нова книга одеської авторки Тетяни Попової присвячена трансформаціям дисциплінарних ландшафтів науки з перспективи практик, рефлексій і світосприйняття фахової історикині.

У широкому сенсі монографія пропонує самотутнє та різнобічне переосмислення дисциплінарності, котра донедавна вважалася перейденим етапом. Ідеться про своєрідний «дисциплінарний ренесанс» на полі соціогуманітарного знання й навіть нове-старе «дисциплінарне світобачення», котрі хоч-не-хоч циркулюють у наших практиках, стандартах, настановах, уявленнях і текстах (с.5).

Ба більше, Т. Попова обстоює думку про дисциплінарний поворот, який намітився від 2010-х рр., а також аналізує розмаїті чинники, передумови й обставини, котрі причинилися до його розгортання, передусім багатомірні та розмаїті міждисциплінарні впливи соціогуманітарного знання.

На думку авторки, варто вести мову про цілі комплекси чинників, що згенерували формування іншої, принаймні істотно відмінної палітри дисциплінарних історій, які суттєво доповнюють наші недавні уявлення. Ідеться про інтелектуально-наукові (зміна науково-світоглядних платформ, дисциплінарних полів, поширення міждисциплінарних студій), соціокультурні (криза ліберальної ідеї, мультикультурності, домінація ідеалів і норм «суспільства споживання», мозаїчно-фрагментарне мислення й відповідні стратегії поведінки) та геополітичні («гібридні війни», руйнація договірної системи та звичного світоустрою) чинники. Саме розгортання цих факторів породило великі «тектонічні зсуви», котрі чимдалі сильніше руйнують ідею дисциплінарності як цивілізаційного феномена (с.371–373).

Однак представлена монографічна студія – це не тільки книга про «повернення» дисциплінарності, а й про її сучасні обриси, колізії, метаморфози, цехові стереотипи, дослідницькі інструменти, стратегії, дисциплінарність і міждисциплінарність, проблемний та дисциплінарний образи науки, вестернізацію на терезах *pro et contra*, «персональні маршрути» дисциплінарного знання й чимало інших сюжетів. Вони пропонують цікавий, своєрідний, нелінійний погляд на сучасну науку в найширшому розумінні, хоч і з різних ракурсів та масштабів.

Передусім авторка акцентує увагу не на пізнавальному оптимізмі, або, навпаки, песимізмі, а обстоює тезу про гносеологічну стриманість, яка постала навколо нескінчених розшуків епістемологічних ідеалів і методологічних настанов. Адже у строкатій палітрі різноманітних поворотів соціогуманітарного знання нині споглядаємо доволі незвичний рух під гаслом «назад до позитивізму».

Цей феномен пояснюють утомою від постмодернізму у західних академічних світах (с.6–7), а іноді розглядають як чергову стильову мімікрію, властиву нашому часові. У певному сенсі можемо вести мову про артикульовану стратегію, котра стала актуальною й затребуваною за такої пізнавальної ситуації. Адже позитивізм як стильова формація мислення в тому чи іншому вигляді повсякчас циркулював у практиках, текстах, концепціях, себто нікуди не зникав, а радше існував у, так би мовити, «знятому вигляді».

Архітектоніка студії Т. Попової побудована як калейдоскопічна зміна перспектив і контекстів висвітлення. Авторка пов'язує її з відомою комбінацією візій російського історика й етнолога Л. Гумільова – «погляд із мишачої нори», «погляд із пригорку» та «погляд із висоти пташиного лету» (с.8). Така метафорична тріада, покладена в основу композиційної будови книги, видається доволі вдалою, попри неоднозначну рецепцію спадщини Л. Гумільова. Тим більше, коли йдеться про розгляд дисциплінарного світу науки, котрий апріорі генерує розмаїття ракурсів і масштабів.

Композиційний задум одеської дослідниці нагадує багатоманітне, різнобарвне мереживо, зіткане з шарів плетіння різного розміру, щільності й відмінної подоби. Загалом ідеться про п'ять основних текстових шарів: 1) сучасна наука у просторі поворотів; 2) дисципліна та дисциплінарність; 3) категорії й моделі; 4) варіації на різні теми; 5) глосарій і авторський словник дефініцій, а також низку доповнюючих, уточнюючих, вступних, проміжних та прикінцевих нотаток, які акцентують увагу на певних ідеях, або, навпаки, пропонують інші варіації прочитання.

Одним із провідних сюжетів монографії Т. Попової стало представлення конфлікту між декларуванням міждисциплінарних стратегій і позирним «монстром» дисциплінарності, котрий часом уважають атавізмом минулого століття. Та, за версією історикині, не слід розглядати цей конфлікт винятково в одномуірному масштабі чи спрощеному вигляді.

З одного боку, циркулює доволі впливова когнітивна мода, котра нав'язує домінуючу риторику міждисциплінарності, зорієнтовану на потужний резонанс. З іншого – сучасні дискурсивні практики, концептуальні пропозиції та дослідницькі стратегії продукують смисли, надзвичайно тісно пов'язані зі старими і традиційними дисциплінарними стандартами та вимогами (с.10–12). У цьому річищі міждисциплінарні мутації сприймаються з очевидним скепсисом, хоч і не заперечуються повною мірою, зокрема розглядаються як свого роду експериментальні формати творчості.

За візією Т. Попової, саме в полі взаємодії, конфронтації, співбуття дисциплінарного та міждисциплінарного народжується нова система, котру авторка афористично означає як «дисциплінарність у міждисциплінарності» (с.372). У певному розумінні йдеться про взаємодоповнюючі, можливо перехресні форми буття науки, що потенційно намічають інші обриси її конфігурації та функціонування.

Видається, що саме в полі взаємодії дисциплінарного та міждисциплінарного відбувається становлення нових неписаних конвенцій щодо норм,

еталонів, засобів, способів продукування/творення новітнього знання.

У широкому розумінні поступово намічається становлення нових «правил гри» наукової спільноти, котра тією чи іншою мірою прагне включити чи врахувати міждисциплінарні елементи, складові та стратегії в актуальних фахових стандартах і пізнавальних зразках.

Зауважимо, що нинішні метаморфози на ниві міждисциплінарності значною мірою пов'язані з пізнавальною ситуацією «подолання» постмодерністського хаосу, точніше з розмаїтими ревізіями, реконцептуалізаціями та переоцінками багатьох стратегій і пропозицій, зокрема навіть тих, які досі вважалися архаїчними. Не випадково від початку 2000-х рр. лунає дедалі більше застережень стосовно методологічних крайнощів, інструментальних обмежень, епістемологічних лімітів.

Скажімо, один із найвідоміших сучасних дослідників на полі інтелектуальної історії А. Мегілл дотримується думки щодо ряду пізнавальних застережень з обсягу вживання наративних стратегій¹. Вочевидь, ці настрої контрастують із недавнім пізнавальним, а в певному розумінні культурним і суспільним оптимізмом, однак тією чи іншою мірою корелюються з численними ревізіями фронтального ідеалу-дороговказу, відомого як «суспільство знання».

Здавалося б, новітня соціокультурна реальність, котра постала на рубежі XX–XXI ст., кардинально перекроїла ландшафти соціогуманітарного знання. Тим паче, що доба глобалізму вирізняється зовсім іншими засадами конструювання, моделювання та представлення сучасного світу. Адже усвідомлення його всеосяжної інакшості порівняно з попередніми історичними епохами, культурними взірцями, медійними засадами, індустріальними моделями, технократичними алгоритмами, способами трансляції та циркуляції інформації ініціювало зовсім інші стратегії конструювання, масштабування і представлення дійсності.

Початок XXI ст. неодмінно асоціюється з довжелезним, майже нескінченним флером проєкцій і концептуальних пропозицій, які переховуються під єдиною парасолькою у вигляді означення *пост-*. Приміром, постало новітнє маркування сучасності або її конкуруючих варіацій, різних сфер і площин нинішнього буття, відоме як ситуація чи низка взаємопов'язаних ситуацій – постісторії, постмодерну, посткультури, постнауки, постмистецтва, постіндустріального суспільства, навіть постлюдства.

Однак поряд з акцентуванням на інтелектуальній, культурній, ментальній, когнітивній інакшості дедалі більше шириться розуміння того, що недавні постмодерністські стратегії й теорії стали очевидним, а часом безпосереднім вислідом модернізму. Недаремно Т. Попова слушно наголошує на існуванні «модерністських двійників» постмодерністських концепцій, а також згадує про доволі курйозне, проте промовисте визначення нинішнього часу як «постпостмодерну» (с.26–27).

¹ Megill A. Historical Knowledge, Historical Error: A Contemporary Guide to Practice / With contributions by S.Shepard and P.Honenberger. – Chicago; London, 2007. – P.71–73.

Якщо взяти до уваги те, що термін «постмодернізм» побутував на культурних обширах західного світу ще 1914 р.¹, то нинішня «зміна віх» у гій, схожостей, подібностей, принаймні взаємопов'язаностей між пізнавальними, культурними й інтелектуальними візрцями видається вповні природною. У цьому світлі відоме гасло про «сполучення досі несполученого», котре вважають одним із квінтесенцій постмодерністської доби, логічно та природно вписується у знані парадигматичні візрці некласичних або модерністських наукових стратегій, приміром у вигляді відомого зрошування чи перехресшування інтерналізму й екстерналізму в історії, філософії та соціології науки 1960–1980-х рр. (с.29–30).

Серед інших сюжетів тексту Т. Попової – тема поворотів соціогуманітарного знання, котрі по-різному представлено на дисциплінарних мапах. Наприклад, у візіях філософів означаються такі повороти, як онтологічний, лінгвістичний, іконічний, теологічний, перформативний, медіальний, антропологічний, риторичний, наративний, просторовий, постмодерністський, прагматичний, топографічний, змістовно-естетичний, біографічний та ін. Натомість культурологи ведуть мову про інтерпретативний, перформативний, рефлексивний, постколоніальний, просторовий, іконічний/пикторіальний, перекладацький та інші повороти. Історики вирізняють антропологічний, культурний, лінгвістичний, візуальний, прагматичний, соціоісторичний, когнітивний, епістемологічний, історичний, парадигматичний, естетичний, матеріальний, емоційний, перформативний, кліометричний (цифровий), критичний, комунікативний, методологічний, дитячий, аксіологічний, наративний повороти й т. п. (с.54–57).

Якщо до цієї палітри долучити, принаймні лише перерахувати відомі пропозиції щодо трансформацій дисциплінарного знання на полі соціологів, економістів, політологів, антропологів, етнологів, філологів, то ризикуємо збільшити потенційний перелік поворотів до сотні, а може й більше. Власне, навіть наведений вище «реєстр» поворотів, укладений авторкою, хоч-не-хоч примушує замислитися як щодо масштабів, так і продуктивності міждисциплінарних студій.

Схоже, що метаморфози соціогуманітарного знання й досі розгортаються та сприймаються здебільшого з фахових і дисциплінарних перспектив. Не випадково в коментарях до варіативних потрактувань метафори «поворот» одеська історикиня характеризує нестримний вир нинішніх поворотів з очевидним соціокультурним підтекстом як «безумство недовтіленості» за часів «невловимої реальності» (с.89).

Звісно, на сторінках книги Т. Попової порушуються, розгортаються та переосмислюються в певному сенсі «вічні» ідеї і проблеми науки академічної доби, як-от визначення дисципліни, дисциплінарні контури, інституціоналізація й дисциплінарність, наукова спільнота та дисципліна, дисциплінарні, інституціональні моделі тощо.

¹ Савельєва И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. – Т.2: Образы прошлого. – Санкт-Петербург, 2006. – С.226 (прим.90).

Зазначимо, що навіть усталені образи і звичні уявлення щодо дисциплінарної конфігурації науки вражають своєю варіативністю, версійністю й навіть очевидною полярністю. Скажімо, у різноманітних класифікаціях наукових дисциплін на рубежі XX–XXI ст. подаються контраверсійні відомості про їх загальну кількість від 1,5 до 10–15 тис. (с.113).

Примітна риса викладу Т. Попової – його варіативність і плюралістичність, які кидають світло на традиційні проблеми з відмінних площин та масштабів. Наприклад, з одного боку, авторка розглядає дисциплінарну систему як «форму потенційно нескінченного дроблення знання» (с.144). З іншого – вона вважає, що дисциплінарність є «аксіоматичним фактором організації сучасної науки, який зберігає свій потенціальний ресурс» (с.149).

Ще одним цікавим сюжетом студії Т. Попової стало змагання чи конфронтація дисциплінарного і проблемного образів науки. Його західні відголоски побутували ще на присмерку радянської доби, проте повною мірою розгорнулися на пострадянському просторі від 1990-х рр. На думку дослідниці, дисциплінарний і проблемний образи репрезентують два типи організації науково-дослідної роботи, котрі пропонують не альтернативні, а взаємодоповнюючі способи функціонування науки як нерозривної цілості (с.155).

Отже Т. Попова обстоює тезу про аналіз проблемно-дисциплінарної структури наукових досліджень, який дозволяє виявити наукові напрями, школи, дисциплінарні комплекси, «розриви» дисциплінарного поля, а також укласти своєрідну «картографію» дисциплін тощо (с.158).

Продукують уяву та численні асоціації потрактування наукової дисципліни, запропоновані в монографії Т. Попової. Приміром, авторка розглядає дисципліну як «трансдисциплінарне явище» з рухливими контурами на національно-державному та регіональному рівнях. Водночас дослідниця висуває оригінальну ідею «персонального маршруту» кожної дисципліни як багатофакторного процесу, котрий доцільно розглядати й конструювати в різних системах координат (с.372). Це означення мимоволі нав'язує аналогію між історією певної дисципліни та конкретною життєвою/персональною історією особистості.

За великим рахунком, така мозаїчність, версійність дозволяє сприймати провідну проблематику праці Т. Попової в руслі динамічної, перепадистої, хвилеподібної палітри знання з притаманними їй суперечностями, включеннями, структурами мислення. Причому останні можуть позиціонуватися як рудиментарні залишки й, водночас, розглядатися як дієві та адекватні інструменти для нової реконцептуалізації. Узагалі рефлексії, спостереження, нотатки, ремінісценції одеської історикині пропонують насичений, мінливий виклад, в якому стримана академічна манера заступається експресивними коментарями й заувагами, згодом замінюється аналітичним розглядом із проміжними узагальненнями або кінцевим резюме.

Студія Т. Попової пропонує низку цікавих сюжетів з обсягу біографістики, історіографії, біблілізнавства (студіювання творчої спадщини

історика та культуролога П. Біціллі), котрі перегукуються, а здебільшого переосмислюють і збагачують її попередні дослідницькі практики й тексти¹. У межах провідної проблематики авторка запропонувала своєрідні «персональні маршрути» біографістики, історіографії та біціллізнавства у світлі історіографічного дисциплінарна історія потребує розробки не тільки процесу інституціоналізації/дисциплінаризації, а й осягнення кінцевої форми – здобутого статусу (с.253).

Таким чином, «персоналізовані» історії різних галузей знання демонструють як «працюють» різні авторські моделі. Наприклад, розглядаючи «персональний маршрут» біографістики Т. Попова оперує такими різними дефініціями-означеннями, як біографіка, біографознавство, нова біографіка, історична біографіка, біографізм, зокрема розглядає терени їх уживання та генеровані смисли. Більше того, авторка повсякчас пропонує власні прочитання й осмислення різних дефініцій. Скажімо, вона означає біографіям як «наукове біоісторієписання» та «міждисциплінарну систему багатформатного біографічного знання, систему біографічних наукових досліджень у горизонтальних (просторових) і вертикальних (часових) координатах, соціокогнітивну систему, вписану до певного соціокультурного ландшафту» (с.264–265).

Примітною рисою викладу Т. Попової є саморефлексивність, яка виявилася не тільки у витонченій композиції книги, а й упорядкуванні, систематизації та диференціації смислів, які продукують терміни, уживані у праці. Навіть більше, авторка уклала словник, що дозволяє розглянути й оцінити її дослідницький інструментарій. У цьому тезаурусі споглядаємо доволі різноманітний ряд дефініцій, котрі придатні до конструювання цілісної палітри наукового знання, як-от «концепт», «концепція», «концептуальне поле», «концептуальна модель», «концептуальна схема», «наукове поняття», «напрямок», «парадигма» у широкому та вузькому сенсах, «поліпарадигматичність», «парадигматичний зсув», «предметне поле», «проблемне поле», «проблемна ситуація», «підхід», «підхід методологічний як поворот», «термін», «теорія», «дисципліна наукова», «дисциплінарність», «дисциплінаризація», «субдисципліна», «субдисциплінарний конгломерат» (с.366–368).

Отож книга Т. Попової продукує розмаїті та варіативні думки, спостереження й асоціації щодо розгортання, потенційних сценаріїв пізнавальних ситуацій як в українській науці, так і поза нею. У певному розумінні вони бентежать кожного інтелектуала, заангажованого науковими практиками у царині соціогуманітаристики.

Вочевидь, інтелектуальні настрої та культурні почування, висвітлені авторкою, постали в річищі «подолання» чи переосмислення постмодерну, а також під впливом новітнього переформатування глобалістичного світу останніх років. Водночас в епіцентрі уваги Т.Попової опинилися соціокогнітивні метаморфози знання впродовж 2010-х рр., котрі намітили та окреслили як новітні тренди й тенденції, так і виклики й загрози.

¹ Див.: *Попова Т.Н.* Житнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. – Одесса, 2017. – 456 с.

Імовірні сценарії ближчого академічного майбуття виглядають неоднозначно. Чи наступили вже часи гносеологічної стриманості та пізнавальної виваженості? Чи, навпаки, гуманістичні й суспільствознавчі дисципліни нині перебувають на порозі новітніх потрясінь, скажімо чергової надпотужної й руйнівної кризи?

Якщо взяти до уваги швидкоплинні впливи та масштаби сучасних соціокультурних трансформацій, то можливий горизонт очікувань постає вкрай різнобарвним, динамічним і містить дуже різні потенційні версії майбутнього, котрі, звісно, не зводяться до двох ідеальних сценаріїв. Тому можемо стати свідками й учасниками таких шоккових ситуацій і негаданих поворотів знання, які сьогодні годі навіть уявити.

На нашу суб'єктивну думку, найважливіші висліди нової книги Т.Попової багатовимірні й розмаїті, котрі складно звести до кількох основних тез або ідей. Тим паче, що кожен читач на сторінках праці, що продукує неоднорідну, багат шарову палітру смислів, віднайде власний діапазон закріплених ідей, сюжетів, концептів і проблем.

Передусім, цікаві роздуми генерує порушена одеською дослідницею проблематика міждисциплінарності. Українська історіографія поволі, проте все ж таки наблизилася до тієї межі, за якою міждисциплінарність уже не постає у вигляді однобічної спрощеної дилеми – інтелектуальна мода чи методологічна панацея. Перехресчування, зрощування, взаємопроникнення, перетікання, запозичення й адаптація дослідницьких стратегій, інструментарію, пізнавальних взірців, мовних протоколів породжують не рутинні застереження щодо доцільності та коректності їх застосування, а питання про те, як саме та наскільки добре вони «працюють» в іншій предметній області чи дисциплінарній сфері.

Утім монографія Т. Попової пропонує сприймати міждисциплінарність як органічний, іманентний сегмент сучасного дисциплінарного поля та неодмінну частину багатоманітних ландшафтів знання. Мабуть, без такого розуміння навряд чи можна осмислити горизонт пізнавальних стандартів і настанов, які циркулюють у дослідницьких практиках та стратегіях. Видається, що сучасна наука впритул наближається до часу, коли міждисциплінарні орієнтири стануть важливими складовими неписаних конвенцій щодо продукування новітнього соціогуманітарного знання.

Урешті книга Т.Попової свідчить, що представникам нашого фахового цеху варто не тільки долучатися до обговорення глобальних пізнавальних проблем і викликів, а й формулювати, висувати та обстоювати власні пропозиції, візії, концепції, передусім на ниві міждисциплінарних підходів, стратегій і практик. Гадаємо, що позиція цехової відстороненості чи показної індиферентності у цих питаннях апіорі програшна для сучасного історика.

С.И. Посохов,
доктор исторических наук,
заслуженный профессор
Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина,
член-корреспондент Всеукраинской академии исторических наук,
Заслуженный работник образования Украины.

Благодарность судьбе
(о книге: Попова Т.Н. Авто-био-историографические заметки.
Одесса: Бондаренко М. А., 2020. – 396 с.)¹

Книга, о которой пойдет речь, принадлежит перу профессора Одесского национального университета имени И. И. Мечникова Татьяны Николаевны Поповой. С автором этой книги я познакомился в 1995 г., когда она приехала в наш город для участия в знаковой для украинской историографии конференции «Українська історична наука на порозі ХХІ ст.». С тех пор мы встречались много раз в Харькове и Одессе. Я получал и получаю истинное удовольствие от общения с этой эрудированной, умной, красивой женщиной. Во многом благодаря ее мнениям, сомнениям, советам происходило мое становление как историографа. Я очень благодарен Татьяне Николаевне за это.

Вообще, на мой (и не только мой) взгляд, есть много общего между Харьковом и Одессой. Среди прочего, это связано с наличием в наших городах замечательных университетов с невыдуманной историей. К сожалению, сегодня немало высших учебных заведений лишь номинально имеют статус университета, а их история беспардонно и цинично «удревняется» с целью получить преимущества на рынке «образовательных услуг».

Но когда мы говорим «невыдуманная история», значит ли это, что имеются в виду лишь факты, подтвержденные документами, т.е. отсутствие каких-либо оценочных суждений? Вовсе нет. История университетов – это история преподавателей и студентов, история открытий и изобретений, идейных споров и конфликтов, это история университетской культуры. Такую историю не понять, если мы не сосредоточим внимание на конкретных людях и их судьбах, если не попытаемся разобраться в их отношениях между собой, если не задумаемся об их системе ценностей...

Вполне понятно, что такого рода сюжеты мы не найдем в официальных отчетах и программах, это то, что сохраняется в университетской памяти и передается следующим поколениям как культурный капитал. Вот почему так ценны воспоминания, биографические очерки и заметки об университетской жизни, позволяющие понять внутренний мир университетского человека.

---

¹ См.: Университеты. Научно-популярный журнал. 2020. № 2. С. 80-81.

В данном случае автор ведет повествование о людях, которые преподавали и учились на историческом факультете с 1960-х годов. Конечно, здесь много автобиографического, но эту книгу нельзя считать «только мемуарами». Здесь много размышлений, ремарок, комментариев. В книге много ссылок на работы авторов, которые изучали жизнь и творчество упомянутых в тексте лиц или поделились своими воспоминаниями о них.

Т.Н. Попова – блестящий историограф, ее позицию всегда отличали взвешенный подход, стремление всесторонне оценить историографическую ситуацию, отсутствие категоричности в выводах, высокая теоретическая нагруженность текстов. Но в данном случае хочется отметить и другое. Будучи теоретиком, разрабатывающим проблемы коммуникации в науке и историографической рефлексии, Татьяна Николаевна и в своих «авто-био-графических» очерках показала сетевые связи, охарактеризовала одесское сообщество историков в динамике, выявила и пояснила «ролевой набор» отдельных лиц. То есть, по сути, применила свои теоретические разработки для конкретно-историографического анализа.

Но мне бы не хотелось, чтобы читатель подумал, что эта книга – сухой научный текст. Изложение весьма изящно, порой даже несколько витиевато. На страницах книги много иронии (и самоиронии), немало намеков и преднамеренных умолчаний, т.е. всего того, что делает чтение увлекательным. Я не знал многих из упомянутых в книге лиц, но, благодаря яркости описания внешности, манер, эти люди для меня теперь не являются «посторонними». Мне захотелось посмотреть на их фотографии (к слову, книга содержит иллюстрации). Безусловно, история университетов – это порой история сложных отношений неординарных личностей. Как-то один знакомый мне сказал, что по определению в университете не может быть «простых людей» (имея в виду их интеллектуальный уровень). Соответственно, и накал страстей бывает нешуточный. Автор затрагивает и такие «истории», прежде всего те, которые повлияли на ее судьбу. Но что симптоматично: Татьяна Николаевна не устает благодарить своих учителей, учеников, друзей и даже недоброжелателей... На одной из страниц есть удивительный рассказ о розе, которая цвела в кабинете декана (куда ее вызывали на «проработку»), и она выражает свою благодарность «Розе», с которой мысленно разговаривала в эти сложные минуты. Автор видит в недостатках продолжение достоинств и, наоборот, воспринимает выпавшие на ее долю испытания как бесценный опыт («сформировалась в противостоянии»).

Не склонна Татьяна Николаевна и к негативным оценкам советского прошлого. Это объясняется отнюдь не ностальгическими настроениями. Речь идет о культурной жизни, круге общения, уровне окружавших ее людей. Благодаря этому история факультета (университета) обретает целостность. Как известно, разрывы в памяти, конфликт поколений особенно губительны для университетов, ибо они разрушают традицию, без которой университеты немыслимы.

Завершая обзор книги, отмечу, что она была издана благодаря поддержке выпускников одесского истфака, как и ряд предыдущих монографий этого автора. Согласитесь, это говорит о многом. Печально видеть, когда бывшие выпускники забывают дорогу в свою *alma mater*. В этом случае, очевидно, либо они когда-то «ошиблись дверью», либо что-то не так было в университете, раз не стал он для них своим. Но, опять же, университет – не стены, а люди. Значит, не было тех, кто бы их вдохновил, наставил, согрел своим теплом. Татьяна Николаевна всей своей деятельностью свидетельствует, что университетский дух не исчез, что университеты продолжают выполнять свою миссию.

И.В. Голубович,
доктор философских наук, профессор,
заведующая кафедрой философии
факультета истории и философии
Одесского национального университета имени И.И. Мечникова

Калейдоскоп образов на фоне эпох

Попова Т.Н. Авто-био-историографические заметки.
Одесса, изд. Бондаренко, 2020¹

Изысканный подарок сделала одесситам и всем своим читателем известный историк, профессор Одесского национального университета имени И.И. Мечникова Татьяна Николаевна Попова. Для меня и для многих-многих моих однокашников она – один из самых любимых истфаковских учителей, навсегда определивших наш путь не только в науке, но и в жизни. Мы учились у Татьяны Николаевны глубине, строгости, взыскательности мышления, преданности науке, избранному в нелегких поисках направлению – историографии, и одновременно таланту подружить музу Клио с музами других наук, разбежавшихся было по своим дисциплинарным квартиркам. Всем этим дышит ее новая книга. В обязательной для любого издания аннотации говорится, что издание «относится к разновидности мемуарной литературы: автор контурно представила свой профессиональный путь, предложила собственное восприятие образов своих учителей, наставников и коллег – профессоров и преподавателей одесского истфака 1960-2000-х годов, акцентировала внимание на их личностной, научно-педагогической деятельности, особенностях исторического образования в разные эпохи; отдельный раздел – поэтические посвящения; в приложениях – биобиблиография и фотогалерея; материалы этого издания отражают историю исторической науки и исторического образования сквозь призму индивидуального подхода <...> Книга рассчитана в первую очередь на историков, сопричастных своей альма-матер – Одесскому (Новороссийскому) университету имени И.И. Мечникова, а также на всех, кто интересуется историей исторической науки и историей университетского образования». А в предисловии, названном «Штрихи предваряющие»², уточняется жанр книги: не канонические мемуары, а «калейдоскоп образов», образов людей,

¹ См.: «Дерибасовская – Ришельевская». Альманах. Одесса, 2021. № 1 (84). С.372-375.

² Татьяна Николаевна Попова очень творчески и новаторски подходит к архитектонике своих книг: названия глав, отступлений, примечаний, экскурсов, приложений всегда глубоко методологически продуманы и всегда очень индивидуальны (например режимы письма: ремарка-анонс, ремарка-экскурс, ремарка-тезис, ремарка-штрих, акцент, абрис и т. д.). Не отступает она от этого правила и в новой книге, за яркими названиями, «штрихи предваряющие», «штрихи заключающие», «индивидуальный маршрут: контур», – ядро авторской концепции и почти математический строгий расчет.

ситуаций, встреч, «которые способствовали именно такой конфигурации всяких перипетий, которыми был насыщен мой путь».

И поскольку современная междисциплинарная гуманитаристика, служению которой посвятила себя автор и главная героиня «Автобио-историографических заметок», легитимировала «право на интертекстуальность», открытый взаимный диалог и со-присутствие текстов, автора и читателя, позволю себе дополнить жанровую специфику книги метафорой «магический кристалл», поводы для которой дает самый магический, таинственный, нездешний, вневременной фрагмент книги – «Астрологические оды». Его сама Татьяна Николаевна оценила как попытки в шутиливой форме, учитывая гороскоп юбиляра, создать образ близкого человека (с. 166-182). Одна из од посвящена профессору исторического факультета Михаилу Ефимовичу Раковскому. И она прекрасно дополняет совсем не юбилейный портрет одного из самых неоднозначных представителей истфаковского истеблишмента той поры. Отчетливо понимая, что созданный ею в установке «любовного созерцания» (М. Бахтин) портрет с подзаголовком «Человек на все времена» вызовет резкую критику многих истфаковцев, автор сохраняет верность одному из главных своих учителей, не сглаживая противоречий его многогранной натуры. И эта верность учителям, верность «атмосфере той прежней жизни, отнюдь не такой однозначной, какой ее пытаются изобразить» (с. 7), – один из глубочайших нравственных уроков «Авто-био-историографических заметок». Это высокий модус верности, трезвой, ясной (той ясностью, которая обретается глазами, омытыми слезами), обогащенной доскональным знанием макро- и микрофизики исторической ткани, живущей в «большом времени» смыслов, активно сопротивляющейся скороспелым сиюминутным приговорам. Верность своим учителям и одновременно верность ремеслу и призванию историка. «Историк должен читать всё, поскольку всё является историческими памятниками своего времени – в этом я убеждена безоговорочно!» (с. 121). Чеканное на все времена дополнение авто-биографического сюжета-квеста: «В годы «перестройки» – на рубеже 1980-1990-х гг. – времени, когда можно уже было говорить все, я часто приносила на занятия по историографии литературу, которая ранее была «под запретом». В частности, как-то я принесла и «Краткий курс», спрятав обложку, чтобы студенты не видели, что это за книга, и выборочно зачитала им...» (с. 122). Что было дальше? Читайте книгу!

Мои «штрихи заключающие»¹, которыми я резко обрываю свою затянувшуюся мини-рецензию, возвращаются к исходному пункту – теме «калейдоскопа образов». Раздел «Индивидуальный маршрут: контур» – автобиографические заметки, благодарные (о родителях, учителях, друзьях) и горестные, силуэты персонажей, поворотных встреч с людьми и книгами,

¹ Конечно же, я не могла не воспользоваться ярким наименованием заключения книги. Должна признаться, что уже не в первый раз использую в своих публикациях не только гипнотизирующие идеи Татьяны Николаевны, но и названия ее рубрик, гипнотический эффект которых не менее силен.

ведет нас к главному пункту назначения – история и одесский истфак. В разделе «По следам минувшего: фрагменты» читатель, особенно заинтересованный читатель-истфаковец, найдет яркие, провоцирующие портреты Ирины Владимировны Завьяловой («Среди миров...»), Анатолия Диомидовича Бачинского («...и в сердце, и в памяти...»), Заиры Валентиновны Першиной («Эта роза, эта роза, эта роза...», «Женщина высокой пробы»), Владимира Николаевича Станко («Буря и натиск»), Анны Михайловны Шабановой, Виктора Николаевича Немченко, Анатолия Захаровича Ярового, Наталии Ивановны Калюжко. Рядом с астрологическими одами, как в калейдоскопе, сразу серьезнейший раздел биобиблиографии, а также штрихи к «портрету» той междисциплинарной гуманитарной области, объединившей ученых многих стран и не состоявшейся бы без активного майевтического «родовспоможения» Татьяны Николаевны. Речь идет о «бициллиеведении», многогранном коллективном исследовании жизни, творчества, научного наследия в современных контекстах одного из самых выдающихся представителей символической корпорации одесского истфака, не знающей временных границ, Петра Михайловича Бицилли (1879, Одесса – 1953, София). В данном случае, как во многих других «интеллектуальных маршрутах» Т.Н. Поповой, это не беспристрастное исследование, а «возвращение имени», возвращение из-под запрета советских времен и постоянное напоминание о своем герое в наше страдающее мгновенной амнезией и катастрофической утратой исторического сознания время.

Замечательно, а иначе просто и не могло быть, что Татьяна Николаевна рассматривает новые сетевые форматы общения не как повод для ностальгирующего раздражения, а как активный ресурс. Можно без сильного преувеличения сказать, что представляемая книга – во многом «эффект Фейсбука», впервые обретенного автором лишь в 2019 году, но уже активно освоенного. Ведь впервые полемические «Потреты» богинь и богов (именно в такой последовательности) одесского истфака советской и перестроечной поры были представлены именно в Фейсбуке, вызвав живое и драматически разворачивающееся обсуждение. Свое приглашение к заинтересованному чтению не могу не завершить приглашением к разговору от самой Татьяны Николаевны (с. 185): «Осознавая калейдоскопичность своего опуса, я все-таки надеюсь на последователей... <...> Новые воспоминания, обобщенные с уже вышедшими прекрасными изданиями универсантов (всех причастных к универу), помогут сохранить наш истфак как вечный куматок. Пока мы есть, будет и наш истфак!».

Евгений Голубовский,
*журналист, писатель, культуролог
 редактор газеты «Всемирные одесские новости»,
 заместитель редактора альманаха «Дерибасовская-Ришельевская»,
 вице-президент Всемирного клуба одесситов,
 Кавалер ордена Григория Маразли I, II, III ст.*

**Т.Н. Попова. Петр Михайлович Бицилли.
 Портрет в манере «сфумато».
 Одесса, изд. Бондаренко М.А., 2021¹**

Не буду объяснять, что такое манера sfumato. Это раз навсегда определил Леонардо да Винчи. Правда, из монографии Татьяны Николаевны Поповой я узнал, что и Юрий Лотман толковал о манере sfumato в объяснении того, как нужно работать над историческим портретом.

А эта монография в 550 страниц и есть портрет великого ученого Петра Бицилли (1879-1953), вначале профессора Новороссийского, а потом Софийского университета. Почти полвека изучает Татьяна Попова как печатные, так и рукописные труды Бицилли. Это уже не первая ее книга в осмыслении феномена вклада ученого в науку. По сути, Т.Н. Попова стояла у истоков того, что сегодня с гордостью называют «бицилловедением», но продолжает ставить вопросы, нащупывать пути их осмысления.

Самый страшный грех многих наших монографий – их скучность. Вот уж чего нет в книге Поповой. Это диалог с читателем, это заинтересованный разговор, когда автору интересно то, что она находит, а поэтому это интересно читателю. Я бы сказал, что это литература.

Пока я лишь в начале пути освоения этой книги. Но уверен: она будет интересна не только профессиональным историкам, но всем тем, кого интересует жизнь одесской интеллигенции на сломе эпох.

---

¹ См.: Голубовский Евгений. Книжный развал. Издано в Одессе. [Обзор] Т.Н. Попова. Петр Михайлович Бицилли. Портрет в манере «сфумато». Одесса, изд. Бондаренко М.А., 2021 // Дерибасовская-Ришельевская. Альманах. 2021. № 86. С.375.

В.И. Косик,
*доктор исторических наук,
 ведущий научный сотрудник
 Отдела истории славянских народов
 Юго-Восточной Европы в Новое время
 Института славяноведения Российской Академии наук*

[Рецензия на:] **Попова Т.Н. ПЕТР МИХАЙЛОВИЧ БИЦИЛЛИ
 ПОРТРЕТ В МАНЕРЕ «СФУМАТО». –
 ОДЕССА: БОНДАРЕНКО М.А. – 2021.¹**

Попова Татьяна Николаевна – профессор, кандидат исторических наук. Долгие годы преподавала на историческом факультета Одесского (Новороссийского) национального университета имени И.И. Мечникова. Автор свыше 250 публикаций в различных научных изданиях Украины, Болгарии, России. Основные направления исследований: дисциплинарная история историографии, биоисториография и региональная историография (история Новороссийского университета в портретах ученых-историков), бициллиеведение. Проблематике бициллиеведения посвящено более 70-ти публикаций («бициллиана»)². Рецензируемая книга удостоена диплома престижного в Одессе книжного фестиваля «Зеленая волна»³.

Мне везет: это уже вторая рецензия о Бицилли. Первая была связана с трудом М.А. Бирмана⁴. Книги разные по многим отличиям.

Уже в самом названии для непосвященного читателя слово «сфумато» ассоциировалось с чем-то таинственным, для меня даже японским. Помогла исследовательница. Не погружаясь в тонкости этого литературоведческого термина, отмечу, что он отмечен анализом судеб разных людей, действовавших в разное время, в различных обстоятельствах, связанных в истории и в жизни с именем, родом, профессией с жизнью Бицилли. Сама исследовательница пишет, что для нее «сфумато» означает «метафору, смысл которой неуловимость, непостижимость, неисчерпаемость биографического проникновения в тайны личности»

Полагаю целесообразным привести здесь с небольшим сокращением содержание этого замечательного по анализу и сложности труда. Итак: Бициллиеведение: имена и смыслы; Бициллиана: историографический контур;

¹ См.: Русистика без границ. Международный научный журнал. София, 2021. № 3. С.75-80

² Гентшке В.Л. Исследователи Русского зарубежья: биобиблиографический словарь = The Researchers of Russian Diaspora: Biobibliographical Reference Book. Выпуск 2 / В.Л. Гентшке, И.В. Сабенникова, А.С. Ловцов. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. – С.295–296.

³ См.: <https://greenwave-bookfest.com/festival-news/pidsumky-konkursu-odesa-naknyzhkovyih-storinkah/>

⁴ Косик В.И. Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество // Славяноведение. – 2019. – No 2. – С. 111–114.

Фрагменты персональной истории: семейный круг, из одесского периода, поиск пути, академическая карьера, надежды и реалии, исход, «хождение по мукам», из югославского периода, из болгарского периода; Наследие: грани. Есть приложения: Генеалогия Бицилли, Вейнбергов, избранная библиография, авторская бициллиана, литература об авторе.

И далее следует: ее книга лишь «авторская попытка осмыслить некоторые теоретические и историографические вопросы нового научного поля и акцентировать внимание на мозаичном персонологическом материале с целью определения источниковых лакун. В связи с этим архитекторика представлена не в виде последовательно хронологической канвы, воплощающей обычно традиционный подход — «жизнь и творчество», а в проблемно-фрагментарных разделах, не равноценных ни по объему, ни по фактуальным источниковым основаниям. Биография, воссозданная в виде фрагментов, во многом следствие ограниченности информационного поля, отсутствия на сегодняшний день достаточно полной и достоверной исследовательской базы, сомнений в эвристической уже известных источников, дискуссионности целого ряда сформулированных в литературе концептуальных положений, консервации известного пакета штампов, кочующих из публикации в публикацию.

Мозаично-фрагментарный био-подход предполагает рассматривать каждый из фрагментов как определенную грань, в той или иной степени освещающую неисчерпаемый многогранник личности П.М. Бицилли, его жизни и наследия. Проблемный ракурс представляемого материала акцентуализирует спорные фактажные сведения.

Добавлю, что автор в сам текст включает под разными названиями «ремарки», уточняющие, поясняющие, расширяющие информацию о людях, сюжетах, проблемах.

При этом автор замечает, что большинство материалов было опубликовано ранее. Но это самокритичное заявление отнюдь не умаляет ценности ее незаурядного, оригинального труда. Кстати, в книге использован и прием «кружевного плетения», позволяющего рассмотреть то или иное явление, факт, мысль в различных контекстах для более полного проникновения в суть происходившего. Для верности своего ключа Т.Н. Попова обращается к самому герою, который активно использовал этот прием только дополняющий те или иные сюжетные построения.

Все это умно и значимо. Может быть, только несколько затрудняет чтение обилие терминологии, например, институционализация, параметрический образ науки, социокогнитивный подход, когнитивная институализация, когнитивно-парадигмальные основы, социальная институализация, механизм интериоризации, когерентность, таксон, дисциплинарная матрица, «перманентное состояние амбивалентности». В общем, «поэма терминологии», можно выпренне сказать..

Свое место органичное уделено собственно бицилливедению, его периодизации, обусловленной, прежде всего, историографической ситуацией

в ее различных измерениях, в глобальном, национальном и темпоральном полях, вплоть до сетевого подхода, которому посвящено много места. Здесь отдается должное исследованиям, прежде всего, связанных с именами М.А. Бирмана, Т. Галчевой.

Соответственно в книге приводятся сведения о периодах бициллиеведческого процесса, публикациях Бицилли. Первый, связанный с его публикациями – с 1913 до 1953 г.

Второй период. 1953 г. – конец 1980-х гг. Это время, как подчеркивается, характеризовалось постепенным увеличением интереса к личности и трудам ученого.

В 1965 г. имя П.М. Бицилли вошло в официальное библиографическое издание по истории исторической науки. В то же время годом позже он, эмигрант, получил «клеймо» представителя «реакционно-мистического направления» в историографии, а его книга «Элементы средневековой культуры» как «выступление воинствующей реакции».

Третий период. Конец 1980-х – 1990-е гг. Он проходил под знаком своеобразного ренессанса бициллиеведческой тематики в Болгарии, России, Украине.

Четвертый период: 2000-е годы. Он может быть охарактеризован выходом обобщающих трудов, например, выход в 2004 г. в Софии книги «Българската съдба на проф. П.М. Бицилли». Автор называет обязательное имя М.А. Бирмана с его замечательной монографией «П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество».

Пятый период: с конца второго десятилетия 2000-х годов, по мнению автора, известен расширением количеством исследователей-бициллиеведов, соответственно, новыми трудами, проведением встреч ученых на международном уровне.

Этот феномен, обусловлен рядом факторов: здесь и дискуссионность трактовок его творчества, «блуждающего во времени», и современность взглядов Бицилли, в том числе на русско-украинский вопрос, даже возможность для ученого погрузиться в самый сложный мир образов, идей, фактов мнимых и настоящих, и попробовать себя в «свободном плавании» мысли, поиска, фантазии...

Возвращаясь, к тексту, надо подчеркнуть его акрибию, т. е. дотошность проводимого поиска. Примеров множество. Назову один, связанный с генеалогией и семейной историей Бицилли, в роду которого «мелькает» множество лиц и положений, и позволяющий в очередной раз убедиться в богатстве истории государства Российского, и не только...

Свое внимание в разноплановом исследовании автор уделил и традиционному феномену наставничества, где личность Бицилли преломляется через историю Одесского периода его жизни, связанной и с Новороссийским университетом и с работавшими там профессорами. Разумеется, дан необходимый фон информации об эмигрантских «днях» ученого, трудившегося, бывало, ради «куса хлеба».

Поставив перед собой труднейшую проблему высветить личность Бицилли и его время, ее историю, автор весьма неординарно решал, и весьма удачно, творчески, все, что волновало ум Бицилли.

Исследование Татьяны Николаевны Поповой позволяет расширить, взглянуть по новому на мир Бицилли, в котором не было места остановке: одна «станция» сменяла другую: медиевистика, культурология, история, филология, причем сопряженных между собой «Человеком». Именно «Человек» был главным объектом мысли Бицилли. И к «влияниям» человека на человека, по утверждению Бицилли, сводится вся историческая жизнь. Отсюда, пишет автор, ее внимание и к тем людям, связанным с Бицилли через встречи, переписку, само отношение к проблематике, интересовавшей ученого. Множество имен людей искусства, рассыпанных в книге, живших и до Бицилли, вплоть до современников, позволяет автору свидетельствовать о яркости жизни, богатстве идей, незавершенности поиска...

Труд Татьяны Николаевны интересно читать, но очень сложно рецензировать, вследствие обилия мыслей, рассуждений, тем. В свое время меня заинтересовало евразийство: читал тексты их лидеров, писал, изумлялся. на умных людей, у которых на первом месте было «слово», причем у каждого свое. В книге Татьяны Николаевны есть тому подтверждение: у Бицилли было свое «верование», отличное от мыслей лидеров этого учения. Соглашаясь во многом с ними, поддерживая «идею федерации евразийских земель и евразийских народностей. Бицилли, в то же время, как прекрасно показано в книге был категорически против «утверждения о необходимости единственной партии <...> носительнице абсолютно истинной, православно-догматической идеологии».

В исследованиях Бицилли интересно все, что и стремилась высветить Татьяна Николаевна, сюда входит и сюжет-полотно, связанное с переходом литературоведа Бицилли к филологической проблематике. И здесь опять само время представляет собою важнейший фактор отхода от медиевистики. А именно, отсутствие соответствующей литературы на провинциальных славянских Балканах в сочетании с давним интересом Петра Михайловича к этой области научного знания. Сама Татьяна Николаевна пишет, что в литературном творчестве Бицилли видел «дух времени». Причем, сами «художественные тексты как явления духовной жизни представляли для него «истинный предмет исторической науки». Здесь можно и поспорить. Возможно, в наследии Петра Михайловича многих привлекает красота мысли, не шаблонное отражение пройденного.

Из многочисленных и разнообразных трудов П.М. Бицилли, освещаемых в книге, остановлюсь на одном, а именно, на учебнике по всеобщей истории, изданном на сербском языке. Причину его написания, Бицилли в юмористическом тоне описывал «единственно из любопытства и в целях приобрести себе брюки». Автор прав совершенно, когда пишет, что действительная причина лежала в стремлении добиться известности в эмиграции, живя вдали от «парижей». Здесь проглядывает и сама нищета, присут-

ствовавшая в различных слоях русского беженства. Хотя не все так просто. Позднее, подчеркивает автор, Бицилли, уже будучи преподавателем в Софийском университете, получал средства для научных командировок за границу.

Такая «всеобщность», вернее, «разноцветность», характерна для Бицилли. Это подтверждается и освещаемой в книге «эпистолярной хроникой», или по простому – письмами ученого, например, к Ивану Бунину, Клавдии Флоровской, в комментариях к последним изложена «история» преследований органами ГПУ, т. е. политического сыска, «социально-чуждых» элементов.

Не обошла своим вниманием автор и университетский период жизни Бицилли от зачисления в штат до увольнения. Т.Н. Попова не преминула отметить, что за время своего там преподавания Бицилли прочел 95 курсов. Для нынешней профессуры это звучит фантастически. Особенно когда речь идет о всеобщей истории. Труды Бицилли на ниве просвещения (монографии, статьи, преподавательская работа») были отмечены двумя болгарскими орденами. Из монографий назову самую сложную, по словам самого Бицилли, посвященную по истории русской литературы. Отзывы появились различные: от уничижительного у В.Ф. Ходасевича до – как «элитный литературоведческий проект». Так и оставшийся не востребуемым, добавляет автор.

Но тут же повторяю, вслед за автором, что в болгарских изданиях Бицилли представлен как «ученый-эпоха».

И поэтому, мне несколько непонятно, почему Болгария названа в тексте «чужой землей»?

Что еще? Бицилли у автора – это портрет живого человека, талант которого позволял ему делать самые «неподходящие» высказывания. Чего стоит одно только такие пассажи, как «роман выше монографии», что «вся история литературы как и прочих искусств, может быть разрабатываема как история бесконечных и непрерывных “плагиатов”, хотя термин этот в подавляющем большинстве случаев совершенно неуместен и дает ложное понятие о положении дела». Вторая часть предложения могла бы быть оспорена, если бы сам Бицилли тут же останавливает внимание на проблеме «влияний» или «родимых пятен», поиск которых необходим для выяснения источников.

Бицилли-историк не мог обойти своим вниманием такой жанр, как биографизм, весьма сложный, даже иллюзорный в чем-то, не позволяющий ставить *dixi*. Соответственно, биоисториография, вбирающая в себя множество самых различных компонентов, скажем, узнавания человека в истории, позволила автору дать весьма интересную картину этого «явления» в науке истории, ее биографии.

Безусловно, я уже писал здесь, что Татьяна Николаевна стремилась в своем исследовании дать протрет живого человека, что ей удалось. И не только книги, труды дом, семья, политика, коллеги, проблемы... но и не-

которые черты психологии «человека – эпохи». Здесь у него было место и для депрессии, пессимизма, и в то же время его можно характеризовать как человека открытого, обладающего чувством юмора, бывало и насмешливого и нелюдимого... И стремился помочь своим коллегам, оказавшимся в трудной ситуации, пишет Татьяна Николаевна Попова.

Трудно, но я рискну, дать свое определение этой талантливо написанной книге: это история об истории и ее авторах, история жизни и творчества Петра Михайловича Бицилли. Эпитетов много... пионер в разработке новых методов, обладатель собственного стиля, энциклопедист, исследователь, талантливо соединяющий в своих трудах различные темы и сюжеты... Все это и обусловило появление множества трудов, связанных с его именем. С его мыслями, не теряющими своей современности. Упомяну здесь еще раз украинско-русский вопрос, в котором, полагал Бицилли, русские и украинцы могут «сговориться друг с другом».

И напоследок максима Татьяны Николаевны Поповой: «...В исторической науке могут быть только два знака препинания: вопрос и многоточие. После всего, что я написала – ставлю многоточие... Проверьте, уточните, поправляйте, исправляйте, пополняйте – п р о д о л ж а й т е!»

Совершенно согласен. Это аксиома. Это бесконечный процесс узнавания Ч Е Л О В Е К А...

*Дьомін О.Б.,
доктор історичних наук, професор,
професор кафедри всесвітньої історії
Одеського національного університету
імені І.І. Мечникова*

[Рец.:] Попова Т.Н. Петр Михайлович Бицилли:
портрет в манере «сфумато» / Татьяна Николаевна Попова.
– Одесса: Бондаренко М.А., 2021. – 560 с. – Библиогр.: с. 529 – 546.¹

Тетяна Миколаївна Попова відомий одеський історик, багато років викладала на кафедрі історії Росії, а потім на кафедрі історії нового та новітнього часу Одеського національного університету імені І.І. Мечникова, авторка півдесятка окремих монографій, десятків статей.

Авторка працює над цією проблематикою вже декілька десятиліть, вклала свої знання в роботи своїх аспірантів, але життя повело її учнів в інший напрямок. Отож Т.М. Поповой нічого не залишалось як завершити розпочате. Відчувається, що написана книжка на одному диханні, що не випадково, бо йому передували статті, доповіді, розділи в інших монографіях.

Нова монографія Т.М. Попова уже зовні справляє враження своєю фундаментальністю. Така ж вона і в середині, тобто безпосередньо у текстовому вигляді. Та не в цьому її вагомість. Про цю книгу потрібно або писати, або не писати. Писати необхідно, бо це Явище не тільки для одеської історичної науки, але й для європейської і світової історичної науки. Не писати тому, що вона настільки складний літературний текст, який вимагає заглиблення в різні наукові сфери і площини, що осилити їх важко. До того ж, повне рецензування вимагає декількох десятків сторінок і декілька місяців роботи. Перебувати в таких лещатах важко, але й не сказати нічого ще важче. Отож, коротенька рецензія буде лише спробою підійти до серйозного аналізу усього тексту.

Ще одна складність розгляду монографії полягає у відкритості автора. Відкриваючи книжку, ми відкриваємо двері до творчої майстерні історика, який дозволяє сторонній особі понишпорити буквально у всіх закутках кімнати, оглянути творчій інструментарій автора, приєднатись до потаємного процесу написання твору.

Можна зразу сказати, що авторка порушує усі класичні засади побудови структурного та змістового простору наукового дослідження. Де читач бачив у науковому дослідженні «екскурси, ремарки, коментарі-post, версії (гіпотетична, фантастична)» як виділений окремий текст (потрібно зазначити, що авторка не вперше застосовує ці прийоми). Відчуйте переливи смаку в ремарці-штриху (тривіальній), ремарці передвступній, ремарці-справці,

¹ Профессор О.Б. Демин был удостоен I-й премии на конкурсе читательских рецензий на лучшие научные и художественные издания 2020-2021 гг., организованным и проведенным Одесской национальной научной библиотекой.

ремарці-сумніву, ремарці-екскурсі, ремарці-думці, ремарці-питанню, ремарці-info. Отож це заставляє з напругою слідкувати за конструюванням авторської думки.

А вона багата, складна і різностороння. Не для того, щоб залякати читача, а для розуміння контексту книжки, відмітимо, насамперед, прагнення авторки і показати, і аргументувати процес вибудови персональної історії П.М. Біціллі на базі світового історіографічного доробку. З цієї з причини авторка зосередила свою увагу на чотирьох блоках питань біціліани: генеалогія і сімейна історія, наставники і школа, еволюція структури наукових досліджень, теоретико-методологічне кредо П.М. Біціллі.

В кожному із цих розділів Т.М. Поповій вдалося сказати своє, дати свій, особливий погляд на непересічну особистість історика першої половини ХХ століття. Заслугує на уважне вивчення теза про албанське коріння роду Біціллі. Не менш цікаві глибокі пошуки і розробки генеалогічного дерева самого П.М. Біціллі. Якраз і вони, і саме дерево вказують на одеськість вченого, одесита в шостому поколінні. Про інше повинні сказати читачі.

Авторка закінчує основний текст побажанням «Провіряйте, уточнюйте, поправляйте, виправляйте, доповнюйте, продовжуйте!». Але щоб здійснити це, як я вже писав, потрібен час. Лише деякі думки. Хотілось би, щоб був представлений екскурс (!!) в релігійний світ П.М. Біціллі, без пізнання якого важко казати про «сфумато» російського одеського і болгарського софійського історика.

А ще поряд чи над ним знаходиться оповита невідомістю фігура богослова, професора імператорського Новоросійського університету Олександра Михайловича Клітіна. Наявні матеріали поки що можуть гіпотетично говорити про його вплив на вибір італійської тематики П.М. Біціллі.

Але це лише спроба піти по шляху, на який запрошує Т.М. Попова. Перший, спонтанний і емоційний висновок зводиться до трьох моментів.

По-перше, появою монографії відбулось остаточне повернення видатного європейського історика Петра Михайловича Біціллі додому, до Одеси.

По-друге, видання монографії Тетяни Миколаївни Попової повертає Одесу до європейської історіографії.

І в третє, в Одесі повинні вийти праці самого П.М. Біціллі.

И.В. Голубович,
*доктор философских наук, профессор,
 заведующая кафедрой философии
 факультета истории и философии
 Одесского национального университета имени И.И. Мечникова*

Творче «п'ятикнижжя» одеської дослідниці

Справжнє творче акме переживає в останні роки відомий український історіограф і методолог, професор Одеського національного університету Тетяна Миколаївна Попова. З 2007 року по 2021 рік нею написано і видано п'ять книг, які викликали значний резонанс серед дослідників, що представляють не лише історичну науку, а й більш широке міждисциплінарне коло гуманітаристики.

Всі книги взаємопов'язані між собою за багатьма ознаками: по тематиці (основними напрямками дослідження автора є дисциплінарна історія історіографії, біоісторіографія і регіональна історіографія, біциллієзнавство); по стержневому остову (історіографія як історія історичної науки); по стилістиці (авторська неповторна манера письма, мозаїчно-фрагментний підхід до конструювання тексту; концептуально навантажені епіграфи, ремарки, екскурси, біо-етюди, абрисы, штрихи тощо); за принципом повтору – смислового, композиційного, структурного – як визначальної характеристики структури тексту. Сміслову єдність всьому «п'ятикнижжю» надає також вірність історика-методолога особливо шанованим нею мислителям. Це, перш за все, Акутагава Рюноске, Мішель Фуко, Іммануїл Валлерстайн, Рендалл Коллінз, П'єр Нора, Ян Парандовський, Ерік Соловйов, Петр Біциллі. Останнього – історика, теоретика-методолога історичної науки, культуролога, видатного представника професорсько-викладацької корпорації Імператорського Новоросійського (Одеського) університету, Т.М. Попова, яка гідно продовжує традиції цієї славетної корпорації, виділяє пріоритетно. Біциллі-«екскурси» та його ідея повторів допомогли вченої з'єднати теоретичний та історико-історіографічний матеріал у всіх книгах.

Перша книга «Історіографія в особах, проблемах, дисциплінах: 3 історії Новоросійського університету» (Одеса, 2007) була написана до 75-річчя історичного факультету Одеського національного університету імені І.І. Мечникова, студенткою, аспіранткою, викладачем, професором якого Т.М. Попова була з 1966 по 2015 рр. Цю книгу сама авторка вважає базовою: в ній сконцентрована вся вихідна дослідницька проблематика і основна джерельна база, в першу чергу, архівна. В книзі сформульовано авторський підхід до розуміння історіографічної науки в дисциплінарному, регіональному та персональному вимірах.

Друга монографія – «Життєпис вченого-історика на перехресті історіографічних традицій» (Одеса, 2017) присвячена теоретико-методологічним проблемам біографістики в цілому і біоісторіографії – складової ча-

стини історіографічної науки. Цій матеріал доповнюється біо-етюдами професорів Новоросійського університету (О.Г. Брікнер, О.І. Маркевич, Є.М. Щепкин, Є.П. Тріфільєв, В.Е. Крусман, А.В. Флоровський, П.М. Біцилли). В книзі також є просопографічний портрет кафедральної корпорації русистів в університеті: подібний сюжет (хоча і в лапідарному викладі) вперше представлений в українській історіографії.

Особливо корисним для кожного дослідника, так чи інакше залученого в поле біографістики і біоісторіописання, є авторська біографічна модель-«запитальник» (як презентує її сама авторка). яка орієнтована на пошук біоінформації для аналізу життя і творчості вчених-істориків в системі дореволюційних університетів. Але ж я наполягаю на тому, що даний варіант біоісторіографічної моделі з урахуванням можливих трансформацій відповідно до тієї чи іншої дисциплінарної програми може стати вихідною і нормативною для будь-якого дослідження в області інтелектуальної біографії. Більш того, вона може стати регулятивом для створення біомоделей-запитальників в будь-якій іншій сфері біографістики. Біоісторіографічна мікрофізика та інтелектуально-біографічна «дрібна пластика» цієї моделі (категоріальний профіль, онтологічні категорії, гносеологічні категорії, стиль мислення, історіографічний стиль, наукове кредо, категоріальний стиль та ін.) в даному випадку не є дробленням та фрагментацією життєпису, а, навпаки, способом набуття широкого смислового горизонту, вектору «від біографії до Долі».

Третя монографія – «Дисциплінарний образ науки: підходи і поняття» (Одеса, 2019.) – сфокусована на проблемах дисциплінаризації і інституціалізації наукового знання. Т.М. Попова стала одним з перших дослідників в Україні, які поставили проблему дисциплінарного повороту в науці. Цьому передувало звернення автора до проблем дисциплінарної історії історіографії. Нова дослідницька проблематика була тісно пов'язана з навчальною роботою: протягом багатьох років Т.М. Попова читала бакалаврам спецкурс «Історія історичної науки (дисциплінарна історія)». Проблема дисциплінарності почала розроблятися автором в той час, коли багатьма вченими дисциплінарна організація науки була визнана анахронізмом. Незважаючи на «моду в історіографії», Т.М. Попова продовжувала свою лінію досліджень, сформулювавши власний образ науки – проблемно-дисциплінарний, структура якого включає два взаємопов'язаних інституційних пласта: проблемну організацію науки (так званий «передній край науки – проблемне орієнтовані дослідження») і дисциплінарну організацію науки, складові якої - наукова і навчальна дисципліни.

Однією з найважливіших для сучасної філософії та гуманітаристики є проблематика «поворотів» – фундаментальних парадигмальних, методологічних зсувів в інтелектуальному та культурному полі (полях). Фіксується розмаїття різних «turn», формується дискурс/дискурси «поворотів». Ця складна та іноді заплутана і строката тематика отримує ґрунтовну рецепцію в монографії з точки зору взаємозв'язку «поворот – дисципліна». Особли-

вістю підходу дослідниці до «поворотів» є погляд на них з позиції історика, а не «чистого» теоретика, вона намагається перетворити дискусії високого рівня абстракції в смисловий горизонт та інструментарій саме історичної науки, в складову «ремесла історика».

У розділі «Варіації на тему» запропоновано авторську інтерпретацію процесів дисциплінаризації трьох областей гуманітаристики: біографістики, історіографії та біциллієзнавства; автором проаналізовано специфіку «дисциплінарного руху» цих областей знання і підсумковий формат – науковий статус кожної з них на сьогоднішній день. Акцентування проблем дисциплінарної науки в роботах багатьох зарубіжних та українських вчених (О.А. Удод, О.В. Ясь та ін.) свідчить про вірність обраного Т.М. Поповою напрямку.

Четверта книга «Авто-біо-історіографічні нотатки» (Одеса, 2020) – не монографічна, вона є різновидом мемуарної літератури і присвячена історичному факультету ОНУ імені І.І. Мечникова). Назви розділів, відступів, приміток, екскурсів, додатків завжди глибоко методологічно продумані і дуже індивідуальні (наприклад, режими письма: ремарка-анонс, ремарка-екскурс, ремарка-теза, ремарка-штрих, акцент, абрис тощо). За яскравими назвами «нотаток» – «штрихи передуючі», «штрихи підсумовуючі», «індивідуальний маршрут: контур» тощо – ядро авторської концепції і майже математичний строгий розрахунок. Вірність вчителям – один з найглибших моральних уроків, які пропонує авторка. Це високий модус вірності, тверезої, ясної, збагаченої досконалим знанням макро- і мікрофізики історичної тканини. Тетяна Миколаївна живе в «великому часі» смислів, активно чинить опір скоростиглим миттєвим вирокам.

П'ята книга – монографія «Петро Михайлович Біциллі: портрет в манері "сфумато"» (Одеса, 2021) – це власна авторська версія персональної історії вченого і його спадщини. Фокус авторської інтерпретації – історіографічний, таким чином, дослідниця знову зберігає вірність і своєму головному «парадигмальному» герою – П.М. Біциллі і історіографічній настанові. Авторка творчо розвиває ідеї Ю.М. Лотмана: для неї «сфумато» – не лише манера, це – принцип архітектоніки та ідейного задуму, згущення значущих в смисловому відношенні повторів, який і утворює дослідницьке «сфумато».

Наважуся на не-оптимістичну тезу: зараз ми перебуваємо в ситуації «потрійного» забуття П.М. Біциллі, який багато в чому виявився некомфортним для спрощених і ідеологізованих історичних наративів, що формуються в сучасній Україні і часто претендують на монополію. Але ж це не дивно для Петра Михайловича: він завжди був «некомфортним» для занадто ідеологізованих версій філософії історії: достатньо згадати драматичну історію його взаємин з євразійцями та євразійськими ідеологами. Тому, вважаю вихід нової книги про видатного вченого через майже 30 років після його символічного повернення і на фоні доволі розлогої міждисциплінарної біцилліани, справжнім науковим та етичним вчинком, якій відповідає «категоричному імперативу», обраному авторкою.

Усі книги, що складають творче «п'ятикнижжя» Тетяни Миколаївни Попової, викликали значний резонанс серед науковців України та за її межами. Вкажемо зараз лише на вітчизняних її співрозмовників, які відгукнулися змістовними рецензіями: М. Дмитрієнко, Л. Буряк, Я. Калакура, В. Онопрієнко, Л. Таран, О. Ясь (Київ); Є. Голубовський, І. Гребцова, Г. Гребенник, О. Губарь, О. Дьомін, Є. Стрельцов (Одеса); Ю. Кісельова, В. Пікалов, С. Посохов (Харків) та ін.; серед них – історики, юристи, наукознавці, письменники. Часто це не лише відгуки на конкретну книгу та її зміст, а справжній діалог високого теоретичного рівня, розмова, яка ведеться «за гамбурзьким рахунком» щодо глобальних пізнавальних проблем і викликів історичної науки та міждисциплінарної гуманітаристики.

Представлений корпус праць суттєво збагатив інтелектуальний ландшафт вітчизняної історичної науки та міждисциплінарної гуманітаристики. Сподіваємось на нові творчі задуми відомого одеського історика.

Наукове видання

Попова Тетяна Миколаївна

**ІСТОРІОГРАФІЯ
БІОІСТОРІОПИСАННЯ
БІЦІЛЛІЄЗНАВСТВО**

Теорія

Методологія

Практика

(російською мовою)

Худ. оформлення:

Ідея – *Т.М. Попова*

Дизайн та комп'ютерне верстання – *О.В. Бевзюк*

Здано у виробництво 21.11.2021 р. Підписано до друку 04.02.2022 р.

Формат 70×100/16. Папір офсетний. Гарнітура TimesNewRoman.

Друк офсетний. Ум. друк. арк. 38,35. Наклад 300 прим.

Зам. № 1207/3.

Надруковано у друкарні «Апрель»

ФОП Бондаренко М. О.

65045, м. Одеса, вул. В. Арнаутська, 60

тел.: +38 0482 35 79 76

www.aprel.od.ua

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до державного реєстру видавців ДК № 4684 від 13.02.2014 р.

